

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

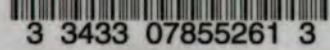
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855261 3

XBCA

Digitized by Google

В. М. С.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ
НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть тридцать шестая.

ЗА 1830 ГОДЪ

LIBRARY OF CONGRESS

DUPPLICATE

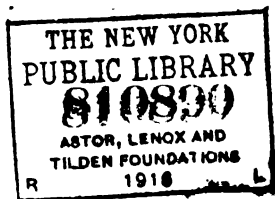
EXTRAORDINARY

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Медико-Хирургической Академіи.

1831.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ іпѣмъ, чпюбы по оппечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Января 28 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

ИЗДАНИЕ
ВЪ
МОСКВѢ

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ
ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА (*).

Ferendum ac sperandum.

Эрипиѳъ.

Прошли времена, и они уже далеки отъ насъ, когда человѣкъ управлялся съ себѣ подобными, и съ природою, физическими только силами. Тѣ изъ людей, которыхъ судьба окружила обстоятельствомъ, благопріятствующими скорому раскрытію душевныхъ свойствъ, прежде

(*) Съ особенною благодарностію помѣщаемъ сіе прекрасное сочиненіе И. М. Яспребцова, украшавшаго уже нѣсколько разъ Телеграфъ своими спашьями. Хотя мы и не согласны въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ Авторомъ, но отдаемъ полную и совершенную справедливостъ основнымъ мыслямъ, и вообще новымъ идеямъ позпеннаго Автора. Желаемъ, чтобы отцы семействъ и наставники обратили на спашью Г-на Яспребцова особенное вниманіе: она вполне сего достойна. *Изд. Тел.*

Ноябрь 1830.

1

прочихъ почувствовали недоспаѣточность однихъ физическихъ силъ, и надобность въ другихъ: умственныхъ; они начали просвѣщаться. Не зная философскаго вывода, что верховная сила людей, одна истинно человѣческая, есть разумъ, и что орудіе разума есть просвѣщеніе, они дѣйствовали такъ, какъ будто постигли сію опвлеченность: такъ ужъ инстинкты человѣческой. Другіе люди спали подражая имъ, или поступали сами собою подобнымъ образомъ, и образованіе перешло отъ частныхъ лицъ къ обществамъ; съ теченіемъ времени произошли просвѣщенные народы.

Но просвѣщеніе, по свойству своему, совершается трудно и медленно. Его успѣхи слабы и почти ничтожны, если люди занимающія имъ по одинакѣ, безъ взаимнаго вспомоществованія; сіи успѣхи тогда только становятся значительны, когда цѣлыя массы народа начинаютъ единодушно для него трудиться. И такъ первые шаги народной образованности всегда малы, хотя и растутъ попомъ какъ-бы геометрической прогрессіею, до извѣстной степени, соопвѣстственной уму и характеру народному. Сколько препятствій, вѣшнихъ и внутреннихъ, просвѣщеніе должно побѣдить, прежде нежели совершенно укоренится! Даже съ полнымъ его укорененіемъ въ народъ, не всѣ прекращающія его опасности: несчастные при-

нѣры доказывающъ , что уже распространившееся и усилившееся въ вѣкошорыхъ націяхъ просвѣщеніе , снова оцашъ погнбало ; или по крайней нѣрѣ на долго оспанавливалось и уменьшалось , опѣ враждебныхъ ему препащствій. Въ Средніе вѣки вся Европа оирачалась невѣжесивомъ , и пошеряла почти самое воспоминаіе о прежнемъ своемъ образованіи. По спранный судьбѣ , варварство тогда , въ шеченіи своемъ приняло по-же направленіе , какое имѣло , въ древнѣйшіи времена , просвѣщеніе , съ Воспока на Западъ.

Исторія человѣческава показываешъ , что между дикимъ и просвѣщеннымъ состояніемъ людей была продолжительная борьба , и происходила съ переменными успѣхами. Во время сей борьбы являлась господствующешо физическая , шо умственная сила ; наконецъ , сія послѣдняя рѣшительно одержала верхъ надъ первою. Борьба между просвѣщеніемъ и невѣжесивомъ , которую шеперѣ видимъ , не шолько въ Азін или Африкѣ , но и въ самой Европѣ , еспъ уже частная , а не общая ; общая кончилась. Умственное оираченіе Среднихъ вѣковъ было послѣднимъ , спраннымъ усиліемъ , живошнаго , шакъ сказашъ , человека. Теперь невозможно бояться возвращенія подобной эпохи , ибо человекъ умственный сдѣлался слишкомъ силенъ.

Слѣшю окончить общее воззрѣніе на ходъ

ума человеческого, не имѣя наитрзнія писать исторической диссершаци. И пакъ, безъ дальнѣйшаго раскрышя, ограничусь словами, что сила просвѣщеня въ послѣднѣе вѣки, въ послѣдней вѣкѣ особенно, сдѣлала великіе успѣхи, и дала необыкновенное дошолѣ движеніе всему свѣту, въ отношеніи понятій и нравовъ. Сіи успѣхи безпрестанно возрастають какъ-бы геометрическою, какъ мы выше сказали, прогрессією. По мѣрѣ ихъ возрастанія, животный человекъ вышѣсняется опвсюду умовеннымъ, и принужденъ спрадась въ свою очередь. Слѣдовательно, кто нынѣ не радишь о своемъ просвѣщеніи, пошь не радишь о своемъ благосостояніи. Дѣйствительно, вліяніе просвѣщеня сдѣлалось сполько сильнымъ, что по волѣ или по неволѣ должно ему покориться. Кто ему сопротивляешся, пошь идетъ прошивъ общвенныхъ своихъ выгодъ, самъ себѣ ищетъ наказанія. Какую жизнь можешь обѣщашъ себѣ не обучившійся ничему? Если онъ родился бѣднымъ, что чѣмъ, и какія, достанешъ онъ средства для поддержанія своего существованія? Онъ долженъ исполнять самыя грубыя и тяжелыя работы, и со вѣмъ шѣмъ вести самую скудную жизнь. Въ прибыльныхъ должностяхъ, обучившійся вездѣ перебѣетъ у него дорогу. И пакъ надобно ему будетъ рѣшиться на одно изъ двухъ; или учитьсѣ, или перитьсѣ; и надоб-

но рѣшишься скорѣе, ибо не всякій возрастъ способенъ къ наукамъ, и пошера нѣкоторыхъ годовъ можешь невозвратно погубишь благосостояніе всей остальной жизни. Если-же онъ родился богатымъ, то, безъ наукъ, долженъ опознаться опъ весьма многихъ удовольствій, которыми можешь пользоваться только человекъ образованный. Передъ просвѣщенными людьми, онъ безпрестанно будешь чувствованію свою ничтожность, или будешь даваешь ему ее чувствованію, и опъ оскорбительнаго, заслуженнаго впрочемъ, униженія не спасушь его никакія богатства. И шакъ онъ долженъ или убѣждаешь просвѣщенныхъ людей и довольствовашься кругомъ такихъ-же, какъ и онъ самъ, или образовашь себя. Конечно, богатые невѣжды находятъ свои, грубыя удовольствія; но и сіи удовольствія, по необходимости, сшановяшья шѣмъ затруднительнѣе для нихъ, чѣмъ образованнѣе дѣлается общество, и усиливающееся просвѣщеніе безпрестанно сшѣсняешь болѣе и болѣе кругъ ихъ благоденствія.

Но шакое дѣло челоука, и шакое его непредусмотрительность, что многіе до сихъ поръ не бояшья оставашья въ невѣжествѣ. Физическую, натуральную, силу свою чувствуютъ всякой, знаешь, что она ему безпрестанно нужна, и достаешь безъ прудъ; а ученіе шребуешь работы, сначала весьма тяжелой, и

польза его не вдругъ ошущительна : этого довольно для нѣкошорыхъ , чтобы предасться природной своей лѣноспи и не забошиться объ обезпеченіи своей будущности. Примѣръ дѣдовъ и прадѣдовъ , кошорые прожили вѣкъ свой , не изнурия себя , какъ говориться , науками , служить новымъ поводомъ къ поддержанію грубаго *statu quo* своихъ предковъ. Но размыслили-ли хорошо не-любили новаго просвѣщенія , что времена переѣнились , что нынѣ не лѣзя уже бышь такъ малознающимъ , какъ прежде , что если предки могли обходиться безъ грамоши , то шеперь прудно обходиться безъ наукъ. Все-му свой вѣкъ. Гошпеншопу и шеперь еще нѣшь надобности въ шипографіяхъ : для него довольно имѣшь кусокъ кожи для корошкаго своего фартука , и ружье , или по крайней мѣрѣ спръ-лу , чтобы убишь своего непріятеля : но придетъ , можешъ бышь , время , что и ихъ пошомки начнушь печашать книги. Негры западной Аѣрики , въ продолженіе цѣлыхъ шмьчелѣшій , ошавались , и шеперь оспающся въ полудикомъ сосшояніи ; а поколѣніе ихъ , переселенное въ Америку , имѣешъ уже своихъ сочишпелей. « Но мы » скажушь нѣкошорые съ негодованіемъ , » не Аѣриканскіе дикари ; насъ не должно сравнивашъ съ Неграми или Гошпеншопами ! » Я и не сравниваю. Съ радоспію признаю въ моихъ соотечешвенникахъ рвеніе къ про-

свѣщенію и успѣхи въ немъ. Но всѣ-ли имѣють сіе благородное рвеніе? вездѣ-ли сіи успѣхи идушь равными шагами, и все-ли имъ благопрі-
яшствуешь? Конечно нѣтъ. Не смотря на мудрыя шѣры Правительсшва, копорыми оно ищешь
упрочишь во всѣхъ отношеніяхъ наше просвѣ-
щеніе, мы остаемся еще далеко назади ошъ
многихъ Европейцевъ со спороны образованія,
и, что еще хуже, не слишкомъ печалимся объ
этомъ. Конечно Россія не давно еще вступила
въ Европейскую систему, и въ это короткое
время своего обновленія сдѣлала много успѣ-
ховъ въ наукахъ, искусствахъ, и перемѣнѣ пра-
вовъ и обычаевъ: слѣдовательно не лзя обви-
няшь народъ Русскій въ неспособности. При-
дешь время, что цивилизаціею своею онъ зай-
мешь нѣчто, сообразное своей обширности и
физической силѣ; но сіе время еще не пришло.
Что скрывать! Просвѣщеніе еще очень мало
распространилось въ массѣ народа, между шѣми
какъ въ Сѣверной Америкѣ, въ Англій, Шот-
ландіи Швейцаріи, маленькіе городки и мѣ-
стечки, имѣють свои общественыя бібліоте-
ки посредствомъ Book-society, Société de lec-
ture (*), даже между рабочими классами наро-

(*) Book-society, книжное общество, есть собраніе
большаго или меньшаго числа людей, копорые общи-
ми вкладами получаютъ возможность покупаць для

да; у насъ и Губернскіе города не имѣютъ книжныхъ лавокъ, безъ сомнѣнія пошому, что шамъ слишкомъ мало покупателей книгъ (*). Предметы роскоши, удобства жизни, столько же рѣдки, какъ и библіотеки. Кто (не знаешь, какъ въ городахъ нашихъ, вромѣ столицъ, трудно доставашъ себѣ, особенно въ надлежащемъ или скоромъ времени, хорошія вещи? «Хорошія вещи, предметы роскоши!» скажутъ шарянные люди: «вопъ чего нынѣ пребуютъ: книгъ и предметовъ роскоши!» Да, повноряемъ, книгъ и предметовъ роскоши, сосставляющихъ удобства жизни, удобства, безъ которыхъ Европеецъ жилъ-бы на подобіе дикаго Африканца. Никто не сомнѣвается, что ограниченность желаній, довольствованіе малымъ, есть правило филосоіи, и высокой филосоіи; но между сею филосоіею и нищетою: ошъ непросвѣщенія, разниа велика. Кто жертвуетъ непопорочными, безвинными, чувственными или умственными, наслажденіями для того, чтобы имѣть большую

себя лучшія книги и періодическія сочиненія. Легко понять, какъ это средство сильно для распространенія просвѣщенія въ народѣ.

(*) Въ *Сверномъ Муравѣ* извѣщаются о предположеніи Г-на Министра Внутреннихъ дѣлъ, завести публичныя библіотеки во всѣхъ губернскихъ городахъ Россійской Имперіи. Пріятное извѣстіе.

удобность дѣйствовать высшими душевными качествами, пошъ конечно поступающъ хорошо, и достоинъ великаго уваженія : но, кто не стараешься доставить себѣ полезныхъ или приличныхъ удобностей жизни, пошому что достававль ихъ, и даже пользоваться ими, нельзя безъ трудовъ и наукъ ; кто живешъ въ физической, умственной и нравственной, такъ сказать, неопытности ; довольствуешься самыми грубыми вещами и шѣснымъ кругомъ понятій : шомъ унижаешъ въ себѣ достоинство человѣческое. Если бываешъ нищета почтенная, то ешъ и презрѣнная нищета ; эшо шва, копорая происходить ошъ произвольнаго невѣжества : она ведетъ къ варварству ; убиваешъ часть души человѣческой, умъ ; хотя не составляетъ она порока, но часто послѣдствіями своими хуже самыхъ гнусныхъ пороковъ, производит и питая предразсудки всякаго рода. Убійца лишаешъ жизни одного человѣка ; но предразсудокъ губитъ многихъ. Браминское шребованіе самовольнаго сжиганія овдовѣвшихъ женщинъ на кострѣ умершихъ мужей, отвращеніе черни ошъ прививанія оспы, и другіе подобные предразсудки, несравненно гибельнѣе разбойничьяго ножа. Часшо предразсудки, кажушіеся даже малозначущими, бываюшъ причиною неизъяснимаго зла, если не величиною производимаго индивидуально вреда, шо массою всѣхъ ху-

дыхъ своихъ слѣдствій. Одно изъ пагубныхъ слѣдствій произвольнаго невѣжества или варварства, есть произвольное невѣжество. Не рѣдко, напримѣръ, дѣти осмѣются по неволѣ неучами, потому что отецъ ихъ не любилъ наукъ. Какую худую будущность приготавливаютъ родители своимъ дѣтямъ нерадѣниемъ о ихъ просвѣщеніи, и какой подвергаются отвѣтственности передъ совѣстью! Если худое нравственное воспитаніе дѣлается источникомъ великихъ несчастій, то худое умственное воспитаніе бываетъ также причиною многихъ бѣдствій. Это законъ природы: ибо не должно забывать, что просвѣщеніе не есть чтонибудь условное, изобрѣшенное: оно основано на сущности души; человекъ одаренъ волею и умомъ; воля назначена для нравственности, умъ для просвѣщенія, такъ-же какъ глаза для зрѣнія, или руки для работы. Не исполняясь сихъ назначеній, есть сопротивляться природѣ, которая никогда не оставляетъ сопротивленія ея волѣ безъ наказанія. Худая нравственность не рѣдко избѣгаетъ наказанія въ здѣшней жизни; ей определено оно въ будущей: но худая образованность всегда наказывается въ здѣшней. И иначе быть не можетъ; ибо что есть просвѣщеніе? Приобрѣщеніе средствъ извлекать наибольшую пользу изъ всего того, чѣмъ природа окружила человека. Кто имѣетъ

много просвѣщенія, шопѣ имѣешь и много средствъ своего благосостоянія, и напрошивъ. Природа предложила челоѣку безчисленныя наслажденія, но съ условіемъ, чшобъ онъ самъ ихъ пріобрѣталъ. Ананасъ можетъ расти въ сѣверномъ краю, но надобно, чшобъ его умѣли здѣсь воспитывать; челоѣкъ можетъ опражашъ громовые удары, но надобно, чшобъ онъ изобрѣлъ громовые отводы. Не рѣдко еамы просныя вещи даюшъ ему чрезвычайную силу. Чѣмъ отводишъ онъ сіи ужасные громовые удары? Соломоу. Чѣмъ приближаешъ къ себѣ безмѣрное разстояніе небесныхъ шѣлъ? Кускомъ стекла. Чѣмъ увеличиваетъ безмѣрно силу и проворство рукъ своихъ? Парамъ воды. Такія чудеса природа позволяешъ дѣлашъ только просвѣщенному челоѣку. Это награда ся за его шрудъ. Не шрудившемуся она ничего не даешъ, и ославляешъ какъ бы безъ всякаго прізрѣнія. Таковъ законъ природы, шаковы же и законы челоѣческіе. Вездѣ нужны дарованія и дѣяшельность.

Люди знатные и богатые! Не пренебрегайте просвѣщеніемъ; пришло время основательнаго ученія. Ославьте пагубную привычку искашъ шого, чшобъ дѣли ваши опредѣлялись къ шѣшамъ, прежде нежели они успѣли чемунибудь научишся. Ославьте эту привычку, или

вы будете имѣть печаль, увидѣвъ, что люди безродные, но дѣятельные и обогащенные положительными свѣдѣніями минувшаго времени, покровительствуемые правосуднымъ Монархомъ, будутъ вездѣ обгонять дѣшей вашихъ на поприщѣ честей и вообще гражданскаго опличія. Вы ищете власти надъ иными, коимъ споятъ ниже васъ; сія власть пріобрѣщается и сохраняется личными достоинствами, а не однимъ богатствомъ и именемъ. Васъ будутъ уважать, если вы добродѣтельны; васъ будутъ слушаться, если вы умны и просвѣщенны; но если вы не имѣете сихъ достоинствъ, то какія могутъ быть ваши требованія, и гдѣ они найдутъ опору? Кювье открылъ вамъ важную истину фактомъ Натуральной Истории, когда наблюдение показало; что воспитывающіеся въспѣ, со дня рожденія, левъ и собака, вырастаютъ не одинаково силою и умомъ: первый скорѣе пріобрѣтаетъ силу, послѣдняя умъ; но пока левъ слабѣе собаки со стороны ума, до тѣхъ поръ онъ въ повиновеніи у нея, не смотря на спрашиваемые свои когти. Вы видите ясно законъ природы. Но левъ пріобрѣтаетъ наконецъ и умъ. Не пренебрегайте и вы пріобрѣтать его. Не попускайте себѣ покоиться въ томъ смыслѣ, въ которомъ говаривалъ Суворовъ сіе слово о нѣкоторыхъ знатныхъ фамиліяхъ. Съ душевными и умственными достоинствами ваше положеніе въ

свѣтъ ослѣпно. Ошъ васъ зависипъ сохранииъ его.

Люди средняго соспояніа! Для васъ еще болѣе необходимы дѣятельность и науки, нежели для пѣхъ, копорыхъ счастье произвело опъ знаменитой крови: знапный невѣжда можетъ еще до нѣкоторой степени поддерживаться имѣніемъ и именемъ предковъ; невѣжду вашего соспояніа ни что не *поддерживаетъ*; фортуна ничего ему не даетъ. Но талантъ и трудолюбіе опкрывають ко всему дорогу. Помните слова, сказанныя объ васъ въ весьма важномъ случаѣ: «Въ « среднемъ классѣ, равно удаленномъ опъ край- « ностей роскоши и бѣдности; въ классѣ, гдѣ « встрѣчаются достаточное соспояніе, опдо- « хновеніе соединенное съ привычкою къ тру- « ду, свободныя сообщенія дружбы, любовь къ « чтенію и путешествіямъ; въ семъ классѣ, го- « ворю я, родятся познанія и распростра- « няются опшуда къ знапнымъ и къ народу; ибо « знапные и народъ не имѣють времени для раз- « мышленія: они принимаютъ только пѣ испи- « ны, копорыя доходятъ къ нимъ въ видѣ аксі- « омъ, и копорыя не требуютъ доказательства.» И еще: «Классъ людей, наиболѣе способству- « ющій у насъ возрастанію государственнаго бо- « гатства посредствомъ экономіа, есть классъ « подрядчиковъ промышленности, особенно изъ « средняго соспояніа. У сихъ-то преимуще-

«спвенно людей накопляющся капиталы, и на-
«копляющся шѣмъ быспрѣе, что сіи люди сое-
«двнляющъ, по большой часши, съ весьма дѣятель-
«ною промышленносною жизнь необыкновенно
«для прочихъ народовъ воздержную.» Эти при-
мѣчательныя слова слышалъ нашъ Императоръ,
когда юность свою обогащалъ свидѣніями о бо-
гатствѣ народовъ (*). Не долгъ ли вашъ оправ-
дывать сіи слова?

Я предложилъ бы совѣтъ о просвѣщеніи и ни-
щему классу народа: но сей классъ не можеть
исполнить сего совѣща одними собственными
своими средствами; онъ имѣеть необходимость
для сего въ постороннемъ вспомошествованіи.
Вспомошествованіе сіе зависить отъ просвѣ-
щенныхъ челоувѣколюбцевъ. Здѣсь представле-
тся имъ обширное поприще дѣятельности, бо-
гатое важными послѣдствіями. До сихъ поръ
большая часшь благодѣтельныхъ людей думаетъ
исполнять долгъ свой подаваніями нищеть. Но
съ лучшими чувствами, съ самою живою лю-
бовью къ добродѣтели, можно сдѣлать болѣе
вреда обществу, нежели пользы, если упо-

(*) Смотрите Cours d'Économie Politique, ou expo-
sition des principes qui déterminent la prospérité des nations.
Ouvrage qui a servi à l'instruction de *Leurs Altesses Impé-
riales, les Grands-Ducs NICOLAS et MICHEL*; par *Henri Storch*.
St.-Pétersbourg, 1815. Tom. 1. pag. 38 et 321.

испребляшь свое челоуѣколюбіе слѣпо и безъ разума. Вы желаете облегчить участь несчастнаго, который предсѣвлялся передъ вами въ разодранномъ рубищѣ, и просиращаете къ нему щедрую руку; но что вы дѣлаете? Вы спановишаетесь покровишелемъ лѣноспи, самовольнаго нищенспвоуанія и обмана, или вы ободраете и распрощрачаете духъ непредусмопришельноспи, безпечности о будущемъ, испочиникъ пороковъ и прещуплений. Сильно и глубоко слово Свяшаго Павла: кто не хочетъ ишудиться, шощъ не достоинъ жизни. Печальный опытъ увѣрилъ, что нищеша распрощрачешся вмѣстѣ съ милосшмнею; чѣмъ обильнѣ послѣдняя, шѣмъ повсемѣшпвеннѣ спановишеша первая. Неблаго-разумна ша благодѣшпельность, кошорая шворитъ и увеличиваетъ шо самое, что она думаетъ ишпреблять. Полезна-ли ша помощь, кошорая служишъ шѣлу и вредишъ душѣ шого, кому она оказываешся? Облегченіе спраданій есть безъ сомнѣнія великое добро; но если спраданія сѣи предохраняющъ ошъ бѣльшихъ несчастій, шо колебашся нечего: должно рѣшишся ошврашшъ зло бѣльшее, и ошавишъ мѣньшее, когда не лѣзя унищожишъ шого и другаго. Еспь конечно спраданія, кошорымъ нужно подавашъ руку помощи: эшо несчастія, проишшедшія ошъ случаевъ, кошорыхъ благоразуміе челоуѣческое не могло ошврашшъ и предвидѣшь; шаковы

Нолбрь 4830.

2

напримѣръ : природная глухота и нѣмота, слѣ-
нопа въ бѣдноти, раны, переломы членовъ ,
пожары, наводненія, и шому подобное. Но число
сихъ спраданій, совершенно независящихъ отъ
спрадающаго, ограничено ; даже и изъ нихъ нѣ-
которыя отшрщаются усовершенствованіями
общественныхъ сношеній, напримѣръ : обще-
ствами *взаимнаго вспомошествованія*, пожизнен-
ными застрахованіями, застрахованіями отъ
пожара и ш. д. Прочія бѣдствія скорѣе уси-
лятся, чѣмъ ослабнутъ, отъ шакъ называемыхъ
благодѣтельныхъ вспомошествованій (*). Чшо-же,
человѣколюбіе должно-ли оспашься почти без-
дѣйственнѣмъ отъ страха увеличитъ зло неу-
мѣнными благошвореніями ? Нѣтъ. *Бѣдные суть*
братья ваши, учитъ Евангеліе. Сіе высокое пра-
вило не оспанется-ли безжизненною буквою въ
душѣ вашей, если вы не будете искать просвѣ-
щенія умъ и образованія душу *меньшаго изъ ва-
шихъ братій*, который раздѣляетъ съ вами од-
но вѣрованіе въ Бога, одну надежду и страхъ
будущей жизни, одну способность къ удоволь-
ствіямъ и спраданіямъ въ здѣшней, и котора-
го однако вы опдѣляете отъ себя, какъ-бы ка-

(*) Совѣщаемъ читать филантропамъ весьма по-
лезное сочиненіе : *De la charité, dans ses rapports avec*
l'état moral et le bien-être des classes inférieures de la
société; par M. T. *Duchâtel*. Paris, 1829. in-8 de 431 pag.

менною спѣшною : его невѣжествомъ. Франція , Англія , подали примѣръ сей просвѣщенной филантропіи , кошорая ищетъ возвыситъ теловѣка , сообщеніемъ ему полезныхъ свѣдѣній о наукахъ и художествахъ. Въ Парижѣ составилось для сего общество въ 1814 году ; но труды его мало еще обнаружились. Гораздо дѣятельнѣе явилось *Общество распространенія полезныхъ знаний* , основанное въ Лондонѣ въ 1825 году. Сіе общество , подѣ председаельствомъ Браума (Brougham) , выдало уже многія сочиненія , большею частію изъ круга физическихъ и механическихъ наукъ , доступныя высшему классу народа ясностью изложенія и умѣренностію плашмы. Пожелаемъ нашимъ филантропамъ воспользоваться прекраснымъ примѣромъ иностранцевъ сколько , сколько можно это сдѣлать.

Но какія удобнѣйшія средства достигнуть сего просвѣщенія , кошорого надобность мы спарались шеперь доказывать ? Какъ приняться за науки , чшобъ лучше успѣть въ нихъ ? Вотъ предметъ , кошорого одну частъ мы намѣрены шеперь разобрать.

Умственное воспитаніе можно раздѣлить на три часты : 1) , на *первоначальное* или *нижшее* , 2) , *среднее* , и 3) , *окончательное* или *высшее* .

Предоставляемъ себѣ въ другое время раскрыть наши мысли касательно средняго и выс-

шаго умственнаго воспитанія; замѣтимъ только, что въ *среднемъ* обученіи мы полагали-бы наибольшую общность, энциклопедизмъ наукъ и художествъ; въ *вышемъ*, наибольшей ихъ монопедагогизмъ, частность, безъ которой слабо ихъ совершенствованіе. Теперь-же ограничимся единственно *первоначальнымъ* умственнымъ воспитаніемъ, соотвѣтственнымъ дѣтскому возрасту.

Хорошая система умственнаго воспитанія дѣтей должна заключать, въ наши времена, слѣдующія условія:

I. Что-бы преподаваемые свѣдѣнія не переходили за границы дѣтскаго понятія;

II. Что-бы можно было начинать ихъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста;

III. Что-бы они не препятствовали физическому, и способствовали, какъ можно болѣе, умственному, развитію дѣтей;

IV. Что-бы приготавливали, наивозможно скорѣе и легче, къ шѣмъ наукамъ, которымъ нужны по вышнему духу времени.

Перваго условія требуетъ успѣшность ученія, втораго — безконечность, такъ сказать, наукъ и ограниченность жизни; прешьяго — физическая и моральная необходимость учащагося; четвертаго — польза общества.

Посмотримъ , чему спаряются у насъ учить дѣшей? Сперва ихъ учашъ чишашъ и пишашъ. Нѣкошорая мода , сдѣлавшаяся почти пошшолннмъ правиломъ , пребуешъ еще , чшобъ дѣши , даже съ самаго нѣжнаго возраста , выучивали на- нзущъ какія нибудь Басни , Русскія или Фран- цузскія. Потомъ назначаютъ дѣшамъ Граммати- ку , Ариѣметику , Геометрїю , Кашихмзисъ , ино- странные языки , Священную , Всеобщую , Рус- скую Ишшорїю , Географїю математическую , политическую , Ришшорику , Пїишшпику , Мнѣоло- гїю , Рисованїе , Танцованїе и Музыку. Въ семъ заключаешся *выборъ наукъ*. Теперь какое *правило* ученїя? То , что-бы преподашъ каждую изъ ска- занныхъ наукъ *вкратцѣ* , отъ начала до конца , предосшавляя будущему возрашшу подробнѣйшее изложенїе оныхъ. Всякой учишель спаряешся достигнушъ этой цѣли своимъ образомъ , своимъ *методомъ* , обыкновенно больше или меньше не- кусноу.

Но ни сей *выборъ наукъ* , ни сіе *правило уче- нїя* , не исполняютъ шѣхъ условїй , которыя мы выше предположили для хорошей системы ум- швеннаго воспитанїя дѣшскаго возраста.

I. Сей *выборъ наукъ* и *правило ученїя* про- шившяся первому условїю , шребующему , *что- бы преподаваемыя свѣдѣнїя не переходили за границы дѣтскаго понятїя*. Самое ученїе на- нзущъ Басенъ и сказочекъ , которыя , по види-

мому, споль просты и споль украшающъ ма-
 люшокъ въ глазахъ ошца или матери, особенно
 передъ посшоронними людьми, не выше-ли дѣш-
 скаго разума, не составляетъ-ли болѣе пред-
 мешъ чваншва родишелей, чѣмъ существен-
 ную пользу дѣшей? Могущъ-ли дѣши понимащъ
 хорошо мораль, заключенную въ Басняхъ? Ос-
 мѣяніе слабостей и пороковъ человѣческихъ,
 предосперженіе опъ злонамѣренной хипросши
 и коваршва, намеки на злоупшребленіе вла-
 шшей, и шому подобное, согласны-ли съ дѣш-
 скими поняшіями? Чшо-бы понимащъ самую про-
 спую мораль, надобно ее чувшвовашъ: безъ
 эшого она мертвое слово; но дѣшская душа
 созрѣла-ли для эшого? Самыя обыкновенныя мо-
 ральныя поняшія имѣющъ шолько мнимую лег-
 косщъ; кажешся, чшо они всегда и всѣмъ до-
 ступны, но въ самой вещи эшого нѣшъ. Всѣ,
 напримѣръ, швердятъ безпрешанно, чшо *должно*
умереть; но всѣ-ли, и часшо-ли, понимающъ
 силу эшой рѣчи? Сколько людей чувшвовали
 эшу силу шолько одинъ разъ въ жизни — передъ
 смерщью! Теперъ осмѣливаема спросишъ: чшо
 понимаешъ прехлѣшнее дшпя, когда оно лепе-
 чешъ передъ вами прекрасныя списхи *Крылова*
 или *Лафонтена*? Попугай едва-ли не сполько-
 же понимаешъ слово *дуракъ*, которому его на-
 учили, и кошорое онъ болше или меньше ясно
 и забавно произносишъ. Не желая оскорбишъ

родителей и родителей, признаемся, что повзреліи наизусть Басень ихъ малюшками казались намъ всегда смѣшными. Конечно, грѣхъ нѣтъ въ томъ, чтобъ учить дѣтей Баснями: но что въ этомъ пользы? Хотите укрѣпить ихъ разсудокъ? этого Баснями вы не достигнете. Хотите усилить ихъ понятія? это можно сдѣлать полезнѣйшими предметами. Впрочемъ, Басни составляютъ энциклопедію дѣтей только въ самомъ раннемъ ихъ возрастѣ. Въ возрастѣ, въ сколько укрѣпившемся, начинаютъ учить, какъ мы выше сказали, Арифметикѣ, Грамматикѣ, Исторіи и проч. Большая часть сихъ наукъ дѣйствительно имѣютъ много понятнаго дѣтямъ; но все сплывающееся не соразмѣрно съ ихъ понятіемъ оцѣ правила ученія. Сіе правило ученія ищетъ передать дѣтямъ какую нибудь науку *всю, только кратцѣ*. Но всякая наука, какъ-бы ни казалась первоначальною, заключаетъ въ себѣ трудныя мѣста. Арифметика есть весьма первоначальная наука; но дроби ея безъ сомнѣнія выше дѣтскаго понятія. Какъ вкратцѣ ни учите, вы не сдѣлаете дроби легкими для дѣтей; напротивъ того, *Гораций* уже сказалъ: *старался быть короткимъ, становлюсь не яснымъ*. Сколько дѣтей мучатся оцѣ учителей, и мучатъ ихъ въ свою очередь — при чемъ драгоценное время теряется невозвратно — дробями Арифметики! Иной ребенокъ и учитель про-

вели за ними, если счешь время всѣхъ перепо-
вореній, съ годъ бесполезной и плачевной жи-
зни. Между шѣмъ жизнь человѣческая наполне-
на и безъ того поперями и бѣдсвїями. Нужно-
ли, что-бы Артемешика прибавляла свои муче-
нія? Но не одна Артемешика содержишь сіи
неудобства: всѣ прочія науки, назначаемыя дѣ-
шамъ, имѣюшь свои дробы, свои затрудни-
тельные мѣста. Есть и такія науки, въ числѣ
назначаемыхъ дѣшамъ, кошорыя вовсе непри-
личны дѣшскому возрасту: шакова Исторія.
Годишься-ли для дѣшей Исторія, когда они не
могушь понимать словъ: *народъ, государство,*
законы, и проч., словъ, безъ кошорыхъ нѣшь
Исторія. Конечно можно нашвердишь дѣшамъ,
что существовала нѣкогда Ассирійская, Ва-
вилонская Монархія, что были или не были
никогда, Нинъ, Семирамида; но эшо Исторія-
ли? Одни собственныя имена, географическія
названія и хронологическія числа составляютъ
шолько шрупъ, а не живое шѣло Исторія;
душа сего шѣла заключаешся въ *мысли геловѣ-*
гества, кошорой участь измѣнялась, въ шече-
ніе вѣковъ, и продолжаешъ измѣняться, въ слѣд-
ствіе нѣкошорыхъ законовъ Творца; чему соб-
ственныя имена, географическія названія и хро-
нологическія числа служатъ шолько нѣкошоры-
ми указаніями, шакъ какъ физическое шроеніе
сердца служитъ указаніемъ кругообращенія кро-

ви въ шлѣбъ человѣческомъ, и соединенныхъ съ шлѣбъ динамическихъ и психическихъ явленій жизни. Сія мысль *теловѣчества*, ходъ ея судьбы, вовсе не дѣтское занятіе. И такъ слѣдующая дилемма неизбежна: или вы будете учить дѣшей въ самой вещи Испоріи, и тогда понапрасну пошереете время: дѣши васъ не поймутъ; или дѣши васъ будущъ понимаетъ, и тогда вы научите ихъ не Испоріи, а нѣкошорому сѣвленію именъ, названій и числъ. Зачѣмъ же фальшивую монету выдавашъ за истинную? Не родъ ли эшо педантства, когда ребенокъ произноситъ громкія слова, которыхъ смысла онъ не понимаетъ? Хорошо еще, если-бы онъ зналъ, что мишура, кошорою заспавляютъ его блиспашъ, имѣешъ шолько видъ золоша, а въ самомъ дѣлѣ она мѣдъ. Но нѣшъ; ему и эшого не ошкрывающъ. Случаешся, что онъ и на всю жизнь оспаешся въ эшомъ заблужденіи. Перейдемъ ко второму условію хорошей системы дѣтскаго ученія.

(До слѣдующей книжки).

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ БРАТУ

по Вятской губерніи.

15.

.... Въ Слободскомъ я видѣлъ Меркуріевъ посохъ и банковые счефы, шакъ сказашь, на немъ всяціе! Не лучше-ли знаки шорговли увижу въ самой Вяткѣ? Такъ думалъ я, переправясь въ полночь черезъ рѣку сего имени, и осшановяель у ворошъ огромнаго купеческаго дома.

На другой день (и въ прочіе дни своего пребыванія) спѣшилъ я осшашривашъ городъ, состоящій изъ 770 домовъ, и любопытшпшвовалъ не напрасно. Видѣлъ много значащихъ каменныхъ домовъ, и довольно красивыхъ деревянныхъ, Каедральный соборъ съ линиями нарочитыхъ галлерей, Архіерейскій домъ съ садомъ и съ другими жилыми зданіями, въ шой-же оградѣ сооруженными, монастыри спариннаго рукодѣля, и нидѣ колокольни въ зашѣйливыхъ чершежахъ. Видѣлъ важное зданіе Присупстввенныхъ мѣспъ, Благородное собраніе, обширный гостинный дворъ и разные рынки. Прибавьше къ шому городскія площади, благоустройство у-

лицъ, довольство въ поваряхъ, изобильную продажу жизненныхъ припасовъ, привалъ винъ добрыхъ; и вамъ легко будетъ ошгадаться, что все это образовывалось, копилось, воздвигалось и украшалось благошворнымъ мановеніемъ шорговли.

Жаль, что въ послѣдніе годы опшпускъ хлѣба замаяся въ Архангельскѣ, и эта запруда вездѣ, гдѣ я ни ѣхалъ, опливалась въ разговорахъ и предпріятіяхъ. Недокончанныя общенародныя спроенія, дешевые извозы, оспашки лежачаго хлѣба, домошдство шорговцевъ, и даже малые вклады въ церковную хорвану, пушешествующую со св. иконами по благочестивой губерніи, выказываютъ, что естъ помѣха въ народной промышленности. Какъ мало пребуется, чтобы пошешивши колоритъ области, которая не вышла изъ ограниченнаго земледѣльческаго состоянія, и въ которой городскіе жители поскользнулись-бы въ припязаніи на роскошь и иносшранную расшочительность! Говоря о Вятской губерніи, много-ли въ самомъ дѣлѣ спашей, изъ которыхъ соспоиши богатство ея? Выключите паровое куреніе вина, дѣланіе якорей для флоша и пригошвление славныхъ ружей для войска, пошому что эти спашьи принадлежатъ казнѣ; выключите плавку чугуна и дѣланіе желѣза, пошому что это мало ошносится до губерніи; выключите искусство дѣ-

лашь шкани изъ мочаль и льняной пряжи, самой медь и коровье масло, пошому что шо и другое служишь дополненіемъ къ хозяйству деревенскому и ийдешъ почши за море — и вы шакимъ образомъ дочшешесь, что произведенія городами скупаемыя, опъ кошорыхъ орошающся и другіе классы жишелей, соспоашъ въ оппускъ хлѣба разныхъ наименованій за море, частію въ сбшщъ писчей бумаги въ другія губерніи, и въ промыслѣ лѣсомъ, инуда сплавляемымъ по рѣкамъ. Впрочемъ я не чуждаюсь увѣренія, что губернія грубо-земледѣльческая, какова обыкновенно бываешъ въ сѣверномъ краю, можешъ за собшвеннымъ продовольствіемъ, за удовлетвореніемъ подашей и повинностей, можешъ благоденствовашъ, и даже гордишься каменными домами, храмами и дорогами, какъ и нравственными качествами, если крешьяне не предспавляющъ мірскихъ сходокъ около заведеній головокруженіи, и если города не познакомились съ модами, кружевами, съ Шампанскимъ и ш. п.

Въ снхъ, примѣрно, черсахъ можно-бы изображашъ снды губерніи, населяемой 4 племенами: Рускихъ, Вошяковъ, Чувашей и Черемисъ. Вошяки шакъ схожи съ Рускими, что по виду и лицевому размѣру шрудно ихъ различашъ; они и въ гѣбкосши организма не ушущающъ, скоро привыкая ко всѣмъ мастершвамъ Ижевскаго

ружейнаго завода. Далѣе вы увидите сужденіе мое и о способностяхъ прочихъ племенъ; теперь-же оспановлюсь на разсмотрѣніи недавняго вопроса. Вамъ любопытно знать, научились-ли купцы Слободскіе, Орловскіе и Вятскіе у иносшранцевъ, въ Архангельскѣ шоргующихъ, приличнымъ познаніямъ? Т. е. знаютъ-ли, отъ чего зависипть благосостояніе ихъ шорга, судятъ-ли о причинахъ пониженія или возвышенія цѣнъ на привозные или оппускные шовары, понимаютъ-ли основанія явленій курса, и любяшъ-ли чипать спашьи, какія по часпи коммерческой помѣщаются въ періодическиххъ лиспахъ, въ Россіи издаваемыхъ? Если-бъ я и ограничилъ въ сихъ отношеніяхъ ваше любопытство, все однакожъ не думалъ-бы допустить, чшобъ они разумѣли меньше прошивъ лучшихъ знашюковъ Пермской губерніи, сколько могу соображать разницу между ними (*).

(*) Можно въ подкрѣпленіе шекспта сослаться на спашью о *Ирбитской ярмаркѣ*, недавно изъ Перьми проскользнувшую въ *Journal de S. Pétersbourg polit. et littér.* N 149-й 1829 года. Тутъ Г. Сочинилель спашьи взявъ въ основаніе, что въ 1803 г. количество всѣхъ капиталовъ въ оборотѣ ярмарки было на 3,534,092 р., выводитъ изъ шпоговъ послѣднихъ шеспи лѣтъ, что дѣятельность ярмарки съ шой эпохи увеличивается нарочитымъ образомъ. Но какъ въ одномъ изъ *Пи-*

На сей счетъ перескажу вамъ разговоръ, какой велъ со мной одинъ изъ здѣшнихъ Гасконцевъ (шакъ понимающъ въ Сибири Вятчанъ). Другой годъ чипая Полишическій и Ученый Журналъ (выше въ примѣчаніи названный), я не могу, сказалъ онъ, вразумишься въ смыслъ *des fonds publiques*, о которыхъ припечатываешься въ концѣ листовъ каждую недѣлю!— Въ

семѣ къ брату выводилось проотивное тому заключеніе, по и надобно рѣшить, на чьей споронѣ правда?

Взглянемъ на 1829 годъ, въ которомъ, по показанію самого Сочинителя спашьи, ярмарка была въ наибольшемъ возвышеніи, ш. е. = 10,888,155 р. Послѣ сего возьмемъ содержаніе ассигнаціоннаго рубля 1803 г. къ такому-же рублю 1829 г., и выйдетъ $\frac{1}{36}$. Слѣд. по приведеніи двухъ достоинствъ разновременнаго рубля въ одно равное, находимъ, что ярмарка даже въ 1829 г., какъ наиболѣе благовидномъ, не шолько не превосходила, но упала на 509,605 серебр. рублей противъ ярмарки 1803 года. Указывая на явную погрѣшность, мы не думаемъ, чтобъ она въ помъ одномъ и соспояла. Ибо какъ можно съ достоверностію полагаться на ярмарочныя сказки, опбираемыя безграмотными людьми опъ сидѣльцевъ, спѣшущихъ опвязаться опъ спрсовъ безвременныхъ? Въ подобныхъ случаяхъ одинъ способъ почитается вѣроянѣйшимъ: узнавать ипоги шюней, мѣспъ, мѣръ для сухихъ и жидкихъ, а не стислять суммы деньгами. Не на обумъ почтенные купцы, приемлющіе участіе въ дѣлахъ Ирбишск. ярмарки, ушверждающъ, что она дѣйспвишительно падаешъ, хотя нарицательною цѣяностію и обольцаешъ на минушу.

чемъ недоразумѣніе ваше? — Въ томъ а), почему фонды, металломъ внесенные, приняты по 6%, по 5%, т. е. послѣдніе ниже фондовъ ассигнаціонныхъ? б) отъ чего происходитъ, что послѣдніе металлическіе фонды падаютъ въ биржевомъ ходу иногда до 13 процентовъ убытка, между тѣмъ какъ ассигнаціонные всегда споятъ выше 100, вопреки вѣроятности: пошому что мѣра монешной цѣнности закономъ положена въ серебр. рублѣ извѣстной пробы и вѣса. Но, если хотѣли брать деньги бумажныя безъ отношенія къ серебру, то можно будешь Журналу означать по Лондонской биржѣ хождение Бразильскихъ займовъ по 6 и 5%; в) можно-ли самыя слова: *Fonds publics* переводить капиталами государственнымъ? — Все равно, переводите хотя *не капиталами государственнымъ*, смѣячись я отвѣчалъ.

Приводя разговоръ сей, какъ образчикъ здѣшнихъ умствованій о предметахъ коммерческихъ, и не привязывая къ нему сколько важности, чтобы предспавлялась нужда отвѣчать на вопросы, пожелаемъ мимоходомъ, чтобы Казанскій Университетъ, славясь почными званіями по часши Математики и Астрономіи, послалъ въ Вѣшку своего сочлена, для опредѣленія широты и долготы сего мѣста, какъ принадлежащаго ему по зависимости учебной. Сія часшь должна бытъ собшвенноспію обсерватор-

рии Университетна, тѣмъ болѣе, что и *Вятская Исторія* написана съ методическою основательностью ученымъ мужемъ изъ того-же сословія. Осмается только ее прочиташь.

Дабы передашь вамъ еще пріятную вѣсть, хоту скажашь, что здѣшняя Гимназія представляется въ числѣ порядочныхъ заведеній, судя по степенямъ знанія насравниковъ. Въ ней, и въ высшихъ училищахъ одного города училися до 230 мальчиковъ, но кончившихъ гимназическій курсъ въ этомъ году только 3; да и въ прежніе годы не всегда бывало вдвое больше, шакъ что, для прозрѣнія числа образованныхъ юношей, въ періодъ одного поколѣнія, не лзя проложитъ въ мысляхъ никакой прогрессіи, за неизмѣнимъ разкоспи или знаменатели, вѣрошно—постоянныхъ. Ибо къ распроспраненію просвѣщенія природа не намѣшила споль рѣзкихъ побужденій, какъ къ распроспраненію челоѣческой семьи, кошорая въ печеніе одного поколѣнія расшетъ въ порядкѣ: 1, 3, 9, 27.

Далѣ скажу вамъ, что наспроенный молвою о внутреннемъ украшеніи Каедральнаго собора, сповившемъ по слуху 70,000 р., я раза два заходилъ въ Соборъ, не во время служенія. Весь капишалъ, какъ видно, положенъ на рѣзбу и позолошу двухъ боковыхъ иконосшасовъ, на письмо св. иконъ, на расписаніе стѣнъ и сводовъ въ зимней половинѣ храма. Конечно я не

знашокъ въ искусствѣ, но слѣдуя за кистью г. Чарушина по спѣнамъ и сводамъ, невольно чувствовалъ особое впечатлѣніе. Также письмо двухъ иконъ Божіей Матери, и другихъ священныхъ, показываешь въ мастерѣ щеголевашость воспитанника Академіи Художествъ; но изображенія самого Спасителя въ обоихъ приделахъ заславляютъ сомнѣваться, его-ли эти работы? На правой сторонѣ Спаситель изображенъ въ какомъ-то боязливомъ ощущеніи, а на лѣвой самый рисунокъ совершенно ложенъ. Все однакожь выходишь опсюда довольнѣе, нежели изъ леплага собора въ Перми. Тамъ, наслышась о мраморномъ иконостасѣ, спѣшишь, спѣшишь безъ отдыха; видишь мраморъ не цвѣтиспый, припомъ сложенный въ прямолинейныхъ плоскостяхъ, которыя по пространству иконостаса распавлены чепыреугольно, единообразно, и не можешь надивишься, къ чему для монофоніи такъ плоской употреблено столько труда, столько времени? Всемогущему радостно поклоняешься вездѣ, и въ ушлой, деревянной часовнѣ, и въ великолѣпной базиликѣ: но, когда челоуѣкъ возносятся воздвигнушь Ему алтарь избранный, желанельно-бы видѣшь зодчимъ Микель-Анжело, и живописцемъ Рафаэля. Кому приличнѣе служишь проявленіямъ Премудрости, какъ не ея служителямъ — силамъ дарованнымъ? И эшого домогаюсь я въ Вяткѣ?

Нябрь 1830.

3

Для чего-бы и не такъ? Счастливая здѣшняя наснива, сказывающъ, не рѣдко слышишь и видишь опличнаго проповѣдника слова Божія въ лицѣ Преосвященнаго Кирилла. Мнѣ не случилось слышать Архипастыря съ кафедръ; но печатныя проповѣди, какія посчастливилось читашъ, освѣчающъ за славу Его Преосвященства.

Я желалъ бы кончить письмо на шотъ-же ладъ, на какой было оно начато; но остается за мною еще много не высказаннаго. Въ дальней и долговременной повѣздѣ встрѣпишь кварпиру пріятную естъ удовольствіе неопѣненное, и въ семъ случаѣ чувствую долгъ похвалиться кварпирою превосходнѣйшею, очень пріятною, какой я пользовался въ домѣ здѣшняго купца И. С. Машковцева. Умалчивая о благородной привѣтливости, внимательности и гостепрѣимствѣ, какими меня упредили, для чего-бы я, къ чести Русскаго нашего купечества, не позволилъ себѣ сказать о хозяинѣ, какъ опцѣ семейства? Не выводя дѣшей-юношей изъ подъ родительскаго наблюденія, онъ посылаетъ ихъ въ урочные часы учиться въ Гимназіи, пока не послунаютъ въ Университетъ, и между шѣмъ къ той-же цѣли запросто притягиваетъ къ своему столу учителей Гимназіи. Сей способъ воспитанія показался мнѣ однимъ изъ лучшихъ, по мѣсту и обстоятельству.

Знаете-ли, какъ въ свое время Аббашъ Гальяни опозвался о Парижѣ, гдѣ онъ часпо видался въ одной бесѣдѣ съ Геометромъ Даламберомъ и съ знаменитыми писателями той эпохи? Я видѣлъ въ Парижѣ, сказалъ онъ не на шушку, только двухъ умныхъ мужей: себя и Дидерота. Можешь быть и я, выхавъ опсюда, гдѣ нибудь скажу, что видѣлъ въ Вяткѣ также двухъ умниковъ: себя, и одного приходскаго учителя, по шѣмъ заслугамъ, что онъ, при всей зашруднишельной для дѣшей методѣ, научалъ ихъ хорошо чишашъ и писашъ, а я первый успѣлъ понять, что ему можно-бы достигашъ той-же цѣли гораздо легче.

4 Сентября 1828 г.

Въ Вяткѣ.

Ц Ы Г А Н К А .

1

Өемистокль.

Греки , Греки ! кто васъ не любитъ ?

Карамзинъ.

Въ хорошую лѣтнюю погоду переправился я черезъ Прутъ , на Скуляны. Спавъ ногою на швердую землю , оглядывался я кругомъ , смотрѣлъ даже себѣ подъ ноги , озиралъ и разсматривалъ всѣ дальнѣйшіе и ближайшіе предметы , искалъ чего-шо особеннаго , опличительнаго. Но — справа росла не по-Турецки , а Молдаванскіе камни и деревья не опличались опъ Русскихъ. За шо , взошедъ въ мѣспечко , я невольнo улыбулся. Здѣсь нашель взоръ , чего искалъ. Спроенія широкія , плоскія кровли ихъ , съ двумя на конькѣ , рѣзбою украшенными , пычками , крыши галлерей вокругъ всѣхъ домовъ , чуждыя лица , одежда и языкъ Молдаванъ и Грековъ , все это яркими красками возвѣщало иноземное. Взошедъ на крыльцо шракшира , еще болѣе нашель я чего искалъ. Досчатый лѣтній домикъ

Молдаванской поспройки , съ навѣсами и проходными сѣнями , изъ коихъ въ обѣ спороны насшежь распахнулись восьмеры дверей въ отдѣльныя комнаты; окны всѣ расворены; низкіе диваны, или, лучше сказать, толстые, широкіе шюфяки, расположенные по всѣмъ чепыремъ сѣнамъ и крыши, равно какъ и полъ, песпрыми коврами; на диванахъ небрежно валявшіеся прохожане-разночинцы; Молдаванки въ шипыхъ золопомъ, на мѣху, кацавейкахъ, скуршайкахъ, обвивши косы вокругъ чела; мужья или земляки ихъ, съ чубуками (*), съ шапками на головахъ, съ усами, съ бородами: не правда-ли, что все это не шакъ, какъ у насъ?

Но скоро опомнился я, и былъ разочарованъ. Находясь въ разспояніи ошъ Яссъ менѣе 20-ти верспъ, думалъ я бытъ шамъ часа въ полшора; но, лошадей ѣтъ! Неблагопріятное, безпомощное положеніе мое, надменность Поручика-Коммendanша, который, пупъ-же въ шракширѣ сядя, не хошѣлъ меня никакъ удостойтъ своего вниманія, увѣряя, что это не его дѣло — все заставило вздохнуть изъ глубины души по родинѣ, по оптизиѣ; казалось, я стоюль

(*) Турки называютъ чубукомъ то, что мы обыкновенно называемъ трубкою: весь снарядъ. *Верѣ бана тубукъ*, дай мнѣ трубку.

среди чуждыхъ мнѣ племень , одинъ , опречень ошъ всего , что могу назвашъ своимъ и себѣ подобнымъ. Хозяинъ шракшира , спашный , благовидный Грекъ , предлагаль лошадей за неумѣренную плату : 6 рублей серебромъ. Это для нашего брата не находка! Я ошмыскаль и наняль наконецъ мужика Молдавана , за рубль до Яссы ; но когда онъ пришелъ за чемоданомъ моимъ , благовидный Элинъ напустился на него , съ шакимъ краснорѣчьемъ , что Молдаванъ , снявъ шапку и опѣсивъ съ полдюжины поклоновъ въ поясъ , ушелъ. Я оспался снова въ недоумѣннн , въ самомъ безпомощномъ состояннн. Жалоба моя Комменданшу-Поручику , въ глазахъ копорого это все дѣлалось , ошпшь не произвела никакого дѣйствнн. Я принужденъ былъ наняшь лошадей у Грека , подъ деспотическимъ прашленнмъ коего находилось , по видимому , мѣстечко.

Въ это самое время входншь проѣзжнй Маюръ. Съ шумомъ и крикомъ сѣль онъ , и потребоваль ѣспъ. Онъ увѣрять , во все время обѣда , что уже знаетъ этихъ бездѣльниковъ , и , голосомъ , копорый раздавался по всему шракширу , чеспилъ Комменданша-Поручика и весь причеспъ его , приговаривая : « Ничего — они Греки ; если ихъ не побншь , шакъ они не поймутъ насъ. Я не въ первый разъ проѣзжаю здѣсь , » продолжалъ онъ , « они здѣсь шолько-что не разбиваютъ по дорогамъ , а шо все что угодно. Эй ! мо-

шенникъ, хозяинъ! что шебъ за обѣдъ: за по-
моя швоя, да за гнилую рыбу?»—Семь левовъ.—
Надобно знашь, что въ Яссахъ, въ городѣ, пла-
щящъ за порцію 30 паръ; и шакъ въ обѣдѣ
Маіора заключалось елишкомъ девянь порцій.
Маіоръ вынулъ кошелекъ, и уставилъ глаза на
ашлеша-хозяица, въ его черной съ золошомъ, раз-
рѣзными рукавами, прешивью и снурками, курш-
кѣ, широкихъ черныхъ шараварахъ, богашомъ
кушакѣ и красной фескѣ. Положивъ локошь на
споль, сказалъ онъ: «Видно шм меня уже по-
забылъ? Ты не помнишь, когда я, за шри не-
дѣли, проѣзжалъ въ Херсонъ? У меня рука бо-
лишь, да лѣнь вспизвашъ, а шо-бы я шебъ опяшь
почиешилъ галуны. Вопиъ шебъ два лева (80
коп.) за споль: хочешь бери, не хочешь не бе-
ри; да убирайся бѣгомъ къ Комменданшу своему,
чтобы я шебя»—онъ схвашилъ зубукъ—«не на-
гналъ, а шо не дойдешь!» Аплетъ-юноша, по
имени *Фемистокль*, выщель, не давъ Маіору окон-
чашъ рѣчи, и сказалъ въ другой половинѣ, подъ
защипою папрона своего: «Не нада мнѣ и деньги,
зя шакой слова!»—А если-бъ какой нибудь эл-
лелинъ, или эллинофилъ, носмошрѣлъ на эшого
Фемистокля, который былъ синашенъ, какъ об-
разецъ и красавецъ, шо ошдалъ-бы душу свою
за него, и не повѣрилъ, чтобы эша несвязанная,
молодецкая походка, эши ясныя, рѣзкія, благо-
родныя чершы, эши краснорѣчивые глаза —

кошорые Грекъ никогда не погнуляется, ибо не знаетъ стыда — эшопъ ошкрышый лобъ, словомъ, чшобы все эшо заключало ново-Греческую душу, шо есть: самага понкаго, дерзкаго и безсовѣснаго плуша, гоповаго даже силою и дракою защищаць бездѣльничесво свое, и почишающаго сѣи самыя плушни неопштемлемою собспвенностію своею, а криводушіе и наглосць необходимыми факпорами жишейскаго быша! Нѣпъ, нѣшъ! Лафашеръ и Лабрюйеръ не знали Греческихъ физиогномій нашего сполѣшя, какъ знаемъ ихъ мы!

2.

Р а д у к а н ь .

Эша сцена увѣрила меня, что скромность моя была здѣсь неумѣстна, и что убѣдительный, краснорѣчивый возгласъ родины моей, Луганской станицы, Плашова наказъ, *Казацкая правда*, ш. е. нагайка, имѣла-бы здѣсь самое лучшее и благошворное дѣйшвіе!

Я поѣкаль. Суруджи (пакъ называюшъ здѣсь ямщиковъ), сидя верхомъ на одной изъ коренныхъ, съ ужаснымъ пропяжнымъ крикомъ: ау—и—га—гой! шѣлкаль бичемъ и погоняль выносныхъ. Здѣсь иначе не ѣздяшъ. Вы ѣдете на перекладныхъ, въ корошенькой, узенькой ка-

руцѣ, гдѣ невозможно просянупъ ногу, или сѣснѣ въ двоимъ; закладывають же всегда чеп-верку съ выносомъ, и ямщикъ сидитъ верхомъ на одной изъ коренныхъ. Клячки дрянныя, а упряжь устроивается изъ обрывковъ; хомуловъ не знають: накидываютъ узенькія оборванныя шлейки на пошерпыя шеи кляченокъ, и половину сихъ послѣднихъ не удоспомнають даже вожжей.

Заглядываясь на ближайшіе и дальнѣйшіе предметы, не успѣвъ я опѣхаться десяти верстъ, какъ вдругъ шворень брички моей пополамъ, и Суруджи мой поскакалъ подъ гору съ полверсты, покуда смогъ и съумѣлъ удержаться спроптивыхъ, невзнузданныхъ клячъ, копорья, радостно покачивая головами, мчали легкой грузъ передка.

Я находился опять въ жалкомъ положеніи. Въ лѣсу, среди пустыря, безъ помощи; ночь на дворѣ, одинъ, въ чужой землѣ, а Суруджи объявилъ мнѣ, что ближе Яссь или Скуляпъ, туда и сюда верстъ около десяти, кузнеца нѣтъ. Я проклиналъ все и всѣхъ, досадовалъ, думалъ, и наконецъ долженъ былъ рѣшиться ночевать одинъ у чемодана, а ямщика послать, взадъ или впередъ, за помощію. Онъ было уже и собрался ѣхать, распушывая и перепушывая вожжи и постромки, копорья въ самомъ дѣлѣ

шрудно было оплячашь одиѣ оиѣ другихъ, какъ въ самую эту минушу... великъ Богъ Русскій! — идешъ на встрѣчу по дорогѣ Цыганъ, коваль, одинѣ изъ шѣхъ, кошорме паскаюшся по всей Молдавіи, Валлахіи и Бессарабіи, съ мѣшкомъ за спиною, имѣя при себѣ уголья, мѣхъ, клещи, и куюпѣ, шакъ сказашь, на ходу. Какая радостная встрѣча! Я расцѣловалъ-бы чернаго, грязнаго, курчаваго, быспроокаго коваля, явившагося на заклинаніе ямщика: *Дракуль* (чоршъ)! произнесенное къ вожжамъ или пошпрожкамъ его.

Можешъ-ли еваришъ шворенъ? спросилъ я, осшановивъ его.

Онъ взглянулъ на изломанный, и сказавъ: «*Стрикатъ, бояръ*» (сломался, сударь), пошчасъ принялся за работу. Съ радостнымъ любопытствомъ глядѣлъ я на работу молодаго, сильнаго, ловкаго Цыгана. Онъ уже разложилъ уголья, и между шѣмъ какъ Суруджи дулъ мѣхомъ, лежа на колѣняхъ поправлялъ ихъ расклепаннимися, брянчащими клещами. На немъ была рубаха и шараварцъ, нѣкогда бѣлыя; шо и другое, какъ казалось, безсрочное, безсмѣнное, черное и изодранное. Онъ былъ подпоясанъ ремнемъ, шапки не было вовсе, а въ угольномъ мѣшкѣ лежалъ, когда-шо бывшій синимъ, кафтанъ, весь въ лохмотьяхъ. Между шѣмъ какъ онъ работалъ,

бывшій съ нимъ Цыганенокъ плясалъ, по наказу ямщика, за оловянный гуздокъ (пуговку) до упаду.

«Гдѣ швой домъ?» спросилъ я. Онъ засмѣялся, и бѣлые зубы его сквозились въ спранный прошивоположностью съ чернымъ его шиломъ. *Ла мми ну-есть каса*, отвѣчалъ онъ (у меня нѣтъ дома). «Гдѣ-же швоя родина?» Онъ меня не понималъ. «Твоя земля?» сказалъ я. *Ангъ* (здѣсь)! — Онъ pokrылъ ладонью нѣспо, гдѣ сидѣлъ. Пошомъ засмѣялся снова, и, сдѣлавъ рукою движеніе вокругъ себя — *тотъ ла мми* (все мое)! — сказалъ онъ — вся земля! — «Гдѣ швой опець, мать?» *Ба нуї щіу* (*), не знаю! — «А какъ тебя зовушь?» — Радуканъ.

И Радуканъ, ухвативъ клещами раскалившееся желѣзо, началъ ошковывать его. Въ короткое время все поспѣло, слажено, бричка моя снова спала на чепыре колеса, и веселый молодой коваль проговорилъ скороговоркою, въ спихахъ, цѣлую поздравительную рѣчь, въ кошорой заключалось пророчество счастья моего, кошорое будетъ крѣпче и постояннѣе эшого желѣза. Онъ кончилъ пошомъ словами: «Я чело-

(*) Молдаваны пишуть: Букуреци, Романеци, вербещи, щіу, а говорятъ: Букурешпи, Романешпи, вербешпи, штіу.

вѣкъ бѣдный, а васъ Богъ послалъ развеселишь меня и порадовашъ!»

3.

«Я С С Ы, главный городъ Молдавіи»...

Дѣтская Географія.

Въ радостномъ расположеніи духа сунулся я въ карманъ, и — кошелька моего нѣтъ! Поперя его въ эту минушу не сполько меня огорчила, какъ непріятное настоящее положеніе мое: не бышь въ состояніи уплашишь бѣдняку долга, развеселишь его и порадовашъ!

«Я поперялъ деньги,» сказалъ я ему, «и не могу шебѣ заплашишь; возьми что нибудь изъ вещей моихъ, изъ плашья.»

— Потерялъ! повшорилъ онъ, съ участіемъ—
Мульть (много)?

«Кромѣ серебра, было 15 червонцевъ.

Онъ сложилъ руки, и, покачивая головой, пошянулъ воздухъ въ себя, пораженъ будучи пакою поперею, и повшоривъ раза два: *гннъ-пре-дзети гальбенъ* (пятнадцать червонцевъ)! Не хочу ничего опъ васъ — сказалъ онъ, собольтзнуя. Но я настаивалъ рѣшишельно, чтобы онъ принялъ плашу. Онъ подумалъ и сказалъ: Бояръ! не возьму я плашья вашего; куда я его дѣну?

Скажутъ : я укралъ ! Приду я къ вамъ въ городъ когда нибудь ; вы мнѣ заплашите.

« И пакъ ты мнѣ вѣришь ? »

Онъ засмѣялся и махнулъ рукою. — Когда уже я васъ не спану обманывалъ , такъ можно-ль, чпобы вы меня обманули ? — Суруджи сказалъ ему, въ какой пракпиръ онъ меня везешъ , Хапъ-корой , и мы разстались.

Прѣзжаемъ въ грязныя Ясси. Городъ очень великъ , и раскинутъ на оплогомъ мѣстѣ , или оплогихъ мѣстахъ , какъ песпрый коверъ. Увенькія , досками умощенные улицы ; неправильность и шернимость въ разнообразіи постройки безпримѣрная ; дома , по Азіяпскаго , по Европейскаго вкуса ; кровли съ навѣсами ; подшавки ; подпорки на каждомъ шагу ; галлерей , вонючіе пѣсные дворы ; народу по улицамъ много ; наши солдашы ; жипели Молдаваны , бояре , въ шапкахъ съ пивной кошель , Греки , Сербы , Армяне , Жиды , Цыганы , Арнауны , коихъ по одѣвию не лзя опличить опъ Турковъ , съ яшаганомъ , нисполепами , кой-гдѣ фракъ , или сюршучишко иностранца-ремесленника — все это придаешъ городу видъ песпрый и живой. По обѣ стороны улицъ ряды лавокъ , или , опкрышия , подъ навѣсами , съ опускными дверьми , мастерскія ремесленниковъ. Разтѣжаясь со встрѣтившеюся карешою , зацѣпили мы по необходимости и

опрокинули бочку, вокруг кошорой ходилъ бондарь, и наколачивалъ обручи, между шѣмъ какъ кареша опорвала широкій спавень, или опкидную дверь, прошивулежащаго дома. По угламъ, со звономъ и презвономъ, продается шербешъ, коего фоншанчики бьютъ искусно въ деревянныхъ выкрашенныхъ спанкахъ, повертывая собою, на шпилькахъ посшавленныхъ, желшяныхъ человѣчковъ, къ ногамъ коихъ привѣшены пуговики и побрякушки; оборванные мальчишки, въ красныхъ шапочкахъ, фескахъ, бѣгають по улицамъ, а въ развалившихся, или недоспроенныхъ огромныхъ домахъ гнздяшя нагіе Цыганы, сидяшъ, какъ шѣни Орковы, вокругъ дмящихся огненныхъ жерлъ своихъ, куюшъ и приговариваюшъ. Иные ходяшъ со скринкамъ, гудками и цымбалами. Таковъ городъ нынѣ; но осшашки огромныхъ зданій и великолѣпнаго Княжескаго дворца, доказываюшъ, сколько онъ потерпѣлъ ошъ послѣднихъ пожаровъ. Въ шракширѣ плашилъ я по 3 лева (120 коп.) за кварширу въ сушии, по 30 коп. за порцію кофе, чаю, борщу, жаркаго, салада или соуса, по 15 коп. за крафинъ изряднаго, шуземнаго вина. Жи-ды, маклера, на шонкихъ ножкахъ своихъ, въ черныхъ халапахъ, прислуживаюшъ и подслуживаюшъ. Хозяинъ, Молдаванскій бояръ, съ сѣдою бородою (преимущесшво, за кошорое Туркамъ плашила особенная подашъ), бишый день, съ

раннего утра и до позднего вечера, сидитъ на софѣ по Турецки, поджавъ ноги, съ чубукомъ, съ чашкою Турецкаго кофе, съ чешками въ рукахъ: такимъ образомъ онъ командуешь и управляешь всѣмъ хозяйствомъ, и слынешь человекомъ дѣяшельнымъ, хорошимъ хозяиномъ.

По праздникамъ и воскресеньямъ, beau monde ѣздитъ кашаться по пыльной, пыльной или грязной улицѣ, шагомъ, и въ самыхъ Донъ-Кихотовскихъ экипажахъ прошедшаго вѣка. Такихъ дрежекъ, полуколясокъ, крышыхъ и некрышыхъ гермафродитовъ, нигдѣ болѣе не найдете. Щегольскіе кучера одѣши гусарами; болшею-же часшю они походятъ на оборванныхъ сапожниковъ. Женщины здѣшнія немовѣрныя охопницы до нарядовъ, и иногда добываютъ ихъ во чшобы ни спало и всѣми способами, а иные мужья очень довольны, если плапнишь приходися не имъ; сами они охопниѣ выписываютъ изъ Вѣны моды и фасоны для чужихъ. Вотъ причина многого и великаго злорѣчія. Нѣтъ народа въ Европѣ, гдѣ-бы разводы были легче и чаще, чѣмъ у Молдаванъ. Супруги расходятся, живутъ друзьями, сходятся опять, мирятся, или разводятся и сватаются за другихъ — это почти ежедневныя дѣла въ бышу Молдаванскомъ. Виновики пакого развода продолжаютъ пользоваться благорасположеніемъ освободившихся ошъ нга

супружества, а это опять 'подаешь поводъ къ кривошолдамъ и пересудамъ. Таковъ свѣтъ : у него нѣтъ свѣтаго ! Но тѣмъ болѣе удивляемся, встрѣчая препяшства въ супружествѣ шамъ, гдѣ не ожидали оныхъ. Молдаваны Греческаго исповѣданія, и священникъ ихъ ни за что въ свѣтъ не спанешъ вѣнчашъ чепу, въ коей одинъ изъ супруговъ былъ-бы инаго исповѣданія. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ всегда къ нашимъ полковымъ священникамъ, а плуземные заводяшъ съ ними немедленно плябь. Молдаваны вообще такіе-же охошники до плябь, какъ Малороссіяне.

4.

Н е у д а ч а .

Вошъ городъ, въ кошоромъ мнѣ довелось прожипш нѣсколькo времени, и въ кошоромъ имѣлъ я слѣдующее приключеніе, о кошоромъ вспоминаю часно и съ удовольствіемъ.

«И такъ еще приключеніе ! И конечно любовное, ибо, *безъ любви какое ужъ веселье* (сказалъ Крыловъ) ! » Да, и нѣтъ, какъ хопите ; нѣтъ повѣсти, нѣтъ разсказа, нѣтъ приключенія, ни истиннаго, ни вымысленнаго, въ кошоромъ-бы не дѣйствовали люди; а люди — мужчины и женщины ; а между ими всегда были, есть и будущъ связи и опношенія, природою

имъ внушения; вопль мешочникъ сполькихъ разнообразныхъ и однозвучныхъ приключеній, разсказовъ, повѣстей, происшествій!

Пріѣхавъ въ Яссы, я заболѣлъ, и пролежалъ цѣлый мѣсяцъ. Въ продолженіе этого времени, добрые шоварищи, навѣщавшіе меня по часту, такъ мнѣ прошумѣли уши именами и похвалами прелестнѣйшихъ и любезнѣйшихъ дѣвицъ и женщинъ здѣшнихъ, что я видѣлъ ихъ во снѣ и на яву, въ жару и въ ознобъ лихорадки, и бредилъ только ими. Любопытство мое день ото дня возрастало, и я, не будучи еще въ состояніи вѣшать съ визитами и съ поклонами, хотя уже былъ, по милости шоварищей своихъ, извѣстенъ по имени во многихъ домахъ, и притглашаемъ и ожидаемъ, взялся въ одно хорошее утро провесити, только что прибывшаго съ границы, пріятеля своего, по городу, и показать ему, хотя сквозь шускамы стекла — а можетъ быть и въ открытыя окна — знаменитѣйшихъ, первоклассныхъ красавицъ. Но — *умисель другой тутъ былъ*: мнѣ и самому хотѣлось на нихъ посмопрѣшь. И такъ навимаемъ извощика и садимся. «Знаешь-ли домъ Дмишраки Жинареско?» — *Щю!* — Ступай! Да какъ дойдешь; такъ скажи намъ; слышишь? — «*Щю*» — повшорилъ онъ, и погналъ свою пару въ шорахъ. Ёдемъ, ёдемъ, близко-ли далеко-ли, низко-ли высоко-ли — вдругъ мой Молдаванецъ ошпанавли-

Нолбрь 1830.

4

ваешься и, привешавъ медленно съ козель, спокойно указываешь длиннымъ бичемъ своимъ въ открытое окно дома, къ кошорому мы подъѣхали, и у кошораго въ самое это несчастное время сполли искомыя при Граціи. Молдаванинъ говоришь швердымъ и громкимъ голосомъ: Аичъ, бояръ, (здѣсь, сударь)!—Одна изъ дамъ произнесла со вздохомъ: се n'est pas lui — и онѣ, всѣ при, опошли опъ окна. Вообразиле меня, кошорый взялся бышь пупеводишелемъ, и друга моего, попавшагося, какъ ворона въ супъ — на чужомъ пиру съ похмѣлья! Виѣ себя, приказываю извощику гнашь далѣе, а приашель мой, не въ силахъ будучи удержашься, хохоцешъ во все горло.

На другой-же день, поварищи мои прибѣжали ко мнѣ съ упреками, съ соспраданіемъ: вѣспъ разнеслась по всему городу, спо разъ была рассказана, пересказана, и каждый разъ *на новый ладъ и образецъ*. Тупъ видѣли умыселъ, *quelque sottise*, кричали: « да можно-ли, да какъ вы, что вы? » « Какъ ты покажешься въ люди? » воскликнули поварищи мои, и я имъ объявилъ, что послѣ пакихъ нелѣпыхъ сплешней не наирень и не хочу показывашься въ люди, не пойду ни къ кому. Меня избаловали въ ошечспвѣ моемъ приемами радушными. Я говорю спасьбо шолько шому за приглашеніе, кто мнѣ говоришь за посѣщеніе мое шже. И шощъ-же

день попотребовалъ я спокойную кварширу, въ какомъ-бы то ни было уголкѣ города.

5

М о я к у к о н а . (*) .

Кваршира ошведена мнѣ ошдаленная, одинокая, но въ большомъ, хорошемъ домѣ, гдѣ хозяйка, изъ числа первоклассныхъ дамъ, потчасъ прислала просить меня къ себѣ. Съ большимъ краснорѣчіемъ объясняла она мнѣ, что у нея *нужь есть барбатъ* (нѣшъ мужа), и что она боишя посшояльцевъ нашей брашьи. Я успокоилъ ее. Потомъ, сидя на софѣ, въ однихъ чулкахъ, и подвернувъ ноги, спрашивала хозяйка о Пешербургѣ, хошѣла подробно знать узоры чугунной рѣшетки Лѣшняго сада и перилъ на каналахъ. Между шѣмъ дѣвка принесла и подала дулчець (**), слуга, за нею вслѣдъ, несъ спаканъ воды, коимъ всегда запиваюшъ сласши, при чемъ присущешвующіе кланяюшя, желая здравія, и, наконецъ, еще нѣскольکو слугъ и служанокъ явились и подали кофе :

(*) *Кукона*, барыня; *куконица*, молодая женщина, дѣвица.

(**) Сахарное варенье, въ Молдавіи и Турціи весьма искусно пригошовляемое.

его всегда приносяшь въ кофейникѣ, и наливаюшь при раздачѣ въ небольшія чашечки, безъ блюдецекъ, крѣпкій и густой, подавая, кому угодно, и сахару. Сливокъ не упошребляюшь никогда. Дулцеъ и кофе подаюшь гостю во всякое время дня: утромъ, вечеромъ и въ полдень. Старушка моя разворковалась, и на-сказала мнѣ съ при пропасши городскихъ сплешней. Между прочимъ спросила она: правда-ли, что Полковникъ нашъ женился на Пулхерицѣ Флореско? — Правда, отвѣчалъ я. — Да, продолжала она, Пулхерица *куконица фрумоза*, (прекрасная дѣвушка), и очень воспитанная, говоритъ по-Гречески и по-Французски. И у меня есть племянница, продолжала она, *ба нуѣ щить Французеши ши Гречеши* (да шолько не знаешь ни по-Гречески ни по-Французски) — и ведѣла ее топчасъ позвать. Полненькая Смаранда вошла, поклонилась, оставила шуфли (папуши) у двери и сѣла на диванъ. Вскорѣ я раскланялся, и ушелъ въ свою комнату. Я сидѣлъ болшею часшю дома, читалъ, работалъ, и выходилъ шолько для прогулки и по дѣламъ.

6.

К а с а т к а .

Въ полудожинѣ служавокъ, коихъ наружность и обращеніе были не весьма очаровательны, а

поведеніе вовсе не двусмысленное, находилась молодая Цыганка, но видимо, въ милости у госпожи своей, ибо она была хорошо одѣлана, опрятно и чисто. Я съ начала не обращалъ на нее большаго вниманія, ибо не думалъ въ ней искать чего-либо особеннаго; но пріятное лицо ея привлекало на себя взоры мои при каждой печальной встрѣчѣ. Цыганки имѣютъ сполно ошличивающаго, что не смотря на великое множество ихъ въ здѣшнемъ краю, всегда при первомъ взглядѣ ошличены онѣ были могутъ ошъ природныхъ жипелей. Онѣ средняго роста, волосы черныя совершенной, какъ подъ черною шинелью, нѣсколько курчавы, но длинны, густы и мягки, почти пунисны. Это, равно и смуглый желноватый цвѣтъ лица ихъ, есть не оштемлемый признакъ рода. Не смотря на все, есть красавицы между ними: черныя волосы лоснящія распущенныя или въ косахъ; глаза, пемнокаріе или черныя, огненныя; природный румянецъ играетъ на смуглыхъ щекахъ; длинныя рѣсницы, полныя темныя губки и жемчужки вѣспо зубовъ.

Однажды мой Андрей, разболтавшись, доносилъ мнѣ о томъ, что дѣлалось и происходило ежедневно въ дѣвичей, коей онъ уже былъ вепремѣннымъ членомъ, о томъ что говорятъ и говорили о барынѣ и сосѣдкахъ ея, о племянницахъ, пепкахъ и горничныхъ ихъ. Все-

го пересказывать я не намѣренъ, но скажу только, что онъ кончилъ шакъ: «Эдакой земли, Ваше Благородіе, я сроду не видывалъ. Какъ въ Россію придемъ, да спанемъ рассказывать, шакъ и не повѣряй! Вошь вѣдь хонь и шупъ въ домъ, изо всѣхъ, сударь, Цыганка одна удылась: такая добрая дѣвка, что никто съ нуци не собьеть; не боится ничего; шупъ-же бѣгаетъ между ними; хонь что ни дѣлается, ничего не видипъ, не слышипъ, развѣ засмѣется — а ужь къ ней никто не подходит. Тутъ до насъ, говоряшъ, Адьюпаншъ что-ли какой-то ешоялъ; шакъ онъ какъ ни дѣлалъ глазки, нѣпъ — съ шѣмъ и пошелъ. А вчера — такая прыкая! прикащикъ было бросился за нею, шакъ она къ дверь, да подъ лѣстницу; онъ ринулся шуда, а она увернись, а онъ прямо лбомъ о столбъ, голову разшибъ. Она знай хохочеть. Даже никому поглядѣшь на себя не даетъ!»

— Какъ ее зовуть? спросилъ я.

«Чудно выговоришь; Касашка что-ли.»

Вечеру пришелъ ко мнѣ, за дѣломъ, прикащикъ, съ подвизанною головою, молодой, хорошій мужчина. Онъ въ разговорѣ самъ спалъ чешипъ землячекъ своихъ по заслугамъ; я свошилъ рѣчь на Цыганку, и сказалъ: «А что, она чай не хуже другихъ, даромъ что молода? Вѣдь у васъ всѣ на одинъ ладъ?»

— Нантъ, бояръ, строгой дѣвка — ошѣталъ
онъ усмѣхнувшись — дикой, недавно привезенъ.

« Откуда? »

— Изъ Спандешши, наша деревня.

« Изъ Спандешши! » повпорилъ я, и — ужаснул-
ся. Надобно знашь чипапелямъ, что въ здѣшнихъ
земляхъ одни шолько Цыганы принадлежашъ къ
числу крѣпостныхъ людей; они частію поселе-
ны въ Молдаванскихъ деревняхъ, частію-же со-
составляюшъ свои особенныя селенія. Къ сѣмъ по-
слѣднимъ принадлежишъ и Спандешши. Проѣзжая
проселочными дорогами, вы встрѣчаешъ жилища
дикихъ, и не вѣрише глазамъ своимъ. Вся де-
ревня, шаръ и малъ, ходяшъ лѣшо и зиму на-
гіе. Да не сочпушъ сіе описаніе преувеличен-
нымъ: свидѣтельствуюсь всѣми, кошорые, на-
примѣръ, проѣзжали изъ Бухареста на Плойе-
шши, проселочной дорогою, за разлишіемъ рѣкъ.
И такъ, повпоряю, дикіе Цыганы рубахъ не
знаюшъ вовсе, сидяшъ въ землянкахъ и бѣгаюшъ
по улицамъ, за водою, за скопомъ, шаръ и
малъ — нагіе; нзрѣдка, выходя за село, наки-
дываюшъ на себя общій семейшвенный, синій
или сѣрый, изъ рубищъ и лохмешевъ соспо-
ящій кафтанъ, на голое шѣло. Когда въ эшой
глуши раздаешъ бить ямщяка, шо люди, какъ
звѣри, выславляюшъ исключенныя черныя го-
ловы свои, и, прикрывая нагошу свою руками,

выглядывають изъ за угловъ землянокъ своихъ. Изумленный пролѣтѣй глядишь, видишь и — не вѣришь... и не успѣвъ опомнишься, онъ промчался, и облака густой пыли сокрыли опъ него лѣсныя берлоги дикихъ полу-человѣковъ. . . .

7.

Мое знакомство.

Итакъ вотъ родина швоя, бѣдная моя Касашка! думалъ я, и — чего, казалось, послѣ такого ожидашь опъ дѣвственнаго чувствъ шдомкхъ, образа мыслей, и самыхъ поступковъ? — При всемъ томъ, все что вижу и слышу, увѣряешь меня въ противномъ. Касашка возбуждала все участіе мое; я желалъ узнать ее короче, но не видѣлъ къ тому средства, ибо какое сношеніе могло бытъ между нами; при ея обращеніи съ поклонниками своими? Не желая ходить съ подобнымъ лбомъ, не думалъ я за нею гоняться, а встрѣчаясь съ нею, при входѣ или выходѣ, говорилъ ласково: Здравствуй! Послѣ того, она первая, пробѣгая скоро мимо меня, при встрѣчѣ говорила: здравствуй! положивъ со сѣбѣю руку на грудь, и наклоня нѣсколько голову. Такимъ образомъ скоро она пересмала меня бѣясь; увидѣла, что я не паховъ, какъ предшественникъ мой, Адъшашшъ,

и когда я шелъ прямо на нее по узкому коридору, и съ распроспертыми руками, шо она подбѣжавъ скоро и смѣло на встрѣчу, сказавъ: здравствуй! искусно и проворно въ ночь-же мигъ умѣла избѣгать объятій моихъ и ускользашъ, нырнувъ подѣ руки. Попомъ бѣжала она скоро и, оглядываясь, говорила привѣшливо: Здравствуй! Я всегда съ сердечнымъ умилениемъ и искреннимъ уваженіемъ глядѣлъ на нее; и распроспертыя къ ней руки охотно и съоткойно дозволялъ опвесши въ сторону; никогда не былъ я въ сосшоаніи употребить никакого принужденія, и внутренно самъ въ себѣ сознавался, что не смошря на желаніе мое обнять Касашку, спрошивленіе и неудача было шо, что еще болѣе меня къ ней привязывало и засшавляло уважашъ душевно. Мнѣ всегда казалось, что я чишаю въ глазахъ ея: Ты видишь — все для себя сдѣлашь гошова; ты для меня лучше и дороже многихъ: будь доволенъ шѣмъ и — не шребуи невозможнаго! И я довольствовался шѣмъ, и не имѣлъ никакихъ желаній.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ZAUBER-BIBLIOTHEK, etc. (ВОЛШЕБНАЯ БИБЛИОТЕКА,
и проч. Сочинение К. Горсша.)

(Окоцгаміе).

Дѣло Леди Фоулисъ состояло въ умыслѣ на жизнь юной Леди Балнагоунъ, для того, чтобы Жоржъ Россъ Балнагоунъ могъ свободно послѣ сего жениться на молодой Леди Фоулисъ. Но для полученія наслѣдства Фоулисовъ, въ случаѣ такого брака, надобно было совершить еще большее злодѣяніе. Пасынки Леди Фоулисъ, Робертъ и Гекшоръ, съ нихъ семействомъ, составляли къ тому первое предпріятствіе. Рѣшились испребитъ всѣхъ, и число обрѣченныхъ жервъ было весьма велико. Въ числѣ ихъ была и Кашерина Россъ, сестра Жоржа, женщина, участвовавшая въ заговорѣ, и, какъ кажется, мало вѣрившая колдовству, но не боявшаяся употреблять его и всѣ другія средства злодѣяній. Сначала сдѣлали глиняныя изображенія обрѣченныхъ на смерть, повѣсили ихъ на сѣверной стѣнѣ комнаты, и стрѣляли въ нихъ, съ разными колдовскими обрядами. Узнавъ попомъ, что всѣ разстрѣлянные остаются живы, рѣшились просто отправить ихъ; но первое покушеніе было неудачно, ибо ядъ не дѣйствовалъ. Стеклянку сильнѣйшаго яда послали къ молодому Фоулису, съ кормилицею его. И шутъ обманулись убійцы: несчастная разбила стеклянку дорогою; ядъ былъ столь ужасенъ, что кормилица умерла, едва шолько попро-

божала его изъ любопытства, и шрава, на копору разлила она ядъ, вся сгорѣла. За тѣмъ стали двать одному изъ Фоулисовъ мышьякъ, но все было безъ успѣха. Въ то-же время, отправили Леди Балнагоунъ, подложивъ яду въ кушанье. Наконецъ, злодѣяніе открылось, и Леди Фоулисъ — была оправдана! Судъ составленъ былъ изъ людей, подчиненныхъ ей, какъ владѣтельница многихъ обширныхъ земель...

Злодѣйство столь ужасное повлекло за собою новое преступленіе. Гекторъ Россъ, едва избѣгнувшій ошъ рукъ убійць, самъ рѣшился погубить брата своего Жоржа. Слѣпо вѣря колдуньямъ, окружавшимъ его, онъ согласился на злодѣйство, будучи человѣкомъ слабого характера, и увѣренный, что тѣмъ сохранитъ жизнь свою. Опъ сдѣлался боленъ; колдуны сказали ему, что единственное средство оспасться въ живыхъ — обмѣнъ жизни съ братомъ Жоржемъ. Въ полночь, бѣдняка положили въ гробъ; главная колдунья была спрашиваема: кого она выбираетъ въ жершву смерти? Она назначила Жоржа, и предсказала кончину его въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Нелѣпное колдовство это происходило въ Январѣ. Въ назначенный колдуньею день, Жоржъ умеръ, а Гекторъ выздоровѣлъ, и по суду былъ оправданъ, ибо и его судили люди, ему подвластные.

Едва утихло волненіе умовъ, возбужденное сими двумя процессами, какъ новое, странное судопроизводство изволновало всѣхъ: это былъ заговоръ колдуновъ и колдуней прошивъ Короля Іакова и супруги его, въ 1591 году.

Начало сего страннаго процесса произошло отъ признанія Гелліи Дунканъ, служанки въ домѣ депуташа, Байлифа Траненшскаго. Какіе-то сосшавы, найденныя у Гелліи, и другія подозрѣнія, обратили на нее вниманіе хозяина. Побуждаемый ревностію къ открытію дьявольскихъ хитросостей, онъ, съ помощію другихъ, рѣшился пытать злую колдунью, давилъ ей вишнями пальцы на рукахъ, и веревкою крѣпко сжималъ ее голову. Не смоя на всѣ старанія ревностныхъ изыскашелей, несчастная не признавалась. Это приписывали помощи дьявола, усилили пытку, и наконецъ истина открылась: Геллія объявила, что она приготавливала волшебныя зелья, и обвинила въ участіи 30 или 40 жительницъ Эдмбургга, не только изъ высшихъ, но изъ самыхъ высшихъ званій; между прочимъ, Эвфимію Макальзину, дочь Лорда Клейфшонгалля, одного изъ сенаторовъ и членовъ Юстиць-Коллегіи.

Тщательно разсматривалъ колдовскіе процессы Король Іаковъ, суевѣрный, слабый душою, и вѣрившій въ всѣ нечѣстныя Шпренгера и Бодина. Онъ безпрестанно изумлялся, читая допросы и показанія по дѣлу Гелліи, ибо находилъ много новаго и дошолъ неизвѣснаго ему о дьяволѣ и колдовствѣ, въ разказахъ обвиненныхъ. Наконецъ рѣшился онъ приказати предшавити къ себѣ Геллію, когда другая вѣдма, Агнеса Сампсонъ, объявила, что Геллія была начальницей пляски, съ какою шли онъ къ дьяволу въ церковь Бервикскую, при пѣніи пѣсенъ, сочиненныхъ имъ самимъ. Его Величество засшавлялъ въ своемъ присушствіи плясати вѣдмъ, (такъ сказано въ акшахъ процесса), ибо по стран-

ности сихъ обшюмшельствъ, съ большимъ удовольствіемъ самъ онъ изволялъ бытъ свидѣтелемъ допросовъ.

Все однакожь могло кончиться этою пляскою, если-бы не было употреблено обыкновеннаго средства вывѣдыванія правды у сообщниковъ дьявола — пытки. Всего болѣе истощили сіе средство надъ Куннингамомъ, кошорый въ актахъ процесса упоминается подъ именемъ Доктора Фіана. Это былъ учивель, человекъ сильной души и крѣпкаго сложенія. Голова стянуша была у него веревкою — онъ молчалъ; начали другія, небольшія пытки (*fair means*) — тоже молчаніе; наконецъ началось испытаніе *сапогами*, самое ужасное и жестокое (*the most cruel and severe pain in the world, called the boots*), и послѣ трехъ пріемовъ Фіанъ рѣшился говорить, но отъ жестокой боли не могъ. Освобожденный отъ пытки, Фіанъ подтвердилъ согласіемъ все, что у него спрашивали, согласился въ помъ, что онъ сообщникъ дьявола, развратный человекъ, и умышлялъ на жизнь Короля и Королевы, посредствомъ волшебныхъ зельевъ и колдованія.

Важность признанія вскорѣ была уменьшена, ибо Фіанъ, пробывъ дня два въ шюрмѣ, и снова приведенный къ допросу, рѣшишельно отъ всего отрекся. Король приказалъ возобновить пытку. Вбивали иглы въ пальцы волшебника, сорвали у него ногти, особеннаго рода клещами. Фіанъ спрдадь и упорствовалъ. Тогда возобновили пытку *сапогами*; у Фіана допнули жилы, изломались кости... онъ немедленно подтвердилъ все снова.

Чему изумлялся особенно Король, что было сходство показаній, какія сдѣланы были всѣми сообщниками Фіана; всѣ подтвердили подробности шоль неаппы, споль глупыя и безобразныя, что Король сначала сказала чистая бумага : « Они лгушъ ! » Но послѣ увѣрился онъ въ истинѣ многими подтвержденіями.

Изъ процесса видно, что Іаковъ, своею набожностію, и дѣяшельнымъ участіемъ, какое принималъ въ преслѣдованіи сообщниковъ дьявола, еще до сочиненія книги о Демонологіи, казался дьяволу весьма опаснымъ непріятелемъ. Когда дьяволъ устроилъ первый планъ погубить Короля, и сей планъ неудался, по съ досадою вскричалъ духъ шмы, что онъ безсиленъ прошивъ благочестиваго Короля, и прибавилъ къ этому, по-Французски: *Il est homme de Dieu!* Рѣшено было въ совѣтѣ дьявола съ его сообщниками, что надобно употребить самыя важныя средства для истребленія « величайшаго врага, какого шолько когда нибудь имѣлъ адъ въ мірѣ. » Торжественныя пригошвленія учинены были, чтобы воздвигнуть страшную бурю, когда Король поѣдетъ по морю, и упоишь его. Фіанъ, какъ секретарь чорта, писалъ приглашенія къ величайшей вѣдьмѣ Маріоннѣ Линкупъ, и другимъ, объясняя, что по приказанію Саманы, всѣ онѣ должны собратъся ѣхать по морю, въ шеченіе пяти дней, и ворожишь для произведенія бури. Толпа вѣдьмъ, около 200 числомъ, пустилась въ дорогу; каждая плыла въ рѣшетѣ или ситѣ. Черный кошь сплѣлъ съ главною вѣдьмою, крича: *Hola!* — Король съ изумленіемъ признавался попомъ, что шочно однажды ѣхавши по морю, онъ замѣшилъ,

какъ всѣмъ другимъ кораблямъ былъ вѣтеръ благопріятный, а его корабль шёлъ противный вѣтеръ.

Ворожба на морѣ кончилась. Вѣдьмы вышли опять на берегъ, шли изъ шѣхъ-же рѣшетъ, въ кошикахъ ѣздили по морю, и отправились потомъ въ процессію къ Норд-Бервикской церкви, гдѣ дьяволъ назначилъ имъ мѣсто свиданія. Общество состояло болѣе нежели изъ 100 вѣдьмъ, и 32 изъ оныхъ означены по именамъ въ показаніяхъ Агнесы Сампсонъ. Передъ всѣми впереди шла Геллія Дунканъ, играя на Жидовской арфѣ, и пріпѣвая слѣдующую пѣсню :

Summer, goe ye before, Summer, goe ye,
Gif ye will not goe before, Summer, let me!

Дьяволъ явился имъ въ ужасномъ видѣ, и описаніе его, помѣщенное въ современныхъ запискахъ Сира І. Мельвилля, сдѣлало-бы честь какому воображенію Данте. Фіанъ исполнялъ должность секретаря, и дулъ на свѣчи, которыя горѣли чернымъ огнемъ, а Грей-Меналъ былъ придверникомъ. Стоя подлѣ налея, дьяволъ сдѣлалъ перекачку, спрашивалъ у каждаго и у каждой, что учинено ими, и благодарилъ за стараніе. Грей-Меналъ, неоспорожно промолвивши, что благодареніе богу, Король остался безвреденъ, получилъ ошъ чорша сильную ослеуху. Послѣ того, дьяволъ увѣщавалъ всѣхъ спарашься дѣлать Королю сколько можно болѣе зла; потомъ заставилъ ихъ кланяться... Остальныя подробности отвращительны.

Таковы были подробности дѣла, которое въ 1591

году; Король, знатнѣйшіе вельможи и умнѣйшіе люди Шотландіи судили, равномѣривали, и рѣшили. Участь несчастныхъ жертвъ была извѣстна напередъ. Фіана удавили и сожгли; на такую-же участь обрекли Агнесу Сампсонъ. Варвара Папѣрь была также осуждена, хотя не участвовала въ заговоръ, въ умыслъ на жизнь Короля, но какъ обличенная вѣдьма. Главнѣйшее лицо въ числѣ осужденныхъ составляла Евфимія Макельзинъ, дочь Лорда Клейфтонгала, женщина твердой души, необузданныхъ спрасшей, жаркая защитница Католицизма, сообщница Бошвелля, и закладшая непріятельница Іакова и Реформаціи. Видно, что она вовсе не вѣрила колдовству, но употребляла его пособіемъ въ своихъ дѣлахъ. Число колдованій, отправленій, покушеній на жизнь, ей приписанное, равнялось числу подобныхъ обвиненій, взведенныхъ на Бринвилле. Судъ оправдалъ ее во многомъ, но подшвердаль однакожь, что она участвовала въ убійствѣ своего крестнаго отца, кромѣ того племянника мужнина, и еще какого-то Дугласа Пеннфрасона, присутствовала на сборищѣ вѣдьмъ въ Норд-Бервикъ, и проч. — Несчастную положено удавить и сжечь, привязанную къ столбу. Съ величайшимъ хладнокровіемъ шла Евфимія на казнь, исполненную 25 Іюня 1591 года. — Сшоль глубоко, сшоль сильно было впечатаніе на душу Короля, что боясь мщенія вѣдьмъ, онъ хотѣлъ было въ 1597 г. вовсе ошмѣнить ихъ преслѣдованіе, и кромѣ того написалъ книгу о сообщеніи дьявола съ людьми, за что называли его современники Шотландскимъ Соломономъ.

Въ процессахъ Бесси Роя (1590 г.), Якоба Рей-
да (1603 г.), Патрика Курри (1605 г.), Изабеллы
Гривсонъ (1606 г.) и Гривель Гардинеръ (1610 г.)
обвиненія заключались въ произведеніи, при посред-
ствѣ дьявола, болѣзней, участіи въ колдовскихъ сбор-
ищахъ, употребленіи мершвыхъ штъ на колдов-
ство, колдованіи на живыхъ, оборачиваніи добрыхъ
людей кошками, высасываніи молока у женщинъ, и
проч. Противъ этого употребляли снѣдьку воду,
жженую соль, травы, молитвы. Боялись произво-
дить колдуны обыкновенно для изображенія лю-
дей изъ глины, и сжигая ихъ, или хороня ихъ внизъ
головою; закидывая мершвыя руки въ дома, и да-
же привѣшивая шолько заколдованный кусокъ гове-
дины къ дверямъ. Для произведенія добра, или для
приниженія зла употреблялось колдовство, на то
не смотрѣли: Грива (въ 1623 г.) осужденъ за то,
что онъ лечилъ колдовствомъ; за это же сожгли
Амзонъ Пирсонъ; Барти Паперсонъ (1607 г.) былъ,
кажется, самый благочестивый изъ колдуновъ, ибо
лечилъ молитвами, заставляя читать ихъ на особе
назначенныхъ имъ мѣстахъ. Въ дѣлѣ Роберта Эр-
скина было просто отправленіе, произведенное тра-
вами, какою-то Маргаритою Ирвинъ. Въ дѣлѣ Мар-
гариты Валласъ находимъ первый лучъ разума, про-
бившійся сквозь мракъ суевѣрій (1622 г. Марта 20).
Нѣсколько судей спорили, что не всѣ лекарства,
какія составляла обвиняемая въ колдовствѣ, долж-
но почитать чершовскимъ зельемъ, но что могутъ
быть между ними и обыкновенныя лекарства; защи-
щеніе было ведено весьма искусно, но штъ не ме-
нѣе безуспѣшно.

Ноябрь 1830.

5

Такъ шло дѣло колдовства во все продолженіе царствованія Карла I-го. Съ 1625-го до 1640 года восемь процессовъ было судимо, и по одному только оправдали обвиненную — примѣръ однакожь неслыханный! Въ дѣлѣ Кашерны Освальдъ, нѣкоторые изъ судей предлагали, что не должно осуждать подсудимыхъ, когда все обвиненіе основывается на показаніи другихъ, что они были съ ними вѣрошѣ на шабашахъ вѣдьмъ. Этого не уважили; равно не уважили спора нѣсколькихъ судей за Юнга (1629 г.), обвиняемаго въ томъ, что 29 лѣтъ прежде, колдуньяемъ остановилъ оны воду на мельницѣ. Половина подсудимыхъ погибала по отговору другихъ, подтвержденному признаніемъ, въ слѣдствіе шого у нихъ вымученнымъ. Замѣчательнъ процессъ Гамильсона (1630 г.); въ немъ не видимъ обыкновенныхъ подробностей, общихъ всѣмъ колдовскимъ процессамъ: сборищъ, ужасовъ; дѣло съ дьяволомъ было у него весьма простое. Гамильсонъ отрекся отъ Бога за 4 шиллинга, съ условіемъ, что каждый разъ, когда ему понадобится деньги, отъ получишь столько-же, просто ударивъ палкою въ землю три раза, и вскричалъ: Rise up, foul thief! За шо и дьяволъ обходился съ нимъ безъ чиновъ, и когда Гамильсонъ однажды не исполнилъ его приказанія, онъ былъ выколоченъ палками изъ рукъ самаго духа шмы.

Мрачнѣе является намъ горизонтъ съ окончаніемъ власти Короля Карла, и началомъ владычества Пуританъ. Въ 1640 г. велѣно было всѣмъ священникамъ замѣчать колдуновъ и вѣдьмъ, а особеннымъ чиновникамъ наблюдать за строгимъ ихъ на-

казаніемъ. Нѣсколько другихъ актовъ, изданныхъ до 1649 года, возобновили всѣ прежніе законы о волшебствѣ, и ужасъ казней достигъ прежней степени, во все продолженіе времени послѣ смерти Іакова казались ослабѣвшими. Болѣе 30 процессовъ было судимо высшимъ судомъ съ 1649 года до восстановления Королевской власти, и только по одному преступникъ былъ оправданъ. Можно судить о количествѣ казней сообразивъ, что въ одинъ годъ (1659-й), въ Глазговѣ, Спирлингѣ и Эвръ осудили и сожгли 17 человекъ.

Гораздо многочисленнѣе долженствовало-бы быть количество процессовъ, судимыхъ въ сіе время Высшею Коллегією, ибо тогда вся Шотландія сходила съ ума отъ дьявола и его сообщниковъ. Но актъ 1563 года былъ возобновленъ въ полной его силѣ, и по оному дано было право всюду составлять частныя мѣстныя судища, облачать, судить, жечь колдуновъ и вѣдьмъ; число такихъ, извѣстныхъ намъ, судищъ превосходишь всякое вѣрояніе. Духовенство показывало въ то время особенно всю свою неутомленную ревность. Прежде всегда начинали дѣло простымъ допросомъ; пусть начали употреблять предварительныя средства: заключеніе въ шюрьму, ложную исповѣдь, или прямо пытку. Сами священники шиховько пытали подозрительныхъ людей, и вырванное у нихъ малѣйшее слово, одна мысль, почитались очевидностью. Довольно было присяги священника, чшобы шотъ или ша были объявлены сообщниками и сообщницами дьявола — дѣло начиналось, пытка производилась, и обвиненный, или обвиненная, погибали.

Хотя въ царствованіе Карла II-го, народное мнѣ-

ніе о колдовствѣ начало обращаться въ прошивную сторону, но преслѣдованія сдѣлались едва-ли не кровавѣе прежняго. Въ первый годъ по возстановленіи Королевской власти, около 20 человекъ было судимо въ высшемъ судѣ; двое только оправданы, и шѣ были попомъ обвинены вновь и осуждены. Четырнадцать частныхъ судилищъ установлено высшимъ судомъ въ одинъ день (Ноября 7, 1664 г.); число жертвъ, погибшихъ тогда всюду — неисчислимо! Удостоверяемся въ этомъ изъ реэстровъ частныхъ судилищъ. Что касается до того, какъ производились тогда сужденія, и какія подробности дѣяло суевѣріе, можемъ видѣть изъ рукописи о судопроизводствѣ, бывшемъ надъ двумя старухами, въ Морайской области (въ 1662 г.). Сія рукопись, весьма подробная, хранится нынѣ въ семейномъ архивѣ Россовъ Кильравокскихъ.

Имена двухъ несчастныхъ женщинъ были: Изабель Говди и Жанета Бридгидъ. Два изъ послѣднихъ, дѣданныхъ имъ допросовъ, уцѣляли; другіе погибли. Предпослѣдній учиненъ былъ Шерифомъ, въ присутствіи многихъ окружныхъ дворянъ и духовныхъ людей, писанъ публичнымъ ношариусомъ, подписанъ всѣми, и заведенъ депушашомъ высшаго суда, Колмидлемъ, свидующими словами: «Прочищавъ и разсмотрѣвъ показанія И. Говди, и видя, что сущность преступленія составляетъ союзъ съ Сашаною, отрѣченіе отъ крещенія, и многія другія злыя дѣла, я нахожу, что надобно прислушавъ къ составленію крившеша, для окончательнаго рѣшенія.» Слѣдствія сего комшета легко угадашь.

Non ragioniam' de lor — ma guarda e passa.

Хотя въ разное время, но съ удивительною точностію Говди подшверждала всѣ подробности; описанія, сдѣланныя ею въ разные времена, совершенно сходны одно съ другимъ. Если это не слѣдствія одинаковыхъ вопросовъ, подсказанныхъ во время мученій, то удивительная сила болязненнаго состоянія души ея достойна замѣчанія.

Дьяволъ, говорила она, перекрестилъ ее въ Аудириской церкви, и назвалъ Жанешою. Тридцать вѣдьмъ были кумами (имена нѣкоторыхъ обвиненная сказала, и онѣ подшвердили слова ея). Обряды сборищъ, одежда, пѣсни, праздники вѣдьмъ переданы обвиняемой во всей точности, и со всѣми отвращительными подробностями...

Послѣ 1662 года видимо уменьшается несчастное поварье. Въ теченіе шести лѣтъ не было новыхъ процессовъ, и, напрошивъ, находимъ опредѣленіе высшаго суда, по которому опредѣлено было выстѣчь плетьюн Джемса Вельша, за обвиненіе многихъ въ колдовствѣ. Дѣло о десяти вѣдьмахъ, будто-бы сожженныхъ въ 1678 г., сомнительно. Въ 1680 г. Сиръ Георгій Маккензи представилъ на утвержденіе Правительства актъ, по которому велѣно освободить всѣхъ обвиняемыхъ, у которыхъ признаніе вынуждено пышкою. Въ 1697 году производилось дѣло Христины Шау; 24 человекъ, въ томъ числѣ дѣвочка 14-ти, и мальчикъ 12-ти лѣтъ, были судимы. Большая часть ихъ спралада шолько кликушествомъ, и не была обвиняема въ полномъ сообщеніи съ чоршомъ. Только пятеро были осуждены; ихъ сожгли на Песлейскомъ лугу. Послѣдній процессъ въ высшемъ судѣ было дѣло Элсешъ Рула, 3 Мая 1708 го-

да; обвиненнаго опредѣлили заклѣпнуть горячимъ желѣзомъ на щекѣ, и выгнать изъ Шотландіи. Последняя казнь совершена была въ Шотландіи, надъ какою-то шарухой, въ 1722 году, въ приходѣ Лопскомъ, въ селеніи Дорнохъ, по приговору частнаго судища, подѣ председательствомъ Шерифа, Капитана Давида Росса. Время, когда привезли осужденную на мѣсто казни, было ненастное и холодное. Она озляла, и грѣлась подлѣ огонька, вмѣстѣ съ зршелями, пока приготоуленъ былъ костеръ и другія принадлежности казни.

Смиь кончилась въ Шотландіи, исполненная ужасами лѣтописи колдуновъ и вѣдмъ. Въ 1735 г., какъ мы уже сказали выше, вовсе уничтожено судебное преслѣдованіе сообщниковъ дьявола. Но еще въ 1743 г. одна изъ сектъ Шотландскихъ, исчисляя въ акшахъ Единбургскаго Соединеннаго Пресвитерства грѣхи народа, въ числѣ ихъ поставила означенное уничтоженіе, какъ дѣло, «противное явной волѣ Божіей.» Въ обласяхъ отдаленныхъ, и въ умахъ простодушиновъ вѣра въ колдовство остается донынѣ, но такъ-же, какъ вѣра въ духовъ, алхимию, или повѣрье о *двойномъ зрѣніи*: эпо родъ неопредѣленнаго понятія о чудесномъ, предельно необыкновеннаго, по которой мечты поэша и рассказы романиста намъ нравятся. Исторія колдовства поучительна для честолюбиваго ума человеческого, который даже и въ наше время иногда уловляется энтузіазмомъ горячихъ головъ, или мистикою секшаторовъ. Урокъ поучительный находимъ въ ней, доказывающій въ тоже время, что преслѣдованія и гоненія могли-бы и нынѣ развить важныя послѣд-

сшвія изъ квіетизма Буриньонъ, мечшаній Гюйонъ, восторговъ Сестры Рождества, предрѣченій Нейлора, сновидѣній Доктора Ди, и Шведенборгова воззрѣнія на Новый Іерусалимъ. Гордость челоуѣнская, основываясь на словахъ, что мы *малыи гѣмъ умалены отъ Ангеловъ*, всегда готова вѣрнись непосредственному сообщенію съ неземными, и мечты Гюйонъ, преслѣдуемыя наказаніемъ, легко могли бы явнись и въ наше время страдальцевъ и палачей. Говорять, что нашъ вѣкъ не есть уже вѣкъ пзсшупленія и фанатизма. Мы несогласны, и укажемъ на Криденеръ, Соушкошта и Гогенлоге, восторженныхъ мечшашелей, увлекавшихъ за собою шмисачи людей изъ всѣхъ званій. Когда-же, гдѣ? Въ нашъ вѣкъ, въ просвѣщеннѣйшей странѣ Европы! — Впрочемъ, всякой вѣкъ, за зло, имъ шерпимое, награждается и добромъ, его сопровождающимъ. Конечно, говоря вообще, мы благоразумнѣе, холоднѣе нашихъ предковъ, мы не вѣрнись въ колдуновъ, не преслѣдуемъ волшебства; но происходитъ-ли это отъ ума, отъ убѣжденія? Награждаетъ-ли насъ холодность наша за ту теплую, согрѣвавшую сердце вѣру въ чудесное — источникъ поэзін, заблужденій, и — можеть быть — счастья, котораго мы понимаемъ не можемъ? . . .

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА,

— *Основанія Россійской Словесности* (сочиненіе А. Никольскаго). *Седьмое изданіе*, 2 части. СПб. 1830 г. въ ш. И. Глазунова, in-8, VI и 87, VI и 121 стр.

Изъ *Предувѣдомленія* узнаемъ, что Автору, въ 1807-мъ году, было поручено составить *краткія правила Русской Словесности*. Онъ исполнялъ порученіе; книгу тогда-же напечатали. Прошло *двадцать три года*; въ теченіе сего времени было *шесть изданій* книги Г-на Никольскаго. Теперь что говорить Авторъ? «Благосклонное принятіе 'книжки' моей, поселить во мнѣ лестную мысль, что она «не безъ пользы можетъ быть употребляема, по-«будило меня рѣшиться и на седьмое изданіе оной.»

Признашься-ли? Эти слова Автора — страхъ какъ не нравятся намъ. Мы полагаемъ, что такъ не долженъ былъ думать и говорить почтенный Авторъ *Основаній Россійской Словесности*. Какому нибудь покойному Меморскому, какому нибудь книгопродавцу, печатающему въ седьмой разъ дрянную Арифметику, Грамматику, Самоучитель, позволяешь безъ толку предавать шипу книжицу, кошораи идешь у него съ рукъ. Оправданіе его въ семь

случаѣ одно : *барыш* ! « Мнѣ что за дѣло ? » говоришь издатель — « гдѣ покупаюшь ? Хошь-бы не-сокъ , шолько-бы соднѣ ! »

Чего-же мы требуемъ ? Требуемъ : не безопчешнаго желанія перепечатывашь , но желанія дѣлать книгу при другихъ изданіяхъ лучше , полезнѣе , совершеннѣе . Разумѣется , что здѣсь рѣчь идеть о *книгахъ учебныхъ* . Поэшь , романнстѣ , могутъ переправлять и не переправлять свои творенія : шамъ дѣло вкуса , воображенія . Въ учебной книгѣ совсѣмъ другое : надобно смотрѣть на пользу , на положительныя основанія науки . Если авторъ учебной книги приступаетъ къ 2-му изданію , пересмотри онъ свою книгу щцашельнѣе , прибавь , убавь , усовершенспуй . Эшого мало . Онъ долженъ наблюсти : не пояснися-ли чѣмъ нибудь новымъ самыи предметъ книги ? Не усовершенствовалась-ли его система ? Не сдѣлано-ли какихъ нибудь новыхъ пріобрѣшеній знанія , послѣ перваго изданія книги ? Все это онъ обязанъ имѣть въ виду , и исполнить ; да , *обязанъ* — или мы въ правѣ сказать , что *не польза , не наука* есть цѣль его !

Къ сожалѣнію , у насъ рѣдко , очень рѣдко имѣюшь въ виду подобныя правила при новыхъ изданіяхъ учебныхъ книгъ . Подумаете , что судьба обрекаетъ ихъ на совершенство при рожденіи , и что науки ошдыхаютъ , или спятъ , произведя твореніе вѣковое и неизмѣнное . Въ самомъ-же дѣлѣ , по безпечности , по разчешамъ , или по незнанію , книга перепечатывается , по неводѣ покупаетъ , пока лучше нѣтъ , или идеть съ рукъ по привычкѣ къ цей

учителей, и смѣняется новою лишь черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда уже рѣшительно она никуда негодится, и личныя отношенія учителей прекращаются, т. е. старые учителя померли. Отъ того у насъ безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ учебныхъ книгъ, смѣшеніе пуще Вавилонскаго, а толку все нѣтъ! Логика Баумейстера и Клейна, Грамматика Померанцева и Греча, Арифметика Войшяховскаго и Лакруа, Меморскаго и Франкёра. Смѣшныхъ примѣровъ безопасности, съ какою издаются Русскія учебныя книги, можно представить бездну. Читатели вспомнятъ, что въ Телеграфѣ (1829 г. № 17, стр. 361) мы указывали на Русскую учебную Исторію, которая, съ 1796 года, напечатана была *девятымъ* изданіемъ, съ такою точностію противъ перваго, что событія съ 1796 года по 1827 г. въ ней не были дополнены, и учебная книжка Русской Исторіи, изданная *девятымъ* изданіемъ, *съ 1827-мъ году* — оканчивается 1796-мъ, т. е. тѣмъ достопамятнымъ годомъ, когда появилось *первое* изданіе книжонки!

Авторъ *Основаній Россійской Словесности* слѣдовалъ сему несчастному примѣру, и потому мы имѣли право пожалѣть объ этомъ. *Седьмое изданіе*, по книгѣ учащая, и мысль, что она «не безъ пользы въ настоящемъ видѣ», заставила Автора печатать безъ перемѣны то, что написалъ онъ — *за 23 года!*

Странно и досадно. Положимъ, что Авторъ написалъ совершенное по тогдашнему времени сочиненіе, возможно-ли, что-бы въ печеніе почти 25

дѣшъ, предметъ книги его оставался неподвиженъ, и, слѣдовательно, книга Автора безъ перемѣны годилась-бы для ученія и дѣдушки и внучка? И какой-же предметъ? *Русская*, или (какъ говоритъ Авторъ) *Россійская*, *Словесность*! Перемѣнились поколѣнія, мнѣнія, понятія, въ Европѣ и Россіи — а насъ утѣшаютъ «благосклоннымъ принятіемъ книги» нашими дѣдами, и хотятъ, что-бы мы учили дѣшей по этой книгѣ, ибо она, по мнѣнію Автора, все таки «не безъ пользы!» Покорно благодаримъ.

Это заставляешь насъ по неволѣ обратиться вниманіе почтеннаго Автора на его книгу съ особенной, современной точки зрѣнія.

Четыре условія требовались отъ Автора, какъ видимъ изъ предисловія:

1-е, Что-бы помѣстивъ совокупно *Грамматикку*, *Риторикку* и *Поэзію*, дабы все, относящееся къ Словесности, преподаваемо было по одинаковой системѣ;

2-е, Что-бы правила сіи, особенно правила *всеобщей Грамматикки*, основаны на изъясненіи понятій ума человѣческаго, дабы учащіеся не слѣпо слѣдовали за учителемъ, и не буквально затверживали преподаваемое ученіе, но собственнымъ своимъ разсудкомъ выкакали въ оное;

3-е, Что-бы примѣры для объявленія правилъ, заимствованы преимущественно изъ Россійскихъ Писателей, обращая вниманіе не только на красоту слога, но и на нравственность содержанія;

4-е, Что-бы книга Основаній Русской Словесности была припомъ не слишкомъ велика.

Короче: требовался Курсъ Словесности, *систематическій, удаленный отъ схоластики, сообразный возрасту учениковъ по примѣрамъ, и краткій.*

Ни одно изъ сихъ требованій не исполнено почтеннымъ Авторомъ, судя по нынѣшнему сословію Словесности и Теоріи Изящныхъ Искусствъ.

1-е. Курсъ Словесности *безъ Эстетики* — что это такое? Пинтика ушла въ Риторикѣ, ибо Авторъ увѣряетъ (стр. 65, 2-й ч.), что «Поэзія составляетъ часть Риторики!!!» Ей опредѣлено мѣсто между главами *о Хриі* и главою *о слогахъ! О всеобщей Грамматикѣ* нѣтъ и помину, хотя она именно требовалась по программѣ. Посадъ крашкаго объясненія о понятіяхъ, опредѣленіяхъ, родѣ, видѣ, цѣломъ, частяхъ, аксіомѣ, проблемѣ, (Логика?), слѣдуешь Грамматика. Русская — выборъ изъ старыхъ Грамматикъ нашихъ (съ давнопрошедшими временами, мѣстоименіями: *мой, твой, нашъ*, мѣстоименіемъ: *Вотъ то-то!* и со всѣми давнопрошедшими пустяками). Пошомъ идешь схоластическая Риторика, гдѣ въ періодахъ толкують о знакахъ препинанія, Поэзію (какъ мы выше сказали) счищаютъ частью Риторики, опредѣляя самую Риторикѣ искусствомъ «располагать и *пріятно излагать свои мысли.*» Если Авторъ хотѣлъ показать примѣръ того, какъ пишешь книги вовсе безъ системы, онъ достигъ своей цѣли.

2-е. Ни одна статья въ Основаніяхъ Словесности Г-на Никольскаго не выведена изъ законовъ

ума человеческого. Это выборка из шарыхъ Грамматикъ, Ришорикъ и Цимчикъ.

3-е. Отъ примѣровъ требовано, что-бы въ нихъ была «не только краса слога, но и нравственность содержанія;» не говорено было Авшору, что-бы красота слога вовсе не было, а была-бы только нравственности. Въ послѣднемъ случаѣ, мы ни слова не сказали-бы, если-бы Авшоръ помѣстилъ въ примѣры шаривную псалму:

О холь наше на семъ свѣтѣ
Житіе плачевно!

или пѣсню —

Пойте вѣтки во саду,
Разгулявсья изъ вамъ иду!

Но при требованіи нравственнаго содержанія и изящества, какъ могъ Авшоръ предлагать примѣры слѣдующіе:

Что счастье коловратно,
Не лзя не знать того?

Или —

Здѣсь весною
Зяблнкъ пѣлъ;
Здѣсь со мною
Фирсъ сидѣлъ?

Или приводишь цѣлыя пѣсы, подобныя пѣснѣ Хованскаго, указывая для примѣра Эпосен на Поэмн Хераскова? О примѣрахъ прозы и не говоримъ. Примѣры высокаго слога, Авшоръ видишь въ монологахъ

Клердона, изъ трагедіи: *Безбожный!!* Какъ пропустилъ онъ Мирамонда и Маркиза Глаголя! Тамъ можно-бы найѣти примѣры слога *патетическаго*.

4-е, *Краткость*. Книжка конечно не велика: въ ней всего 200 страницъ. Но въ наше время имѣютъ особенное понятіе о краткости. Намъ кажется, что краткость значить выборъ главныхъ почечки зрѣнія, съ кошорыхъ можно обозрѣть вполнѣ знаніе, удаляя всѣ второстепенныя точки, и осмѣляя всѣ подробности частей, входящія въ *обширное* изложеніе знанія. Авторъ, кажется, думалъ иначе: на 200-хъ страницахъ, онъ вмѣстивъ всѣ старинныя мѣлочи Риторики, Пимшики, всѣ дробы Грамматики; только онъ изъясняетъ ихъ коротко. Ошъ сего являешя громада мѣлочей, непонятныхъ при краткости объясненій.

Небрежность, съ какою перепечатаана въ *седьмой* разъ книга Г-на Никольскаго, шакова, чшо и въ подробностяхъ все новое остается по ней неизвѣстнымъ. *Гекзаметръ, Амфибрахій*, явившіеся послѣ 1807 года, рифмы дактилическія, показанныя Жуковскимъ, бѣдые пяши-спощные стихи въ трагедіи, водевилъ, романтическая поэма и драма, не изъясняются и остаются невѣдомы по книгѣ Г-на Никольскаго. За то, игравшіе въ 1807 году важную роль: *Рондо, Гимнъ, Экспромтъ, Пдиллія*, занимающъ цѣлыя страницы. Говорить-ли о переворотѣ понятій въ цѣлой Русской Словесности вообще, кошорый пролетѣлъ мимо *Ослованій Россійской Словесности*, не коснувшись ихъ? Для чего говорить! Скажемъ лучше вообще: мысль Автора, что кни-

га его «*не безъ пользы,*» не оправдываетъ неизмѣнности оной съ перваго до седьмаго изданія. Желалось, что-бы *восьмое* изданіе оной вовсе не являлось, ибо ошъ седьмаго польза для учащихся равняется нулю, а въ вещественномъ значеніи нуль не стоитъ шого, что-бы хотя одинъ типографскій ставокъ для него пошевелился.

— *Макбетъ*. Трагедія Шекспира. Изъ сочиненій Шиллера; переводъ А. Рощева. СПб. 1830 г. въ ш. Дец. Нар. Просв., in-8, 116 стр.

— *Герники*, или Кастильская честь. Трагедія В. Гюго, пер. Рощевъ. СПб. 1830 г. въ ш. К. Крайя, in-8, 116 стр.

Г. Рощевъ въ два года напечаталъ переводы четырехъ большихъ драматическихъ твореній: Шиллеровой *Мессинской Невѣсты*, Шиллерова *Вильгельма Телля*, Шекспирова *Макбета*, (съ Нѣмецкаго Шиллерова перевода), и В. Гюго *Герники*. Такая плодовитость изумительна! Будемъ-ли заключать изъ разнообразія пьесъ, и быстроты ихъ повленія, что это переводы недѣльные и ничтожные? Мы ошибемся. Почтемъ-ли ихъ переводами хорошими? И съ этимъ согласиться не лзя, безъ какихъ-нибудь условій.

Переводъ долженъ быть вѣрнымъ спискомъ сущности, внѣшнихъ формъ и малѣйшихъ подробностей подлинника. Тамъ только, гдѣ Авторъ рѣшительно непереводимъ, переводчикъ долженъ выкупить себѣ возможно близкимъ *подражаніемъ*; во всемъ-же иномъ, что переводимо, онъ идетъ вѣрнымъ ша-

гомъ съ Авшоромъ , а главное : передаетъ намъ душу , колоритъ , ошпѣтки шворенія чуждаго. Вотъ переводъ совершенный ! Таквихъ немного , и едва ли есть даже такіе переводы. Въ новѣйшее время , постигая народность Литпературь , самобытность языковъ , мы убѣждаемся , что подобные совершенные переводы — почти невозможны. Читайте Бенду и А. Шлегеля , переведившихъ Шекспира — превосходно , вѣрно ; сравните съ подлинникомъ — не то ! Напрасно Бенда изумляетъ точностію ; напрасно Шлегель хочетъ поэзією , звучностію Нѣмецкаго стиха замѣнить нѣкоторыя отступленія : одинъ сухъ , другой прелесненъ , но — это Шлегель , не Шекспиръ !

Хотя съ другою цѣлю , прежде хотѣли передѣлывать переводы. Такъ поступали Французы съ Испанцами и Англичанами. Но это было рѣшительное уродованье. Флоріаны , Дюсисы , въ глазахъ нашихъ грѣшники нестерпимые.

Средину между тѣмъ и другимъ занимають переводы , которые учтивыми Французами назывались встарину : *belles-infidèles*. Переводчикъ не передѣлываетъ , не подражаетъ — переводитъ ; но какъ ? Не слѣдуя съ точностію за каждымъ словомъ , за каждою подробностію , онъ держится смысла подлинника , и говоритъ свое. Къ несчастію , внутренній смыслъ такъ бываетъ связанъ съ формами выраженій , какъ душа съ тѣломъ. Подлинникъ конечно будешь видѣть , но — это фантасмагорія , рисункъ карандашемъ съ картины. Таковы переводы Г-на Ромчева.

Опкажемъ-ли имъ въ достоинствѣ, а переводчи-
ку въ заслугѣ? Не льзя; особливо у насъ.

Если переводы первого рода есть истинное, не-
поддѣльное богатство литературы, за то они
рѣдки, и при рѣдкости почти всегда имѣють ша-
же свои неудобства. Указаъ на Германцевъ, Бен-
ду и Шлегеля, указаъ на нашего соотечествен-
ника, Г-на Вронченка. Его *Гамлетъ* удивительно
вѣренъ подлиннику; но въ немъ также есть недо-
статки, именно: нѣтъ той поэтической гармоніи
выраженія, кака звучитъ въ стихахъ Шекспира.
Если-бы съ превосходнымъ даромъ хорошо пони-
машъ и вѣрно передавашъ Шекспира, въ чемъ нѣкто
не опкажетъ Г-ву Вронченку, онъ соединилъ ощу-
щенность и гармонію стиховъ, задрямать, Пу-
шкина, но болѣе ничего нельзя-бы было пребовать
для совершенства. О переводахъ второго рода,
какъ *переводкахъ*, и говоришь нечего. Само собою
разумѣется, что послѣ всего этого не льзя прене-
брегать переводами *третьего* рода.

Не ищите въ *Мессинской Невотѣ* Г-на Рошлева,
всего древняго шлея, этой роскоши хоровъ Циц-
лера, ни въ *Вильгельмѣ Телѣ* простоты Швей-
царскихъ врановъ, наприархальнаго смиренія геро-
евъ, въ какомъ являешъ ихъ подлинникъ. Такъ и въ
Макбетѣ цѣль суровой дикости, ужающей шор-
жествяенности Шекспира, а въ *Германи* роскоши
Андалузій, и кипящей спрасями, бѣшеной Ка-
сидлинъ, чѣмъ восхщаешъ Гюго, при всѣхъ своихъ
недостаткахъ. Но стихъ Русскаго Переводчика зву-
ченъ, силенъ, часто подходитъ къ подлиннику

Нолбрь 1830.

6

довольно близко. Если-бы Г-нъ Рошчевъ негъ бытъ разнообразіе въ выраженіи, осталась оиъ привычка къ несвязнымъ какимъ-то, разорваннымъ фразамъ и стихамъ, и спроче смогрѣлъ за нхъ плавностью, стихи его были-бы превосходны.

Все, по крайней мѣрѣ, изъ его переводовъ, Русскіе читатели хоть нѣсколько узнаютъ подлинники, хоть нѣсколько поймутъ сокровища, которыхъ можеть показать имъ *Романтическая Драма*. Русская сцена можеть по нимъ готовиться на переходъ къ лучшему, оиъ своего передвоеннаго Классицизма, оиъ своихъ берефвенныхъ неаппостей, рѣшительно убивающихъ ее. Пусть впрочемъ случать Макбета, Теля, Мессинскую Невѣсту, Герани Г-на Рошчева, съ хвалеными въ старые годы переводами Сидя, Ионгенія, Федры, Г-дъ Кашенина и Лобанова — сравненія нѣтъ!

Что сказать о *Макбетѣ* собственно? Это одно изъ шѣхъ созданій, гдѣ гений Шекспира (какъ мыразительно сказала Г-нъ Кронебергъ) «становишся несносно великъ.»

О *Герани* была большая статья въ Телеграфѣ (№ 17 и 18-й), и мы совершенно согласны съ Сочинителемъ оной, оиачнымъ Французскимъ кришикомъ.

—*Оловяшникъ-политикъ*. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Профессора Гольберга. Вольный переводъ съ Датскаго, Егора Классена. М. 1830 г. въ п. Лазаревыхъ Института Восп. языковъ, in-8°, 122 стр.

—*Дворянскіе выборы, часть вторая*, или выборы Исправника. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ.

М. 1830 г. въ ш. Снежанова, при Театрѣ, in-8°, 196 стр.

Гольбергъ родился въ Норвегiи, въ 1684 году, былъ однимъ изъ первоначальныхъ поэтовъ Дашскихъ, и основателемъ Дашскаго Театра, во второй четверти XVIII-го столѣтiя (первая пьеса его явилась въ 1729 году). Остроумный сатирикъ, онъ разсѣялъ всю Европу своимъ *Подземнымъ путешествiемъ Николая Климма* (*N. Klimm's ites subterraneum*), а Дашчанъ заставлялъ хохотать и плакать отъ своихъ комедiй и фарсовъ. Это былъ Фомъ Виэнь Данинъ, и выставилъ на позоръ Дашскихъ Скопиничныхъ, Простаковыхъ и Кушейкиныхъ. Говорили, что если бы Гогартъ былъ авторъ, то онъ писалъ бы какъ Гольбергъ, а будучи живописцемъ, Гольбергъ сдѣлался бы Гогартомъ. Послѣ сего поманно, почему Г-нъ Классень не могъ *полнѣ* перевести пьесы Гольберга, и почему онъ перевелъ именно *Оловянички*, пьесу, донынѣ почитаемую въ Данинъ шакою-же народною пьесою, какою мы почитаемъ *Недоросля* и *Мѣльничка*. Обѣ упомянутыя пьесы для насъ уже устарѣли, но все еще онѣ дороги и любопытны. Возбуждая подобный интересъ въ Дашчанинѣ, Оловянички чужды для насъ, но чрезвычайно любопытны, какъ народная Дашская пьеса. Въ ней представляется общество ремесленниковъ, за стаканомъ вина думающихъ о полишкѣ, и забывающихъ свои занятiя и работы; глупая оловяничница, съ своими подругами, хочешь играешь роль бургомистрши, оловянички и друзья его важныхъ людей — фарсъ замѣчательный и снѣжный съ природою! Живопись его груба, и такъ не понравилась, между

прочимъ, одному изъ Русскихъ Кришниковъ, чинъ онъ разбралъ въ *Сверной Пселъ* и Оловяничкина, и Русскаго Переводчика себъ комедіи. Не такъ судимы мы, и можемъ въ справедливости сужденія сослаться на хорошихъ вносшранныхъ кришниковъ (*). Почему не оскорбляемся мы, когда Флямонъ хочетъ зашиять любушиъ своей шулумбаса два, при въ спиду; Амудинъ общаецъ купитъ плешницу, и нахлопашъ спидницу женъ; Просшикова умолаецъ доуспидицъ ее до рржи Скошцина, а Скошцину съ воушоргомъ разсказываецъ о свинныхъ своихъ, изъ которыхъ иная, клаями на задніа ноги, будецъ респомъ съ него? Размыслише объ этомъ, и змайше, что шакъ дождно смощръшь на Комическое и въ Гольберговой пьесѣ, и тогда мы найдемъ поводъ къ размышленію и кришическимъ наблюденіямъ, а не къ досадѣ, и поблагодаримъ Переводчика за доставленіе намъ шрудомъ своимъ сего повода. Еще зашруд-

(*) Именно о Гольбергѣ, вопшь что читали мы недавно въ уважаемомъ Англійскомъ Журналѣ: *The Foreign Quarterly Review* (№ XI, Іюнь 1830)—Of all the productions of the Danish press, his works are the best known, and being in the hands of most of those who are interested in this particular topic, there is the less demand for elaborate criticism upon them. As pictures of the Danish manners of his time, they are not always intelligible to strangers, but their influence upon the mind of his countrymen must be received by us as evidence of their sterling excellence. . . . И далѣ: His writings sank deep too among the people; he became the favourite of the manу, и проч.

шеніе: почему Г. Классень, зная Дашскій языкъ, не взялъ чего нибудь болѣе важнаго изъ Дашской Словесности? Спранный вопросъ! Если Г. Классень будешь оиъвчашъ: «Такъ мнѣ вздумалось» — желаемъ, знаешь, что на это скажешь возвращашель?

Указать шочку зрѣнія, съ которой справедливо можно оцѣнишь Оловяничника Гольбергова, скажемъ, что съ сей-же шочки зрѣнія надобно разсматривать и *Выборъ Исправника*, пьесу, издавную, какъ продолженіе пьесы: *Дворянскіе выборы*. Въ свое время мы говорили о сей послѣдней, и оцѣняли ея достоинства и недоспашки. Нѣкоторые изъ Критиковъ нашихъ горюють, что въ *Выборѣ Исправника* нѣсколько лицъ говорятъ спраннымъ языкомъ, и что Комическое въ ней грубо. Истинно не понимаемъ, что за щекотливый слухъ у многихъ нашихъ критиковъ, и что за неслѣпый взглядъ на предметы? Напиши мнѣ глупость гладенькими стрижками, и — они въ восторгѣ; издай сочиненіе зайвчашельное, но пренебреги гладкость формъ и щепетильничество свѣтскихъ разговоровъ — они въ оиъчашіи!

Выборъ Исправника есть двойчашка съ *Дворянскими выборами*. Тѣ-же недоспашки, шѣ-же и досиоинства. Недоспашки находимъ мы въ ней совсѣмъ не шакіе, какіе видяшь другіе критики. Намъ нѣтъ нужды, что Шельменко говоришь, какъ Малороссійнинъ — грамошій, а Трофимычъ и Акулида объясняющя областнымъ, спраннымъ нарѣчіемъ. У Модера, у Французскихъ водевилешовъ, у Нѣмецкихъ Комиковъ, лица говорятъ Провансальскимъ, Пикардійскимъ, Швабскимъ нарѣчіемъ: шѣмъ лучше, шѣмъ

естественнѣе. Худо, что Сочинитель, и въ *Дворянскихъ выборахъ* и въ *Выборъ Исправника*, показываетъ незнаніе интереса Драмы; что завязка у него въ обоихъ пьесахъ пустая, а лица выкроены по вешней мѣркѣ старыхъ Французскихъ комедій. Умный шарикъ, добрый любовникъ, благородная любовница, нѣсколько дураковъ и плутовъ — вошь дѣйствующихъ лицъ. Умные резонируютъ, плушмы бездѣлничаютъ, и первые побѣждаютъ, злые наказаны, любовниковъ жемьшь. Это скучно до прищорности, когда уже тысячу разъ мы все это видѣли, читали, слышали: прочитавъ списокъ дѣйствующихъ лицъ Французской старой комедіи, напередъ знаете, что они спануть дѣлашь и говорить. Это списокъ извѣстныхъ посылковъ, солдаши, которые маршируютъ колоннами, рядами, ротами, взводами, но все одинъ и тѣ-же. Въ *Выборъ Исправника* это скучно тѣмъ болѣе, что по именамъ узнаете напередъ и свойства лицъ (Твердовъ, Сиромовъ, Драчугинъ, Подпрусовъ, Плужовкинъ).

Одѣлакожь, не только все это мы гошомъ извинили, но охотно отдадимъ пятьдесятъ альманаховъ и сто Русскихъ романтическихъ поэмъ за одну комедію, подобную *Дворянскимъ выборовъ*, или *Выбору Исправника*. Здѣсь драгоцѣнны для насъ природа, мѣстность. Сочинитель, изъ живаго общества беретъ каррикатурныя лица свои; характеры, обычаи, слова ихъ списываетъ съ удивительною вѣрностью. Пороки, слабости, жизнь его Забойкиныхъ, Проживайкиныхъ; Думайкиныхъ, заставляють невольно смѣяться и вмѣстѣ негодовать, когда видишь, что они не выдуманы, а списаны съ живыхъ существъ!

Сочинитель, въ этомъ, достигъ своей цѣли. Будь у него талантъ драматическованъ, оживишь мишерсонъ, и къ *Горю отъ ума* прибавилась-бы у насъ еще два творенія превосходныя.

Нелѣпость утверждаетъ пошль, кто говоритъ, что *Выборы Дворянскіе* не могли быть предметомъ *Комедіи*, ибо это выходитъ сатира, и сатира даже не могла быть, ибо злоупотребленія по выборамъ есть дѣло законовъ, а не *Комедіи*. *Выборы* только рама, канва; надобно умѣнье, дарованіе, и въ эту раму вставишь, по этой канвѣ вышнись средствами человѣческими можеше все, что угодно. Законъ закономъ, судъ судомъ, а комическое изображеніе слабости, порока, пресшупленія — своимъ чередомъ: это законъ и судъ общественнаго мнѣнія, и пока эшошь судъ и законъ не страшашъ мерзавца, шакъ-же какъ законъ и судъ государственный, никакое правосудіе и просвѣщеніе недѣйствительны.

Мы совѣтъ не думаемъ, что-бы можно было *исправлять* слабости и пороки комедіями и сатирами. Увы! Уличаемые ими не сознаются въ сходствѣ, какъ ни пылаешъ ихъ совѣсть, какъ ни обличаешъ ихъ голосъ другихъ. Довольно, что порокъ *изображенъ*, что на лбу его поставлено клеймо. Дѣло другихъ смотрѣшь, гдѣ зло; дѣло наше мерзашъ зломъ, а для эшого надобно, чтобы кто нибудь указалъ на него.

Говорятъ иные, что *Сочинитель Дворянскихъ выборовъ* и *Выбора Исправника* изображаешъ несуществующіе пороки. Къ несчастію, не можемъ под-

явердншь этого , и рѣшнтельно ошвергаемъ. Земля обширная — море великое, въ немъ-же годовъ нѣсть числа! Хорошо шнмъ говорить ниче, что далье Пешербурга и Москвы ничего не видишь, а въ Крымъ, или на Кавказъ, пройдешь почти не выходя изъ каремн. Нтъ! Ни Фонъ Визннъ , ни Сочинншель *Дюарласкнхъ сборовъ* , ни Грибоцдовъ не лгалн. Скопннннн, Ненасыпнннн , Фамусовы , Просшанова , Клесшова , Пересолнхн на , были , ешь н еще додго будешь (можемъ связать , не будучн кодунамн) на святой Русн. . . . Чшо дѣлашь! . . .

Всѣ сцены въ *Выборѣ Исправннка* , гдѣ нбѣтъ *собственно-драмы* , естественны удивнтельно. Пьянство н буйство уѣздныхъ дворянъ въ деревнѣ , подлость н чванство Старосшы н Писря , дѣла н разговоры въ трактнрѣ Вупылочкннн , сцены между Пересолнхнною н Ненасыпннною , между нми н Мадамою — прелесны , какъ нстнна.

—Mélanges littéraires, dédiés à l'Indulgence. Par Mad. de Lanskoj-Wilshaw (*Литтературная смесь* , посвященная Снисхожденно. Соч. Г-жи Ланской-Вилламовой), 3 части. Спб. 1830 г. въ ш. вдовн Шаушара, 4п-8°, 288 , 308 н 270 стр. (*)

Повѣсти: *Лаурана; Фольмеръ н Рассфелдтъ; Герунъ-аль-Рашидъ; Рнна, или замкъ на скалахъ; Внѣздъ на охоту Генрнха IV-го; Эмнн Гревнль; Письма двухъ подругъ н нѣсколькнхъ особъ изъ нхъ*

(*) Продается въ книжной лавкѣ К. Урбена , по 15 рублей асснги.

общества; Гривельда; Счастливое усыновление, или деревенская школа. Драматическія сочиненія: Коробочка, или походы съ столицъ; Инстифкація; Безполезная тяжба, и нѣсколько легкихъ стихотвореній, составляютъ Литературное собрание, которая въ печатаніе 1830 года была издавана еженедѣльно, брошюрками.

Случалось-ли вамъ бывать въ обществѣ любезной, образованной дамы, засидѣвшись тамъ, заслушавшись бесѣды? Вы не влюблены въ нее; никакое пошлоречное хорошенькое личико не завлекало васъ, и никакое свѣтское разсѣяніе. Удивляешься, какъ неприятно прошло время, унесишь въ душѣ своей впечатлѣніе чего-то неопредѣленно-пріятнаго, не похожаго ни на Романтизмъ Любви, ни на Классицизмъ Дружбы, чувствую шажокъ, свѣтлое и спокойное...

Точно такое впечатлѣніе остается въ душѣ нашей, по прочтеніи книги: *Mélanges littéraires*, Сочинишельница пошорой, свѣтская, просвѣщенная дама, посвятила досуги свои литературнымъ занятіямъ. Владѣя совершенно Французскимъ языкомъ, она конечно привлекла-бы вниманіе изысканныхъ изможенія и въ самой Франціи. Дай Богъ намъ видѣть подобныя сочиненія (какъ называемъ свою книгу Сочинишельница) на Русскомъ языкѣ!

—*Правила, коими солдаты руководствоваться должны на службѣ и внѣ оной.* Напечатаны по повелѣнію Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Михаила Павловича, командующаго Офиціальнымъ Гвардейскимъ Корпусомъ. Спб. 1830 г. въ п. Артиллер. Департаменту, в-8°, 62 стр.

— *О службѣ передовыхъ постовъ и отрядовъ.* Сочиненіе Г. А. Г. Т. Спб. 1830 г. въ Военной Тимографіи Главнаго Штаба, in-8°, 175 стр. съ 4 чертежами.

— *Правила въ руководство Комитета, Высочайше учрежденнаго въ 18-й день Августа 1814 года, для пособія раненымъ и семействамъ убишыхъ на сраженіи и умершихъ отъ ранъ.* Спб. 1830 г. въ ш. Главнаго Штаба военныхъ поселеній, in-8, 64 стр.

Первая изъ сихъ книгъ есть наставленіе, писанное просто и обстоятельно, для чтенія солдатамъ и нижнихъ чиновъ. Въ ней объяснено, какъ должно поступать солдату *на службѣ* (отдаваніе чести, стоянье на часахъ и въ караулѣ, посылка, рапортованіе, съ ружьемъ и безъ ружья) и *вне службы* (о-санка вообще, обращеніе солдата, съ товарищами, на квартирѣ, въ ошуску, въ публичныхъ мѣстахъ, въ церкви).

Вторая содержитъ замѣчанія, или практическія правила для офицеровъ, снаряжаемыхъ въ передовые посты и отряды (патруль, разъездъ, засада, фуражированіе, партизанство), съ объясненіемъ затрудненій; опасностей, средствъ избѣгать ихъ, предосторожностей, которыя должно брать въ семъ родѣ службы, и проч. Означенныя правила были напечатаны въ *Военномъ Журналѣ* (1829 и 1830 гг.), а теперь издамы особо.

Правила для Комитета, покущагося о пособіи раненымъ воинамъ, и семействамъ, ославшимся послѣ убишыхъ на сраженіи и умершихъ отъ ранъ, Высочайше утверждены въ Декабрѣ 1829 года Те-

поръ они напечатаны отдѣльною книжкою: Вцѣноштельное пошеченіе объ ученіи людей, жершковашикъ собою за Ошечество, и шщаніе, чтобы пособіе не упало вшунѣ, и на ведошойныхъ, видво изъ снхъ правль, составленыхъ съ забовланвою шочносною. Комшешъ дѣлаешъ ходашасмъ, пошечшелемъ, даешъ особня нессім и нособіа изъ Инвалвднхъ суммъ, опредѣлаешъ на шѣста, шрошь ошдаешъ въ учебныя заведенія, и проч. — Учрежденіе самое благодѣтельное.

— *Изложеніе правилъ составленія известковыхъ цементовъ и растворовъ.* Составлено, по порученію высшаго начальства, Корпуса инженеровъ путей сообщения Маіоромъ, Матвѣемъ Волковымъ. СПб. 1830 г. въ ш. Гл. Упр. путей сообщения, in-8, 45 и IV стр. съ чертежемъ.

Описавъ, въ шрошшельномъ ошношеніи, матеріалы (известъ, камень, песокъ), Сочиншель излагашъ способы ихъ пріугошовленія (жженіе, гашеніе известш, растворъ гашны), наконецъ, правила и шѣру смѣшенія, для обыкновенныхъ растворовъ, цементовъ и бетоновъ. Сочиненіе, написанное отличнымъ знашюкомъ своего дѣла.

— *Таблица ископаемыхъ органическихъ шѣлъ,* предшешествуемая замѣчаніями о ихъ окаменѣніи; Г. ДеФранси. СПб. 1830 г. въ ш. Эксп. заг. государствъ бумагъ in-8, 137 стр.

Всюду обращаешся шнѣтъ вниманію ученыхъ на Геологическія изсѣдованія объ ископаемыхъ шѣлахъ, ш. с. звѣряхъ, шшщцахъ, рыбахъ, пресмыкнющнхся, раковинахъ, растеніяхъ, находитыхъ въ слояхъ зе-

ман, изъ которыхъ искомерыя уже не находящаяся боате въ числѣ живущихъ на поверхности землиго шара, другія-же сохранились и между ними. Новыя труды Кювье, Бѣдана, Гумбольдта, и другихъ ученыхъ мужей по сей части. Г-нъ Де-Франси, нѣкогда богачше собраніе ископаемыхъ органическихъ тѣлъ, составилъ таблицы всѣхъ омысканныхъ донынѣ родовъ и видовъ оныхъ, съ указаніемъ, въ какихъ именно слояхъ земли оныя находятся (древнѣйшихъ, мѣловыхъ, позднѣйшаго мѣла), какія изъ нихъ являются только въ живомъ, только ископаемомъ, или живомъ и ископаемомъ состояніи. *Пять съ семьдесятъ восемь* родовъ змѣрей, рыбъ, птицъ, растеній и морскихъ животныхъ омыскано уже въ слояхъ земли, и искомерыя роды заключающа множествно видовъ, или породъ. Если не ошибаемся, переводъ брошюрки Г-на Де-Франси помѣщенъ былъ въ *Горномъ Журналѣ*, а теперь изданъ ошдѣльно.

— *Notae Odysseae rhapsodiarum sex, quibus Ulmus errogum narratio absolvitur. In usum tironum cum notis et verborum indice iterum edita* Josephus Iosowski (*Одиссей Одиссеи шесть пѣсенъ, и проч.*). М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in-8, XIV и 217 стр.

Радуемся, что это прекрасное учебное изданіе части Одиссеи намечалано нынѣ во *второй* разъ: оно съ пользою введено во многія учебныя заведенія, гдѣ преподается Греческій языкъ.

— *Книга для стонія*. Въ пользу начинающихъ учиться Французскому языку. СПб. 1830 г. въ ш. К. Крайн, in-12, 130 стр.

Азбука, чешше намечающаяся, съ прибавленіемъ

примѣровъ чтенія, съ подстрочными переводами по-Русски каждаго слова.

— *Таблица Россійскаго (?) словопроизведенія*, для малолѣтняго возраста. Сосшавлена Александромъ Медвѣдевымъ. СПб. 1830.

Исчисленіе нѣсколькихъ главныхъ правилъ Русской Этимологій, по Грамматикѣ Г-на Греча.

— *Краткая Исторія государства Россійскаго, для намятливости*. Изданная, по руководству покойнаго отца своего, Иларіономъ Васильевымъ. Изданіе 2-е, выпечатанное съ изданія 1825 г., съ исправленіями. М. 1830 г. въ ш. Университетской, in-8, VI и 135 стр. съ таблицою.

Крупными буквами выпечатанная, краткая выборка изъ сочиненія Карамзина, а съ того мѣста, гдѣ его сочиненіе кончилось, изъ книги Г-на Кайданова.

— *Дѣтскій Театръ* или собраніе новыхъ комедій, оперъ и драмъ для дѣтей. Соч. Бориса Федорова, ч. I. СПб. 1830 г. въ ш. Деп. внутр. торговли; in-16, 126 стр., съ раскрашенн. картинками.

Три комедіи и одна опера. А. Ф. Воейковъ ручается, что Б. М. Федоровъ большой мастеръ писать для дѣтей. Рука руку моетъ: обѣ хохлятъ бышь, если не бѣлы, шо хохъ стры.

ПИСЬМА

изъ Греціи въ Парижъ , въ 1829-мъ году.

I.

Изученіе характера новыхъ Грековъ не можешь быть полно , если не будемъ прилежно изучать въ тоже время характера Турковъ. Счастливъ наблюдатель , который шопъ и другой вопросъ можешь рѣшать на нѣскахъ свободнаго развитія обоихъ народовъ. Видѣть вблизи нравы , правленіе природныхъ враговъ Греціи , разсматривать Османовъ въ отношеніи къ другимъ народамъ , конхъ сходство религій долженствовало-бы заславши ихъ уважать ; изсѣдывать : нѣтъ-ли какого нибудь кореннаго порока , препятствующаго уснѣхамъ образованности Турковъ ; узнать наконецъ , въ чемъ заключающа это образованіе новое , котораго начала мы замѣчаемъ нынѣ въ Турціи — задачи довольно трудныя ! Совѣтъ не требую того , что-бы уснѣхами образованія Турковъ заславши пользоваться Грековъ , не думаешь о свободѣ и отдѣльномъ образованіи Греціи , и , оставляя Грековъ рабами Османовъ , передашь имъ изъ новаго Турецкаго образованія новые законы и общественность. Но для безпристрастнаго наблюдателя является однакожъ вопросъ совѣтъ другой : не должно-ли выродившуюся Грецію пренебречь для возраждающейся Турціи? Европейцы дѣлаются на двѣ спороны. Сколь многіе смѣ-

являсь надъ рыцарскими порывами Физеланиговъ; сему многіе просили не осуждать ихъ за то, что въсто пособія Грекамъ, они шли помогать про- образованію Египта и Турціи, не осуждать, пока всѣ мѣстныя обстоятельства Греціи и Турціи бу- дущь изъяснены безпристрастно.

Множество книгъ, донныя изданныхъ, не рѣши- ли спора. Для меня сей споръ есть дѣло второ- степенное, а главныя пункты его будушь упомя- нуты мною, только для противоположенности, какъ впрочемъ противорѣчій, слушающихся и затруд- ляющихъ вопросы о самобытии существованіи Греціи. Признаю и недостаточность моихъ свидѣ- ній, ибо не могу почести выводами положительны- ми моихъ поверхностныхъ наблюденій. Было того, чтобы видѣть Турковъ гдѣ нибудь и сколько ни- будь, пожить съ ними, и подышать атмосферою ихъ привычныхъ мыслей. Сей народъ, болѣе всякаго дру- гаго вѣрный своему первоначальному штилу, самой неизмѣнности идей политическихъ и обществен- ныхъ одоженъ безчисленнымъ множествомъ проти- ворѣчій, какія въ немъ видны. Смысь изъ множе- ства народовъ, онъ, споря по мыслу, и времени жительства, сострадательнъ и жестокъ, велико- душенъ и жаденъ, честенъ и проворливъ. Болѣе ясное понятіе о своихъ обязанностяхъ; и нѣтъ слѣдствіемъ уравненіе или распространеніе основ- ныхъ истинъ Мугаммеданства, могло-бы сдѣлать изъ Турковъ народъ болѣе стройный и легче пони- маемый. Путешественникъ, знающій только Мало- Азійскихъ Турковъ, гдѣ въ народѣ болѣе слитности, гдѣ никакое поколѣніе рабовъ не обрабатываетъ зе-

мелъ и не занимаешь шербетомъ въ подолу одной привилегированной касмы, гдѣ приважили калѣмало-еши, крошесты, просештѣ иравовъ, развивающу-ся подѣ благодѣтельными покровительствомъ общаго трудолюбия — сей купешесомвѣнникъ съ шрудомъ поймешь Туркомъ, ширакомъ, феодалныхъ владѣтелей Румелии, зашдшесонныхъ сѣтниками и подѣемными мѣстами въ своихъ башняхъ, повелителемъ, удачною кроющика за шолщю швардны, какъ шидныя шидны кроюся въ шрецикахъ ушесовъ. Европесцъ, знакомый съ шумомъ Бесфороникъ шрашдиновъ, ослашленый, какъ всегда это бываешъ, величественною роскошю, великодѣшною суровошью Шамбула, не узнаешъ Туркомъ въ сѣмрѣныхъ оодяшакъ, машеры ешегодно, съ береговъ Душда и съ вершинъ Балкана, машъ ешада коршунновъ, бросающюся на плодосеишы ешрашы Юга, гдѣ ждешъ ихъ вѣрная добыча — народъ, у шопораго шѣсколькы вѣковъ шеспазаній не шстошчили еше ни шарпѣныя, ни богашешва. Ограничивая всѣ шравила шивни шрема, какъ чешырыма шоложшешельными, машеріальными шравилами, Туркомъ, во вслякомъ общошшельствѣ, чуждомъ изъ шрамого шраложения, шрадаешся шровершонной безшечности ума, и швоеволію, дикій шараактеръ коего можешъ шѣдять шображеніе пошша, зашавляя въ шо-же шрема шилософа шедрогашься ошъ ужасающей его безшравшвенности! Уже издрешле Вештокъ являшъ шодобное зрѣлище; шо Турки шрашвокушвалы въ нему все, что Сѣверъ Азіи могъ шрашвокушшы дикаго и варварскаго; въ наше шрема являшъ еше шовое шрашвокупленіе ошъ вліанія Европейцевъ на Турцію. Уштановилса какой-шо сѣ-

новый договоръ между энциклопедическимъ Европы, ко-
торому иънаешь Европейское образованіе, ко-
торому Востоку являетъ въ то-же время полную,
дѣкую свободу, и жадный, но неопытныймъ шир-
ринствомъ Турковъ. Деспотизмъ Востока безпото-
ннхъ обиліемъ средствъ Европы, и смѣлился, что
не знаетъ прочныхъ основаній власти и могуще-
ства. Тайныя Общества перестали бытъ посредни-
ками сообщеній Востока съ Западомъ. Въ Среднія
Времена, итъ посредничество нѣсколько разъ гро-
зна колебанъ въ основаніи все зданіе Христіан-
скихъ обществъ. Но союзъ Востока съ Западомъ не
прерванъ, посредничество продолжается, условные
знаки даны, и языкъ, которымъ надобно выражати-
ся, изобрѣтенъ.

Трудно было-бы мнѣ изобразить здѣсь всю общ-
ность картины, непрерывно измѣняющейся, и ко-
торая нѣкогда должна приблизиться къ ужасному
окончанію. Но довольно для совѣсти честнаго че-
ловѣка, если онъ чувствуетъ себя готовымъ сопро-
тивляться всѣмъ частнымъ покушеніямъ, които
стремятся сдѣлать Востокъ систематически швер-
днмъ, обольщая насъ призраками образованія и бла-
гнмъ намѣреній.

Я не въ состояніи изобразить вамъ удивленія мо-
его, когда вблизи разсмотрѣлъ я споль хваленое,
новое преобразование Египта. Пріѣхавъ нѣсколько
лѣтъ прежде, я могъ-бы обмануться видимостью
искусственного шаманнаго благоденствія. Нынѣ,
когда установленіе чудовищной монополіи неоправ-
дывается даже и успѣхомъ, когда вещественные

Нолбрь 1830.

7

люды сподобити трудовъ кончилися рѣшительнымъ
 истребленіемъ Египта, только непомятое ослаб-
 ление, или корыстное участіе въ жестокыхъ сред-
 ствахъ, можешь упорствовать въ похвалѣ, отъ ко-
 торой отказываются самые жаркіе сподвижники
 ложнаго образованія Египта. Предположимъ, что
 Мугаммедъ-Али успѣлъ-бы въ своихъ предпріятіяхъ;
 что онъ встрѣшилъ-бы только честныхъ и просвѣ-
 щенныхъ людей, вмѣсто плутовъ и нечѣждъ, зло-
 употребившихъ его довѣренность; что онъ удо-
 воленствовался-бы ролью власнителя, отвергнувъ
 роль шоргаша, считающаго свое государство вы-
 годною фабрикою. Неужели вы и тогда повѣрили-
 бы, что хоть одна великодушная мысль шансея
 въ душѣ его? Что въ устройствѣ Европейскихъ Пра-
 вительствъ, и средствахъ, которыя доставляетъ
 правленіе крѣпкое и воинство могущественное, онъ
 видишь что нибудь другое, кромѣ новаго подкрѣ-
 пленія Деспотизма? Неужели вы полагаете, что
 идея будущаго благоденствія подданныхъ ясно пред-
 ставлялася его уму; что счастья ихъ ищетъ онъ,
 какъ желаннаго слѣдствія поспешеннаго воспитанія
 народа, и что Арабы, даже Турки, которыхъ упо-
 требляетъ онъ, почитаются имъ за что нибудь
 другое, а не за орудіе только для его личнаго мо-
 гущества? Возражать: «Все равно, чтобы вы ру-
 ководствовало Мугаммеда-Али, народъ выгрыза-
 етъ.» Согласенъ—пусть просвѣщеніе и образован-
 ность проникаютъ въ Египетъ, чтобы ихъ не влек-
 ло шуда, и я готовъ не заботиться о причинахъ и
 средствахъ. Но тщетно будете вы опровергать
 эту вѣчную истину, что просвѣщеніе и образованіе

весьма являющаго только на миглы деспотизма; вѣ-
 ситъ съ нимъ, они никогда не могутъ существо-
 вать. Какъ угодно кричите о воскресеніи Востока,
 о чудѣ — Востоку спитъ, и барабанный бой Турец-
 кихъ полковъ новаго образованія не пробудилъ его.
 Европа сблизилась съ нимъ, подвизываетъ помочь
 великому великану, который не держится на ногахъ;
 она обольщаетъ, но не просвѣщаетъ его. Укрѣ-
 ляется-ли онъ въ фанатическомъ презрѣніи своемъ,
 потребуешь-ли пособія отъ силъ, его подрывающихъ,
 близкое паденіе равно грозитъ ему, и мечъ насша-
 никовъ и просвѣтителей, которыхъ, какъ будто
 въ насѣтку, посылаетъ ему Европа, не можешь пе-
 реверснть тяжестя, влекущей его къ разрушенію.
 Спросите какого угодно Турка высшихъ званій, про-
 шикните сквозь завѣсу горделиваго самодовольства,
 скрывающаго шайны души его, и разберете осно-
 ваніе его скрытной мысли. Изучите особенно Тур-
 ка, который долго жилъ въ Европейской землѣ, и
 ознакомился съ нашими идеями и нашими обычаями.
 Что вы откроете? Или, что блестящая легкость
 нашего общества обольстила его: онъ заговоритъ
 съ воспоргомъ о нашихъ глуныхъ забавахъ и на-
 шихъ шумныхъ праздникахъ; съ сожальніемъ вспо-
 минитъ, что не можешь участвовать болѣе въ бле-
 скѣ нашихъ баловъ и театровъ. Какъ весело во
 Франціи! Зачѣмъ страна, имъ поведѣваемая, не Фран-
 ція; по крайней мѣрѣ, зачѣмъ нѣтъ у него работъ
 столь-же забавныхъ! Или, его умъ, болѣе дально-
 видный, найдетъ въ пораженномъ противополо-
 женіемъ Европейскихъ, столь крѣпко организо-
 ванныхъ, столь дѣятельно живущихъ государствъ, съ

безчувствіемъ, слабостью, безпорядкомъ Востока. Онъ предвидишь опасность, грозящую его опча-
ннѣ, и иногда — какое горькое презрѣніе, какая глу-
бокая ненависть пробивается у него сквозь наруж-
ность изученной въживлости! Но идеи о томъ, что-
бы прибѣгнуть къ истиннымъ основаніямъ Европей-
скаго благоденствія, малѣйшаго понятія о потреб-
ностяхъ человека, малѣйшаго уваженія къ его до-
стоинству, малѣйшаго вѣрованія въ возможность
поспешнаго уничтоженія невѣжества, варварства
и деспотизма — никогда не найдете вы, ни въ го-
ловѣ, ни въ душѣ самаго умнаго, благороднаго и
чужеземнаго Турка! И впрочемъ — какое-же вре-
мя избираюшь, чтобы постыжнѣ въ душѣ Османовъ
смена идей, рѣшишельно анши-Турецкихъ? То, ко-
гда національное могущество, коему Турокъ посвя-
щаль всегда все бытіе свое, падаетъ со всѣхъ стѣ-
новъ, когда удары, наносимые старой конститу-
ціи Опшмановъ опшсуду, кажется гремятъ вѣщью
падена Турціи! Позволишельно молодымъ Турец-
кимъ вельможамъ и офицерамъ раздѣляшь заблужде-
ніе своего повелителя, когда разрываа цѣпи Вос-
точнаго ашикета, и свергая его обрядовъ, шаг-
нѣвшихъ его, и людей его окружавшихъ, онъ раз-
рушаетъ вѣхія стѣны крѣпости, служившей пре-
столау его, въ одно время, и подорою и шюрмою.
Неужели въ Европѣ думаютъ, что здравый смыслъ
народа Турецкаго, конниающаго свои настоящіи
выгоды, не видишь цѣли и объема жить мѣръ, ко-
торая съ рукоплесканіемъ принимается имъ за нача-
ло періода новой жизни Турковъ? Неужели не за-
мѣчаютъ, что молчаніе народа въ Турціи показы-

ваешь только униженіе его, и что спокойствіе его совсѣмъ не есть ручательство успѣховъ Махмуда и упроченія его владычества? Пора пеняешь намъ, что основанная на идеяхъ древнихъ обществъ; Имперія Османская одолжена была своимъ продолжительнымъ и могущественнымъ существованіемъ вѣрности народа къ преданіямъ завоеваній и побѣдъ, спротивному постоянству безчеловѣчной системы, поддерживавшей побѣдителя, всегда на спорожъ, всегда въ оружіи, среди покорныхъ и беззащитныхъ рабовъ. Не въ то время, когда сія система готова пасть, можно вѣрять въ преобразование народа, отказывающагося по неволѣ отъ всего прежняго. Какова-бы ни была реформа, надобно, чтобы сознаніе челоука утвердило ее. Дѣло, коего не подтверждаетъ внутреннее убѣжденіе народа, всегда останется безуспѣшно, и для того, кто его готовитъ, и для тѣхъ, кому его готовятъ. Все-гоже болѣе должно сіе быть, когда Провидѣніе устроило издалека измѣненіе судебъ, и приблизило часъ сего измѣненія, когда столько рабствовавшихъ поколѣній искупили слезами и кровью грѣхи оццовъ своихъ подъ мечами Турковъ, когда могущество Турціи падаетъ отъ собственной тягости, и то, что готовлено было тяжко и медленно для деспота, обращается въ пользу жертвъ его — Грековъ!

Кончимъ однимъ замѣчаніемъ, которое можешь показаться незначительнымъ, но въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ не шаково.

Издали, составляется о Туркахъ ложное понятіе, и при первомъ взглядѣ каждый Европеецъ оболь-

щается ими, и думаешь, что сіе поняшіе вѣрно. Издавна уже Турки являютъ собою націю вѣжливую, щеголеватую, благовидную въ своихъ обычаяхъ и поступкахъ. Въ Европѣ никогда не сумѣешь такъ прилично устроить частный бытъ свой, согласишь неограниченную испорченность съ наружнымъ доспешивомъ, гаубочайшее лукавство съ видомъ шоль ошкрытымъ и дружескимъ. Если-бы Европейцы не видали выспаляемыхъ головъ, соленыхъ ушей и прибитыхъ гвоздями рукъ, всего скорѣ полюбили-бы они Турковъ, при первомъ знакомствѣ съ ними. Вспомнимъ Ишалію, нзящную и вѣсшѣ варварскую въ XVI-мъ столѣтіи. Вошъ сходство; шолько вопросомъ о настоящемъ и выводы будущаго разные... Обращимся къ Грекамъ...

(Будетъ продолженіе).

ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

Пертимаксъ, трагедія Арно-ошца. — *Катерина Медми въ Блуа*; историческая драма Люсьена Арно.

(Окончаніе).

Никогда не подумаемъ мы причислять Г-на Л. Арно къ драматическимъ ремесленникамъ; во многихъ случаяхъ онъ могъ и можешь быть оригинальнымъ. Но его драма: *Катерина Медми въ Блуа*, по несчастію, принадлежитъ къ созданіямъ, которыя не бывають слѣдствіемъ наклонности и влеченія: это холодно-разсчитанное произведеніе въ новомъ родѣ; а объ этомъ-то родѣ Сочинитель, и не имѣешь никакого понятія. Можно отваживаться на смѣшеніе комическаго съ трагическимъ, когда въ Авторѣ есть то и другое; но слогъ *Катерины Медми*, растянутый и высокопарный, не имѣешь ничего близкаго къ шушлпвости.

Впрочемъ, поспѣшимъ сказать, что эта пьеса не была внушена, какъ говорили нѣкоторые Журналы, сочиненіемъ Г-на Више: *Les États de Blois*. Ни въ главной мысли, ни въ ходѣ, ни въ слогѣ сихъ двухъ сочиненій нѣтъ ничего сходнаго. При намѣреніяхъ и цѣлѣ Г-на Арно не было мѣста подражанію; онъ хотѣлъ привести въ размѣры сцены тошъ предмешъ, который былъ обработавъ для чтенія. Онъ думалъ

быть поэтомъ и шворцемъ шамъ, гдѣ предшественникъ его былъ одушевленнымъ, живописнымъ историкомъ. Но, должно разуться, что значить шворить, когда дѣло идетъ о поэзіи исторической.

Мы, съ своей стороны, часто повторяли, что въ основаніи событій и характеровъ истинныхъ, скрывается въ тысячу разъ болѣе поэзіи, нежели во всѣхъ, такъ называемыхъ, швореніяхъ, которыхъ суть не иное что, какъ скрытыя припоминая, ибо при безсиліи извлечь изъ взятаго предмета истинную, собственную его поэзію, обыкновенно обращаются къ пособію памяти. Нѣтъ! Вымыселъ поэтической состоить не въ томъ, чтобы доскутомъ чужой поэзіи прикрыть человека или эпоху, но чтобы извлечь, выведши, вынуть изъ избраннаго характера, избранной эпохи, все что скрывается въ ней собственно, оригинально поэтическаго. Какъ дослупаешь Шекспиръ въ своихъ историческихъ и даже романическихъ пьесахъ, въ *Отелло*, въ *Ромео*, въ *Короли Лиръ*? Онъ беретъ балладу, сказку, и слѣдуешь ей, почти ничего не измѣняя ни въ событіяхъ, ни въ характерахъ. Но какое сокровище поэзіи извлекаешь онъ изъ нея! Какъ глубоко разрабатываешь онъ прійскъ! Какъ истощаешь онъ малѣйшія его оцрасли! Какъ выводилъ онъ на свѣтъ все, что только можно! Конечно, не такъ дѣйствовалъ онъ въ *Гамлетѣ*, въ *Бурѣ*; но мы говоримъ только о родѣ историческомъ, о пьесахъ, взятыхъ изъ дѣяній и похожихъ на *Les États de Blois*.

Опытъ, одинъ опытъ могъ рѣшить: извлечь-ли Г. Више изъ своего предмета все поэтическое, и

довольно-ли сшиты, довольно-ли рѣзки его картины для сцены? Мы думаемъ, но крайней мѣрѣ, что съ немногими измѣненіями, опытъ былъ-бы ему благопріятенъ. Но, во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что его образъ изложеніи есть единственный историческій и мішическій: другаго нѣтъ, и быть не можешь, хотя Г. Арно и не послѣдоваль оному. Г. Арно ищешь новизнъ въ событіи. Да будешь! Посмотримъ однако, что представляло ему въ сущности пагубное событіе собранія Чинновъ въ Блуа, и какія измѣненія починувъ отъ необходимыми для него. Послѣ этого мы рассмотримъ, гдѣ живѣе поэзія: въ Драмѣ, или въ Исторіи.

Два лица господствуютъ въ этомъ событіи: Генрихъ III-й и Герцогъ Гизъ. Между ими поединокъ на смерть, поединокъ политическій, слѣдовательно прикрытый и наполненный ухищреніями. Развязка приходитъ къ концу; кто-же останется побѣдителемъ? Вотъ въ чемъ сомнѣніе, вотъ въ чемъ занимательность. Съ одной стороны, Гизъ, сохраняющій уже только наружность повинненія; его подкрѣпляютъ Чины, часть арміи, Римскій Дворъ, и многіе города, между прочимъ Парижъ, Ліонъ, Орлеанъ. Генрихъ имѣешь на своей сторонѣ обладаніе, право, и выгоду мѣста, въ которое привлекъ онъ своего прошивника: онъ держишь его въ своемъ дворцѣ, въ городѣ Гугенотовъ. Посмотри-те на этотъ флигель замка, гдѣ волнуется столько офицеровъ, столько пажей, куда стекается столько депутатовъ, столько придворныхъ: это апартаменты Короля? Нѣтъ: Герцога Гиза. Съ другой стороны, это угрюмое зданіе, гдѣ появля-

юцца шложо вооруженныя людзі; з'яоць нечалавчый, уадиченный кабінетъ; наконецъ з'яоць Дворъ безъ придворныхъ: тамъ Генрихъ. Вплоть подлѣ зала Чиновъ, гдѣ открито сговариваюцца на его гибель. Здѣсь Коллегія Іезуитская, гдѣ Кардиналь приймаешъ скрытныя мѣры къ заключенію его, или, къ смертн: Король однѣ прошнвъ всѣхъ. Меднчн съ ннмъ, но она умираешъ: опъ неа можешь онъ получишь тольоко нѣкоторыя вдохновенія, но уже не обдуманне солѣшы. Пусть такъ: онъ управннсь однѣ. Его угнешаешъ оскорбленіе, нанесенное въ день *Баррикады*; къ нему приближаешся опасностн; къ нему со всѣхъ сторонъ приходящъ нзвѣщенія; наконецъ, гордостъ его непріятеля возрасташаешъ, гордостъ Голаяа, унижающаго его дажѣ своимъ ростомъ — все зшо выведешъ его нзъ усыпленія. Планъ сдѣланъ: онъ нпшаешъ его, обдумываешъ, и исполнншь съ уднвшельною ловкостью. Надобно оштдѣнншь соперннка, ошлучншь его опъ сообщннковъ, захвашншь въ одно время и семейство его и приверженцевъ. Исполнншь все зшо остаешся однѣ день: ненавнсть и чувствво самосохраненія внушаюшь ему, одному и безъ совѣтннковъ, самыя зврныя средства. Зшоць день естъ самое великое дѣло его жнзнн: шущъ выказываешся весь характеръ, раскрываюцца всѣ способностн его съ величайшею силою и свободою.

Чѣмъ замѣннлъ Г. Арно зшу борьбу, столь любовншную, столь поэшнческую? Онъ влечешъ къ двумъ лнцамъ зшрешье, Короля Наварррскаго, и спашншь его между ннн; онъ ошнмаешъ у Генрнха

III-го яшу дѣшельность, яшу горячу мценія, яшу четверть часа силы, которую придашь ему страхъ, и ошносишь все это къ Кашеринѣ. Г. Арно не видалъ, что въ Кашеринѣ дряхлою, и столь слабюю, что иншрига уже почти не шрогаешь ея, а кровавый государшвенный манёвръ выше силъ ея, что въ яшой Кашеринѣ заключаешся глубокая и совершенно новая поэзія! Онъ почель за лучшее помодити ея, придашь ей разитры, которыхъ она никогда не имѣла, разитры Семирамиды, Агриппины, Родогуны — шогда какъ у нея вся сила заключалась въ женскихъ обольщеніяхъ и хитросшихъ, въ слезахъ машери и въ ложномъ призракѣ нѣжности. И онъ предпочиташеть такіа фантастическіа, ишпершыя формы новой, самобышной поэзіи, какую представляли ему природа и Ишторія, никогда не повшоряющія себя! Но такимъ-шо образомъ дѣйствіе сжашое, нераздѣльное, поэшь самовольно замѣнилъ основою непрочною, не имѣющею достоинства, дѣйствіемъ нескладнымъ и несвязнымъ; однимъ словомъ: онъ уничтожилъ всѣ элементы драмы, какія представляли ему предметъ. И для чего? Для шого, что, какъ ни говорише, а гораздо легче сочиняшь съ памяшя, нежели вызывашь своимъ дарованіемъ поэзію изъ самыхъ событій. Но, одно послѣднее есть ишстинное шворчештво.

Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣйствіе, при измѣненныхъ такимъ образомъ роляхъ. Въ первомъ актѣ нѣтъ ничего, кромѣ блѣднаго изложенія. Гизъ, яшюшь царедворецъ, столь возвыщенный въ обхожденіи, приходитъ къ Королю какъ нузыкъ и на-

гле оскорбленъ его. Когда онъ ушелъ, начальникъ роты *сорока пяти ординарцевъ*, Луаньякъ, вызывается избавить Короля отъ этого неучтивца: дѣло, по нашему мнѣнію, самое легкое и самое неосложненное — такъ неопредѣленно, сбивчиво положеніе дѣйствующихъ! Отъ Короля, мы переходимъ къ Кашеринѣ, кошорая кажется умирающею. Сынъ рассказываетъ ей о новыхъ посягательствахъ Герцога и проситъ у нея совѣта. Вдругъ Медичи вспасть: болѣзнь ея была притворная; она занята кознями, она спасетъ Генриха, какъ за пятнадцать лѣтъ спасла Карла IX-го. Гизамъ надобно прощивопоставить Беарнца; она звала его, не сказывая о шомъ сыну; онъ пріѣхалъ и о немъ уже докладываютъ. Съ первыхъ словъ, Король Наваррскій находитъ случай похвастать Купрасской бишвой, выигранной имъ у Жуаёза: это и учтиво и скромно. Съ своей стороны Кашерина, желающая привлечь къ себѣ союзника, спрашиваетъ, не потеряла-ли дочь ея Маргерита вкуса къ роскоши, въ бѣдномъ, крошечномъ Наваррскомъ Королевствѣ. Послѣ такой мѣны учтивостей, она даетъ ему знать, что ей хотѣлось-бы снова испытать Варроломеевскую ночь; ошвѣтъ Генриха она могла-бы предвидѣть. За этимъ свиданіемъ, слѣдуетъ пріемъ придворныхъ и депутатовъ. Съ каждымъ говоритъ она сообразно его положенію, его выгодамъ, его правиламъ, и, въ восторгъ отъ самой себя, удаляется послѣ этого зазданія — перечислявшъ Макіавеля, какъ о шомъ извѣщаетъ насъ она сама.

Остановимся и подивимся всѣмъ этимъ изобрѣшеніямъ поэта. Чшо скажете вы объ аудіэнціи ?

Признаюсь, я гораздо предпочелъ-бы, для поэтическаго дѣйствія, но существенное уединеніе, въ которомъ помаленьку Король и его мать, уединеніе, спольшъ тяжелое для него, и выведенное на сцену Г-мъ Више прекрасно :

« Но я, Дюгальдъ!.. Вошь часи приѣма, а у меня никого нѣтъ. »

(Онъ ходитъ взадъ и впередъ съ большомъ волненіемъ.)

Дюгальдъ.

« Государи! Покуда вы оставались съ Г-мъ де Бюльи, « въ переднюю комнату являлись Гг. де Рамбулье и « де Луаньякъ; послѣ нихъ приходили Г. Д'Омонъ, « Г. Д'Орнано, Г. Револь, Господинъ. . . . де Мон-« шолонъ. . . . »

Король *(насмѣшливо)*.

« Какъ? Цѣлая полудюжина! Ты удивляешь меня. « Да гдѣ-жъ они, позволь спросить? »

Дюгальдъ.

« Когда они узнали, что Ваше Величество не « принимаете, шо пошелъ къ Королеви. »

Король *(съ большею горестью)*.

« Прекрасно! Они боялись простудиться передъ « огнемъ камна въ передней комнатѣ!... Какъ « жаль, что не я называюсь: Гизъ; меня подожда- « ли-бы. . . . Нѣтъ, право у меня прекрасные друзья!

«И особенно у меня ихъ много! (*отстраше смятъ-ся*) Если мой братъ не скажится надо мною, то «я принужденъ буду наконецъ самъ себя названъ «цить.»»

Въ прешьемъ дѣйствіи Г. Арно вводитъ насъ къ Герцогу Гизу. Будешь-ли онъ счастливѣе въ изображеніи его обшалаща? Прежде всего, мы не увидимъ уже шамъ ни Герцогини Намурской, его машери, ни его сына, ни Бриссака, и никого почпи изъ его офицеровъ и пажей. Мы увидимъ только одного секретаря: вошь все, что остается у него ошь огромной свишы, столь докучной Королю, столь грозной, и заспавлявшей Генриха горько жаловаться, когда вечеромъ, при звукѣ трубъ и блескѣ свѣщильниковъ ея, онъ восклицалъ:

«Ничего! Славно! Они пьютъ, они веселятся; «жизнь нмъ сладостна.... Надѣюсь, однако, что «они дадутъ намъ спать.... Вся эша свиша скоро «одѣлается несносна! Никогда-бы не должно было «помѣщать у себя никого, кромѣ слугъ, для того «что-бы, когда вздумается, приказывать нмъ мол- «чать. Эшотъ большой замокъ настоящій шрак- «ширь.... (*голосъ его постепенно измѣняется*) Но, «нѣтъ! Я не правъ: мы у брата Гиза; ошь пу- «стилъ насъ на пошой, машушка! А, право, нмъ «хочется также опдать ему визитъ, угостишь «его.... Гдѣ вы, мои ординарцы, мои Шотландцы! «Вы не спите: пойдѣмъ-те со мной... и убейте.. «уф! убейте... На скашерши у нихъ мало вина; «мы подмѣшаемъ шуда крови....»»

Между шѣмъ одна изъ Фрейлинъ Королевы, любовница Гиза, извѣщаетъ его о грозящей ему опасности и замышляемомъ заговорѣ. Но о какомъ заговорѣ, о какой опасности идешь дѣло? Мы ничего не знаемъ! Король очень можетъ желать его смерти: о томъ и пущено нѣсколько словъ на воздухъ; но мы ни разу не видали, что-бы Генрихъ впадалъ въ шѣ свѣрхныя думы, въ шо бышенство полу-суевѣрное и полу-кровожадное, въ какихъ у Г-на Више изображена шоль поэтически эша душа гѣны:

«О сладчайшій Исусъ, Спаситель мой! Это не моя вина; но я непременно долженъ убить его!...
 «(Онъ вскакиваетъ.) Никто не подслушиваетъ?
 «Нѣтъ. (Садится подлѣ огня.) Какъ хорошо бышь одному!... Мнѣ кажется, что я вижу его: вошь
 «онъ, на землѣ! А это такъ легко... Впрочемъ,
 «это не первый человекъ, котораго убиваюшь.
 «Терпѣніе! . . . и проч.»

Герцогъ, не заботясь объ извѣщеніяхъ, садится за шоль. Угадайте: съ кѣмъ? Съ шремя или чеширья депуташами средняго сословія: это совершенно безъ требованій, во мѣщанскому обычаю Принцевъ Лотарингской фамиліи. Одинъ изъ собеседниковъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, такъ-же какъ Г. Жось, вынимаетъ изъ фуллара прелестную корону, которую сдѣлалъ онъ нѣкогда для Генриха III-го; онъ привѣриваетъ ее къ Герцогу, и, вошь, Гизъ раздобариваетъ и обѣдаетъ, съ нѣнцомъ на чехъ, какъ Карлъ Великій. Во время этого насча-рада является Король Наваррскій: онъ входитъ

такъ поспѣшно, такъ безъ чиновъ, къ своему другу не-другу, Гизу, что поспѣ не имѣеть ни времени, ни присутствія духа снять свой Королевскій вѣнецъ. Страшная ссора между обими; потомъ прибытіе Короля, который находишь Герцога въ коронѣ и съ мечемъ въ рукѣ. Эта маскарадная сцена оканчивается клятвою ищенія, произносимою Королемъ въ *деуть стмхахъ*, что-бы закончишь дѣйствіе.

Увидимъ-ли мы наконецъ, какъ связываешься заговоръ, и когда начнешь занимательность? Никогда не увидимъ. Чины собрались, Король на тронѣ. Герцогъ Гизъ пребуешь объявленія, что Беарнецъ не будетъ наследникомъ престола. Чины соглашаются, Король колеблется; Генрихъ приходитъ и защищаешь свои права; собраніе готово выйдти изъ границъ; Король берешь перо и собирается подписываешь. Но Кашерина влешаешь въ залу, схватываешь актъ, раздираешь его, приказываешь Королю молчаешь, вводишь ошрадъ вѣрныхъ солдатъ, и выпускаешь Чины, передразнивая штъмъ Кромвеля и Бонапарше. Не правда-ли, что изобрѣшеніе и ново и чудно? Вѣрошно, эта странная сцена доставила Авшору печальное покровишельство Г-на Лабурдонне; а намъ показалось это почти невѣроятнымъ дѣломъ. Какъ? Раснущеніе Чинновъ прежде смерти Герцога? Какъ? Въ присутствіи Гиза Кашерина имѣеть силу совершишь такой государственный переворотъ? И она почишала Короля въ опасности, она хотѣла прошиупославишь Короля Наваррскаго Лигъ, она думала — что я говорю! †

она еще думаетъ не о публичномъ судилищѣ, но объ умерщвленіи Герцога? И такимъ насильственнымъ дѣйствіемъ она хочешь усыпить его бдишельность; она полагаетъ, что когда разгонишь его сообщниковъ, то и онъ, безъ ссоры и недовѣрчивости, придетъ завтра въ кабинетъ Его Величества, дашь себя зарѣзать изъ учтивости. Чшо-же? Въ самомъ дѣлѣ онъ приходитъ! И это называется драматическимъ вымысломъ, созданиемъ! Право, если-бы возможно было чшо это поэзія, а не бессмыслица, то мы потчасъ стали-бы поддѣ Паскаля и Маллебранша. Бѣдная поэзія!

Съ Франц.

О ЛУННОМЪ ЗАТМѢНІИ

1831 г. въ Февралѣ мѣсяцѣ. (*)

1831-го года въ Февралѣ $\frac{14}{2}$ по полудни, послѣдуешь частное лунное затмѣніе, которое сопровождаешь будешь слѣдующими явленіями: начало затмѣнія послѣдуешь, во всѣхъ мѣстахъ мѣстахъ, гдѣ оно будешь видимо, съ восточнаго края луны, а конецъ послѣдуешь на западномъ краѣ. Самое большое помраченіе простираешь будешь почти до $\frac{1}{4}$ луны, или почти, по-Астрономически говоря, 8 дюймовъ 13 минушь и 3 десятымъ минушь, съ южной стороны луны; но есть: останешся только $\frac{1}{4}$ цѣлаго поперечника свѣтлой луны съ сѣверной стороны. Сіе самое большое помраченіе послѣдуешь во время средины затмѣнія. Все затмѣніе продолжится 2 час. 56 мин. 16 сек.

Но дабы имѣть свѣдѣніе въ разныхъ мѣстахъ Россійской Имперіи о времени начала, средины и конца сего луннаго затмѣнія, прилагается таблица. Она показываешь истинное астрономическое время, или то, которое исчисляемъ на солнечныхъ часахъ.

(*) Мы получили сію спашью отъ Г. Семенова еще въ Ноябрь мѣсяцѣ; но, къ сожалѣнію, задержка рисунка воспрепятствовала намъ напечатать ее ранѣе. Теперь, по, что говорятъ Авшоръ въ *будущемъ*, является *прошедшимъ*. Но спашья нѣмъ не менѣе любопытна. *Изд.*

НАЗВАНІЯ ГОРОДОВЪ И МЪСТЪ.	Время начала затмѣн.			Время средины затмѣн.			Время конца затмѣн.		
	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.
Архангельскъ.....	5	56	15	7	24	23	8	52	34
Астрахань.....	6	26	53	7	55	4	9	23	9
Варшава.....	4	38	52	6	7	0	7	33	8
Вологда.....	5	55	27	7	23	35	8	54	43
Воронежъ.....	5	52	8	7	20	16	8	48	24
Вильно.....	4	55	48	6	23	56	7	52	4
Владимиръ губерн.	5	56	23	7	24	34	8	52	39
Выборгъ.....	5	9	44	6	37	52	8	6	0
Гродно.....	4	54	19	6	19	27	7	47	35
Дерзнь.....	5	4	38	6	29	46	7	57	34
Екатеринославъ..	8	33	5	7	3	13	8	34	24
Енисейскъ.....	9	22	35	10	50	43	0	18	54
Житомиръ.....	5	9	20	6	36	28	8	3	36
Иркутскъ.....	10	44	26	11	39	34	4	7	42
Казань.....	6	32	5	8	0	13	9	23	24
Калуга.....	5	39	4	7	7	9	8	35	17
Каменецъ-Под....	5	0	56	6	19	4	7	57	12
Камчатскій мысъ.	2	7	53	3	36	3	5	4	14
Кіевъ.....	5	16	52	6	15	0	8	13	8
Кола.....	5	26	43	6	54	54	8	22	39
Кострома.....	5	59	54	7	27	39	8	34	47
Красноярскъ.....	9	26	34	10	54	39	0	22	47
Курскъ.....	5	40	34	7	8	39	8	36	47
Кяхна.....	10	24	19	11	49	27	4	17	35
Минскъ.....	5	4	54	6	33	2	8	4	10
Минская.....	4	49	34	6	17	42	7	45	30
Могилевъ на Днѣпр.	5	15	59	6	44	7	8	12	13
МОСКВА.....	5	44	54	7	13	2	8	41	10
Нерчинскъ.....	11	0	50	0	28	58	4	57	6
Нижній Новгород.	6	42	34	7	40	42	9	8	30
Новгородъ.....	5	19	59	6	48	7	8	16	15
Новотераскъ.....	5	55	14	7	23	22	8	57	30
Одесса.....	5	17	33	6	45	44	8	43	49
Орель.....	5	38	23	7	6	37	8	34	43
Оренбургъ.....	6	55	24	8	23	29	9	54	37

конецъ затмѣнія
15 Февр. поутру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. поутру.

всѣ три момента
15 Февр. поутру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. поутру.

конецъ затмѣнія
15 Февр. поутру.

сред. и кон. затм.
15 Февр. поутру.

НАЗВАНИЯ ГОРОДОВЪ И МѢСТЪ.	Время начала затмѣн.			Время средня затмѣн.			Время конца затмѣн.			
	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	ч.	м.	с.	
Охотскъ.....	0	47	34	2	15	39	3	43	47	всѣ при моментѣ 15 Февр. поупр.
Пенза.....	6	44	49	7	42	57	9	44	5	
Пермь.....	7	0	26	8	28	34	9	56	42	
С. ПЕТЕРБУРГЪ..	5	15	59	6	44	7	8	12	15	всѣ при моментѣ 15 Февр. поупр.
Петропавл. гавань.	4	49	52	3	48	0	4	46	8	
Полшава.....	5	33	6	7	4	44	8	29	22	
Псковъ.....	5	8	2	6	56	10	8	4	18	
Ревель.....	4	53	42	6	21	50	7	49	58	
Рига.....	4	51	5	6	49	45	7	42	24	
Рязань.....	5	54	47	7	49	25	8	47	55	
Саратовъ.....	6	18	44	7	46	49	9	14	57	
Симбирскъ.....	6	24	24	7	56	52	9	24	40	
Симферополь.....	5	34	7	6	59	45	9	27	23	
Смоленскъ.....	5	22	52	6	54	0	8	49	8	
Спаврополь.....	6	2	38	7	30	46	9	58	54	
Таганрогъ.....	5	49	46	7	17	24	8	45	32	
Тамбовъ.....	6	4	44	7	29	49	8	57	57	
Тверь.....	5	38	30	7	6	38	8	34	46	
Тобольскъ.....	7	47	4	9	15	12	10	43	20	
Томскъ.....	8	55	49	10	23	27	11	51	35	
Тула.....	5	44	56	7	4	44	8	32	2	
Харьковъ.....	5	39	44	7	7	46	8	36	4	
Херсонъ.....	5	23	42	6	53	24	8	24	28	
Царицынъ.....	6	12	31	7	10	39	9	8	47	
Черниговъ.....	5	49	58	6	48	6	8	46	44	
Якушскъ.....	4	53	36	4	21	44	2	49	52	Средина и конецъ 15 Февр. поупр.
Ярославль.....	5	55	24	7	23	29	8	54	37	
Витебскъ.....	5	15	28	6	43	36	8	44	44	

Теория лунных затмѣній состоитъ въ слѣдующихъ обстоятельствахъ :

Извѣстно , что шла небесныя , принадлежащія къ нашей солнечной системѣ , какъ-то : планеты , спутники (къ кошорымъ причисляется наша луна) и кометы получаютъ свой свѣтъ отъ солнца , безъ котораго они всѣ были-бы темныя , или въ вѣчномъ зашмѣннѣ , и мы-бы ихъ , по причинѣ малыхъ диаметровъ , усматриваемыхъ съ земли , можешь бышь и никогда-бы не видали , исключая солнце , неподвижныя звѣзды , имѣющія собственныи свѣтъ , и луну , по причинѣ ея большаго диаметра , усматриваемую съ земли . Но и луна , будучи лишена солнечнаго свѣта , во время полныхъ зашмѣннѣ бываетъ невидима на небѣ . Кеплеръ говоритъ , что во время зашмѣннѣ 1601го года 9го Декабря и 1620го года 15 Юня , луна совсѣмъ помрачилась , такъ , что невозможно было различить помраченнаго ея края , а Гевелій говоритъ о зашмѣннѣ , случившемся 1642го года Апрѣля 25го , что не возможно было различить , даже и посредствомъ зрительныхъ трубъ , мѣста луны , хотя время было столь хорошо , что можно было видѣть неподвижныя звѣзды пятой величины . Но весьма рѣдко случается , что-бы луна во время зашмѣннѣ помрачалась столь совершенно .

Изъ сего видна однакожь причина лунныхъ зашмѣннѣ . Она состоитъ въ томъ , что луна , во время зашмѣннѣ , лишается солнечнаго свѣта . Сіе происходитъ такимъ образомъ , что когда падаетъ на землю солнечный свѣтъ , то съ противной стороны земли падаетъ тѣнь , а луна бываетъ во время

полнолунія часто въ такихъ обстоятельствахъ, что кривая линія пуши луннаго проходитьъ чрезъ тѣнь земли, и пошому она должна непременно войдши въ тѣнь земли, лишиться солнечнаго свѣса и прешерпѣшь затмѣніе.

Но какъ солнце гораздо болѣе земли, шо земля отбрасываетъ отъ себя тѣнь коническую, или подобную фигурѣ сахарной головы, что показано въ фигурѣ 1-й. Здѣсь S есть солнце, T земля, AM діаметръ солнца, BG діаметръ земли, BEG коническая тѣнь земли, HCKI путь луны, а по обѣ стороны тѣни части HC и KI называются *полу-тѣнь земли*, ибо почки H и I, стоящія на лунномъ пути, какъ видно изъ фигуры, глядяшъ на весь діаметръ солнца, и пошому онѣ вполне имъ освѣщаются. Но другія почки, лежащія на сей-же линіи, ближайшія къ настоящей тѣни СК, поспешенно шеряють діаметръ солнца, отъ чего не вполне освѣщаются имъ, и пошому сіе пространство, окружающее всю тѣнь земли, называется *полушѣнью*; луна-же, проходя сіе пространство, поспешенно начинаешъ шеряшь изъ впа діаметръ солнца, отъ чего и свѣсъ ея ослабѣваетъ, особливо воспочная сторона. Потомъ, двигаясь по своему пути, луна касаетъ воспочнымъ краемъ почки тѣни С, и въ шошъ самый моментъ начинаешъ затмѣніе; а когда луна, пройдя всю тѣнь, коснетъ западнымъ краемъ тѣни, въ почкѣ К, по сей послѣдній моментъ бываешъ концемъ затмѣнія. Но чтобы лунѣ бышь вполне освѣщенной солнцемъ, шо должно ей пройдши всю полушѣнь KI, и достигнуть почки I, изъ кошорой видѣнь весь діаметръ солнца.

Луна движется вокруг земли отъ запада къ востоку; а потому во всѣхъ лунныхъ затмѣніяхъ восточный край луны прежде западнаго входитъ въ тѣнь, начало затмѣнія всегда бываетъ съ восточнаго, а конецъ съ западнаго края луны.

Ширина КС земной тѣни можетъ измѣняться въ разныхъ затмѣніяхъ, смотря по разстоянію луны отъ земли. Сіе видно изъ 1^а фигуры. Если луна проходитъ чрезъ тѣнь въ точкахъ *aa*, то тѣнь будешь уже, а если проходитъ въ точкахъ *bb*, то тѣнь будешь шире, и потому продолженіе затмѣнія въ первомъ случаѣ будешь короче, а во второмъ длиннѣе:

Когда линія пуши луннаго проходитъ чрезъ центръ тѣни, тогда бываетъ затмѣніе полное, а если нѣсколько отдалится отъ центра, то бываетъ затмѣніе частное. Но какъ діаметръ земной тѣни всегда бываетъ гораздо болѣе діаметра луны, то затмѣніе луны часто бываетъ полное, хотя линія пуши ея и не чрезъ самый центръ проходитъ. Чтобы донять сіе яснѣе, представимъ фигуру 2^ю. А, С, D, E, представляющъ въ разныхъ обстоятельствахъ, во время полнолунія, или проливостоянія луны съ солнцемъ, круги земной тѣни, долженствующіе быть, когда земную тѣнь пересѣчь поперегъ, перпендикулярно, въ томъ разстояніи отъ земли, гдѣ будешь луна проходитъ во время полнолунія; 1^о 2^о 3^о и 4^о суть круги луны; а изъ сего видно, что въ первомъ случаѣ луна будешь проходитъ чрезъ самый центръ тѣни, и потому сіе затмѣніе называется *центральное, полное, лунное затмѣніе*; во второмъ случаѣ, какъ видно, луна не проходитъ чрезъ самый

центрѣ тѣни, и потому затмвнїе называется просто *полнымъ*; въ шретьемъ случаѣ называется *частымъ* затмвнїемъ; въ четвертомъ луна пройдетъ мимо тѣни, и потому не можетъ быть никакого затмвнїя.

Для назначенїя величины затмвнїи, Астрономы раздѣляютъ діаметръ луннаго круга на 12 равныхъ частей, которыя называютъ дюймами; дюймъ еще раздѣляется на 60 частей, которыя называются минутами, и въ сихъ-то дѣленїяхъ означаютъ величину затмвнїя.

Отъ полутѣни земной, и отъ окружающей землю атмосферы происходитъ то, что черта, раздѣляющая затмвнную часть луны отъ незатмвнной, всегда худо окраена бываетъ, и потому въ моментахъ наблюденїя начала и конца луннаго затмвнїя, всегда можно сдѣлать ошибку до одной минуты времени.

Фигура 3^а представляетъ лунное затмвнїе, которое послѣдуетъ 1831го года Февраля 14го дня. КС есть ширина, или діаметръ разрѣза земной тѣни, въ томъ разстоянїи отъ земли, въ какомъ будетъ проходить луна во время затмвнїя.

S, M, E, есть путь луны черезъ тѣнь земли, во все время продолженїя затмвнїя.

S мѣсто луны во время начала затмвнїя.

E мѣсто луны во время конца затмвнїя.

M мѣсто и видъ луны самаго большаго помраченїя, которое послѣдуетъ во время середины затмвнїя.

Сїя всѣ шри момента, то есть: начало, середина, конецъ, показаны въ истинномъ времени, для

разныхъ мѣсць Россійской Имперіи, выше сего въ Таблицѣ.

Для исчисленія сего зашмѣнія употреблены Астрономическія таблицы, солнечныя Дедамбра, и лунныя Бурггарда.

Истинное прошивоспояніе луны съ солнцемъ послѣдуешь по прохожденіи луны восходящаго узла, 14го Феврала, въ 5 часовъ 12 минушь, 26 секундъ, и 8 десяныхъ секунды, по полудни средняго времени, на Парижскомъ меридіанѣ.

Въ сіе время будешь

Широта луны сѣверная, увеличивающаяся.	. 35'39,8
Часовое движеніе луны въ широту.	. . . 2'59,3
Часовое движеніе луны въ долготу.	. . . 32'32,3
Полудіаметръ луны. 15'26,8
Горизонтальный экваторный параллаксъ.	. 56'41,0
Часовое движеніе солнца въ долготу.	. . . 2'30,6
Полудіаметръ солнца. 16'10,4
Горизонтальный параллаксъ солнца.	. . . 8,9

Уравненіе времени 13 минушь, 14 секундъ и 3 десяныхъ секунды. Сіе послѣднее количество показываетъ, что часы, въ моменшь прошивоспоянія на оное, впереди прошивъ истинныхъ солнечныхъ часовъ.

Θ. Семеновъ.

Курскъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Одинъ изъ друзей моихъ, бывшій за границею, передалъ мнѣ чрезвычайно любопытную спашью: извѣстіе о дипломатическихъ, палеографическихъ и вообще историческихъ сокровищахъ, хранящихся въ *Московскомъ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ*. Я спѣшу прѣдѣлаться симъ извѣстіемъ съ посвященными чинами Телеграфа. Ни чужь не спрашно, что свѣдѣнія о драгоценностяхъ *нашихъ*, мы получаемъ отъ иностранцевъ. Развѣ не они открыли наши богатые рудники? И даже въ наше время обошлось-ли дѣло безъ чужеземца для открытія алмазовъ въ Уральскихъ горахъ? *Таланты отъ Бога!* Донныѣ, мы рѣшительно *никого не знаемъ* о нашемъ *Московскомъ Архивѣ*. Насъ познакомили съ частью драгоценностей его въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ*. Вѣроятно, что мы узнаемъ изъ него еще многое, но — когда? До тѣхъ поръ, будемъ-же пользоваться, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что попадаетъ подъ руку отъ иностранцевъ.

Другъ мой говорилъ мнѣ, что извѣстіе объ *Архивѣ Московскомъ* получилъ онъ отъ одного почтеннаго Профессора Гешингенскаго Университета, который занимается сочиненіемъ книги о всѣхъ государственныхъ Архивахъ въ Европѣ, и вскорѣ

надѣется издать оную. Драгоцѣнныя свидѣнія получилъ онъ изъ Рима и Лондона. Парижскіе Архивы обозрѣлъ онъ самъ. Извѣстіе о нашемъ Московскомъ Архивѣ досталось ему изъ бумагъ Шлецера, которому прислалъ его Миллеръ изъ Москвы. Но донынѣ сіе извѣстіе оставалось въ рукописи. Почтенный Профессоръ просилъ моего друга узнать въ Россіи: можешь-ли онъ положиться на достоверность означеннаго извѣстія? Думая, что нѣтъ лучшаго средства исполнить препорученіе, сдѣланное моему другу, я рѣшился напечатать переводъ извѣстія въ Телеграфѣ. Если въ Московскомъ Архивѣ сдѣланы какія либо перемѣны, то просвѣщенные знатоки дѣла конечно удостоятъ меня поправками, доставивъ оныя для напечатанія въ Телеграфѣ; а я сообщу ихъ въ Геттингенъ. Намъ пріятнѣе видѣть извѣстія о Россіи, издаваемые въ чужихъ земляхъ, исправными, нежели молчаніемъ своимъ поощрять иностранцевъ на ошибки.

Г. Г.

Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ назывался прежде *Посольскимъ Приказомъ*. По принятому Г. Ф. Миллеромъ плану, дѣла, въ немъ находящіяся, раздѣляются на двѣ части: *общія государственныя* и *частныя государственныя*.

1-е Общія государственныя.

Они дѣлятся на пять частей, а именно:

1-е. *Внутреннія договорныя грамоты*. А. Новгородскія, или договоры Новгорода съ Московскими

и Тверскихъ Князьми, начиная съ 1263 года. Б. Граматы Великихъ Князей Московскихъ, Князей Тверскихъ, Рязанскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, Литовскихъ, и другихъ удѣльныхъ Князей; также Княгинь, Царей, духовныхъ, договорныхъ, межевыхъ, жалованныхъ, приговорныхъ, крѣпости, граматы, записи мѣновыя, поручительныя, подручныя бояръ и дворянъ, начинаясь съ 1328 года, оканчивающаея 1585 годомъ.

2-е. *Внѣшнія договорныя грамоты.* Тракташы, ратаификаціи, записи, капитуляціи, конвенціи, положенія о границахъ, и другія посшановленія, между Россіею и разными народами и мѣстами, въ 23 отдѣленіяхъ, а именно: съ Цезаремъ Римскимъ, съ 1514 года; Франціею съ 1717; Англіею съ 1710; Пруссіею съ 1656; Польшею съ 1431; Швеціею и Лифляндіею съ 1513; Даніею съ 1563; Голландіею съ 1710; Саксоніею съ 1709; Ганноверомъ съ 1710; Голштиніею съ 1724; Курляндіею съ 1710; Мекленбургіею съ 1716; Брауншвейгъ-Вольфенбитшелемъ съ 1711; вольными городами: Любекомъ съ 1712, Гамбургомъ и Данцигомъ съ 1713; Турціею съ 1681; Персіею съ 1718; Китаемъ съ 1689; Молдавіею съ 1656; Грузіею и Имеретіею съ 1652. Сверхъ того: дѣла Князя Рагоція съ 1707 года; дѣла съ Армянами съ 1667 года; дѣла Риги, Ревеля и Пернова съ 1710 года.

3-е. *Граматы къ Великимъ Князьмъ и Царямъ Русскимъ отъ иностранныхъ Государей и разныхъ земель,* раздѣляются на 19 частей, а именно: отъ Цезаря Римскаго съ 1573 года; Франціи съ 1595; Испаніи съ 1668; Англій съ 1557; Пруссіи съ 1649;

Польши съ 1513; Швеціи съ 1567; Дании съ 1574; Голландіи съ 1614; Саксоніи съ 1633; Гольштиніи съ 1633; Курляндіи съ 1653; Папы съ 1582; Флоренціи съ 1660; Мальтійскаго Ордена съ 1698, Венеціи съ 1654; вольныхъ городовъ: Гамбурга съ 1618, Данцига съ 1697, Любека съ 1586; Турціи съ 1615; Персіи съ 1635 года.

4-е. *Министерскія дѣла*, то есть, записки о пріѣздахъ, и пребываніи Пословъ, иностранныхъ въ Россіи, и Россійскихъ въ другихъ земляхъ; бумаги, шѣми и другими подаваемыя; рескрипты къ нимъ; донесенія Русскихъ Пословъ, и проч. Все сіе заключается 1742 годомъ, и раздѣлено на двѣ части: *Европейскую* и *Азіатскую*; въ первой 42 части, во второй 24, а именно:

Часть Европейская. Дѣла Англійскія съ 1582 года; Прусскія съ 1517; Бременскія съ 1725; Венеціанскія съ 1647; Гамбургскія съ 1614; Данцигскія съ 1704; Испанскія съ 1667; Голландскія съ 1616; Гольштинскія съ 1631; Датскія съ 1516; Эльбингскія съ 1710; Женевскія съ 1712; Князей Римской Имперіи (Курфирстовъ, Герцоговъ, Ландграфовъ, и проч.) съ 1706; Курляндскія съ 1646; Любекскія съ 1603; Мальтійскія съ 1697; Мекленбургскія съ 1710; Неаполитанскія съ 1738; Папскія съ 1595; Пармскія съ 1724; Польскія съ 1487; Рагузскія съ 1709; Саксонскія съ 1714; Флоренційскія съ 1600; Французскія съ 1615 (шутъ-же, подъ 1728 годомъ отдѣльно, дѣла Суассонскаго Конгресса); Цезарскія съ 1489 (шутъ-же отдѣльно: Венгерскія и Силезскія); Шведскія съ 1514 года. Кромѣ того отдѣль-

но дѣла: Абовскаго конгресса, съ 1742 по 1744-й годъ; Аландскаго конгресса, съ 1717-го по 1720-й годъ; острова Эзеля съ 1725; Лефоршовскія, ш. е. посольства, бывшаго въ 1697, 1698, 1699 гг., при кошоромъ находился самъ Пешръ Великій; дѣла Графа Морица Саксонскаго, съ 1718 по 1728-й годъ; города Нарвы съ 1704; Нейштадскаго конгресса, съ 1721; дѣла Пашкуля съ 1700 по 1707 годъ; города Ревеля съ 1701; Риги съ 1700; дѣла Коммисіи, бывшей съ Поляками въ Сашановѣ, съ 1739 по 1741 годъ.

Часть Азіатская. Дѣла съ Армянами съ 1701 года; съ Бадакшаномъ съ 1731; Балхомъ съ 1669; Башкирцами съ 1706; Бухарією съ 1619; съ Греческими монастырями въ Палестинѣ съ 1509; Грузією и Имершією съ 1586; Индією съ 1647; Зюнгорією съ 1716; Кабардою съ 1704; Калмыками съ 1673; Каракалпаками съ 1722; Киргизъ-Кайсаками съ 1719; Китаемъ съ 1654; Крымомъ и Ногаями съ 1474; Кумыками съ 1717; Персією съ 1594; Турцією (шуть-же Молдавія и Валлахія) съ 1513; Хивою съ 1616; кромѣ шого особенно: Камчатскія дѣла съ 1732; Сибирскія съ 1636; Ташарскія съ 1633 года.

Б-е. Внутреннія дѣла.

1. Дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣща, съ 1726 по 1733 годъ.

2. Дѣла Императорскаго Кабинета, съ 1735 по 1741 годъ.

3. Собственноручныя письма Петра Великаго, въ 13 томахъ.

4. Дѣла Царевича Алексѣя Петровича (запечатанное).

5. Присяги Царевичу Петру Петровичу, 1718 года.

6. Дѣла объ избраніи Малороссійскихъ Гетмановъ съ 1654 года.

7. Письма ошь иностранныхъ и Русскихъ Генераловъ, и разныхъ особъ, къ Государямъ и Министрамъ Россійской Имперіи (всѣ прибраны по алфавиту).

8. Записныя книги рескриптовъ и бумагъ, посылаемыхъ къ Россійскимъ Министрамъ, и ошь нихъ полученныхъ реляцій; также письма, граматы и промеморіи, исходящія и входящія, по Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, съ 1718 по 1743 годъ.

9. Кіевскія дѣла Канцлера Бестужева и Вице-Канцлера Воронцова, въ 1744 году.

10. Бумаги Князя Меншикова, съ 1698 по 1728 годъ, взяшыя у него по арестованіи.

II. Частныя государственныя.

Они дѣлятся на двѣ части, а именно:

1. *Дѣла Посольскаго Приказа.*

а. Приказныя, т. е. опредѣленія, указы, промеморіи, донесенія, челобитныя, и проч.

б. Приходныя и расходныя книги, докуменшы, счешы, и проч.

в. Книги служивыхъ людей, бояръ и всякихъ званій, съ показаніемъ окладовъ жалованья, съ 1604 г.

г. Дипломы, патенты, жалованныя грамоты на чины, воцѣпы, и проч.

д. Дѣла о церемоніяхъ, коронаціяхъ, бракосочетаніяхъ, погребеніяхъ Государей, избраніяхъ Патриарховъ, и проч., съ 1584 г.

е. Чершежи, планы, ландкарты внутреннимъ и пограничнымъ съ Россією мѣстамъ.

ж. Дѣла Донскихъ Казаковъ, съ 1623-го по 1720-й годъ.

з. Приказные, ежегодные столбцы входящихъ и исходящихъ по Архиву дѣлъ, съ 1727 г.

и. Вѣдомости публичныя, посылаемыя къ Министрамъ при иностранныхъ Дворахъ, о всякихъ церемоніяхъ, съ 1721-го по 1740-й годъ.

і. Газеты, вѣдомости и куранты, печатныя и писанныя (переводы), на разныхъ языкахъ, съ 1631-го по 1753 годъ.

к. Библіотека любопытныхъ книгъ печатныхъ; есть изданія и книги рѣдкія.

2. Дѣла подсудныхъ Посольскому Приказу мѣстъ, а именно:

а. Дѣла *Великороссійскаго* Приказа: отпуски бумагъ во всѣ *Великороссійскіе*, *Слободскіе* города; часть ихъ, въ 1700 году, была отослана въ Разрядъ.

б. Дѣла *Малороссійскаго* Приказа (съ 1559 г.), и. с. приѣзды изъ *Малороссіи* духовныхъ и свѣшскихъ

особь и посланныхъ, отправка жуда, переписка по пограничнымъ, Турецкимъ и Польскимъ, дѣламъ. Здѣсь вѣдомы были: Кіевъ, Черниговъ, Нѣжинъ, Переяславль, Новобогородицкъ на Самарѣ. Часть дѣлъ ошдана въ Сенатъ, въ 1756 году.

в. Дѣла Смоленскаго Приказа (съ 1600 г.), вѣдомство городовъ: Смоленска, Дорогобужа, Рославля, Бѣлаго. Часть дѣлъ отослана въ Смоленскъ, въ 1710 году.

г. Дѣла Новгородскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Новгорода, Пскова, Нижняго Новгорода, Старой Рузы, Киргоровалі, Коам, Пусноверска, Мезени, Ярежка, Олонецъ, Арзамаса, Вологды, Кайгорода, Вязки. Часть дѣлъ отослана въ Ижмскую Канцелярію, въ 1706 г.

д. Дѣла Устюжскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Тошмы, Вязмы, Звенигорода, Клина, Горьлаго Городища, Рузы, Чаранды (Tcharanda?), Усьи-Янскихъ волостей, Бѣжецкаго верха, Соливычегодска, Ржева-Володиминова, Устюга, Спарницы, Устюжны-Желѣзопольской, Венева.

е. Дѣла Володимирскаго Приказа, вѣдомство городовъ: Владиміра, Переяславля Рязанскаго, Орла, Зарайска, Михайлова, Ряжска, Сапожка, Торжка, Луха, Крапивны, Калуги, Твери, Лихвина, Ржевы Пустой или Заволочья, Пушкина, Боровска.

ж. Дѣла Галицкаго Приказа, вѣдомство городовъ: Галича, Пареевшаева, Чухломы, Кашина, Сольгалицка, Юрьева-Польскаго, Унжи, Новосила, Бѣлоозера, Каширы, Росшова, Суздаля, Мценска,
Ноябрь 1830.

Шун, Коломны, Бѣлева, Мещовска, Карачева, Кременеска, Черни.

Хотя во все сія города опшуски и вѣдомспво Воеводъ были изъ Разряда, но кружечные дворы, шаможи, судныя и исковыя дѣла инострлицевъ вѣдалъ Посольскій Приказъ. Кромѣ шого;

1. Управление Пермью, Чердынью и Солькамскомъ вполнѣ находилось въ Посольскомъ Приказѣ, и сосставляешъ особыя дѣла.

2. Дѣла монашарей Малороссійскихъ, Кіевско-Печерской Лавры, Синонова, Саввинскаго, Иверскаго, Валдайскаго, Воскресенскаго.

3. Дѣла именишыхъ людей Строгановыхъ, судъ, расправа ихъ вощинъ и болиныхъ варницъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Вернеца. Небольшая картина, 1 футъ 9 дюймовъ въ ширину, 1 ф. 5 д. въ вышину, изображаетъ сѣдѣшвія Ватерлооской битвы. День печерѣетъ; тучи и молніи направо, вдали горизонта; лучи заходящаго солнца освѣщаютъ влѣво крестъ, на далекой могилѣ. Солдатъ старой Наполеоновой гвардіи зарываетъ шрупъ товарища. Но онъ самъ раненъ, силы его истощены. Рука, нѣкогда вносившая Императорскаго орла въ ряды враговъ и на швердыни крѣпостей ослабѣла, и не въ состояніи подинуть заступа, котораго надобно бросить еще нѣсколько глыбъ земли, что-бы кошей героя-товарища не размыкали дикіе звѣри! Грустно сидитъ старшій воинъ, держа въ рукѣ тяжельшій заступъ, и отдыхаетъ. Вокругъ лежатъ неподвижныя ядра, изломанныя пушки, орлы Наполеоновы. — Картина сія находится въ галлерей Герцога Орлеанскаго. Жакъ выгравировалъ съ нея прекрасный эстампъ, en mezzotinte; Веберъ литографировалъ ее на камнѣ.

С М Ъ С Ъ .

Кромѣ Бразиліи, владѣній Англійскихъ, Россійскихъ, Датскихъ, Испанскихъ, Французскихъ и Нидерландскихъ, въ Америкѣ находится нынѣ *одинадцать* независимыхъ государствъ, а именно: Соединенные Сѣверо-Американскіе Штаты, Соединенные Мексиканскіе Штаты, Республика Колумбійская, Союзные области рѣки Платы, Соединенные Штаты Центральной Америки. Всѣ сии государства суть федеральные союзы многихъ областей, управляемые каждый отдѣльнымъ высшимъ Правительствомъ. Кромѣ того: Республика Перуанская, Республика Боливія, или Верхній Перу, Республика Хили, государство Парагвайское и Республика Ганши. Въ такомъ состояніи являлся нынѣ *Новый Свѣтъ*, когда за полвѣка тому, онъ былъ весь колоніею Европейцевъ. Вашингтонъ и Болливаръ рѣшили жребій Америки.

Любопышно разсужденіе Г-на Монже о звѣряхъ, какіе были приводимы въ Римъ на публичныя зрѣлища. Роскошь въ семъ отношеніи доходила до совершеннаго сумасшествія. Тысячи звѣрей, рѣдкихъ и дорогихъ, были убиваемы для пошѣхи зрительцевъ въ Римскихъ циркахъ и амфитеатрахъ. За 273 года

до Р. X., въ первый разъ приведены были въ Римъ 4 слона; кошорить отыкали у Вирра;⁴ за 352 г. до Р. X. привели въ Римъ 142 слона, отыканы у Кароагеняль; за 169 лѣтъ до Р. X., Сципионъ Назика и Публий Леншуль вывели на игры 63 барса и 40 медвѣдей; Сидла заставилъ сражаться 100 львовъ, а Эмидій Скавръ 1 гиппопотама, 5 крокодиловъ и 150 барсовъ. Помпей пошелъ далѣе, пустивъ рысь, единорога, 600 львовъ, 410 барсовъ, и 20 слоновъ, съ коими сражались люди. Цезарь привезъ въ Римъ жирафа и 400 львовъ. При Августѣ роскошь сія увеличилась. Посвящая храмъ Марцеллу, убили на играхъ 600 барсовъ; зидъ, въ 50 локтей длины, была введена въ Форумъ; въ циркъ Фламинія, по особому каналу, ввели 36 крокодиловъ; единорогъ и гиппопотамъ убиты при шоржествѣ победы надъ Клеопатрою. При Калигулѣ былъ бѣгъ на верблюдахъ, запряженныхъ въ колесницы; при Неронѣ, слоновъ приучали ходить по напаянутой веревкѣ. Гипшъ, шоржествуя постройку банъ, погубилъ до 9,000 звѣрей; Траянъ, послѣ побѣды надъ Парянами — 11,000! Въ 248-мъ году по Р. X. убило было вдругъ 32 слона, 10 ланей, 10 шигровъ, 60 ручныхъ львовъ, 30 леопардовъ, 10 гіеннъ, 1 гиппопотамъ, 1 носорогъ, 10 жирафовъ, 20 онагровъ, 40 дикихъ лошадей, 10 арголеоновъ, и проч. — Пробъ насадилъ въ циркъ цѣлый лѣсъ, куда впущено было 1000 спрофокамилловъ, 1000 оленей, 1000 кабановъ, 1000 ланей, 100 львовъ, 100 львиць, 100 Ливійскихъ леопардовъ, 100 Сирійскихъ, 300 медвѣдей, верблюдовъ, и проч. — Гонорій ѣздилъ въ колесницѣ, запря-

дежной пирамиды. Кровавыя сія позорища были за-
прещены Кодешиашиномъ, и вскорѣ пошомъ вышли
изъ моды.

Къ числу Государей, занимавшихся Литтерату-
рою, должно причислить Шведскаго Короля Густа-
ва III-го. Въ 1826 году изданы, неизвѣстные дошо-
го, драматическія его сочиненія, подъ названіемъ:
Theater stycken of Gustaf III (Стокгольмъ, 2 ш.
in-8). Не смотря на подражаніе Французскимъ Клас-
сикамъ, въ нихъ, какъ пишуть, видѣнъ талантъ
прекрасный. Изъ современныхъ намъ Государей,
Король Баварскій сочиняетъ стихи, исполненные
ума и чувства. Литтература всегда имѣла спо-
движниковъ между Вѣнценосцами. Имена Фридриха
Великаго, Екашерны, Наполеона знамениты и
въ Литтературѣ.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНИИ

ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА.

(Продолженіе)

II. Сіе второе условіе соснойтъ въ помѣ, чтобъ можно было нагнать ученіе дѣтей съ самаго ранняго ихъ возраста. Наукъ шакъ много, и шакъ онѣ обширны, а время течеть съ шакою бмспрошою, что не нужно доказывать пользу наввозможно ранняго ученія. Но какъ можно начинашь рано учить дѣтей наукамъ, изъ копорыхъ однѣ по сущности своей, другія по правилу ученія, не соразмѣри съ дѣтскимъ возрастомъ? Физически невозможно. Это шакъ вѣрно, что многіе родители и воспитатели были-бы въ большомъ затрудненіи на счетъ того, чѣмъ занять время дѣтей или воспитанниковъ своихъ, если-бы употребляема до сихъ поръ метода обученія чтенію и писанію, не была шакъ затруднительна и продолжительна? Кто не знаетъ, что охотно заставляють дѣ-

собу Desanguiliers, и вы ее поирсете. Тоже и съ науками: спарайшесь разложить не вещественную сію шажетпъ по часнамъ на дѣтскія способности, и вы удивитесь ихъ силѣ; но не обременяйте безъ мѣры ихъ повашія въ одномъ пунктѣ.

III. Третье условіе хорошей системы дѣтскаго ученія пребуешъ, чтобъ преподаваемая науки не препятствовали физическому, и способствовали, какъ можно болѣе, умственному развитію дѣтей. Посмотримъ, согласно-ли нынѣ употребляемое ученіе съ симъ требованіемъ.

Что нужно для физическаго и умственнаго развитія дѣтей? Соблюденіе слѣдующихъ правилъ:

а) Упражнять тѣлесныя и умственныя способности. Способности безъ упражненія погибають: оставьте руку вашу на нѣсколько недѣль безъ всякаго движенія, произвольный параличъ руки окончится дѣйствительнымъ ея параличемъ; тоже можно сказать о всѣхъ прочихъ тѣлесныхъ и умственныхъ способностяхъ. Напротивъ того, упражненіе увеличиваетъ ихъ силу, и можете довести ее до высокой, удивительной степени.

б) Упражнять тѣлесныя и умственныя способности соразмерно съ ихъ силами. Иначе эти способности ибъеряшесь такъ-же какъ и оныя

чедоспашка упражненія. *Низего слишкомъ* : вопшъ условіе и законъ всего полезнаго. Теплопа нужна для сохраненія жизни въ цѣлѣ, но сіа теплопа, доведенная до спешени огня, убійственна для жизни. *Милонъ Кротонскій* имѣлъ большую силу, носилъ на плечахъ быка, и убивалъ его кулакомъ съ разу; но закопѣвши разодрать дерево, погибъ. Извѣстно, что *слишкомъ* ученые дѣши живутъ не долго: *Pico della Mirandola*, чудо памяти, пруда и учености, копо-рый, на 23-мъ году возраста, показалъ, съ дѣшскою хвасливостью, и обширность и неосновательность своихъ знаній, вызовомъ защищашъ, пропивъ всѣхъ ученыхъ, выданныя имъ 900 предложеній, *de omni re scibili* (о всѣхъ предметахъ наукъ), умеръ, 32-хъ лѣтъ, въ драхлосши.

Несоразмѣрность упражненій съ силами можно раздѣлить на два рода: 1) на чрезмѣрно продолжительное упражненіе, и 2) на чрезмѣрно тяжелое. И то и другое излишество почти одинаково вредно.

с) *Совершенствовать органы чувствъ*. Ощъ чувствъ чрезвычайно много зависптъ физическое и моральное благосостояніе челоѣка. Всякое чувство есть источникъ безчисленныхъ наслажденій; съ померемъ оного теряется для челоѣка какъ-бы часть вселенной. Между чувствива-

ми особенно важно зрѣніе: его вѣщательнѣе, какъ Физіологія доказываетъ, суть самыя ясныя и постоянныя изъ всѣхъ другихъ чувственныхъ вѣщательнѣй; они почти всегда наполняютъ душу человѣческую, даже во снѣ.

Спрашивается теперь: обыкновенная система дѣтскаго ученія занимаетъ-ли способности дѣтей; занимаетъ-ли ихъ соразмѣрно съ ихъ силами; совершенствуютъ-ли органы чувствъ, зрѣніе особенно?

Она занимаетъ мало. Въ самой вещи, дѣти, какъ выше замѣчено было, или поздно начинаютъ учиться, или начиная учись рано, учась чрезмѣрно продолжительно; но есть, въ обоихъ случаяхъ теряется время. Сказанное теперь выраженіе: *учатся чрезмѣрно продолжительно*, ни сколько не противорѣчитъ утверженію нашему, что дѣти занимающія мало: потому что мы говоримъ не о сидѣніи дѣтей за книгою или пергадью, при чемъ они большею частію только помаятся и ничего не дѣлаютъ, а о дѣйствительномъ ихъ занятіи, во время котораго ихъ способности находящіяся въ дѣйствительномъ, а не мнимомъ упражненіи. Что происходитъ съ дѣтьми въ длинныхъ и трудныхъ ихъ урокахъ? Тѣлесныя ихъ способности находящіяся въ бездѣйствіи, умственные работаютъ мало.

Она заммкаетъ дѣтскія способности не соразмѣрно съ силами. Мы уже выше спарались показашь, что преподаваемыя дѣшмъ науки, или по существу своему, или по правилу ученія, вообще выше дѣшскихъ понятій. Отсюда слѣдуешь, что дѣши принуждены напрягать слишкомъ свои способности, и мучиться, по крайней мѣрѣ, бесполезно. Отъ излишняго напряженія ума происходитъ обыкновенно физическая и моральная усталость; сія, слишкомъ часно повшоренная, усталость можешь превратиться въ постоянную вялость души и тѣла.

Она почти вовсе не совершенствуетъ чувства. Правда, Рисованье и Музыка раскрывающъ нѣсколько зрѣніе и слухъ; но сіе раскрытіе слишкомъ ограничено, особенно когда согласились, что эстетическія понятія зрѣнія и слуха, которыми собственно занимаешся Рисованье и Музыка, гораздо болѣе относятся къ уму, нежели къ самимъ органамъ чувствъ.

Осшаешся разобрать послѣднее условіе хорошаго умшвеннаго воспитанія дѣшей.

IV. Сіе условіе заключаешся въ томъ, чтобъ преподаваемыя науки приготовляли, навозможно скорте и легте, къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя требуетъ нынѣшній духъ времени. Безъ сомнѣнія сіе условіе ешть одно изъ самыхъ важныхъ, ибо что ешть воспитаніе, какъ не сообщеніе чело-

вѣку нѣхъ свѣдѣній; посредствомъ которыхъ онъ ставовишея способнымъ къ исполненію житейскихъ дѣлъ? И такъ нужно знать, чего яребуютъ сія дѣла. Если вы не пригото- вите себя къ нимъ, или, что все равно, пригото- вите себя совершенно къ другимъ дѣламъ, то вы будете бесполезны для общества, и обще- ство васъ отвергнетъ: слѣдствіе необходимое.

Но какой духъ нынѣшняго времени? Мораль- ный? геройскій? философскій? Нѣтъ: *нужній физическаго благосостоянія*. Послѣ разныхъ опы- товъ, человѣчество увидѣло, что прежде все- го надобно обезпечить матеріальное свое су- ществованіе, что за сими обезпеченіемъ прихо- дитъ, такъ сказать, сами собою все промія улучшенія. Дѣйствительно, за физическимъ бла- госостояніемъ слѣдуетъ и самое нравственное. Древніе философы-законодатели внушали и привуждали, искашь счастья не во внѣшнихъ вещахъ, а внутри самого себя; они не дости- гли своей цѣли: опытъ показалъ, что ихъ за- коны не согласны съ природою человѣческою. Безъ внѣшнихъ вещей, то есть, безъ того, что составляетъ довольство, человѣкъ не имѣ- етъ ни охоты, ни способности заниматься внутреннимъ своимъ состояніемъ; онъ стано- вится *грубъ* по всемъ отношеніямъ; не толь- ко по нѣлу, но по уму и сердцу. Древніе за- конодатели не достигли этого, и со всемъ

своимъ желаніемъ улучшить родъ человѣческій, сдѣлали гораздо болѣе ему вреда, нежели пользы, пошому что закрыли оцъ него на долгое время души къ совершенствованію. *Smith, Bentham*, и подобные, основанные на внѣшнихъ предметахъ все благосостояніе человѣка, самую силу и достоинство его души, сдѣлались истинными благодѣтелями людей. Но шѣ превращено пошла-бы сіе ученіе, которе заключали-бы, что оно основано на грубомъ эпикуреизмѣ. Рѣчь идетъ не о томъ, что составляетъ достоинство человѣка, но о томъ, какъ его можно достигнуть. Религія и нравственность составляютъ безъ сомнѣнія высшую цѣль совершенствованія человѣческаго; но сія цѣль не достигалась химерическою Утопіею древнихъ философовъ.

Я съ намѣреніемъ коснулся до внутренняго достоинства нынѣшняго времени. Пріямно видѣть, что требованія его согласны съ улучшеніемъ человѣческаго состоянія. Это должно поощрять насъ къ исполненію сего требованія.

Для приобритенія физическаго благосостоянія, нашъ вѣкъ употребляетъ при главныя средства: 1) усиленіе промышленности машинами; 2) сообщеніе съ разными краями свѣта и народами; 3) утверженіе обязанностей и правъ каждаго члена общества. Я упоминаю только о

иныхъ средствахъ физическаго благосостоянія, когорны имѣють наиблизжайшее отношеніе къ наукамъ; поному не говорю здѣсь ни о сообщенствахъ (компаніяхъ), ни о раздѣленіи работъ (division du travail), ни о другихъ подобныхъ средствахъ, когорны въ наши времена гражданственнѣйшій человѣкъ получилъ возможность умножить чрезвычайно предметы богатства, и когорны, относясь болѣе къ цивилизаціи вообще, нежели собственно къ наукамъ, выходятъ изъ круга шеперешняго нашего предмета разскаанія.

4-е. Усиленіе промышленности машинами.

« Промышленность, говорящъ одинъ славный публицистъ нашего времени, есть главная, можетъ бытъ, единственная мысль нашего вѣка. Миротлюбивая, независимая возстановительница достоинства человеческого въ томъ смыслѣ, что замѣляетъ скрытое ищженствованіе, унижающее равно и того, кто даетъ, и того, кто проситъ, шрудомъ, когорный оставляетъ сіе достоинство неприкосновеннымъ, промышленность означаетъ новую эру.»
 Но безъ машинъ промышленность была-бы ничтожна, по крайней мѣрѣ слишкомъ малозначаща. Отъ того такое чрезмѣрное появленіе машинъ всякаго рода въ нынѣшнее время. Вездѣ ремесленники изгоняются изъ мастерскихъ своихъ работниками неодушевленными, сильнѣй-

шими, совершеннейшими, искуснейшими. Въ Англіи, гдѣ промышленность достигла до высокой степени совершенства, сіи производители народного богатства, созданные не природою, а рукою человеческою, изъ дерева или металла, составляютъ какъ-бы особенный, ужасный для прочихъ націй, родъ народонаселенія, безъ копорабо. Англія превратилась-бы въ небольшой Европейскій оспровъ. Нужны-ли доказательства силы машинъ? Приведемъ одно. Вычислено, что посредствомъ машинъ, двѣсти рукъ вырабатываютъ, въ наши времена, столько хлопчатобумажныхъ тканей, сколько могли-бы ихъ выработать, полѣтка тому назадъ, безъ машинъ, двадцать миліоновъ рукъ. Такой выводъ убѣдительно всякаго краснорѣчія. Нужно-ли показать искусство машинъ? Вспомнимъ о паровой машинѣ, для копорой (какъ замѣчено въ собраніи, бывшемъ въ Лондонѣ, по поводу сооруженія памятника Уаттшу, усовершенствованнелю сей удивительной машины) нѣтъ ничего ни слишкомъ большаго, ни слишкомъ малаго; копорая, какъ слоновій хоботъ, можетъ вырвать съ корнемъ дубъ, и поднять съ земли булавку; съ одинакою легкостью сковать шпательный якорь, и пропкнуть скважину въ иголку; скрушить самый толстый канатъ, и выпрясть наивончайшую нитку. Конечно не всѣ машины представляютъ столь необъятную силу

и искусство : но вообще дѣйствіе нашихъ жопчи чудесно. Онѣ сдѣлали необходимою , и весьма рѣзко характеризуютъ нашу эпоху.

2-е. *Сообщеніе съ разными краями свѣта и народами.* Природа не соединила въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ богатствъ ; напротивъ того , разныя богатства разсыла по разнымъ мѣстамъ. Сія богатства искупаютъ первоначально изъ двухъ источниковъ : способностей человѣческихъ и способностей земныхъ ; и шѣ и другія способности разнообразны до безконечности : каждый человекъ и каждый пунктъ земли отличаются своимъ особеннымъ родомъ способностей. Хотите имъ воспользоваться ? Для сего надобно имѣть съ ними сообщеніе. Отсюда необходимость для пріобрѣтенія богатства , въ безчисленныхъ и безмѣрныхъ , какъ сказать , сношеніяхъ между народами и краями земли. Недостаточность сообщенія можетъ поселить варварство тамъ , гдѣ должно-бы ; но всѣмъ другимъ обстоятельствомъ , царствованіе просвѣщеніе. Какая область Греціи не оставила послѣ себя ни одного историческаго памятника , была почти безъ Искусствъ и цивилизаціи ? Не шли ли , когорой законодатель запретилъ принимать вноспранцевъ , или имѣть съ ними сообщеніе ? Читайте жизнь *Ликурга* и *Плутарха*. Обширность сообщеній есть одна изъ при-

чимъ, почему Англія сжала впереди всѣхъ прочихъ просвѣщенныхъ народовъ: преимущественно, къ кошорому природа, по видимому, ея не назначала. Природа не дала ей ни такой блистательности талантовъ, какую видитъ во Франціи, ни такого глубокомыслія, кошоримъ отличаетъ Германія. Но Англія скорѣе и дѣятельнѣе употребила средства, кошорыми приобретаешся физическое благосостояніе, и въ шомъ числѣ средства сообщенія. (*) Теперь духъ сообщеній и путешесвій распространяешся болѣе и болѣе между народами. Правительсва и частные люди равно одушевлены симъ духомъ, столь благопріятсвующимъ развитію богатства народнаго. Если какое государство призвано благопріятсвующею судьбою къ обширнымъ сообщеніямъ, шо это Россія: она начинаешся отъ полюса и непосредсвенно оканчиваешся въ Сшаромъ и Новомъ Свѣтѣ, занимая

(*) Доказательствомъ спроси Англичанъ къ путешесвіямъ, безъ кошорыхъ вѣсть пользы въ самыхъ лучшихъ средствахъ сообщенія, можетъ служить, между прочимъ, основаніе въ 1822 году, въ Ливерпулѣ, Общества путешесвенниковъ, Society of travellers, гдѣ всѣ члены должны состоять единсвенно изъ путешесвовавшихъ съ цѣлію собсвеннаго наученія.

ночии шестую часъ земнаго шара. Время покажетъ, гдѣ она окончится. Средства, которыми она владѣетъ, велики: но какъ она ими будетъ пользоваться, это будетъ зависеть отъ нея самой, а не отъ природы или счастья.

3. *Утвержденіе обязанностей и правъ каждаго члена общества.* Необходимость, польза и удовольствіе, пребудутъ отъ чловѣка (такъ какъ и отъ всякаго другаго существа, сообразно съ удѣльными его силами), что-бы онъ употреблялъ природу, сколько можетъ, для себя собственно. Пока чловѣкъ находится въ непросвѣщенномъ состояніи, онъ не много употребляетъ природы, потому что мало имѣетъ надъ нею силы: но съ успѣхами просвѣщенія, сія сила болѣе и болѣе возрастаетъ, ибо просвѣщеніе открываетъ средства управлять природою (*), и наконецъ природа начинаетъ служить ему почти всѣми своими произведеніями. Умѣнь употребить всѣ произведенія природы въ свою пользу, или физическую, или умственную, или нравственную, есть идеальная цѣль просвѣщенія.

(*) Объ этомъ мы говоримъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. См. *Моск. Телегр.* Часть XXXII. (1830, № 15.) стр. 289 и слѣд.

Но человекъ родился не одинъ; онъ опещюду окруженъ себя подобными, которые имѣють такія-же требованія на природу, какъ и онъ самъ. Опещюда по необходимости должно происходить спѣлкновеніе волей человеческихъ, ихъ взаимное спѣсненіе, ихъ бездѣйствіе, если онъ не условяшся поступать все единодушно. И шакъ человеку не только надобно учиться управлять природою, но и управляться съ подобными себя. Средства управляться съ подобными себя составляютъ посему особенную вѣщъ просвѣщенія, которая извѣсна подъ именемъ гражданственности, цивилизаци, гражданственнаго просвѣщенія. Идеальная цѣль гражданственнаго просвѣщенія есть возможность пользоваться плодами просвѣщенія вообще, безъ всякаго препятствія со стороны ближняго. Средства для достиженія сей цѣли есть опредѣленіе, и утвержденіе, правъ и обязанностей каждаго члена общества. Сіи права и обязанности шѣмъ сложнѣе дѣлаются, чѣмъ шире начинаеть человекъ пользоваться природою. Таковъ выводъ a priori; факты a posteriori совершенно доказываютъ справедливость сего теоретическаго вывода. Распространеніе знаний о правахъ и обязанностяхъ гражданственнаго человека сдѣлалось одною изъ характеристическихъ черпъ и необходимостей нашего времени.

Кажется, что мы разобрали достаточно,

для нашего времени; вопросъ о духѣ нынѣш-
 ваго времени. Сей духъ, какъ имъ старались
 доказать у цѣлѣти *физическаго благосостоянія*,
 употребля для: сего: 4.) *уменіе промышленности машинами*, 2.) *сообщеніе съ разными кра-
 ями свѣта и народами*; 8.) *утвержденіе обя-
 занностей и присяжн каждаго члена общества.*

Теперь не трудно опредѣлить, какихъ наукъ
 пребуешь особенно нынѣшній духъ времени, и
 увидѣшь, соотвѣтствуютъ-ли употребляема
 система дѣтскаго ученія сему требованію.

1.) Для усиленія промышленности машинами
 нынѣшній вѣкъ пребуешь особенно наукъ *мате-
 матическихъ и физическихъ.*

2.) Для сообщенія съ разными краями свѣта
 и народами, онъ пребуешь особенно *знанія
 живыхъ языковъ.*

3.) Для утверженія обязанностей и правъ
 каждаго члена общества, онъ пребуешь осо-
 бенно *свѣдѣній политическихъ, гражданскихъ.*

Остановимся нѣсколько на сихъ пунктахъ.

1.) Для усиленія промышленности машина-
 ми нужны, по нынѣшнему вѣку, сказали мы,
 науки физическія и математическія. Сподишь
 только взглянушь на шеперешнее состояніе на-
 укъ, чшобъ увѣришься, какъ дѣлательно спара-

юпоя, въ наше время, удовлетворили сей нуждѣ промышленности. Метаматематика и подобныя науки, число умозрительныя, приходятъ въ упадокъ. Французы первые описали: ошъ нихъ. Теперь въ отечествѣ *Маллебранша*, *Декарта* и *Ласкаля* остается одинъ только *Кузель*, и пошъ успѣхами своими много одолженъ *кратитическимъ примѣненіямъ* Философін къ Исторіи и Политикѣ. Въ Англіи, по признанію самихъ Англичанъ, Метаматематика, послѣ слабаго своего дѣйствія, которое никогда не могло достигнуть зрѣлаго возраста, вдругъ остановилась и погибла съ Профессоромъ *Стюартомъ*, послѣднимъ ея воспитывавшемъ. Одна Германія, отечество мысли, по выраженію Г-жи *Сталь*, рѣшительно занимается Психологіею. Но любовь къ метаматематическимъ умозрѣніямъ не составляетъ ли одной изъ причинъ, почему Германцы, не смотря на ихъ дарованія, обширность просвѣщенія и неутомимое трудолюбіе, споль слабое имѣютъ вліяніе на міръ политическій, сравнительно съ Англичанами и Французами? *Аксилонъ*, разбирая, въ одномъ изъ своихъ разсужденій, Кристическую философію *Канта*, Трансцендентальную *Фихте* и Натуральную *Шеллинга*, наконецъ увлекается нѣкоторымъ родомъ энтузіазма къ глубокомыслию Германцевъ, и въ самой похвалѣ ей заключаетъ выраженіе, остроумное и справедливое, которое весьма разочаровываетъ на

счесть метафизическихъ созерцаній. «Народъ, го-
воритъ онъ, ошсупающійся, сколько возмо-
жно, ошъ міра вишшняго, и кошораго из-
бранные мыслишели, дѣйствіемъ своей свобо-
ды, опускающся въ подземные своды души,
погружающся въ самихъ себя, болѣе заслуживъ,
чѣмъ пріобрѣтешъ удивленіе; онъ предаешся
не шолько движенію дѣяшельной жизни, сколь-
ко движенію мысли; вселенная сдѣлаешся его
принадлежношью, но міръ иногда будетъ для
него потерянъ, пошому что онъ самъ оспа-
нешся слишкомъ покоенъ и слишкомъ заняшъ
глубиною своего существованія.» Собствен-
но лишперашурные предметш выходятъ, не ме-
нѣе философскихъ, изъ упошребленія. Вошъ по-
чему люди съ ошличными дарованіями, какъ
Шлегель, *Вильменъ*, ищущъ въ Словесности не
одного шолько синшаксиса, орашорскаго числа,
мѣры, или шого, чшобъ одѣшъ свою память
ошривками изъ поэшовъ и прозаиковъ, на по-
добіе разноцвѣшной епанчи *Діогеновой*, но оша-
рающся соединивъ ее съ познаніями людей, нра-
вовъ, законовъ, и объяснивъ сіи науки взаимно
однѣ другими. Вообще всѣ начинающъ призна-
вашъ, что пора оставивъ школу словъ и вспу-
нивъ въ школу вещей. Положительный духъ
времени не позволяешъ шакже занимашся мно-
го обольщеніями спихопворсшва. Разсудокъ го-
воритъ нынѣшней молодосши, будущей яде-

Ноябрь 1830.

11

ждѣ, какъ Янгъ-Фангъ (Yu-Kiao-Li, roman chinois), своему сыну: «Поэзія естъ высокое искусство, которое заслуживаетъ всякое уваженіе просвѣщенныхъ людей; но она не рѣдко бываетъ большимъ препятствіемъ для нашихъ успѣховъ въ свѣтѣ. Кто уже показалъ себя заслугами, и ушвердилъ свою извѣстность на прочномъ основаніи, тотъ пускай забавляется: но люди въ молодыхъ годахъ, какъ ты, должны предаваться важнѣйшимъ занятіямъ. Примеровъ не мало, что молодые люди, съ отличнымъ талантомъ, въ самой вещи не къ чему не способны. Это болѣзнь, отъ которой тебѣ весьма надобно предохранить себя.» Подлинно, стѣны городовъ не сооружаются уже нынѣ отъ звуковъ лиры, какъ стѣны Фивскія, и основательная проза гораздо нужнѣе въ жизни, чѣмъ самые сладкозвучные стихи. Не надобно однако думать, чтобы въкъ нашъ былъ нечувствителенъ къ высокимъ или прекраснымъ вдохновеніямъ Поэзіи: слава Байронъ, Ламартина, не позволяеть въ эпомъ сомнѣваться. Но истинныя дарованія даются природою чрезвычайно рѣдко, а полезнымъ членомъ общества обязанъ быть всякій; слѣдовательно, натурально, что времяпровожденіе съ Музами сдѣлалось, въ общественномъ мнѣніи, нецѣлительною забавою; можно опиваться на тысячу прошивъ одного, что эта забава убьетъ

попуску драгоценное время, и оставишь въ невѣжествѣ челоуѣка, способнаго къ полезнымъ наукамъ или художествамъ.

Если теперь взглянушь на сословіе математическихъ, физическихъ, химическихъ, натуральныхъ, физиологическихъ, историческихъ, полиматическихъ наукъ, такихъ, шо есть, наукъ, которыя преимущественно просвѣщаютъ, ибо открывающъ средства управляшь природою, и управляешь съ себѣ подобнымъ, шо какое рвеніе къ нимъ видимъ во всѣхъ образованныхъ народахъ! *Лавласы, Эрстеди, Араго, Ге-Люсаксы, Тенары, Деви, Берцелиусы, Кюве, Гумбольдты, Меккель, Тидеманы, Геерены, Нибурры, Савиньи, Гизо, Мальтусы, Маккиттоши, Милли, Брѣумы, Бенжамы*, и подобные люди, предсавляющъ во множествѣ. Можно наполнишь многія страницы именами занимающихся съ успѣхами и славою сими науками, если захопишь исчисляшь ихъ подробно. Эшо ясно обнаруживаешъ направленіе ума нынѣшняго времени. Какое участіе въ семъ направленіи имѣющъ науки математическія, физическія, натуральныя, шребуемыя въ особености механической частію промышлености, не нужно сказывать. Одно замѣшимъ: сими науками занимались, болѣе или менѣе дѣшительно, давно уже; но нынѣшнее время отличаетъ особенно, относительно сихъ наукъ, общимъ стремленіемъ уче-

ныхъ дѣлашь практическія приложенія теорій въ пользу промышленности.

Спрашивается теперь: приготовляющъ-ли дѣтей къ сѣмъ наукамъ, кошорыя сдѣлались пакъ нужны въ наше время? Перечтемъ еще разъ все, чему учашъ дѣтей въ первоначальномъ воспитаніи: это Басни, чтеніе, писаніе, Грамматика, Арифметика, Геометрія, Капихизисъ, иносранные языки, Священная, Всеобщая, Русская Исторія, Математическая, Полигическая Географія, Риторика, Пѣсика, Миеология, Рисованье, Танцованье и Музыка. Въ этомъ реэстрѣ мы видимъ шолько Арифметику, Геометрію и Рисованье, кошорыя приготовляютъ къ математическимъ и физическимъ наукамъ. Кто не согласишся, что это приготовленіе къ одному изъ самыхъ сильныхъ пребованій нашего времени слишкомъ слабо, особенно когда подумать, что первоначальное воспитаніе можешъ продолжашъ до 14-ши лѣшняго возраста, и далѣе? Какъ! Сынъ вашъ вступаешъ въ юношескіе годы; разумъ его начинаешъ дѣйствовать съ нѣкоторою уже силою; природа раскрываешся передъ нимъ во всей своей обширности: а онъ что находишъ въ своей памяти, касательно сей природы? Ничего, кромѣ нѣкоторыхъ средствъ для самыхъ просвѣтѣвшихъ арифметическихъ выкладокъ и геометрическихъ рѣшеній. Какъ вы ограничиваете съ этой спо-

роны его разумъ, какъ особенно снѣсѣете передъ нимъ природу, которую ни сколько ему не показывали, въ кошорой онъ все видишь, и ничего не примѣчаетъ, на подобіе живописныхъ. Скоро общество вызовель его къ себѣ; ашо, какъ смерть, неизбежно, если только сія смерть не предускорить сего вызова. Общество пошребуеть ошъ него участія въ своихъ работахъ. А онъ какія пріобрѣлъ для эшого силы? Вы оставили его до сихъ поръ въ младенческой слабости, относительно одного важнаго разряда знаній; и между шѣмъ вы прилагали все стараніе для его наученія; не щадили для сего ни трудовъ, ни денегъ. Со всѣми вашими попеченіями, со всѣми пожертвованіями, совѣсть говоритъ-ли вамъ, что вы исполнили родительскій долгъ вашъ совершенно? Едва-ли она можеть эшо сказать. Эшого мало, чтобъ рѣшились на разные жертвованія въ пользу дѣшей: вамъ надобно опдать вѣрный опчетъ въ шомъ, что вы называеше пользою дѣшей, и не ошибаетесь-ли вы въ эшомъ случаѣ. Не забудьте, что вы съеше сѣмена будущаго благососпоянія и бѣдствія дѣшей своихъ на всю жизнь. Эшо шребуеть всего вашего вниманія. Правда, съ первоначальнымъ ученіемъ не все умственное воспитаніе оканчиваешся; напрощивъ оно ешь только первый къ нему приступъ. Но если дѣшскія лѣта пройдутъ, легко-

ли замѣнишь ихъ? Молодой человекъ въ союзѣ-ли будетъ понести на себя всю тяжесть умственныхъ работъ, и дѣтскаго и юношескаго возраста? Память, которая въ наибольшей силѣ вообще раскрывается между 8-мъ и 16-мъ годами, не замѣнишь-ли его усилимъ? Спроси, которыя начинаютъ въ его сердцѣ дѣйствовать, оставишь-ли ему довольно времени, чтобъ вознаградишь потерю дѣтскихъ годовъ? Данное направленіе въ раннемъ возрастѣ легко-ли послѣ переѣнишь? Наконецъ обстоятельство будешь-ли постоянно благопріимствовашь его ученію? Сколько представляется опасностей на пути умственнаго его усовершенствованія!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ДОГАДКИ

овъ Исторіи Русскихъ Сказокъ.

(Извлечен. изъ письма къ Издателю Телеграфа).

Весьма много благодарный за все ваше снисхожденіе и ко мнѣ и къ моимъ *Пѣшеходцамъ* (*), сознаюсь и самъ, что они имѣютъ много недоспащковъ, для кошорыхъ, чтобы привеспи ихъ въ порядокъ, должно-бы и еще попилигримсшвовашъ! Но время лешинъ; моего говоруна *См—р—ва* уже нѣтъ на свѣш. . . Безъ него я не знаю, успѣю-ли опашъ когда нибудь прочешъ новую корректуру нашихъ Юмор-Историческихъ пушешеспвій, кошорыя, и кромѣ Росповскаго, лежашъ еще у насъ въ кошомкахъ. Можешъ бытъ, упомяну о нашихъ пушешеспвіяхъ до *Царства* Олгова, Рязани, до поля *Куликова*, о кошоромъ съ нѣкошораго времени, послѣ сильныхъ поговорокъ, уже и говоришь устами . . . Здѣсь спавлю и проч. и проч.

Что-жъ принадлежишъ до вашего совѣта мнѣ, приняшъ на себя обязанность изданія Русскихъ народныхъ сказокъ, я, не взирая на всѣ угрозы

(*) Изданная мною книжка: *Журналъ Пѣшеходцевъ*,

книгопродавецъ, что эшихъ сказокъ *никто считать не будетъ*, охотно-бы принялся и за нихъ; но что сдѣлаешь съ моимъ человѣчествомъ? Оно робѣетъ, нуждается, слабѣетъ, и Богъ знаетъ что. А между шѣмъ, говоримъ по правдѣ, Русскія сказки дѣло не шупочное: сама Исторія наша, не поговоря объ нихъ, едва-ли являешся въ полномъ блескѣ своего богатства! Впрочемъ, собственно Русскихъ, или, объясняясь иначе, Славено-Русскихъ сказокъ у насъ много, да и тѣ, которыя ешь, менѣ всѣхъ памяны нашимъ простолюдинамъ. Однѣ только: Илья Муромецъ, Поповичъ, и Добрыня, о которыхъ упоминаетъ и Карамзинъ (*), еще вернутся кой у кого на языкъ; всѣ-же другія рассодическія описанія о древнихъ богатыряхъ и другихъ нашихъ герояхъ, собранныя Ключаревымъ, и попомъ Конспаншиномъ Калайдо-

(*) Исп. Г. Р. пом. I, стр. 232. Муромецъ, какъ извѣстно, признанъ святымъ: его мощи въ Кіевѣ. О Добрынѣ, еще и понынѣ, нѣкоторыя простолюдины расписываютъ слѣдующую рассодію:

«Ахъ далече, далече въ чистомъ полѣ, а еще-то того подалѣ во раздольцѣ, что не бѣлая березанька къ землѣ клонится, не шелковая въ полѣ праванька разспилается: предъ матерью своей мапушкой, свѣтъ Афимьею Александровной, молодешенекъ, зеленешенекъ свѣтъ Добрынюшка, свѣтъ Никитъевичъ, поклоняется, и проч.»

вичемъ (неоспоримо принадлежащія времени Владиміра, или вѣкамъ Удѣловъ), совершенно почти забышы. Но и сіи сказки, по мнѣнію нѣкошорыхъ, не суть еще самая глубокая древность. Прежде ихъ, по другому мнѣнію, у насъ должны были являться наши Царевичи съ Ягами, и вообще рассказы о Подсолнечныхъ королевсвахъ, гдѣ и послѣ шмьсячелѣшій, еще есть что-шо такое, что все пахнетъ берегами Ганга, или Гангеса! По инымъ отношеніямъ: эша-же самая древность могла бытъ подновлена Монголами и Ташарами, уже во времена гораздо того позднѣйшія, а впоследствии и совсѣмъ передѣлашыся на Русскіе нравы, шо есть: шочно такъ-же, какъ и прочія не собственно Славено-Русскія сказки, о кошорыхъ упоминаемъ въ своемъ мѣспѣ.

Чисто къ Монголо-Индійскимъ сказкамъ принадлежатъ: всѣ наши Иваны Царевичи съ Подсолнечными королевсвами и Ягами, изъ коихъ Сказка о Золотой горѣ (*), гдѣ героями Царевичи Иданъ, или Иданъ, Мигуль, или Мугуль,

(*) Первое изданіе сей Сказки появилось въ Спбургѣ около 1772 года. Последнее печатаемо шамъ-же 1793 года, подъ названіемъ: Сказки Историческія: 1) О Золотой горѣ, или чудныя приключенія Идана, Воспочнаго Царевича; 2) Награда любви; 3) О двухъ славныхъ богатыряхъ, и проч.

и проч, менѣе всѣхъ другихъ получила измѣненій, а по именамъ своихъ дѣйствующихъ ближе всего къ Индіи. Издашеть сей послѣдней называшеть ее Воспочною историческою Сказкою. Арабскій Царевичъ Шехеръ, появившійся въ Москвѣ печашнымъ около 1780 годовъ, также повѣсь въ Воспочная. Наконецъ, въ подражаніе Воспочнымъ-же сказкамъ, появились и всѣ наши *Иванушки-Дурачки* (просподушные), нравственныя пѣснь, какъ и всѣ почши упомянутыя сказки, что въ нихъ и просподушіе и добросердечіе почши вездѣ шоржешвуютъ надъ зломъ и порокомъ. Въ Сказкѣ объ *Иванушкахъ*, Яга вспавляешеть, хоши и прилично, но кажеться, она здѣсь не сполько близка къ дѣлу, сколько въ Царевичахъ. Другая рѣчь: можеть бышь и сами *Иванушки* съ ихъ подлинными, древними именами, также современны Царевичамъ, и также прибрели къ намъ съ Воспока. Баба-яга муза сказокъ, какъ спрашилище, иногда и доброе и благородное, необходимое и для сочинителей и для любители сказокъ, уже въ позднѣйшее время нашими сказочниками введена безъ разбора во все свое родное.

Сказка о *Ярус-ланѣ* Лазаревичѣ (*) и другія

(*) Въ бывшей библиотекѣ моего родспвенника Графа Федора Андреевича Толстаго, сказаніе о Царствѣ

ей подобныя , не дошли-ли къ намъ опъ новѣйшихъ Славянскихъ народовъ? Въ *Ярусанъ* намекается о Сарацинахъ , о Далмашахъ , и проч. Князь Лазарь , отецъ Ярусана , по своему имени сохраняетъ какой-то Европейскій очеркъ : въ немъ нѣтъ ничего Сербскаго , или Булгарскаго. За то въ окончаніи *ламъ* , извѣстный *Ходаковскій* , однажды , искалъ Исландскихъ выдумокъ: « Нашъ *Ерусанъ Русланецъ* (шакъ пи- « саль онъ ко мнѣ) , безжалостно перепорченъ « имъ Азіяшчани ! »

Поздвѣйшій современникъ *Ерусана* , храбрый и смѣлый вишязъ *Королевичъ Бова* — повѣсть *Ишалино Французская*. Тутъ дѣйствуютъ попеременно *Ишалино-Германцы* и *Французы*. Тутъ безъ труда находишь имена *Анконы* (*Анпона города*) , *Гвидо* (*Гвидона*) *Вовье* , (*Бовы*) , *Дьедоно* (*Дидона*) , *Маркъ Брюно* (*Малкобруна*) ,

Царя Картоуса и о дядѣ его *Лазарѣ Лазаревичѣ* , и о сынѣ его *Ерусанѣ Лазаревичѣ* и о его походженіи , состояло въ рукописи новѣйшаго письма подъ № 62, Другую подобную-жъ рукопись я видѣлъ у Коллежскаго Совѣтника *Е. Іа. Филиповскаго* , писанную въ XVI вѣкѣ уснавомъ. Въ ней *Царь Картоусъ* названъ: *Кайхосромъ Александровичъ*. *Кайхосромъ* имя Грузинское , переименованное Булгарами въ *Кайхосрусъ*. *М.*

Амико (Дружевну) и проч. (*). На своей родинѣ сія сказка должна была принадлежать къ числу распадій. Къ намъ перенесена она Славено-Испаліанами, едва-ли ранѣе времени Іоанна III, и послѣ переложена на Русскіе нравы (**).

Еще въ позднѣйшее время въ Венеціи, или въ Генуѣ, проявился романъ: *Франциль-Вениціанъ и Королева Рынцесена* (Франць Венеціанскій и Принцесса (Рынцеса Вейнъ)). Въ семъ послѣднемъ имени очевидно, что Принцесса названа полуимянемъ (Рынцеса), и что если шущъ-же не замѣшано Славянское слово *Вено*, то она могла бытъ *Вѣнскою* Принцессою. Къ намъ *Франциль Венеціанъ*, какъ догадываемся, занесенъ первоначально Генуезцами. Сему герою совре-

(*) Извѣстный нашъ стихотворецъ Н. А. Львовъ, переложивъ нѣкошорые отрывки изъ Бовы Королевица стихами, въ замѣчаніяхъ своихъ на сію повѣсть такъже былъ согласенъ со мною. Смолр. Журн. *Дружб Просвѣщенія*, 1804 года.

(**) Въ упомянутой-же библиотекѣ Графа Ф. А. Толстаго имѣются двѣ рукописи, одна конца XVII столѣтія, подъ № 215-мъ, подъ заглавіемъ: *Сказаніе про храброго витязя про Бову Королевита*; вторая, за № 415, позднѣйшая, принадлежитъ началу XVIII вѣка и называется: *Сказаніе о храбромъ и о прекрасномъ витязѣ Бовѣ Королевитѣ и о прекрасной Королевицѣ Дружевнѣ*. Первая рукопись важнѣе шѣмъ, что ближе къ дѣлу, то есть къ родинѣ М.

менникъ и едва-ли не соотечественникъ: Пётръ *Златые ключи*, а къ сему послѣднему присоеди-няюща Французскій Королевичъ *Шатеръ* (Шарль) съ прекрасною Королевною *Лукерьею* (Лукреціей) Испанскою, попомъ богатырь Александръ и его братья Лодвигъ (Людовикъ) (*) и проч. Это все иностранцы, пришедшіе на Русь едва-ли ранѣе времени Романовыхъ. Вслѣдъ за симъ повѣстями Французы намъ передали: *Исторію нѣкоей жены и прикащика*, передѣланную у насъ въ *Бабьи увертки*, а впослѣдствіи породившую описанія нашихъ модныхъ женъ.

Опшаденіе Люшера опъ Кашолицизма, и появленіе другихъ противниковъ Папы, породило сапиру: *Погребеніе kota*, переименованную у насъ, уже послѣ Самозванцевъ. Всѣ мыши, извѣстныя намъ по карпинкѣ, не кшо другіе, какъ духовныя особы и депушашы разныхъ владѣній, по мнѣнію сапирника, сколько-же нешерпѣвшіе Папу, какъ и мыши kota, но провожающіе его для того только, что правленіе Папское допускаетъ сихъ мышей почишь и грызшь все то, что только имъ вздумается, и проч.

(*) Исторія сихъ богатырей печатана въ Спбургѣ 1763, а попомъ 1793 годовъ. Многіе опносятся выдумки подобныхъ этой повѣстей къ Среднимъ рыцарскимъ временамъ, гдѣ за долгъ поставляли вмѣшавашь во все Христіанское факты языческіе.

Мѣсто рожденія *Суда Шемякина* находишь въ Польшѣ и относяшь его къ срединѣ XVI вѣка, но есмь къ царствованію Грознаго, полагая, что въ тоже время таже сашира явилась и на бѣднаго нашего Шемяку, составленная изъ разныхъ лицъ судейскихъ. Книжка о Судѣ Шемяки, находящаяся въ бывшей библиотекѣ Графа О. А. Толстаго, выписана изъ Польскихъ книгъ и принадлежитъ концу XVII вѣка, но есмь времени Романовыхъ.

Замѣишь надобно, что всѣ первыя изданія нашихъ древнихъ Сказовъ и Повѣстей суть ближайшія къ самой ихъ первой формѣ; послѣднія украшены измѣненіями. Въ настоящее время, ближайшія къ первому ихъ характеръ остается еще въ Сказкахъ шакъ называемой лубочной печати.

Вопъ, милосливый государь, какъ я понялъ наши Сказки; можешъ бышь слишкомъ ошибочно; но ваше вниманіе къ моимъ занятіямъ уже вознаградишь меня доспашочно.

М. Макаровъ.

ЦЫГАНКА.

(Окончаніе.)

8.

ЕЩЕ НЕУДАЧА.

Товарищи мои однажды убѣдили меня съѣздить въ Яское Благородное Собраніе. «Пусть,» сказалъ я, «показывающъ на неуча пальцами, вспомянувъ мое первое неудачное покушеніе видѣшь свѣшь; пусть скажущъ, что имъ угодно: мнѣ съ ними не дѣшей крестить! Спѣшно бышь въ городъ при мѣсяца, и не выдашь свѣта!» — и поѣхалъ. Собраніе было прекрасно и великолѣпно, совершенно на *Европейскій* вкусъ и образецъ; даже полковая музыка смѣнила въ немъ прежнихъ скомороховъ цыганъ; но спранныю пропивоположность предспавляли между собою мужчины и женщины. Послѣднія были разодѣты по новѣйшимъ Вѣнскимъ и Парижскимъ Журналамъ, шакъ, что могли-бы явиться шощась ко Двору, между шѣмъ, какъ мужья и братья ихъ ходили въ *мештахъ, папушахъ, красныхъ шароварахъ, въ плосашыхъ длинныхъ кафшанахъ, съ кушаками, сверхъ коихъ надѣ-*

ваюпся шишья золошомъ курточки, а сверхъ сихъ еще широкій плащъ *ѣснышъ*. Присоединише къ сему наряду бороду, чалму, или шапку, съ пивоваренный кошель — и вы, забываясь безпресшанно, воображаете себя на какомъ нибудь балѣ, данномъ Турецкому Посланнику, съ его свисюю. Молодцы ходяшъ плясашъ мазурку, а попому нѣкошорые уже носяшъ черные сапоги; но вообще женщины охопнѣ шанцююшъ съ нашими офицерами, не смопра на то, что многіе изъ земляковъ ихъ шанцююшъ хорошо; шолько въ юпкахъ шанцовашъ имъ довольно не ловко (*). Мундиръ и здѣсь въ большомъ уваженіи. Такъ одна любезная дѣвица, на вопросъ: съ кѣмъ она шанцовала изъ нашихъ? ошвѣчала: *je ne sais pas; sans épaulettes*. Въ шакомъ пренебреженіи и здѣсь Коммисаріатскіе и Иншенданшскіе чиновники у дамъ — а все за мундиръ, эполешы, аксельбаншы! О суеша, о вѣкъ!

Въ эпомъ Благородномъ Собраніи находяпся одни шолько Бояре первой степени; другіе два разряда ни за что въ свѣшѣ не могутъ бытъ

(*) Теперь бросаюшъ, или хопяшъ бросашъ Турецкое плащѣ, и носипъ древнее Молдаванское, Буковинское, или Польское: родъ синяго куяшуша, съ кушакомъ и бархашною шапкою.

сюда допущены. Смѣшное, нелѣпое, глупое чванство каждаго высшаго класса Молдаванъ передъ низшими, превосходитъ всякое понятіе. Здѣсь, ни образованность, ни даже боярство, дворянство, не даютъ права на общество дворянское; при класса дворянъ имѣютъ каждый свой кругъ, свое общество. Женщины соблюдаютъ въ строгости такой-же этикетъ. Я бывалъ въ частныхъ собраніяхъ высшаго класса, гдѣ низшіе приглашались и являлись, почто какъ у насъ чернь подъ окна и въ сѣни, поглазѣвъ и подивившись! Разодѣтыя дамы сполли, съ мужьями своими, будучи приглашены, за стульями и софами; иногда, слегка, вмѣшивались въ разговоръ, но не смѣли садиться, а еще менѣе участвовашъ въ танцахъ. Что городъ по воровъ! Кажется, что чѣмъ пущѣ народъ, тѣмъ болѣе онъ утратилъ самобытность свою и вѣсть, тѣмъ болѣе льцетъ онъ къ наружности, обращаетъ все вниманіе свое на санъ, чинъ, на платье, усы, и горцуетъ словами. Подавленный духъ ищешъ оправды въ сохраненци... хотя наружнаго вида и вѣщности. Въ Молдавіи, каждый имѣетъ чинъ и званіе, которое отдается при немъ навсегда, послѣ кратковременнаго занятія мѣста, или должности. Смольниковъ, Вистіаріевъ, Скопарей всмрѣчаете на каждомъ шагу. Логоешъ-Маре есть важнѣйшее послѣ Владѣтельнаго Князя лицо, Канцлеръ. Иные бо-

Нолбрь 1830.

12

аре сами вѣдять, или посылають сыновей, для образованія, въ Нѣмецкія училища и Академіи; домашнее-же образованіе ихъ состоить единственно въ изученіи Французскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ: болѣе не думаютъ ни о чемъ; языкъ природный крайне бѣденъ, не обработанъ; корнемъ его починая Лапинскій, или Ипальянскій, и пошому Славянская грамоша очень не ксташи приняша Молдаванами, и во все не сообществуетъ произношенію, правописанію и самому духу языка ихъ. Волошскій и Молдаванскій языки суть нарѣчія одного языка, и говорящій на одномъ изъ нихъ хорошо понимаетъ и другой.

Вошедши въ Благородное Собраніе, поворошилъ я пошчасъ на право, въ освѣщенныя двери. Я и не замѣшилъ, что недоумѣвающей часовой сдѣлалъ движеніе, какъ будто-бы хотѣлъ опкинуть прикладъ ошъ ноги, чтобы преградить мнѣ входъ. Иду по слуху, на музыку, вхожу, и — замѣшше, что это было второе мое покушеніе вспушшъ въ кругъ большаго общеспіва, видѣшъ Молдаванскій свѣшъ — вхожу, и возвращаюсь вспашъ. Для чего? Друзья мои! на эшощъ разъ довольно знашъ вамъ, что комнаша, куда вошелъ я, была *уббрная для дамъ*! Я ошибся, и вошелъ не въ тѣ двери....

ДВА ВИРТУОЗА.

И плакъ, возвращаюсь всплнь. Роковое: а! встрѣшившее меня изъ уборной, еще ошзвалось въ ушахъ моихъ, и въ стѣнахъ спросилъ я встрѣшившагося мнѣ пріятеля: «Опгадай: въ копиромъ ухъ звенишь?» — Въ лѣвомъ. — «Нѣшь, въ обомхъ,» сказалъ я, и спѣшилъ на крыльцо. Я прожалѣлъ о томъ, что не увижу прекрасныхъ *Бержерокъ* и *Жардиньерокъ*: *c'est lui, c'est lui*, сказали-бы онѣ, увидѣвъ меня. Пожалѣвъ о 15-ти левахъ, заплаченныхъ за входъ — «Видно не суждено мнѣ здѣсь ни очаровывать, ни бытъ очарованнымъ,» сказалъ я, и поѣхалъ домой....

Вошедъ въ комнашу свою, зажегъ я свѣчу, походилъ, подосадовалъ, самъ не зная на кого, и взялъ, опъ скуки, за лежавшіе на онѣхъ *варганы*, на кошорыхъ уже давно не игралъ.

Не знаю: слыхалъ-ли кто изъ чашашелей моихъ игру на двухъ варганахъ, настроенныхъ взаимно кваршою, или квиншою? Звуки шихіе, но согласные и довольно пріятные.

Я наигривалъ въ раздумьи *Тирольку*, сидя у маленькаго столика, и облокотясь обонми локтями на онѣй. Вдругъ шихо растворяется дверь и выглядываетъ смуглое, румяное личико

и два глаза — *свѣтлѣ днѣ, темнѣ ноги*. Это — Касатка моя. Она съ удивленіемъ смопрѣла на меня и музыкальный инструментъ мой, недоувѣряя, кажется, что звуки сіи точно имъ провозвѣщаются. Цыганы всѣ природные музыканты, охотники до музыки, и опличаются музыкальнымъ слухомъ отъ земляковъ своихъ, Молдаванъ, вовсе не имѣющихъ музыкальнаго уха. «Войди,» сказала я, «не бойся!» и продолжалъ играть. Если-бы я вспалъ, обрадованный приходомъ ея, то, вѣроятно, она потчасъ убѣжала-бы; но непринужденное спокойствіе мое рождало въ ней довѣрчивость, а дѣтское любопытство привлекало ко мнѣ полудикую. Она вошла, спала у дѣри, потомъ подходила ближе, ближе, и наконецъ, захохотавъ отъ души, ухватила меня руками за оба локтя, и воскликнула: «*Куль се цотъ* (какъ это возможно)!» Подобнаго происодушнѣ я днѣогда не видалъ. Она просила меня продолжашъ, между пѣмъ сама держала крѣпко руки мои, какъ будто опасалась свободы ихъ, такъ что я не могъ поднести ко рту инструмента. Я поцѣловалъ ее, сдѣлавъ это напередъ условіемъ, плакою моего трубадурства, и продолжалъ играть. Я былъ теперь увѣренъ въ чистотѣ души и дѣтственнаго непорочности Касатки. Не таково обращеніе искорченнаго нравственнаго. Глядя на Касатку, невольно сравнивалъ я ее съ прелестными фигу-

рами, кошорыхъ шолько что ославилъ въ *Благородномъ* Собраніи, и — «въ твоей душѣ болѣе благородства?» думалъ я. «Гдѣ ѣскашь причины, побуждающей тебя поступать такъ, а не иначе? Кто могъ внушить тебѣ чувство, которое столь сильно и вѣрно объемлеть ны въ дѣвственнѣйшей груди своей, ны, которая до 16-ти лѣтъ жила съ звѣрьми, съ дикими, не знающими ни нужды, ни потребности, ни чувствъ, кромѣ внушенныхъ дикою матерью ихъ, природою, а теперь видишь вокругъ себя шолько разврашъ и раснушенство?»

Нѣсколько дней спустя, возвращаясь я вечеромъ, не рано, домой. Все было на улицахъ тихо и шемно. Низкія и опчаснн бумажныя и пузырчатныя (*) окна, занимающія иногда всю почин переднюю стѣну низкаго, деревяннаго домика, изливали шускый свѣтъ подъ ноги. Не доходя нѣсколькихъ шаговъ до квартеры моей, услышалъ я страннне звуки человѣческаго голоса, сопровождаемыя брнцаньемъ струннаго инструмента. Я подошелъ къ широкому, низкому окну лавочки, или шинка, и увидѣлъ Арна-

(*) Кто не имѣеть спеколь, пользуется здѣсь, вмѣсто оныхъ, прозрачною, крѣпкою клевою сальника, нарочно для сего выдѣлываемаго.

уша (*), сидящаго на широкой скамьѣ, по-Турецки; ноги подъ себя. Онъ игралъ перышкомъ, ошрившию, на корошкѣ, пузаспой бандурѣ, и, кривляясь и качая головою въ обѣ спорны, напѣвалъ народную, Молдаванскую или Турецкую, пѣсню. Для насъ шущъ нѣшъ ничего хорошаго; но здѣшній народъ восхищается эшимъ дикимъ и чуждымъ образованному слуху сочешаніемъ звуковъ. Подлѣ дверцъ сполла Касапка моя, съ другою дѣвкою, и слушала. Трубадуръ примѣшно спарался угождашь пошѣпшельницамъ своимъ, и, часпо поглядывая на нихъ, пѣлъ съ дикою выразительностію, переливаясь удавкой и нкошою вверхъ и внизъ. Цыганка моя съ живымъ учашіемъ глядѣла на него, положивъ руку на плечо подруги. Я хошѣлъ видѣшъ, чѣмъ эпо кончшся? Будешъ-ли она признапельна къ шрубадуру эпому, восхищающему ее, шакъ-же какъ за нѣсколько дней я восхищаль ее своимъ верганомъ? Сдѣлавъ послѣдній, нѣжншй переливъ искусно дрожащшй голосомъ, и дернувъ перышкомъ своимъ по спранному, дикому разладу,

(*) Въ Молдавіи и Валлахіи Арнаушами называютъ оруженосцевъ, почетную спражу Вельможъ. Они одѣваются по-Турецки, щеголяютъ оружіемъ, и бываютъ, большею частію, Сербы; говорятъ-же между собою по-Турецки. Полицейская спража состошъ изъ нихъ же.

трубадуръ вскочилъ , и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнять Касашку. Вошъ рѣшительный мигъ! . . . Я выпянулъ шею , и вижу въ объятіяхъ его Смарагду , другую Цыганку. Касашка ловко уклонилась за подругу свою , подсунула ее , дверь хлопнула , и — въ ухахъ моихъ раздался спукъ *папушъ* , шуфлей Касашкиныхъ , которая бѣжала до широкому двору домой.

10 — 11.

К А С С А Н Д Р А .

. Среди этого Содомы и Гоморы предстала воображенію моему Касашка. Сравненія и заключенія , въ неспрѣхъ карнизахъ , исчезали и появлялись , когда я слышалъ вдругъ походку ея въ сѣняхъ. . . . Я отворилъ дверь. Она улыбалась мнѣ , какъ весеннее утро , отступая назадъ по длинѣ корридора. Я споялъ , сложивъ руки и прислонясь къ столбу , о который прикащикъ разбилъ себѣ лобъ , и глядѣлъ на нее съ какимъ-то внутреннимъ спокойствіемъ. «Поди ко мнѣ ,» сказалъ я , «не уходи!» — Нельзя — отвѣчала она: — я жду барыни : она уѣхала со двора.

« Чшо за бѣда ! Изъ оконъ моихъ весь дворъ , вороша и крыльцо у тебя въ глазахъ ! » и — съ сими словами , окинувъ руку вокругъ нея , почши

насилно повлекъ я еѣ за собою. «Я покажу тебѣ Турецкое, богатое женское платье; ты надѣнешь, примѣришь его.» Она вошла въ мою комнату, одѣвалась, наряжалась, глядѣлась въ зеркало, радовалась какъ дитя, и смѣялась отъ души. Право, она была привлекательнѣе и милѣе многихъ *первоклассныхъ благородныхъ* красавицъ, пекущихся съ неусыпнымъ шрудомъ о сохраненіи и поддержаніи увядающихъ прелестей своихъ. «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ я наконецъ, вспомнивъ, что по сѣ пору не знаю насвоящаго имени ея. «Кассандра,» сказала она, и смотрѣла мнѣ прямо въ глаза. — Кассандра? — повторилъ я. — «Аша, да (а что: не хорошо)?» — Напрѣшивъ, очень хорошо. Знаешь-ли, что вѣсегда, до тебя, была уже Кассандра? — «Знаю: бабуку мою зовутъ шакъ-же.» — Нѣтъ, душа моя, еще гораздо прежде бабуки швоей. Если не вѣришь, то спроси у молодого барина вашего, кошорый на дняхъ пріѣхалъ изъ Нѣмецкихъ училищъ; онъ тебѣ разскажетъ. — «У него? ни за что на свѣшѣ. Я отъ него бѣгаю и боюсь его; но онъ все говоритъ, что возьметъ меня съ собою, что купитъ меня у барини.» — А развѣ барини продаетъ тебя? — «А почему-жъ нѣтъ? У нея насъ много.» Этошъ ошвѣтъ напомнилъ мнѣ подобный, сказанный самою госпожею, шолько менѣе кшати. Я поручилъ однажды прикащику предложитъ барини

нѣ , чтобъ она двухъ слѣпыхъ Цыганокъ , о кошнорихъ я узналъ черезъ Кассандру , велѣла привезши изъ деревни , дабы я могъ , если возможно , возвратишь имъ зрѣніе , помощію операціи . Послѣ доклада , приходишь прикащикъ опять ко мнѣ . « Я сказалъ баринѣ . » — Ну , что-же она говоритъ ? — « Барыня смѣялась . » — Смѣялась ? о чемъ ? — « Она сказала : у меня много Цыганъ ; пусть эшошь будешь слѣпой (*) ! » — Ну , пусть будешь — ошвѣчалъ я , повернулся и ушелъ . Судя по эшому ошвѣшу , конечно не мудроно повѣришь , что спарая Кукона , за сходными деньгами , ошдасть Кассандру любому повѣсѣ , особенно племяннику своему .

« А гдѣ шебѣ лучше , Кассандра : здѣсь , или на родинѣ швоей ? »

— Здѣсь веселѣе — сказала она , и прибавила : здѣсь я одѣша , шамъ у меня не было плашья . — « Совсѣмъ не было ? » спросилъ я , не довѣряя . — Да , когда меня повезли въ городъ , шо накиннули съ кучера халашъ , а когда привезли , шо барыня приказала посадишь меня въ подвалъ : тамъ я сидѣла два дня , покуда меня одѣли .

(*) Ошвѣштъ сей , достойный въ полной мѣрѣ Молдавскаго Бояра , или Молдаванской Куконь , ошъ слова до слова , какъ здѣсь написано , былъ мнѣ переданъ прикащикомъ , именемъ барыни его .

«Но, Кассандра,» сказалъ я, задумавшись нѣсколько, и вглядѣвшись въ нее, «ты уже не ребенокъ: это доказываютъ большіе черные глаза твои, которыми дитя не умѣло-бы глядѣть шакъ, какъ глядишь шеперь ты» — и я поднялъ рукою ея голову. «Смотри на меня прямо, и скажи мнѣ правду: былъ-ли кто нибудь шибѣ мнѣе всѣхъ, на дикой родинѣ твоей, въ деревушкѣ твоей, или въ сосѣдствѣ?»

— Такъ вы уже знаете объ немъ? — сказала она скоро. — Онъ шеперь не въ деревнѣ: Турки угнали его съ собою, когда онъ былъ въ Каларашѣ, и онъ шеперь копаешъ крѣпость въ Силистріи; шакъ рассказывалъ шоварищъ его, Тодорашко, который успѣлъ уйдши изъ Калараш.

«Кассандра опспала не много опъ политическихъ и военныхъ дѣйствій,» подумалъ я, «и, какъ видно, не знаетъ, что Силистрія давно въ нашихъ рукахъ.» Я сказалъ ей это. — Ну шакъ онъ вѣрно скоро придетъ опашъ — возразила она — если Турки его не убили.

«А если убили?» спросилъ я въ полголоса.

— Тогда я буду плакашъ. — «Будешъ?» — Буду — опвѣчала она, глядѣла быспро, улыбалась по прежнему, но глаза ея подернулись слезами.

«Возьми себѣ эшопъ червонецъ, Кассандра; я скоро ѣду опсюда; возьми, будь всегда ша-

кова, какова ты пеперь, и пожди меня.» Она радостно ухватилась за червонецъ, и лицо ея, быспрымъ переходомъ, выражало совѣтъ не шо, что за мигъ передъ симъ. Она повершѣла монету въ рукахъ — это былъ первый червонецъ, попавшійся ей въ руки — пошомъ вдругъ положила его ошорочно на споль, и сказала: «Нуѣ треба (не надобно мнѣ)! Спряпашь мнѣ его нѣкуда; а что скажущь, если увидяшъ у меня червонецъ?» Я молчалъ и опушилъ глаза. «Дайше мнѣ,» сказала она, положивъ съ довѣрчивоснїю руку на плечо мое, «дайше мнѣ эношъ поясокъ Турецкїй!» Голосъ, взоры ея, улыбка, все это выражало чувство привязанности, благодарности, удовольствїе. — Возьми, возьми поясъ, Кассандра! Бери, что хочешъ, что тебѣ нравитсѣ. — Она взяла поясокъ, обвила вокругъ себя, засмѣялась и — положила на споль. «Не хочу и эшого: что скажущь о червонцѣ, шо-же скажущь и объ эшомъ.»

Въ эпу минупу слышалсѣ спукъ въ снїяхъ. Мы оглянулись; кареша спояла у крыльца, и барыня уже выходила. Кассандра, всплеснувъ руками, бросилась къ двери, но пошомъ одумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, и, прислушиваясь, ошпановилась. И я подошелъ, споялъ подлѣ нея, едва переводя духъ, прислушиваясь и ожидая минушы, въ которую все упахнешъ

и опускаешь, чтобы выпустишь бѣдную плѣнницу мою, кошорую шакъ безразсудно вовлекъ я въ непріятное для нея положеніе. Все ушшло; быспро повернула она ручку замка, и убѣжала.

С о п е р н и к ъ ,

..... Неугомонный смѣхъ Эскулапа сидѣлъ у меня вечеромъ, и я писалъ ему просьбу, объ увольненіи его. ... какъ вдругъ въ стѣнахъ послышался стукъ, будто что нибудь упало, брякнуло разбиное окно, раздался шопощъ нѣсколькихъ паръ скоробѣгущихъ ногъ... ближе... Съ силою бросился кто-то въ дверь мою, и — убѣжала Кассандра. Поспавивъ ногу передъ дверь и ухватившись рукою за ключъ — « Я занру, » сказала она, захлывшись, и повернула ключъ. Я и поварищъ мой были поражены и изумлены; Кассандра подошла ко мнѣ, и какъ будто во все не примѣчала посторонняго; ломая руки, начала лепешать и умолять меня. Товарищъ мой, природный Буковинецъ, заговорилъ съ нею по Молдавански, и оказалось слѣдующее: Кассандра была уже продана племяннику хозяйки моей, который на дняхъ ѣдетъ и беретъ ее съ собою. Онъ велѣлъ ей явиться къ нему: она не пошла; вѣрно было привести ее: она вырва-

лась, убѣжала и бросилась ко мнѣ, единственному спасенію своему! Люди, бѣжавшіе за нею, постояли, и пошептавъ и попопавъ шихо у дверей, ушли. Никто не осмѣлился войти ко мнѣ. Товарищъ мой былъ восхищенъ и очарованъ. Онъ выражалъ свой восторгъ громкимъ смѣхомъ, веселескивая руками и восклицая. Рассказъ Кассандры былъ такъ просвътъ, такъ выразительнъ, шѣлодвиженія, съ какими она, положивъ руки на грудь, убѣждала, умоляла защищивъ ее, были такъ краснорѣчивы, что я не могъ опомниться.

13.

Еще соперникъ.

. . . . Лучи солнца, озаряющіе мою комнату, возвѣспили мнѣ позднее утро. Я былъ одинъ, и все происходившее вчера вечеромъ казалось мнѣ снова дивнымъ. Едва успѣлъ я одѣться, какъ слышу на улицѣ странный крикъ, воззванія, голоса, и, изумленный, бѣгу за воропта. Здѣсь неожиданное зрѣлище представилось мнѣ. По улицамъ водили и сѣкли, по здѣшнему обычаю, двухъ преснунниковъ. Голые по поясъ, висмоленные дегтемъ, шли они, громогласно взывали къ народу, каялись и увѣщавали. Громко высказывали они, что зарѣзали двухъ Русскихъ

маркишанцовъ на большой дорогѣ. Чиновники шли передъ ними; арнауцы, образуя сражу, ихъ окружали; народъ неугомонною шелпою волновался вслѣдъ, напблняя собою шѣсную улицу. Я споялъ неподвижно, куча шѣснилась мимо, и вдругъ я услышалъ знакомое: «Здравствуй, бояръ!» Оглядываюсь, и вижу моего Радукана, шочь въ шочь какъ видѣлъ я его при мѣсца прежде. «Ты здѣсь?» сказалъ я съ удивленіемъ. «Здравствуй, брашець! зачѣмъ ты не пришелъ ко мнѣ за деньгами?»

— Въ пракпирѣ я васъ, когда случилось мнѣ бышь въ городѣ, не нашель, а но боярскимъ домамъ искашь не смѣлъ; вы знаете, что бояре, опасаясь чумы, никого чужаго во дворѣ не пускающъ, и запирающъ вороша рѣшетками; нашего брата еще и побьющъ.

«Пойдемъ со мною.» Я оборотился и встрѣтился въ воропахъ съ моимъ Докпоромъ, Буковинцемъ, свидѣшелемъ вчерашняго приключенія. Онъ шелъ ко мнѣ съ замѣшнымъ любопытствомъ, желая знашь, что хочу я сдѣлать въ защишу Кассандры?

«Вотъ землякъ пвой!» сказалъ я Кассандрѣ, бѣжавшей съ лѣшницы впрогаго желья, когда я входилъ въ сѣни.

— *Радуканъ, бояръ!* закричала она, ударивъ въ ладоши. Это былъ ея любезный, котораго

она, по заключеніи мира, считала все еще за крѣпостной работѣ у Турковъ, въ Силистріи. Радуканъ поклонился ей улыбаясь и, подходя ближе, сказалъ, взглянувъ весело на меня и указывая на нее: «*Кассандра, боляръ!*» И шакъ: Радуканъ и Кассандра!

Они начали говорить, рассказывали другъ другу шакъ много и шакъ проворно, что и самъ Буковинецъ мой не все понималъ; но шѣмъ болѣе смѣлся онъ, прислушиваясь по временамъ къ разговору соперника моего, кошораго Кассандра уже при раза поцѣловала, хотя опъ каждого поцѣлуя осмывалось черное пятно на губахъ и щекахъ ея. «*Радуканъ!*» сказалъ я наконецъ, глядя на несообразность чепы; («*кто изъ васъ лучше?*») — Оба лучше — сказалъ онъ махнувъ рукой. *Лучше* и *хорошо* были у него конечно синонимы. Спранная противоположность! Она — въ синцевомъ красномъ плащѣ, желтыхъ мешкахъ и синей скурпайкѣ; дивные, черные, мягкіе волосы, раздвоенные впереди, послушно падали на плеча, между шѣмъ какъ широкая въ ладонь и длинная, черная коса опускалась вдоль спины; лицо и руки смуглые, но чистые и вѣжные. Онъ же — въ лохмотьяхъ, курчавые волосы, опъ роду не знавшіе гребня, похожіе на черную, косматую овчину; лицо, руки, грудь, покрытые пылью, пепломъ, грязью, углемъ.

«Кассандра!» готовъ я былъ спросить, «я оувъ можешь себѣ нравиться?» Но я не сказалъ этого, и вмѣсто того, взявъ съ собою моего Буковинца, пошелъ къ племяннику хозяйки нашей. Молдаваны прусы, и въ особенноти насъ Рускихъ боялся: это я зналъ. Племянникъ показалъ уже храбрость свою, не осмѣялся безпокоить крѣпостной, купленной имъ Цыганки, послѣ того, какъ увидѣлъ, что она находится подъ моимъ покровительствомъ; а и того мене смѣль-бы онъ пребывашъ ее, когда она нашла у меня убѣжище и защиту. И такъ, безъ обиняковъ, объявилъ я ему, чтобы онъ, или тетка его, продали мнѣ Кассандру. «Въ противномъ случаѣ,» сказалъ я, «Кассандру увезу я съ собою въ Россію; поставлю въ домъ вашъ полковаго барабаннаго старосту, со всею школою, и кромѣ того буду еще имѣть дѣло съ вами.» Товарищъ мой располковалъ ему все это подробно, пояснилъ и укрѣпилъ примѣрами и доводами. Общоясельство, что вчерашній день Кассандра нашла у меня убѣжище, не мало способствовало къ охлажденію спраси Молдаванина. Онъ ласково повелъ меня къ пешкѣ.

«Сто шесъдесяти левовъ,» сказала она, «заплатише мнѣ за Кассандру, и она ваша.» — Это будетъ пять *гервонцевъ* — ошѣталъ я, вынивая кошелекъ. Прикащикъ замѣнилъ, что червонецъ шеперь ходить не 32, а только 31½ ле-

вовъ. «И шакъ еще $2\frac{1}{2}$ лева,» ошвѣчалъ я, «на наши деньги рубль мѣди» и положилъ пять герсонцевъ и четвертакъ на сполъ. — Такъ-ли? — «Добре, добре!» получилъ я въ ошвѣщъ, и за снмъ подписали купчую, или крѣпоснъ, на ошорванномъ лоскушкѣ, восьмушкѣ листа, на какихъ Молдаваны всегда пишущъ дѣла свои и бумаги, кудравымъ письмомъ (въ кошоромъ едва можно узнать Славянскія буквы), съ приложеніемъ небольшихъ, накопченныхъ печашей. Я поклонился и ушелъ, а вслѣдъ за мною пожелали мнѣ счастливаго пуши и добраго веселья съ новою моею спущницею.

14.

Кассандра и Радуканъ.

Прошли недѣли, мѣсяцы, прошелъ цѣлый годъ. Я давно уже ошавилъ Яссы, забылъ о всѣхъ сплешняхъ, разсказахъ и пересудахъ споллицы Княжества Молдавскаго. Кассандра, и все что сбилось съ нею и со мною, мнѣ видѣлось какъ во снѣ, и по изрѣдка. Генераль Ѳ., въ свншѣ коего я находился, ошншъ ѣхалъ изъ Яссъ въ Бухареспъ. Дорогою переѣзжали и видѣли мы знаменитый Римникъ, въ коемъ сынъ ушонулъ на шомъ-же мѣстѣ, гдѣ, нѣсколько десяпковъ лѣшъ прежде, ошецъ пріобрѣлъ безсмертіе; ви-

Ноябрь 1831.

13

дми и нѣсколько другихъ мѣспечекъ и городовъ, на шу-же спашь, но менѣ славныхъ и извѣстныхъ. Между прочимъ, проѣзжали мы и Бирладъ. Темный, тихій, прекрасный вечеръ разливалъ осеннюю прохладу; Генерала уже ожидали и надѣлали много шуму до пріѣзда его. Множество экипажей, мало извѣстныхъ въ глуши сей, шумъ ямщиковъ, лай собакъ, шопощь коней, крикъ передовыхъ, конвойныхъ, вожаемыхъ, ѣздоковъ, почешныхъ — подняли на ноги все мѣспечко. Мы скакали во весь духъ за Генеральскою коляскою; по обѣимъ сторонамъ сошскіе, въ багровыхъ плащахъ Туредкихъ, скакали съ факелами на жердяхъ; Исправники, въ золотыхъ епанчахъ, скакали за ними. . . Мирные, любопытные зрители и обыватели высматривали головы свои изъ оконъ, дверей, ворошъ и переулковъ — толпа народа спояла по обѣ стороны шѣсной, мощеной досками улицы, и среди сей толпы увидѣлъ я, при свѣтѣ факеловъ, бородашаго молодого Цыгана, съ кожаннымъ мѣхомъ за спиною. Подлѣ него спояла Цыганка, не просповолосая, но въ плашкѣ, копорый длиннымъ хвостомъ падалъ на спину. Она держала черномазыхъ, курчавыхъ, голыхъ двойничковъ на рукахъ. Это были — *Радуканъ* и *Кассандра*! Онъ и она узнали меня, кланялись, меня увидѣвъ, и Кассандра нѣсколько шаговъ бѣжала за коляскою. . . . Но быстро промчались

ны по улицамъ Бирлада; смоляные факелы скоро угасли; почешные вожапые возвращились въ цынушь (*) свой; темная ночь облегла всю окрестность, и однозвучный стукъ колесъ и шопоть лошадей прерываемъ былъ изрѣдка только одинокимъ, дикимъ голосомъ ямщика: «*Оу-а-га-гой!*...»

В. Даль.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОМАНА:

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

(Часть II, глава I-я).

Здѣсь Руссю пахнетъ.

Пушкинъ.

Въ Нейгаузенской долинѣ, гдѣ пятами своими упираются горы Ливонскія и Псковскія, проведена, кажется, самую природою граница между сими странами. *Новый-городокъ* (Нейгаузенъ) есть уже спражъ древней Россіи: такъ думали и Князья Русскіе, ушверждаясь на семь мѣспѣ. Ошважные наездники въ полѣ, они были

(*, Округъ.

не рѣдко полиптики дальповидные, сами не зная того.

Замокъ Нейгаузенскій построень на крушомъ берегу рѣчки Лелія, передомъ къ Лиоляндіи. Четыре башни по угламъ, соединяющая ихъ ограда, все это грубо выведенное изъ дикаго, не описаннаго камня, довольно глубокой оврагъ съ прехъ споронъ, съ чепверпой обдѣланной берегъ: вопъ вся искусственная сила этой шверднии. За то какъ далеко, какъ зорко оглядываетъ она передъ собою, вправо и влѣво, всю Нѣмецкую спорону! Все, что идетъ и ѣдетъ отъ Маріенбурга, Риги и Дерпша, всѣ движенія за нѣсколько десяшковъ верштъ, не укроются отъ спорожкаго ея вниманія. Только сзади господствуетъ надъ нею оплогое возвышеніе, беспрестанно поднимающееся на двѣ слишкомъ версты до гребня горы Кувшиновой; по тамъ — спорона Русская! Рѣчка Лелія течетъ передъ лицомъ замка, изгибаясь въ недалекомъ разстояніи, съ лѣвой спороны назадъ, съ правой впередъ. На углу праваго изгиба насыпь (вѣроятно, и на лѣвомъ была подобная-же, но она заспроена шенеръ корчмою); нѣсколько такихъ искусственныхъ высотъ, служившихъ Рускимъ военными укрѣпленіями, идутъ лѣспицею по пропаяженію Печерской дороги. Нѣкошоры изъ нихъ уцѣляли донинѣ, нныя обросли рошицами, другія изрыты дождями, а, мо-

жешь бышь, и жадносію человѣческою. Спруж рѣчки мѣлки, но шумящъ, спропшвивя, преграждены будучи множествомъ камней, временемъ брошенныхъ въ нее съ высотъ башенъ.

Видъ изъ замка обнимаетъ Лиоляндію на нѣсколько десятковъ верствъ: передъ глазами вашими разоспланъ по шремъ уздамъ край одежды ея. Прямо за рѣчкою, въ срединѣ разлившейся широко долины, вспалъ продолговатый холмъ съ рощею, какъ островокъ; нѣсколько правѣе, за семь верствъ показывается вполонину изъ-за горы кирка Нейгаузенская, опдаленная отъ Русскаго края и ужасомъ войны, посѣщавшихъ нѣкогда замокъ; далѣе видны сизыя, неровныя возвышенія къ Оденпе, мызы и кирки. Лѣвѣе спрунися изъ ирачной дали прямо на Нейгаузенъ дорога Рижская; еще лѣвѣе чернѣетъ цѣпь горъ Гангофскихъ, между коими поднимаетъ обнаженное чело свое Царь сихъ мѣствъ, какъ владыка народа передъ величествомъ Бога, Муннамегги (яйцо-гора), наблюдающій, въ просяженіи слишкомъ на сто верствъ, рубежъ Россіи отъ Маріенбурга черезъ Печеры до Чудскаго озера и накрестъ свою область отъ Нейгаузена, черезъ возвышенія Оденпе и Сагница, до вершины Гуммельсгофской. Между горами сими видна и знакомая намъ Опекаленская кирка. Все какъ на блюдѣ! Русская однакожъ спорона закрыша опсюда скапомъ Кувшиновой горы, какъ

полою шапра великолѣпнаго. Чѣмъ далѣе поднимаешься по сему скапу, тѣмъ картина расширяется и углубляется. Глазъ безъ помощи орудія отказывается обнять все, что она предлагаетъ ему. На вершинѣ Кувшиновой сильнѣе бьется сердце Рускаго; съ нее видишь сіяніе креста и темныя башни Печерскаго монастыря, мѣсто истока Славянскихъ ключей, родины Ольги, Изборскъ, и синія площадь озера Псковскаго. Здѣсь уже настоящая Русь! Только *полувѣрцы*, обычаями, вѣрою, языкомъ смѣсь Лифляндцевъ съ Русскими, означающъ переходъ изъ одного края въ другой.

Во время, которое описываемъ, замокъ представлялъ, какъ и нынѣ, однѣ развалины. Взорванъ-ли онъ и покинутъ безъ боя Шведами, безнадежными удержавъ его съ малымъ *стрѣжелемъ*, копорый онъ могъ только въ себѣ вмѣщавъ, отъ нападений Рускихъ, господствовавшихъ надъ ними своими полевыми укрѣпленіями, давнимъ правомъ собственности и чувствомъ силы на родной землѣ; разрушенъ-ли сей замокъ въ осадѣ Рускими — Исторія нигдѣ объ этомъ не упоминаетъ. Извѣстно только, что послѣдніе въ 1702 году уже власнители Нейгаузена. Здѣсь и у стѣнъ Печерскаго монастыря было сборное мѣсто Рускихъ войскъ, главное становище, или, говоря языкомъ на-

шего вѣка, главная *костюра* Восначальника Шеремешева; отсюда, укрѣленные силами, дѣлали они свои бѣглыя нападенія на Ливондію; сюда, не смѣя еще въ ней утвердиться, возвращались съ побѣдами и честью, хотя еще безъ славы, съ добычею безъ завоеваній, съ чувствомъ уже собищенной силы, но не искусства; здѣсь полководцы, обезопасенные упрямою безпечностію Карла, имѣли время обдумывать свои ошибки, гошовить новыя предначертанія и учиться такимъ образомъ наукѣ войны надъ непобѣдимыми шого времени.

Сланъ Рускихъ оброну возвышенный берегъ Леліи и всю оплогость горы Кувшинной до вершины ея. Изгибами своими казала сія оплогость, будно зыблеша подъ многочисленнымъ военствомъ. Онъ весь видѣнъ былъ съ Ливонской стороны: бѣлые ряды палатокъ и между ними оплечныя, начальническія; черныя пипи регулярной конницы, пестрые шабуны восполныхъ всадниковъ, пирамиды оружія, значки, пикеты, все какъ будно искусно разспавлено было на шашечной доскѣ, не много къ зрителью вклоненной. Пушки выдвинули жерла свои изъ развалинъ замка и *раскатовъ*, воздвигнушихъ по сторонамъ ея и уступами въ разныхъ мѣстахъ горы; бѣгущія изъ-за нихъ струйки дыма показывали, что онѣ всегда гошовы изрыгнушь

огонь и смерть на смѣлахъ пришельцевъ изъ Ливоніи. Лучъ утренняяго солнца, опзолочивая развалины замка, скользи по орудіямъ и пепелься въ креслахъ походныхъ церквей, разсвѣчивалъ сію каршину.

Замокъ и передовыя укрѣпленія по берегу Леліи спорожили, кромѣ полевой артиллеріи, драгунскіе полки Кропшова и Полуекшова и пѣхошный Лими. Вездѣ видны были сіи полководцы вѣтшѣ, и въ спанѣ, и пропивъ огня непріятельскаго. Продолговатый холмъ въ срединѣ горы близъ Печерской дороги, гдѣ спояла богашая Турецкая спавка съ блестящимъ полумѣсяцемъ на верхушкѣ ея, охраняла почешная сшража: Преображенскій и Семеновскій полки и сошні дворянъ Московскихъ. Семеновцами командовалъ любимый начальникъ ихъ Подполковникъ Князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, Преображенцами Маіоръ Карповъ, одинъ болѣ другаго всшрѣчавшіеса на перепушьяхъ сей войнѣ, гдѣ шолько говорилось о чести Русскаго оружія. Въ рядахъ Московской сошни находилса сынъ Военачальника *волунтеръ* Михайла Борисовичъ, уже съ именемъ храбраго офицера и неизмѣннаго шоварища. Сшарый, созданный родшелемъ Петра I, Бушырскій полкъ, прославившійса на приспунахъ Азова, имѣвшій счастье избѣгнушь неудачи при Нарвѣ, но въ первой сшибкѣ со Шведами при Эррасшѣрѣ извѣ-

давшій сладость побѣды, стоялъ неподалеку оппорной спражи, гошовый замѣнишь оную. До 12 драгунскихъ полковъ разныхъ именъ, болѣ или менѣ известныхъ, основанія прехъ эскадроновъ Московскихъ гусаръ, копейщиковъ и рейшаръ, нѣскольکو нѣхошныхъ полковъ, спройно расположены были по оплогосни горы. Передъ лицемъ спана, за рѣчкою Леліей, опсправлялъ должность передоваго спража знаменишій Ташарскій наѣздникъ Мурзенко: онъ занялъ съ нияшисошнею своею продолговатый зеленый холмъ, одиноко возвышавшійся въ долину. — Печерскій монастырь, вновь укрѣпленный, охранялъ *Ер-таульный* Воевода Иванъ Тихоновичъ Назимовъ.

Въ спанѣ, въ безчисленныхъ нѣспахъ, закурился димокъ, пріятный для обонянія солдатъ; уже вездѣ около копловъ засуепились кашевары. Также Калмыки и Банкирцы гошовили свой обѣдъ: вдоль и поперегъ долины скакали Восточные вишизи, запаривая подъ сѣдломъ нѣжное мясо жеребашъ. Зашрубали къ водопою, и ряды конницы, какъ нагорные ключи, пошекли изъ спана. Съ другой спороны свистомъ и гарканьемъ опшѣчали на звукъ шрубъ, и послушные сему зову шабуны поспѣшали къ рѣчкѣ. Оба берега ея опшупили шмолчи коней. Звонкое ржаніе, глухой шопопъ, суепливый говоръ, крикъ, все смялось въ какой-шо шревожный гулъ, пол-

ный шоржеспва жизни. Но — скоро все пришло опять въ прежнее положеніе.

Посмотримъ ближе, что дѣлалось во внутренности лагеря. Подойдемъ къ снамкѣ Фельд-маршала. Возлѣ нея ходилъ на часахъ — Преображенскій солдатъ, спашинный, бравый, кровь съ молокомъ. Походка его была мѣрная, движенія изученныя. Одежда на немъ, будшо онъ смирядился въ маскародъ: не къ лицу ему преугольная шляпа и распуценные волосы; Измецкій широкой кафшанъ *не по немъ* сшитъ; исподнее плашье спягивало его ноги. Но измѣнявшія ему по временамъ, хопя немедленно сдерживаемыя, ухватки, огонь, разыгрывающійся въ глазахъ его, казалось, говорили: «Оспригите мнѣ волосы въ кружокъ, сбросыте этого жаворонка съ головы, скиныте съ меня эпюшь халашъ; подпояшыте меня крѣпко кушакомъ, который я съиздѣшспва привыкъ носить и кошорымъ спашъ мой красовался; дайше волю моимъ ногамъ — и вы увидите, что я, не только Шведа, медвѣдя сломаю, догоню на бѣгу краснаго звѣря: вы увидите, что я Рускій!» По правую сторону спавки, у входа ея, спояла *колясогга* съ липаврами; пущъ-же бродило нѣсколько шрубачей. Испруменшы ихъ были разложены на козлахъ. Въ нѣкоторомъ разспояніи опъ палашки прапезничали за длиннымъ споломъ, на крышымъ скашерпью браною, Священники, офи-

цери и поселки обоого пола, человекъ до 50. Здѣсь госшепріимство Русскаго барина угощало безъ разбора званія, всякаго, кто не имѣлъ своего стола, или насущнаго хлѣба. Если самаго Фельдмаршала не было съ ними, такъ это значило, что важное дѣло опозвало его опъ *хозяйннества*, которое не хваславось, но добродѣшель наследственнаа положила себѣ обѣщомъ. Мало, что всякій бѣдный могъ вкушать опъ его прापезы; онъ былъ еще одѣлемъ деньгами. Такъ жили дѣды нашихъ баръ! Кругомъ брапскаго стола прислуживалъ рой *голоповъ*: дворецкихъ, мундшенковъ, егерей, сокольниковъ, ловчихъ, гайдуковъ, скороходовъ и камердинеровъ, составлявшихъ неспрую дворню вельможи шого времени, дома и въ походѣ. Нѣ сколько борзыхъ собакъ, вѣроятно любимиць, шныряли подъ столомъ и около него, выжидая себѣ подача. По лѣвую спорону спавки шолпились въ уважншельномъ опдаленіи адъюпанши, ординарцы и курьеры. Далѣе въ углубленіи сцени, нами разсмаприваемой, спвола валапка, у кошорой раскрышиа при входѣ помы позволяли видѣшь, что въ ней происходило.

Въ ней производнтся судъ. На переднемъ концѣ длиннаго стола сидѣлъ *Президентъ*. По мѣшпу, нмъ занимаемому, глубокомыслію, осннвшему его прнпшную наружностъ, видно было, что въ немъ пожилаго возраста не ждала му-

дрость, кошорой вопреки своенравной природѣ хопящъ назначить постоянный срокъ. Въ глазахъ его съ провицательностію ума спорило однакожь безпокойство сильныхъ спрасшей; рѣдко сходила съ губъ его усмѣшка осужденія. Одежда его показывала нѣкоторую небрежность; по камзолу, расшегнутому почши до нижней пуговицы, висѣли длинныя концы шейнаго плаща; обшлагъ у лѣваго рукава былъ ошвороченъ. Эшо былъ Рейнгольдъ Пашкуль. На сей разъ, по болѣзни Генераль-Аудитора, исполнялъ онъ его должностъ. Каковимъ видѣли его шерерь, шаковимъ бывалъ онъ въ спавкѣ Фельдмаршала и во Дворцѣ. Онъ не спарался скрыть себя; ни одежды, ни движеній, ни чувспвованій не подчинялъ формамъ; онъ весь былъ наружъ. Свободныя движенія его въ общеспвѣ высшихъ, хопя и не измѣняли правиламъ свѣпскаго образованія и знанію придворной жизни, должны были однакожь пугать взоры и чувспвованія людей, воспитанныхъ въ спрожайшей почтительностикъ спаршимъ, если не въ спрахѣ къ нимъ.

Передъ главнымъ судьей лежали накреснѣ быльй посохъ и обнаженнал шпага, знаки чпшоши суда и возмездія пороку. Во всю длину спола, по обѣимъ споронамъ его, сидѣли члены суда, *Ассессоры*, изъ высшихъ оенцеровъ разныхъ полковъ — у нижняго конца спола Священникъ въ епшпрахилѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ, а дру-

гую положить на Евангеліе. Ошъ него неподалеку стояли шрое солдашъ, закованныхъ въ желѣза: лица ихъ говорили, что они ждали своего приговора. Засучивъ рукава своего засаленнаго зипуна, зашкнувъ большой палець лѣвой руки за красный кушакъ, спереди поповувшій въ ошвисломъ брюхѣ, мужичокъ, ошрашипельнаго и звѣрскаго лица, шо морщилася, какъ-бы недовольный медленнымъ судомъ, и огромнымъ першомъ правой руки, на кошоромъ могли-бы улеться при обмыковенныхъ, почесывалъ налшную кровью шею, исписанную свѣшлыми рубцами, шо важно поглаживалъ цѣлоу ручищю свою рыжую бороду, шкосо посмапривалъ на собраніе, и улыбался, едва не выговаривая: «И я здѣсь что-нибудь да значу!» Онъ ждалъ своихъ жершвъ. Эшо былъ палать Осыка, по прованію и ошрашипельнымъ признакамъ его мастерства, *Толма*. Глубокое молчаніе царшвовало въ заседаніи: можно было слышать скрипъ работающаго пера. Вокругъ шшала ходила по рукамъ бумага, кошорую всякій, прочишавъ про себя, подишсывалъ. Она обрашшлалась къ Президентшу, кошорій, шакже прочишавъ ее еще разъ, подишсалъ, и весь листъ кругомъ *огертилъ узлами*, что-бы невозможно было ничего приписать въ немъ. Наконецъ Президентшъ всшалъ, и за нимъ Ассессоры. Онъ положилъ правую руку на носохъ и мечъ. Всѣ сотворили знаменіе

креста, кромѣ Нѣмцевъ, которые вмѣсто того благоговѣнно сложили руки на грудь. Попомъ онъ ошдалъ бумагу Секрешарю для прочтенія, и громко произнесъ: *Богу единому слава!* Секрешарь началъ чышашъ дѣло о порубленіи Андрея Мершвымъ Тапарина саблюю, и приговоръ, коимъ онъ, согласно 26 Аршикулу Воинскаго Устава, долженъ-бы бышъ живота лишень и опсѣченіемъ головы казненъ. Такому-же наказанію по 25 Аршикулу подвергался Иванъ Шмаковъ, дерзнувшій поколошъ своего Полковника Филиппа Кара. Но въ уваженіе, что раны порубленнаго Тапарина подавали надежду къ исцѣленію, и что у Полковника пробиши были только мундиръ и фуфайка, Мершвыи приговаривался къ наказанію башожемъ, а Шмаковъ къ выведенію въ желѣзахъ передъ фроншомъ и къ пробишию руки ножемъ. Важнѣ сихъ преспуцниковъ былъ шрешій, Казакъ Машвѣи Шайпановъ, *чернокнижець, ружья заговоритель и чародѣй*. А какъ по шолкованію перваго Аршикула Воинскаго Устава «наказаніе соженія ешъ обмыковенная казнъ чернокнижцу, ежели оний своимъ чародѣйшвомъ вредъ кому учинилъ, или дѣйшвишельно съ діаволомъ обзашельштво имъ-ешъ;» но поелику онъ чародѣйшвомъ своимъ никому большаго вреда не учинилъ, кромѣ заговора ружей, присаживанія шишки на носу и прочаго и прочаго, и опъ *обзашельштва съ са-*

такою отрекся по увѣщанію Священника : по приговаривался онъ къ прогнанію *шпирутеномъ*, и церковному публичному покаянію. Тупъ палачъ нахмурился, по видимому, недовольный облегченіемъ наказанія. Казалось, на узкомъ его лбу выклеимены были слова : Ахъ ! кабы меня сдѣлали главнымъ судьей, я все-бъ усиливалъ приговоръ, что-бъ нашей брашъ была работа.» Пашкуль, нечаянно взглянувъ на него, прочелъ его сожалѣніе: онъ смѣнилъ эпошъ зоркій взглядъ другимъ, грознымъ, сожигающимъ, и далъ знакъ, что-бы пресупниковъ удаляли для немедленнаго исполненія надъ ними приговора.

Судейская мало по малу начала пустѣть. Оспалась Пашкуль и при высшихъ офицера: ихъ заняло членіе какихъ-то пригошовительныхъ бумагъ. Вскорѣ вниманіе ихъ прервано было приходомъ *Румормейстера* (*), блюспишела порядка на маршахъ и въ лагерѣ, за кошорымъ, между двумя солдатами съ мушкетями на плечѣ, слѣдовалъ Русскій креспьянинъ. Въ глазахъ его горѣло дикое ожеспоченіе ; онъ не склонялся головою ; уша его искривлены были презрѣніемъ. Длинная борода у него дѣлилась на двое, предспавля изъ себя два языка ; широкій, сѣрый зипунъ, сзади весь въ сборахъ, спереди въ

(*) Гезальдигеръ.

двухъ мѣстахъ заснегнушій думми, мѣдними пуговицами, едва покрывалъ колѣна. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ *лѣстовки*, въ правой посохъ. Румормейстеръ подалъ Пашкулю бумагу и доложилъ ему, что эпомъ крестьявинъ вперся между брашьею за общій сполъ, не крестился подобно другимъ, садясь за него, не ѣлъ, не пилъ, чуждался всякой бесѣды, безпрестанно плевалъ и шворилъ, по шепопомъ, по вполголоса, молишвы; попомъ вспавши изъ-за спола, бродилъ около Фельдмаршальской снавки; хощѣлъ взойти въ нее, но будучи удержанъ часовымъ, бросилъ въ палашку свернушую бумагу. «Фельдмаршалъ, продолжалъ офицеръ, поднялъ ее и успѣвъ прочесть шолько при первыхъ слова — такъ именно приказано мнѣ доложить Вашему Превосходительству — повелѣлъ мнѣ опвесить сюда подозрительнаго крестьянина за крѣпкимъ карауломъ, опдашь вамъ подметную *цыдулу* и сказашь, что-бы вы *позволили* изслѣдовать, кто такой эпомъ мужичекъ, и не лазупчикъ-ли опъ Шведовъ, или другой какой *шельмъ*; также и наказашь его по усмошрѣнью вашему, ибо онъ полагаетъ, что подметъ сей до вашей особы касаетъ.»

— Что это за уродъ? — сказалъ Пашкуль, принимая опъ Румормейстера бумагу.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божій, по-

милуй насъ! произнесъ крестыанинъ. — Господи, спаси насъ опъ нечистиы силы!

Пашкуль посмопрълъ на него и усмѣхнулся, но развернувъ поданное ему письмо и взглянувъ на первыя слова, вспыхнулъ, вскочилъ со спула, подошелъ къ крестыанину и, тряся его за ворошъ, задыхающимъ голосомъ спросилъ его: — Пашкуль измѣнникъ? Кпо это пишетъ?

« Хрисианинъ зарубежный, » ошвѣчалъ спокойцо вопрошаемый.

— Какой Хрисианинъ! Лжець, обманщикъ, сашана! закричалъ Пашкуль, не въ силахъ будучи владѣть самъ собою.

« Брешишь, басурманъ! Пославшій меня учитель православныя, соборныя, Апостольскія Церкви, и мы, брашья ему по духу, исповѣдуемъ законъ правый. Въ вашемъ сборищѣ, въ крещеніи, опщепенцевъ бѣси дѣйсвуютъ; ученіе ваше криво, преданіе опецъ вашихъ лживо, законъ вашъ проклятъ. Ты щепотникъ, пабачникъ, скобленое рыло, и съ шобой сѣдящіе Никоніанцы слуги Анпихрисновы. Господи Исусе Хрисне, Сыне Божій, помилуй насъ!»

Пашкуль взглянулъ на него, пожалъ плечами, сѣлъ опашъ на спуль, и хладвокровно сказавъ: «Онъ сумасшедшій!» сшалъ чипашъ продолженіе подметшнаго письма. Между тѣмъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ палашкѣ, промолвилъ:

Ноябрь 1830.

14

«Эшо злой раскольникъ!» — «Онъ ослушникъ Царскаго Величества Указа!» воскликнулъ другой. «Осмѣливаешься показываться въ народѣ безъ жлшаго, раскольническаго лоскуша на спинѣ!» — «Имѣешь ли ты *бородовую* квитанцію?» сказалъ прешій. «Ему надобно бороду обрипъ.»

Раскольникъ молчалъ.

— Его надобно спрожайше судишь! — закричали двое офицеровъ вмѣстѣ.

Крестыанинъ, покачавъ головою, отвѣчалъ: — Аще пойду подъ иновѣрный судъ, досноинъ есмь ошлученія ошъ Церкви.

Здѣсь одинъ изъ офицеровъ хопѣлъ убѣдишь его словами Священнаго Писанія: «Всяка душа власпемъ предержажимъ да повинуешся: нѣспъ бо власшь, аще не ошъ Бога.»

— Не прешися о вѣрѣ и мѣрскихъ междорѣчій пришедъ къ вамъ, Никоніанцамъ: до сына учишели наши обличили новую вѣру и вбили въ грязь вашихъ Фарисеевъ. Какъ видно, вы не разсмопрънїя и не правды ищете, но побѣды и одолѣнїя: ваша правда, аки паупинная шканїя прикоснове-нїемъ крыла бездушныя мухи раззоряетса. Како бо пѣпи Господню пѣснь въ землѣ чуждой, въ землѣ бѣсова плѣненїя? Нѣспъ здѣсь воздвигающаго долу лежащихъ, нѣспъ руководащаго. За рубежемъ шопъ, кто-бы изобрѣлъ сокровище, чешыредесятинымъ цепломъ загребенное, кто бы собралъ

во едино спядо распоченное, кто-бы процвѣлъ, яко сельный кринъ, обогатиши `связанныхъ нищешю, просвѣшши во шмѣ сѣдациа, укрьпиши изнемогающія, свободиши бѣдспвѣ и скорбей исполненныя. Тамъ образованіе горняго Сіона, шамъ начертаніе вышняго Іерусалима! Образумьшесь, суешные, опкройте глаза, слѣпопшствующіе! Идише за мною и обращете сокровища неслѣбныя (*).

— Благодарспвуемъ, любезный! — сказалъ офицеръ, понюхивая шабакъ. — Не хочу ради вашей вѣры ни сгорѣшь въ огнѣ, ни голодомъ умереть. Ты не Морельщикъ-ли?

« Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! »

— Или изъ Безпоповщины, гдѣ дѣвки вмѣсто поповъ служатъ?

Раскольникъ молчалъ.

— Нѣшовщикъ, что-ли? Ну, говори, вѣдь мы знаемъ всѣ ваши бредни! Вы не признаете православнаго Священспва и Таинспвѣ въ мірѣ? — Адаманшова Согласія что-ль? Ваша брашья по каменной моспвой никогда не ходишь: не шакъ-ли? Тишловщикъ? Ну, говори, борода!

(*). Весь эпшотъ разговоръ взятъ почти слово въ слово изъ Старообрядческихъ акшповъ, изданныхъ въ свѣспѣ.

(Офицеръ потрясъ его порядочно за бороду, но онъ молчалъ.) Можно заспавишь шебя говорить. У Оськи Томили нѣмые пѣсни поють: знаешъ ли ты?

Раскольникъ горько усмѣхнулся и отвѣчалъ: Ъшьте мое шѣло, собаки, коли оно вамъ по вкусу. Вѣдаемъ мы, православные, что Вѣра правая и дѣла добрыя погибли на землѣ. Наступило время послѣднее. Аншихрисиъ насчалъ, и скоро будетъ скончаніе міра и Спрашный судъ. Охъ! кабы сподобился я святымъ спрадалцемъ предспасть ко Господу!»

Во время допросовъ крестьянина высшимъ офицеромъ, Пашкуль продолжалъ чипать подмешное письмо; а какъ намъ, сочинителямъ романовъ, позволено не только знать самыя сокровенныя дѣйшвія, но и проникать во глубину помышленийъ людскихъ, между шѣмъ какъ вмѣспѣ съ симъ дано намъ право помолчашъ иногда и о томъ, что говоритъ вслухъ: шо мы высмотрѣвъ содержаніе письма, дѣлимся шайною оваго съ нашимъ чипателемъ. Именно, въ немъ давалось за извѣстіе Фельдмаршалу, что Пашкуль, измѣнникъ и предашель, связался съ злодѣемъ, копорый, подъ видомъ доброжелательства Русскому войску, спараеися заманишь оное въ сѣши, предашь начальнику Шведскому и погубишь. Злодѣй сей кажепся не шѣмъ, что

онъ есть. Если-бы Фельдмаршалъ зналъ, кто онъ такой, то купилъ-бы голову его цѣною золота. Самъ Царь дорого заплатилъ-бы за нее. Сочинитель письма обѣщается подвесити обманщика съ пѣмъ, чтобы войско Русское, особенно Мурзенко, не превозжили на жительство за-рубежныхъ Христіанъ.

Прочтя сіе письмо, Пашкуль задумался; какое-то подозрѣніе колебало его мысли и шло-пило сердце его. «Неужель?» говорилъ онъ самъ себѣ. «Нѣтъ, этого не можешь быть! Принимаю, откуда ударъ! Нѣтъ, Вольдемаръ мнѣ вѣренъ. «Окончивъ сей вступренній разговоръ, онъ поднялъ глаза къ небу, благодаря Бога за доставленіе въ его руки пасквиля, разодралъ его въ мѣлкіе клочки и спокойно сказалъ присупсвовавшимъ офицерамъ: «Оставимъ эту заблудшую овцу. Въ лагерь нѣтъ дома для сумасшедшихъ, такъ надобно опустити его туда, гдѣ больные одинакою съ нимъ болѣзнію собрались вашагою. Что дѣлать? Заблужденіе ихъ есть одна изъ пестротъ рода человѣческаго. Предоставимъ времени сгладити ее. Умъ и сердце начинаютъ быть пыптивы сообразно вѣку, въ кошорый мы живемъ; насупити, можешь быть, и то время, когда они присядуся на возвышенныхъ исшинахъ.

— Но подмешное письмо? — спросилъ Румормейсперъ.

— « Пасквиль именно на меня!» сказалъ усмѣхався Пашкуль. «А какъ мое доброе имя не можетъ пострадать отъ сумасбродныхъ, но я сочинилъ письма и посланнику его охотно прощаю. Съ шѣмъ однакожъ — прибавилъ онъ, обратившись къ раскольнику — подобныхъ бумагъ въ спанъ Рускихъ не пересылашь. Смопри! перескажи это, закоснѣлый невѣжа, своему учителю. Въ прошивномъ случаѣ, Мурзенко съ своими Ташарами опыщеть его въ преисподней. Тогда не пеняйше на измѣнника Пашкуля. Вошь мой отвѣшь: слышишь-ли?»

— » Близокъ часъ Спрашнаго суда! «вздохнувъ, ошвѣчалъ раскольникъ.

— Теперь — продолжалъ Пашкуль, обращаясь къ Румормейсперу — передаю вамъ пѣнника. Прошу васъ посмуишь съ нимъ великодушно.

Румормейсперъ, обѣщавъ не дѣлать ему ни какого шѣлеснаго испязанія, принялъ раскольника въ свое вѣдѣнїе; но желая согласишь веселый нравъ съ своею обязанностію, повелѣвающею ему ловишь и наказыванъ, какъ нарушителей спокойствія въ спанъ, подмешчиковъ писемъ, разсѣивающихъ ложные слухи, и послушниковъ Царскихъ Указовъ, рѣшился подмуишь

надъ своимъ плѣнникомъ. Онъ опвелъ его за карауломъ къ высокому берегу Лелин , велѣлъ нѣсколькимъ солдатамъ окружить раскольника , поставивъ его на колѣна и положивъ голову его на барабанъ. Во всю эту операцію крестьянинъ произносилъ шолько : « О имени Господа Бога и Спаса нашего спрадохомъ. » Но какъ скоро увидѣлъ , что цирюльникъ собирался брить ему бороду , онъ началъ бороться съ солдатами , проклиналъ всѣхъ , ревѣлъ , и наконецъ умолялъ — лучше умершвишь его. Слонны его раздавались по лагерю. Сильныя руки сжали ему рошъ , держали его за волосы , за два конца бороды , за ноги , запылокъ , и — сокровище , которое было для него жизни дороже , борода — упала къ ногамъ жестокихъ Никоніанцевъ — которые съ хохомомъ зашопшали ее. Смертная блѣдность выступила на его лицѣ ; холодный потъ капалъ со лба ; пѣна во ршу клубилась ; какъ вкопанный въ землю , спомалъ онъ. Вдругъ какое-то испуленіе оживило его черпы ; глаза его спрашно запрыгали. « Насшала кончина вѣка и часъ Спрашнаго Суда ! Мучышесь , окаянныя нечесшвицы ! я умираю спрадальцемъ о Господы ! » — произнесъ онъ , пробился сквозь солдашъ , и бросился спремглавъ съ берега въ Лелию. Ударъ головы его объ огромный камень шразился въ сердцахъ изумленныхъ зришелей.

Ужасъ въ нихъ замѣнилъ хохотъ. Подняли несчастнаго. Черепъ былъ разбитъ ; не лзя было узнать на немъ образа человѣческаго. « Собакъ собачья смершь ! » сказалъ Румормейшеръ , и велѣлъ писарю изгосовишь *репортъ* высшему начальству о семъ происшествіи. « На чью-шо душу грѣхъ эпоць ляжеть ? » ропшали въ умнѣи солдашы.

Какъ водился, зарыли самоубійцу въ лѣсной глуши. Говорили въ послѣдствіи времени , что на мѣспѣ помѣ видали восьмиконечный деревянный крестъ , и слышимо бивало, разъ въ годъ, жалобное , прощажное пѣвіе (*).

(*) Сей отрывокъ былъ доставленъ въ Телеграфъ прежде нежели двѣ части романа Г-на Лажетникова были выданы. Мы не рѣшились опказаться опть удовольствія помѣспитъ доставленный намъ отрывокъ , полагая , что чтеніе его заспавитъ многихъ познакомившихся съ *Послѣднимъ Новикомъ* вполне. *Изд. Гол.*

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE GRENADE, tirée de la chronique manuscrite de Fray-Antonio Agapida, par Washington Irving, traduite de l'anglais, par J. Cohen (*Исторія завоеванія Гренады*, извлеченная изъ рукописной лѣтописи Фрай-Аншонія Агапиды Ирвингомъ Вашингтономъ, перев. съ Англійскаго Ж. Коганомъ), 2 тома, in-8, Парижъ, 1830 г.

Наспаль Июль мѣсяць 1491 года. Лѣшо было палящее: солнце жгло почши такимъ-же горячимъ лучемъ, какимъ горитъ оно на небѣ Африки, и шѣмъ блестяще казался ошъ лучей его Испанскій шаборъ, расположенный близъ Гренады. Отдѣленный ошъ города пространствомъ въ полшоры мили, самый шаборъ сей казался городомъ, и все возвѣщало, что Короли (*) оставишь его для шого только, чтобы вступишь въ *благородную* Гренаду, сію столицу Королевства, которое хотѣли они присоединишь къ Каспильской державѣ, и подчинишь владычеству Католической Церкви. Валы и глубокіе рвы защищали спань ошъ нападеній; сосставляя собою продолговатый чешыре-угольникъ, ошъ дѣлился на улицы, образованныя рядами шашровъ и шалашей; сорокъ шысячь пѣшихъ воиновъ и десяць шысячь всадни-

(*) Фердинандъ и Изабелла называли себя *Короллами*, los reyes. Никто не смѣлъ величать Изабеллу *Королевою*.

ковъ соединены были подъ знамена Королей, ихъ знаменитыхъ рыцарей и могущественныхъ городовъ. Въ срединѣ, надъ великолѣпнымъ павильономъ Изабеллы — наспоющими чертогами въ Восточномъ вкусь, сосшавленными изъ многихъ задъ, шелковыя стѣны коихъ поддерживались столбами изъ копей, облеченныхъ воинскими эмблемами — сіялъ левъ Кастильскій, подлѣ Аррагонской башни. Надъ другими прекрасными шапрами, которые обвѣшаны были блестящими, золошыми и шелковыми, коврами, возвышалась коза Кабраская, древнее знамя, столь недавно еще поразившее ужасомъ ряды Мавровъ, вѣялся орелъ Агвиларскій, и левъ Понсо-Леонскій грозилъ непріятелю. Окрессть сихъ рыцарскихъ хоругвей развѣвались значки благородныхъ городовъ Испаніи, окруженные мужешвенными гражданами сихъ городовъ, умѣвшими, столь-же бодрешвенно, какъ рыцари, умирашь за Отечество и Вѣру, и, безъ всякихъ другихъ знаменъ, слѣдовавшими въ битвы за огромнымъ знаменемъ *Святѣйшаго* Іакова, волнующіеся сгибы коего казались знаменіемъ покровя Каполическихъ воиновъ. Но выше всѣхъ значковъ и знаменъ видно было

То знамя, золошомъ горяще,
 На коемъ, чудно вышитъ, зрѣлся
 Живошворящій Крессть Господень,
 Блестящій ярче сребра.
 Съ обвѣихъ странъ встрѣчали взоры
 На немъ распяшаго Христа.
 И симъ святымъ изображеньемъ
 Тамъ клялся воинъ-Хрисціанинъ :

Не оставляйть Гренадской *всси* (*),
Пока Гренады не возьмушь (**).

Многочисленное Духовенство слѣдовало за сими священными знаменами, и Архіепископъ Толедскій шакже въ свою очередь воздвигнулъ среди спана Крестъ, кошорый имѣлъ онъ право, какъ Примасть Испаніи, воздвигашъ на каждой землѣ, ошпятой у Музульманъ.

Если духовныя особы не спрашились шрудностей войны за вѣру и ошечество, дамы Каспильскія шакже не боялись слѣдовашъ за своею Государынею въ ужасы бившъ, и, кромѣ дѣшей своихъ — Донъ Жуана, Донны Жуанны, Донны Маріи, Донны Кашалпы — Фердинандъ и Изабелла видѣли вокругъ себя многочисленную свипу. Такимъ образомъ, въ промежушкахъ бившъ, Испанскій шаборъ предшавлялъ собою изображение блестящаго Двора. Въ шелковыхъ шапрахъ, украшенныхъ разноцвѣшными значками, наполненныхъ драгоцѣнною мебелью и золшыми и серебряными сосудами, слышны были звуки гитаръ и пѣніе романсовъ, самыхъ новомодныхъ. Все было въ спанѣ Испанскомъ, что шолько

(*) Vega, долина; но болѣе называютъ шакъ долины, окружающія города.

(**) Historia de los Vandos, etc. (Исторія раздоробъ между Зеврисами и Абенсеррагами, Маврипанскими рыцарями Гренады, извлеченная изъ Арабской кнѣги и изложенная на Испанскомъ языкѣ Хинесомъ Перезомъ) Валенція, 1597 г.

могло бышь нужно, или могло развлекашь и веселишь. Больные и раненые получали возможное пособие, въ шести отдѣльныхъ шатрахъ, уставленныхъ кропачами и называемыхъ: *больница Королевская*. Изобильные запасы, щцашельно возобновляемые, удаляли даже самую мысль о недостаткѣ. Наконецъ, всевозможныя прихоти роскоши и кокетства находили себѣ полное удовлетворение: здѣсь видны были лавки, исполненныя превосходно выработанныхъ шелковыхъ шканей, драгоценныхъ суконъ, понкихъ полошенъ, обольщавшія дамъ и рыцарей; шамъ искусный оружейникъ гошовилъ смершельное оружіе; далѣе воронили рыцарскія латы, или наводили серебромъ шлемы; всюду продавались щегольскія сѣдла и модныя конскія сбруи. Напрасно строгій Фердинандъ жаловался на такую излшшекъ роскоши; щщепно говорилъ онъ, что *жельзо дороже золота въ битвѣ* — ничто не могло воспрещашествовать молодымъ дворянамъ соперничашъ парядами другъ передъ другомъ, и оплччашъ уборомъ передъ дамами, или думать о томъ, какимъ образомъ блестящею бронеею, плюмажами и шарфами запмишь блескъ золотыхъ и серебряныхъ шканей, Азійскихъ шалей и драгоценныхъ камней, чѣмъ блисшали одежды Невѣрныхъ, враговъ ихъ.

Только великолѣпіемъ своихъ дворянъ Гренада могла еще поддерживать нѣсколько блескъ свой: она была уже шѣнью прежней Гренады; вся красота ея уже исчезла. Благодатная *вега* ея, почти единственнй оштатокъ государства, нѣкогда сшоль могущественнаго, еще недавно мѣсто великолѣпныхъ праздниковъ, забавъ, любви — была раззоре-

на набѣгахъ непріятелей, и представляла собою страшное позорище опустошенія! Цвѣтущая торговля Гренады погибла подъ бременемъ войны, и народонаселеніе Гренады, десятирицею уменьшенное, и умноженное шеперь единственно бѣглецами изъ разныхъ мѣстъ Королевства, вспоминало о бывшихъ дняхъ величія для того только, чтобы оплакивать ихъ.

Какъ различно было положеніе Гренады, когда Мулей-бень-Гасень, знаменитый своею храбростію, послѣдовалъ ошцу своему, Изману, въ 1466-мъ году! Тогда, *четыринадцать* большихъ и *девятью* *шесть* малыхъ городовъ принадлежали его скипешру. Гренада, какъ говорили, вмѣщала въ сѣбѣ своихъ *двѣсти тысячъ* жителей. Окрестная страна, покрытая оливами, шелковицами, виноградомъ, лимонами, льномъ, сахарнымъ тростникомъ, безъ отягощеній платила Мулею седьмую часть своихъ произведеній. Многочисленные сшадъ принадлежали Музульманамъ. Право шаможень, часть наследствъ, торговли шелкомъ, золотомъ, серебромъ, гранадами, аметистами, мраморомъ, добываемыми въ горахъ, окружающихъ *вегу*, доставляли Мулей-бень-Гасену огромный доходъ (*), который употреблялъ онъ на украшеніе столицы. По случаю сихъ-то издержекъ, какъ говоришь историкъ Перезъ, и огромныхъ рабшъ, предпринимаемыхъ Мулеемъ, сочиненъ былъ извѣстный Мавришанскій романъ, споль прелестно

(*) Маріана полагалъ его въ 700,000 дукашовъ.

переведенный, или, лучше сказать, передѣланный
Шашобріаномъ (*):

« Абенгамаръ, Абенгамаръ,
Маврипанійскихъ жипель горъ!
Тотъ день, когда родился ты,
Замѣпенъ знаменіемъ былъ:

« Не двиглось море въ берегахъ,
Былъ полный мѣсяцъ въ небесахъ;
Кпо въ сей завѣпный день рождень,
Тотъ бышь правдивымъ обреченъ. » —

Тогда въ опвѣпъ промолвилъ онъ —
Послушайте его опвѣпъ! —
— Скажу я правду, Государь,
Хопъ жизни-бъ споила она.

Отець мой былъ природный Мавръ,
И Христіанка мапъ моя;
Когда я опрокъ юный былъ,
Она всегда швердила мнѣ:

« Не говори неправды, сынъ;
Неправда спрашный, пѣжкій грѣхъ!»
И шакъ, спроси меня, Король,
Я правду сущую скажу. —

(*) Hist. de los Vandos, стр. 7. Надобно-ли прибавлять, что Перезъ былъ при семъ случаѣ, шакъ какъ и при многихъ другихъ, плохой историкъ, ибо два Кастильскіе Короля, именовавшіеся *Жуцанами*, умерли, одинъ въ 1390, другой въ 1454 году, когда Мулей еще не царствовалъ. Припомъ, многія изъ спроній, о коихъ говорипся въ романсѣ, были поспроены гораздо прежде царствованія Мулея.

« Благодарю, Абенгамаръ
 » За пивой ко мнѣ привѣпть.
 « Какія зданья, вижу я,
 « Тамъ высяшся, блестяпть? » —
 — *Алгамбра* эпо, Государь;
 Другое-же *Мететь*,
 И башни вопть *Алихареса*,
 Созданье хипрыхъ рукъ;
 Топть Мавръ, что зодчимъ былъ его,
 Въ день сто дублоновъ получаль;
 Въ пѣ-жь дни, когда онъ опдыхаль,
 Онъ сто дублоновъ въ день шеряль.
 Тамъ видишь ты *Хенералифѣ* —
 Садъ, коему подобныхъ нѣпть;
 И *Золотыя Башни* здѣсь —
 Имъ въ мірѣ нѣпть цѣны. —
 Тогда сказалъ Король Жуанъ —
 Послушайте, что онъ сказалъ —
 « Когда согласна ты, Гренада,
 Я радъ женипсья на тебѣ;
 На свадебный тебѣ подарокъ
 Севиллу и Кордуу дамъ. » —
 — Я за мужемъ, Король Жуанъ,
 Я за мужемъ, а не вдова,
 И мужъ мой, вѣрный, храбрый Мавръ,
 Желаетъ много мнѣ добра. —

Впрочемъ, если не богатствами, то доблестью обитателей Гренада могла еще въ то время хвалиться. Множество семействъ, самаго знаменншаго происхожденія, составляли честь и славу Гренады. Среди ихъ ошлпчались Абенсерраги, попомки Фецкихъ и Марокскихъ властителей; Зегрисы, попомки Королей Кордуаскихъ; Маликесъ-Алабезы,

попомки Алмогабеза, Короля Кукоскаго; Алмогадасы, попомки Королей Гренадскихъ; Ванегасы, и другіе роды, коихъ имена сдѣлались славны въ произведеніяхъ Поэзіи Мавришанской и Испанской, гдѣ все основаніе событій дѣйствительное, всѣ почти лица историческія, и гдѣ, между шѣмъ, почти нельзя распознать истины, 'ибо поэзія сихъ романсовъ навѣяна крыльями генія Восточной Поэзіи: въ самой очищенной формѣ, она всегда соблюдаетъ что-то фаншасшическое, прикосновеніемъ своимъ обращаетъ въ золото, преображаетъ предметы, и, украшая, лишаетъ ихъ естественности. Такъ поступали съ героями своими поэты Мавришанскіе, и Испанцы, подражавшіе имъ: дѣйствительность, какъ ни поэтическая была она, казалась имъ холодною и сухою, если не было вмѣшано въ нее множества вымысловъ. Недовольно казалось шого, что Муза былъ надежда отчизны, послѣдній ея рыцарь; что Редуанъ Ванегасъ блистала въ первомъ ряду героевъ, и отличался великодушіемъ и рыцарскою вѣжливостію: надобно было, для шого, чтобы сіи герои сдѣлались достойными предметами романсовъ, надобно было неукротимаго Музу, *рыкавшаго, подобно льву раненому, или вогу, коліемъ пораженному*, заставить вздыхать у ногъ Дарахи; надобно, чтобы Дараха презирала его, а Фашима любила страшно, и онъ казался боже занять своею страстію, презрѣніемъ оной, и праздниками, какіе давалъ онъ, нежели жребіемъ своей отчизны. Редуанъ также являлся презрѣннымъ любовникомъ, и вмѣстѣ бѣшеннымъ соперникомъ; только примѣромъ своимъ, Муза доводитъ его до нѣкоторой шерпѣливости. Таковъ

всѣ дѣйствующія лица романсовъ, шаковы и со-
бышія въ нихъ. Занавѣсь игръ, забавъ, велико-
лѣпія не даешь замѣшишь изъ нихъ ни упадка Грена-
ды, ни геройства ея защитниковъ. И самый Лагиръ
не представлялъ Карла VII-го столь весело ше-
ряющимъ свое государство. Читайте особенно
Исторію de los Vandos — это твореніе, которое,
соображая Христіанскій духъ, въ какомъ оно пи-
сано, шрудно почешъ переводомъ съ Арабскаго,
върояшьте, выборъ изъ Арабскихъ матеріаловъ. Не
шолько не найдете вы въ немъ ничего, имѣющаго
Историческую достовѣрность, но не найдете даже
и шой истинны изобрѣтенія, кошора похожа на
существенность. Это не Иродотъ, и не Валшеръ
Скопшъ: это *Принцесса Клевская, Клелія, Великій
Киръ*. Одинъ и тошъ-же вкусъ: употребляшъ
знаменитыя лица, извѣстныя собышія, и при-
соединяшъ къ нимъ совершенно поддѣльные нравы,
ни сколько не похожіе на нравы ни настоящаго,
ни прошедшаго времени. Когда Расинъ, для
изображенія въ трагедіяхъ своихъ обычаевъ
XVII-го столѣтія, мнѣній своего вѣка и
поняшій Христіанскихъ, забывалъ настоящіе нра-
вы Греціи, и странныя промежутки языческой
нравственности, то онъ съ намѣреніемъ впадалъ
въ сей анахронизмъ, дѣлая его для того, чшобы
представитъ человека и общество, болѣе образо-
ванныя. Ахиллесъ становился выше, переходя
черезъ его руки; Федра не внушала подъ его ки-
стию невольнаго отвращенія: шуть была ошибка—
былъ и успѣхъ ума въ поэшическихъ изображеніяхъ.
Но что за польза представляшъ Кира влюбленнымъ

дуракомъ, Клелію засшавляшь разглагольшвовашъ громкими словами? И — ограничимся только примѣрами Арабовъ — Муза, прошивяційси сдать Гренады, не выше-ли, не шрогательнѣ-ли Музы, изображеннаго въ романсахъ, ссорящагося съ Дарахою, когда она ошдаешъ Абень-Гамешу букешъ, Музою ей подаренный? Редуанъ, защищающій Велезь-Малагу, не болѣе-ли поражаешъ насъ, неже-ли Редуанъ, готовый убить Газуля, своего предпочтеннаго соперника и любимаго героя романсовъ? Право, если-бы дѣла происходили шакъ, какъ предшавляешъ ихъ Хинесь Перезъ, то Фердинанду и Изабеллѣ гораздо легче было-бы присоединить къ своимъ двадцати двумъ Королевскимъ шишуламъ шишуль Королей Гренады. Драшься на дуэляхъ, единоборствовашъ противъ Хрисціанскихъ Рыцарей и волочиться — въ шпомъ шолько, по сказаніямъ романсовъ, проходила жизнь Мавровъ. О спасеніи ошечешва, о всеобщей войнѣ, объ ошцахъ, матеряхъ, женахъ, дѣтяхъ, согражданахъ, которыхъ надобно было спасашъ отъ смерти или рабства — нигдѣ въ романсахъ нѣтъ ни одного слова! Безъ упоминанія о Гренадскихъ мятежахъ, можно позабышь, чѣшая романсы, что былъ народъ въ стѣнахъ эшого города, гдѣ сочинители романсовъ засшавляютъ жишелей шолько пировашъ. А семейственныя ошношенія — что можно сказашъ объ нихъ? Семейная, домашняя жизнь можешъ бышь предметомъ романовъ.

И въ добрый часъ : пишете ихъ ; но не думайте же изобразить въ нихъ истиннаго состоянія страны

и народа, ибо жизнь челоѣка не такъ мѣлка, не такъ сжата, чтобы въ ней доспавало мѣста только для одного чувства, для одной страсти. Какъ часто, если мы раскрываемъ Исторію того времени, которое думали изобразить намъ многіе исторіки и романисты, и, вникнувъ въ нее, обращаемъ потомъ взоры на эти фаншастическія изображенія, намъ кажется, что мы видимъ два, совершенно различные міра, двѣ эпохи, отдѣленныя вѣками. И въ самомъ дѣлѣ, шуть величайшее пространство отдѣляетъ одно отъ другаго, то именно, которое отдѣляетъ заблужденіе отъ истины.

Только въ мирное время, государство можешь находиться въ положеніи, подобномъ тому, какое мы изобразили выше сего, описывая царствованіе Мулея. Гренада наслаждалась тогда съ давняго времени мирнымъ спокойствіемъ. Ничто не возмущало ея, кромѣ внутреннихъ волненій, возженныхъ соперничествомъ двухъ женъ Мулея. Одна изъ нихъ, *Аиха*, родила ему нѣсколько сыновей, и въ числѣ ихъ Мугаммеда-Абу-Абдаллу, обыкновенно называемаго *Боабдилемъ*, и прозваннаго: *el Chico*, малый, и *el Zogoubi*, несчастливый (*). Другая, также мать многихъ дѣтей, преслѣдовала

(*) Конде называетъ его: *Мугаммедъ-Абу-Абдалла-эль-Закиръ*, и пропускаетъ замѣчательное обстоятельство, упоминаемое Ирв. Вашингтономъ, что при рожденіи Боабдила предсказано было паденіе Гренады въ его царствованіе.

сыновой Анхи. Боабдиль, при помощи неустрашмой своей матери, избѣжалъ опасностей, ему угрожавшихъ, и Гренада раздѣлилась между отцомъ и сыномъ. Кажется, что Абенсерраги стояли за Мулея, а Зегрисы за Боабдила. Сему-то возстанію Абенсерраговъ прошивъ Боабдила надобно приписать сказку, будшо Абенсерраги были перерѣзаны на Львиномъ дворѣ. Повѣствованіе объ этомъ заняло много мѣста въ *Historiā de los Vāndos*, и сдѣлалось знаменимо множествомъ романовъ и романсовъ, въ коихъ оно описано; но дальнѣе Ишоружки, Испанскіе и Арабскіе, не говорятъ объ немъ ни слова; Конде шакже.

Если Гренада и была безпокойма сими внутренними раздорами, то она оставалась въ мирѣ съ опаснѣйшими своими непріятелями. Христіане заключили съ нею мирные трактаты. Правда, миръ не прерывался непрерывнымъ, небольшимъ сшибкамъ и частнымъ наѣздамъ, но это были дѣла Рыцарей, а не борьба народовъ. Мы говоримъ: *Рыцарей*, и говоримъ съ намѣреніемъ, ибо хотя враги одни другимъ, по народности, вѣрѣ, завоеваніямъ, Мавры и Испанцы взаимно величали другъ друга *Рыцарями* и *Дворянами*. Одинъ романсъ, «хорошій, хотя и старинный,» какъ говоритъ Хинсзъ Перезъ, начинается шакъ: «*Рыцари* Гренадскіе, хотя и Мавры, Дворяне (*fidalgos*),» и ш. д. — Гошове сражашься, благородные противники, съ обѣихъ сторонъ, сперва сажались вмѣстѣ и дружески бесѣдовали. Взаимная довѣренность была шаква, что когда Донъ

Діего-де-Кордау и Донъ Алонзо д'Агвиларъ поссорились другъ съ другомъ , и Король Кастильскій , Генрихъ IV , не далъ имъ поля для битвы , то они просили его у Мулея , и получили на Гренадской вѣгѣ . Въ назначенный день , Донъ Алонзо , будучи невольнo задержанъ Генрихомъ , не явился на битву , и Мулей объявилъ его побѣжденнымъ . Мавританскій рыцарь , родшвенникъ самого Мулея и другъ Агвилара , немедленно вызвался доказать оружіемъ прошивное , ибо , говорилъ онъ , Агвиларъ нарушаешь слово , конечно , по неволѣ . Мулей отвергъ предложеніе , говоря , что онъ обѣщаль безопасность Донъ Діегу . Мавританскій рыцарь настоялъ въ своемъ требованіи ; велѣно было взять у него оружіе , и когда онъ хотѣлъ противиться , Мулей изрекъ ему смерть за оказанное имъ непочтеніе . Тогда вступился Донъ Діего , и Мулей , *глубоко его уважавшій* , простилъ своего родшвенника , единшвенно за ходашайство Испанскаго рыцаря .

Такіе примѣры дружбы между Испанцами и Маврами были не рѣдки . Славный Редуанъ Ванегасъ былъ особенно друженъ съ Графомъ Сифуэншесомъ , бывшимъ у него въ плѣну , и въ семь качествъ производившимъ переговоры о сдачѣ Велезъ — Малаги . Но и не шакія близкія отношенія достаточны были , чтобы Христіанинъ оказалъ Мавру все почтеніе и вѣжливосшь .

Когда Антеквера была уже занята Христіанами , алкадь Нарваезъ начальшвовалъ въ ней , и часто

посылалъ своихъ воиновъ въ набѣги на Гренадскую землю. Въ одну ночь, воины его захватили въ плѣнъ и привели къ нему Мавра, молодаго человека, 22-хъ, или 23-хъ лѣтъ, *Рыцаря и знатнаго Дворянина*. Онъ былъ на дорогомъ конѣ, и щегольски одѣтъ. Нарваезъ узналъ, что это сынъ алкада Рондаскаго, извѣстнаго между Христіанами отличною храбростію. Но когда Нарваезъ хотѣлъ знать отъ плѣнника, куда онъ ѣхалъ, Мавръ плакалъ и молчалъ. « Дивлюсь, » сказалъ ему Нарваезъ, « что будучи Рыцарь, сынъ отца, столь мужественнаго, и зная всѣ случайности войны, ты унываешь до такой степени, и плачешь, какъ женщина, а между тѣмъ кажешься добрымъ воиномъ и добрымъ Рыцаремъ.» Мавръ отвѣчалъ, что онъ плачетъ о потерѣ, не свободы, но гораздо болѣе драгоценнаго сокровища. Упрощенный Нарваезомъ, онъ разсказалъ, что издавна любилъ дочь одного сосѣдняго алкада; что во имя ея бился онъ храбро съ Христіанами, и что видя любовь и услуги его, красавица соглашалась за него выйти, и велѣла пріѣхать за нею, готовая сопровождать его и оставить родительскій домъ. « Когда я, » прибавилъ Мавръ, « получивъ это согласіе, ѣхалъ въ радостной надеждѣ, несчастный жребій хотѣлъ, чтобы воины твои схватили меня, и я потерялъ свободу, и счастье, которыми думалъ обладать. Если ты думаешь, что это не стоитъ слезъ, скажи: какъ иначе выразить мнѣ все бѣдствіе моего состоянія? » — Тронутый симъ разсказомъ, Нарваезъ отвѣчалъ: « Ты Рыцарь, и если, какъ Рыцарь, дашь мнѣ слово возвратиться въ плѣнъ,

я опущу тебя на твое рыцарское слово.» — Мавръ обѣщаль, и въ ту-же ночь прибыль въ замокъ своей красавицы. Но когда онъ предсхаль предъ нее, шо горько заплакаль. Красавица изумилась, спрашивала о причинѣ горести, въ такое время, когда онъ достигалъ счастья, столь давно имъ желаннаго. Туть любовникъ опирьль ей свое бѣдствіе, и клялся, что не хочеть увезти ея, ибо долженъ возвратиться въ плѣнь; но что онъ посѣвшишь выкупишь себя, и тогда явится къ ней вновь. Красавица хвалила своего рыцаря. «Но если ты такой добрый рыцарь,» сказала она, «что не хочешь измѣнишь ни мнѣ, ни швоему слову — избави меня Богъ оставаться съ кѣмъ либо другимъ, кромѣ тебя: если ты рабъ, и я хочу бышь рабою; Богъ дастъ тебѣ волю, и я буду свободна. Въ эшомъ ящичкѣ я храню драгоценнѣйшія мои убранныа — отдамъ ихъ за твою свободу; возьми меня на своего коня, и я буду счастлива, раздѣляя швое несчастіе.» Любовники обнялись, сѣли на одного коня, и — явились къ Нарвасу. Вошь какъ описанъ пріемъ ихъ въ романсъ, сочиненномъ по сему случаю (Romanceo, стр. 355):

Ихъ привѣпливо приняль алкадь,
 И безъ выкупа ихъ оппустиль;
 Рыцарь добрый онъ, вѣжливый былъ,
 Добродѣтель чпилъ выше награды:
 Наградилъ онъ достойной цѣной,
 Когда Мавръ ему слово сдержаль,
 Когда плѣнникомъ снова предсхаль,
 Съ молодой и прекрасной женой.

Недолго оставалась однакожь Гренада въ состояніи, походившемъ на благоденственное спокойствіе, по крайней мѣрѣ, въ сравненіи съ тѣмъ, что было прежде, и что сдѣлалось потомъ. Въ 1478 году, два года спустя послѣ востесствія Изабеллы на шронъ Кастильскій, Мулей, возобновляя шракшашы, отказался платишь условленную дань, и отвѣчалъ Испанскимъ посламъ, явившимся шребовашъ оной: «Скажише своимъ государямъ, что Короли Гренадскіе, владившіе дань Христіанамъ, умерли, и въ Гренадѣ умѣюшъ шеперь дѣлать для нашихъ враговъ шолько мечи и копьа.» — Испанцы замолчали; миръ не возобновился и войны не было. Но въ 1481 году, пользуясь промежушкомъ шракшашовъ, приходившихъ въ забвеніе, и думая, что не лзя будетъ, въ случаѣ даже возмездія, почестъ нарушеніемъ мира небольшой набѣгъ, Мулей послалъ войско; въ шри дня, не выпуская знаменъ, безъ звука шрубъ, не разбивая лагерей, оно овладѣло крѣпостью Загарою, оплошно охраняемою Испанцами, обезпеченнымъ продолжшедьнымъ миромъ.

Горешный воцль раздался въ стѣнахъ Гренады, когда тамъ услышали о сей побѣдѣ, предвѣщавшей шолько одни бѣдствія. «Развалины Загары падушъ на наши головы!» всенародно кричалъ одинъ шарый *алфакки* (духовный). «Дай Богъ, чтобы я обманывался, но духъ мой говоритъ мнѣ: »Насмалъ конецъ владычества нашего въ Испаніи!» — Въ самомъ дѣлѣ, не прошло двухъ мѣсяцовъ, какъ въ Гренадѣ узнали о взятіи Алгамы, заняшой Понсомъ

Леонскимъ, Маркизомъ Кадикскимъ. Горестъ, причиненная обитателямъ Гренады пошерею сего важнаго мѣста, выражена была въ романсѣ, печальный припѣвъ коего приводилъ слышавшихъ оный въ такое опчаяніе, что принуждены были строго запрешить пѣніе сего романа (*).

Такимъ образомъ, война, со всѣми ея бѣдствіями, разразилась надъ государствомъ Гренадскимъ. И какъ будто сего несчастія было еще недостащючно для Гренады — къ этому присоединились ужасы внутреннихъ раздоровъ! Безразсудство Мулея, навлекшее бѣдствіе войны на его подданныхъ, ошврашило отъ него всѣ сердца. Вскорѣ послѣ потери Алгамы, возвращаясь однажды изъ загороднаго своего дворца, Мулей нашелъ ворота Гренадскія запертыми, и сына своего, Боабдила, Королемъ Гренады. Выступивъ однакожь изъ Гренады прошивъ Испанцевъ, Боабдилъ былъ захваченъ въ плѣнъ Маркизомъ Кабраскимъ. Мулей вступилъ въ Гренаду. Аиха, мать Боабдила, оставленная Мудеемъ, не хотѣла уступитъ ему, заняла Албайсья, одну изъ обширныхъ частей города, населенную большею частію бѣдными людьми, и, именемъ Боабдила, пропивилась Мулею. Боабдила выпустили между шѣмъ изъ плѣна; но за свое освобожденіе, онъ долженъ былъ признашь себя покорнымъ Испаніи, объявивъ Гренаду вассальствомъ

(*) Французскій переводъ его напечатанъ въ le Globe, 6-го Января 1830 года.

Христіанъ , и самъ будучи объявленъ находящимся подъ покровишельствомъ Испанцевъ .

Сей поступокъ заславилъ жителей Гренады презирать Боабдиля ; его считали злодѣемъ и ошступникомъ . Послѣ упорной драки прошивъ приверженцевъ отца своего , въ самыхъ улицахъ Гренады , Боабдиль удалился въ Алмерию . Но какъ ни упалъ онъ въ мнѣніи народномъ , воспоминаніе о немъ заславляло однакожь не повиновашься Мулею . При каждомъ неудовольствіи на Мулея , при каждой неудачѣ его прошивъ Испанцевъ , слышно было въ народѣ имя Боабдиля . Между тѣмъ , пока въ Гренадѣ шайлись защитники Боабдиля , дядя его , Мулей — Абдалла-эл-Загаль , полководецъ Мулея , выгналъ жалкаго Князя изъ Алмеріи , и Боабдиль бѣжалъ въ Кордую , снова отдавшись Христіанамъ . Раздраженный поступкомъ Боабдиля , и не любившій въ то же время старика Мулея , за его безпрерывныя несчастія , народъ провозгласилъ въ Гренадѣ повелителемъ своимъ Абдаллу-эл-Загала , надѣясь спасенія , въ предстоявшихъ опасностяхъ , отъ его дикой храбрости и воинскихъ успѣховъ . Эл-Загаль согласился на желаніе народа , и послѣ его прибытія , Мулей удалился въ Алмунезаръ , опказавшись отъ прона — *охотно* , какъ говорятъ нѣкопорые . Но такая охопа сомнительна , и вскорѣ пошомъ послѣдовавшая смерть Мулея , заславляла многихъ сомнѣвашься : не былъ-ли и самой смерти старика виновникомъ новый повелитель Гренады . Романсъ , довольно вѣрно изображающій состояніе Гренады , раздираемой междуособіями ,

доказываетъ, что многіе не вѣривъ въ то время добровольному отреченію Мулея. Излагая рѣчи со-общниковъ Боабдила, эл-Загала и Мулея, сочи-нись романа заставляешь говорить привержен-цевъ сего послѣдняго :

Не смѣешь царствовать никто,
Пока останется въ живыхъ
Нашъ старый Князь Мулей-Гасемъ;
Онъ живъ еще, и проишь его!

Успѣхъ Христіанскаго оружія и сомнительная смерть Мулея такъ много повредили эл-Загалу въ мнѣніи народномъ, что Боабдилъ оставилъ Кор-дую, и вступилъ въ прежнее свое Королевство. Упоменные раздорами, благоразумные посредни-ки старались примирить дядю съ племянникомъ, предложивъ имъ раздѣлить осташокъ государства, прежде сшоль сильнаго. Эл-Загалъ остался въ Гре-надѣ; Боабдилъ учредилъ свое мѣстопробываніе въ Алмерин, безпрестанно споря однакожь о пра-вахъ своихъ на все государство, и для завладѣнія имъ испрашивая пособія отъ Испанцовъ. Съ ихъ помощью напалъ онъ наконецъ на Гренаду, и за-владѣлъ Албайсиномъ.

Въ это время, Фердинандъ, уже властвовавшій Конномъ, Рондою, Лорою, Иллорою, копорую называли *правымъ глазомъ Гренады*, Моклиномъ, копорый прозвали *щитомъ Гренады*, осадилъ бога-тый городъ Велезь-Малагу. При извѣстіи о семъ, *алфакки* бросились на площади, и взволновали на-родъ; эл-Загалъ принужденъ былъ идти ошибивашъ Испанцевъ, по неволѣ оставя Гренаду въ рукахъ

своего соперника. Сообщники Боабдила не упустили сего случая, и эл-Загаль, возвращаясь без успѣха, нашель вороша Гренадскія запершыми. Велезь-Малага сдалась; немедленно послѣ сего, Беншомизь, Комаресь, всѣ города и крѣпости Ахарквіаскіе, и жишели почти сорока городовъ въ горахъ Алпухараскихъ покорились Испанцамъ. Таковъ былъ ходъ сей войны; несчастной для Мавровъ: ихъ успѣхъ просто оставался успѣхомъ, и шо не на долго; Загара, первая причина войны, давно уже вновь досталась Христіанамъ; но малѣйшій успѣхъ Испанцевъ влекъ за собою сошню другихъ удачъ и выигрышей. На сторонѣ Испанцевъ было счастье, ибо на ихъ сторонѣ была увѣренность въ успѣхъ. Ничшо сильнѣе безнадежности не убиваешь духъ народа: герой шогда шолько бываешь всего страшнѣе, когда нѣтъ ему никакой надежды на удачу; но толпа упадаешь въ сямъ случаѣ духомъ, дѣлается неспособна ни умереть, ни спастись. И всегда, при гробѣ народа являешь бессильный, безпомощный герой, какъ будшо для шого, чшобы заключишь собою прешедшую честь народа! Такъ на стѣнахъ Царяграда погибъ храбрый Палеологъ; шакъ въ Гренадѣ, Муза, Редуанъ, эл-Загаль шѣмъ неукротимѣе были, чѣмъ болѣе грозила имъ опасность. Но въ шо время, какъ ежедневно подвергались они штысячъ смершей, за ними слѣдовала робкая толпа, прося мира, пощады, и ошдаваясь въ волю побѣдителей!

Послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, превративъ оборонительную войну въ наступательную, шарый,

неукротимый эл-Загалъ утвердился въ Гвадикѣ, занявшись надзоромъ за дѣйствіями прошивъ Боабдилья. Тутъ узналъ онъ, что Фердинандъ идепъ осадить Базу. Опышомъ извѣдавъ искусство, съ какимъ Боабдиль умѣеть обращать въ пользу его ошсущствіе , эл-Загалъ не смѣлъ самъ оставить мѣста своего пребыванія , и поручилъ защиту Базы своему родшвеннику , Сиди-Яги-Алнаиру-Абен-Зелиму. Сиди шакъ мужешвенно исполнилъ сіе препорученіе , и Испанцы шолько встрѣшили шрудностей , что Фердинандъ хотѣлъ уже ошступашъ ; но войны отказалсь исполнить его желаніе , и нешумимая Изабелла спѣшила послашъ къ нимъ припасы и новое войско. Слыша о мужешствѣ войскъ эл-Загала , видя позоръ Боабдилья , Короля-вассала , спокойно внимавшаго въ Алгамбрѣ шуму паденія ошечества , подвлаштные ему составили заговоръ , хотѣли убить его и присоединишьсѣ къ эл-Загалу. Боабдиль ошкрылъ сей заговоръ , и головы заговорщиковъ выставлены были на стѣнахъ Алгамбры.

Осада Базы все еще шянулася ; приближеніе зимы давало надежду осажденнымъ , что Испанцы , ушрашась неудобствъ зимы , оставяшь осаду. Но когда они разшуждали въ совѣшѣ о сей послѣдней надеждѣ спасенія , клики радости раздались въ станѣ Испанцевъ ; бросились узнавашъ причину : Изабелла , съ дочерью , Донною Изабеллою , и съ Дворомъ своимъ , пріѣхала въ станъ Испанскій — *зимовать*. « Рыцари ! » воскликнулъ шогда Мугаммедъ-Бенъ-Гасень , прозванный *заслуженнымъ* — « жребій Базы рѣшенъ ! » — Стали думашъ шолько о переговорахъ.

Сиди послалъ просить у эл-Загала позволенія сдать городъ ; эл-Загаль немедленно согласился ; заключили договоръ , и Сиди столь хорошо принявъ былъ *Королями* Испанскими , что поклялся никогда не обнажать меча противъ Испанцевъ. « И шакъ война кончена ! » сказала Изабелла , услышавъ объ его обѣщаніи. Обольщенный ласками и обѣщаніями , Сиди обязался употреблять всѣ старанія , чтобы уговорить эл-Загала на уступку его части Христіанамъ. Онъ шайно окрестился , даже сражался противъ своихъ впоследствии , былъ при осадѣ Гренады , и пользуясь прежнею довѣренностію къ нему союзничей , входилъ въ ихъ крѣпости , замки , и передавалъ ихъ Фердинанду.

Впрочемъ , Сиди тогда только измѣнилъ опечесству , когда власть Мавровъ въ Испаніи ограничилась уже однимъ владѣніемъ Боабдила , котораго привыкъ онъ презирать и почитать прагомъ своимъ. Сдача Базы была окончаніемъ царствованія эл-Загала. Когда Сиди явился къ нему послѣ сего несчастія — « Да будетъ воля Божія ! » воскликнулъ эл-Загаль. « Вижу , другъ и брать , что шакъ угодно Богу , а что угодно Ему , шо всегда будетъ. Еслибы онъ не предопредѣлилъ паденія Гренады , эшотъ мечъ , и эта рука спасли-бы опечесство ! » Эл-Загаль немедленно согласился уступить принадлежавшую ему часть земель Гренадскихъ , за маленькое помѣстье , съ шишудомъ Короля , и полосиною дохода съ Малгаскихъ содекопень. — « Бѣдная , постыдная цѣна Королевства , имъ проданнаго » — говоришь Конде.

И сямъ бѣднымъ убѣжищемъ эл-Загалъ наслаждался недолго. Поссорясь съ своими подвластными, продалъ онъ Фердинарду свое новое Королевство, и переехалъ въ Африку, гдѣ, какъ говорятъ, по приказанію Фецакаго владѣтеля, былъ ослѣвленъ. Ирвингъ Вашингтонъ пишетъ, что принятой въ одномъ изъ городовъ Тингисаніи, эл-Загалъ влечиль шамъ бѣдную жизнь, прося милосыни, и нося на груди доску пергаменна, на которомъ было написано: «Я несчастный владыка Андалузіи.»

При слухѣ о сшолъ грозномъ, и сшолъ неожиданномъ событіи, Гренада заволновалась негодованіемъ противъ Боабдила, называя его виновникомъ всѣхъ золъ. Напрасно алфакіи уговаривали народъ къ миру и союзу — единственнѣмъ средствомъ избѣгнуть приближавшагося паденія: имъ уже не вѣрили. Но вскорѣ, гнѣшущая опасность заставила умолкнуть всѣ паршіи.

Однимъ изъ шѣхъ договоровъ, кончи Боабдиль покупалъ покровительство Фердинанда, было положено, что когда Король Испанскій будетъ обладать удѣломъ эл-Загала, и именно: Америкю и Гадихомъ, Боабдиль долженъ получить отъ него нѣсколько городовъ во владѣніе, и уступитъ ему Гренаду. Фердинандъ потребовалъ исполненія договора. Боабдиль, еслибы и хотѣлъ, то не могъ исполнить шребованія: онъ не обладалъ самовласно Гренадою, и, въ оправданіе свое, извѣстилъ объ эшомъ Фердинанда. Испанскій Король не хотѣлъ ничего знать; въ два набѣга опустошивъ вегу Гренадскую, вступилъ онъ въ нее съ войскомъ, и

расположилъ на ней шаторъ свой , 23 Апрѣля 1491 года.

Сей шаторъ , великолѣпіе коего мы описали въ началѣ спашья, сгорѣлъ неожиданно, въ концѣ Іюля. Пожаръ произведенъ былъ факеломъ, который обыкновенно зажигала Изабелла , занятая чтеніемъ , прежде нежели заснетъ. Она забыла потушить факель. Ночью ужаснулъ всѣхъ страшный пожаръ. Мавры думали воспользоваться смятеніемъ , и на разсвѣтъ напали на Испанцевъ , полагая, что найдуть ихъ въ уныніи и безпорядкѣ. Но, не сморя на усилія Музы, и его храбраго полка рыцарей , воины Фердинанда встрѣтили непріятеля мужественно, смяли, и , въ свою очередь , принявъ наступательное положеніе , вскакали въ самые сады Гренадскіе , находившіеся подъ стѣнами города. Лагерь Испанскій уничтожился. Это не устрашило *Королей*. На мѣстѣ лагеря , велѣно было строить *городъ*. Девять главнѣйшихъ городовъ Испаніи были назначены къ совершенію сего дѣла , и исполнили его съ непонятною скоростію — въ двадцать одинъ день , какъ сказываютъ. Сей городъ , донинѣ существующій , былъ названъ *Санта-Фе*. Множество торговцевъ съѣхалось въ него ; полное изобиліе всего было въ семъ новомъ городѣ , когда въ шожее время Гренада являлась мѣстомъ голода и лишеній всякаго рода , а воспоминаніе о плачевныхъ предвѣщаніяхъ заславляло сердца всѣхъ жишелей шрепашь ошъ ужаса.

При наступленіи зимы , Боабдиль созвалъ совѣтъ свой въ Алказаръ. Абуль-Казимъ , вазиръ , или

Губернаторъ Гренады, представилъ донесеніе о запасахъ, и счетъ людей, способныхъ носить оружіе. «Ихъ много» — говорилъ онъ — «Но это явнѣе всего людей, чѣмъ можешь доставить намъ; кромѣ забывая! Они храбрѣе и грозятъ въ мирѣ, прячутся и шепчутъ во время войны.» Тушъ началъ говорить Муза. «Еще не должно терять надежды;» сказалъ онъ. «У насъ есть 20,000 молодыхъ людей; готовыхъ сражаться за отечество; кромѣ войска; коннаго и пѣшаго.» — Вудыше — же защитною отечества! говорилъ Боядиль своимъ полководцамъ. — Устройте все, какъ надобно. Общее спасеніе; безопасность отечества, свобода всѣхъ — въ вашихъ рукахъ!» Раздѣлили обязанности; Муза взялъ на себя предводительствовать конницею на вылазкахъ. Удачныя дѣйствія внушили ему смѣлости бѣжавшихъ на подобное дѣло съ пѣхотою. Онъ направилъ на самый городъ Испанцевъ. Началась жестокая битва. Но между тѣмъ, какъ Муза и его конница; составленная изъ благородныхъ Гренадцевъ; оказывали чудеса храбрости, пѣхота оробѣла, побѣжала въ безпорядкѣ, и оставила Христіанамъ всю артиллерію. Храбрый полководецъ Муза; въ отчаяніи; въ бѣшенствѣ; прибѣжалъ въ Гренаду; испуская вопли ярости; какъ волъ; пораженный копьемъ, или раненный левъ; и поклонялся никогда не предводительствовать пѣхотою.

Дѣйствія Гренады умножались ежедневно; а обитатели ея не были приучены переносить ихъ. Собрали новый советъ, и; вопреки Музы; положили: вступить въ переговоры съ Испанцами. Вазиръ

Ноябрь 1492.

46

Абуль-Казимъ былъ къ нимъ посланъ, и принесть ошь нихъ слѣдующія условія: «Если въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, Гренада не получитъ помощи, то она должна едаться. Боабдиль и Мавры его поклянутся въ вѣрности Королямъ Касшиліи, кошорые послѣ того будутъ ихъ Королями. Боабдиль получитъ небольшой участокъ земли за свои владѣнія. Музульмане сохраняють свои законы, обычаи, обряды, менеша, свободное ошправление обрядовъ своей вѣры, и имъ дадутъ шрехъ-лѣтнюю льготу въ плашежѣ податей. Пять сотъ благородныхъ, юныхъ Мавровъ будеть ошь нихъ взято въ аманаша.» Слыша о такихъ условіяхъ, всь горько заплакали. Муза не плакаль. Онъ всталъ, и говориль слѣдующее.

«Оставьте, Господа, оставьте сіи бесполезныя слезы дѣтямъ и слабымъ женщинамъ; мы мужи, и у насъ есть сердца, проливать не слезы, но кровь, до послѣдней капли! Сдѣлаемъ ошчаянное усиліе, и нападѣмъ на враговъ нашихъ, пославимъ противъ копей ихъ наши груди! Готовъ вами начальствовашь, если вы хотите смерти, хотите ее храбро, великодушно, смерти честной на полѣ битвы! Пусть лучше причислишь насъ помощствѣ къ знаменишому сонму падшихъ за его защиту, нежели шѣхъ, которые предали его врагамъ. Если-же у насъ нѣтъ столько храбрости, если вы умереть не смѣете, то терпѣливо и весело надобно слушашь печальныя условія, и преклоняшь главу подѣ шяжелымъ и вѣчнымъ игомъ постыднаго рабства. Вижу, что духъ народа упаль, упаль низко — погибели государ-

ства избѣжать невозможно ; сердцамъ благороднымъ ,
 остаётся одно — смерть , и я предпочитаю свобод-
 ную смерть тѣмъ бѣдствіямъ , которыя ожидаютъ
 пережившихъ свое опечесство ! — Если вы думаете ,
 что побѣдители будутъ вѣрны своимъ обѣщаніямъ ,
 и что послѣ покоренія , Король Испанскій будетъ
 столь-же великодушнымъ въ побѣдѣ , сколько былъ
 онъ счастливъ въ войнѣ — вы обманываетесь . Ис-
 панцы жаждутъ крови нашей , и упыюцца ею .
 Смерть есть еще самое меньшее , изъ золъ , намъ
 угрожающихъ ; бѣдственная судьба наша готовитъ
 намъ мученія злѣе , позоръ тяжеле : грабежъ на-
 шихъ домовъ , оскверненіе нашихъ мечетей , наси-
 ліе и поруганіе нашихъ женъ и дочерей , угнѣшенія ,
 несправедливыя повелѣнія , тяжкія преслѣдованія ,
 пылающіе костры , гдѣ мы увидимъ тѣла наши за-
 живо горящія ! Мы увидимъ все это собственны-
 ми своими глазами — увидать , по крайней мѣрѣ ,
 тѣ несчастные , которые боялся шеперь честной
 смерти : я , клянусь именемъ Алла ! не узрю этого !
 Смерть всегда вѣрна человѣку , всегда близко
 подлѣ каждаго изъ насъ . . . Для чего не употребишь
 малаго , остающагося намъ времени , на то , чтобы
 умереть не безъ опщженія ? Пойдемъ умирать за-
 щипая нашу свободу ! Еще свободная земля при-
 метъ тѣла наши ; кому не будетъ мѣста въ землѣ ,
 шого покроешь родное небо опщизны ! Сохрани
 Богъ , если пошомъ скажутъ , что благородные Гре-
 надцы не смѣли умереть за свою опщизну ! »

Никшо не опшвчалъ ; всѣ были погружены въ уни-
 лое , безмолвное опщжаніе . Въ ярости бросился

тогда Муза изъ собранія , одѣлся въ броню , взялъ своё оружіе , сѣлъ на свою лошадь , выѣхалъ изъ Гренады Эльвирскими ворошамъ , и — съ тѣхъ поръ ничего не было о немъ слышно. Въ тошъ-же день , неизвѣстный Мавританскій рыцарь неистово напалъ на десять всадниковъ Андалузскихъ , перебилъ многихъ , и упорно искалъ смерти ; хотѣ и сѣнаралпсь пощадить его. Когда онъ не могъ уже болѣе защищаться , шо бросился въ рѣку Хениль ; тяжелая броня увлекла его ко дву рѣки ; лошадь его была убиша копьемъ , и осмалась на мѣсшъ битвы. Нѣкоторые изъ передавшихся Мавровъ осмашгривали ее , и сказали , что это была лошадь Музы-бенъ-Абель Газана. Впрочемъ , извѣстіе не подивердилось достоверно.

Договоръ о сдачѣ Гренады былъ подписанъ 25 Ноября 1491 года. Декабря 30-го , не дожидаясь конца опредѣленнаго срока , не видя никакой помощи , Боабдиль послалъ къ *Королямъ* своего визиря , Абенъ-Кохика , съ подарками , и предложеніемъ — сдать Гренаду немедленно. Предложеніе было принято , и 2-го Января , онъ успивъ въ назначенное мѣсто свое семейство , съ сокровищами , поручивъ сдачу города своему визирю , Боабдиль поѣхалъ на встрѣчу побѣдителей. *Короли* находились въ полу-миль ошъ Гренады , и ждали , чтобы хоругви ихъ , водруженныя на стѣнахъ Гренадскихъ , возвѣстили имъ покореніе Гренады. Долго не видя сихъ знаковъ , начали уже беспокоиться , какъ вдругъ , на Велаской башнѣ , заблесталъ огромный серебряный крестъ , водружаемый шамъ Фердинандомъ де-Талавера , Еписко-

дочь Авиласкимъ ; котораго *Короли* наименовали уже Гренадскимъ Архіепископомъ. Помошь возыялась хоругвь св. Іакова , при плескахъ всего воинства , и наконецъ , Королевскій знаменосецъ выставлялъ Королевское знамя. Кланки ; *Кастилія , Кастилія !* загремѣли всюду ; *Короли* паали на колѣна : свивша ихъ слѣдовала сему примѣру ; ударяя себя въ грудь , побѣдители восклицали : Non nobis , Domine , non nobis , sed nomini tuo sit gloria (*не намъ , Господи , не намъ , но Имени твоему да будетъ слава*) ! Громкое : *Тебѣ , Бога , хвалимъ !* загремѣло въ поже мгновение.

Торжественно двинулся къ Гренадѣ , и на пути встрѣтили Боабдила , справедливо названнаго *El Zogouby* (*несчастливый*). Онъ хотѣлъ сойти съ лошади ; Фердинандъ воспрепятствовалъ. Боабдиль поцѣловалъ правую руку Испанскаго Короля , говоря : « Мы въ твоей власти , могущій , знаменитый Государь ! Мы вручаемъ тебѣ сей градъ и царство наше , ибо Аллѣ такъ угодно — и мы надѣемся , что торжество твое будетъ сопровождено кротостью и великодушіемъ . » — Визирь поднесъ ключи Гренады. *Короли* послали занять городъ , и до 6-го Января опложили торжественный вѣздъ свой въ Гренаду.

Боабдиль не хотѣлъ быть свидѣтелемъ сего унижительнаго для него позорища. Когда , съ вершинъ одной изъ горъ Алцухараскихъ , онъ увидѣлъ свою бывшую столицу , и услышалъ торжественный громъ артиллеріи христіанъ — « Allah achbar (*великъ Богъ*) ! воскликнулъ онъ ; но слезы помѣщали ему говорить далѣе.

«Ты долженъ оплакивать, какъ женщина, то, чего не умѣлъ ты защитить, какъ мужчина!» сказала ему Аixa, мать его. Гора, гдѣ это было сказано, донинѣ называется *Fez Allah Achbar*, а мѣсто на ней, съ котораго видна Гренада, извѣстно между Испанцами подъ именемъ *последняго вздоха Мавра* (*el último suspiro del Moro*). Дверь, въ которую вышелъ изъ Алгамы несчастный Боабдиль, была, по его желанію, проклята и закладена. Она оставалась закладенною до самаго вступленія Французовъ въ Гренаду, при Наполеонѣ; тогда снова раскрыли сію дверь.

Не умѣвъ защитить своего царства, Боабдиль вскорѣ оставилъ и маленькую землицу, данную ему въ обмѣнъ за Гренаду. Онъ уступилъ ее Фердинанду за золото, переправился въ Африку, и тамъ погибъ, сражаясь за чужое дѣло, защищая родственника своего, Короля Фецкаго, противъ возмущившихся его братьевъ.

Января 6-го, 1492 года, въ пятницу, въ день Крещенія, Короли торжественно вступили въ Гренаду. Пусты были улицы Гренадскія; жители заперлись въ своихъ домахъ, чтобы не видѣть несчастнаго дня, котораго не умѣли они отворотить. Кромѣ своего Двора, Короли были сопровождаемы Мавришанскимъ Княземъ Сиди-Яги, названнымъ уже въ то время Дономъ Педро Гренадскимъ. Его опредѣлили правителемъ столицы того царства, которое прославило его мужество во время своей защиты. Воздавъ хвалу Богу, въ мечети, уже обращенной въ Соборную церковь, Короли приняли въ

Алгамбръ поздравленія и присягу новыхъ своихъ подданныхъ. Владычество Музульманъ въ Испаніи кончилось, продолжавшись семь сотъ семьдесятъ восемь лѣтъ. Съ самой Гвадалешской битвы, до взятія Гренады, Испанцы непрерывно старались о разрушеніи власши невѣрныхъ, успѣли въ томъ, и воспоминаніемъ своего подвига гордятся до нынѣ. «Наша ошцы восемь сотъ лѣтъ изгоняли Мавровъ изъ Испаніи», отвѣчаетъ Испанецъ, когда говоришь ему о трудности, или продолжительности какого-либо предпріянія. Дай богъ, чтобы такая настойчивая рѣшительность всегда осталась въ ихъ характеръ! Камарилла, Инквизиція, невѣжество, враги столь-же не легкіе къ побѣдѣ, какъ Мавры, по крайней мѣрѣ, болѣе опасные. Врагъ, съ саблею и копьемъ въ рукахъ, можетъ убишь; но спрашивать его не должно, по слову Священнаго Писанія: «Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души-же не могущихъ убити!»—Враги, убивающіе душу, страшнѣе, и побѣду надъ ними оставили потомкамъ побѣдители Гренады!

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

РУССКАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

— Oryctographie du gouvernement de Moscou, publiée par le Directeur de la Société IMPÉRIALE des Naturalistes de Moscou G. Fischer - de - Waldheim (*Ориктографія Московскій губерніи*, издавая Директоромъ Императорскаго Московскаго Общества Естественныяшателей, Г. Фишеромъ-фонъ-Вальдгеймъ). М. 1830г. въ ш. Августца Семена, in f. IX и 24 стр., съ 66 картами и рисунками.

Огромное предпріятіе видѣлъ въ виду Г. И. Фишеръ—ученый, имя коего съ частію находится въ числѣ именъ просвѣщенныхъ Европейцевъ. Онъ хотѣлъ составить полнѣе — *физическое, историческое, статистическое и живописное* описаніе Москвы и ея губерніи. Участниками въ семъ предпріятіи были Профессоры: П. И. Спиратовъ, И. А. Геймъ, и ученый Гольдбахъ. Каждый изъ нихъ принималъ на себя отдѣльную часть; Г-нь Фишеръ былъ, кромѣ того, производишемъ дѣла; Г-нь Цешеръ, искусный рисовальщикъ, занимался рисунками. Предпріятіе было одобрено вниманіемъ, нынѣ въ Богѣ почивающаго, Императора Александра; болѣе 50 рисунковъ было уже выгравировано.

Но—человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! «Судьба угодно было рѣшить иначе,» гово-

ршилъ Г-нъ Фишеръ. «Пожаръ Москвы, въ 1812 году, истребивъ всѣ мои коллекціи, истребилъ всѣ матеріалы для книги, и самыя рисунки. Съ прискорбіемъ видѣлъ я пошомъ смерть, одного за другимъ, моихъ товарищей работы, и остался одинъ. Напрасно было мнѣ одному льстить себя успѣхомъ въ исполненіи прежняго, обширнаго плана сочиненія. Послѣ потери всѣхъ плодовъ нашей продолжительной работы — потери невозвратной, ибо участники труда уже не существуютъ болѣе, рвеніе мое уступило мѣсто грустному огорченію», . . .

Кто не приметъ участія въ благородныхъ чувствахъ почтеннаго Авшора, и не поскорбитъ, видѣвъ съ нимъ, о невозвратной потерѣ его, и разрушеніи предпріятія, столь прекраснаго!

Г-нъ Фишеръ желалъ однакожь, сколько возможно было ему, вознаграждать прежнее, и по сему рѣшился надать хотя *Ориктографическое* подробное описаніе Московской губерніи. «Являясь болѣе затрудненіе въ томъ (говоришь по сему случаю Г-нъ Фишеръ), что весь интересъ книги сосредоточивался на предметѣ, не могущемъ увлечь вниманія шире людей, которые не занимаются преимущественно сею частію Естественнаго. Но я ободрился, видя великое число Ископаемыхъ на томъ пространствѣ земли, которое, кажется, сначала мало общается добычѣ естествоиспытателю. Каждая поѣздка по Московской губерніи доставляла мнѣ новые выводы, которые, соединяясь съ открытіями, učinенными въ отдаленныхъ отъ насъ земляхъ, часто давали средства дополнить промежутокъ въ

порядкѣ Ископаемыхъ , или поспятишь въ нихъ то , что еще не было совершенно извѣстно.»

Можно прибавить къ словамъ Автора , что важность Ориктографическаго описанія Московской губерніи , сдѣланнаго Г-мъ Фишеромъ , умножается по времени появленія онаго. Нынѣ во всей Европѣ Ориктографія особенно занимаетъ вниманіе ученыхъ людей. Пышливый умъ человѣка , прилагая изслѣдованія свои ко всемъ возможнымъ *Исторіямъ Природы и Человѣка* , съ удивительною смѣлостію допрашивается шайнѣ *до-исторической жизни міра*. Послѣ трудовъ Кювье , Броньяра , и еще нѣкоторыхъ естествоиспытателей , Геологія и Ориктографія заняли важное мѣсто среди другихъ знаній человѣка. Мы увѣрены , что книга Г-на Фишера будетъ достойно оцѣнена въ Европѣ.

«Какъ ни ревностно старался я (продолжаетъ Г-нъ Фишеръ) умножать изысканія мои , но предметъ еще далеко не исощенъ мною. Окрестности Москвы представляютъ мало различій образованія (formation) — это правда ; но еще долго будушь онѣ источникомъ богатыхъ матеріаловъ для изученія Ископаемыхъ шѣлъ , особливо пребующихъ изслѣдованія микроскопическаго , и составляющихъ собою , кажешся , важную часть известняна Московскаго (du calcaire de Moscou). Все это убѣждаетъ меня , что книга , представляющая публикѣ картину остатковъ органическихъ шѣлъ , существовавшихъ въ шѣ вѣка , ошѣ коихъ мы ошдѣлены великими революціями земнаго шара , принесетъ удовольствіе каждому , любящему созерцаніе феноменовъ приро-

ды. Не безъ особеннаго вниманія увидишь въ ней соединенными ошташки исполинскихъ живошныхъ — слоновъ , носороговъ , рядомъ съ морскими раковинами , едва замѣтными по мѣлкости ихъ — зрѣлище, сколько-же говорящее воображенію и уму , сколько любопытное для ищущаго новыхъ матеріаловъ наукъ!»

Изданіе книги Г-на Фишера достойно важнаго ея предмета : оно великолѣпно ; рисунки гравированы и раскрашены превосходно. Въ началѣ приложена Геогностическая карта Московской губерніи. За шѣмъ слѣдуешь шесть частныхъ, Топографическихъ картъ, и Геогностическихъ разрѣзовъ почвы, въ разныхъ мѣстахъ Московской губерніи. Потомъ представляюща 44 Ориктографическіе рисунка , на коихъ видны Ископаемыя, найденныя Г-мъ Фишеромъ въ Московской губерніи. Зрѣлище, возбуждающее вниманіе, даже и простаго читателя : огромные черепа слоновъ и носороговъ , зубы страшныхъ икшіозавровъ и крокодиловъ , разнообразныя раковины, ошпечашки рыбъ, листовъ древесныхъ, окаменѣлыя деревья — слѣды страшныхъ событій въ природѣ , ошташки до-потопныхъ живошныхъ — на шомъ мѣстѣ , гдѣ живемъ мы нынѣ , съ своими шрашьями , своими гробами , своими мѣкими радостями и горестями!

Въ концѣ книги , Г-нъ Фишеръ прибавилъ еще 16 рисунковъ разныхъ зѣрей , пшицъ , насткомыхъ , и произрастѣній Московскихъ. Они важны для знанья , будучи выбраны изъ богатыхъ коллекцій , жонни обладаешь Авшоръ , или кошоры находятся въ его распоряженіи.

Вообще можно сказать, что немного книгъ является у насъ столь замѣчательныхъ, по всѣмъ отношеніямъ, сколь замѣчательно новое сочиненіе Г-на Фишера. Какъ не пожалѣть, что обстоятельствомъ являлись намъ описанія Московской губерніи въ первоначальномъ его объемѣ, какой предполагать прочтенный Авторъ!

— *Записки Ученаго Комитета Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества. Ч. I, II, III, IV, V и VI. СПб. 1828, 1829, 1830 гг., въ Морской типографіи, вѣ-8., 167, 205, 191, 202, 297 и 230 стр., со многими картами, чертежами и картинами.*

Читателямъ Телеграфа извѣсны *Записки Адмиралтейскаго Департамента* (1807, 1827 гг. 12 томовъ), ибо неоднократно отдавали мы отчетъ о сей достойной замѣчанія книгѣ въ Телеграфѣ, по мѣрѣ выхода оной. Съ новымъ образованіемъ управленія по Морской части, въ 1827 году, закрытъ былъ Адмиралтейскій Департаментъ. Въмѣсто того, въ числѣ новыхъ мѣстъ по Морскому вѣдомству, положено быть *Ученому Комитету*. Въ обязанность сего Комитета поставлено: собраніе и разсмотрѣніе иностранныхъ новыхъ книгъ; стараніе о переводѣ признанныхъ за лучшія; разсмотрѣніе прозрковъ и дѣланіе разныхъ опытовъ; составленіе ученыхъ инструкцій; участіе въ надзорѣ за учебною частію; испытаніе учителей, и ученыхъ назначаемыхъ въ путешествія морскія, изданіе ученыхъ записокъ, долженствовавшихъ замѣнить *Записки Адмиралтейскаго Департамента*.

Утвержденный 24 Августа, Комитетъ открытъ 4 Октября 1827 года. Его составляли тогда Председатель; Ген. Лейт. Головищевъ-Кушуровъ, Непременные Члены: Ковшрь-Адмиралъ Крузенштернъ и Биллингсгаузенъ, Ген. Маіоръ Головинъ, и Дѣйств. Сш. Сов. Никольскій; Почетныхъ Членовъ посупило въ началѣ 12.

Немедленно по открытіи, Комитетъ приступилъ къ изданію ученыхъ *Записокъ*, какъ поставлено было ему въ обязанность.

Въ планъ *Записокъ* введены: 1-е, *свѣдѣнія и изобрѣтенія* по строенію, вооруженію и управленію судами, Астрономіи, морскою Метеорологіи, сохраненію здоровья на морѣ, и вообще новости, касательно теоріи мореплаванія; 2-е, *извѣстія* о важнѣйшихъ путешествіяхъ, замѣчательныхъ кораблекрушеніяхъ, морскихъ силахъ разныхъ державъ, лучшихъ иностранныхъ сочиненійхъ. Наконецъ, 3-е, извѣстіе о плаваніяхъ Русскихъ судовъ, подвигахъ Русскихъ мореходцевъ, жизни отличныхъ Русскихъ морскихъ офицеровъ, и объ официальныхъ перемѣнахъ по Русскому флоту.

Такой обширный планъ преобладалъ и большаго размѣра *Записокъ*; положено было издавать ихъ *шесть* книжекъ въ годъ.

Донныя однакожь, въ три года, издано ихъ только *шесть* книжекъ.

Принимая въ соображеніе немалыя занятія Ученаго Комитета по другимъ частямъ, видимъ, что они не могъ обратиться надлежащаго вниманія на

Записки. Это доказываешь прѣмь; а что имѣсто 18-ти, ихъ выдано только 6 книжекъ, то есть, *втрое-мѣне* противъ предположеннаго числа.

Разсмотрѣнїе спашей въ изданныхъ книжкахъ еще болѣе доказываешь наше мнѣнїе. Нѣсколько словъ предварительно:

Мы осмѣливаемся думать, что должна быть большая разница между поврежденными изданїями, особливо издаваемыми отъ частныхъ людей, и между записками или *повременными книжками*, издаваемыми отъ ученыхъ обществъ. Быстроша, разнообразїе могутъ быть принадлежносью первыхъ; важность, основательность, точность вторыхъ. Здѣсь нѣтъ надобности спѣшить въсплн; есть время наблюсти сяшему и поднопу. Журналистъ, готовя на срокъ, удовлетворяя любопытству (не говоримъ о Журналахъ, подобныхъ *Journal des Savans*, Англійскимъ *Reviews*, или Нѣмецкимъ и Французскимъ *Zeitschriften* и *Revue*, въ родѣ ихъ), не имѣетъ для сего возможности и средствъ, долженъ заботиться о другой цѣли, и помнить, что основательно учиться по Журналу его ни кто не будешь, что онъ издаетъ только собранїе матерїаловъ, болѣе или мѣнѣе хорошее.

Иное дѣло Ученыя Записки, въ родѣ Журналовъ или поврежденныхъ изданїй. Въ Запискахъ Адмиралшейскаго Ученаго Комитета, можно было надѣяться систематическаго, обзорнаго ошерышїи и изобрѣшенїи по части кораблестроенїа, кораблевожденїа и теорїи Мореплаванїа, Метеорологїи и Астрономїи.

морской; также технического описанія мадонзвѣстныхъ предметовъ, хотя-бы и не новыхъ, по всѣмъ снмъ наукамъ и званіямъ. Путешествія можно было въ нихъ также излагать вполне, систематически. Библиографія могла составить обширную, полную статью. Жизнеописанія Русскихъ моряковъ могли быть написаны въ наученіе морскимъ офицерамъ.

Ничего этого мы не замѣтили въ 6-ти частяхъ *Записокъ*, до нынѣ изданныхъ. Ихъ составляютъ: статей десять относительно къ строенію и устройству кораблей; статей пять касательно наблюдений надъ земнымъ магнетизмомъ; 5 или 6 статей астрономическихъ. Всѣ сіи статьи заимствованы изъ разныхъ иностранныхъ журналовъ, и — безъ дальняго разбора: наполовину, онѣ старыя, поверхностныя, легонькія — почти ни одной нѣтъ важной! Кто не знаетъ того, что говорится, на примѣръ, въ статьяхъ: о кометахъ (ч. III, 22), о планетахъ (ч. III, 40), о пятнахъ въ солнцѣ (ч. IV), о паровыхъ машинахъ (ч. IV)? Статьи Монжери (давно помѣщенные въ Телеграфъ) суть только занимательныя догадки и мечты, а не положительныя, полезныя для моряковъ свѣдѣнія. — Географическую статью нашли мы только одну (о Сухумъ-Кале). Есть еще двѣ маленькія статейки о новооткрытыхъ островахъ — вѣроятно, наскоро написанныя для какой нибудь Газеты, и теперь уже устарѣлыя. Путешествія морскія — въ наше время безчисленныя — вовсе забыты: Веддель, Парри, Дильонъ, удостоенные чести быть упомянутыми, давно издали книги, а объ нихъ напечатаны извѣ-

снiя изъ газетныхъ статей. Въ Библиографiи ; безъ разбора вѣжности , и безъ всякой системы ; помѣщены корешенькiя извѣстiя о нѣсколькихъ дѣтскихъ книгъ. Неурологiя Русскихъ морскихъ офицеровъ — суть послужные , сухie списки ; таковы-же два , или три извѣстiя о путешественникахъ Русскихъ — простая нумерацiя мѣсь , куда они плавали :

Одно только отдѣленiе Записокъ отдѣлено хорошо: *Историческiя извѣстiя* о прежнихъ и нынѣшнихъ событiяхъ по Русскому флоту (Чесменская и Наваринская битвы , блокада Дарданеллъ , извѣстiя о плаванiи и постройкѣ кораблей , описанiя шедалей , и проч.) : Это богатый матерiаль для Исторiи. Заглавiемъ также нѣсколько краткихъ , любопытныхъ извѣстiй , какъ-шо , о подвигѣ Домашенки , о порывѣ вихря , испытанномъ кораблемъ Елисаветою ; и т. п.

Прибавимъ въ заключенiе нашихъ замѣчанiй , что языкъ въ Запискахъ вообще весьма неправиленъ , переводы вообще невѣрны , и иностранныя имена по большей части писаны ошибочно , какъ-шо , на примѣръ : *Гюiana* (вмѣстѣ : *Гвiana*) , *Пицарръ* (вм. *Пизаръ*) , островъ *Борделезъ* (вм. островъ *Бордоскiй* (*Bordelais*) , *Бейронъ* ; вм. *Байронъ* , *Монтжерн* , вм. *Монжерн* ; и проч.

Будемъ надѣяться , что слѣдующiя части *Записокъ* будутъ достойны своего назначенiя , и исправны во всехъ отношенiяхъ. Вѣроятно , донимъ нѣкогда будемъ ими заниматься. Еще того онѣ такъ

медленно издаюшся , и безъ дальняго разбора наполняюшся.

Каршы , рисунки , каршинки , при Запискахъ приложенныя , гравированы и ошпечашаны прекрасно.

— *Записки , издаваемыя отъ Департамента народнаго просвѣщенія . Книжка 2-я и 3-я . СПб . 1827 и 1829 г . , въ ш . Деп . Нар . Просв . in-8 , 491 и 472 стр .*

Хошя по времени печашавія , сія книги ошносятся къ 1827 и 1829 гг . , но онѣ выданы были въ 1830 году , вмѣстѣ .

Мы увѣдомляли нашихъ читашелей о сихъ Запискахъ , и предшавили обзорѣніе 1-й ч . оныхъ , вышедшей въ 1826 году (Тел . XIV , 133) . Предполагалось замѣнить ими изданіе бывшаго *Журнала Департамента народнаго просвѣщенія* , кошорый кончился Февралемъ 1823 года , и издавашь оныя ежегодно . Во 2-й и 3-й частяхъ Записокъ , порядокъ ихъ нѣсколько измѣненъ прошивъ первой . Онѣ состояшъ , *вторая* изъ шрехъ ошдѣленій : Высочайшія повелѣнія ; *Науки и Искусства* ; *разныя извѣстія* ; а *третья* изъ двухъ : Высочайшія повелѣнія и *утемныя статьи* .

Первое ошдѣленіе обныхъ книжекъ содержишъ въ себѣ указы и учрежденія по Министерству народнаго просвѣщенія , съ Февраля 1826-го по Декабрь 1828 года , всего 17 сшашей . Въ числѣ ихъ находяшся : *Учрежденіе о Товарищахъ Министровъ* ; *Цензурный Уставъ 1826 года* , *Цензурный Уставъ , нынѣ дѣйствующій (1828 года)* , *Уставъ Главнаго Педагога* **Ноябрь 1830 .**

гическаго Института, Усшавъ Гимназій и Училищъ уѣздныхъ и приходскихъ.

Во *второмъ* и *третьемъ* отдѣленіи обихъ книжекъ находятся : Разсужденія Кандидашовъ Московскаго Университеша , Г-на Дубенскаго — О водныхъ сообщеніяхъ въ Россіи , и Г-на Камашева-Средняго — О окисемахъ Изящнаго (оба они были уже напечатаны отдѣльно) ; кромѣ того : Разсужденіе о законахъ , чшанное на актѣ СПбургскаго Благороднаго Пансіона , въ 1824 году , воспитанникомъ Чихачевымъ ; Донесеніе Г-на Бларамберга , о пожертвованіи его Одесскому Музею (въ 1825 году) ; Разсужденіе о важности Геогнозиса для рудокопства , соч. Г-на Энгельгардта , 1827 года (здѣсь намъ показалось немного рѣзкимъ рѣшишельное мнѣніе Автора , что *Геологія* есть не шолько *не наука*, но *бредни!*) ; Разсужденіе о древносняхъ Азіатской Россіи (соч. Фіорилло , изд. на Французскомъ языкѣ , въ 1821 году . Замѣчательное извѣстіе Автора , что въ Россіи есть рукописи на языкахъ *Тунгузскомъ* и *Монгольскомъ* , но что за немнѣніемъ переводчиковъ , ихъ никто донинѣ не читалъ) ; наконецъ отчетъ о путешествіи Г-на Ледебурга по Сибири , въ 1826 году .

Слѣдующъ отчеты : СПбургской Академіи за 1825 годъ , и о засѣданіи оной въ 1826 году ; отчетъ Общества для усовершенствованія Эстскаго языка , въ Аренсбургѣ , на островѣ Эзелѣ (за 1827 годъ) ; отчетъ Лашышскаго Литтературнаго Общества , въ Ригѣ , за 1827 годъ (жаль , что объ успѣхахъ и трудахъ того и другаго общества въ

сихъ опчешахъ ничего не сказано); опчешъ о за-
сѣданіи Московскаго Общесхва Исторіи и Древне-
шней Россійскихъ, бывшемъ въ 1828 году.

Кромѣ того помѣщены: Вѣдомость о главномъ
Нѣмецкомъ училищѣ Св. Петра въ Спбургѣ, по
Іюль 1827 года, и вѣдомость объ Училищахъ, по
методѣ взаимнаго обученія. Въ 1827 году, было
оныхъ въ Россіи 28; изъ сего числа въ Вольтскихъ
и Бѣлорусскихъ обласяхъ 14, въ Бессарабіи 5, въ
С.Пешербургѣ 3, остальные — въ Вологдѣ, *гаст-
ная школа*; въ Тулѣ и Ефремовѣ, при Уѣздныхъ
училищахъ; въ Перми, *заведенная купцами*; въ Ти-
флисѣ, при Благородномъ училищѣ; Харьковскаго
уѣзда, въ слободѣ Бабалѣ, заведенное Полковни-
комъ Щербининымъ. — Въ Москвѣ и другихъ горо-
дахъ и мѣстахъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, не бы-
ло Училищъ по методѣ взаимнаго обученія, нигдѣ.
По военному вѣдомству, при разныхъ полкахъ и
штабахъ, также по военнымъ Поселеніямъ счисля-
лось ихъ въ 1827 году, 238; учащихся было 477, уча-
щихся 23,118.

— *Краткое историческое свѣдѣніе о состояніи
Императорской Академіи Художествъ, съ 1764-го
по 1829 годъ* (А. Н. Оленина). Спб. 1829 г. въ ш.
Ивана Глазунова, in-8, 86 стр.

— *Отчетъ Императорской Академіи Художествъ,
за 1828, 1829 и 1830 годы.* Спб. 1830 г. въ ш. Н.
Греча, in-8, 47 стр.

Двѣ чрезвычайно замѣчательныя брошюрки: онѣ
изображаютъ намъ исторію и нынѣшнее состояніе
одного изъ важнѣйшихъ ученыхъ и учебныхъ заве-
деній въ нашемъ опчешствѣ. Но что всего драго-

дѣннѣ : это не тѣ опчешы , какитъ весьма много бываетъ , которые ничего не сказывають о сущности дѣла , начинаются и оканчиваются громкими словами : это *историческія* истины , искреннее обнародованіе конхъ показываешь желаніе нынѣшняго , почтеннаго Президента Академіи , А. Н. Оленина , довести управляемое имъ заведеніе до надлежащей степени совершенства , и извлечь изъ него всю возможную для отечества пользу. Подвигъ важный , заслуживающій глубокую благодарность каждаго просвѣщеннаго соотечественника.

Въ началѣ *Историческаго свѣдѣнія* , Авторъ излагаетъ цѣль , преимущества , дарованныя Уставомъ , и первые успѣхи Академіи Художествъ. Основанная въ 1758 году , Елисаветою , получившая огромный штатъ (60,000 рублей серебр.) въ 1764 г. , отъ Екатерины , Академія пользовалась большими преимуществами. Вънценосныя особы и знаменитыя мужи были ея Членами (Императоръ Павелъ I , Густавъ III , Король Шведскій , Герцогъ Жуанъ Браганцскій , Принцъ Фридрихъ Пруссскій , нынѣ царствующій Король Пруссскій , Цесаревичъ Константинъ Павловичъ , Вел. Княгиня Анна Павловна , Панины , Орловы , Строгоновъ , Потемкинъ , Безбородко , Гейне , и проч.). Великолѣпное зданіе было воздвигнуто для ея помѣщенія ; доспашочныя жалованья опредѣлены были Профессорамъ ; драгоценныя собранія картинъ и слѣжковъ подарены были , Императрицею Екатериною , Императорами , Павломъ и Александромъ , Бецкимъ , Шуваловымъ , Строгоновымъ (между прочимъ галлерей Герцогни-

из Книгшюнь, и Фарсетшьева коллекція слѣпковъ).

Подробности о посаждовавшемъ попомъ управленіи Академіею, и о художникахъ, изъ оной вышедшихъ, можно видѣть въ брошюркѣ А. Н. Оленина. Прошло сорокъ слѣшкомъ лѣтъ, и всѣ замѣтили, что Академія находится въ совершенномъ упадкѣ, шакъ, что въ 1816 году принуждены были учредить особый Комитетъ, для разсмотрѣнія дѣлъ ея. Президентомъ Комитета опредѣленъ былъ А. Н. Оленинъ. Онъ представилъ подробные отчеты объ Академіи, и ему съ 1817 года ввѣрено было управленіе оною.

А. Н. Оленинъ изображаетъ вполне состояніе Академіи; въ какомъ она поступила къ нему. Это состояніе представляло картину самую неутѣшительную. Означаемо здѣсь нѣсколько главныхъ чертъ оной: на Академіи было долговъ 280,995 р. 29 к. (стр. 35); сумма для награды художникамъ (по 10 ш. р. въ годъ) 16 лѣтъ оставалась безъ требованія (стр. 36); въ кассѣ Академіи находилось только 17 р 26 к. (стр. 37); домъ Академіи, болѣе 50 лѣтъ непочиниваемый, обветшалъ (стр. 39), даже кровля на немъ проржавѣла (стр. 40); цошолки, печи, двери разрушались; спальни воспитанниковъ, учебныя комнаты, квартиры Профессоровъ были въ безпорядкѣ размѣщены (стр. 41); классы походили на курени, отъ неопрятства и сырда лампадъ, поставленныхъ на желѣзные сковороды, шакъ, что пробывъ въ нихъ часа два, сморкали и плевали цошомъ нѣсколько часовъ коцошью (стр. 43); кухня дымила (стр. 44); по-

гребя зашопляло водою (стр. 45); крыльца заносило снѣгомъ (стр. 46), а отъ мѣстъ особенныхъ по всей Академіи распространялся зловредный и несносный запахъ (стр. 49); вокругъ дома Академіи не было ни шоковъ, ни шрошшуровъ (стр. 53); только одинъ бокъ зданія былъ оштукатуренъ (стр. 54); церковь была начата и оставалась неосдѣланною (стр. 55). Самые аншки, слѣпки, формы (драгоцѣнности неоцѣненные!) были разбросаны, расшеряны, даже испреблены; довольно сказано въ семь отношеній, что Геркуланскіе шреножники употреблялись для иллюминацій улицы, и что съ 1817 года занимаясь разборомъ формъ ваятельныхъ, не могутъ еще окончить разбора (стр. 59). Архивъ былъ въ безпорядкѣ (стр. 66); ученики Академическіе ходили въ плащѣ, похожемъ на рубище (стр. 69); воздухъ въ жилищахъ и пища ихъ такъ были дурны, что преть учениковъ спрдадала зобами (стр. 72); гувернёровъ и учителей достойныхъ было очень мало (стр. 73); воспитанниковъ назначенныхъ къ отправленію за границу, и неосправляемыхъ, хотя они и были того достойны, накопилось до 30 человекъ, а отправить ихъ было нечѣмъ (стр. 75).

Такова была Академія Художествъ до 1817 года, когда поступила подъ управленіе А. Н. Оленина. Подробное описаніе всего, что сдѣлано было къ улучшенію Академіи симъ почтеннымъ Президентомъ, въ теченіе 13 лѣтъ, до 1831 года, заняло бы здѣсь много мѣста. Достаточно сказать, что Академія въ 1829 году была уже, по хозяйственной и экономической части, въ состояніи совершенно

новомъ и превосходномъ. Трудно исчислить и всѣ милости, всѣ благодѣянія, какія излишы были оныи нынѣ царствующаго благополучно Монарха нашего къ поправленію и преуспѣянію Академіи. Онъ лично посѣщаль ее, дароваль ей всѣ пособія, Цирски награждалъ досшойныхъ художниковъ, и справедливо можно сказать съ благонамѣреннымъ Президентомъ Академіи, что «нынѣ настало время вождельннаго, испиннаго возрожденія сего знаменишаго и «полезнаго учрежденія» (*Кр. Ист. свѣдѣніе*, стр. 86). — Такъ великъ и неисчислимы въ благодѣяніяхъ своихъ повсюду Монархъ нашъ; такъ ревность ко благу совершаетъ подвиги и съ малыми средствами! Съ 1829 года, Академія принята подѣ особенное Высочайшее покровительство, и находится подѣ главнымъ начальствомъ Министра Двора; шеперь гоповишся новый шпашъ ея, новое образованіе; пособія увеличиваются; все прежнее неустройство испреблено. Радостно слышать, и многого можно надѣяться въ будущемъ.

Мы сказали, что въ *Историческомъ свѣдѣніи*, А. Н. Оленицъ излагаетъ и *угеную* исторію Академіи; въ *Опчетѣ* Исторія сія доведена до 1831 года. Но мы оставляемъ изложеніе предмета съ сей стороны до извѣстія, которое предполагаемъ помѣстить въ Телеграфѣ объ *Опчетѣ* Академіи Художествъ за 1831 годъ. Тогда постараемся изложить мысли наши вообще объ Исторіи Изящныхъ Художествъ въ Россіи, и объ Академіи Художествъ особенно.

— *Сanevas méthodique et chronologique, etc. (Методическая и хронологическая канва. Для изученія Ис-*

сторіи языка Французскаго и Литтературы Французской, ошъ завоеванія Галліи Юліемъ Цезаремъ до нашего времени. И всеобщая картина Литтературъ Древнихъ и Новыхъ, содержащая сокращенную Исторію успѣховъ ума человѣческаго, и его произведеній у Евреевъ, Кышайцевъ, Индійцевъ, Персіянъ, Финніянъ, Египціянъ, Грековъ, Римлянъ, Цельшовъ, Скандинавовъ, Арабовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Англичанъ, Нѣмцевъ и Рускихъ. Учебное сочиненіе, посвящаемое юнымъ Рускимъ, обо его пола, К. Сеншъ-Илеромъ, Авторомъ Французской Граммашки въ 36-ши урокахъ, въ пользу Рускихъ). Спб. 1830 г. въ т. К. Крайя, in-8, XII и 298 стр.

Эту книгу можно назвать карликомъ, съ исполнскою головою. *Триста страницъ*, испечашанныхъ крупными буквами, составляють книгу, и едва въ 20-ши строкахъ мѣлкой печати высказано заглавіе книги! И чего не объщаетъ это заглавіе! *L'histoire abrégée des progrès de l'esprit humain*, и произведенія *de l'esprit humain — chez les Hebreux, les Chinois, les Phéniciens, les Celtes, les Scandinaves, les Russes — даже и chez les Russes!*

Авторъ сей книги, Г-нь Сеншъ-Илеръ, находясь болѣе 15 лѣтъ учителемъ Французскаго языка въ С.Петербургѣ, издалъ весьма хорошую Французскую Граммашку (*Principes de la Grammaire française, mis en 36 leçons*); ея вышло два изданія. Авторъ рѣшился послѣ сего *писать учебныя книги на Французскомъ языкѣ*. Въ слѣдствіе сего, соединясь съ Г-мъ РиFFE (M. Riffé), издалъ, или издаеть онъ

Граммашкику снова, а послѣ шого: *Lectures graduées, Système général des conjugaisons, Rhétorique, Fables, Thèmes et exemples des Compositions, Théâtre d'éducation*. И прекрасно! Чего-же лучше? Все это прямо относится къ предмету занятій Г-на С. Илера. Нѣтъ! надобно было Г-ну С. Илеру покориться несчастной мысли: пишашъ *всеобщую Литтературную Исторію*, и особо *Исторію современной Французской Литтературы*. Первая уже выдана имъ подъ именемъ *Канвы методической и хронологической*; другая явится подъ титуломъ: *Tableau analytique de la littérature française contemporaine*.

Если приняшь дѣло Г-на С. Илера за шушку, за Французскую острошу *XVIII-го вѣка*, то мы согласны посмѣяться, съ нимъ вмѣстѣ, надъ его *Канвою*. Очень мило, хоша и старою прозою Французскою, Авшоръ рассказываетъ, что у него было пять, шесть шешрадокъ замѣшокъ рукописныхъ о Французской Литтературѣ — выписки изъ Лагарпа (*très mince extrait*). Ученики Г-на С. Илера выучивали, списывали эшъ шешрадки, и шакъ наконецъ испачкали, что надобно было переписать ихъ; онъ рѣшился къ нимъ кое-что прибавить, приваяся снова за Лагарпа; но друзья Авшора (*me voyant — говорить онъ — tout poudreux de cette pénible compilation*) совѣщовали распространить планъ, прибавивъ замѣтки и о другихъ Литтературахъ. Авшоръ ошвѣчалъ имъ, что онъ не имѣетъ для сего надлежащихъ познаній; его увѣрили, что довольно будешъ легкой компилляціи, о которой-бы сказала чинашель: *Que l'on me donne du temps, des ciseaux et de*

la patience, et j'en ferai de semblables par douzaines.
И Г-нъ С. Илеръ послушался друзей, и выдалъ свою *Канву*. . .

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья! . .

Мы готовы признашь *Канву* эпипимьею, кошорую Авшоръ наложилъ на себя въ великій постъ (его слова: *petite pénitence pendant les dernières semaines du Carême*); но — здѣсь предѣлы шутокъ.

Авшоръ посвящаетъ свою *Канву* Русскому юношеству, кошорое уже 15 лѣтъ онъ училъ. Слѣдственно: по *Канвѣ* своей хочешь Авшоръ *учить Русское юношество всеобщей Литтературной Исторіи*. Но — понимаешь-ли Г-нъ С. Илеръ важность шакого дѣла? Понимаешь-ли онъ всю пустошу своей работы, и, между шѣмъ, всѣ невыгоды ея? Его *Канва* есть безобразная, невѣрная, маленькая компляція, и по ней онъ будетъ наставлялъ другихъ, и по ней онъ будетъ судить и рядить о такихъ предметахъ, кошорыхъ вовсе не понимаешь, по ней первоначальное ученіе станеть онъ преподавать Русскому юношеству — ученіе смѣшное, жалкое по своей ничтожности и легкости!

Искренній совѣтъ нашъ Г-ну С. Илеру: учить одной Французской Грамматикѣ, а за Литтературы не принимаешь. Не только о Финикійской, Русской, Нѣмецкой, онъ не имѣеть ни *малѣйшаго* понятія, но даже и Французской ни сколько не понимаешь. *Канва*, имъ изданная, есть доказатель-

ство неоспоримое. Беремся подтвердить все нами сказанное выписками из *Камы* Г-на С. Илера.

— *Новѣйшія открытія, наблюденія и опыты врачей*, сдѣланные въ Практической Врачебной наукѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Собранные и изданные Александромъ Нелюбинымъ, Д. М.—Ч. I. содержащая *Фармакографію*. Изданіе второе, вновь разсмотрѣнное, исправленное и умноженное. СПб. 1830 г. въ ш. Мед. Дсп. М. В. Д., in-8, XIII и 734 стр.

Потребность книги, изданной Г-мъ Нелюбинымъ, понятна всякому, и доказывается тѣмъ, что первое изданіе оной разошлось, менѣе нежели въ годъ. Второе изданіе значитѣльно умножено Г-мъ Нелюбинымъ многими подробностями.

Разсматривая Медицину, какъ *практическую науку*, Г-нъ Нелюбинъ предлагаетъ изложеніе всего вновь принятаго въ оную, ш. е., что оказывается полезно при леченіи разныхъ болѣзней, по новѣйшимъ опытамъ, разсмотрѣннымъ и подтвержденнымъ знаменитѣйшими врачами. Каждому изъ описываемыхъ лекарствъ, Г-нъ Нелюбинъ излагаетъ историческое начало; потомъ описываетъ сущность предмета; наконецъ способы приготовленія, смѣси и составы изъ онаго, болѣзни оными лечимыя, и способы употребленія въ болѣзняхъ.

Такимъ образомъ излагаетъ Авторъ слѣдующіе новые предметы лекарствъ: *Иодидъ, Золото, Кадмій, Соляно-кислый цинкъ, Синильная кислота, Вода горькихъ миндалей, Мука горькаго миндаля, При-*

горѣло-древесная кислота, Пирошонидъ, Угле-кислое кали и сода, Цинхонинъ и Хининъ, Хиноидинъ, Генціанинъ, Пиперинъ, Эметинъ, Морфій, Наркопинъ, Лактукарій, Люпулинъ, Соланинъ, Атропинъ, Дельфининъ, Верашринъ, Пикрошоксинъ, Сприхинъ, Брюцинъ, Крононовое масло, Масло Китайскихъ орѣшковъ, Папорошниковое масло, Шаббертово масло, Хлористыя извѣспь и сода, Бейсера и Кехлинова жидкости, Исландскій мохъ, декокшъ Вигару, приготовленіе экстрактовъ, и особенно наркотическихъ, по новымъ способамъ.

Всѣ сіи средства введены въ Медицинскую практику въ послѣднія 20 лѣтъ, и сушь, большею частью, слѣдствіемъ новѣйшихъ усѣховъ Химіи, приложенныхъ въ Медицину. Извѣстный Мажанди, еще въ 1821-мъ году, собралъ ихъ ошѣльно, какъ *дополненіе* къ прежней Врачебной Фармакологіи, и издалъ подъ названіемъ: *Formulaire pour la préparation et l'emploi de plusieurs nouveaux médicaments*. Г-нъ Нелюбинъ имѣлъ въ основаніи сію книгу Мажанди, но дополнялъ изъ другихъ его сочиненій, также изъ сочиненій Рихтера, Дирбаха, и проч. врачей. — Къ достоинствамъ книги Г-на Нелюбина принадлежишь ясность изложенія предметовъ, и чистота слога, что не весьма часто встрѣчаемъ въ Русскихъ сочиненіяхъ, даже къ Изящной Словесности относящихся.

Мы предложимъ впослѣдствіи извѣстіе о 2-й части сочиненія Г-на Нелюбина, выданной уже имъ въ 1831 году.

Что если-бы кто нибудь рѣшился у насъ изда-

вашъ нѣчто подобное книгѣ Г-на Нелюбина, по другимъ наукамъ, значеніямъ и предметамъ? Дѣло было бы весьма не худое. Все, что разсыпано бываешь въ тысячѣ Журналовъ, книгъ и Газетъ, собираюшь во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, ежегодно въ особыя книги. Сія книга могли-бы послужить такимъ-же основаніемъ шруду, какимъ послужила Г-ну Нелюбину книга Мажанди. Можно-бы исключить, прибавишь, приноровишь къ понятіямъ и потребностямъ Русскихъ чинашелей. Обратимся, напримѣръ, къ Современной Исторіи. Смѣло утверждаемъ, что событія послѣднихъ 15 лѣтъ вообще извѣстны намъ менѣе, нежели обстоятельства второй Пунической войны. Въ семъ случаѣ Историческій Аппуаиге, въ родѣ Лезюрова, былъ-бы истинною заслугою для Русской публики. Такіе-же Аппуаиге можно бы издавать, напримѣръ, по части иностранныхъ Липшерашуръ, Наукъ вообще, особливо-же фабрикъ, заводовъ и ремеслъ. Все это идетъ въ Европѣ исполненскими шагами, но къ намъ приходить маленькою рысью пигмея. Да кто у насъ займется? Однимъ лѣнь, другимъ нѣкогда, третьимъ не изъ чего работать, четвертымъ не для чего. «Спите прогая и погивайте, братія!» Подождемъ, пока общая, нетерпящая потребность укажетъ время подобныхъ предпріятій, а до тѣхъ поръ станемъ кропашъ альманахи и писашъ списки. — Тѣмъ болѣе достоинъ особенной признательности шрудъ, подобный изданной Г-мъ Нелюбинымъ книгѣ.

— La fontaine de Bakhtchesserai. Poëme de Mr. A. Pouschkine. Traduit du Russe par L. Répey (*Бахтиса-*

райскій Фонтанъ. Поэма А. Пушкина, переведенная съ Русскаго Л. Репе). М. 1830 г. въ ш. А. Семена, in-12, VI я 49 стр.

Читатели наши знаютъ о существованіи Французскаго перевода сей поэмы, издавнаго въ Парижѣ, въ 1826 году, Г-нѣ Шопеномъ (см. М. Т. 1826 г. ч. XI-я, № 11-й, стр. 74). Нынѣ, прочитавъ новый переводъ Бахчисарайскаго Фонтана, издаваемый въ Москвѣ Г-нѣ Репе, мы въ правѣ объявить, что все таки существуетъ одинъ хорошій переводъ сей поэмы — Парижскій, ибо трудъ Г-на Репе не имѣетъ ничего близкаго къ подлиннику. Г-нъ Переводчикъ очень ошибся, подумавъ (см. его *Avant-propos*), что *Бахт. Фонтанъ* наполненъ народными выраженіями, знакомыми намъ съ дѣтства. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ ничего ни народнаго, ни простонароднаго, а напротивъ вездѣ выраженіе возвыщенное, новое, особенно бывшее новымъ при появленіи въ свѣтъ сей поэмы. Стихи Г-на Репе не хороши. Вотъ образчикъ ихъ:

Le ciel toujours nous dédommage
De nos malheurs, des coups du sort,
Heureux le Faquir juste et sage
Qui voit la Mecque *avant sa mort*.

Heureux celui qui sur la terre,
Périt de la main du Ghiaour;
Dans les cieux la Houris légère
Lui rend le bonheur et l'amour.

Mais plus heureux, o Zulème!
Qui chaque jour te voit fleurir
Et qui, dans la paix du harém,
Rose d'amour, peut te cueillir.

Тутъ не только, какъ и во всемъ переводѣ, стихи не хороши, но и обезображенъ смыслъ подлинника. Напримеръ: говоришь-ли Пушкинъ, что блаженъ шомъ Факиръ, который видитъ Мекку *прежде своей смерти*? Любопытно было-бы знать: можешь-ли Факиръ увидѣть Мекку *послѣ своей смерти*? Также, что за счастье для Музульманина погибнуть отъ руки Гяура? Этого у Пушкина нѣтъ. Въ послѣднемъ куплетѣ совсѣмъ противный подлиннику смыслъ. Такъ переведена вся поэма!

— *Плѣнникъ Турціи*. Поэма, соч. Д. Д. Комиссарова. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ Инсшишута Вост. яз., in-12, 24 стр.

— *Секретъ быть всегда прекрасной*, или (сладуешь 10 строкъ мѣлкой печати, означающихъ предметы, въ книжкѣ заключающіеся, а вся книжка состоитъ изъ 15 маленькихъ страничекъ, испечашанныхъ крупными буквами). М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ Инсшишута Вост. языковъ, in-24, 34 стр.

— *Трифона Коробейникова*, Московскаго купца, съ шоварищами, путешествіе въ Іерусалимъ, Египеть и къ Сивайской горѣ, въ 1583 году. Изданіе книгопродавца Г. Новинскаго. СПб. 1830 г. въ ш. И. Байкова, in-8, 64 стр.

Поэма Г-на Комиссарова есть, по видимому, пародія на *Кавказскаго Плѣнника*. Содержаніе въ обѣихъ поэмахъ одинакое. Стихи Г-на Комиссарова не хуже стиховъ Г-дъ Орлова, Гурьянова, и ихъ собратьевъ.

Говоришь-ли о *Секретѣ быть всегда прекрасной*? Это pendant къ *Секрету имѣть всегда прекрасные во-*

лосы. Одинакій формашъ книги , и даже одинъ и шошъ-же эниграфъ :

Цвѣши прекрасный полъ , и сыпъ на насъ цвѣшъ.

Кшо покупаешъ эши книжонки? Не понимаемъ !

Пушешествіе Коробейникова сосавляешъ у насъ проснародное чшеніе. Оно принадлежишъ къ шѣмъ библиошекамъ , въ конхъ помѣщены бываюшъ обыкновенно: *Письмовникъ*, Курганова, *Путь ко спасенію*, *Ө. Эшна*, *Приключенія Милорда Георга*, иногда *Мѣльникъ*, Аблесимова, да разныя сказки, *Пѣсенникъ*, и *Кругъ премудраго Соломона*, или гадательный ключъ. Рубанъ издалъ пушешествіе Коробейникова въ 1783 году; съ шѣхъ поръ множество разъ его перепечашывали, безъ исправленій, и съ несносными ошибками. Оно любопышно, и стоило-бы изданія получше.

П И С Ь М А

изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829 году.

II.

О Грекахъ судяшь на Востокъ неблагоклонно: этому есть тысяча причинъ, вообще довольно объясненныхъ и извѣстныхъ. Да и грустно открываешь эту каршину! Когда размошришь положеніе Франковъ въ приморскихъ мѣстахъ Турціи, вліяніе, производимое на нихъ отношеніями къ Туркамъ, наконецъ глубокое и быстрое измѣненіе Западнаго характера, подъ вліяніемъ климата опаснаго и нравовъ обольстительныхъ, то невольно смалчиваешь, испышывая шоже чувство, которое бываешь въ душѣ, когда дѣло идешь объ участи и пользахъ Европейскихъ колоній, и котораго причина заключается не въ одной опасности ихъ положенія. Пусть только подумають, какъ пользовалась донинѣ усыпленіемъ Турковъ дѣяштельная смѣшливость Европейской торговли; пусть вообразяшь, какъ должно устрашашь ее развитіе соперничающаго элемента, у котораго не будешь недосмашка ни въ пособіяхъ ума, ни въ трудолюбіи, и пусть судяшь, какой видъ должно было приняшь дѣло Грековъ въ шѣхъ справахъ, гдѣ торговля есть все, гдѣ ешественный

Ноябрь 1830

18

эгоизмъ удвоивается отъ ужасныхъ причинъ востребленія, распространяемаго всегдашнею заразою.

Слѣдственно, въ мнѣніи жителей Леванта о Грекахъ было такъ много пристрастія, что я не могъ пожертвовать вдругъ своимъ прежнимъ обольщеніями. Но, прїѣхавши въ Морею, я испыывалъ однакожь столько безпокойства, что поставилъ себѣ закономъ — отказаться отъ всякаго предубѣжденія, таившагося въ душѣ, прежде нежели разсмошрю предметы своимъ глазами.

Состояніе Французской арміи въ Греціи было, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, странно: болѣзни предшествовавшей осени, необычайная жестокость зимы, совершенное лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, продолжительное пребываніе въ самыхъ помпезныхъ гарнизонахъ, омрачили воображеніе всѣхъ. Съ безумнымъ нетерпѣніемъ хотѣли воротиться во Францію. О Грекахъ говорили мало, или худо, потому, что не знали ихъ. Въ Наваринѣ, нѣсколько семействъ, доведенныхъ до послѣдняго униженія бѣдности, жившихъ настоящими проглотисами въ норахъ скалъ, и въ Модонѣ, смѣшанное народонаселеніе, среди коего Іонійскіе и Мальшійскіе спекуляторы были лучшими людьми, могли дать неполное и невѣрное понятіе о народѣ, который надобно было, прежде всего, видѣть одинъ, оставленный самому себѣ. Не спану дополнять эшой, быстро набросанной картины мнѣніи нашей арміи, рассказомъ о томъ дѣйствіи, какое произвелъ на нее Ибрагимъ; я сдѣлалъ-бы эшо съ отвращеніемъ, и шогда только, когда-бы мнѣ было нужно под-

твердишь доказательствомъ то, что говорилъ я въ прежнемъ письмѣ моемъ о неожиданномъ обольщеніи, которыми обаяють Турки Европейцевъ. Поступки нашихъ войскъ въ этой странѣ, ихъ упорство въ служеніи народу, который почти всѣ хотѣли укорять неблагодарностью, ихъ щастливая заботливость ошнать всякій предлогъ къ нерасположенію, всякій поводъ къ подозрѣнію, эти поступки, можно сказать, единственные въ Исторіи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, возбуждали во мнѣ, такъ-же, какъ и во всѣхъ видѣвшихъ оныя, удивленіе столь живое, сильное, что было-бы неприлично и неблагородно вспоминать о минувшемъ обманѣ, который разсѣялся при первомъ шагѣ во внутренность страны и при одномъ взглядѣ на дымящіяся развалины Пелопоннеса.

Въ Патрасѣ, шолпы народа, хотя еще и испорченнаго, но уже смѣшаннаго съ бѣжавшими изъ Миссонги, нѣсколько смягчило мнѣніе гарнизона. Тамъ-то замѣтилъ я первые слѣды искренней склонности къ дѣлу Грековъ, хотя, впрочемъ, вездѣ нашелъ доброе расположеніе и даже довѣренность къ частнымъ лицамъ. Офицеры, возвращавшіеся послѣ первыхъ обозрѣній полуострова, не переставали говорить о безопасности на всѣхъ дорогахъ, о хорошемъ приѣмѣ отъ жителей внутренней земли, о неслыханномъ спокойствіи такой страны, гдѣ только что погасъ огонь войны чужеземной и междоусобной. Я тогда-же могъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени, Филэллинизмъ арміи, почти истребленный лихорадкою, и молчаніе на прибреж-

ныхъ моряхъ , гдѣ избавишеля ждали почестей , превратились опять въ страхъ къ Грекамъ , и что боате благопріятное расположеніе каждаго было въ точномъ размѣрѣ съ тѣми отношеніями , какія кпо нѣтъ съ народомъ Греческимъ.

Ожвлелный надеждою , что личныя мои наблюденія будутъ сопровождаемы удовлетворительными слѣдствіями , началъ я углубляться въ горы Ахайи. Вѣтъ извѣстно , что въ Моревъ нѣтъ никакихъ дорогъ , никакихъ шоссе , копорыя возвышались-бы надъ прясинуоу болошь , никакихъ террасъ , кошорыя поддерживали-бы обвалившуюся землю. Поминупно надобно взбирашья на скалы , переѣзжашь черезъ потоки , и косогорами всходишь на самыя ошвѣсныя наклонности. Послѣ десяти часовъ ушалошпи , а иногда и опасносшей , едва-ли найдешь на ночлегъ приспанище и пищу. Уединенныя спанціи , служившія до войны указками на дорогъ , почпи всѣ исчезли. Мѣста деревень означены однѣми развалинами , и если жипели кой-гдѣ снова поселились на осташкахъ сожженныхъ хижинъ своихъ , то , будучи еще лишены необходимыхъ для собственной ихъ жизни средствъ , они могутъ подѣлаться съ чужеземцемъ одною бѣдносшью своею. Подѣхавши къ жилью , прежде всего надобно вамъ посмошрѣшь : нѣтъ-ли между уцѣлѣвшими стѣнами шакихъ , гдѣ ешть слѣды крышки , и гдѣ подымаешся дымокъ ? Когда избрали вы , по наружности , самую опрашную изъ шрехъ или чешырехъ хижинъ , тогда приближаешь къ обшашелямъ , вызваннымъ любопытсшвомъ къ порогу , и спрашиваешь , не о шомъ , хо-

пляшъ-ли приняшъ васъ , но о шомъ , что сносно-ли жилище , не много-ли въ немъ ребячишекъ и крику , и нѣшъ-ли помѣщенія лучшаго ? За этими вопросами , на которые обыкновенно отвѣчаютъ съ древнею простотою и откровенносцію , слѣдуетъ переносъ вашихъ вещей , причемъ всѣ помогаютъ услужливо. Пока хозяйка разводитъ огонь , молодая дѣвица обмешаетъ мѣсто для пуншесивенника и разстилаетъ шамъ дрянной коверъ. Хижина раздѣляется на двѣ части : въ одной обыкновенно помѣщаются козы и куры ; въ другой семейство и пуншесивенникъ. Приходитъ отецъ семейства , садится съ важнымъ видомъ противъ васъ , и начинаешь разговаривать о шомъ , какъ пріятно ему видѣть Француза , избавителя его страны. Почти всякій хозяинъ умѣетъ чашать , и знаетъ всѣ акты Правительства ; онъ безъ натяжекъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ изъ несслыханныхъ спраданій , прешерпѣнныхъ имъ въ бѣгствѣ отъ Турковъ ; съ горесію сравниваетъ поведеніе Греческихъ начальниковъ , съ поведеніемъ начальниковъ прішѣснителей ; благословляетъ небо , что наконецъ онъ увѣренъ въ жизни своей , своихъ дѣтей , и въ своей собствѣнности ; вздыхая , счищаетъ онъ умершихъ сыновей своихъ , и дочерей , впадшихъ въ неволю ; рассказываетъ о надеждахъ на будущую жапву , и всегда оканчиваетъ похвалою славной головѣ Президента. Женщины молчаливы , но услужливы и дѣятельны. Занятые обыкновенными попеченіями своими и новыми хлопотами , онѣ никогда не обращаются вѣжливо , но и не лопяшъ взгляда. Когда все пригошвлено для ночи , и общій ужинъ окон-

ченъ при шрепещущемъ свѣтѣ огня, шогда всѣ ложашся пѣснымъ кружкой около умирающаго пламени, и послѣ, когда сонъ сомкнулъ глаза всѣхъ, одинъ Богъ хранишь миръ семейства и бережеть путешественника!

Если-бы не разувѣряла васъ увѣренность самихъ жителей, шо право было-бы спрашно ошъ шѣхъ опасностей, какимъ можно подвергнушья ошъ злонамѣренности. Среди народа вооруженнаго и незнающаго законовъ, среди шѣснинъ и скалъ, можно-ли избѣгнушь ошъ покушеній убійцы, или разбойника, и чего надѣяшья ошъ власти Правительства, опдаленнаго, признаннаго со вчерашняго дня? Но, скажущъ: гостепрїимство шакое обыкновенное дѣло у народовъ необразованныхъ, что самая добродѣтель эта есть какъ-бы знакъ ихъ варварства? Возраженіе было-бы справедливо, если-бы Греки были шолько гостепрїимны. Бедуинъ прїимаетъ васъ подъ свой шатерь, но онъ-же грабиль васъ въ степи; Мореець готовъ помогашъ своимъ братьямъ Христїанамъ вездѣ, и во всякое время.

Простая картина Греческихъ нравовъ въ жизни домашней уже поразила меня; я нетерпѣливо желалъ наблюсти ихъ въ какомъ нибудь обстоятельстве важномъ и общественномъ. Вскорѣ представился случай. Я прїѣхалъ въ Ппргошь, прекрасный городокъ Эллы, въ шотъ самый день, когда Президентъ въ первый разъ вѣзжалъ шуда. На волнообразной вершинѣ цѣпи холмовъ, выдающейся между двухъ плодоносныхъ долинъ къ морю, двѣ или

три сотни хижинъ, вновь выбѣленныхъ, разбро-
санныхъ среди шуповыхъ деревь и развалинъ, а
выше города, два пригорка, съ небольшимъ, раз-
рушеннымъ укрѣпленіемъ, и стѣны большой цер-
кви: вошь Пиргось, мѣсто безъ воспомнаній, кро-
мѣ памяти о Туркахъ-Далаіотахъ, кошорыхъ обва-
лившіяся палашы еще замѣтны кое-гдѣ. Съ самага
ушра, нешерпѣливыя шолпы взбирались на сія раз-
валины, и, усшремляя жадный взоръ на заливъ Ар-
кадскій, шарались ошличить на лазури неба кос-
му дыма, вьющагося изъ парохода *Упорство*. Де-
могероншы, и нѣкошорые молодые люди, верхами,
отсправились по дорогѣ въ Кашаколо, небольшую
пристань, гдѣ, какъ полагаали они, Президентъ
выйдетъ на берегъ. Но пока эта шоржешвенная
депушация проводила день въ бесполезномъ ожида-
ніи, пароходъ остановился въ шрехъ миляхъ отъ
устья Алфея. Для меня, это недоразумѣніе было не
непріятно, пошому, что отъ него праздникъ былъ
естественнѣе и раздолнѣе. Пріятно было видѣть
яркіе цвѣта Греческой одежды, наброшенные, какъ
букеты цвѣшовъ, на эши обломки, свидѣшество-
вавшіе о недавнихъ бѣдствіяхъ, шакъ-же какъ ули-
цы, едва означенныя среди развалинъ, и усыпанныя
зеленью, и лавки возраждающагося базара, увишья
благоухающими листьями. Чѣмъ болѣе приближался
по долинь скромный коршежъ, шѣмъ болѣе шѣсни-
лись у входа въ городъ, на изрышой дорогѣ, гдѣ
Епископъ и Духовенство, въ велпчин, почти не-
измѣнившемся, Визаншійскаго великолѣпія, остано-
вились, держа на головахъ кресшы, между двухъ
стѣнъ изъ боярышника, кошораго цвѣшисилыя вѣш-

ви были наклоняемы нѣсколькими молодыми дѣвушками, съ любопытствомъ во взорахъ, и съ улыбкою. Радостный шопотъ возвѣспилъ прибытіе Президента. Но при выразишельной веселости, которая видна была на лицахъ всѣхъ, составляла замѣчательную противоположность самъ Президентъ, съ сухою, почти небрежною осанкою, и съ холоднымъ взглядомъ настоящаго Европейскаго дипломата. Когда герой праздника поцѣловалъ Евангеліе, поднесенное ему Епископомъ, тогда весь кортежъ отправился въ церковь, на противоположный конецъ города. Покуда пляшущіе дѣти открывали это безпорядочное шествіе, покуда жилили, съ миршовыми вѣшьями въ рукахъ, шѣснились вокругъ Перваго Человѣка своей земли, изъявляя такую дружелюбную простоту, какую можно видѣть только въ Греціи, я, окольную дорогою, пробрался къ дверямъ церкви, гдѣ нѣсколько украшеній изъ зелени едва прикрывали разрушеніе. Ошшуда, я съ наслажденіемъ видѣлъ, какъ развивалась эта радостная, несстройная шолпа, увеличившаяся на пуши всѣмъ народомъ, собравшимся на улицахъ, по кошорымъ шелъ Президентъ.

Можешь бышь, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что нпкшо не ошася-бы нечувствившелень при эшомъ первомъ праздникѣ Слшбоды. Въ выраженіи общаго удовольствія было что-то искреннее, умное, о чемъ не лзя имѣть понятія, глядя на изумленную шолпу, кошорая шѣснилась при нашихъ церемоніяхъ. Въ глазахъ моихъ осуществился образъ народныхъ радостей юной Америки, образъ, шшолько разъ пред-

спавлявшійся мнѣ , украшенныйъ всѣми прелестями Востока. Сверхъ того , я видѣлъ шуть разительный примѣръ самаго замѣчательнаго событія : прочнаго водворенія средоточной власти въ той странѣ , кошую еще недавно изображали намъ раздираемую всѣми ужасами анархіи. Въ первыя минушы мнѣ пришло въ голову странное мнѣніе : я находилъ все такъ устроеннымъ , определеннымъ и прочнымъ , такъ убѣжденнымъ въ необходимости соединиться съ Правительствомъ , такъ искренно покорнымъ всему , чего попребуешь Президентъ , именемъ общественнаго блага , такъ расположеннымъ повиноваться и жертвовать , что былъ готовъ приписать всю честь этому высшему сановнику , какъ основателю общаго для всѣхъ и быстро созданнаго блага. Я не могъ представить себѣ безъ удивленія , что народъ , называвшійся дикимъ , жившій семь лѣтъ грабежемъ и насиліемъ , привыкшій переходить отъ знаменъ одного начальника паршіи къ знаменамъ другаго , чтобы эшошъ народъ перешелъ черезъ всѣ шепепи улучшеній столь быстро , что отъ самыхъ образованныхъ Европейскихъ націй едва-ли можно было-бы шребовать подобной уступчивости и познанія своихъ истинныхъ потребностей. Я готовъ былъ предполагать все другое , кромѣ приписанія одному народу столь великой перемѣны ; однакожъ , впоследствии , наблюденія мои убѣдили меня , что онъ заключалъ въ себѣ всю готовность къ шому.

Въ Эгиптѣ должна была рѣшиться для меня эша странная задача ; шолько шамъ наблюденія мои

могли простирались на всѣ ошпѣнки Греческаго народа. Видя, на неупральной землѣ, разительную противоположность жителей горныхъ съ жителями острововъ, Фанаріотовъ съ обитателями Пинда, Клефта съ купцомъ, земледѣльца съ морскимъ разбойникомъ, я могъ понять, возможно-ли смѣшеніе эшихъ разнообразныхъ элеменшовъ.

(До слѣд. книжки.)

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

Читателямъ Телеграфа извѣстно уже сочиненіе А. Бальби, изданное имъ въ 1826 году, подъ названіемъ: *Этнографическій атласъ земнаго шара, или распределеніе древнихъ и новыхъ народовъ, по языкамъ ихъ* (Atlas ethnographique du globe, etc.). Сіе ученое и огромное сочиненіе было совершено Г-мъ Бальби при пособіи многихъ извѣстныхъ лексикографовъ, лингвистовъ и путешественниковъ; онъ имѣлъ приномъ въ виду множество прежде изданныхъ сочиненій. До появленія Атласа Г-на Бальби, ученый свѣтъ рѣшительно не имѣлъ ничего столь полного по частн *Лингвистики* (языкознанія).

Увѣдомляя читателей Телеграфа о книгѣ Г-на Бальби, мы обратили вниманіе ихъ особенно на

Введеніе, и на плохую статью о *Русской Литтературѣ*, отдѣльно во Введеніи помѣщенную. Полагая, что едва-ли когда нибудь появится огромный Атласъ Г-на Бальби на Русскомъ языкѣ, мы рѣшились шеперь представивъ имъ *систематическое распредѣленіе*, принятое Г-мъ Бальби для всѣхъ языковъ, въ слѣдствіе этимологическихъ изслѣдованій, и съ шѣмъ вмѣстѣ полное ихъ исчисленіе. Предмешъ, достойный особеннаго вниманія и, кажешся, на Русскомъ языкѣ ничего еще не было писано о семъ предмешѣ.

Г-нъ Бальби не входитъ ни въ какія догадки о томъ: отъ одного-ли первобытнаго языка произошли всѣ другіе, или было ихъ нѣсколько коренныхъ? — Основываясь на *Грамматическиххъ формахъ* и *вокабулахъ*, онъ дѣлитъ только языки по родамъ и видамъ. Мы оставляемъ принятыя имъ дѣленія, безъ всякихъ замѣчаній, и представляемъ только то, что принимаетъ Г-нъ Бальби, надѣясь въ послѣдствіи обратиться еще къ сему важному предмешу. Знакъ: +, показываешъ, что языкъ, симъ знакомъ отмѣченный, уже мертвый, ш. е., такой, кошорымъ болѣе не говорятъ.

А З І Я.

ЯЗЫКИ СЕМИТИЧЕСКІЕ.

І. Еврейское поколѣніе.

+ 1. *Еврейскій собственно.* Сюда относятся! *Древній*, на кошоромъ писана Библия, до книги Про-

рока Малахін; *Халдейскій*, языкъ остальной Библии и Талмуда; *Раввинскій*, нынѣшній Жидовскій, начавшійся съ XI-го вѣка; *Самаританскій*, языкъ восточныхъ Іудеевъ.

+ 2. *Финикійскій*, сохранившійся въ памятникахъ.

+ 3. *Пунтгескій*, или *Караеагенскій*, сохранившійся въ памятникахъ.

II. Сирійское или Арамейское.

4. *Сирійскій-собственно*. Книжный языкъ Маронитовъ, Іаковитовъ, Неспоріанъ. Сюда относящя еще: *Пальмирскій*, оставшійся въ памятникахъ; *Набавейскій*, языкъ Сирійцевъ близъ Евфрата; *Сабейскій*, языкъ Сабеевъ, секты Сирійской.

+ 5. *Халдейскій*, языкъ Ниневіи и Вавилона.

III. Мидійское.

+ 6. *Пельвійскій*, языкъ древней западной Персіи.

IV. Арабское.

+ 7. *Арабскій древній*, имѣвшій двѣ отрасли: *Аміарскую*, погибшую, и *Корейшскую*, изъ коей образовался послѣ Мугаммеда —

8 *Арабскій книжный*, языкъ Корана и Арабской литературы.

9. *Арабскій простой*. Его діалекты: Іеменскій, Оегамскій, Меккскій, Бедуинскій, Сирійскій, Маронитскій, Друзскій, Мапуаскій (Малабарскій),

Шаліашскій (Коромандельскій), Египетскій, Мавришанскій, Мальшійскій. — + Мозарабскій (Испанскихъ Арабовъ).

V. Абиссинское, или Еѳіопское.

Аксумитское, куда принадлежатъ :

+ 10. *Древнее Геезское*, книжный Абиссинскій языкъ, и

11. *Тигрское* (грубѣйшее изъ Семипическихъ), разговорный Абиссинскій языкъ.

Амгариское; къ нему относятся языки разныхъ частей Абиссиніи:

12—16. Амгарискій, Семіанскій, Аркикоскій, Нараскій, Дембеаскій.

ЯЗЫКИ КАВКАЗСКІЕ.

I. Грузинское поколѣніе.

+ 17. *Грузинскій древній*, на которомъ производятъ церковную службу въ Грузіи.

18. *Грузинскій новѣйшій*, разговорный въ Грузіи. Азбука его изобрѣшена въ Увѣкъ; онъ имѣетъ свою лѣтшерашуру.

19. *Мингрельскій*,

20. *Суанскій*.

21. *Лазійскій*, всѣ въ окрестностяхъ Трапезунда, суть діалекты Грузинскаго.

II. Армянское.

+ 22. *Армянскій* книжный, или церковный.

23. *Армянскій* разговорный, имѣющій свою особую Литтературу. Его счишаютъ 5 отдѣльных діалектовъ.

III. Лезгинское.

Языки Аварскіе —

24. *Аварскій*—собственно, съ двумя діалектами: Анзущскимъ и Чари-Кабучскимъ.

25. *Андскій*; 26. *Дидостскій*; 27. *Казы-Кумыскій*; 28. *Акушаскій*; 29. *Кураскій*.

Всѣ они суть языки Кавказскихъ горцевъ, принадлежащихъ къ Аварскому племени.

Три отдѣльныя Кавказо-горскіе языка :

30. *Мизджегскій*, съ четырьмя отраслями: Ингушскою, Карабулакскою, Чеченскою и Тушинскою.

31. *Черкесскій*, со многими отраслями, въ Малой и Большой Кабардѣ.

32. *Абазинскій*, также со многими отраслями.

ЯЗЫКИ ПЕРСИДСКІЕ.

+ 33. *Зендскій*, древнѣйшій, имѣющій азбуку, и сохранившійся въ Персепольскихъ памятникахъ, и духовныхъ книгахъ Гебровъ, или обожаемыхъ огня.

+ 34. *Парсскій*, или Персидскій древній, въ нѣкошорыхъ обласняхъ Индіи.

35. *Персидскій* разговорный, весьма богатый, имѣющій обширную Литтературу, и кошорымъ го-

ворятъ , раздѣляясь на множество діалектовъ , въ Персін , Средней Азїи и Индіи.

36. *Курдскій*, языкъ полу-дикяхъ Курдскихъ племенъ , со множествомъ нарѣчій.

37. *Осетинскій*, языкъ народа Оссеинцевъ , живущаго на Кавказѣ.

38. *Авганскій*, языкъ Авганцевъ , раздѣляющійся на множество нарѣчій.

39. *Белуцскій*, съ тремя нарѣчіями , языкъ жителей Белуцистана.

ЯЗЫКИ ИНДІЙСКІЕ.

+ 40. *Санскритскій*, древнѣйшій (едва-ли не прародитель Славянскаго), и уже со многихъ вѣковъ остающійся только книжнымъ языкомъ Брамцовъ. Литература его богатѣйшая.

+ 41. *Пали*, *Магадха*, или *Мисра*: Языкъ книгъ Буддѣйскихъ , и нѣсколько нарѣчій отъ него.

Слѣдуютъ 38 языковъ Индѣйскихъ , донинѣ извѣстныхъ , происшедшихъ отъ Санскритскаго , съ примѣсю Пали , и другихъ языковъ :

42-79. *Индустанскій*, въ Дели , Агрѣ , Удѣ; бывшій разговорнымъ языкомъ при Дворѣ Великаго Могола.

— *Бружскій*, въ окрестностяхъ Агры.

— *Гарутискій*, въ области Ажмиръ.

— *Жул-Шураскій*, въ области Жей-Пурѣ.

— *Удуя-Шураскій*, въ области Одей-Пурѣ.

— *Марагарскій*, въ области Жудпурской.

- *Биканирскій*, въ области Биканирѣ.
- *Пенжабискій*, языкъ народа Сенковъ.
- *Дугураскій*, въ Кабулѣ и въ окрестностяхъ горъ Гиммалайскихъ.
- *Кашемирскій*, въ Кашемирѣ.
- *Кабульскій*, въ Кандагарѣ и Кабулѣ.
- *Мултанскій*, въ Мултанѣ.
- *Угскій*, въ Кабулѣ, въ обл. Учъ.
- *Синдскій*, на берегахъ Инда.
- *Юго-Синдскій*, на югъ отъ Синдскаго.
- *Цинганскій*, языкъ кочующаго народа въ Синдской области. Полагають, что это коренной языкъ бродящаго по Европѣ народа, который самъ себя называетъ : *Roma, Cola, Sinte*, и который Рускіе называютъ : *Цыганы*, Французы *Bohémiens*, Англичане *Gipsy*, Испанцы *Gitanos*, Нѣмцы *Zigeuner*, Итальянцы *Zingani*.
- *Кучскій*, въ обл. Кучъ, близъ Гузураша.
- *Гузуратскій*, въ обл. Гузурашъ.
- *Кункунаскій*, въ Малабарѣ.
- *Малелламскій*, шамъ-же.
- *Малдивскій*, на остр. Малдивскихъ.
- *Сингалезскій*, со многими нарѣчіями, на остр. Цейланѣ.
- *Тамулскій*, въ Коромандель.
- *Карнатараскій*, въ Мизорѣ.
- *Теллигаскій*, въ Деканѣ.
- *Ориссаскій*, въ обл. Ориссѣ.
- *Бенгальскій*, въ Бенгалѣ.

— *Руингаскій*, языкъ народа сего имени, въ Аракантъ и Бирмантъ.

— *Россаванскій*, языкъ народа Русанъ (?), въ Аракантъ.

— *Бангпскій*, въ области Кашаръ.

— *Ассамскій*, въ государствѣ Ассамскомъ.

— *Каштураскій*, въ Непалъ.

— *Сѣверный Кошаласкій*, языкъ народа на сѣверь ошь области Удской.

— *Митлискій*, языкъ народа, въ сѣверной части Бахара.

— *Магудхаскій*, языкъ народа въ южной части той-же области.

— *Мараттскій*, языкъ Мараишовъ.

— *Бунделькундскій*, въ области сего имени.

— *Малваскій*, въ области сего имени.

Въ Индіи открышо Европейцами, кромѣ того, нѣсколько языковъ, коими говоряшь различные Индійскіе горцы и кочующія племена. Донынѣ не определено еще число ихъ; но извѣстные изъ нихъ всѣ разнятся ошь Санскрипскихъ и другихъ Азіатскихъ языковъ. Полагаюшь, что дикари, ими говорящіе, суть *аборигены* Индіи. Вошь названія *восами шаки*, донынѣ узанныхъ языковъ :

80—87. *Туплахскій*, *Гарроускій*, *Кусискій*, *Шумисскій*, *Каттиварскій*, *Гондскій*, *Шотисгхурскій*, *Вадасскій*.

Ноябрь 1830.

19

Исчисленіе всѣхъ языковъ
ЯЗЫКИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.

I. Поколѣніе Тибетское.

88. *Тибетскій-собственно*, языкъ подданныхъ Далай-Ламы.

89. *Униасскій*, въ области сего имени.

90. *Бхутіасскій*, языкъ горцевъ Гиммалайскихъ.

II. Индо-Китайское.

91. *Рук-хенгъ*, языкъ Бирмановъ.

92. *Монтайскій*, въ области Кассай, въ Бирманіи.

93. *Моанскій*, языкъ Пегуанцевъ.

94. *Лаосъ-Сіамскій*, въ Сіамъ и Лаосъ.

95. *Хоменскій*, въ Камбоджіи.

96. *Анамитскій*, въ Анамъ, Тонкинъ и Кохинхинъ.

Всѣ сіи языки имѣють письменна и лишшературы. Слѣдующіе *дванадцать*, донынѣ узнанные, суть языки кочевыхъ народовъ и горцевъ, бродящихъ и живущихъ на обѣихъ Индійскихъ полуостровахъ, также обитателей острововъ Никобарскихъ и Андамаскихъ:

97—108. Колунскій, Плайскій, Дханускій, Палескій, Палаунгскій, Кадускій, Самангскій, Момскій, Муонгскій, Кемойскій, Андаманскій, Никобарскій.

III. Китайское.

+ 109. *Ку-венъ*, или древній Китайскій, оставшійся въ письменныхъ памятникахъ.

110. *Куанъ-гоа*, или Китайскій нынѣшній, съ

различными его нарѣчіями, въ самомъ Кишаѣ, и на
Восточномъ Азійскомъ архипелагѣ.

111. *Шинь-шеу*, или *Чангъ-сеу*, языкъ въ области
Фо-кіень.

Отдѣльные, смѣшанные языки.

112. *Міаотзеу*, въ Юннанѣ, и другія въ областяхъ.

113. *Лодосъ*, тамъ-же.

114. *Міектингъ*, тамъ-же.

115. *Майнакъ*, на остр. Хайнанъ.

IV. КОРЕЙСКОЕ.

116. *Корейскій*, или *Сіань-пи*, въ Корей и на
ближнихъ къ ней островахъ. Полагають, что
это остатокъ древняго и могущественнаго народа,
говорившаго особымъ языкомъ.

V. ЯПОНСКОЕ:

117. *Японскій*, и

118. *Лиу-Кіеускій* языкъ, въ Японіи, и на остро-
вахъ Лиу-Кіеу.

ЯЗЫКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ТУНГУЗСКОЕ.

119. *Манджурскій*, языкъ нымцзинскихъ владѣн-
лей Кишай, и Манджуровъ, Солонровъ, Дауровъ.

120. *Тунгузскій*, съ разными нарѣчіями, какъ-
то: Чапогирскимъ, Ламушскимъ, и проч. — Языкъ
Тунгузовъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ МОНГОЛЬСКОЕ.

121. *Монгольскій*, языкъ Монголовъ, подданныхъ
Кишай, и живущихъ въ Тибетѣ.

122. *Калмыцкій*, языкъ Калмыковъ, живущихъ въ Дзунгаріи, Россіи и другихъ земляхъ.

123. *Бурятскій*, языкъ Брашскихъ, или Бурашовъ, въ Сибири.

III. Турецкое.

124. *Турецкій*, языкъ Турковъ, Ташаръ, и нѣкоторыхъ Калмыковъ, въ средней Азійи, Персіи и Россіи.

125. *Якутскій*, языкъ Якушовъ въ Сибири.

126. *Чувашскій*, языкъ Чувашъ и Тепшарей, въ Россіи.

ЯЗЫКИ СѢВЕРНОЙ СИБИРИ.

I. Поколеніе Самоядское.

Въ немъ находящъ 10 нарѣчій; а именно:

127—136. *Хасово, Туруханское, Тавгисское, Тазовское, Нарымское, Лаакское, Карасское, Камашо-Кейбалыское, Сойотское, Урлехайское* (Мотшоры, Улеки).

II. Енисейское.

Въ немъ находящъ 5 нарѣчій:

137—141. *Денка, Имбазкъ, Аришь, Пуллокельское, Коттенъ-Ассанское.*

III. Коряцкое.

Раздѣляюшъ на 4 нарѣчія:

142—145. *Пенженское, Камзатское, Карагасское, Чукотское*, по мѣсту обитанія Коряковъ.

IV. Юкагирское.

146. *Языкъ Юкагировъ*, отличный отъ всѣхъ другихъ.

V. КАМЧАДАЛЬСКОЕ.

Раздѣляютъ на *четыре* нарѣчія :

147—150. *Тигильское, Среднее, Укексское, Курильское.*

VI. КУРИЛЬСКОЕ.

151. *Курильскій*, языкъ сходный съ Камчатско-Курильскимъ, на сѣверныхъ Курильскихъ островахъ.

152. *Острова Эззо*, языкъ Анносовъ.

153. *Таракайскій*, языкъ Анносовъ, живущихъ на материкѣ Азіи, или Гиляковъ.

И шого въ Азіи :

Семь главныхъ отдѣленій : *Семитическое, Кавказское, Персидское, Индійское, Восточно-Азійское, Средне-Азійское, Сѣверо-Сибирское.*

Каждое дѣляща на *поколтнія* ; есть много языковъ, коихъ происхожденія опредѣлить невозможно. Таковы языки нѣкошорыхъ племенъ въ Индіи, въ Кишаѣ, на Кавказѣ, и въ Сибири. Нѣсколько древнѣйшихъ, коренныхъ языковъ осматривается только въ книгахъ и памянникахъ. Всѣхъ-же вообще языковъ-собственно, живыхъ и мертвыхъ, коренныхъ и производныхъ, полагаюшъ въ Азіи болѣе 150. Почти каждый изъ нихъ имѣетъ свои отдѣльныя нарѣчія, или діалекты, и нѣкошорые весьма въ большомъ числѣ.

(Продолж. съ слѣд. книжки).

ДВѢ ГРАМАТЫ.

ОТЪ МОСКОВСКАГО ПАТРИАРХА ІОАКИМА КЪ ІОСИФУ
 АРХІЕПИСКОПУ КОЛОМЕНСКОМУ И КАШИРСКОМУ, ПИ-
 САННЫЯ ВЪ 1675 ГОДУ (*),

I. *О дополненіи къ Соборному Дѣлаю духовныхъ
 постановленій, составленному Соборомъ, въ 1667
 году.*

Благословеніе великаго Господина святѣйшаго Іо-
 акима, Патріарха Московскаго і всеа Русні, о Свя-
 шѣмъ Дусѣ сыну, і сослужителю, нашего смиренія
 Іосифу, Архiepископу Коломенскому і Каширско-
 му. Въ прошломъ во 175 году, повелѣніемъ Благоче-
 стивѣйшаго, Тишайшаго, Самодержавнѣйшаго Ве-
 ликаго Государя, Царя і Великаго Князя Алексѣя
 Михайловича, всеа Великія, и Малыя и Бѣлыя Росні
 Самодержца, Святѣйшія селенстіи Патріархи: Кірѣ
 Паисія, Папа і Патріархъ Александрійскій и судія
 селенскій, и Кірѣ Макарій, Патріархъ Антіохій-
 скій і всего Востока, и Кірѣ Іоасафъ, Патріархъ
 Московскій і всеа Росні, съ преосвященными Миш-

(*) Подлинная грамата писана на длинномъ столб-
 цѣ, весьма хорошою скорописью, съ сокращеніями.
 Здѣсь соблюдено нами правописаніе поже самое, ка-
 кое и въ грамахѣ, исключая знаковъ препинанія. С.

иерополиты, и Архiepископы, и Епископы, и со
 всемъ освященнымъ Соборомъ изложиша Соборное
 Дѣяніе, и подписаше своими Архiepейскими рука-
 ми, повелѣши всего Государства Росiискаго, въ
 нашемъ Патрiархіи і во всѣхъ Епархіяхъ въ попол-
 неніе учиниши Архiepероу, чѣмъ имъ во своихъ
 градѣхъ и уѣздѣхъ, гдѣ-же поставлены будутъ Ар-
 хiepрѣи, управляши святыя церкви со всякимъ бла-
 гоуспіемъ, и люди учиши и просвѣщаши, яко же
 вамъ правильнѣ поведѣся, подобно, въ прочихъ Е-
 пархіяхъ обрѣшающіися, іныхъ Епархіи церкви у-
 правляши шѣхъ Епархіи Архiepероу, гдѣ въ кошо-
 рой Епархіи, кому будетъ присшойно. І въ нынѣш-
 немъ во 183 году Октяврѣи въ 15 день, соизволені-
 емъ Великаго Государя, Царя і Великаго Князя
 Алексѣя Михайловича, всеа Великія, и Малыя и
 Бѣлыя Росiи Самодержца, мы, Святѣйшій Патрiархъ,
 съ сыновы своими, съ преосвященными Ми-
 ирополицы, Архiepископы и Епископы, прилучав-
 шимися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, противъ
 прѣждереченнаго изложенія Святѣйшихъ Патрiар-
 ховъ і всего освященнаго Собора, нынѣ совѣтъ по-
 ложихомъ, и за подписаніемъ рукъ нашихъ ушвер-
 дихомъ: впредь быши непрѣмѣнно пошому-жъ каждо
 Епархіи грады и уѣзды по писцовымъ книгамъ вла-
 дѣши коемуждо Архiepероу, монашери и церкви у-
 правляши, и вновь церкви велѣшь строити, и по
 прошенію мирскихъ людей благословеніе подавати
 правильна, лѣ своихъ Епархіяхъ по уѣздамъ, разма-
 шривая въ шомъ съ великимъ приаѣжаніемъ по пис-
 цовымъ книгамъ, и у челоубишчииковъ имати за ру-
 ками скаски, гдѣ кошораго города и уѣзда, чѣмъ

были не чужі Епархіи града или уздадъ , і въ шомъ-бы межъ вами Архіерѣи распри и въ людяхъ смяшенія не было. И по семъ изложеніи и Соборомъ утвержденіи, мы, Свяшѣйшій Патріархъ, своея области церковнаго ради благочинія і всенароднаго управления, и мяшежныхъ, и непостоянныхъ и непослушныхъ священниковъ и монашескаго чина, и прочихъ шѣмъ подобныхъ, повелѣхомъ вамъ, сыновомъ своимъ, въ своихъ Епархіяхъ управляши въ городѣхъ и по уздамъ, гдѣ обрѣцуща наши Патріаршіе области церкви, и вамъ шакожде управляши, и въ своихъ духовныхъ дѣлахъ судомъ и расправою вѣдаши, и наши, Свяшѣйшаго Патріарха, домовыя вошчины, гдѣ будешъ въ швоей, сыну, Епархіи по уздамъ, і въ шѣ вошчины къ церквамъ во священство посвящашъ, и церковныя дани і всякіе Архіерейскіе доходы велѣшь собирашь въ своихъ домовыя казны; шакожде и шѣхъ нашихъ вошчинныхъ хрістіанъ въ духовныхъ дѣлахъ управляши по правиламъ святымъ вамъ-же Архіереомъ. А кошорые нашего Патріаршаго дому приписныя монастыри въ вашихъ Архіерейскихъ Епархіяхъ обрѣшашися будутъ въ городѣхъ, і въ уздахъ, і въ шѣ домовыя монастыри въ Архимандрішы, во Игумены, і въ Строишели, і во ныне монастырскіе службы, ково посвяшнимъ и повелѣимъ быши; а Митрополишомъ, Архіепископомъ и Епископомъ, въ наши Патріарши домовыя и приписныя монастыри въ вашихъ Епархіяхъ, въ городѣхъ и въ уздахъ, будутъ обрѣшашися, і вамъ Архіереомъ, безъ нашего Патріарша благословенія и повелѣнія собою Архимандрішовъ, и Игуменовъ, и священнаго монашескаго

чина не посылаши и не посвящаша, шого ради, чтобъ въ шѣхъ домовыхъ и приписныхъ монастырѣхъ, по благословенію святѣйшихъ Патріарховъ, впрядь было безмяшечно, а вамъ Архіереомъ безпечально ошъ навѣшовъ и небылыхъ приносныхъ словъ намъ Святѣйшему Патріарху. А будежъ мы, Святѣйшій Патріархъ, повелимъ кошорому Архіерею, сице въ своей Епархіи прилучишь нашъ домовый монастырь, въ духовности вѣдашь, кромѣ внѣшнихъ мярскихъ дѣлъ, чтобъ въ шѣхъ монастырехъ у Архимандритовъ, и у Игуменовъ, и у Строителей и у братьи какова безчинства не было, и будешъ кошорый Архіерей усмотряшь въ шѣхъ монастырехъ какое безчиніе и нестроеніе, а по духовною разсужденію шаковіи достойни сушь смиренія и наказанія, і вамъ Архіереомъ о шаковыхъ безчинникахъ возвѣщать писаньемъ намъ, Святѣйшему Патріарху, и вѣдашь шаковыхъ духовностью по грамамъ, кому наша мѣрность повелишь; шакожде і вамъ Архіереомъ въ своихъ домовыхъ вошчинахъ, кошорые прилучаша въ городѣхъ і въ уѣдехъ выноі Епархіи, і въ шѣхъ вошчинахъ церкви, и къ шѣмъ церквамъ вамъ Архіереомъ во священство не посвящашъ, і въ шѣхъ вошчинахъ домовыхъ своихъ Христіанъ духовностью не вѣдашь, и церковныя дани і всякие свои Архіерейскіе доходы съ шѣхъ церквей не собирашь, а священниковъ къ шѣмъ церквамъ посвящаша и духовностію Христіанъ управляши, и церковныя дани і всякие Архіерейскіе доходы собираши въ домовую казну шому Архіерею, у кошораго въ Епархіи шѣ вошчины будущъ. И о шомъ узнали мы, Великій Господишь, Свя-

швѣдній Іоакимъ , Патріархъ Московскій і всеа Русіи , посласпа къ вамъ Архiereомъ съ сего издожевіа наши Святѣйшаго Патріарха граматы , впрѣдѣ для утвержденія . И какъ къ шебѣ ся наша грамота придетъ , и ты-бѣ , сынъ , своея Епархіи города и шѣхъ городовъ и уѣзды владѣшь по писцовымъ книгамъ , и монашвыри и церкви управляешь , и въ нихъ церкви ведѣшь сироншь , и по прошенію мирскихъ людей благословеніе подавашъ правильно , въ своей Епархіи , въ городѣхъ и въ селѣхъ , по уѣздамъ по писцовымъ книгамъ , хкошорому городу кои села и уѣздами приписаны , размашривая съ великимъ прилѣжаніемъ , и у челобитчиковъ имашъ за руками скаски , гдѣ , кошораго града и уѣзда , чшобъ было нечужіе Епархіи града или уѣзда , і въ шомъ бы межъ вами Архiereами распри і въ людяхъ смяшенія не было ; а кошорые въ швоей Епархіи , въ городѣхъ и уѣздѣхъ , нашіе Патріарши области и вныхъ Архiereовъ обрѣтающіися церкви , и шыбъ сынъ шѣми церквами владѣлъ по шому-жъ , по писцовымъ книгамъ ; шакожде и нашіе Епархіи въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ обрѣтающіися церкви вѣдомы были и приписаны въ вашемъ дому , и шѣми церквами шебѣ сыну впрѣдѣ не владѣшь и ни чемъ не вѣдашь , а вѣдашь въ нашемъ Патріаршемъ дому , по градомъ и по уѣздомъ ; шакожде въ вашихъ Епархіяхъ сшольники , и сшряпчіе , и дворяне Московскіе , и жшльцы , і всякихъ чиновъ Московскіе люди будущъ дрітѣжашъ въ свои комѣсшья и волшчины , и жшшь на время , а на нихъ учнешъ хшо вамъ Архiereомъ бшшь челомъ въ какихъ духовныхъ дѣлахъ , і вамъ бы шѣхъ Московскаго чина людей не судишь , и не какимъ

дѣлами не вѣдашь, а судишь и всякими дѣлами вѣдашь людей и крестьянъ хто въ чьей Епаркіи живешь; а будешь до кого Московскаго чина людей дойдушь какіе великіе духовныя дѣла, и вамъ бы на нихъ пишашь къ намъ, Святейшему Патріарху, для шого Московскаго чина за людьми помѣстья и вотчинныя бываюють во многихъ городѣхъ і въ разныхъ Епархіяхъ, и попому одинъ человекъ у многихъ Архіереевъ будешь подь судомъ, и шого ради Московскаго чина людей во всякихъ духовныхъ дѣлахъ судимъ мы, Святейшій Патріархъ, на Москвѣ, или кому отъ васъ Архіереевъ повелимъ мы, смотря по дѣлу; а будешь хто Московскаго чина людей учнутъ предъ вами искаши на комъ ваше Епаркіи, а шѣ люди, на шѣхъ Московскаго чина людяхъ не находя суда, учнешь искаши въ шпрѣшномъ, и шѣхъ Московскаго чина людей, вы Архіерей, да судите. А милость Божія, и Пречистыя Богородицы, і великихъ свяшителей Петра, и Алексѣя, и Іоны, и Филиппа, Московскихъ і всеа Русіи Чудотворцовъ молишвы, и нашего смиренія благословеніе да естъ и будешь съ швоимъ свяшительствомъ нынѣ і во вѣки. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7183, Мая въ 27 день.

На оборотѣ грамоты по склейкамъ сплюбцовъ скарпиль: *Діакъ Левъ Ермолаевъ. Смотрилъ Якушко Семеновъ.*

На первомъ сплюбцѣ на оборотѣ находилса еще слѣдующая подпись:

« О Свяштемъ Душѣ, сыну и сослужителю нашего

смиренія Іосифу Архієпископу Коломенскому и Коширскому. »

« 7183 года Мая въ 28 день Пашріарша Разряду съ Дьякомъ со Львомъ Ериолаевымъ, да съ подъячимъ Яковомъ Семеновымъ. »

II. О распределеніи городовъ съ Коломенской Епархіи (*).

Благословеніе Великаго Господина Свяштішаго Іоакима, Пашріарха Московскаго і всеа Русні, о Свяштімъ Дусъ сыну и сослужителю нашего смиренія Іосифу, Архієпископу Коломенскому и Коширскому. Въ нашемъ Соборномъ Дѣяніи и преосвященныхъ Мишрополишовъ и Архієпископовъ, съ прилучившимися въ царствующемъ градѣ Москвѣ, заподписаніемъ рукъ нашихъ написано опредѣленіи городовъ, коеждо Епархіи грады, съ уѣзды, по писцовымъ книгамъ, велѣно владѣшь коемуждо Архіерею, монашыри и церкви управляши и вновь церкви строишь по уѣздамъ; а по шому Соборному нашему Дѣянію Рязанской Епархіи Коширской уѣздъ со всѣми церквами, по писцовымъ книгамъ, велѣно быши въ швоей, сыну, Епархіи, пошому что градъ Кошира въ обласши швоей. И нынѣшнаго 183 года Мая въ 20 день, мы, Свяштішій Пашріархъ, слу-

(*) Подлинная грамата писана на сполбцѣ, связною скорописью. Здѣсь также соблюдено правописаніе шо самое, какое и въ грамахъ, кромѣ знаковъ препинанія. С.

шали шого преждереченнаго изложенія , нынѣ со-
вѣшь Соборнѣ положиша и ушвердиша : ошдѣлишь
изъ швоей Епархіи градовъ Епифанѣ да Гремячевѣ , съ
уѣзды , по писцовымъ книгамъ , въ Резанскую Епархію ,
и монастыри и церкви управляши , і вновь церкви
велѣшь строишь по уѣздамъ ему Мишрополишу . И
какъ къ тебѣ ся наша грамоша придешь , и шы-бъ
сынъ , Коширскій уѣздъ владѣлъ по писцовымъ кни-
гамъ , и монастыри и церкви управлялъ , и вновь
церкви велѣлъ строишь , і всякихъ людей , шого Ко-
ширскаго уѣзду жишелей , въ духовности вѣдалъ ,
а градами Епифанью , и Гремячевѣ , и шѣхъ городовъ
въ уѣздахъ монастырей и церквей не вѣдалъ , и
всякихъ людей , шѣхъ городовъ и уѣздовъ жишелей ,
духовностью не управлялъ , а вѣдаешь въ градѣхъ
въ Епифани и въ Гремячевѣ , и шѣхъ городехъ въ
уѣздехъ монастыри и церкви , и всякихъ людей шѣхъ
городовъ и уѣздовъ жишелей і духовностью управ-
ляешь Іосифъ , Мишрополишь Резанскій и Муром-
скій , и хто понемъ впредь иные Мишрополишны
будушь ; пошому чшо шѣ города , Гремячевѣ при-
городъ во всякихъ Великаго Государа дѣлахъ вѣда-
юшь въ Переяславѣ Резанскомъ , и Епифанскій у-
ѣздъ смежень съ Резанскимъ уѣздомъ ; а ко Іосифу
Мишрополишу Резанскому и Муромскому о томъ
нашъ свяшѣйшаго Паптріарха указъ посланъ . А
милосшь Божія , и Пречистые Богородицы і Вели-
кихъ Свяшителей Петра , и Алексѣя , и Іоны , и Ои-
липпа , Московскихъ и всея Русіи Чудотворцевъ , мо-
лишвы , и нашего смиренія благословеніе да ешь и
будешь съ швоимъ свяшительствомъ нынѣ і вовѣки .
Писанъ на Москвѣ , аша 7183 , Мая въ 27 день .

На оборотѣ граматы, по склейкамъ столбцовъ, скрѣпилъ : *Діакъ Левъ Ермолаевъ. Смотрилъ Якушко Семеновъ.*

† Печать приложена изъ краснаго воска , съ благо-
словенною рукою.

На первомъ столбцѣ на оборотѣ находишся при-
пись :

« О Свяшѣхъ Дуехъ , сыну и сослужителю нашего
омпреніа Иосифу, Архіепископу Коломенскому и Ко-
ширскому.»

« 7183 года въ Маѣ 28 день Патріаршу разряду зъ
Дьякомъ со Львомъ Ермолаевымъ, да съ подьячимъ
съ Яковомъ Семеновымъ. »

ИЗЪЯСНЕНИЕ КАРТИНКИ.

Небольшая картинка живописца Ришара. Онъ изобразилъ на ней извѣстный анекдотъ изъ жизни Франциска I-го.

Однажды этошь, испинно-Французскій, Король, Рыцарь, писавшій: *все потеряно, кромѣ гести*, обожашель дамы, столько-же храбрый въ полѣ, сколько былъ любезень въ обществѣ, написалъ на спецаля окошка, въ замкѣ своемъ, Шамборъ:

Souvent femme varie,
 Bien fol est qui s'y fie (*).

Видно, что Францискъ былъ тогда раздосадованъ на измѣнчивость какой нибудь красавицы, или хотѣлъ

. . . рѣзкой эпиграммой
 Взбѣсить ошлошнаго врага!

Король, въ задумчивости, смошрѣлъ еще на свое сатирическое двусмыслие, когда вошла къ нему Мар-

(*) Часто женщина измѣняется;
 Глупъ, кто ей вѣрится!

гарриша Наваррская, сестра его. Это была любимая его сестра, и — шочный Францискъ I-й между женщинами. Исторія помнишь, какъ смѣло поступала она при Дворѣ Карла V-го, когда брашъ ея былъ плѣнникомъ въ Мадришѣ. Маргарриша была украше-ніемъ Французскаго Двора; писала даже комедіи, пасторали, пѣсни и сказки. Ея сочиненія были собраны и изданы подъ щеголеватымъ названіемъ: *Marguerites de la Marguerite des princesses* (*Маргариты Маргариты изъ принцессъ*). Дабы понять эту игру словъ, надобно знать, что *Marguerita*, по-Латински, значишь — перло.

Сестра прочишала стихи Франциска, и начала доказывать ему, что они несправедливы, и что женщины любяшь лучше и вѣрнѣе, нежели мужчины. Она общала представившъ доказательства, и даже ударилась объ закладъ съ Королемъ, кошорый общалъ, въ случаѣ проигрыша, исполнить все, что велитъ Маргарриша. Тогда Принцесса рассказала повѣсть объ одномъ любимцѣ Франциска, кошорый впалъ у него въ немидосшь, и въ шюрмиѣ ожидалъ смершной казни, но былъ спасенъ женою, не смотря на невѣрность и вѣшренность свою. Жена слѣдовала пошомъ за нимъ въ побѣгъ, услаждала его изгнаніе и бѣгшво, работала для его пропишанія, и требовала одного — *любви своего мужа*. Маргарриша знала, гдѣ скрывалась эша великодушная женщина съ своимъ мужемъ. Король былъ разстроганъ, убѣдился рассказомъ Маргарришты; она пошребовала прощенія любимцу, и Францискъ просишлъ его. Немедленно разбишъ онъ и стекло, на кошоромъ была имъ написана эпиграмма на женщинѣ.

Вѣрность костюма, правильность рисунка и простота ошлнчаютъ картину Ришара. Она въ первый разъ появилась на выставкѣ произведеній Французской живописи, въ XII-й годъ Французской республики. Вышина ея 2 ф. 6 д.; ширина 2 фуза. Она находится нынѣ въ картинной галлерей одного частнаго любителя, въ Парижѣ. Денойе выгравировала съ нея эстампъ.

С М Ъ С Ъ.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ *портретъ Аббата Сикара*. Имя его принадлежитъ къ именамъ благодѣтелей чловѣчества, и стойтъ подлѣ имени Аббаша Л'Эпе, *возвратившаго даръ слова лишеннымъ его природою.*

Какъ чловѣка, можешь быть, Сикара укоринь въ его слабомъ характерѣ, малодушн, которое иногда оказывала онъ въ жизни: сраданія очищаютъ память добродѣтельнаго! Но, какъ наставникъ глухонѣмыхъ, какъ благодѣтель, имъ посвятившій жизнь свою и всѣ умственныя способности, Сикаръ достоинъ памяти незабвенной.

Рошъ, Амбруазъ, Кюкюрронъ Сикаръ родился 1742 г. Сентября 28, въ Фуссере, близъ Тулузы. Съ юности опредѣливъ себя въ духовное званіе, Сикаръ учился въ Тулузѣ, и ошлчился глубокими

Ноябрь 1830

20

свѣдѣніями въ Филологіи и Математицѣ. Епископъ Бордоскій избралъ его, въ 1786 г., Директоромъ Училища глухо-нѣмыхъ, въ Бордо. Сикарь отправился въ Парижъ, и старался узнать и изучить методу Л'Эпе. Онъ приложилъ къ ней свои глубокія Филологическія и Математическія познанія. Посвятивъ себя потомъ рѣшительно сему предмету, онъ распространилъ, усовершенствовалъ прежнюю методу ученія глухо-нѣмыхъ, расположилъ полныя курсы, и по смерти Л'Эпе, въ 1789 году, общій голосъ публики призналъ Сикара достойнымъ его преемникомъ. Сикарь предался совершенно своему занятію. Настала революція. Сначала все благопріятствовало Сикару. Извѣстно, что не смотря на похвалы и одобренія отъ правительсва и публики, добродѣтельный Л'Эпе основалъ и содержалъ Институтъ глухо-нѣмыхъ *на собственный свой счетъ*, имѣя пышечь десятокъ ливровъ ежегоднаго дохода, и употребляя ихъ всё безъ остатка. Иногда только, Людовикъ XVI-й дарилъ ему небольшія суммы для его благотворительнаго дѣла, о которомъ слава гремѣла во всей Европѣ. Конституціонное Собраніе, 21 Іюля 1791 г., опредѣлило значительный капиталъ Сикару. Къ несчастію, Сикарь вздумалъ спорить за права Духовенства: это значило смертнй приговоръ! Его схватили, увлекли въ тюрьму, и только неустрашимость гражданина Монно, офицера Народной Гвардіи, спасла его во время Сенябрьскихъ убійствъ, въ *Аббатствѣ Св. Германа въ лугахъ*, гдѣ былъ онъ заключенъ. Шабо заступился попомъ за Сикара; его оправдали. Послѣ паденія Робеспьера, Сикарь снова подвергся прес-

слѣдованію , за изданіе Журнала : *Annales religieuses*, гдѣ снова заспорилъ о правахъ Духовенства , и за участіе въ Журналахъ: *Ami des Lois* и *Annales catholiques*. Положено было изгнать Сикара , и ни что не спасло его. Напрасно Сикарь показаль тогда слабость непростительную — отрекшись оупъ всѣхъ своихъ мнѣній , и даже давши письменное увѣреніе въ противномъ... Надобно было спастись оупъ ссылки ; Сикарь бѣжалъ за границу , и два года скитался внѣ предѣловъ Франціи ; оупъ возвратился послѣ перевороша 18-го Брюмера. Съ тѣхъ поръ , до самой смерти своей , послѣдовавшей 1822 года Маи 10 дня , Сикарь жилъ только для своего дѣла. Блестящіе успѣхи заведенія , приведеніе въ полную систему ученія глухо-нѣмыхъ , остроумная практика и глубокая теорія сего предмета — все это были труды и попеченія Сикара , который кромѣ того оставилъ послѣ себя достойныхъ преемниковъ. Его сочиненія считались основными книгами во всѣхъ училищахъ глухо-нѣмыхъ. Самъ Л'Эпе говорилъ , еще при началѣ трудовъ Сикара : « Я изобрѣлъ стекло , а оупъ сдѣлалъ очки. » Всякій путешественникъ спѣшилъ , по пріѣздѣ въ Парижъ , видѣть почтеннаго старца , и удивляться его заботливости , его неопisanному перпѣнію , крепости , его обширнымъ познаніямъ предмета , бывшаго единственною цѣлью его жизни. Глухо-нѣмые казались дѣтьми его. Папа Пій VII-й , въ 1805 г. , посѣтилъ и благословилъ заведеніе Сикарово ; Союзные Монархи , въ 1814 и 1815 гг. , были нѣсколько разъ въ Парижскомъ Институтѣ глухо-нѣмыхъ. Людовикъ XVIII-й далъ тогда Сикару орденъ Почешнаго Легіона , Императоръ Але-

ксандръ орденъ Св. Анны, а Король Шведскій орденъ Вазы. Изъ Англіи, Германіи, Швеціи и Россіи просили совѣтовъ и наставленій Сикара. Наполеонъ, во время своего могущества, былъ постоянно привѣтливъ и благосклоненъ къ нему. Не смотря на все это, послѣдніе годы жизни добродѣтельнаго Сикара были годами испытаній тяжкихъ. Желая помочь одному ошцу семейства, онъ далъ ему на себя вексея, на значительную сумму, и это благошвореніе употребили во зло. При старости лѣтъ, Сикаръ продалъ все, что имѣлъ, дабы заплашиться по векселямъ, спрдавалъ, мучился, жилъ въ бѣдности — это несчастное обстоятельство ускорило и смерть его. Мысль о глухо-нѣмыхъ воспитанникахъ, была послѣднею его мыслию: онъ писалъ, говорилъ, просилъ объ нихъ даже на одрѣ смерти. Сикаръ былъ Членомъ Академіи Французской, и многихъ другихъ ученыхъ обществъ. Главныя сочиненія его суть: *Elémens de Grammaire générale*, 2 т. in-8, 1-е изданіе 1799 г.; шретье (подъ титуломъ: *Théorie des signes, pour l'instruction des sourds-muets*) 1808 г.; четвертое, у котораго выдрали посвященіе Наполеону, 1814 года. Эта книга почиталась нѣкогда авторитетомъ по части Всеобщей Грамматики. — *Cours d'instruction d'un sourd-muet* (2-е изданіе, Парижъ, 1803 года, in-8), донинѣ остается единственною въ своемъ родѣ. Кроме того, Сикаръ напечаталъ еще много отдѣльныхъ книгъ для курсовъ своего Института; онъ также перевелъ и издалъ нѣсколько книгъ духовнаго содержанія.

Вотъ еще новое прибавленіе къ тысячѣ и одной исторіи о духахъ и привидѣніяхъ. Дѣйствующія лица сей исторіи достойны вѣроянія, и еще болѣе замѣчательна она шѣмъ, что въ ней видно необыкновенное присуствіе духа женщины. Мать знаменишаго Каннинга, послѣ смерти перваго своего мужа, вышла за актера Реддиша, и играла на театръ. Когда лишилась она и втораго мужа, то вышла за прешяго, Гунна, Плимутскаго купца. Къ несчастію и эшошъ мужъ ея вскорѣ умеръ. Тогда, чтобы пособить своему семейству, Г-жа Гуннъ, оставившая было театръ, принуждена была снова выйдти на сцену. Помощь ея нужна была и самому Георгу Каннингу, тогда еще учившемуся въ Липкольнской школѣ. Г-жа Гуннъ отличалась добродѣтелями, умомъ, была всѣми уважаема, и жертвовала для дѣшей своимъ спокойствіемъ и счастіемъ. Письма Каннинга доказываютъ, какое глубокое уваженіе и нѣжную любовь сохранялъ къ ней всегда сей великій человекъ. Однажды, Г-жа Гуннъ пріѣхала на все льшо въ Плимуть. Бернарду, содержавшему тамошняго театра, препоручила она пріискать приличную, удобную квартиру. Онъ нашелъ квартиру, опрятную, прекрасную, и удивился дешевой цѣнѣ. Хозяинъ признался ему, что никто не хочетъ нанимать у него квартиры, потому, что домовый житья не даетъ постояльцамъ. Г-жа Гуннъ смѣялась, слыша такой разсказъ, говорила, что она уже привыкла къ духамъ и привидѣніямъ на театръ, и наняла квартиру. Комнаты Г-жи Гуннъ были во второмъ этажѣ; внизу расположена была мастерская хозяина: онъ былъ столяръ и машинистъ,

и самъ жилъ въ особомъ флигелѣ. День прошелъ спокойно. Г-жа Гуннъ уложила дѣтей спать; слуга и служанка ея также уснули; сама она любила чтеніе, и расположилась читать. Занимательность книги увлекла ее. Часы ударили полночь, и вдругъ внизу, въ мастерской хозяина, закричала пила, какъ будто кто нибудь пилялъ доску; потомъ стали рубить шестъ, ломъ, сплывать молотомъ; слышенъ былъ шрескъ досокъ, звонъ гвоздей; словомъ: казалось, что множество людей работало дѣятельнымъ образомъ. Г-жа Гуннъ рѣшилась узнать поближе спрятанное это явленіе; тихо сошла внизъ по лѣстницѣ, со свѣчею, приблизилась къ дверямъ мастерской; стукъ, шрескъ, звонъ продолжались; она отворила дверь — ничего и никого: всюду тихо, темно, все находится на своемъ мѣстѣ, въ величайшемъ порядкѣ! Г-жа Гуннъ вездѣ осмошрѣла; двери, окна были заперты. Едва затворила она дверь, шумъ начался снова, продолжался съ часъ, потомъ все умолкло. На другой день было тоже явленіе. Напрасно сперегла, смошрѣли, собирались нарочно: шумъ и стукъ постоянно начинались въ полночь, продолжались часъ, и никогда никого не видали, и ничего не открыли. При входѣ людей въ мастерскую, все умолкало. Г-жа Гуннъ привыкла наконецъ къ этому, и говорила, что еслибы полуночный стукъ и шумъ прекратились, то ей было-бы спрашно и грустно, ибо это непонятное явленіе, казалось, возвѣщало ей присутствіе добраго духа. Она прожила цѣлое лѣто въ Плимутѣ, и благополучно уѣхала въ Лондонъ. Г-нъ Бернардъ самъ былъ свидѣтелемъ непонятнаго явленія, вмѣстѣ съ Г-жею Гуннъ и Г-мъ

Сейммондомъ , хозяиномъ дома , который потомъ разбогатѣлъ онъ своей работою , и продалъ домъ за хорошую цѣну . Бернардъ описалъ эту исторію о домовыхъ въ жизни Г-жи Гуннъ , которую помѣспилъ онъ въ книгѣ своей объ Англійскомъ театрѣ (*Retrospections on the stage* , Лондонъ , 1830 г .) . Онъ ссылается на множество свидѣтелей въ истинѣ разсказа .

Въ Парижѣ соспавилось новое Общество , подъ именемъ *Общества благотворительныхъ заведеній* (*Société des établissemens charitables* .) Число Членовъ опредѣляется 60 . Президентъ Общества Герцогъ Дудовпалъ ; Вице-Президенты , Бароны Мунье и Бальзакъ ; Секретарь Баронъ Дежерандо ; Начальники пяти Комитетовъ , Общество составляющихъ , Баронъ Пафье , Графы Бретейль и Сентъ-Олеръ , Герцогъ Бролио и Аббашъ де ла-Шапелль . Общество составилось по примѣру Лондонскаго *Общества для улучшенія жребія бѣдныхъ въ Англїи* , Голландскаго *Общества народнаго блага* , и Швейцарскаго *Общества народной пользы* . Цѣль его : вспомошествованіе вѣтъмъ сущеспвующимъ во Франціи благотворительнымъ заведеніямъ , и вообще *предупрежденіе бѣдности и несчастій* ; рабочіе дома , смирительные дома , колонїи бѣдныхъ , учебныя заведенія безъ платы , ремесленные школы , больницы , училища слѣпыхъ , глухо-нѣмыхъ , изданіе полезныхъ и учебныхъ книгъ , для раздачи бѣднымъ и больнымъ — все это входитъ въ планъ дѣйснвій Общества .

Ксшати о другихъ Парижскихъ Обществахъ. *Общество улучшения тюремъ*, съ 1814 года, употребило уже болѣе 27 милліоновъ франковъ для предмета своихъ занятій, и вскорѣ капиталы его будутъ шакъ достаточны, что Правительство ничего не будетъ употреблять на содержаніе тюремъ во Франціи. Дѣйствія Общества были многочисленны и успѣшны. Работы заключенныхъ въ тюрьмы составляютъ нынѣ до 1¹/₂ милліона франковъ ежегоднаго дохода. — Еще дѣятельнѣе сего прудится *Парижское Филантропическое Общество*, и шѣмъ замѣшательнѣе оно, что сборъ съ Членовъ положень самый маленькій, а дѣйствія Общества весьма обширны, при малыхъ средствахъ. Число Членовъ Общества простирается до 18,000; ежегодный доходъ до 90,000 фр., и на эту сумму Общество содержало въ 1829 году до 3¹/₂ тысячъ больныхъ, вылечило болѣе 2000, дало временную помощь 500 сироткамъ, похоронило умершихъ болѣе 100 человекъ, раздавало въ годъ болѣе 300 тысячъ порцій хлѣба немущимъ. *Блаженъ разумваяй на нища и убога!* Филантропическое Общество учреждено Людовикомъ XVI-мъ; Революція уничтожила было его; оно возобновлено попомъ Наполеономъ, въ 1801-мъ году.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*)

Les nouvelles capotes en gros-de-Naples blanc, jaune-paille ou vert-d'eau, ont la passe large, longue et froncée sur trois baleines. La forme elle-même, ronde et basse, est pareillement froncée, et souvent plus élevée d'un côté que de l'autre. Des rosettes en rubans de gaze sont placées à droite et à gauche, par derrière, et quelquefois sur la forme. Sous la passe, juste au milieu du front, est une large rosette, dont les bouts et les boucles accompagnent les cheveux.

Des chapeaux habillés en moire blanche, rose ou bleu, ont une forme composée de cinq morceaux rapportés, figurant une calote. Trois plumes, fixées au bas de la forme, par derrière, sont recourbées comme le panache d'un casque, ou bien un bouquet de cinq têtes de plumes, garnit le côté droit de la forme.

Dans les grands bals, la gaze de Turin, le crêpe moiré et la gaze à larges raies de satin, composent les robes les plus élégantes. Pour les demi-soirées, les concerts, etc., on porte des robes en crêpe ou en gaze de laine.

Chez les parfumeurs à la mode, il est du bon ton, quand une merveilleuse fait de fortes emplettes, de ne point la laisser sortir sans lui offrir un bouquet parfumé en fleurs artificielles.

(*) До 25-го Марта н. ст. 1831 г.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Les gants blancs demi-longs de quelques danseuses, sont dentelés du haut; chacune de ces dents est, en outre, découpée à jour d'une manière très-légère. Souvent aussi le haut de ces gants est garni d'une petite ruche de tulle ou de blonde.

La chaîne de montre d'un élégant, ainsi que la clef et le cachet, sont en or émaillé. La chaîne se compose de petits ovales rubanés ou de carrés longs, sur lesquels sont des bouquets de fleurs émaillés.

Beaucoup de merveilleux portent des gilets en velours imprimé; d'autres, des gilets de cachemire à palmes ou à raies en travers. Presque tous les habits étaient à larges revers sans cran et à collet de velours.

Новыя гроденаплевыя капшчы-шляпки, пэўшэвѣ: бѣлаго, желта-паалевага или водяннесто-зеленага, дѣлаюцца съ широкими, длинными полями, сборчатыми на шрехъ кишовыхъ усахъ. Самая шулья, круглая и низкая, шакже въ сборкахъ, и часшо съ одного бока выше чѣмъ съ другога. Розешки изъ газовыхъ леншъ бываюць на правой и на лѣвой сторонахъ, назадъ, а иногда и на шульѣ. Подъ полями, на самой срединѣ аба, находицца большая розешка, кошорой концы и баншы входяць въ волоса.

У нарядныхъ шляпокъ изъ волнистой машерин, бѣлой, розовой или голубой, кузовъ составляецца изъ пяти прикренныхъ вырѣзокъ, сшитыхъ въ ви-

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

дѣ шульи. Три пера, вошкнущія внизу шульи, впереди, сгибающія какъ пюмажъ шлема; иногда букешъ изъ пяши верхушекъ перьевъ украшаетъ правую сторону шульи.

На большихъ балахъ, самыя модныя плашья изъ Туринскаго газа, волнистаго крепа, и газа съ широкими апласными полосами. На простыя вечера, въ концерты, и проч., являющія въ плашьяхъ изъ крепа или изъ шерстянаго газу.

Парфюмеры ввели въ моду, дарить своихъ покупателей (если онѣ купили у нихъ много) букетами искусственныхъ цвѣтовъ, напысканныхъ благовоніями.

Полудлинныя бѣлыя перчатки, у вѣкошорыхъ шапчующихъ дамъ и дѣвицъ, бывающія вырѣзаны зубчиками вверху; кромѣ того, каждый зубчикъ вырѣзанъ ажуръ чрезвычайно тонко. Часто, верхъ такихъ перчатокъ обшивающъ мѣлкимъ рюшемъ, тюлевымъ или блондовымъ.

Модныя цѣпочки, ключъ и печать для часовъ, дѣлаются изъ золоша съ эмалью. Цѣпь составлена изъ маленькихъ полосатыхъ оваловъ, или продолговатыхъ чешыреугольниковъ, а на нихъ букешы эмалевыхъ цвѣтовъ.

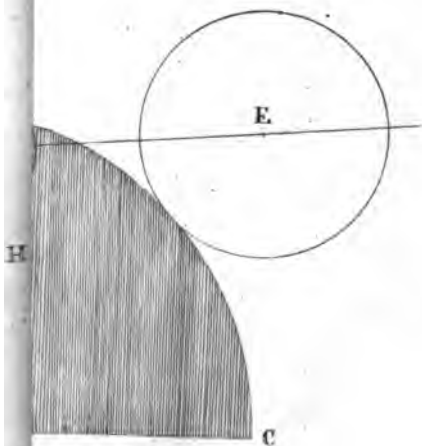
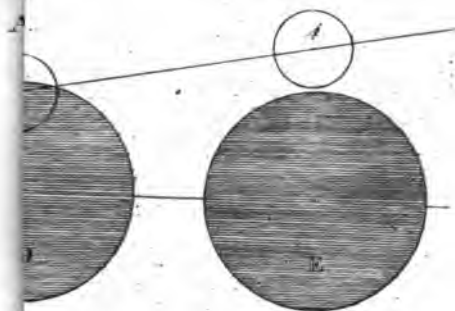
Многіе модники носятъ жилеты изъ шисенаго бархата, или изъ кашемира, съ лисьями, и попе-

речными полосами. Фраки почти все съ широкими
ошворотами безъ рубца, и съ бархатнымъ ворон-
никомъ.

На приложенной картинкѣ :

Дама. Кашемировый шюрбанъ, сдѣланный Г-мъ
Александромъ. Кашемировое платье, вышитое шел-
комъ, въ гладь. Казимировый плащъ, обширный
мерлушкою.

№ 21. Москва. Март. 1830.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 21. *Ноябрь* 1830.

СУМАСШЕДШІЕ И НЕ СУМАСШЕДШІЕ.

Только тогда зрѣлище несчастія мучительно, когда видимъ, что человекъ *чувствуетъ* свое несчастіе, или падаетъ подъ бременемъ его. Но если усматриваемъ, что напропивъ, онъ не понимаетъ своего бѣдствія, или находитъ силы и средства мужественно переносить его, то несчастіе человеческое не давитъ, не раздираетъ нашего сердца. Въ первомъ случаѣ, какъ часто величайшее несчастіе можно промѣняешь на большое счастье. Безчувственная улыбка человека слабоумнаго — едва-ли не легче горестной зѣвоты богатаго умника! Въ другомъ случаѣ, несчастіе можешь быть доказательствомъ умственной силы человека, который въ твердости духа, въ упованіи на Провидѣніе, можешь сыскать средства превращать пустыню жизни въ цвѣшущій садъ. Только потъ испинно счастливъ, кто въ несчастіи счастливъ. **Велико-ли умнѣе бышь счастливымъ при счастьѣ?**

И дуракъ будетъ уменъ, когда ему вездѣ удача... Не даромъ говаривали наши старики: не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ.

Лишеніе зрѣнія, безспорно, есть одно изъ величайшихъ бѣдствій для человѣка. Но, если у меня одинъ знакомый, молодой, любезный человѣкъ — слѣпецъ отъ рожденія. И, повѣрите-ли? Видь его не только не печалитъ, не груститъ меня, но весьма часто утѣшаетъ и радуешь, ибо этакъ слѣпецъ показываетъ мнѣ всю силу человѣческихъ средствъ и способностей. Онъ совсѣмъ не знаетъ наслажденій зрѣніемъ — важное дѣло! Ибо чего мы не знаемъ, и чѣмъ никогда не обладали, того и потери чувствовашь не можемъ. Кромѣ того, помогая умомъ своему *безглазю*, мой слѣпецъ есть кспинный *слѣпецъ ясновидящій*. Почши все, что разсказывають о слѣпцахъ, дѣлающихъ по осязанію то, что мы дѣлаемъ съ помощію слуха и зрѣнія, почши все это дѣлаешь мой слѣпецъ. Онъ прекрасно поетъ по нотамъ, хорошо играетъ на скрипкѣ и фортепiano, различаетъ всякую мелкую монету, читаетъ по выпуклымъ буквамъ; память его обширна и богата свѣдѣніями, и даже, съ шѣхъ поръ, какъ изобрѣшенъ *кекографъ*, онъ пишеть очень чепко и хорошо.

Всегда веселый, разговорчивый и любезный,

довольно богатый и здоровый, мой слепец всего милѣе тѣмъ, что живымъ воображеніемъ своимъ создаетъ онъ для себя свой, особый, блестящій міръ, живешь въ немъ, и чрезвычайно доволенъ этимъ живишь. Однажды, онъ доказывалъ мнѣ, что по его мнѣнію, совершенно справедливъ поэтъ Немецкій писатель, который утверждалъ, что все въ мірѣ было-бы лучше, если-бы все люди были слѣпые. «Тогда» — говорилъ онъ — «тогда прочь все обольщенія суетныя, роскоши и блеска! Я ихъ не знаю, никогда не видалъ; но, увѣренъ, что опшъ нихъ у васъ, зрячихъ, все бѣды, весь сыръ боръ горитъ! Ни умъ, ни совѣсть, ни что не выдерживаетъ, напримѣръ, блеска камешковъ, обдѣланныхъ опредѣленнымъ образомъ, повѣшенныхъ на опредѣленномъ мѣстѣ, съ опредѣленными обрядами! Не гляди на нихъ человекъ, не имѣй желанія, что-бы видели ихъ другіе — сколько зла претрапилось-бы! Да, просто: тогда какъ-то не захотѣлъ-бы живть ихъ и хлопотать объ нихъ. Началась война, и вмѣсто драки, вмѣсто шумной пальбы, арміи играли-бы въ гулячки. Поймавши одинъ другаго за хохоль, одолевалъ-бы толпъ солдатнѣ, кошорнй слыше...» — Но ты лѣпшъ твоихъ слѣдцовъ величайшаго наслажденія природою, искусствами... — Онъ засмѣялся. «Все вы, зрячіе, такъ говорите, но желалъ-бы я знать: наслаждаетесь-ли вы этимъ

въ самомъ дѣлѣ. Скажи одикровенно: кто изъ васъ смотримъ на свѣтлое пробужденіе природы опъ сна, и на первыя упренія облака, золотыми, расцвѣчаемыя первыми лучами солнца? Ваши дворники, ваши цовара и служанки, и нѣ мешупъ улицы, бранятся, бѣгутъ на рынокъ, и, прѣво, не наслаждающа ваша расхваленною природою! А сами вы сильно хранише, съ зашворейными окнами и съ закрытыми глазами, досадуя шолько, что солнце мѣшаетъ вамъ спать ровно до полудня! Наспанешъ весна, дѣво — въ деревню, въ деревню! Зачѣмъ? Наслаждашья природою? Совсѣмъ нѣшъ: спарики сѣяшъ, косишъ, молошишь, пахнашъ масло, выводишъ и вѣшъ дыпляшъ; спарухи ворчатъ, скачашъ, пишъ, вѣшъ... А природа, а величественные, зеленые лѣса, а цвѣщистые, радужные луга? Кое-когда, дѣвочка кака-нибудь пойдешь помешапъ и поглазѣшъ на все это, начишавшись поэпа, копорый писалъ обо всемъ эпомъ, сидя въ педлой комнашъ и въ шрескучій морозъ на дворѣ. И па, куда какъ мало думаешъ о вашей природѣ, пошому что въ зеркало воды, она шолько собою любуешся; на поля и на дорогу смотряшъ: не вѣдешь-ли кто нибудъ въ гонши; въ лѣсу ищешъ грибовъ и ягодъ...» — Полно — сказалъ я — шы злой насмѣшникъ, и если-бы женщины подслушали себя, что доспадлось-бы себя опъ нихъ... — «И совсѣмъ на-

прасно!» отвѣчалъ онъ. «Онъ отказались-бы отъ своихъ выгодъ, отказавшись быть гражданами моего міра слѣпцовъ. Посуди самъ: что за счастье настало-бы въ мірѣ, если-бы не глаза рѣшали участь любви и супружества! Прощай приданое, прощайте хорошенькія личики, прощай все наружное! Одна красота души и сердца, одно очарованіе ума плѣняло-бы мужчинъ. Греки были мудрецы, и Купидонъ ихъ былъ — слѣпецъ! Если и для насъ онъ сдѣлался владыкою слѣпцовъ, то ни спаросць, ни безобразіе не распоргали-бы сердце, ибо душа и сердце не спарѣются. Нѣтъ! Если-бы позволили мнѣ поговорить, созвавъ всѣхъ женщинъ на вѣче, я увѣренъ, что онъ попічасъ выкололи-бы себѣ глаза.» — Богъ знаетъ! Иная не распалась-бы съ двумя зеркальцами души своей, не смотря на швое краснорѣчіе. — «Много-ли шакихъ; а впрочемъ, мы рѣшали-бы большинствомъ голосовъ судьбу каждаго прекраснаго глаза, и повѣрь, что вѣче мое не только выкололо-бы ихъ всѣ, но даже выцарапало. . . . Царапаль — женщина никогда не откажется. . . .»

Мой слѣпецъ, разумѣется, шутилъ. Но надобно сказать, что онъ бываеетъ иногда и не шутилъ чрезвычайно странно и оригинально. Лишенный многихъ, необходимыхъ пособій и поманій, приобретаемыхъ зрѣніемъ, онъ часто смѣ-

диваешъ всѣ идеи и понятія. Въ семъ случаѣ бываешъ онъ похожъ на умнаго ребенка, кощорый знаа кое-что, замѣшивъ кое-что, развиваешъ на этомъ немногомъ свои собственные идеи и понятія, смѣшиваещъ время, пространство, и шваритъ шаки уродливости и странности, что онъ походяшъ на фантастическія лица Гофмана и Жанъ-Поля.

Недавно засталъ я его въ больщомъ раздумьѣ. «Вчера,» сказалъ онъ мнѣ, «мое самолюбіе было оскорблено самымъ досаднымъ образомъ, и щедерь всѣ мои понятія о людскомъ умѣ и безуміи перемѣшались до такой степени, что я ничего не понимаю. Зрѣніе, въ первый разъ въ жизни, починаю я необходимостью, что-бы умѣть размашривать невидимые предметы.» — Что за нелѣпость? — «Совсѣмъ не нелѣпость. Чувствую, что надобно глаза и надобно глядѣть на человека, что-бы различать: сумасшедшій или несумасшедшій онъ.» — Не понимаю! — «Тотчасъ располку. Общій нашъ знакомый N. N. бился со мною объ закладъ, что я не различу сумасшедшаго онъ несумасшедшаго, и вчера, не сказавши мнѣ куда, упроеилъ ѣхать съ нимъ. Мы были въ двухъ домахъ. И въ понедѣль въ другой пріѣхали мы одинакимъ образомъ; насъ не встрѣтали, не принимали; меня водили по разнымъ комнатамъ, водили шихо, давали

во все вслушиваясь, привезли домой, сказали мнѣ, что я былъ на вечерѣ у богатаго человека и съ домъ сумасшедшихъ. Гдѣ сперва? Гдѣ потомъ? Повѣришь-ли: я не могъ сказать, и теперь, сколько имъ думаю, не могу рѣшиться!» — Воля шведъ, сказалъ я, а это рѣчь сашира шведскаго изобрѣщенія. —

«Сашира? Советишь нѣтъ, и я попрошу у тебя наставленія въ томъ, какъ мнѣ рѣшиться закладъ.

Помилуй, другъ мой! Много-ли шумъ надобно смысла и толку, что-бы отличить собраніе людей умныхъ отъ собранія сумасшедшихъ. . .

«Поищи, поищи! Собраніе умныхъ — легко сказать: этого не найдешь и въ иномъ собраніи ученыхъ. Хоть-бы не сумасшедшихъ-то собраніе найти и отличить отъ толпы людей, совсѣмъ ума лишенныхъ.

— Что-жъ за трудность? Устройство дома, мѣсто, гдѣ собираются, одежда, поступки, занятіе собравшихся. . .

«Ты забылъ, что я слѣпой, и ничего этого видѣть не могу.

— Правда — я и забылъ это; но. . .

«Что но? Прошу продолжатьъ.

— Какъ не различить пошому, что можно услышать!

«Въ эшомъ прошу меня извинить. Я опишу тебѣ свое впечатлѣніе.

«Разумѣется, что для меня, какъ слѣнца, не существуетъ никакая *внѣшность*. Великолѣпіе и обширность комнашь, яркое освѣщеніе, фарфоръ, бронза, зеркала — мнѣ все темноша и мракъ. Далѣе, всякія одежды, все признаки и погременушки богатства и знатности — мнѣ незамѣтны и не видны. Одѣнь-ли человекъ, какъ безумецъ, въ шиковый халатъ и холстинный капакъ, или, какъ умникъ, въ мундиръ съ шипьемъ — я не вижу; я могу только *чувствовать* человека.

«Оба дома, кошорые посѣщили мы съ N. N., равно огромны, какъ я могъ эшо замѣтить по шороху шаговъ, по звуку опираемыхъ и запираемыхъ дверей. Въ обоихъ домахъ толпился народъ въ большихъ комнашахъ, или залахъ, и сидѣлъ въ разныхъ комнашахъ отдѣльными собраниями; наконецъ, въ обоихъ мы входили и въ шакія комнашы, гдѣ находили по одному, по два человека.

Въ небольшой комнашѣ одного изъ домовъ слышалъ я жалобный голосъ человека, кошорый судилъ и ридилъ о полиціи, о внѣшнихъ

и внутренних дѣлахъ, государственной экономіи, прибавляя, что онъ умѣлъ-бы устроить все это къ добру и благу, если-бы враги ему не помѣшали, если-бы онъ попалъ въ министры, чего онъ несомнѣнно надѣялся. Слова его были шакъ глупы, шакъ несвязны, что я почелъ его сумасшедшимъ, и кто-шо подлѣ меня шепнулъ: «Онъ сумасшедшій!»

Въ другомъ домѣ тоже явленіе. Чей-шо голосъ произносилъ горькія жалобы на жестокость, безчеловѣчіе людей, которые лишаютъ средства бытъ полезнымъ Человѣчеству, сдѣлавшись генераломъ и сенаторомъ. За шѣмъ слѣдовало исчисленіе добра, которое хотѣлъ эношь человекъ сдѣлать, и это исчисленіе было не глупѣе жалобъ и проэкшовъ человека, мѣпившаго въ министры. «Какъ онъ умно говоритъ» — сказалъ подлѣ меня кто-шо — «знаю, что сумасшедшій, а заслушаешься по неволѣ.»

Въ залѣ одного изъ домовъ, гдѣ шолнилося много народу, я слышалъ, какъ одинъ человекъ, сидя въ углу, читалъ преглупые стихи, а другой говорилъ нелѣпости ученыя. Нѣсколько человекъ въ полголоса шолковали, что и поэтъ и ученый съ ума сошли. И я повѣрилъ-бы этому, если-бы нѣсколько человекъ не захопали руками поэта, и не стали хвалить его. — Въ залѣ другого дома я услывшалъ тоже: и стихи чи-

двухъ , и о наукѣ говорили. Подѣръ итѣ , что различіи въ сущности стиховъ и ученаго разсужденія обѣихъ залъ , и видахой не замѣняютъ. Всего-же непонявшие , что и въ другой залъ также , однихъ называли поэтами и ученаго сумасшедшими , а другіе хвалили ихъ и хлопали руками:

Услышавъ , что кто-то прескверно и преторшибочно играетъ на арфѣ , я подумалъ , что это сумасшедшій ; еще болѣе , когда къ нестройнымъ звукамъ прибавился дурной голосъ , фальшиво вышагивавшій звуки и ноты.

« Вошь человѣку охота пѣть ! » — сказалъ подлѣ меня кто-то. « Не сумасшедшій-ли онъ ? Впрочемъ , нечему и дивиться : у него вся семья на музыкѣ помѣшана ! »

Въ другомъ домѣ , также услышалъ я музыку. Кто-то игралъ на скрипкѣ , и скрипка была разстроена. « Онъ сумасшедшій » — подумалъ я. Но въ это мгновеніе , изъ разстроенной скрипки полетѣли звуки дивные. Казалось , что смычкомъ водили по сердцу человѣческому. Это не были звуки обыкновенные , вымышленные , странные ; атакже мѣшалось съ аллегро ; смычокъ исчезалъ въ звукахъ , которые понули одинъ въ другомъ , и уже не звучали , но сливались въ какую-то дикую , приводящую въ трепетъ гармонію. Музыкантъ забывалъ всѣ правила , всѣ

законы, но за то и слушатель не могъ судить его по определеннымъ правиламъ, и, следовательно, долженъ былъ поддвинуть свое сужденіе воли музыканша.

Наконецъ, улаживая ссору и крикъ, я обрадовался, думая, что теперь узнаю, гдѣ я. Причиной ссоры былъ шлочокъ; голоса были пресердитые, слова безъ связи; оправданія не слушали. Это сумасшедшіе, подумалъ я, тѣмъ болѣе, что многіе говорили поже подлѣ меня.

И въ другомъ домѣ, на бѣду мою, такое же явленіе. Причиной ссоры былъ щелчокъ; кричали и шумѣли не менѣе, говорили не умнѣе, связи въ словахъ и рѣчахъ, и вниманія къ тому, что говорено, было не болѣе и не менѣе.»

Слова и примѣры моего слѣпца привели меня въ замѣшательство. Въ самомъ дѣлѣ, мы только не посмѣемъ, постыдимся сознашся, а иногда — невольно думаешь, что какъ опъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, такъ опъ ума до безумія — одинъ только прыжокъ....

«Ну! располкуй-же мнѣ; копорый былъ домъ сумасшедшихъ? Тотъ-ли, гдѣ я слышала кандидата въ министры, дурнаго игрока на арфѣ и ссору за шлочокъ, или тотъ, гдѣ слышала кандидата въ генералы и сенаторы, скрипача-виртуоза и ссору за щелчокъ? О поэтахъ и

ученыхъ не говорю: слышанныхъ мною въ домъ и другомъ домѣ не различилъ-бы по слуху и самъ премудрый Соломонъ.

— Положимъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ шрудный; но общее отношеніе людей одного къ другому... оно замѣтно.

« Тамъ и здѣсь — люди называли другъ друга сумасшедшими и дураками.

— Но общность разговора ?

« Я напомню шебѣ анекдотъ, случившійся съ Свифтомъ. Онъ былъ въ обществѣ нѣсколькихъ умныхъ людей, и послѣ сыпнаго обѣда сѣлъ въ споронѣ; другіе собесѣдники занялись жаркимъ разговоромъ, кричали, шумѣли, и наконецъ вдругъ замѣтили, что Свифтъ не участвуетъ въ разговорѣ, сидитъ и пишеть. « Чшо вы дѣлаете, Г-нъ Свифтъ ? » спрашиваютъ у него. — Пишу. — « Чшо-жъ вы пишете, Г-нъ Свифтъ ? » Я записываю ваши разговоры. — « Покажите. » — Боюсь; вы подумаете, что я нагаль на васъ. — « Нѣтъ, нѣтъ! покажите. » — Если вамъ угодно. — Свифтъ прочиталъ — и собесѣдники удивились, какой вздоръ и какая нескладица выходилъ изъ всего, что было говорено ими!

« Всѣ вы жалуешесь, что пишутъ и печатають бездну глупостей, и весьма немного умнаго. Но говорятъ шѣ-же люди, которые пишутъ и печатають. Пишуть и печатають они

еще съ размышленіемъ, думая, снѣраясь показаться умнымъ, а въ разговорѣ имъ нѣкогда, и не до того: надобно импровизировать, думашь и обдумывать на лешу. Послѣ сего суди самъ: по вѣрной посллкѣ ошъ глупостей *печатныхъ*, каковъ много будетъ глупостей *словесныхъ*?

— Все однакожъ, ты услышишь глупости, и немного ума ошъ не сумасшедшаго, а сумасшедшій заговоритъ, и ты услышишь сумасбродство.

«Я самъ такъ думалъ, но этому мѣшалъ проказникъ Н. Н. Точно замѣшилъ я, что въ одномъ домѣ имне начинали говорить довольно складно. Н. Н. попытася вмѣшивался въ разговоръ, и всегда умѣлъ свести рѣчь на какой предметъ, что весь складъ перялся, и я находилъ, что каждый говорящій на чемъ нибудь былъ помѣшанъ. Въ другомъ домѣ было напрошивъ: начинали говорить сумасбродство. Н. Н. вмѣшивался, и такъ велъ разговоръ, что рѣчи приходили въ порядокъ, и выходило всегда что-то складное. . . .

«Знаешь-ли ты слова Байрона?» примолвилъ мой слѣпецъ, помолчавши нѣсколько времени. Онъ съ чувствомъ произнесъ попомъ:

The lady of his love... Oh! she was changed
As by the sickness of the soul; her mind

Had wandered from its dwelling, and her eyes,
 They had not their own lustre, but the look
 Which is not of the earth; she was become
 The queen of a fantastic realm; her thoughts
 Were combinations of disjointed things;
 And forms impalpable and imperceived
 Of others' sight, familiar were to hers.
 And this the world calls phrensy; but the wise
 Have a far deeper madness; and the glance
 Of melancholy is a fearful gift;
 What is it but the telescope of truth?
 Which strips the distance of its phantasies,
 And brings life near in utter nakedness,
 Making the cold reality too real (*)!

« Да ! » сказалъ онъ со вздохомъ — « если
 одинъ изъ посвященныхъ мною домовъ былъ со-
 браніемъ сумасшедшихъ, а другой не сумасшед-

(*) Та, копорую любилъ онъ . . . Ахъ ! какъ измѣ-
 нилась она болѣзнью души . . . погибъ умъ ея, и гла-
 за ея не блистали прежнимъ свѣтомъ; они горѣли
 тѣмъ-то не земнымъ. Она была царицею міра Файпа-
 зии; ея мысли были смѣсью всего несообразнаго, и
 то, что для другихъ было непримѣнно и неощуща-
 тельно — было ей знакомо. Это свѣтъ называесть
безуміемъ, но мудрецъ еще безуміе, и даръ печаль-
 ной думы — ужасный даръ ! Что такое онъ ? Телескомъ
 испины, копорый приближаесть къ намъ привидѣнія
 ужасающія, разоблачаесть жизнь, являя хладную су-
 щественность — еще существеніе . . . Мы желали
 передать только смыслъ подлинника. Живъ.

шихъ, то вся разница, что въ одномъ слышалъ я людей, помѣшанныхъ на чемъ нибудь, и глупо разсуждающихъ о всей остальной, и въ другомъ домъ людей, умно судящихъ о чемъ нибудь, и также глупо разсуждающихъ о всемъ остальномъ. Надъ лбами которыхъ надобно поставишь вывѣску: *За отсутствіемъ хозяина, отдается въ наймы?* Какъ думаешь?»

Я молчалъ. Слѣпецъ мой распрогалъ меня. — «Вопросъ мудреный. . . .» сказалъ я наконецъ, «если ты спрашиваешь меня не шути. . . .»

— Вопросъ *пегальный*, скажи лучше. Желалъ-бы я теперь поглядѣть на наружность сумасшедшаго и несумасшедшаго; желалъ-бы, для испытанія, переодѣть безумца въ плашье умника, а умника въ плашье безумца, и испытать: узнають-ли ихъ люди послѣ сего переодѣванья; желалъ-бы испытать: не лъзи-ли убьдишь самаго умнаго человѣка, что онъ съ ума сошелъ, разспроить его воображеніе и заставишь безумствовать, а сумасшедшаго научишь нѣсколькимъ приличіямъ, нѣсколькимъ наружнымъ формамъ, и заставишь умничать. . . . Но, нѣтъ, нѣтъ! бѣдные люди! Для чего шерзашъ васъ; и безъ того вамъ довольно доспаешся, и отъ другихъ, и отъ самихъ себя. . . .

Онъ засмѣялся. «Что вы говорите — а я проигралъ закладъ. . . .»

Вошь, весь нашъ разговоръ. Не правда-ли, что олъпецъ мой биваетъ иногда сдраненъ и оригиналенъ, какъ Гомадова сказка? На что похоже, въ самомъ дѣлѣ: не различить безумія ошъ ума! Это, кажешся, шакъ легко....

С М Ъ С Ъ.

Умные рѣдко биваютъ богаты, а если и случается видѣть богатство при умѣ, оно кажешся украденнымъ у глупости.

«Когда-же вы заплашите мнѣ вашъ долгъ?» —
Прошу не дурачить меня: вы спрашиваете о шомъ, чего и самъ я не знаю.

Одинъ малорослый ошцеръ сполкнулся на бережной съ огромнымъ ошцеромъ. Малорослый разсердился. «Я смю эшотъ полчокъ кровью!» воскликнулъ онъ. — «Не угодно-ли сперва начашъ водою?» ошвѣчалъ великанъ, схватилъ Пигмея, и сбросилъ его въ рѣку.

**НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ
ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.**

№ 22. Ноябрь 1830.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ и СОВѢТНИКИ.

(Быль не быль, однакожь и не сказка).

Графъ Рѣшимовъ, *Предсѣдатель Комисіи*, и
Кальинъ, *Секретарь его (входятъ въ залу
присутствія).*

Графъ. Гошомы-ли у васъ бумаги?

Кальинъ. Всѣ гошомы, Ваше Сіясельство.

Графъ. Разумѣеся, вы пригостили и при-
говоръ, по той запискѣ, которую я вамъ пе-
редалъ? ^д

Кал. Ваше Сіясельство... изволили...

Графъ. Что это значить? Опъ чего ваше за-
мѣшательство?

Кал. Я осмѣливаюсь доложить... можеть
бышь...

Графъ. Говорите безъ обиняковъ, и поскорѣе.
Вы знаете, что мнѣ нѣкогда. Я долженъ при-
сутствовать сегодня еще въ прехъ Комисіе-

пахъ и Коммиссіяхъ , и поспѣшь послѣ того къ обѣду Графини Знахаревской.

Кал. Я приготоовилъ вчернѣ приговоръ , присовокупивъ обыкновенныя формы въ началѣ и концѣ поѣ записки , которую вы изволили вручить мнѣ —

Графъ. И прекрасно сдѣлали. Прикажише-жъ переписашъ , и положише между бумагами , приготоовленными къ чшенію.

Кал. Объ эпомъ-шо и хотѣлъ я доложитъ ; изволише-ли приказашъ переписывать? Можешъ бышь , будетъ учинена какая нибудь перемѣна , надобно будетъ прибавитъ , убавитъ , или перемѣнитъ.

Графъ. Я не понимаю, Г-нъ Кальицъ , съ чего вамъ вздумалось *толковать* по , что было вамъ именно *приказано* ?

Кал. Припишише это усердію моему къ Вашему Сіятельству.

Графъ. Еслибы я не былъ увѣренъ въ вашемъ усердіи , и желаніи бытъ исправнымъ , хорошимъ чиновникомъ , то . . . вы знаете , что я не люблю нешочности въ исполненіи.

Кал. Просише меня , Ваше Сіятельство , но я долгомъ моимъ почишаю извѣститъ васъ , что Члены Коммиссіи , кажется , хотѣтъ со-сшавитъ сильную оппозицію. Не смотря на со-

вершленную увѣренность въ справедливости вашихъ предложеній, осмѣливаюсь думать, что успѣхъ разсужденія съ ними можешь быть...

Графъ. *Сомнителенъ*—вы думаете ?

Кал. Едва-ли возможенъ даже.

Графъ (*улыбаясь*). Г-нъ Калыинъ ! вы человекъ молодой. Мнѣ пріятна ваша опроверженность ; но неопытность ваша невольно засмѣиваетъ меня смѣяишься.

Кал. (*оскорблѣсь*) Можешь быть, Ваше Сіапельство изволише полагать, что мое къ вамъ усердіе видишь затрудненія шамъ, гдѣ ихъ во все вѣшь ?

Графъ (*спокойно нюхалъ табакъ*) О, вѣшь ! вы неопытны еще — и шолько !

Кал. (*хитро*) Я спарался, Ваше Сіапельство, вывѣдать и узнать мысли и предположенія Г-дѣ Членовъ, и, кажется, успѣлъ въ эшомъ. Не смѣю хвалиишься опытносью, но... двое изъ Членовъ чипали даже мнѣ свои мнѣнія... до-спитгнушь эшого было нелегко.

Графъ. Ха, ха, ха ! Сколько-же вы принимали пруда по пустому ! Чшò, я думаю, написаны Богъ знаетъ какія диковинки ? — Пригошовъше-же всѣ бумаги, и приговоръ переписише наблю. (*Смотритъ на часы*) Черезъ часъ я буду здѣсь — Они скоро начнушь сѣзжаться.

(*уходитъ*)

Кальнинъ (*раскладывая бумаги*). Неопытенъ! Посмотримъ, опытный человекъ, какъ ты уладишь съ этими людьми! Въдь это не то, что подчиненные свои чиновники — вѣшь, здѣсь голосъ каждого свободный, мнѣнія, смотря по различію интересовъ, разныя, и люди, подобныя Думову и Шумову, сумѣютъ сговориться съ тобою. А такіе люди, какъ Брюховъ, еще хуже: полковашъ не смогушь, а безполковишь и упрямиться — имъ чоршъ не братъ!

Дудкинъ. Здравствуйше, мой любезнѣйшій и почтеннѣйшій! Что-жь это? Вы еще здѣсь одни? Развѣ очень еще рано? А я спѣшилъ — гдѣ-жь наши господа?

Кальнинъ. Еще никого вѣшь, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. А Графъ?

Кальнинъ. Онъ скоро хошѣлъ бышь —

Дудкинъ. Скоро? Онъ конечно изволилъ замѣнить, кто рачительнѣе является къ дѣлу, кто первый спѣшилъ...

Брюховъ. (*съ низкими поклонами*) Вашему Превосходительству честь мнѣю свидѣтельствовавъ мое нижайшее почтеніе.

Дудкинъ. А! Г-нъ Брюховъ! Просимъ...

Кальнинъ. (*съ стороны*) Замолчалъ объ усердномъ желаніи лаяться первый, когда пришлось подъ пару съ этими болваномъ явившись!

Брюховъ. Все-ли , башюшка , Ваше Превосходительство , въ добромъ здоровьи ?

Дудкинъ. Слава Богу ! А васъ , кажется , ничего спрашивать ?

Брюховъ. Хи , хи , хи ! Что намъ дѣлается . Дѣлишки идушь своимъ чередомъ , а заботъ большихъ нѣтъ .

Дудкинъ. Ваши дѣлишки можно назвать и дѣлами .

Брюховъ. Да оно , то есть , конечно — доходилки , то есть , получаемъ изрядные ; да не головоломное заняше-то , Ваше Превосходительство .

Дудкинъ. А вошь сегодня придется вамъ поработать и головою .

Брюховъ. Да-съ , ошь людей не ошпанемъ , то есть , Ваше Превосходительство , извольте видѣть . . . (Кальину) А что-съ , то есть , извольте видѣть : какія это , башюшка , будущъ дѣла ? О чемъ мы будемъ разсуждать ?

Кальинъ. Вѣроятно , предметъ сужденія вамъ извѣстенъ .

Брюховъ. Да оно , то есть , вообще-то извѣстно , но о чемъ-же . . . Вѣдь я , право , не знаю : выбрали , откажутся было не лзя , да и совѣсно то есть , но предметъ важне . . .

Кальинъ. Не угодно-ли вамъ предварительно

сообразишь : вошь всѣ бумаги по этому дѣлу.

Брюховъ. Помилуйше , да шупъ цѣлая кипа — какъ-же ихъ вдругъ сообразишь ? *(Садится , и перебираетъ бумаги)* Эдакая досада !

Дудкинъ. Чшо вы ?

Брюховъ. Очки забылъ ! Фушляръ взялъ , а очки осшавиль дома !

Кальвинъ. Какая разсѣянность ! Пошлише поскорѣ.

Брюховъ. Безъ меня не найдушъ. Экая досада, экая шоска ! Вошь прочишалъ-бы , узналъ . . .

Валетовъ , Холоповъ , Книксинъ *(входятъ и останавливаются у дверей)*.

Кальвинъ. Господа ! пожалуйте —

Вал. Хол. Кникс. *(кланяясь)* Ничего-съ !

Кальвинъ. Садись , господа , не угодно-ли ?

Вал. Хол. Кн. Поспоимъ , ничего-съ !

Хитровскій *(входитъ и раскланивается)* Ваше Превосходительство !

Дудкинъ. Какъ давно уже я не имѣлъ удовольствія васъ видѣшь.

Кальвинъ. *(лукаво)* Вы не опоздали , кажешся.

Хитр. *(про себя)* Тотъ радуешся , увидя меня ; эшошъ двусмысленно говоришь ; Брюховъ сидишь за бумагами — чшо эшо значить ? *(Дудкину)* Я имѣлъ честь бышь . . . *(Кальвину)* чшо

поздно для однихъ, шо рано другимъ (*жметъ ему руку*).

Кальинъ. Естиь однакожь общее, опредѣленное—

Хитр. (*осторожно*) Мы не прочь ошъ другихъ, если долгъ и совѣсшъ не прошиворѣчатъ:.. (*тихо*) Тушъ что-шо кроешся! (*Валетову тихо*) Скажише, пожалуйста, что шушъ было безъ меня говорено?

Вал. (*тихо*) Многое. Г-нъ Секретарь все уговаривалъ насъ садиться.

Хитр. (*про себя*) А! они хощяшъ заласкашъ насъ! (*Кальину*) Здоровъ-ли Графъ?

Кал. Къ вашимъ услугамъ.

Хитр. (*тихо*) Опяшъ шука! Испинно, не знаешъ, куда ошъ полипики дѣвашся! Вошъ эдакъ не осперегись — шощасъ и попадешся. (*Кальину*) Смѣю-ли шребовашъ, чтошбы Его Сіашельштво... (*тихо Книксину*) А обо мнѣ ничего здѣсь не говорили?

Книксинъ (*тихо*). Ничего-съ!

Хитр. (*кашляя, тихо*). Понимаю.

Кальинъ (*также кашляетъ*) Мы съ вами, кажешся, подъ пару, одинаково...

Хитр. (*тихо*) Попался! (*ему*) Да, я гошовъ всегда слѣдовашъ вамъ.

Кальинъ. То ешъ, я говорю о кашлѣ.

Хитр. (*улыбался*) Я по самое и разумѣю, что вы изволите говорить.

Кальниъ. (*тихо*) Прошу поладить съ этими людьми: какъ ежи, ни съ копорой стороны не даются въ руки. А Графъ говорилъ шакъ рѣшительно.

Думовъ и **Шумовъ** (*входятъ вмѣстѣ, раскланываются*); **Чижииковъ** (*вбѣгаетъ и хохочетъ*).

Дудкинъ. Что за радость? Что за смѣхъ у васъ?

Чиж. Не лѣзя удержаться, Ваше Превосходительство, ха, ха, ха!

Кал. Что такое?

Чиж. Вообразите, что сей часъ я былъ у нашего общаго пріятеля, и вмѣсто своей шляпы захватилъ его. Ёду и думаю, что это такое? Голова-ли моя похудѣла, или шляпа вдругъ разносилась? Ха, ха, ха!

Дудк. И вы не замѣтили?

Чиж. Только при входѣ сюда я уже увидѣлъ, что шляпа чужая! Ха, ха, ха!

Думовъ. (*тихо*) Пустѣйшій человекъ!

Шумовъ. (*Брюхову*) Позвольте развлечь ваше вниманіе.

Брюховъ. А что, бапюшка?

Шумовъ. Вѣ, кажется, заняты?

Брюховъ. Вздоръ-съ! Такъ опъ нѣчего дѣлашь-перебиралъ бумажонки.

Шумовъ. Надобно завяшься нашимъ дѣломъ.
Г-нъ Думовъ! Не угодно-ли вамъ?

Думовъ. Охопно (*трое удаляются въ уголъ*).

Дудк. (*Чижикову*) Происшествіе презабавное.

Чижиковъ. Именно. Нашъ скупяга шеперь взбѣсился. Моя шляпа спарая, а его съ иглочки, и я подъ дождемъ всю ее вымочилъ.

Шумовъ. Мы сей часъ говорили съ Г-нъ Думовымъ, и я чпшалъ ему свое мнѣніе.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Овъ со мною несогласенъ, и я шеперь желалъ-бы, чпобъ вы взяли посредничство между нами.

Брюховъ. Такъ-съ.

Шумовъ. Не угодно-ли вамъ, Г-нъ Думовъ, выслушашъ еще разъ...

Кальвинъ. (*Чижикову*) Хорошо, чп только шляпою можно обвинивашся. Ну, если-бы голова на голову мѣнялись?

Дудк. Головы Богъ съ ними, а вопъ карма-нами хорошо-бы.

Хитровскій. (*тихо*) Переговоры во вѣхъ споронахъ; вопъ положеніе кришическое!

Думовъ. Не понимаю, какъ у насъ все эшо дѣлается. Напередъ не подумаемъ, не погово-

ривъ , не снесенъ , и вдругъ хопимъ дѣйство-
вашь , рѣшашь !

Брюховъ. Правда ваша.

Шумовъ. Тушъ думашь нѣчего. Дѣло простое,
и пошчасъ можно видѣшь сущность его.

Чижииковъ. Чшо-же ? Карманами съ моимъ при-
шелемъ я гошовъ-бм помѣняшься.

Кальинъ. Каковъ онъ шеперь ?

Думовъ. Какъ легко вы судите о дѣлѣ ! Мно-
жесшво обшпошельствѣ съ нимъ славается.

Шумовъ. Я въ моей бумагѣ доказываю , что
эши обшпошельсшва всѣ пущмя. Ихъ надобно
рѣшмшельно опдѣлмшь. Реформа должна бышь
въ сущности.

Брюховъ. Да-съ , въ сущности , шо естѣ...

Чижииковъ (*Кальину*). Онъ , кажешся , больше
воображаетъ , нежели боленъ въ самомъ дѣлѣ.

Дудк. У него ошецъ цѣлмй вѣкъ лечмлся.

Думовъ. Я съ эшимъ несогласенъ. До сущно-
сти намъ дѣла нѣшъ , и должно сперва заняшь-
ся подробностями.

Чижииковъ. Опъ лекарскихъ микспуръ , и безъ
болѣзни , я было опсправмлся на шощъ свѣпъ ,
въ прошломъ году , ха , ха , ха !

Дудк. Такъ шеперь вамъ надобно-бы уже шу-
да добхашь , ха , ха , ха !

Чижицковъ. Точно: шуда возятъ шихо, а прѣзжаютъ скорѣе, чѣмъ на почтовыхъ, ха, ха, ха!

Шумовъ. Слѣдовашельно, мы будемъ шолковашь о пуснякахъ.

Брюховъ. Такъ-съ, да, о нуснякахъ шо ешь.

Думовъ. Удивляюсь, какъ вы рѣшишельно изволише говоритъ, и я гошовъ осудишь шакую увѣренность. Вошь и Г-нъ Хишровскій здѣсь; позовемъ его...

Хитровскій. (*тихо*) Тамъ, что-то жарко-говоряшъ.

Дудк. Давно-ли вы видали Агаею Яковлевну?

Чижицковъ. Вчера встрѣшилъ на улицѣ — и какой экипажъ, прелесный!

Дудк. Спросите, что заплачено!

Шумовъ. Что вы добьешесь отъ Хишровскаго? У него мысли надобно выпышываать — и шущь онъ ничего не скажешъ.

Думовъ. Оспорожность я всегда предпочшу безразсудной отвагѣ. Г-нъ Хишровскій!

Хитровскій. (*тихо*) До меня дошло! Заняшья поскорѣе чѣмъ-нибудь. (*Валетову*) Скажише: что шепель-ли вашъ новыи домъ?

Валетовъ. Прешеплый, сударь, прекраснѣйшій! Никогда не изволише пожаловашь...

Хитр. Заянцъ, сударь, заянцъ.

Думовъ. Не слышишь! *(подходитъ къ нему)*
Послушайте —

Хитровскій. *(тихо)* Вѣда! попался! *(вслухъ)*
Чшо угодно?

Думовъ. *(уводитъ его съ стороны)* То, что я вамъ чипалъ, не заслужило одобренія Г-на Шумова; вашего мнѣнія доспапочно будепгъ убѣдишь его. Вы вѣдь согласны были со мною?

Хитр. Полное согласіе — дѣло не легкое. Если... я желалъ-бы... однакожь...

Шумовъ *(Брюхову)*. И шакъ вы убѣждаетесь мои доводами *(онъ читалъ ему между тѣмъ свою бумагу)*.

Брюховъ. То еспъ, превосходно, оплично!

Кальннъ. Чшо это нашъ Графъ замѣшкался?

Чижииковъ. И впрямъ. Вѣдь эдакъ, если за-полкуемъ, шо къ обѣду не поспѣешь.

Дудк. Вы гдѣ сегодня?

Чижииковъ. Я общалъ къ Солоновѣдову.

Дудк. Чшо вамъ за радосшь вѣдишь!

Чижииковъ. Еспъ дѣльцо.

Кальннъ. Ахъ, Г-нъ Чижииковъ! Шалосныи!

Чижииковъ. Ха, ха, ха, пусняки — шакъ, иншрижка, иншрижка!

Думовъ. Вообразите : эпошь Шумовъ вездѣ виѣшиваешся : зашумишь , загремишь , все ему въ корень передѣлай — самолюбіе пресстрашное...

Хитровскій. Да , человекъ шакой... умный... прекрасный... но...

Думовъ. Скоръ , неперпѣливъ.

Хитровскій. Да , ешь грѣшокъ...

Шумовъ. Съ Думовымъ вѣчно не сладишь ; всѣмъ хочешь угодишь , никого не оскорбишь . Если насъ спрашиваюшь , шо должно говоришь ошкровенно , прямо .

Брюховъ. Именно шо ешь .

Шумовъ. И чего бояшься , если рѣшаеися дѣло голосами ? Иное дѣло одному говоришь .

Брюховъ. Конечно иное , а шо , что намъ бояшься ?

Шумовъ. Я не ожидалъ , чтобы вы шакъ благонамѣренно и смѣло посшупали .

Брюховъ. Смѣлосши , сударь , доспанепъ . Хопъ Г-ну Губернашору , шакъ правду скажемъ .

Дудк. Ну , а зачѣмъ вы шакъ часшо посѣщаете Андрея Харишонича ? Плшовство опашъ ?

Чижииковъ. Вошь и подозрѣнія шопчасъ ! ха , ха , ха !

Кальинъ. Полно-ше, полно-ше скривашься. Ну, Ѳедора Пешпровна привлекаешъ — признай-шешъ?

Чижииковъ. Ей, ей, нѣшъ!

Дудк. Такъ зачѣмъ-же? Чшо за бесѣды съ самимъ Андреемъ Харипоновичемъ?

Чижииковъ. Ха, ха, ха! Нѣшъ, ей Богу, нѣшъ! *(тихо)* Ешъ аферка, маленькая, шакъ пущячки, вздоръ...

(Кальинъ и Дудкинъ хохотуть. Думовъ, Шумовъ и Брюховъ съ жаромъ разговариваютъ. Хитровскій хогетъ отъ нихъ уйдти, но его держатъ за руки. Валетовъ и Холоповъ стоятъ у дверей. Книксинъ дремлетъ).

Шумовъ. Я ссылаюсь на Г-на Брюхова, чшо иначе дѣла рѣшишь не лъзя.

Брюховъ. Именно шо ешъ.

Думовъ. Но вы прошиворѣчите шому, чшо вчера говорили мнѣ. Г-нъ Хишпровскій! Я ссылаюсь на васъ.

Хитр. Конечно — если вамъ угодно, шо, въ скороспи... *(тихо)* Чшо дѣлашь!

Брюховъ. Какъ прошиворѣчу?

Дудкинъ. А пора-бы вамъ осшепенитьсья — довольно помошано, пошалено!

Чижииковъ. Довольно, но не полно, ха, ха, ха!

Кальинъ. *(вслушивался въ разговоръ Шумова и Думова, тихо)* И Графъ говорилъ, что онъ и не думаетъ объ ихъ прошиворѣчяхъ! Увидимъ, увидимъ!

Думовъ. Какъ-же не прошиворѣчите? Вѣдь вы съ прешьимъ пункшомъ согласны?

Брюховъ. Съ прешьимъ шо есть?

Думовъ. А онъ разрушаетъ все предложеніе Г-на Шумова.

Брюховъ. Да, разрушаетъ шо есть?

Шумовъ. Вошь и Г-нъ Хитровскій согласенъ, господа!

Хитровскій. Нѣшъ, я — однакожъ — позволюше мнѣ выкнущъ...

Незнаевъ. *(входя)* Чшо выкнущъ? Чшо, о чемъ дѣло? Э, милый! сповишъ шого, чшоби ломашъ голову! Здравствуйше, господа!

Шумовъ. Вопъ ксшашъ. Г-нъ Незнаевъ! убѣдите вы господъ, чшо мое мнѣніе —

Незнаевъ. Мнѣніе? Какое мнѣніе?

Шумовъ. Мое.

Незнаевъ. *(махнувъ рукою)* Прекрасно!

Шумовъ. Видише, Мм. Гг. — Чего-жъ вамъ, когда —

Незнаевъ. *(Духину)* Мое почшеніе, Ваше Превосходительство.

Дудкинъ. Ба, ба, ба! Да развѣ и вы здѣсь Членъ?

Незнаевъ. Говорятъ; какъ ваше здоровье?

Хитровскій (*вырвавшись, бѣжитъ къ Кальнику*). И Богъ знаетъ что шолкуютъ; не поминше, чшобы я учасшвовалъ въ спорахъ. Независимосшь моего мнѣнїа... Вы знаете...

(Шумовъ и Думовъ сильно спорятъ)

Дудкинъ. Да что за шумъ?

Кальникъ. (*смѣясь*) Господа Члены диспушуются о дѣлѣ.

Чижииковъ (*Незнаеву*). Ну, что, сударь? (*звѣаетъ*)

Незнаевъ. Да, ничего (*также звѣаетъ*).

Чижииковъ. Какъ здоровье?

Незнаевъ. Ладно. Вы какъ?

Чижииковъ. Да все шакже.

Шумовъ. (*Незнаеву*); Пожалуйше, Яковъ Софроничъ, извольше вразумишь —

Незнаевъ. И, мой милый! подише вы съ вашими спорами и вздорами!

Думовъ. (*Брюхову*) Удивляюсь и не надивляюсь вашей просшопшѣ.

Брюховъ. Да, шо еслѣ, я, изволише видѣшь, самъ не понимаю; но, повѣрьше, что еслибы слу-

чилось, по — извинише; я по еспь вамъ ошвѣ-
чалъ-бы пѣмъ-же.

Шумовъ. (*Думову*) Вижу, сударь, что че-
столюбіе сильнѣе въ васъ ревности къ обще-
ственной пользѣ.

Думовъ. Вы приписываете мнѣ ваши свой-
ства, и я не дивлюсь: всякой по себѣ судишь.

Дудкинъ. А, признаюсь, не завтракавши...

Незнаевъ. Нѣтъ! я шаки закусилъ.

Чижииковъ. Я съ утра исполняю эту обязан-
ность, и опъ того мнѣ все равно, рано-ли,
поздно-ли обѣдъ.

Хитроевскій. (*глядя въ окно*) Кареша!

Кальинъ. А, Графъ, Графъ! (*приводитъ въ
порядокъ бумаги*).

Дудкинъ (*Чижиикову*). Посмотрите-ка: не
замаралъ-ли я спину, шершись около спѣны?

Чижииковъ. Да это какая-то зеленая краска
(*обмахиваетъ его платкомъ*), а здѣсь желтая ко-
мнаша.

Дудкинъ. А, это видно я въ передней Гра-
фа, давеча, прислонился къ спѣнѣ.

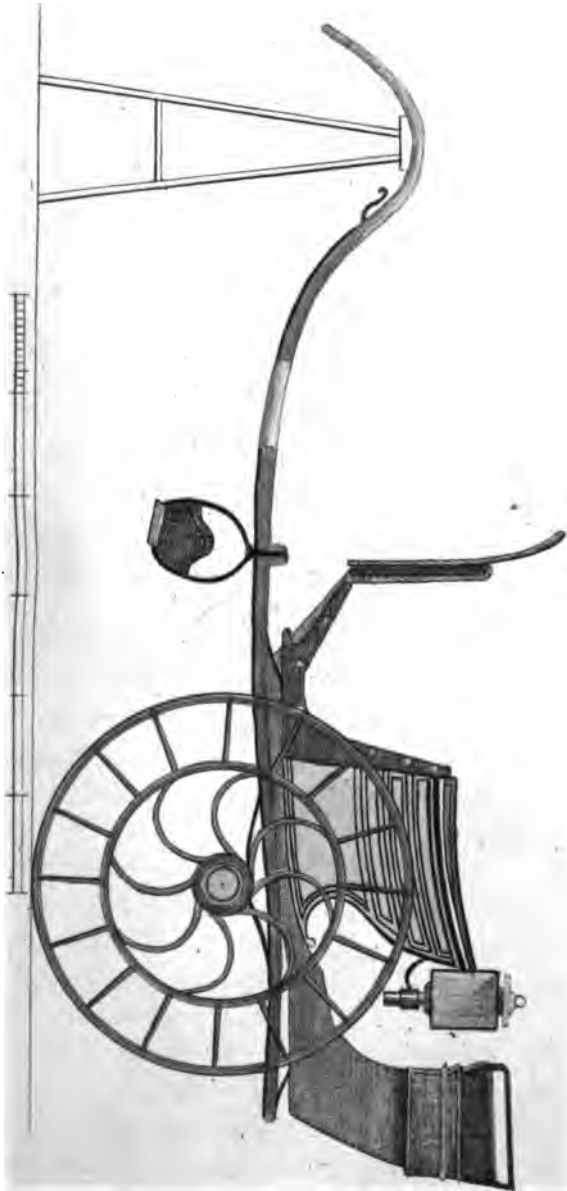
(*До слѣд. книжки.*)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Ноября 30 дня 1831 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Pat. 1.92. H. & P. W. & C. 1850.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ОБЪ УМСТВЕННОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТСКАГО
ВОЗРАСТА.

(Околѣаніе).

2.) Мы сказали даже, что для сообщенія съ разными краями свѣта и народами, нужно особенно, по нынѣшнему времени, знаніе живыхъ языковъ. Дѣйствительно царство первыхъ языковъ въ наше время прекращается. Умственная монополія Эллинистовъ и Латинистовъ почти потеряла вовсе свою силу. Знанія дѣлающія теперь общою принадлежностью и необходимостью; они перешли облекаться Греческими или Латинскими гіероглифами, понятными одной только кастѣ, богатой педаншами, которая какъ-бы хотѣла завладѣть всеми оковцами ума, и скрыть ихъ отъ общаго употребленія. Не слишкомъ еще давно почиталось высокимъ просвѣщеніемъ разсуждать на Латинскомъ языкѣ о Греческомъ Синтаксисѣ, Количествѣ, Удареніяхъ, или читая Гомера, какъ искусно, что Гомеръ, если-бы могъ слышать это чте-

ніе, вѣроятно не узналъ бы ни стиховъ своихъ, ни языка; но теперь мнѣніе объ этомъ совершенно переменяется, хотя, къ сожалѣнію, предубѣжденіе въ пользу мерзвыхъ языковъ еще велико. Предразсудки, укорененные глубоко временемъ, трудно испребляются (*). Но какъ бы

(*) Мы были недавно свидѣтелями необыкновенно блистательнаго дѣйствія предразсудка въ пользу Латинскаго языка. Людовику XVIII поднесень былъ, 22 Октября 1821 года, адресъ на Латинскомъ языкѣ, подписанный многими Профессорами и Императорами, объ основаніи Латинскаго города, посредствомъ Европейской подписки: Докторъ Богословія, Аббатъ Ольмо, выдалъ попомъ въ публику сей любезнейшій адресъ съ Французскимъ переводомъ. (Traduction, avec le texte en regard, de l'adresse latine, signée par plusieurs professeurs, et gens de lettres, et présentée à S. M. Louis XVIII, le 22 octobre 1821, sur le projet de la fondation d'une ville Latine; par le moyen d'une souscription européenne par M. l'Abbé d'Olmo, docteur en théologie. Paris, 1824. Il est 99 pag. in 8.) Ученый Докторъ силень необходимыми аргументами о необходимости Латинскаго города. Вошь сїа аргументы: 1) (стр. 13.) писатели наши худо поступающъ, сочиняя на своемъ природномъ языкѣ 2) (стр. 17.) Ни кто изъ Европейцевъ не можеть писать на живомъ иноснранномъ языкѣ, между шѣмъ какъ всякой можеть весьма хорошо писать по-латинѣ. 3) (стр. 18.) Новые наши языки неспособны, ни для распространенія, ни для сохраненія вещей. 4) Ученый Латинскаго языка нынѣ въ драмебреженіи (наконецъ, слава Богу, правда!).

они ни были сильны, они должны наконецъ уступить разсудку, и уступаютъ ему: во многихъ мѣстахъ образованнаго свѣта слышны уже справедливыя порицанія прошивъ мнимой надобности учить всякому по-латинѣ; Греческій языкъ гораздо прежде упалъ въ общемъ мнѣніи; начинаютъ основывать ученія заведенія, гдѣ Латинскій и Греческій языки почти исключаются. Въ 1826 мѣ году, 4 го Марта, сдѣлано было публичное собраніе главныхъ жителей Филадельфіи, по случаю учрежденія политехническаго и сціентифическаго коллегіума въ семь городъ: 21

Аббатъ *Ольмо*, истинный воспитанникъ Древности, почитаемъ; еще справедливѣе *Платона*, лучшимъ гражданиномъ того, „qui aura observé et honoré le mieux les droits divins et humains et la pureté de la langue latine.“ („Кто наилучше будетъ сохранять и почитать права божескія и человѣческія, и чистоту Латинскаго языка“). Послѣ такого опредѣленія лучшаго гражданина спановиша понятно, почему ученый Докторъ назвалъ, въ Латинскомъ шексѣ (*стр.* 40), Испанскую Королеву *Изабеллу*, принявшую планъ *Колумба*, *Елизаветою*: этого пребрвала чистота Латинскаго языка, гдѣ нѣтъ имени *Isabella*, и нѣкоторая упоминенность Испанскаго языкознанія: но почему онъ употребилъ и во Французскомъ шексѣ (*стр.* 40.) сію спранныю упоминенность языкознанія? Понять не легко. Но и весь этотъ Латинскій адресъ непонятное въ нынѣшнія времена явленіе.

день спустился, Президентъ комитета, *Bro-
wne*, представилъ донесеніе, изъ котора-
го помѣщаемъ здѣсь извлеченіе; оно примѣ-
чательно :

„Комитетъ рѣшаетъ, чѣмъ въ но-
вомъ Коллегіумѣ преподавались преимуще-
ственно всѣ вѣдѣныя познаній, относящих-
ся къ Земледѣлію, Механикѣ и фабрикамъ,
также необходимымъ архипепорамъ, граж-
данскимъ инженерамъ, купцамъ и другимъ
дѣловымъ людямъ; таковы: обыкновен-
ная и десятичная Арифметика, Грамма-
тика, Словесность, Географія, Исторія,
Хронологія, Математика, Естественная
Философія, включая сюда Механику и
Астрономію, Химія, Минералогія, По-
литическая Экономія, общія основанія
Правленія и Юриспруденціи, новые языки,
и именно Французскій, Нѣмецкій и Испан-
скій. Латинскій и Греческій языки назна-
чаются только тѣмъ, которые будутъ имѣть
для сего желаніе, время и способы.“

Нужно ли замѣтить, что ученіе Гре-
ческаго и Латинскаго языковъ оуждается
только, какъ общее занятіе, а не какъ
часть наукъ человѣческихъ? Какъ часть
наукъ человѣческихъ, оно имѣетъ высокую
цѣну; но тоже можно сказать и о дру-
гихъ мертвыхъ языкахъ, напримеръ, о
Санскритскомъ, Египетскомъ, и проч.,
изъ которыхъ ни кто не думаетъ обяза-
вать всякаго. Какъ общее занятіе оно

достойно осужденія, пошому что польза его далеко не ольвѣчаетъ пожертвованію времени; время сего ученія несравненно большую принесеть пользу, если упопреблено будетъ на науки, копорыхъ пребуеть пракпическое сущеспвованіе общества. Впрочемъ еспть одно обстоятельство, которое принуждаеть учипсья почпн всѣхъ до нѣкопорой степени по-латинѣ и по-гречески: это образовапіе техпическихъ термпновъ; извѣспно, что они берупся изъ снхъ двухъ мерпвыхъ языковъ. Извѣспно, что нужно знать значеніе снхъ термпновъ. Но цѣль сія не пребуеть глубокаго изученія языка *Гомера* и *Виргилія*.

Глубокаго, шо еспть, не поверхностнаго, а основательнаго ученія пребуотъ живые языки, заключающіе въ себѣ всю массу нынѣшпихъ человѣческихъ познаній, мыслей и чувспвованій, принадлежащихъ такимъ народамъ, или людямъ, съ копорыми мы, или находимся, или бываемъ, или можемъ быть въ сообщеніи, по долгу службы, по пребуваніямъ наукъ, промышленности и коммерціи, по охотѣ къ путешеспвію, словомъ, по разнымъ и многимъ обстоятельствамъ жизни. Въ военное время примѣры не рѣдки, гдѣ знаніе того или другаго изъ снхъ языковъ спасало отъ смерти. Но было бы совершенно излишне доказывать поль-

зу живыхъ языковъ. Участь-ли симъ языкамъ у насъ? вошь предметъ, которъй шеперь до насъ касается.

Прежде всего замѣшимъ, что мы не можемъ жаловаться на слишкомъ великое злоупотребленіе времени въ пользу мертвыхъ языковъ. Правда, для Лапидскаго языка мы вообще жертвуемъ двумя или тремя годами, чтобъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія, не переходяція далеко за первоначалія Грамматики. Эша жертва приносится нѣкотораго рода необходимости; и какъ скоро сія необходимость проходитъ, то Лапидскій языкъ пошчасъ предается забвенію. Что касается до Греческаго, то можно ручаться, что богатое нынѣшнее Парижское изданіе *Stephani Thesaurus linguae graecae*, не смотря на свои *charta glutinate membranacea XXVIII fasciculi in-folio*, не пошечетъ рѣкою въ Россію. Полагаемъ, что сіе богатое изданіе, какъ и Англійское, Вальшманское, которое пошчи въ четверо его дороже, пошупитъ на покой, въ библиотехи — университетскыя саркофаги ученыхъ обществъ и Англійскихъ Лордовъ. Впрочемъ можетъ случиться, что и истинныя Эллинисты, которыхъ числомъ отъ четырехъ до пяти находится въ одной Европѣ, будущъ также имъ пользоваться, не смотря на удѣшительныя

слова *prospecta* о цѣль, что *liber totius venibit 336 tantum francis.*

Сказавши, что мы немногимъ временимъ жертвуемъ для древнихъ языковъ, можемъ-ли также сказать, что не жалеемъ его для живыхъ языковъ? Едва-ли. Всѣ хотѣли знать одинъ языкъ, именно Французскій; о прочихъ заботятся мало. И Французскій языкъ почитается необходимою, не столько для того, чтобъ дѣйствительно знать его, сколько для того, чтобъ говорить на немъ. Отъ того происходитъ у насъ смешное, можно сказать, приспособленіе къ хорошему Французскому произношенію. Нѣкоторые родители, особенно родители-женщины, стогорьли бы со стыда, если бы дѣти ихъ не умѣли чисто выговаривать за словомъ: *donnez-moi de l'eau, le kwass est bon* и подобныхъ опвлеченностей (всякой чувствуетъ, что такія таинственныя рѣчи непременно надобно говорить по-французски; иначе прислуживающіе люди, напримѣръ народъ болыливый и опасный, могутъ подслушать; разнесши эти рѣчи, куда не надобно, и надѣлавъ бѣдъ извѣстическою нескромностію); но ни одна лишняя капля крови не потревожила-бы поверхности лица, если-бы нашлось, чью дѣти, коня-бы были 20 пнъ лѣтъ и больше, ничего неумѣютъ сказать; при случаѣ, о системѣ *Мальтуса, Гитона* (Hutton)

и Вернера, младшаго Шампольона, или объ Англійскомъ Пауперизмѣ, даже объ Испанскихъ Маѣ, и подобныхъ предметахъ.

Сидящимъ замѣнитъ, что теперь мысли о Французскомъ языкѣ вообще снисходительнѣе основательнѣе, что многіе перестаютъ искать одного только произношенія и умѣнія говорить, что начинаютъ искать во Французскомъ языкѣ больше дѣйствительнаго и полезнаго знанія, чѣмъ ложнаго и служащаго только для хвастовства. Слѣдимъ еще прибавимъ, что кромѣ Французскаго языка успѣшно распространяется у насъ знаніе Немецкаго и часпю Англійскаго. Но не можемъ не признаться, что ои послѣдніе языки, Англійскій особенно, еще очень мало вошли въ общую систему ученія, и не почтѣются еще, какъ-бы должно, необходимостію хорошаго воспитанія.

3) Теперь слѣдовало-бы говорить о наукахъ политическихъ и гражданскихъ, которыхъ требуется нынѣшній языкъ для знанія обязанностей и нравъ каждаго члена общества; но дѣтскій возрастъ, который мы имѣемъ теперь въ виду, не способенъ для сихъ наукъ: и никакъ мы не можемъ войти о семъ предметѣ ни въ какія объясненія.

Какое заключеніе всего сказаннаго? То, что нынѣшняя система дѣтскаго ученія не охватываетъ въ точности ни одно-

му изъ четырехъ условій, необходимымъ для первоначальнаго умственнаго воспитанія: 1) что она не соразмѣрна, особенно по *правилу* ученія, съ дѣтскими понятіями; 2) что ея не лѣзя начинаютъ съ самаго ранняго дѣтскаго возраста; 3) что она пренебрегаетъ физическому, и не довольно способствуетъ умственному развитію дѣтскихъ способностей; 4) что наконецъ слишкомъ мало приготавливаетъ къ свѣдѣніямъ, которыя нужны по нынѣшнему духу времени.

Сколько недоснатковъ нынѣшней системы дѣтскаго ученія пребудутъ безъ сомнѣнія исправленія ея. Надобно рѣшиться: а) *измѣнить* въ ней несогласное съ предполагаемою цѣлію, б) *исключить* излишнее, в) *дополнить* недостающее. И такъ должно обратитъ вниманіе на три пункта: измѣненіе, исключеніе, дополненіе.

Измѣненіе.

Что надобно измѣнить въ нынѣшней системѣ дѣтскаго ученія? Полагаемъ, что многіе читатели предупредили уже насъ оповѣщомъ. *Правило ученія*, требующее преподаванія дѣтямъ какой нибудь науки *вкратцѣ*, но всей, сряду отъ начала до конца, должно бытъ ославлено; поэтому что дѣлаетъ науки, дѣтямъ, какъ мы выше старались показать,

почти неприслупными. Есть правило натуральнѣе сего, самое натуральное; это: *учить дѣтей изъ какой нибудь науки только тому, что не превышаетъ ихъ понятія, не затрудняетъ много ума ихъ.* Съ симъ правиломъ вы можете смѣло начинать учить ихъ всякой наукѣ, какой угодно: ибо всякая наука, какъ море, имѣетъ свои мѣлкія мѣста, такъ какъ и на оборотъ, всякая имѣетъ свои глубины, даже бездонныя. Передавши ученику изъ какой нибудь науки все, что есть въ ней легкаго, то есть все, для чего онъ не долженъ дѣлать слишкомъ великихъ умственныхъ усилій, оставьте на время эту науку, возьмите другую, третью, четвертую и такъ далѣе: расположите всѣ эти науки такъ, чтобы онъ одна другой помогалъ; пока ученикъ собираетъ разныя знанія изъ сихъ наукъ, разумокъ его, по естественному закону, укрѣпляется: какъ скоро вы почувствуете, что его разумокъ довольно укрѣпился, и можетъ уже безъ опасности сражаться съ трудностями прежней науки, которую вы было опложили, то начинайте заниматься опять съ нимъ сею же наукою: новыя трудности заславяты опять васъ улаживать опять нея; новыя силы опять возвращають къ ней: и такъ до конца. *Посредствомъ сего правила ученикъ безпрестан-*

но, съ невозможно малыми усиліями, будутъ приобрѣтаться новыя свѣдѣнія; горизонтъ ума его будетъ распространяться нечувствительно, но непрерывно и легко. Правда, исполненіе сего правила требуетъ большаго искусства со стороны учителя. Учитель не только долженъ знать всѣ мѣли и глубины науки — вещь немаловажная — но и угадывать почасти всю слабость и силу ученика своего, и поступать, не теряя времени, соответственно съ его слабостью или силою; но въ этомъ-то и состоитъ достоинство сего правила, что оно переноситъ большую часть тяжести съ плечъ младенческихъ на плеча взрослого человека, большую часть трудности ученія отъ ученика къ учителю. Здѣсь видимо сильный помогаетъ слабому. Что этого натуральнѣе въ семь случаевъ?

И с к л ю ч е н і е .

Послѣ сказаннаго нами не трудно догадаться, какихъ наукъ не желали-бы мы находить въ числѣ дѣтскихъ занятій; это: Латинскій языкъ, Писипка и Исторія. Вотъ что предлагаемъ въ замѣну:

Вмѣсто Латинскаго предлагаемъ Нѣмецкій и Англійскій. Собственно по-латинскѣ надобно учиться столько, чтобъ знать значеніе Латинскихъ техническихъ терминовъ. Это не требуетъ много времени,

Въ правила Пятпики едва-ли позволено углубляться много; довольно того, чтобы имѣть понятіе о механической ея части. Занимаются сочиненіемъ стиховъ имѣютъ право только истинные таланты.

Уже было замѣчено, что Исторія не соразмѣрна съ двѣтскимъ возрастомъ. Но должно - ли исключить рѣшительно все, что относится къ Исторіи, изъ занятій первоначальнаго ученія? Этого не говоримъ. Все, чѣмъ можно показать раннему возрасту силу человека, со стороны сердца, ума, характера, дарованій, безъ сомнѣнія весьма полезно. Чѣмъ-же можно показать эту силу человека? Частными жизнеописаніями. Почему избранную *биографію* считаемъ весьма важною книгою для двѣтскаго возраста. Къ сожалѣнію сей книги, прилично написанной, нѣтъ ни въ одной лингвистической Библиотекѣ. Биографія по видимому есть одинъ только видъ Исторіи, приличный двѣтскому возрасту; потому что онъ понятенъ, и легко передаетъ сердцу или воображенію важныя истины. Жизни людей, гдѣ особенно видно божественное достоинство человека, или по высокой любви къ ближнему, какъ у *Льсы-Казаса* и *Пестальози*, или по могуществу характера, какъ у *Колумба*, или по неутомимости терпѣнія, какъ у *Лионе*, могутъ заронить

въ сердце искры благороднаго соревнованія и возвышающаго душу энтузіасма, искры, которыя способны пласть до времени и превратиться потомъ въ великое пламя.

Полагаемъ, что собственно Исторія можетъ войти въ массу дѣтскихъ наукъ, только подъ конецъ первоначальнаго умственнаго воспитанія.

Д о п о л н е н і е .

Въ систему первоначальнаго ученія, должны войти, между прочими науками, *Физика, Химія и Механика*, въ надлежащее время и въ надлежащемъ видѣ. Сперва изъ Механики, на примѣръ, довольно знать дѣтямъ, что такое клинъ, что такое блокъ, что называется *матовымъ колесомъ*, и т. п. При объясненіи имъ сихъ предметовъ должно непременно показывать сіи предметы, или въ натурѣ, или фигурами. Надобно, чтобы умъ ихъ получилъ идеи чрезъ собственные ихъ чувства.

Въ систему ихъ ученія должны войти частыя *согласія на природномъ языкѣ*. Искусство передавать хорошо свои мысли весьма важно. Хотя оно и не составляетъ собственно *знанія*, ибо не увеличиваетъ въ умъ числа истинъ, но служитъ, какъ и иностранные языки, полезнымъ вспомогательнымъ средствомъ для *знанія*,

и, какъ сіи языки, пріобрѣтается помощью упражненія. Но усилія, копорыхъ пребудетъ сіе упражненіе, не выше ли дѣтскихъ способностей? Оспиваемъ смѣло, что нѣтъ; только не пребудете слишкомъ продолжительныхъ и трудныхъ сочиненій. Что дѣлаетъ ребенокъ, когда повпоряетъ передъ вами, не слово въ слово, (обстоятельство изъ обыкновеннѣйшихъ обыкновенное) урокъ свой? Пересказываетъ вышверженное, и вмѣстѣ сочиняетъ. Сочиненіе это выше ли его силъ? Смѣшно спрашивать. Это обстоятельство показывается само собою, какъ можно приняться съ дѣтскими, самымъ натуральнымъ образомъ, за сочиненія. Надобно, чтобы они своими словами передавали *опредѣленную для сего часть урока*. Но почему опредѣленную только часть урока, а не весь урокъ? Потому что весь урокъ великъ и можетъ быть труденъ для этого. И такъ вошь метода постепеннаго сочиненія: сперва опредѣлите ученику (вашему для переданія собственными его словами небольшую, и при томъ самую легкую для объясненія часть того, о чемъ онъ только что кончилъ съ вами учиться: помните, соображаясь съ его силами, можно назначать ему части урока больше и больше, труднѣе и труднѣе: только не надобно спѣшить: это важное правило для вѣрнаго успѣха. Сначала сей родъ сочиненія будетъ поль-

ко *словесный*, поному чпо дѣям пишущемъ медленно, и слишкомъ много-бы потерявъ времени на писаніе, которое сверхъ того для нихъ очень скучно; попомъ *письменный*, когда скорописаніе пересытанентъ бынть большою трудностью; учитель, разумѣющій, поправляетъ сочиненіе; сначала дѣлаетъ весьма легкія и не многія замѣчанія о искусствѣ языка; попомъ сіи замѣчанія; по правилу воспріятности, спановляясь сильнѣе и разнообразнѣе: сіи первые опыты сочинемій пріучаютъ мало по малу ученика передавать, съ нѣкоторою свободою и красотою, словесно или письменно, самыя трудныя въ семъ отношеніи части его уроковъ; наконецъ: опъ уроковъ опъ можетъ перейти къ постороннимъ предметамъ, и ррщущимъ; къ сочиненіямъ на какую нибудь заданную тему; здѣсь упражненія его должны уже бынть соединены съ первоначальными Риторикъ.

Но основаніемъ первоначальнаго ученія, особенно ранняго, должна бынть *Натуральная Исторія*, во всѣхъ главныхъ ея звѣнцѣхъ; поному чпо ни какая наука такъ совершенно не опшвчаетъ всемъ условіямъ хорошаго умственнаго воспитанія дѣтей, какъ *Натуральная Исторія*. Въ этомъ отношеніи она беретъ преимущество передъ самыми живыми языками, споль-

примѣчнѣйшимъ первоначальному ученію. Въ одной вещи :

I. Она, изъ всѣхъ наукъ, самая понятная для дѣтей. Конечно воѣ науки болѣе или менѣе доступны дѣтскому понятію, но ни одна столько, какъ Натуральная Исторія. Дѣти, съ весьма обыкновенными способностями, но съ хорошею памятью и нѣкоторымъ прилежаніемъ, могутъ чрезвычайно усвоить въ Натуральной Исторіи.

II. Ей можно начать учить дѣтей съ весьма ранняго изъ возраста; во-первыхъ потому, что она простиѣе прочихъ наукъ, во-вторыхъ потому, что дѣти охотнѣе занимаются ею нежели прочими. Самый ранній возрастъ, когда не только слабъ разумокъ, но не крѣпка и самая память, не способенъ уже къ нѣкоторымъ занятіямъ по Натуральной Исторіи: съ возрастомъ можно уже знакомить съ различіями цвѣтовъ (colores), которыми окрашены или опшѣнены предметы въ природѣ (для сего могутъ быть полезны образчики цвѣтовъ *Jarrea*, *Vergne des couleurs*, и подобн.) Можно знакомить особенно съ природою посредствомъ нѣкоторыхъ любимыхъ дѣтьми изображеній различныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся, раковинъ, насекомыхъ, растений и такъ далѣе. Показывая сіи существа природы, можно называть имена ихъ, дѣлать

даже нѣкоторую ихъ характеристикку; то есть, особенно обращать ихъ вниманіе на отличительные признаки.

III. Она служитъ физическому и умственному развитію дѣтей. Припомнимъ, что для физическаго и умственнаго развитія мы положили правилами: упражненіе плѣсовыхъ и умственныхъ способностей; упражненіе сихъ способностей соразмѣрно съ ихъ силою; совершенствованіе органовъ чувствъ. Она не только упражняетъ умственные, но и плѣсные силы; экскурсіи въ пользу Ботаники, насѣкомыхъ, минераловъ и тому подобнаго, служатъ для ума и тѣла вмѣстѣ; она занимаетъ сколько, что самыя прогулки дѣтей обращаются въ нѣкоторой родъ уроковъ; собраніе растеній, бабочекъ, насѣкомыхъ, въ большемъ возрастѣ, ловленіе птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, млекопитающихъ, можетъ доставлять и пользу и удовольствіе. Физиологія показываетъ, что дѣтскій возрастъ любитъ, и непременно требуетъ большаго плѣснаго движенія. Ученіе Натуральной Исторіи не только не препятствуетъ ему, но само имѣетъ въ немъ нужду. Этого мало. Натуральная Исторія совершенствуетъ чувства. Что лучше ея можетъ пріучить глазъ къ точному сужденію о формахъ, цвѣтахъ, размѣрахъ? Тысячи оплывковъ, тысячи шпекосей, которые обыкновенно исчезаютъ

заютъ олъ глазъ не занимавшягося предме-
тами природы, примѣшны глазу натура-
листа. Если-бы Натуральная Исторія со-
вершенствовала только чувство зрѣнія,
то уже одна эша выгода дала-бы ей пра-
во занять мѣсто между науками перво-
начальнаго воспитанія. Какое еще удиви-
тельное ея свойство! Она приспособлен-
ся ко всѣмъ понятіямъ, принимаетъ ша-
кую величину, для какой кто способенъ:
нѣтъ споль слабого ума, которъ бы
нашелъ ее слишкомъ прудною, но также
и нѣтъ споль сильного ума, для котора-
го-бы она сдѣлалась слишкомъ легкою;
какъ горизонтъ небесный, ея предѣлы
недоступны ни какому телескопическому
зрѣнію, и со всѣмъ шѣмъ надобно быть
совершенно слѣпымъ, чпобы не обнять
ея въ великой уже обширности: она со-
размѣрна со всѣми способностями, и со
всѣми огромна.

IV. Наконецъ она изъ числа тѣхъ на-
укъ, которыя готовятъ къ знані-
ямъ, пребуемымъ нынѣшнимъ духомъ
времени.

Воптъ почему полагаемъ ее основани-
емъ первоначальнаго ученія, особенно ран-
няго; ибо въ раннемъ возрастѣ особен-
но надобно совершенствовать органы
чувствъ, и упражнять способности ума
и тѣла наимегчайшимъ образомъ.

Почитаемъ также весьма полезными науками для первоначальнаго ученія: *Анатомію*, *Рисованье съ натуры* (напр. по способу Г-жи le Breton) и *Черченіе*; потому что онѣ предспавляютъ выгоды такого же рода, какъ и Натуральная Исторія, только въ меньшей степени.

И такъ, къ обыкновенному числу наукъ первоначальнаго ученія находимъ нужнымъ прибавить: Натуральную Исторію, Анатомію, Физику, Химию, Механику, Нѣмецкій и Англійскій языки, Рисованье съ натуры, Черченіе и частныя сочиненія на природномъ языкѣ. „Какая бездна наукъ! скажетъ иной. Этого много и для взрослога!“ Отвергаемъ: и одной науки много для взрослога, если закупаемъ всего, чтобы испощить весь запасъ ея свѣдѣній. Науки всѣ безконечны, потому что всѣ имѣютъ предметомъ природу, а природа границъ не имѣетъ. Слѣдовательно дѣло не въ томъ, чтобы выучиться какой нибудь наукѣ, а въ томъ, чтобы выучиться какимъ нибудь предметамъ изъ наукъ. Все равно, составяли эти предметы массу знаній, которую мы назовемъ однимъ именемъ Математики, или такую массу, которую мы назовемъ вмѣстѣ именами и Математики, и Натуральной Исторіи, и Физики, и Химіи, и Англійскаго языка, и Рисованья, и пр.; ибо какъ ни называйте ее, она

требуетъ для себя одинакаго количества времени: но не все равно, если эта масса будетъ состоять только изъ Математики, или вмѣстѣ изъ Математики, Натуральной Исторіи, Физики, и такъ далѣе. Въ Энциклопедіи, въ иномъ порядкѣ смыслъ, есть одна наука, которой учился родъ человеческій; люди, въ разныхъ возрастахъ, учились некоторымъ предметамъ изъ сей обширной науки; дѣлами приличны наиболѣе изъ нея своимъ извѣстнымъ предметамъ.

Мы старались показать сіи предметы; старались основать выборъ ихъ не на произвольныхъ какихъ нибудь положеніяхъ, но на требованіяхъ дѣтской организаціи и духа времени. Остаются теперь взглянуть, есть-ли какое *натуральное начало*, по которому можно расположить науки въ продолженіе всего первоначальнаго ученія, то есть, опредѣлить, какія науки должны слѣдовать однѣ за другими.

Физиологія учитъ, что возрастъ человека между 8-мъ и 16-мъ годами оживляется наибольшею силою памяти; этоютею возрастомъ есть эпоха памяти; за нею слѣдуетъ эпоха разума и смелости; потомъ эпоха разсудка и характера. Три сіи эпохи натурально означаютъ три времени умственнаго воспитанія.

Приведенный теперь физиологическій законъ показывается: 1) Что первоначальное умственное воспитаніе должно, говоря вообще, простирается до 15 лѣтъ; 2) Что науки должны, во время сего воспитанія, относиться болѣе къ памяти, чѣмъ къ разуму, или къ силѣ размышленія; 3) Что съ особенною осероженностью надобно дѣйствовать на разумъ, или силу размышленія, прежде семилѣтняго возраста, когда и самая память еще не совершенно созрѣла.

Здѣсь видна необходимость дѣйствовать на дѣтскій разумъ, въ раннемъ возрастѣ, такъ, чтобъ возбуждать въ его силѣ размышленія наивозможно слабыя усилія. Этого не лѣзя достигнуть вѣрнѣе какъ передаваніемъ дѣтямъ свѣдѣній черезъ собственныя ихъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія, которое отличается передъ прочими силою своихъ впечатлѣній; ибо свѣдѣнія, переходяція къ уму черезъ чувства, не требуютъ отъ ума большаго вниманія, и врѣзываются въ мозгу почти сами собою.

Теперь становится еще понятнѣе, почему мы сказали о Натуральной Исторіи, что она должна служить основаніемъ первоначальнаго ученія, и особенно ранняго: ея свѣдѣнія переходятъ болѣею частію къ уму черезъ чувства, особенно черезъ чувство зрѣнія.

Сила памяти и непердоснѣ разума въ дѣтскомъ возрастѣ предписываютъ слѣдующее правило для расположенія наукъ: науки должно расположить такъ, чтобъ преподавалось дѣтямъ тѣмъ болѣе свѣдѣній, переходящихъ къ уму черезъ собственныя или чувства, тѣмъ слабѣе у нихъ сила размышленія.

Попробуемъ сдѣлать приложеніе сего правила, сродняя его съ прежде извѣстнымъ правиломъ постепенности въ трудностяхъ.

Сначала: приготовленія къ Натуральной Исторіи, показываніемъ и нѣкоторымъ объясненіемъ изображеній живописныхъ и расписій, еще лучше показываніемъ, не изображеній только, но самыхъ натуральныхъ предметовъ; минералы особенно худо изображаются фигурами. Рисованье и Танцованье почти единственно, какъ забавы. Это первый шагъ къ наукамъ и искусствамъ.

Потомъ: Числанье и Писанье, по насколько возможно скорѣйшимъ методамъ, чтобы не шербяшь понапрасну времени. Латинскій и Греческій Алфавиты. Объясненіе фигуръ и шѣлъ геометрическихъ. Объясненіе разныхъ изображеній, относящихся до наукъ и художествъ вообще, до Натуральныхъ, Физическихъ и Механическихъ наукъ въ особенности.

Потомъ: Зоологія, Ботаника и Минералогія въ собственномъ ихъ видѣ. Нату-

ральную Исторію надобно продолжать во все время первоначальнаго ученія; только занятіе ею должно спѣсняться болѣе и болѣе другими науками, по мѣрѣ возрастанія ума учащагося. Русская Грамматики. Грамматическое ученіе иностранныхъ языковъ. Четыре правила Арифметики. Рисованье съ натурь. Танцованье.

Потомъ 'присоединить: Анатомію; чтеніе біографій; Черченіе; сочиненія на Русскомъ языкѣ; Музыку.

И такъ далѣе. Мы не дѣлаемъ полнаго расположенія наукъ, потому что оно должно зависѣть много отъ внутреннихъ и внешнихъ средствъ учащагося. Для нашей цѣли довольно было показать нѣкоторый образецъ приложенія того *правила расположенія наукъ*, о которомъ сейчасъ было сказано. Мы искали объяснить начало (*principium*), а не подробности первоначальнаго ученія.

Трудъ нашъ приходитъ къ концу. Думая, что теорія наша основана на положительныхъ началахъ, надѣемся, что она будетъ нѣкогда принята: но сіе *нѣкогда* можетъ быть весьма еще опдалемно. Привычка и приспраніе къ старому препялспивуютъ сильно всякому нововведенію. Но не потому-ли Воспожъ оспался до сихъ поръ неподвижнымъ, а Западъ шакъ счаспмили-

во перемѣнился противъ прежняго, что Востокъ отвергалъ полезныя нововведенія, а Западъ принималъ ихъ? Намъ скажутъ: „Опытъ уже доказалъ пользу старой системы ученія; она притуповила и произвела множество опличныхъ людей.“ Она-ли притуповила и произвела ихъ, спросимъ? Природа не шворитъ-ли великихъ людей; не только опличныхъ, не смотря ни на какія препятствія или системы? Гдѣ родился *Колумбъ*? Не спрانا-ли религиозной неперпимости произвела *Льась-Казаса*? *Жанъ-Жакъ Руссо*, сынъ часовщика, челоуѣка добраго, но проспаго, не помнилъ, по его признанію, какъ выучился чишать, и первымъ чтеніемъ его были романы; *Шекспиръ*, сынъ бѣднаго продавца шерсти, *Торвальдзенъ*, сынъ каменщика, банкиръ *Льа-фитъ*, сынъ плотника, не назначались, кажется, форпуною для важныхъ своихъ ролей, сполько впрочемъ различныхъ; натуралистъ *Линне* опданъ былъ въ дѣтствѣ опцемъ своимъ учинься сапожному ремеслу; механикъ *Аркрайтъ*, котораго генію Англія наиболѣе обязана пѣмъ, что ея хлопчатобумажныя фабрики вырабатываютъ ежегодно на 40 милліоновъ стерлинговъ (на тысячу милліоновъ рублей), былъ, ло 30-ни лѣтъ, проснымъ цирюльникомъ; нашъ *Ломоносовъ*, крестьянскій сынъ, также до 16-ни лѣтъ, занимался съ опцемъ

своимъ не науками, а рыбного ловлею. Не должно-ли заключить изъ сихъ примѣровъ, что сильный умъ или великія дарованія побуждаютъ всѣ враждебныя обстоятельства, которыми судьба какъ будто спарается иногда ихъ уничтожить? Не хощя природа шакъ могущественна, однако никто не скажетъ, что ей вовсе не нужно содѣйствовать. Кто не согласился, напрошивъ, что надобно спараться помогать ей, сколько возможно болѣе и лучше.

Другое важное препятствіе для принятія въ употребленіе предлагаемой теперь системы дѣтскаго ученія, которая впрочемъ есть собственно только исправленіе спарой, а не что нибудь совершенно новое, неслыханное, другое препятствіе, говоримъ, заключается въ средствахъ исполненія, по недостатку приличныхъ сочиненій и учителей. Учителей мало, сочиненій вовсе нѣтъ. Но то и другое явится, если заботятся родители: явится конечно не вдругъ, но вѣрно; только-бы сдѣланы были первыя усилія со стороны отцовъ и воспитателей, и только-бы опытъ одобрилъ хощя мало сіи усилія.

Мы съ своей стороны испытывали нѣсколько нашу теорію на опытѣ, занимаясь съ дѣтьми Натуральною Исторіею. Чтобы показать читателю нашу *методу*,

прилагаемъ два урока изъ числа данныхъ дѣтямъ восьмилѣтняго возраста. По немъ иному приличнаго сочиненія, уроки надобно было и сочинять и писать. Я старался употреблять, сколько можно, короткіе и ясные предложенія и періоды. Каждое изъ предложеній или періодовъ я такъ писалъ на тетради, что одна часть ихъ была на одной половинѣ, другая на другой половинѣ страницы. Это для того, чтобъ ученикъ, во время выучиванія урока, могъ перегибать или закрывать которую нибудь половину страницы и читалъ только начало или окончаніе періодовъ, стараясь дополнять ихъ усвѣненія изъ памяти. Этотъ способъ даетъ ученику возможность экзаменоваться самого себя въ урокъ.

УРОКЪ ОРНИТОЛОГИЧЕСКІЙ.

Коршунъ. (*) VULTUR.

Х а р а к т е р и с т и к а.

Голова (caput) . . . голая, покрытая мясистыми перепонками или пункомъ.
 Глаза (oculi) наровнѣ съ головою (ни вдавлены въ нее, ни на выкатѣ).

(*) При семъ урокъ служили мнѣ прекрасныя изображенія коршуновъ du Dictionnaire des sciences naturelles, publié par *Levrault*. Жаль, что въ числѣ сихъ изображеній нѣтъ ни Каарша, ни Дапшрля.

- Клёвъ (rostrum) . . . прямой, закрюченный, долька съ конца, снабженный, при основаніи, гладкимъ или волосиспымъ восчаникомъ (сега).
- Языкъ (lingua) . . . мясистый, часто раздвоенный.
- Шея (collum) . . . болѣе или менѣе безшерая, какъ и голова.
- Нижняя часть шеи окружена длиннопериспымъ ошейникомъ.
- Крылья (alae) . . . весьма длинныя.
- Плюсны (tarsi) . . . крѣпкія, покрышыя чешуйками.
- Когши (ungues) . . . слабыя.

Общія замѣчанія о Коршунѣ.

Коршуны извѣстны, какъ птицы жадныя, прожорливыя, прусливыя, глупыя, склонныя болѣе пипаться падалю всякаго рода, нежели живымъ мясомъ; отъ чего отвращительно пахнутъ. Зрѣніе оспро на опкрышіе падали.

Мнѣніе о чрезвычайной тонкости ихъ обонянія едва-ли справедливо.

Не смѣютъ нападать на живыхъ живошныхъ, развѣ на маленькихъ ппенцовъ безъ защиты, вообще на слабыхъ живошныхъ, и по спаяю. (*Исключенія: Кондоръ; Гицаепъ.*)

Положеніе полугоризонтальное, какъ-бы отъ боязни.

Признаки, когда они наклевались?

Полетъ тяжелый, особенно когда на-дятся, впрочемъ обширный. Живутъ болѣею частью въ сообществѣ.

По слабости когтей ; вѣять падалъ на мѣспѣ. (Питаніе приморскими нечистотами).

Ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ; много въ Египтѣ.

Гнусны-ли въ самой вещи Коршуны ? ()*

(*) Сіе подчеркнутое предложеніе служило шемомъ для сочиненія ; шо есмь, для написанія своими словами шого, чшо я говорилъ, объясня сію шему. Я объяснялъ ее въ такомъ смыслѣ: Въ нашурѣ ничего нѣтъ гнуснаго, пошому чшо все имѣешь свою пользу, а полезное не гнусно; коршуны полезны, пошому чшо испреблюющъ падалъ и нечистоты; вошъ почему ихъ болѣе въ южныхъ, чѣмъ въ сѣверныхъ краяхъ; въ южныхъ краяхъ, ошъ шеплошы воздуха, смрадъ падали заразительнѣе; для испребленія падали, шощасъ какъ она случишся, природа дала имъ ошрое зрѣніе, дала чрезвычайную прожорливосшь, соединила ихъ сплами; чшобъ испребляли падалъ на мѣспѣ, и не разносили нечистотъ по разнымъ мѣспамъ, дала имъ слабые когти; каваршы въ нечистыхъ городахъ Испанско-Американскихъ, перконошеры въ Египтѣ, оказывающъ истинное благодѣаніе людямъ, кошорые не спарающся о чистотѣ городовъ или селеній своихъ, и жили бы, безъ сихъ коршуновъ, беспресшанно въ смрадѣ; вошъ почему въ Хили и Перу каваршы защищены ошъ убійства ихъ строгими законами. Живошныя не имѣющъ добродѣтелей или пороковъ, пошому чшо не знаютъ, чшо шакое добродѣтель или порокъ, шакъ какъ дерево или камень штого не знаютъ. Орелъ не ѣсшь падали не по разумку, а пошому чшо его желудокъ шребуешъ живаго мяса; не изъ великодущія

Самка, какъ и вообще самки всѣхъ хищныхъ птицъ, по неоткрытому до сихъ поръ закону природы, больше и сильнѣе самца.

Высиживаютъ опть двухъ до ченбырехъ пшеницовъ.

Кормятъ дѣшей изъ зоба.

Періе (*) у самца и самки въ зрѣломъ возрастѣ одинаково, но въ молодомъ

онъ смѣло нападаетъ на жившихъ, а по необходимости, шакъ какъ не изъ жестокосердія раздражаетъ ихъ члены, а по надобности; и коршуны между пшницами, и шакалы между звѣрами, ищутъ спящими смрадной падали, выкапываютъ шрупы, не по шрусости или гнусной прожорливости, а по закону природы, кошорая великии имъ это дѣлаетъ, дала имъ для существованія эти средства, а не другія какія.

(*) Одна изъ шрудностей ученія Натуральной Исторіи есть неопредѣленность нашего языка въ отношеніи къ сей наукѣ, шакъ какъ и въ отношеніи ко многимъ другимъ наукамъ. Я принужденъ былъ изобрѣсти нѣкошорія слова; напримѣръ: *perie*, le plumage по-фр. (вош перья пшницы, вмѣстѣ взятшыя); *раскрытіе*, l'envergure по-фр. (расшолніе между концами расшосперныхъ крыльевъ); нѣкошорія слова употребляетъ Славянскія, на пр. *долъ*; перевожу la vallée *долина*, le valloz *лощина*, le val *долъ*. Въ натуральныхъ наукахъ необходима совершенная шточность выраженій; въ нихъ не позволено называть долину иногда долиною, иногда лощиною; иначе произойдетъ весьма вредная запущанность и шемноша. Привожу слова, сказанныя мною въ другомъ случаѣ: „Я при-

возрастъ ихъ ливрея весьма видоизмѣнива; опть этого произошла у напуралисповъ запушанность; одинъ и тошь же коршунъ часто описывается, какъ различные виды коршуна; пошому что онъ наблюдаемъ былъ въ различныхъ его ливреяхъ и возрастахъ.

Тедерь опредѣлены положительно пять видовъ коршуна:

- 1) Собственно коршунъ. . (Vultur proprie dictus)
- 2) Саркорамфъ Sarcoramphus. (что значить *мясо-клювъ*).
- 3) Кавартъ, Cathartes. . . (что значить *гнетитель*).
- 4) Перкиоптеръ, Percnopterus. (что значить *серно-крылъ*).
- 5) Гипасъ, Gypaëtos. . . (что значить *коршунъ-орелъ*).

нялъ системою оставлять многія иноспранныя техническія слова безъ перевода. Это нѣкошорые назовушь любовью къ барбаризму, но не знаю, справедливо-ли. Конечно должно спараться о чистотѣ отечесшвеннаго языка; но всему есть мѣра. Техническіе термины не принадлежатъ какому нибудь отечесшву; они сосшавляютъ ученый языкъ всего просвѣщеннаго свѣша. Переводить ихъ накакой нибудь діалектѣ, значить дѣлать какъ-бы похищеніе у ученаго языка: и это похищеніе дѣйспшительно вредно наукамъ. Безъ шого уже терминологія крайне отпагошшительна для памяти; еще *Бюбфонъ* жаловался, что ученіе терминовъ въ Натуральной Испоріи шрудитъ самой науки. Зачѣмъ увеличивашъ сію шрудность умноженіемъ терминовъ во сполько разъ, околько находштся различныхъ діалектовъ. Всякій ненужный терминъ въ наукахъ есть для нихъ препяшствіе. Излишній *пуризмъ* не сосшавляетъ богатштва языка; напрощивъ шого *Вольтеръ*, кошорому можно въ этомъ случаѣ вѣришь, говоритъ: le purisme est toujours pauvre.“

Натуралисты упоминають о другихъ родахъ; но сіи роды не довольно еще точно опредѣлены. Въ слѣдующіе разы рассмотримъ каждый изъ упомянутыхъ пяти родовъ коршуна особенно.

УРОКЪ ОРИКТОГНОСТИЧЕСКІЙ. (*)

Прозрачный кварцъ. Quarz hyalin. (*Найю*).

Справедливѣе, можетъ быть, называть сіе минеральное вещество *хрустале-виднымъ* кварцемъ, нежели *прозрачнымъ*; потому что оно бываетъ иногда непрозрачно, но всегда хрусталевидно.

Формы прозрачнаго кварца.

Ихъ три рода:

- 1) Правильныя формы (кристаллы),
- 2) Псевдоморфическія, что значить (*ложно-форменныя*),
- 3) Подражательныя.

1) Правильныя формы.

Кристаллизація кварца весьма разнообразна. Главныхъ видовъ правильныхъ

(*) Сей урокъ, по сухости своей, и по немалому числу греческихъ словъ, которыхъ ученикъ долженъ писать, подъ диктованье на доскѣ, при чемъ довольно проходишь времени — короче предыдущаго. Читайтель увидишь изъ сего урока какъ опредѣленно и ясно выражается починный языкъ натуральныхъ наукъ о формахъ шѣль, какъ-бы онѣ ни казались сложными.

формъ, или кристалловъ, считается до пятнадцати. Три изъ нихъ обыкновеннѣе прочихъ; это:

Призмованный кварцъ (*). *Quarz prismé* (фиг. 3).

Слово призма (*Призма*) происходитъ отъ *Prizma*, пилю. Призмованный кварцъ происходитъ изъ соединенія двухъ шестигранныхъ пирамидъ съ шестигранною-же призмою основаніями. Это самая обыкновенная форма. Кристаллы, имѣющіе сію форму, весьма различнаго объема (*volumen*), именно, отъ едва примѣтной глазу величины до трехъ четвертей аршина. Много имѣеть видоизмѣненій. (**)

Слово *Пирамида* (*Pyramis* по-гр., *Pyramis* по-лат.) происходитъ отъ *Pyr*, огонь, по сходству пирамиды съ огнемъ.

2) Пятьюшестигранный кварцъ. *Quarz pentahexaèdre*. (фиг. 4.)

(*) Ученику должно сперва объяснить, что *фиг. 1.* называется пирамидою, у которой оспрее *a* есть *верхъ*, а площадка *b* основаніе (фиг. 1. предсавляетъ шестигранную пирамиду, по причинѣ шести граней или площадей; но пирамиды могутъ также быть трехъ, четырехъ, пяти, и такъ далѣе, гранныя); что *фиг. 2* называется призмою, которая здѣсь изображена шестигранною, но которая, геометрически рассуждая, можетъ имѣть различное число граней, не перешагавъ быть призмою.

(**) При семъ мѣстоходомъ показаны нѣкоторыя изъ главныхъ видоизмѣненій по фигурамъ *Галли.*

Πέντε . . . пять ,
 отъ *ἕξ* шесть и
ἑδρα основаніе.

Въ немъ ребра соединенія пирамидъ съ призмой обрѣзаны параллелограммовидными площадками (*фиг. 4. а. а. а.*), которыя, если-бы были продолжены, образовали-бы весьма острую пирамиду (или плочку): — образовали-бы пирамиду острѣе дѣйствительной пирамиды (кристалла.)

3) Косогранный кварцъ. *Quarz plagièdre.* (*фиг. 5*)

отъ *Πλάγιος* косою и
ἑδρα основаніе.

Въ немъ углы соединенія пирамидъ съ призмой обрѣзаны трапецевидными плоскостями (*фиг. 5. а. а. а.*) Довольно обыкновененъ.

Слово трапецевидный происходитъ отъ.

Τέτρα четыре и
Πέδα (по - Лат. *pes* нога): отсюда названіе извѣстной Геометрической фигуры трапеціею (*Τραπεζίον*).

Наше сужденіе о первоначальномъ ученіи кончилось; сужденіе публики начинается. Передаемъ шрудъ ей.

ДОМОВОЙ - ПЕСОЧНИКЪ.

ПОВѢСТЬ ГОФМАНА.

Г.

Натанасель къ Лотеру.

Безъ сомнѣнiя, вы теперь всё въ ужасномъ безпокойствѣ, ибо я уже очень давно не писалъ къ вамъ. Мапушка вѣрно сердится; Клара думаетъ, что я живу здѣсь въ вихрѣ успѣхъ, и что я забылъ совершенно, ангельскiй образъ, такъ глубоко врѣзанный въ сердце моему и душѣ. Но это несправедливо: всякiй день и всякiй часъ я вспоминаю объ васъ всѣхъ, и прелестное личико Клары безпрестанно является мнѣ въ сновидѣнiяхъ; ея блистающiе глаза бросають на меня благосклонныя взгляды и роликъ ея мнѣ улыбается, какъ и прежде, когда я былъ вмѣстѣ съ вами Увы! какъ я могъ писать къ вамъ въ такомъ жестокомъ положенiи души, которое до сихъ поръ разстроивало всё мои мысли? Что-то ужасное проникло въ жизнь мою! Мрачныя предчувствiя спрашной и грозной будущности наполняють мою душу, какъ черныя облака, не проницаемыя яркими лучами солнца. Расскажете ли тебѣ что со

мною случилось? Чувствую, что долженъ это исполнить непременно; но когда я вспомню о томъ, мнѣ кажется, что я слышу вокругъ себя хохотъ насмѣшниковъ. Ахъ, мой любезный другъ Лоперь! какъ мнѣ располковать тебѣ хохъ нѣсколько то, что со мною случилось? Недавно природа ужасно потрясла жизнь мою. Если-бъ ты былъ здѣсь, ты-бы могъ видѣть все своими глазами; но теперь ты вѣрно примешь меня за безразсуднаго мечтателя. Короче, явленіе, видѣнное мною, коего вліяніе на смертныхъ спараюсь личешно разгадать, состоить въ томъ, что за нѣсколько дней предъ симъ, именно 30 Октябрю, въ полдень, одинъ продавецъ барометровъ вошелъ ко мнѣ въ комнату и предложилъ свои инструмены. Я ничего не купилъ и грозилъ сполкнуть его съ лѣспницы, но онъ поспѣшно удалился.

Теперь ты думаешь, что обстоятельство самая обыкновенная, которая сильно подѣйствовали на меня, придають нѣкоторую важность сему приключенію. И это двѣспвишительно такъ. Я собираю всѣ силы свои, что-бъ рассказать тебѣ, равнодушно и терпѣливо, нѣсколько происшествій моей юности, которая сняла тебѣ кое-что. Но едва хочу начать описывать ихъ, какъ представляется мнѣ, что я вижу какъ ты смѣешься, и слышу

какъ Клара говоритъ: — Это настоящее ребячество! — Смѣйпесь, проку васъ, смѣйпесь онъ души надо мною: . . . Я заклинаю васъ! . . . Но, великій Боже! . . . мои волосы спановяпся дыбомъ, и мнѣ кажется, что я васъ умоляю смѣяпсья надо мной въ бреду опчалнїя, какъ Франць-Мооръ заклиналъ Данїеля (*). Но къ дѣлу.

Исключая часы отдохновенїя, я вмѣстѣ съ брапцами и сесприцами рѣдко видалъ бапюшку, ибо онъ былъ очень занятъ своею должностью. Послѣ ужина, копорый обыкновенно былъ въ семь часовъ, сообразно съ стариннымъ обыкновениемъ, мы шли всѣ вмѣстѣ съ мапушкой въ комнапу, гдѣ занимался опецъ нашъ, и сѣдїлись за круглый столъ. Бапюшка курилъ трубку и прихлебывалъ, по временамъ, пиво изъ большаго спакана. Часпо онъ рассказывалъ намъ удивительныя исторїи, и сполько воспламенялся своими рассказами, что забывалъ свою огромную трубку, копорая погасала; моя должностъ была зажигать ее снова, и я элїмъ былъ ужасно доволенъ. Нерѣдко также онъ намъ давалъ въ руки книги съ карпинками а самъ въ молчанїи сїдѣлъ неподвижно въ своихъ креслахъ, пуская вокругъ себя облака густаго дыма, копорыя скрывали всѣхъ

(*) Въ трагедїи Шиллера: Разбойники.

насъ какъ будто въ туманѣ. Во время плаковыхъ-то вечеровъ, мапушка бывала всегда чрезвычайно печальна, и едва било девять часовъ, какъ она говорила: „Дити! спускайтесь спать. . . Домовой - песочникъ скоро придетъ. Я ужъ жду его. „И въ самомъ дѣлѣ, каждый разъ мы слышали, какъ тяжелыми шагами идутъ по спускамъ: это былъ домовой - песочникъ. Между прочимъ, одинъ разъ такой спужъ испугалъ меня болѣе обыкновеннаго; я спросилъ мапушку, копорая приказывала уйдти намъ: „Ахъ! маминька! кто-жъ этоишь злой домовой - песочникъ, копорый всегда прогоняетъ насъ? Кто онъ таковъ?

— Никакого нѣтъ домоваго - песочника, ошвѣчала мнѣ мапушка. — Когда я говорю, что домовой-песочникъ идетъ, то значить только что вамъ пора спать, и что ваши вѣки невольно закрываются, какъ-бы вамъ брошено деску въ глаза.

Ошвѣдѣнъ мапушки не удовлетворилъ меня. Въ моемъ дѣтскомъ воображеніи, я ошгадывалъ, что мать моя ошрицала существованіе домоваго-песочника, чтообъ не испугать меня, ибо я слышалъ всегда какъ онъ идетъ по спускамъ. Подспрекаемый любопытствомъ и горя неперпнѣемъ удѣрился въ существованіи сего человека, я спросилъ наконецъ у старой

служанки, которая ходила за моей младшей сестрой, кто это былъ таковъ.

— Эхъ! мой малютка Напанаель! опивчала она мнѣ. — Развѣ ты этого не знаешь? Это злой духъ, который приходилъ къ дѣтямъ, когда они не хотѣли почивать и бросаетъ имъ въ глаза горсти песка, чѣмъ они плакали кровью. Потомъ онъ ихъ сажаетъ въ мѣшокъ и относитъ, во время полнолунія, для забавы своимъ дѣтямъ, у коихъ носы пакіе же какъ у лепучихъ мышей, и которыми они выклеиваютъ имъ глаза и умерщвляютъ.

Съ сихъ поръ образъ домоваго-песочника врѣзался въ моей душѣ ужаснымъ образомъ. Вечеромъ, когда по ступенямъ раздавался шумъ его шаговъ, я поскокалъ и дрожалъ отъ страха; мапушка не могла отъ меня никогда ничего добиться кромѣ словъ, прерываемыхъ воплями: Домовой-песочникъ! домоваго-песочникъ. Тотчасъ я убѣгалъ въ свою комнату, и сіе ужасное явленіе мучило меня въ продолженіе всей ночи. Уже я былъ въ шѣхъ лѣтахъ, когда могъ считать рассказъ старой служанки сказкою; однако домоваго-песочникъ былъ для меня спрашнымъ явленіемъ. Я едва могъ обуздывать страхъ свой, когда слышалъ какъ онъ всходитъ по лѣспницѣ и идетъ къ кабинету отца моего. Иногда нѣсколько дней сряду онъ

не приходилъ ; но послѣ того, посвѣщенія его сптановились чаще. Это продолжалось два года. Я не могъ привыкнутьъ къ сему спранному явленію, и мрачное лицо сего незнакомца не изглаживалось изъ моей памяти. Его отношеніе къ отцу моему занимало болѣе и болѣе мое воображеніе, и любопытство видѣть его увеличивалось во мнѣ вмѣстѣ съ лѣтами.

Песочникъ увлекъ меня въ міръ чудесный, гдѣ умъ дѣпей такъ легко совращается съ надлежащаго пути. Ни что мнѣ такъ не нравилось, какъ спрашныя испоріи о духахъ, демонахъ и колдунахъ ; всегда въ сихъ повѣствованіяхъ, посреди самыхъ спрашныхъ и удивительныхъ явленій, предспавлялся мнѣ образъ домоваго-песочника, который я рисовалъ мѣломъ и углемъ на сполахъ, зеркалахъ, спѣнахъ, однимъ словомъ вездѣ и всегда, въ видѣ самомъ опврапительномъ. Едва минуло мнѣ десять лѣтъ, какъ мапушка назначила мнѣ особую комнату. Она находилась недалеко отъ кабинета отца моего. Всякій разъ, когда въ девять часовъ слышанъ былъ идущій незнакомецъ, намъ велѣно было удаляться. Изъ своей комнаты я слышалъ какъ входяшь въ кабинетъ моего отца, и вскорѣ послѣ того, мнѣ казалось, что необыкновенное благоуханіе разливалось по всему дому. Любопытство узнашь этого домоваго-песоч-

ника подспрекало меня болѣе и болѣе. Я выбѣгалъ изъ своей комнапы въ корридоръ; но я ни чего не могъ видѣть, ибо незнакомецъ уже зашворялъ за собою дверь. Но наконецъ, увлекаемый непреодолимымъ желаніемъ, я рѣшился спряпаться въ самой комнапѣ опца, чптобы дождаться домоваго-песочника.

По молчанію бапцюшки и по печальному виду мапушки, я узналъ въ одинъ вечеръ, чпто домовоу-песочникъ долженъ былъ придти. Подъ искуснымъ предлогомъ оставивъ комнапу прежде девяти часовъ, я спряпался въ одной маленькой нишѣ, здѣланной за дверью. Вскорѣ пепли заскрыпѣли; пихіе, медленные и страшные шаги раздались опъ самыхъ свѣей до спуненей лѣспницы. Мапу моя и всѣ дѣти вопали и прошли мимо меня. Я опворилъ пихо, весьма пихо, дверь комнапы бапцюшки. Онъ сидѣлъ, какъ обыкновенно, въ молчаніи и обращаъ спиною ко входу. Онъ меня не замѣпилъ; я промелькнулъ легонько сзади его и спряпался за занавѣсъ, украшавшій зеркало, гдѣ висѣло его плашье. Шаги приближались, песочникъ кашлялъ, свиспалъ и спранно бормопалъ. Сердце мое билось опъ спраха и ожиданія. Вошь, подлѣ самой двери раздался звучный спукъ шаговъ . . . вошь ручка замка скрыпиптъ, пепли съ шумомъ поверпываются! . . . Я

высовываю невольно и со страхомъ голову. . . . домовою - песочникъ сползъ среди комнаты, передъ мной опцемъ; блескъ свѣчи освѣтилъ его лицо, и я узналъ въ домовомъ-песочникъ, въ ужасномъ домовомъ - песочникъ — спараго адвоката Коппеліуса, который часню сидѣлъ съ нами за однимъ столомъ!

Но ни одно ужаснѣйшее лицо не испугало-бы меня такъ, какъ видъ этого Коппеліуса. Вообрази себѣ человека съ широкими плечами, надъ коими возвышается большая нескладная голова, съ смуглымъ лицомъ, съ сѣдыми и густыми бровями, подъ которыми блестятъ два зеленые глаза, округленные какъ у кошки, среди ихъ ужаснѣйшій носъ, который безобразно спускается на его толстые губы. Косой ротъ его при улыбкѣ искривляется еще болѣе; на щекахъ его видны два багровыя пятна; восклицанія глухія, вмѣстѣ съ свистомъ, вырываются изъ за неправильныхъ зубовъ его. Коппеліусъ всегда показывался въ плащѣ пепельнаго цвѣта, спариннаго покроа, въ камзолѣ и исподнемъ плащѣ такого же цвѣта, черные чулки и башмаки съ спразовыми пряжками довершали сей нарядъ. Маленькій паричекъ который едва закрывалъ его шею, оканчивался двумя буклями на подобіе колбасъ, которые лежали на его длинныхъ ушахъ ярко-краснаго

цѣвѣта , и скрывались въ черномъ широкомъ кошелькѣ , который качаясь по спинѣ по туда , по сюда , открывалъ серебряную пряжку , прикрѣплявшую его шейный платокъ . Все это соснавляло ужасное и отвратительное цѣлое ; но въ особености въ немъ , намъ дѣшамъ , были противны его большія , косматыя и косписпыя руки ; и когда онъ хватался за какой нибудь предметъ , то мы спрашивались до него дотронуться . Онъ замѣтилъ нѣе отвращеніе и съ большимъ удовольствіемъ прогалъ пирожки или плоды , которые наша добрая мапушка клала къ намъ на тарелки . Онъ необыкновенно радовался когда мы заливались слезами , и былъ ужасно доволенъ , что отвращеніе наше обуздывалось запрещеніемъ говорить въ его присутствіи . Также поступалъ онъ и въ праздничные дни , когда бапюшка наливалъ намъ спаканъ хорошаго вина : онъ протягивалъ руку , брался за спаканъ , подносилъ его къ багровымъ губамъ своимъ , и хохоталъ при восклицаніяхъ нашего отчаяніа и досады . Онъ имѣлъ обыкновеніе называть насъ маленькими живошными ; въ его присутствіи намъ не позволено было говорить , и мы всею душою ненавидѣли сего отвратительнаго челоука , какъ врага , который оправдалъ милѣйшіа забавы наши . Мапушка , казалась , ненавидѣла мерзкаго Кошпеліуса шакъ-

же сильно какъ и мы, ибо едва онъ показывался, какъ легкій и непринужденный разговоръ ея прерывался, пріятная улыбка исчезала и все замѣнялось мрачною важностью. Башюшка обращался съ Коппеліусомъ, какъ бы онъ былъ существенно высшее, отъ котораго надобно ожидать наказанія и осперегаться раздражать его; для него всегда готовили его любимыя кушанья, и запасали нарочно нѣсколько бушелоковъ вина.

Увидѣвъ сего Коппеліуса, я открылъ, что никто другой не можетъ быть домовымъ - песочникомъ, кромѣ его; но песочникъ уже не представлялся мнѣ убійственнымъ чудовищемъ, которое по разсказу нянюшки похищаетъ дѣтей и относитъ ихъ, во время луны, къ своему опродью съ совиными носами. Нѣтъ! это, казалось мнѣ, было ненавистное и мрачное швореніе, которое гдѣ ни показывалось, повсюду несло съ собою горесть, мученія и нужду, и которое причиняло величайшія и продолжительныя несчастія.

Я какъ будто былъ околдованъ: высунувъ голову между занавѣсами, я рисковалъ быть открытымъ и жестоко наказаннымъ. Мой отецъ принялъ Коппеліуса со всѣми обрядами. „Живѣ за дѣло!“ воскликнулъ сей глухимъ голосомъ, сгибая съ себя плащъ. Башюшка съ мрачнымъ видомъ снялъ шафрокъ, и оба одѣлись въ длинныя, черныя одежды. Я

замѣнилъ опкуда онъ ихъ вынуть. Опець мой отворилъ дверь съ зеркаломъ и я увидѣлъ, что за ней скрывалась глубокая ниша, гдѣ находилась печь. Коппеліусъ приблизился, и изъ очага вылетѣло голубое пламя. При семъ блескъ открылось множество посуды, спиральной формы. Но, Боже мой! какъ ужасно измѣнились черты моего дряхлаго родителя! Явная, жестокая скорбь, казалось, превратила честное и добродушное выраженіе его лица въ самантинское, сжашное. Онъ походилъ на Коппеліуса! Последний держалъ въ рукѣ раскаленные щипцы и мѣшалъ ими въ очагъ горящія уголья. Мнѣ казалось, что вокругъ его мелькало множество лицъ человеческихъ, но безъ глазъ; черныя, запачканныя и глубокия впадины были на мѣстѣ ихъ.

— Глаза! глаза! воскликнулъ Коппеліусъ глухимъ и спираннымъ голосомъ.

Я вадрожалъ и въ страхъ упалъ на полъ. Коппеліусъ схватилъ меня. — Маленькое живошное! маленькое живошное! говорилъ онъ, скрежеща ужасно зубами. При сихъ словахъ, онъ меня бросилъ на очагъ, пламя коего уже спаяло мои волосы.

— Теперь, воскликнулъ онъ, у насъ есть глаза, глаза, прекрасная пара глазъ ребенка! И онъ взялъ своими руками въ печи горящія горящихъ угольевъ, которые

хотѣлъ бросить мнѣ въ лицо, но отецъ мой закричалъ, сложивъ руки: Учи- шель! учишель! оставь глаза моему На- шанаелю..

Коппеліусъ страшно захохоталъ. — Пускай у него останутся глаза — сказалъ онъ — онъ будетъ наказанъ въ жизни сво- ей; но за то, что онъ здѣсь, надобно намъ прилежно рассмотреть механизмъ его рукъ и ногъ.

Тогда онъ схватилъ меня своими паль- цами, такъ, что всѣ члены мои отъ того хруснули, и онъ вертелъ мои руки и ноги, по однимъ образомъ, по другимъ.

— Вошь это не всегда удается! Какъ это хорошо и было! Спарецъ съ высоты прекрасно это понял!

Такъ бормоталъ Коппеліусъ, перево- рачивая меня; но вскорѣ все сдѣлалось вокругъ меня мрачно; мучительная боль сильно попряела существо мое; я ничего болѣе не чувствовалъ.

Пріятный и теплый паръ коснулся моего лица . . . я пробудился какъ буд- то отъ смертнаго сна; мапушка сидѣла, наклонясь надо мною.

— Здѣсь-ли еще домовый-песочникъ? пролепеталъ я.

— Нѣтъ, миленькій, онъ очень да- леко отсюда; онъ давно уже уѣхалъ; онъ тебѣ ни чего не сдѣлаетъ!

Такъ говорила мапушка, поцѣловавъ меня и прижавъ къ сердцу своего любезнаго сына, которъй былъ возвращень ей. Но къ чему, любезный Лотерь, я буду запруднять тебя сими разказами?

Я былъ открытъ и жестоко наказанъ Коппеліусомъ. Тоска и страхъ причинили мнѣ сильную горячку, которою я спрдалъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. „Домовой-песочникъ здѣсь еще?“ Это были первыя слова моего спасенія и знакъ исцѣленія моего. Мнѣ оспается разсказать тебѣ самую ужасную минушу моей юности... послѣ чего ты убѣдишься, что не надобно обвинять меня въ томъ, что все мнѣ кажется въ жизни безцвѣтнымъ: ибо мрачное облако одѣло вокругъ меня всѣ предметы, и, можетъ быть, только смерть моя разгонитъ его.

Коппеліусъ болѣе непоказывался; слухъ пронесся, что онъ оставилъ городъ.

Годъ прошелъ. По старинной и неизмѣнной привычкѣ, мы сидѣли однажды вечеромъ за круглымъ столомъ. Отецъ мой былъ весьма веселъ и разсказывалъ намъ множество забавныхъ исторій, случившихся съ нимъ во время путешествія въ его молодости. Въ эту минушу какъ на спѣвныхъ часахъ пробило 9, мы услышали скрипъ пестель дверныхъ, и ужасно тяжелые шаги раздались отъ сѣней до слупеней.

— Это Коппеліусъ! сказала, поблѣднѣвъ, мапушка.

— Да! это Коппеліусъ, повторилъ ошечь мой прерывающимся голосомъ.

Слезы выкапились изъ глазъ мапушки. — Другъ мой, другъ мой! воскликнула она: неужели это должно опять продолжаться?

— Въ послѣдній разъ, оплвчалъ бапюшка. — Онъ приходитъ въ послѣдній разъ; я клянусь тебѣ. Слупай вонъ съ дѣльми! Прощай!

Я осполбенѣлъ, дыханье мое оспановилось. Мапушка, видя меня неподвижнымъ, взяла меня за руки. — Пойдемъ Напанаель, сказала она мнѣ.

Я повиновался и пошелъ за ней въ свою комнапу.

— Будь спокоенъ и спи, — сказала мнѣ мапушка, оспавляя меня; но волнуемый непреодолимымъ страхомъ, я не могъ сомкнуть вѣждъ. Ужасный, ненависпный Коппеліусъ споялъ предо мною съ сверкающими глазами; онъ мнѣ припворно улыбался, и я щещпно старался удалить ошъ себя образъ его. Было уже около полуночи, какъ вдругъ послышался ужасный ударъ, походившій на выспрѣлъ огнеспрѣльнаго орудія. Весь домъ пошрясса, и дверь съ шрескомъ захлопнулась.

— Это Коппеліусъ! воскликнулъ я внѣ себя, и бросился съ кровати. Мнѣ по-

слышались смятенія ; я побѣжалъ къ комнапѣ отца моего. Дверь была ошворена, удушающіе пары носились въ ней, и служанка кричала : Ахъ ! мой господинъ ! господинъ !

Передъ горящею печью, на полу, распростертъ былъ трупъ отца моего, съ расперзаннымъ лицомъ. Сеспры мой, снопъ вокругъ него на колѣняхъ, испускали пронзительные вопли. Мангушка безъ движенія лежала подлѣ своего мужа.

— Коппеліусъ ! адское чудовище ! ты убилъ отца моего ! — воскликнулъ я и упалъ безъ чувствъ.

Спустя два дня, когда тѣло моего отца положили въ гробъ, черпы его снова приняли тихое и свѣпное выраженіе, какъ въ продолженіе всей его жизни. Это уладило гореснь мою ; я уже не думалъ, что связь его съ Коппеліусомъ навлечетъ ему вѣчное осужденіе.

Трескъ разбудилъ сосѣдей. Сіе происшествіе произвело во всѣхъ впечатленіе, и начальство, узнавъ объ этомъ, потребовало чтобы Коппеліусъ явился. Но онъ исчезъ изъ города, не оставивъ слѣдовъ.

Когда я скажу тебѣ, достойный другъ мой, что этотъ продавецъ барометровъ былъ не кто другой, какъ злодѣй Коппеліусъ, ты легко вообразишь себѣ весь ужасъ мой, произведенный симъ явленіемъ. Онъ былъ въ другомъ костюмѣ, но черпы

Коппеліуса слишкомъ глубоко врѣзаны въ мою душу, и я не могъ не узнатьъ его. Да при томъ-же Коппеліусъ не перемѣнилъ своего имени. Онъ здѣсь выдаетъ себя за Пиемонтскаго механика и называется Гіу-зеппо Копполо.

Не взирая ни на какія препятствія, я рѣшился опомститься за смерть своего отца, не говоря мапушкѣ о сей ужасной встрѣчѣ.

Поклонись отъ меня Кларѣ. Я буду писать къ ней, болѣе въ спокойномъ расположеніи духа.

2.

К л а р а къ Н а т а н а е л ю .

Правда, что ты давно уже не писала ко мнѣ; однако я думаю, что я у себя не выхожу ни изъ души, ни изъ мыслей, ибо ты вѣрно думала много обо мнѣ, когда, написавъ послѣднее письмо къ брату моему Лоперу, адресовала на мое имя. Я съ радостью его распечатала, и не прежде замѣтила свою ошибку, какъ при словахъ: *Ахъ, мой любезный другъ Лоперъ!* — Тогда, безъ сомнѣнія, я должна была перестать читать его и отдашь письмо брату. — Ты иногда, шушуя, выговаривала мнѣ, что я имѣю нравъ сномъ

Декабрь 1830.

никій и крошкѣй, чѣмъ если-бы домъ обрушился, но у меня доспала-бы духу поправить измятый занавѣсъ, прежде нежели-бы я убѣжала; но я едва могла переодѣнуть дыханіе, и все, разомъ, вертѣлось кругомъ передъ моими глазами! — Ахъ! мой милый Натанасъ! Я дрожала и горѣла неперпѣніемъ узнаніи какія несчастія пакъ возмутили жизнь твою! Вѣчная разлука, забвеніе, удаленіе отъ тебѣ, всѣ сіи мысли поражали меня, какъ удары кинжала. Я прочитала и перечитала! Твое описаніе оштрапительнаго Копелюса ужасно. Я узнала въ первый разъ, какая жестокая кончина постигла твоего превосходнаго родителѣя. Братъ мой, которому я опдала письмо твое; какъ его собственность, опарался меня успокоить, но щелчно. Эпостъ Гіузеппо Копелюса ежминутно слѣдовалъ за мною, и я почти со стыдомъ должна признаться, чѣмъ онъ возмутилъ ужасными сновидѣніями мой сонъ; всегда глубокой и спокойной. Но вкорѣ, даже на другой день, все представилось мнѣ въ другомъ видѣ. И пакъ не сердясь на меня, твоемъ любимымъ милое Натанасъ, если Ложеръ скажетъ тебѣ, чѣмъ, наперекоръ твоему врачнымъ предчувствіямъ въ отношеніи къ Копелюсу, спокойствіе мое ни сколько не уменьшилось. Я опишу тебѣ оштрапительно свои мысли. — Всѣ эти ужасныя

вещи, которыя ты намъ рассказываешь, мнѣ кажется, родились въ твоей головѣ: внѣшній, дѣйствительный міръ мало въ семь участвуетъ. Старый Копцеліусъ былъ, безъ сомнѣнія, мало предвещецъ: но такъ какъ онъ ненавидѣлъ дѣшей, что онъ и вселилъ въ васъ истинный ужасъ къ себѣ.

Спрашныи домовой-песочникъ въ разсказѣ няни, очень естественнo соединился въ твоемъ дѣтскомъ понятіи съ старымъ Копцеліусомъ, который оспался для тебя призракомъ первыхъ лѣтъ твоихъ, хотя ты и не можешь дать себѣ въ помѣ ощещя. Его ночныя свиданія съ твоимъ опцемъ имѣли, безъ сомнѣнія, цѣлю Алхимическія занятія, что и огорчало твою мапушку какъ по тому, что это дѣйствительно дорого сподло, такъ и опъ того, что сіи шруды, наполняя голову, ея мужа обманчивыми мечшани, опщлекали его опъ заботѣ о своемъ семействѣ. Опещъ твой, вврояпно, по своей неоспорожности былъ самъ причиною смерти своей, и Копцеліусъ никакъ не можешь быть въ семь обвинень. Какъ ты думаешь: я спрашивала у нашего сосѣда спараго Апщекаря, могутъ-ли причинить смерть сіи мгновенные взрывы въ опытахъ химическихъ? Онъ мнѣ опвѣчалъ опщвердительно, описавъ, по своей привычкѣ, чрезвычайно длинно, какъ это

могло случиться, и насажавъ мнѣ множество спиранныхъ словъ, изъ которыхъ я ни одного не могла запомнить. Теперь ты станешь сердиться на свою Клару: ты скажешь, что въ эту холодную душу не проникаетъ ни одинъ изъ сихъ чудовищныхъ лучей, которые часто невидимо окружаютъ человека; что она видитъ только испещренную поверхность земнаго шара и радуется, какъ неопытный ребенокъ, при видѣ плодовъ, конхъ позлащенная кора скрываетъ смертоносный ядъ.

Мой милый Натанаель, не думаешь-ли ты, что чувство таинственной власти, дѣйствующей пагубнымъ образомъ на существо человека, не можетъ проникнуть въ души веселыя и спокойныя? Проси мнѣ, если я, просто юная дѣвица, берусь рассказать, что я чувствую при мысли о подобномъ состояніи души. Можетъ быть, я не найду точныхъ словъ, чтобы изъяснить свои чувства, и ты будешь смѣяться не мыслямъ моимъ но нескладности, съ которой я ихъ выражу.

Если есть въ самомъ дѣлѣ вражеская сила, которая измѣннически овладѣваетъ нами, чтобы вовлечь насъ въ путь опаснѣйшій, которому мы сперва не слѣдовали; если есть таковая сила, то она должна покориться вкусу нашему и слабостямъ, ибо не иначе какъ чрезъ посредство сихъ дѣй-

ешвій мы увѣруемъ въ нее и она займетъ въ нашемъ сердцѣ то мѣсто, которое ей необходимо для окончанія начатаго. Ежели мы будемъ имѣть довольно твердости, довольно мужества, чтобы отыскать хоть путь, но которому должны были вести насъ долгъ нашъ и природное влеченіе, и чтобы идти по немъ шагомъ спокойнымъ, то нашъ внутренній врагъ погибнетъ въ тщетныхъ усиліяхъ, доведши насъ до искушенія. Лоперъ прибавляетъ, что мрачная сила, которой мы предаемся, рождаетъ опять предметовъ столь привлекательныхъ, что мы сами производимъ злое начало, насъ погубляющее. Это собственно нашъ призракъ, вліяніе коего дѣйствуетъ на нашу душу, низвергаетъ въ адъ и оползаетъ насъ отъ неба. — Я не слишкомъ хорошо понимаю послѣднія слова Лопера: я только пишу, что онъ говоритъ; но мнѣ кажется, что все это должно быть справедливо. Умоляю тебя: выкинь совершенно изъ головы своей адвоката Коппелюса и продавца барометровъ Гюзедпо Копполу. Убѣдись, что сіи несчастнѣйшія лица не имѣютъ на тебя ни какого вліянія; когда ты будешь думать о нихъ, тогда только они могутъ быть для тебя опасны. Ежели-бы каждая строчка письма твоего не свидѣтельствовала о сильномъ воспаленіи ума твоего; если-бы состояніе твоей души не

огорчало меня до глубины сердца, что, въ самомъ дѣлѣ, я поинушила - бы на счетъ твоего домоватаго - песочника и адвоката-химика. Будь спокойна, слабая душа! Будь опоконна! — Я рвнилась быннть твоимъ Ангеломъ-хранителемъ и изгнать гнуснаго Копполу изъ твоей головы улыбкою, если онъ когда нибудь обезпокоитъ тебя, ибо я ни мало не боюсь ни его самого, ни его мерзкихъ рукъ, и не поверплю, чнубь бы гадилъ мой лаконична, или бросалъ-бы псбквъ въ глаза.

Прощай, милый Натанаель.

3

Натанаель въ Лотору.

Мнѣ очень досадно, что Клара, по ошибкѣ, причиненной, правда, моимъ не-раднннемъ, прочла письмо, которое я пи-сала къ тебѣ. — Она присказала мнѣ ои-внть, исполненный глубочайшей филосо-фнй, посредствомъ коей она явно дока-зываетъ, что Коппелуеъ и Копполо су-ществууютъ только въ моемъ воображенн и что онн суть собственно мои при-зраки, которые погубятъ меня, ес-ли я буду вѣровать въ нихъ. Никпо-бы не усомнилася при видѣ души, блжст-нющей въ ея быстрнхъ и прогательныхъ

глазахъ, какъ прелестное утро весны, чтобы она была умна и рассуждала матемодически; но она ссылается на пвомъ слова. Вы вѣдѣть говорили обо мнѣ! А ты ей, безъ сомнѣннн, прочелъ полный курсъ Логикн, чтобы она могла судить о вещахъ такъ здраво и разбирала ихъ съ такою точностью.

Проню тебя, опивчай мнѣ на это. Впрочемъ, вѣрошно то, что механикъ Гизенно - Колволо не адвокатъ Коппелюсъ. Я слушаю курсъ у Профессора Физики, не давно прибывшаго сюда въ городъ, природнаго Иншалъянца и который здѣсь подь именемъ славнаго натуралиста Спалланцани. Онъ давно уже знаетъ Колволу; приномъ же легко увидѣшь можно изъ произношеннн механика, что онъ наотложнщй Пюмонлезецъ.

Коппелюсъ былъ Нѣмецъ, копнн и не мнѣль Германскаго характера. Однако же я не совсѣмъ успокоился. Принимайше меня всегда вы оба за мрачнаго демманшеля, но я не могу взглянуть впечатлѣннн, произведеннаго надь мною Коппелюсомъ и его ужасннннхъ лицомъ. Теперь я счастливъ, ибо онъ уехалъ изъ города, какъ мнѣ сказывалъ Спалланцани. Этомъ Проессоръ имѣетъ прескранную фигуру: представъ себѣ плоскаго человека, съ высунувшиися на щбкахъ скульннми коснцнми, съ остроконечнымъ но-

домъ и пронзительными взорами, — Но ты его узнаешь лучше, нежели я тебя могу описать его, взглянувъ на поршрентъ Каллиостро, гравированный Ходовицкимъ: шаковъ Спалланцани. Въ послѣдній разъ входя въ нему въ комнату, я замѣтилъ, что занавѣсь, копорый бываетъ обыкновенно спущенъ надъ стеклянною дверью, былъ не много приподнятъ. Не знаю самъ какъ я взглянулъ сквозь дверь. Женщина съ прекрасною шалиею, прекрасно одѣтая, сидѣла въ юрницѣ за споломъ, облокотясь на него обѣими руками. Она была противъ самыхъ дверей и я шакомъ образомъ могъ разсмотрѣвать ея плвинительное личико. Она, казалось, не замѣчала меня и вообще глаза ея, были на что-то уснремылены неподвижно, даже можно сказать, что они были лишены лучей зрѣнiя; какъ будто она спала съ опскрыпными глазами. Я чувствовалъ, что я смѣшался и поспѣшилъ въ амфитреатръ, копорый недалеко отсюда. Послѣ я узналъ, что дѣвица, копорую я видѣлъ, была дочь Спалланцани, по имени Олимпiа, копорую онъ содержитъ съ шакою строгоснiею, что ми кино не можешь приблизиться къ ней. — Тутъ скрывается какая нибудь тайна, и Олимпiа, безъ сомнѣнiя, имѣеть какой нибудь бѣльшой недоспашокъ. Но для чего я тебя пишу объ этомъ? Я бы могъ это разсказать тебѣ изустно, ибо чрезъ двѣ недѣ

ли я буду къ вамъ. Я непременно должень увидѣть моего Ангела-Клару, и тогда только изгладится впечатлѣнїе, которое (признаюсь) овладѣло мною послѣ ея печальнаго и столь ученаго письма. Поэтому я — и не пишу къ ней сегодня. Прости.

4.

Спранныя и чудныя вещи случившес-
 ся молодымъ Снуденпомъ Наптанаелемъ,
 которыя теперь я и хочу рассказать.
 Кому иногда не приходили въ голову спран-
 ныя мысли? Кто не чувствовалъ вну-
 реннаго клокопанія, сильно волновавша-
 го кровь въ его жилахъ и покрывавшаго
 щеки его яркою краскою? — Ваши взо-
 ры иногда, кажется, ищутъ въ проши-
 рившихъ фантастическихъ образъ, а ваши
 слова исчезаютъ въ прерывающихся зву-
 кахъ. Тщешно друзья ваши окружаютъ
 васъ и спрашиваютъ о причинѣ вашего бре-
 да. Вы хотите изобразить блестящими
 красками нѣжи и свѣтлыя спороны мрач-
 ныхъ лицъ, и, шцетливо усиливаете, не на-
 ходите словъ, чшобъ выразить мысль
 свою. Хотите предсказать при первомъ
 словѣ все, чшо сѣм явленія имѣютъ чуде-
 снаго, великолѣпнаго, ужаснаго и несмы-
 сленнаго, и наконецъ поразить слушающаго

лей своихъ какъ электрическимъ ударомъ мо все написанное вами кажется вамъ молодымъ, безцвѣтнымъ, безжизненнымъ. Ищете словъ и переоскиваете, бормочете, шепчете про себя, и вдругъ робкие вопросы вашихъ друзей поражаютъ ваше воспламененное воображеніе. —

Но если кино, какъ искусный и смѣлый живописецъ, накинеть въ легкихъ черпахъ эскисъ сихъ спайнспвенныхъ образовъ, то легко уже одушевить его мало по малу яркими красками и перенести своихъ слушателей въ міръ, созданный въ воображеніи нашемъ. Я долженъ признаться, что меня ни кино, никогда не просить писать исторіи молодого Напанаеля, но все знаютъ, что я одинъ изъ нѣхъ ангеловъ, жепорые, будучи въ сосноянціи, сейчасъ мною онисанномъ, воображаютъ, что все ихъ окружающее и даже цѣлый свѣтъ горитъ непрерывно въ ихъ воображеніи. Спиральнось проясненія поразила меня, оиъ чего я и спарался начать разсказъ въ илльинительномъ и необыкновенномъ видѣ. „Однажды“ прекрасное начало для возбужденія она... „Въ маленькомъ городкѣ С***, жилъ....“ или, нѣтъ! лучше полчасъ-же посредспвомъ medias in res, начать: „Пошелъ къ чорту! закричалъ студентъ Напанаель, въ гмавахъ коего выражались свирѣность и ужасъ, въ то время какъ продавецъ ба-

рожешровъ, Гиузенцо Кешноло, . . . Дѣйстви-
тельно я уже началъ писать главнымъ
образомъ, какъ вдругъ мнѣ показалось,
что въ блуждающихъ глазахъ студента
Напанаела есть что-то смѣшное. И въ
сихомъ дѣлѣ начало ни сколько не забавно.
Подъ перо мое не ложилась ни одна фра-
за, которая-бы хотя мало оживляла ко-
лоритъ моего индифферентнаго образа. —
Тогда я рѣшился совсѣмъ не начинать. И
такъ успѣлъ примунуть при письмѣ, сооб-
щенные мнѣ другомъ моимъ Лоперомъ,
за эскисъ карпины моей, которую я
опирался оживить сколько могъ въ про-
долженіе моего разсказа. Можеть быть,
превременноявился мнѣ возмѣсившій лицо не-
извѣстное, подобно коронимъ живопис-
цамъ перипреповъ, которымъ случалось
обозначивъ лицо одной выразительной чер-
ною пачъ, что можно узнать его, не ви-
дая подлинника; можеть быть также
мнѣ удалось убедить моего чипанела, что
кнѣтъ ничего евольт фантасмическаго и
глунаго какъ наспоющая жизнь, и что поэты
очертають изъ оной только обивчивое
опраженіе опсвѣта, какъ въ худѣ полиро-
ванномъ зеркалѣ.

И наконецъ, чтобы сказать съ са-
мата начала то, что необходимо знашь на-
добно, я доженъ прибавить какъ-бы въ по-
ясненіе къ симъ нисьмамъ, что послѣ смер-
ли онца Напанаелева, Клара и Лоперь,

дѣни дальняго его родственника, умершаго вскорѣ послѣ него, были приняты матерью Напанаеля въ семейство. Клара и Напанаель почувствовали другъ къ другу живѣйшую склонность, которой на землѣ ни кто разорвать не могъ; они уже были обручены, какъ Напанаель осматривалъ городъ, мѣсто своего рожденія, и онъ правился въ Гезинингенъ, для окончанія наукъ. Онъ уже находившяся тамъ, какъ видно изъ его послѣдняго письма, и слушавшя мурсъ у славнаго Профессора Физики Благланцани.

Теперь я-бы могъ бодро продолжать свое повѣствованіе, но образъ Клары никакъ живо представляется моему воображенію, что я не могу отъ него отворачивать глазъ своихъ. Такъ случалось со мною всегда, когда она глядѣла на меня съ пріятною улыбкою. Клара не могла называться красавицею: такъ говорили всѣ тонкіе цѣнители красоты; однакоже архитекторы хвалили правильность ея спина; живописцы находили, что спина ея, плечи и грудь были слишкомъ бѣлы; но всѣ они цѣнились прекрасною уборкою волосъ, наминавшею Корреджіеву Магдалину и отпѣнявшею прелестный цвѣтъ лица, достойный Бапшионія. Одинъ изъ нихъ, какъ истинный оригиналъ, сравнивалъ ея глаза съ Рюздальскимъ озеромъ, въ которомъ отражались небесная лазурь, эмаль цвѣтковъ и днесь-

ное свѣтило. Поэты и виртуозы распро-
странялись дадѣе. — Что вы намъ раз-
сказываете объ озерѣ, о зеркалѣ! — говорили
они. — Можемъ-ли мы съ кѣмъ нибудь сра-
внивать эту юную дѣвицу, когда каждый
взоръ ея испоргаетъ изъ душъ нашихъ
прекраснѣйшія и божественныя гармоніи! —
Клара имѣла живое и пылкое воображе-
ніе дилланта рѣзваго и невиннаго, женское,
нѣжное и чувствительное сердце, и свѣт-
лый, проницательный умъ. Души слабыя
и надменные не могли бытъ вмѣстѣ съ
нею, ибо взоръ юной красавицы, испол-
ненный огня, и ея ироническая улыбка,
казалось, говорили имъ со всею скромно-
стію: бѣдныя пѣни, неужели вы наде-
етесь бытъ въ моихъ глазахъ людьми бла-
городными, исполненными жизни и остро-
ты. — Огъ того-то обвиняли Клару въ
холодности, сухости и безчувственности;
другіе-же, которые разбирали человѣче-
скую жизнь лучше, любили эту преле-
стную дѣвицу несказанно. Но ни кто не
любилъ ее болѣе Напанаеля, который
занимался науками и искусствами съ успѣ-
хомъ и пылкою охотою. Клара обожала
Напанаеля всею силою души своей; раз-
лука ихъ причинила ей первая горе-
сти. Съ какою радостью она броси-
лась въ его объятія, когда онъ возврашил-
ся въ домъ родимельскій, какъ онъ объ-
являлъ въ письмѣ своемъ къ Лошеру. На-

дежды Натанаеля исполнились. Едва онъ увидѣлъ невесту свою, какъ забылъ и адвоката Коппелюса и мептанманческое письмо Клары, которое огорчило его; всѣ его заботы прекратились.

Но Натанаель говорилъ правду въ письмѣ къ другу своему Лопшеру: образъ опротивительнаго Коппелюса имѣлъ мрачное вліяніе на его душу. Съ первыхъ дней его пріѣзда замѣтили, что онъ совершенно перемѣнилъ свой образъ жизни. Онъ предавался мрачнымъ мечтаніямъ и велъ себя страннѣйшимъ образомъ. Жизнь для него оставалась была изъ мечтаній и предчувствій; онъ говорилъ беспрестанно о судьбѣ людей, которые, почитаая себя свободными, опутаны невидимыми узлами, коимъ служатъ невольною игрушкой. Онъ распространялся далѣе; онъ думалъ, что глупо вѣрить, въ искусствахъ и наукахъ, усиліямъ, основаннымъ на нашихъ душевныхъ силахъ, ибо восшорть, безъ моего ничего произвешъ не лзя, происходить не изъ души нашей, но изъ наружнаго начала, которымъ мы управлять не можемъ.

Клара была совершенно негодна съ сими витамисивенными мечтаніями, но она нищепно старалась опровергать ихъ. Когда же Натанаель доказывалъ, что Коппелюсъ есть злой духъ, призвавшійся къ нему съ тѣхъ поръ какъ онъ спрятался за завѣсомъ, чтобы разсмотрѣть его,

и что сей демонъ можетъ распорхнуть ихъ счастливую любовь, Клара вдругъ спановилась печальною и говорила: Да, Напанаель, Кошпеліусъ есть злой духъ, который возмущилъ наше счастіе, ежели ты не изгонишь его изъ своихъ мыслей; его, могуществу заключається въ своейъ вѣрѣ.

Напанаель, разсерженный Кларою; которая опровергала существованіе демона и приписывала его единственно слабости душевной; хотѣлъ доказывать свои мнѣнія по всемъ таинственнымъ правиламъ демонологіи; но Клара оканчивала споръ, съ равнодушіемъ прерывая его, къ большой досадѣ Напанаеля. Посему онъ подумалъ, что души холодныя заключали въ себя сія таинства скрытно оны самихъ себя, и что Клара принадлежала къ сей особенной природѣ; и такъ онъ рѣшился, не медля, открытъ ей свое опасеніе. На другой день, поутру; когда Клара приготавливала завтракъ, онъ сѣлъ подле нея и началъ читать различные мѣста изъ своей таинственной книги.

— Ахъ, милый Напанаель! — сказала Клара послѣ нѣсколькихъ минутъ вниманія. — Чтобы ты сказалъ, если-бы я тебя считала за злаго духа, который направляетъ мой кофе? Ежели-бы я опала все время слушать тебя, не спуская съ тебя глазъ, какъ ты того хочешь, кофе пере:

горька - бы и вы - бы все остались безъ завтрака.

Напанаель поспѣшно захлопнулъ книжку и въ гнѣвъ спалъ скорыми шагами ходить по комнатамъ. Прежде онъ занимался сочиненіемъ живыхъ и занимательныхъ исторій, которыя писалъ съ искусствомъ, и Клара всегда съ большимъ удовольствіемъ слушала ихъ; но съ тѣхъ поръ какъ сочиненія его стали обширны, мрачны и невразумительны, легко угадать по молчанію Клары, что они были ей не очень пріятны. Ни что не было такъ несносно для Клары какъ снука; въ ея взорахъ и рѣчахъ обнаруживалось пошлостью склоненіе ко сну и совершенное онемѣніе: а сочиненія Напанаеля были двѣспвишительно чрезвычайно сухи. Его гнѣвъ на холодное и твердое обращеніе невѣсты возраспалъ съ каждымъ днемъ. Клара не могла скрыть неудовольствія, которое причиняетъ ей мрачный и скучный миспцизмъ ея любезнаго; такимъ образомъ ихъ сердца нечувствительно раздѣлялись. Наконецъ Напанаель, всегда думая о томъ, что Коппеліусъ долженъ попревожилъ жизнь его, не могъ не принять его предметомъ въ стихахъ своихъ. — Онъ предспавилъ себя соединеннымъ съ Кларою, важною и вѣчною любовью; но посреди ихъ счастья, черная рука опъ времени до времени про-

ширалась надъ ними и отправляла ихъ радости. Наконецъ въ то время, когда они спояли предъ алтаремъ, гдѣ должны были соединиться навѣки, ужасный Коппеліусъ являлся и допрогивался до прелестныхъ глазъ Клары, которые проникали въ душу Натанаеля, какъ два горящіе угля. Коппеліусъ схватывалъ его и кидалъ въ огненный кругъ, который вертѣлся съ быспропомъ вихря и увлекалъ его посреди глухихъ и шумныхъ завываній въпра. Это было ожесточеніе природы, подобное урагану, разсвѣвающаему, съ гнѣвомъ, пѣнящіеся валы, которые поднимаются и опускаются въ сильной борьбѣ, какъ черныя гиганты съ бѣлѣющими глазами. Посреди сихъ завываній, криковъ, дикаго шума, слышался голосъ Клары: „Развѣ ты не можешь взглянуть на меня?“ говорила она. „Коппеліусъ тебя обманулъ, это не глаза мои горѣли въ душѣ твоей: это были кипяція капли твоей собственной крови изъ сердца твоего. Вонъ мои глаза! взгляни на меня.“ Вдругъ огненный кругъ пересталъ вращаться, завыванія утихли. Натанаель увидѣлъ снова свою невѣсту; но это былъ сухощавый скелетъ смерти, дружественно взирающій на него глазами Клары.

Сочинивъ это, Натанаель успокоился; онъ переправлялъ и улучшалъ какъ

Декабрь 1830.

дый стихъ, и, шакъ какъ онъ подчинять себя метрическимъ формамъ, то до стихъ поръ не отодкнулъ, пока все же было моно и исполнено гармоніи. Но когда онъ кончилъ трудъ свой и перечисывалъ стихи, какой-то ужасъ овладѣлъ имъ, и онъ въ отчаяннѣйшій крикъ закричалъ: „Какой страшный голосъ сейчасъ послышался мнѣ! „Наконецъ онъ увѣрился, что стихи действительно прекрасны, и ему казалось, что холодное сердце Клары должно было втронуться при семъ чтеніи, хотя онъ не могъ дать себѣ отчету въ потребности воспламенить умъ Клары и въ желаніи намоладить свою душу ужаемыми образами и мрачными предчувствіями, относящимися къ ихъ любви. — Напанаель и Клара были однажды въ небольшой рожицѣ, прилежащей къ дому. Клара была очень весела, ибо Напанаель, занимаясь своими стихами, уже три дня не мучилъ ее предугадываніями и мечтами. Съ своей стороны Напанаель разговаривалъ съ большою живостію и, казалось, былъ веселѣе обыкновеннаго. — Наконецъ ны сдѣлался опять шакимъ-же, каковъ былъ прежде! — сказала ему Клара! Ты видишь, что отвратительный Котпеліусъ совершенно оспавѣлъ насъ. — Тутъ Напанаель вспомнилъ, что стихи у него въ карманѣ. Онъ шопчасъ вынулъ ихъ и началъ читать. Клара, думая что это должно быть, какъ обыкновенно, что

нибудѣ скучное, въ молчаніи съла и начала вязать чулокъ. Но когда черныя картины представлялись ей болѣе и болѣе, она выронила изъ рукъ свою работу и устремила глаза свои на Напанаеля, который продолжалъ читать, не прерывая себя: щеки его горѣли и слезы текли изъ его глазъ; когда онъ кончилъ, то голосъ его ослабѣлъ совершенно. Онъ взялъ руку Клары и, вздыхалъ, произнесъ нѣскольکو разъ ея имя. Клара прижала его тихо къ груди своей и пвердымъ голосомъ сказала ему: — Напанаель, милый Напанаель! брось въ печь эту непонятную и нелѣпую Исторію!

Тутъ Напанаель вскочилъ. — Прочь, прочь отъ меня, глупый авпоманъ — закричалъ онъ, опшолкнулъ отъ себя Клару и убѣжалъ. Клара залилась горькими слезами. — Ахъ! — восклицала она — онъ никогда не любилъ меня, ибо меня не понимаетъ. — Сноны прервали слова ея. Ложерь вошелъ въ комнату. Клара была принуждена рассказать все, что съ нею случилось. Онъ любилъ сестру свою всаьмъ сердцемъ; каждое слово ея возбуждало гнѣвъ его, и неудовольствіе, которое онъ чувствовалъ къ Напанаелю и его бреднямъ, превратилось въ сильное презрѣніе. Онъ добивалъ, ошискалъ его, и выговаривалъ ему за его дерзкій поешупогъ съ Кларою

столь грубо, что вспыльчивый Напанаель не могъ болѣе себя удерживать. Колкіе слова Лоптера смѣнились бранью Напанаеля. Поединокъ былъ неизбеженъ. Они рѣшились завтра поупру идти за садикъ, и сразиться, по обычаю академическому, на короткихъ рапирахъ. Съ мрачнымъ видомъ распались они. Клара частію слышала эту ссору и предугадывала, что должно случиться. —

Лоперь и Напанаель, пришедши на мѣсто поединка, скинули въ себя верхнее платье, и уже спали другъ пропивъ друга, съ сверкающими отъ гнѣва глазами, какъ вдругъ Клара, быстро опворнивъ калитку сада, бросилась между ними.

— Вы — меня убьете, неясные, прежде нежели сразитесь! Ахъ убейте! заволише меня! Неужели вы хотите, чтобы я пережила смерть брата моего или моего любовника.

Лоперь выронилъ оружіе, и, потупивъ глаза, обшавался въ безмолвіи; но Напанаель почувствовалъ снова возродившуюся любовь во всей силѣ; Клара явилась въ глазахъ его тѣмъ-же, чѣмъ была прежде; цѣпота выпала изъ рукъ его и онъ упалъ въ ноги Клараы.

— Можете-ли вы навсегда просвѣтить меня, любезная Клара, мое единственное

блаженство! Вражь Лоперь! забудешь-ли ты мои просупки?

Лоперь кинулся въ его объятія; всѣ шрое, въ слезахъ, обнимали другъ друга, и клялись оспашься вѣчно соединенными любовью и дружбою.

Напанаелю казалось, что онъ былъ освобожденъ отъ ужасной ноши, которая обременяла его, и что онъ обрѣлъ спасеніе отъ пагубнаго вліянія, отправлявшаго жизнь его. Послѣ прехъ дней, проведенныхъ въ счастіи съ своими друзьями, онъ отправился ояпть въ Гепшингенъ, гдѣ долженъ былъ пребыть годъ, а послѣ возвратишья навсегда въ городъ, мѣсто своего рожденія.

Отъ матери Напанаеля скрыли все, касающееся Коппелюса, ибо знали, что она безъ ужаса не могла вспомнишь о человекѣ, котораго почитала убійцею своего мужа.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

HISTOIRE DE LA CONQUÊTE DE GRENADE, etc.
 (Исторія завоеванія Гренады, извлеченная
 изъ рукописной летописи Фрай-Антонія
 Агапиды Вашингтономъ Ирвингомъ, перев.
 въ Англійскаго Ж. Коганомъ), 2 т. in-8,
 Парижъ, 1830 года.

(Окончаніе)

Слѣдъ оканчивающагося дѣла помя, изданной Ва-
 шингтономъ Ирвингомъ, *Исторіи завоеванія
 Гренады*. Прочитавъ оныя, легко убѣждаешься,
 что не вредя изыществу разсказа, не забывая
 никакаго общпріятельства, легко можно было
 сократить сія помя. Авторъ разсказываетъ съ
 равною подробностію важныя событія и мѣ-
 кія подробности, а это необходимо увлекаетъ
 его въ однообразіе, и, что еще досаднѣе, въ мно-
 гословіе. Не зная матеріаловъ, по которымъ шу-
 дился Авторъ, не имѣемъ права утверждать, что
 онъ иное выдумывалъ, иное дополнял отъ себя.
 Впрочемъ, соображая проспой и коропшій раз-
 сказъ Конде съ украшеннымъ разсказомъ Вашин-
 тона Ирвинга, въ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ сей пос-
 лѣдній имѣлъ руководителемъ только сего поч-
 теннаго писателя, не можемъ сомнѣваться въ
 вѣрности послѣдованія его и священнику de los
 Palacios, Пульгарской летописи, и ш. д. —
 правда, увлеченный навыкомъ все разсказъ

вашь , все дробить , В. Ирвингъ не подбергъ , кажешся , своихъ матеріаловъ старотой кришникъ . Такъ , на примѣръ , необходима была вся ея сурогость , тогда приходилось ему , какъ на авторитетъ , ссылаться на неисправнаго Маріанну . Вникая болѣе , В. Ирвингъ могъ — скажемъ для примѣра — увидѣшь , что рѣчь , которую сей Историкъ влагаешь въ уста *алфаки* , и которая , какъ говоритъ онъ , убѣдила Боабдила поспѣшнѣе сдатью Гренады , есть рѣчь Музы , передѣланная по своему Теауишомъ - историкомъ , и выданная имъ въ примѣръ слѣпаго фанатизма Муганмеданъ . Замѣчательно , что Маріанна не только не именуешь лица , произнесшаго сію рѣчь , но даже рѣшишельно утверждаетъ , будто Исторія молчитъ объ его имени . Далѣе , что знаешь *алфаки* бѣжалъ изъ Гренады . Но В. Ирвингъ утверждаетъ , что несчастнаго казнили по повелѣнію Боабдила . Читая внимательнѣе Маріанну , или всякаго другаго Историка Испаніи , В. Ирвингъ могъ замѣтити , что во время Гренадской войны не должно было именованъ Фердинанда и Изабеллу *Католическими* . Это названіе дали имъ Папы; Иннокентій VIII-й и Александръ VI-й , послѣ завоеванія Гренады , шакъ , какъ дама оно было Рекареду , королю Готтескому , когда онъ оставилъ Аріанскую ересь , и присоединилъ своихъ подданныхъ къ Римско-Католической Церкви . Съ чего шакже В. Ирвингъ называетъ побочный сыномъ Донъ Карлоса , брата Фердинанда , и отца Дона Филиппа Аррагонскаго , убійцаго во время Гренадской войны ? Писавши это , Авторъ , не понимаетъ какъ , забылъ всѣ

событія царствованія Донъ Жуана, Короля Аррагонскаго, ненависть матери Фердинандовой къ Донъ Карлосу, Принцу отъ перваго брака Жуанова, которому по праву первородства слѣдовала корона Аррагонская, забылъ и плачевную смерть сего Принца и сестры его Донны Бланки, законныхъ дѣшей Жуана Аррагонскаго и наследницы Наваррской!

Много подобныхъ несправностей могли бы мы показать въ сочиненіи В. Ирвинга. Во многихъ мѣстахъ избавляешь насъ отъ труда Французскій его переводчикъ, исправляя текстъ подлинника при переводѣ. Типографчикъ прибавилъ съ своей стороны довольно много опечатокъ, которыхъ могли-бъ подасть дурное мнѣніе объ учености В. Ирвинга. Но вошь важное обстоятельство, невѣрно изложенное Авторомъ, и оно нѣтъ досадитъ, что эта невѣрность совершенно измѣнила характеръ войны Гренадской. Читая В. Ирвинга, подумаешь, что въ десятилѣтнее продолженіе оной, Фердинандъ и Изабелла только и думали о войнѣ съ Гренадскими Маврами, употребляя для победы надъ ними всѣ силы, средства, все свое время. Дѣло, напротивъ, было совсемъ иначе. Бунтъ въ Галиціи, переговоры о бракѣ Принца Касильскаго Жуана, съ юною Королевою Наваррскою, протесты Духовенства, мятежельство въ дѣлѣ Неаполитанскія, бунтъ въ Каталоніи, возмущеніе крестьянъ Лампурданскихъ, беспорядки въ Королевствѣ Валенція, союзъ городовъ Аррагонскихъ, лига противъ Франціи, съ Австрією и Англією, переговоры съ Португальскимъ Дворомъ о бракѣ, усурпированіе государственныхъ управленія, безпрестанныя пу-

дѣяствія по разнымъ областямъ Испаніи — все это шолько малая часть событій и дѣлъ, попеременно занимавшихъ вниманіе Фердинанда и Изабеллы, это еще и далеко не всѣхъ случаевъ, въ которыхъ онъ или она, или оба вмѣстѣ, во время Гренадской войны, должны были показати силу души, твердость воли и умѣнье царствовать. Какъ жаль, что В. Ирвингъ, совершенно умалчивалъ обо всемъ этомъ, гораздо въ большей степени, нежели онъ предполагаетъ, дѣйствовавшемъ на успѣхъ и неудачи Гренадской войны, лишилъ славныхъ героевъ оной ихъ великихъ достоинствъ, а у Фердинанда опинялъ то, чѣмъ онъ, если не ошибаемся, единственно могъ похвалиться.

Но когда въ семъ отношеніи, В. Ирвингъ погрѣшилъ противъ *Доролей*, за то онъ съ избыткомъ постарался вознаградиши ихъ съ другой стороны: вся его книга есть похвальный гимнъ въ честь ихъ. Тутъ Авторъ является — болѣе нежели неразборчивымъ. Всякій фурлейшъ Испанской арміи является у него героемъ, и, если онъ Христіанинъ, то и мученикомъ, овлашымъ. Важная ошибка, и она должна была произойти отъ формы какую принялъ въ своемъ изложеніи В. Ирвингъ. — Фрай Антоніо Агапида могъ-ли говорить иначе, рассказывая дѣла воиновъ, жертвовавшихъ собою святому предпріятію — гибели Невѣрныхъ? Нѣтъ! — В. Ирвингъ, жертвуя испинкою, хотѣлъ болѣе Цоваи, хотѣлъ превращиши въ горячаго Испанца. Доспигъ-ли онъ своей цѣли? Точно-ли та истина вѣры, та искренность довѣрчивости, чѣмъ награждаещъ насъ Агапида, являюща подѣ

перомъ В. Ирвинга? Нѣтъ! Онъ нарядился въ рясу монаха, говорилъ, какъ Испанецъ и Капюликъ, но, Американецъ и Протестантъ, онъ сбивается въ словахъ, не такъ ихъ проитноситъ, и съвозъ жаркіе возгласы благочестиваго монаха Католическаго, мы заглядываемъ насмѣшливую улыбку Реформаціи; черезъ принужденный восторгъ Касинильца пробивается скептицизмъ и космополитизмъ республиканца XIX-го столѣтія.

Не смотря на все это, и на многое еще кромѣ того, сочиненіе Вашингтона Ирвинга занимательно, ясно, и хорошо печатлѣешь въ насъ различныя измѣненія Гренадской войны и взятія Гренады — дѣла сколько же историческаго, сколько и поэтическаго. Въ немъ, главное, недостаетъ кришки, но не это составляетъ болѣе половины голосовъ для книги. Автору конечно хорошо извѣстны формы представительныхъ правительствъ, и онъ знаетъ, что надобно смотреть и на меньшее число голосовъ (minorités), надобно и ему уступать что-нибудь. Но мы не споримъ, что и очинители и правительственныя имѣють прямое дѣло съ большинствомъ голосовъ (majorité): оно утверждаетъ бюджеты и покупаетъ книги. В. Ирвингъ его хотѣлъ заманить къ себѣ, и успѣлъ въ этомъ: книгу охотно купятъ, охотно прочитають. Мы съ своей стороны посоветуемъ это публикѣ. Хотя и заплачатъ она за два тома довольно дорого, но будетъ вознаграждена лучше, нежели за дешевую цѣну утвердивъ Министерскій бюджетъ.

Говоря чашечкамъ нашимъ о самомъ взятіи Гренады, и о книгѣ, какую издасть о томъ

В. Принцъ, присоединимъ еще нѣсколько замѣтокъ и мыслей, могущихъ заслужить вниманіе пресвященнаго наблюдателя.

Казадось — все кончено для Мавровъ. Какъ народъ, они не существовали болѣе: царство ихъ было уничижено, свобода опѣнена, имя унижено, религія, едва шеривна, въ ожиданіи рѣшительнаго гоненія. Часъ ошплешы пробѣлъ для пошомковъ Гошеа, и, послѣ вѣковъ побѣдъ, тяжкое иго, маложенное Христіанами на Мавровъ, долженствовало рѣшительно заплашнть за поворъ бншвы Гвадалепской. Вездѣ вѣялись знамена Испаніи, вездѣ сіялъ благоговѣно чшнмй Крестъ, и полумѣсоцъ Мугаммеда палъ передъ ннмъ. Мечъ Рыцаря опмсннлъ за скорбь Церкви. Все Христіанство, оплакнвашее недавнюю потерю древней Византіи, ушѣшалось торжествомъ Испаніи, и во всей Европѣ гремѣли благодарственные пѣсни поборнику браней. Фердинандъ получилъ ошъ признательности Папы титулъ *Католическаго Короля*, и другой, шщешно оснорнваемый, Короля *Испаній*. Европа гордилась храбростью Каспнльцевъ.

Кто-бы не подумалъ послѣ того: что современная тогдашняя лишпература должна носить глубокий оппечатокъ религіознаго и патріотическаго восшорга, возбужденнаго въ Испаніи завоеваніемъ Гренады? Кто не предположншъ, что поэмы, многочисленныя, одушевленные въ высокой шщешн, голповые воспѣвашъ все, что шротало сердце и говорило воображенію, съ вошшоргомъ овладѣли событіемъ, столь пошщическалнъ? Чшо Фердинандъ и Изабелла были пред-

мешомъ множеству романсовъ, и что въ пѣсняхъ Испанскихъ, Понсъ Леонскій, Кабра, Агиларъ, оспаривали мѣста Сидовъ Кампеадоровъ, Бернардовъ дель-Карпио, Ларъ, и проч., съ штыъ преимуществствомъ, которое всегда у прошедшаго, живущаго только въ памяти, опшнмаетъ настоящее, объемлющее насъ опшскуду, вызывающее себя всѣ наши способности, всѣ спрасши, все участіе? — Въ самомъ дѣлѣ: это настоящее, столь блистательное, и въ то же время столь могучее, охватило воображеніе Испанцевъ: старые герои Испаніи были забыты. Но забыты были они, не для пошомковъ ихъ, не для послѣдователей ихъ подвиговъ! Оставили Бернарда Карпио, не для Фердинанда, но — для Музы; забыли Химену — для Фашины и Дарахи. Больше славили Боабдила, нежели Маркиза Кадыкскаго, и баснословный Газюль превозмогъ храбраго Графа Кабраскаго, *забирателя Королей* (preneur de rois). На первый взглядъ, вся щогдашняя Повесть Испанская покажется созданиемъ Арабовъ: столько видно въ ней удивленія къ храбрости Мавровъ, скорби объ ихъ паденіи, участія къ ихъ спрасшамъ, вкуса къ ихъ обычаямъ. Генераловъ, Алгамбра, Зегрисы, Абенсерраги — вотъ имена, вотъ предметы, наполнившіе собою Испанскіе романы XVI-го вѣка. О рыцаряхъ Испаніи, о славѣ опечесства, о Христіанствѣ — едва нѣсколько словъ, едва замѣнное воспоминаніе.

Таково было слѣдствіе завоеванія Гренады. Побѣжденные обшпашели Андалузін, но величайшей ушонченности нравовъ, величайшей образцованности, не умѣли противопштыся своимъ гре-

ннѣхъ неприязнѣннѣхъ; но по той-же самой причинѣ умѣли очаровать, почти укротить ихъ послѣ, когда дѣло шло не о силѣ. Гордые, непреклонные Каспильцы обольщались извѣстнѣмъ, великолѣпнѣмъ, поэтическимъ воображеніемъ, спранными, но заманчивыми нравами своихъ рабовъ и рабынь. Въ шѣ дни, когда они уже не сражались съ ними болѣе, не боялись уже ихъ, они позволили себѣ внимательно разсмотрѣть ихъ, и скоро спали подражаніемъ имъ. Продолжительное уваженіе, смѣшанное съ ненавистью, послѣ побѣды замѣнилось сосраданіемъ, родившимъ сочувствіе. Все сдѣлалось Мавришанскимъ, когда Мавры, какъ народъ, не существовали уже въ Испаніи. Побѣдитель носилъ плащъ побѣжденнаго, Христіанинъ пѣлъ Музудманку, Испанецъ грустилъ объ Аравишляниѣ. Такое живое противоположеніе не прошло безъ того, чтобы имъ не оскорбились многіе изъ умовъ утрюмыхъ, ненавидящихъ безприсрастнѣ, и думающихъ, что люди не могутъ любить истины, если они не жестоко ненавидятъ ея противниковъ. Восторгъ, возбужденный всѣмъ Мавришанскимъ, раздражилъ многихъ. Кричали, что это ерещичесство, измѣнничесство. Собраніе романсовъ (Romanceso general), данное въ 1614 году, и исполненное Испанскими романсами въ духѣ Мавровъ, содержишь въ себѣ также нѣсколько стихотвореній, гдѣ жестоко осуждають эту наклонность Испанской Поэзіи. Въ одномъ изъ нихъ, 1593 года, Авшоръ говоритъ:

„Бросьте ваши выспроуки на плышьякъ, наши расшпыныя разноцвѣтнымия шалкомъ офесы — все это Мавришанская одежда.“

Другой спышкшворецъ, исполненный негодеванія, изъясняетъ гнѣвъ свой слѣдующимъ образомъ :

„Сшолько Зандъ и Адаллофъ, сшолько Драгунтъ и Дарахъ, спшолько Ахаркъ и Адуальсъ, спшолько Гаузулевъ и Абенамаровъ!“

„Сшолько аакшзеровъ (*) и марлоншцовъ (**), спшолько алмшзеровъ (***) и алжалафовъ (****), спшолько эмблеммъ и перьевъ, спшолько вензелей и медалей !

„Сшолько Мавришанскихъ оспашковъ, значковъ и адерговъ (****), спшолько разнородныхъ девшзовъ — надобли вы мнѣ до смерни !

„Испанскіе пошпы ошказались ошъ своей кшры, и предлагающъ Мугаммеду плоды своихъ дарованій.

„Они забыли великія дѣла своей побѣдшительной ошчызмы, и у чуждаго ошчестства вымаливающъ себѣ вымыслы и покровштельство,

„Мшчемія, Аполлонъ, мшценія ! Порази своимъ пробѣдшительными лучами омавришаншвшпхеш пошповъ, оскорбляющихъ швое величіе !“

(*) Арабскій коверъ.

(**) Верхнее одѣжаніе, съ кашшпономъ.

(***) Родъ головнаго убора, съ полосатымъ газомъ, висящимъ до колѣнъ.

(****) Родъ покрывала, или плаща.

(*****) Мавришанскій шшшъ.

Иногда подъ формою разсказа нападали на поетовъ, обвиняемыхъ въ Мавришанствѣ. Вотъ содержаніе одного романса, доказывающаго, по нашему мнѣнію, что лирическіе поэты того времени были люди не безъ дарованій, и не безъ поображенія.

„Гнѣвъъ вытѣжаетъ Муза изъ Комареса, сорвавъ свой марлошъ, и обнаживъ свой богатый алфангъ (*).—“

„Не Абенсерраговъ бить собрался такимъ образомъ Мавръ, обличившихъ его во лжи; но ѣдетъ онъ опомснить оскорбленіе, нанесенное ему въ пѣсняхъ и романсахъ, сочиняемыхъ повѣстами.“

„И когда онъ шакъ ѣхалъ, на встрѣчу ему попался Ахаркъ (**); видя его въ такомъ нарядѣ, подумалъ, онъ, что Муза сдѣлался поетомъ.“

„Оставь меня — сказалъ ему Муза — дай мнѣ сорвашь съ себя эшопъ нарядъ; у меня ребра всѣ перемяло, съ шѣхъ поръ какъ накушали на меня эшо плашь.“

„Забавно показалось эшимъ повѣстамъ-новичкамъ кушашь меня, и одѣвашь плашьемъ, кошорое песпрѣ ковра Левантскаго.“

• „Я сдѣлался щеперь игрушкой дѣмъ, росписною ихъ куклою, и справедливо онъ меня такимъ почишаютъ.“

„Поэты одѣли меня въ лоскушки, обобраные у поршныхъ, въ монашескую шапку, или Фландрскую шкань.“

(*) Мечъ.

(**) Вымышленное лицо въ тогдашнихъ романсахъ.

„Рѣшился я, и черезъ немного времени не оставлю въ живыхъ ни одного поэты, ошъ Даре до Гапта.“

„Трудное дѣло выдѣлать пы на себя — ошвѣчалъ ему храбрый Ахаркъ. Тебѣ надобно перебишь своимъ алфангомъ весь родъ человѣческій.“

„Знай, что поэты, все равно, что гадра, укушорой, если опрубишь одну голову, выростешъ семь.“

„Убей одного поэты, и шебя задушашъ подъ пѣснями, романсами и сапирами, кошорыи вся толпа поэтовъ на шебя набросаетъ.“

„Ошавъ ихъ, потому что они шебя начинаютъ ошавляшь, и запѣвають объ Ахаркахъ, со вчерашняго дня изъ земли выскочившихъ, подобно исполину Анпею.“

„Они шаскають меня по улицамъ, болѣе нежели шаскаешся плацъ Севильца, или злой лбедникъ.“

„Я терплю и молчу: пусшь шаскають, да молчашъ. Хорошо обхожусь съ поэтами, чтобы они не обходились со мною худъ.“

„Ты правъ — ошвѣчалъ Муза. Въ самомъ дѣлѣ, лучше ошавишь ихъ, пока разсказами ошнась, они сами наскучашъ и утомашся!“

Вообще, *Мауританскіе* поэты, какъ называли ихъ прошивники, рѣдко ошвѣчали на нападенія, довольствовались шѣмъ, что нравились публикѣ, и ни сколько ни боясь, что ихъ сочтутъ измѣнниками прошивъ религіи и ошечества. Одинъ изъ нихъ оскорбился однакожъ бранью прошивниковъ, и напалъ на порицашелей модной Поэміи, въ шѣхъ же самыхъ формахъ, какии ими употреблялись.

Представляемъ здѣсь оба романа, содержащіе нападеніе и защиту. Первый изъ нихъ наполненъ намеками на другія стихотворенія; оборотъ его живъ и насмѣшка язвительна.

„Друзья, господа поэты! раскроемъ эпи лица, раздѣнемъ эпихъ Мавровъ, прекратимъ эпи замбраси (*).

„Избави насъ, Боже, отъ Газуля; чоршъ по-бери Гелиндаху; раздадимъ эпи марлошши, шѣмъ, кшо ссудилъ ихъ намъ.

„Доннѣ Маріи угодно, чтобы передъ Донною Жуанною проплясали Испанскую *гальарду* — веселѣе нѣшъ эшой пляски.

„А господинъ Алькадъ спрашивалъ: кшо такіе эпи Абенамары, эпи Зегрисы и Алишары, эши Адульсы, эши Занды, и эши Абдаллы?

„И что это за народъ: Зелинды и Гвадалахи, эши Мавры, эши Мавришанки, пляшущія на всѣхъ нашихъ свадьбахъ?

И, чтобы сказашъ вамъ яснѣе, да позволятъ мнѣ спросишь, господа поэты: дошло ли до ихъ свѣдѣнія, что естъ еще въ Испаніи Христіане?

„И не знаютъ-ли они: какой народъ, Персіане, Скионы, или Опшоманы, славяшъ наши имена и поюшъ наши побѣды?

„Они закрыли нашъ народъ алкизерами и алмацафами, и шьсячу ложныхъ повѣстей рассказали о Маврахъ.

(*) Мавришанскій танецъ. Шатобрианъ предельно описалъ его, въ своемъ *le Dernier des Abenserrages*.

„Фашима и Харифа продавали свѣжія и сушенныя фиги, а Лагаршо Эрнандезъ разсказываешъ, что онѣ плясали въ Алгамбрѣ.

„Зегри, безъ усшали возившій на двухъ ослахъ воду, и за лѣносшь досшойный наказанія, изображенъ вами ломающимъ копыя.

„Пуспь прислужники свѣшой Эрмандады выхлещушь изъ васъ бичами душу, Самаришлане!

„Вы забыли храбраго Бернарда, неумирающую чеспь нашей Испанія, ужась Мавровъ, спрахъ Франціи (*);

„И пѣхъ великихъ героевъ, досшойныхъ вѣной славы, коихъ завоеваніе Гренады увѣковѣчило память.

„Если вамъ надобно молчашъ объ именахъ Испанцевъ, что вамъ мѣшаешъ идши и искашь героевъ въ лѣсахъ и хижинахъ,“

„Подъ знаменами Французскими, въ легіонахъ Римскихъ, въ Карфагенѣ, Сагуншѣ, или въ счастливой Нуманціи?

„Но куда бѣжишь ты, перо мое? — Куда спремисься ты безразсудно? Не теряй времени на увѣщанія несперпимаго невѣжества!“

Вопшь опвѣпль, сдѣланный во имя оскорбленныхъ поѣшовъ:

(*) Это народный герой Испанія, предполагаемый племянникъ Короля Альфонса Цѣломудреннаго, родивъ Пелагію. Онъ, какъ говорашъ, задушилъ Голанда при Ронсевалѣ. Множество прекрасныхъ, старинныхъ романсовъ сохранилось о его жизни; и даже о его дѣтствѣ.

„Для чего, господа повшы, такъ мало дорожише вы вашею славою? Соединимъ вмѣстѣ шруды наши, и — не знаю кто осмѣлился на нихъ напасть!

„Плохо, что вы осмѣяетесь пѣвцами, когда васъ называютъ слабоумными, и что вмѣшиваясь въ чужія дѣла, забываете о своихъ собственныхъ.

„Одинъ изъ вашего сословія хочеть возмутить ваши наслажденія, Иуда изъ среды вашей, ибо всегда найдется Иуда.

„Къ чему послужило Газулю, что онъ сражалъ копьемъ прошивниковъ, если шеперь щеголекъ изъ Лешы кричитъ, чтобы прекратили замбрасы?

„Если донъ Родриго Испанецъ, Испанецъ и могущій Абдалла, и знай, господинъ Алькадь, что Гвадалаха также Испанка.“

„Если Донна Жуанна хочеть плясать Испанскую гальарду, замбрасы также Испанскія пляски, ибо Гренада есть Испанія.“

„Какое зло воспѣвать храбрыя дѣла Мавровъ, если пѣвцы блиспашельиве являющся наши славные подвиги?“

„Не годится ни Сиду, ни Бернарду, ни Діегу Ордоннезу де-Ларъ, ни храброму Аріасу Гонзалезу, ни знаменитому Родригу Диазу;

„У копорыхъ обыкновенное было занятіе рыскашь по полямъ — не годится спашь между любовью и дамами, и начинать пляски.

„Эшо идетъ Музъ, Арболану, Галиану, Зегрисамъ и Алиашаромъ, всегда занимавшимся любовью.

„Не приспало намъ для сего употребляшь
имена изъ подъ знаменъ Римскихъ, Карагена и
Сагунпа, ни нашей отважной Нуманци,

„Ибо Сципионъ бѣгалъ отъ любви, Сцевола
жегъ руки на огнѣ, и Аннибалъ не предавался
ни пляскѣ, ни подвигамъ на шурнирахъ.

„Чтобы песь машадора (*) вырвалъ изъ ше-
бя, злодѣй! душу, за то, что кичась собою,
ты оскорбляешь столько честныхъ людей!

„Пусть Даро, когда ты прикоснешься къ
его пошоку, возмутишь свои свѣтлыя воды, и
да превращаются для тебя струи сладкаго Же-
ниля въ коровью кровь (*)!

„Пусть всегда будетъ тебѣ гопова, на пло-
щади народной, висѣлица и веревка, и въ заклю-
ченіе — да побьютъ тебя камнемъ Алпухар-
скіе Мавры!“

Доказательства *Маеританскаго* поэта, ко-
нечно, не сильнѣе доказательствъ *Ульпра-
Испанскаго* поэта, и сей послѣдній, говоря дѣ-
ло, имѣлъ право жалованья, что рѣшительно
забыты всѣ прежніе, Христіанскіе герои, для ихъ
невѣрныхъ противниковъ. Но, надобно-ли было
чего-нибудь шутъ спрашиваться? Славный народъ
долго-ли можешь ошибаться въ своей благодарно-
сти, своемъ уваженіи, и можешь-ли навсегда пре-
небречь своихъ защитниковъ-побѣдителей, для вра-
говъ - побѣжденныхъ? Черезъ восемь вѣковъ,
имя Родрига де-Бивара проносится съ благо-

*) *Матадоръ* (убиватель), дѣйствующее лицо въ
справѣ быковъ.

**) *Даро* и *Жениль*, рѣчки, въ Гренадской землѣ.

говѣиємъ, а черезъ принадлежавшій послѣ того, какъ Ульшра-Испанцы негодовали прошивъ Мавришанскихъ модъ, Филиппъ III-й изгналъ Мавровъ изъ ихъ жилищъ, утвержденныхъ имъ мирными договорами и—вся Испанія рукоплескала ему, при этомъ не-полишическомъ и неблагоуразумномъ дѣлѣ! Кажется, что и лишпературная *Мауританская* зараза не продолжилась. — *Historia de los Vandos*, напечатанная въ Валенціи, въ 1597 году, была, правда, перепечатана въ Парижѣ, въ 1606 - мь году, съ Словаремъ, для облегченія шѣхъ, кто пожелалъ-бы по ней учиться Испанскому языку. Ее посвятили тогда Маркизъ до-Вернейя; отъ нея родились во Франціи: *Histoire d'Almahide*, Г-жи Скюдери, *Zayde*, Г-жи Лафайешиъ, *Nouvelles Africaines* и *Galanteries Grenadines*, Г-жи Вильдѣ, *Aventures Grenadines*, двѣицы де-ла-Рошъ Гюльемъ, *Histoire de la conquête de Grenade*, Г-жи де-Гомезъ. И хотя въ нихъ не находимъ ни Боабдила, ни Музы, ни Зегрисовъ, ни Абенсераговъ, *Clélie*, *Cyrus*, *la Princesse de Clèves*, *Veillées de Thessalie* — всѣ эти созданія въ Мавришанскомъ духѣ: дѣйствующія лица взяты съ Мавришанскихъ романсовъ, и симъ романсамъ одолжены они своими щегольскими чувствованіями, доставившими имъ неописанную честь нравиться судьямъ Рамбуилльешской опѣли, оплячаясь любовными поединками, отъ которыхъ въ воспоргѣ была Гжа Севинье. Но въ самой Испаніи, *Historia de los Vandos* не имѣла, кажется, продолжительнаго успѣха; по крайней мѣрѣ, успѣхъ ея не былъ опасенъ, и не могъ превозмощить умы шѣхъ, которые способны пред-

угадывать будущее, и навѣрное предрѣкашь не-
долговѣчность какогонибудь моднаго приспираспія. Сервантесъ, въ 1605 году, не почелъ этой книги даже достойною саширы: въ числѣ книгъ, составлявшихъ библіошеку Донъ Кихота, мы не находимъ ни ея, и ни одного Арабскаго романа; ни о томъ, ни о другомъ не упоминаешь добрый священникъ, споль смѣло перебиравшій любимыя нелѣпости Донъ Кихота.—Тутъ встрѣчаемъ мы *Бернарда дель-Картио*, *Пальмерина Анекійскаго*, *Діану* Моншемайора, *Драукану* Донъ-Алонзо д'Эрсилла. Вотъ доказательство, что это было погда въ чести, и что вкусъ Мавришанскій, ввроятно, и безъ того слишкомъ увеличенный пропивниками его въ саширахъ, началъ совершенно упадать.

Изъ всего, что мы здѣсь разсказали, можно видѣть обыкновенный жребій лишперашурнаго впузіазма, не отъ сердца происходящаго. Съ окончаніемъ XVII-го вѣка, ни Испанія, ни Франція, ея воспитанница, не думали болѣе о Маврахъ. Онѣ обратились къ прежнимъ предметамъ своего удивленія.

Только два ручательства могутъ быть за то, что какаянибудь эпоха, событіе, лицо будутъ пользоваться долговременною, прочною памятію народа: надобно, чтобы они были именно народны, или описаны, изображены, разсказаны великимъ геніемъ. Такъ — донныя Испанецъ поешъ романы о Сидѣ, Германецъ собираешъ свои Нибелунги, Шотландецъ повторяешъ Галльскія пѣсни, обломки своей древней славы; шакъ донныя мы услаждаемся пѣснями древнихъ пошвовъ Гре-

дні, воспѣвавшихъ взятіе маленькаго города въ Малой Азіи. Нечего болѣе, что не слишкомъ много явился лишшерашурныхъ произведеній, имѣющихъ подобныя права на душу человѣка. Геніи рѣдки — кто этого не знаетъ? Что касается до шѣхъ событій, до шѣхъ воспоминаній, которые тѣсно связаны съ именемъ отчизны — они слишкомъ ограничены для каждаго народа. Счастлива земля, у которой есть хоть немногія! Она гордо защититъ свой участокъ въ обществѣ Поэзіи Человѣчества, и смѣло возьметъ у другихъ, чего нѣтъ у нея, когда можешь съ другими поѣдѣться своею поэтическою пам'ятью, своими сокровищами!

Ничего этого не было въ Лишшерашурѣ Ислано-Мавришанской. Съ одной стороны, ничто не связывало ее съ нравственною жизнью Испанцевъ; съ другой, она не произвела ни одного могущаго генія, завѣщавшаго созданія свои міру и безсмертію. Она кончилась послѣ временнаго существованія, имѣвъ свои выгоды и свои неудобства. Ей удалось обезобразить Испорію, навлечь на Испанцевъ упрекъ въ неблагодарности, ввести въ лишшерашуру ихъ ложный вкусъ; но она-же придала уму Испанцевъ изящное движеніе, Поэзіи ихъ богатство гармоніи. Они, и особенно она, проявила въ благородномъ народѣ Испаніи одно изъ самыхъ высокихъ расположеній человѣческаго сердца, то, которое заставляетъ насъ удивляться изящному, любить его, каково-бы ни было его происхожденіе, пусть будетъ оно чуждое, даже вражеское. Кажется, что въ этомъ сочувствіи, въ этомъ всеобщемъ припадженіи, такъ сказать,

открывающа высое начало челоѳческой природы. Изначное, являющееся для насъ шамъ, гдѣ мы его вовсе не ожидали, является намъ сокровищемъ Человѳческа, добромъ и чешью цѣлаго міра. Это свѣтъ общей нашей ошчизны, это истинный языкъ богоѳ, который понимающъ и знающъ всѣ народы. Да не подумаешь кто-либо, что сіе увлеченіе сердца, сіе обширное и горячее соучастіе, охлаждаешь къ шому, что наше собшвенное, нашъ участокъ вѣковыхъ истинъ. Тотъ шолько можетъ оцѣнить лучшее и общее, кто хорошо знаетъ хорошее и свое. Если - бы умѣнье все понимаешь и чувствовашъ мѣшало намъ предпочишашъ одно другому, это была-бы слабосъ наша, а не чувсшво души, не умѣнье оцѣнишь. Кто стоишь выше другихъ, шощъ безприсшрасненъ, но неравнодушентъ.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

РУССКІЯ КНИГИ.

— *Сень-Марсъ*, или заговоръ при Людовикѣ XIII; соч. Графа Альфреда-де-Виньи; пер. съ Франц. А. Очкинъ, 4 ч. Спб. 1829 — 1830 гг. въ ш. А. Плюшара, in 12, 187, 259, 267, 353 стр.

— *Певериль*, Историческій Романъ Сира В. Скопша; пер. съ Франц. А. Писарева и С. Аксакова, 5 часшей. М. 1830 г. въ ш. Шепанова, in 12, 225, 194, 249, 209, 280 стр.

— *Карлъ Смѣлый*, или Анна Гейершшейнская, Дѣва Мрака. Соч. Сира В. Скопша; пер. съ Англ. С. Де-Шаплетъ, 5 часшей. Спб. 1830 г. въ ш. Шшаба Ошд. корпуса вн. спражи, in 12, 232, 227, 234, 272, 264 стр.

— *Дочь Шотландскаго лекаря*. Соч. Сира В. Скопша, 2 часши. М. 1830 г. въ ш. Универс. in 12, 204 и 234 стр.

— *Богемская двѣтъля война*. Историческое преданіе VIII столѣтія. Соч. К. Фанъ-дерь-Фельда; пер. съ Нѣм. Н. Павлицевъ, 2 часши. Спб. 1830 г. въ ш. Шшаба Ошд. корпуса вн. спражи, in 12, 178, 133 стр.

— *Перекрещенцы*. Повѣсть, заимствованная изъ первой половины XVI столѣтія. Соч.

Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго. М. 1830 г. въ ш. С. Селивановскаго, in 8, 240 стр.

— *Христина и Дворъ ея*. Историческій романъ XVII столѣтія; соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго, С. Де-Шаплезъ, 2 часпи. Спб. 1830 г. въ ш. Акад. Россійской, in 12, 197 и 177 стр.

— *Мальтійскій Рыцарь*. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII столѣтія. Соч. Фанъ-деръ-Фельда. Пер. съ Нѣмецкаго, 2 часпи. Спб. 1830 г. въ ш. Пушей сообщенія, in 8, 147 и 148 стр.

— *Мальтійскій Кавалеръ*. Повѣсть изъ послѣдней половины XVII-го столѣтія. Соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Нѣмецкаго, В. Тило, Спб. 1830 г. въ ш. Ошд. корпуса внутр. спражи, in 8, 254 стр.

— *Посольство въ Китай*. Соч. Фанъ-деръ-Фельда. Повѣсть изъ послѣдней половины XVIII-го столѣтія. Пер. съ Нѣм. В. Лангеръ, 2 часпи. Спб. 1830 г. въ ш. Деп. Нар. Просв., in 12, 241 и 137 стр.

— *Флибустьеръ*, Морской разбойникъ, историческій романъ. Соч. Фанъ-деръ-Фельда; пер. съ Франц. Э. С-ва. 2 часпи. М. 1830 г. въ ш. Даваревыхъ, in 18, 112 и 89 стр.

— *Найденный*, повѣсть Тромлица. Пер. съ Нѣм. В. Тило. Спб. 1830 г. въ ш. Шлаба ошд. корпуса внутр. спражи, in 8, 234 стр.

— *Лещинскій*, или нашествіе Шведовъ на Польшу. Историческій романъ XVIII-го столѣтія, пер. съ Польскаго, Э. Махновскій. Спб. 1830 г. въ ш. Глазунова in 12, 292 стр.

— *Юлія и Адольфъ*. Соч. Л. К. — Пер. съ Польскаго А. Половцовъ, 2 часпи. Спб. 1830

г. въ ш. Озд. корпуса ви, спражи, in 12, XV, 178 и 146 стр., съ карш. и ножами.

— *Феликсъ и Полина*, или гробъ яри по подошвѣ горы Юры. Соч. Бланшарда, пер. съ Французскаго, 2 часши. М. 1830 г. въ ш. Рѣшешникова, in 12, 133 и 130 стр.

— *Рыцари ложки*. Любопытныя Швейцарскія происшествія, собранныя Г-жею Моншолье, Пер. съ Франц. В. Шипова, 3 часши. Орель, 1830 г. въ ш. Сышина, in 16, 206, 161 стр.

— *Кинжалъ*. Новѣйшій романъ, сочиненіе знаменитаго писателя, Барона Де-Ла-Мотта-Фуке. Пер. съ Нѣм., 4, часши. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ, in 16, 177, 114, 154 и 118 стр.

— *Свѣтскій человекъ*, или картина замѣчательнѣйшихъ современныхъ характеровъ. Пер. съ Французскаго, 4 часши. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ, in 12, XXVII, 118, 109, 107 и 266 стр.

— *Берлинскія привидѣнія*, или нечаянная встрѣча въ маскарадѣ, истинное происшествіе, Пер. съ Франц. — Последнее сочиненіе Г-жи Радклифъ. М. 1830 г. въ ш. Арм. Инш., in 16, 37 стр.

— *Елисавета Л**, или несчастіе семейства, сосланнаго въ Сибирь, и потомъ возвращеннаго. Твореніе Г-жи Кошпень, 2 часши, изданіе 4-е. М. 1830 г. въ ш. Сшепанова и., in 18, 148 и 143 стр.

— *Альфонсъ и Далинда*, или волшебство искусства и природы, нравственная повѣсть. Соч. Жанлисъ. Пер. съ Французскаго. М. 1830 г. въ ш. Лазаревыхъ, in 12, 369 стр.

— *Лалла-Рукъ*. Воспoчная повѣсть Т. Мура. Пер. съ Англ. М. 1830 г. въ ш. А. Семена, и 16, 74 стр.

— *Страдалецъ*. Повѣсть, почерпнувшая изъ записокъ *** М. Ал—въ. Спб. 1830 г. въ ш. Плюшара, in 16, 56 стр.

— *Праздное время Москвитя*. Соч. А. Смирнова. М. 1830 г. въ ш. А. Семена, in 16, 36 стр.

Въ библиографіи Телеграфа, за 1830-й годъ, мы упоминали о весьма немногихъ, оригинальныхъ и переводныхъ, романахъ, вышедшихъ въ 1830-мъ году. Сказавъ о *Димитріи Самозванцѣ*, *Ө. В. Булгарина*, *Монастыркѣ*, *Г-на Погорѣльскаго*, *Өедорѣ*, *Г-на Сумарокова*, *Ягубѣ Скупаловѣ* (неизвѣснаго), *Киргизѣ-Кайсакѣ*, *Г-на Ушакова*, и переводныхъ: *Англійское посольство въ Китай*, *Гусситы*, *Богемскія Амазонки* (*Фанъ-дерь-Фельда*), *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*, *В. Гюго*, *Коласъ*, *Цшокке* — мы умолчали о другихъ книгахъ, радовавшихъ и печалившихъ въ 1830 году любитель и любительницъ романческаго чтенія. Намъ хотѣлось собрать побольше романовъ, и вдругъ поговоримъ о многихъ. Это всего лучше покажетъ общее направленіе романисповъ и читательскихъ нашихъ. Сказавъ прежде о десяти, представляемъ теперь названія еще двадцати чепырехъ романовъ, явившихся въ 1830-мъ году. *Тридцать четыре!* Довольно, судя по числу всѣхъ литературныхъ явленій въ Россіи. Въроятно, есть еще и пропущенные нами.

Переберемъ, по порядку, въ какомъ они поставлены нами, *двадцать четыре романа*, означенные въ заглавіи сей спашьи.

Сенъ-Марсъ, А. де-Виньи, занимаетъ первое мѣсто и справедливо. Это швореніе великое. Родъ, къ которому принадлежишь Сенъ-Марсъ по формѣ, есть родъ *Историческій*, В. Скопшовскій. Но А. де-Виньи—одна изъ блестящихъ надеждъ нынѣшней Французской Литтературы, не простой подражатель В. Скопша, но ученикъ—едва ли не превзошедшій своего учителя. Никогда и нигдѣ В. Скопшъ не изображалъ такъ вѣрно, глубоко, такъ естественнo, ни лицъ, ни событій, какъ изобразилъ ихъ А. де-Виньи. Умѣвъ выбрать одно изъ самыхъ спранныхъ, *романическихъ* происшествій, съ неизмѣнною вѣрностью Исторія, онъ изумляетъ насъ поэтическою истиною. Характеры: Людовика XIII-го, Ришелье, Де-Ту, Сенъ-Марса, О. Юсифа, Лабордемона, Маріи Гонзаго, Анны Австрійской—созданія Шекспировскія! Прибавь къ этому ишпересь, мастерски поддержанный, съ начала книги до самаго конца; живую картину Двора, войска, Духовенства, Дворянства, народа Французскаго; толпу второстепенныхъ лицъ: Маріанну Делормъ, Мильшона, Декарша, Бассомьера, щеголя, Оливье, Аббата заговорщика, и проч., въ перспективѣ истиннохудожественной; языкъ самый плѣнительный, обновленный современною школою В. Гюго, Витте, Бальзака, Баранша, Каве, Дишпмера, Якоба Библиофила—вошь *Сенъ-Марсъ!*

Поставя въ параллель съ нимъ два романа В. Скопша: *Песериль* и *Карлъ Смѣлый*, мы

будемъ несправедливы къ ветерану Европейской Словесности, ибо это суть два не лучшие его романа: это не *Иванго*, не *Кенильвортъ*, не *Ричардъ Въ Палестинѣ*. Искусство рисовальщика, даже, если угодно, живописца, видно, но — пушъ цвѣтисное, нашанушое искусство, а Сень-Марсъ — высокая, живая природа. Къ большому несчастію, въ *Певериль* вздумалось еще В. Скопшу перенести въ Историческій романъ повѣщическое, — чужое созданіе: неловкая ошибка, непросипительная даже его опытности, не только дарованію! *Карлъ Смѣлый* принадлежишь къ тѣмъ романамъ, въ кошорыхъ В. Скопшъ оспавляетъ свою Шотландію. Людовикъ XI-й и Карлъ Смѣлый, герои *Кентеня Дюрварда*, являющіяся снова на сцену, и опяшь во взаимной борьбѣ. Карлъ погибаетъ въ предпріятіи своемъ прошивъ независимости Швейцаріи. В. Скопшъ, какъ будто самъ чувствовалъ недоспашокъ силы и воображенія въ новомъ своемъ романѣ, и загромоздилъ сей романъ Радклифскими чудесами, и множествомъ вовсе не нужныхъ вспавокъ. Первое употреблялъ онъ и прежде, ибо всегда любилъ Радклифъ, и, непоняшно почему, очень высоко цѣнилъ ея произведенія. Угодно-ли видѣшь всю слабосшь песпрой картины В. Скопшовой? Сличите только походъ Карла Смѣлаго прошивъ Швейцаріи, въ романѣ В. Скопша, съ Бараншовымъ, прошо-лѣшописнымъ рассказомъ о семъ походѣ. Полошно сквозишь, и всѣ невѣрныя, слабыя краски художника шеряюшь колоришь испины.

Дочь Шотландскаго лекаря совсѣмъ не въ родѣ В. Скопша, швореніе слабое, и В. Скопшъ

написать его, какъ говорящъ, ошъ скуки, болъной.

Пяшь чучель Фанъ-дерь-Фельда (иначе не лзя назвашъ его романовъ) пугающъ насъ послѣшого своимъ безобразіемъ, пошлосью и нелъпосью. Мы уже говорили о сочиненіяхъ сего писателя (Тел. 1830 г. ш. XXXV, стр. 86 и слѣд.). Просимъ читателей пробъжашъ хоть слегка: *Анабаптистовъ* (по-Русскій названныхъ *Перекрещенцами*), *Христину и Дворъ ея*, и, особенно, *Посольство въ Китай*. Только совершенное безвкусіе, или коммерческая спекуляція, могущъ заставивъ переводчика шерящъ время на эшу вздорную нелъпицу, въ кошорой нѣтъ ни связи, ни истины, ни даже занимашельности. Мы двились, и шеперь не надивимся, что Г-да Лангеръ, Павлицевъ и Де-Шаплешъ, при ихъ вкусъ и умѣни пишашъ, занимающа иногда Фанъ-дерь-Фельдомъ, и издающъ его на Русскомъ языкъ, въ красивыхъ книжечкахъ. Мы порадовались, услышавъ, что Г-нъ Павлицевъ принялся за книгу, доспойную шруда — переводъ *Обрученныхъ*, Манзони — швореніе превосходное. Не совѣспно-ли намъ, Рускимъ, что семь нелъпыхъ швореній Фанъ-дерь-Фельда явились у насъ въ одинъ годъ, и три изъ нихъ даже въ двойныхъ переводахъ, какъ будшо Пешербургъ и Москва спорили объ эшомъ сокровищѣ! Пущъ переводящъ его дюжинные подрядчики, берушъ по 50 рублей за романъ, и печатающъ на обвершочной бумагѣ: Фанъ-дерь-Фельдъ замвняешъ въ семь случаевъ Авшоровъ *Милорда Ге-*

орга и *Несчастнаго Никанора*, которыхъ, безъ сомнѣнiя, онъ выше. Пусть переводить его и Г-нъ Тило. Эшопъ почтенный лихтераторъ обыкновенно помѣститъ свои переводы сперва въ Журналъ А. Ф. Воейкова, а потомъ оппечатаанные особо листочки Журнала сшиваются вмѣстѣ, и выдѣются книгою.

Такъ перевелъ и издалъ онъ и *Найденыша*, Тромлнцева — пуспѣйшую повѣсть записнаго подрядчика повѣстей для Нѣмецкихъ Альманаховъ. Ни переводы, ни изданiя Г-на Тило не обольщаютъ даже самага неопытнаго читателя.

Лещинскiй замѣчательнъ только тѣмъ, что это переводъ съ *Польскаго* — рѣдкость въ Русской Литтературѣ, и перевелъ еще его *Русскiй солдатъ*. Онъ говоритъ о себѣ въ предисловіи, съ такимъ воинскимъ добродушиемъ, что крипика должна уважить труды неопытнаго переводчика.

Напрощивъ того, надобно-бы поговорить, но смѣхъ не позволяеть намъ сказать ничего о другомъ романѣ (*Юлія и Адольфъ*), переведенномъ съ Польскаго Г-мъ Половцовымъ. Надобно знать, что это романъ въ родѣ тысячи другихъ любовныхъ романовъ: въ немъ, какъ водится обыкновенно, любящъ, разлучающся, плачущъ, сшрадающъ и умирающъ. Но на Польскомъ языкѣ онъ увлекаеть прекраснымъ слогомъ. Читая его по-Польски, прощаешь мысли за слова. Г-нъ Половцовъ перевелъ Юлію и Адольфа шакъ забавно, что въ самыхъ шрогательныхъ мѣстахъ романа хохочеть. „Обильныя и высокія чувства, зарожденіе, роспъ, сила и нерѣдко гибельныя

следствия возвышеннѣйшей спраски, здѣсь изображенныя, суть причины труда моего“ — говоришь Переводчикъ. Какъ, въ самомъ дѣдѣ, не переводишь сочиненія, въ которыхъ изображены: „зарожденіе, ростъ и высокая густота возвышеннѣйшей страсти!“ Юлія пишешь къ подругѣ: „Онъ, своею любовью, укрѣпилъ во мнѣ корень добродѣтели, который, другіе на его мѣстѣ, желали-бы можешь быть ослабишь“... И шакъ далѣе, всего 339 страницъ.

Не менѣе забавенъ переводъ *Святскаго чело-вѣка*. Это бѣдный *L'homme du monde*, сочиненіе Ансело. Но шуть забавляешь особливо важность, съ какою Переводчикъ смошришь на свой трудъ. Для незнающихъ Французскаго подлинника, скажемъ, что романъ Ансело принадлежитъ къ спарой Пюго-Лебрѣневской и Пикаровской школы.

Страдалецъ и Праздное время суть Русскія произведенія, — о которыхъ говоришь значить по пущому шеряшь слова.

Лалла-Рукъ — еще очаровательная поэма Т. Мура, общипанная, сокращенная, является по-Русски на 14-ти маленькиихъ страницкахъ плохой прозы.

Причина слезъ и вадоховъ читательницъ въ началѣ XIX-го вѣка, *Елисавета Л**, Г-жи Кошпенъ, напечатана по-Русски снова, 4-мъ, если не 5-мъ изданіемъ. Милыя читательницы перваго изданія!

Ужъ онѣ старушки. . .

А швореніе Г-жи Кошпенъ не старѣется, и, обновленное новымъ изданіемъ, заставляешь плакать внучекъ, какъ плакали надъ нимъ бабушки!

Декабрь 1830.

Кинжалъ, Деда-Мошна-Фуке, Феликсъ и Полина, Бланшара, Рыцари ложки, Моншольё, не знаеомъ были-ль прежде напечащамы, но они принадлежашъ ко временаъ прежнимъ, ко временаъ, когда безъ памяти любили чишашъ Дюкре-Дюменилей, Радклифъ, Ларошъ, Шписса, Арно, Риккобони, А. Лафоншена, и прочее, чъмъ прежде наполнялись книжныя наши лавки, шакъ, какъ шеперь наполняющся они Фанъ-деръ-Фельдомъ, Тромлицомъ, и ш. п. —

Какой-шо зашгйливый переводчикъ всклепалъ сущую напраслину на Г-жу Радклифъ, пошпавъ въ заглавіи нелъгйшшихъ *Берлинскихъ прищидный*, что это ея сочиненіе. Для чего это, когда и наспошція сочиненія Радклифъ пересшашюшъ чишашъ? Прежде все было, либо Коцебу и Радклифъ, либо Дюкре-Дюмениля и А. Лафоншена. Такимъ образомъ ешъ на Русскомъ языкъ переводы романовъ: *Марія и Графъ М-съ Живою мертвецъ, Замокъ Алберта, Подземели Леонскаго замка, Монастырь Св. Екатерины, Наслщдщица Монтальта, Приключенія Аманды, Пещера смерти, Тайнства черной башни* — воъ съ именемъ Анны Радклифъ; но Радклифъ и не думала сочиняшъ ихъ, а выдумала весь этошъ вздоръ спрашная охоща Русскихъ чишашелей къ ея романамъ. Въ старое время: какъ засшавишъ купишъ свою книжонку? думаешъ бывало переводчикъ. Печашай въ заглавіи: *сочиненіе Радклифъ*, и — книжонку покупающъ, чишашюшъ, восхищашюшся. . . .

Альфонецъ и Далинда, повъсшъ, нынъ ошдъльно изданная, была нъкогда помъщена въ *Дил-*

скомъ чтеніи, Карамзина и Пшрова (М. 1785 — 1789 г.). Въ 1324 г. какой-то смѣльчакъ передѣлалъ эту прекрасную дѣтскую сказку, и выдалъ ее подъ именемъ *Густава Вальдгейма*, назвавъ *сочиненіемъ В. Скотта*. Такъ и до сихъ поръ спонитъ сія книга въ Русскихъ кашалодахъ. Мы говорили въ Телеграфѣ, въ свое время, объ этомъ лихшературномъ обманѣ.

Что сказать вообще о переводныхъ *романическихъ* явленіяхъ Русской Лихшературы 1830 года? они показываютъ неуспокоившіяся еще вкусъ Русской публики, читающей романы. А. де - Виньи, В. Скоттъ, Фанъ - деръ - Фельдъ, Бланшаръ, Радклифъ, Монтольѣ, Фуке, Ансело, Кошмень — все идеть съ рукъ; иначе, кто же велѣлъ-бы печатать все это? Упѣшиительно, что хорошіе Переводчики (каковы Г-да Очкинъ, Половцовъ и Де-Шаплеши) берутся однакожь за А. Де-Виньи и В. Скотта, и только уже по какому-нибудь *особенному обстоятельству* принимающа за Фанъ-деръ-Фельда, и ему подобныхъ. Переводъ *Сенъ-Марса* весьма хорошъ, хотя Г-нъ Очкинъ и не могъ вполне передать красоты и силы подлинника. *Карлъ Смѣлый* переведенъ Г-мъ Де-Шаплешомъ съ *Анелійскаго*: такъ поставлено въ заглавіи, хотя намъ что-то не вѣрится. Къ сожалѣнію, *Певериль В. Скотта* являешся по Русски въ безобразнѣйшемъ видѣ. *Первую* часть его перевелъ покойный А. И. Писаревъ, на смертномъ одрѣ своемъ, желая занять чѣмъ нибудь; *четыре* остальныя части перевелъ С. Т. Аксаковъ, извѣстный въ Русской Лихшературѣ забавнымъ переводомъ *Филоктета*, трагедіи Лагарповой,

и весьма плохими переводами *Сатиръ* Буало. Проза Г-на Аксакова еще хуже стиховъ его.

За нѣмъ, почти все оспальное, — Фанъ-деръ Фельдъ, Радклифъ, Фуке, Моншолье, Коппенъ, Вланшаръ, и проч., ешь шрудъ людей, кошорые худо знаютъ шонгъ языкъ, съ кошораго переводить, а Русскій и шого хуже. Изданія переводовъ Г-дъ Де-Шаплеша, Лангера и Павлицева прекрасныя, всѣ - же почти другіе, романы убашые въ переводѣ, добиты еще неопытношью изданія, вопреки Русской пословицъ: *лежагаго не бьютъ*.

Словомъ: если-бы кто захошѣлъ *дополнить* свою библиошеку романами, выпедшими въ Русскомъ переводѣ, въ 1830 году, мы посовѣшовали-бы ему купить шолько: *Сенъ-Марса*, пер. Г-на Откина, и *Карла Смълаго*, пер. Г-на Де-Шаплеша. Оспальное, или по самой сущности своей не ошонгъ шруда чинашь, или засшавишь сердишься на Русскимъ переводчиковъ.

Объ оригинальныхъ романахъ Русскихъ, выпедшихъ въ 1830 году, ш. е. *Якупъ*, *Федоръ*, *Монастыркъ* и *Киреишъ - Кайсакъ*, мы уже говорили нашимъ чинапеламъ (см. Тел. 1830 г., № 5, 6, и 1831 г. № 2). О *Димитрии Самозванцѣ* помѣщена была большая спашья въ Телеграфѣ (ч. XXXII, стр. 193). Впрочемъ, она ошашья предшавляла мѣнше, не шолько *не намѣ*, но даже шакое, съ кошорымъ мы во все несогласны. Мы объяснили собшвенныя мысли наши вообще о романахъ Ѳ. В. Булгарина въ другомъ мѣспѣ, и, конечно, будемъ еще не одинъ разъ имѣшь случай говорить объ нихъ.

— *О усовершенствованіи сельскаго скотоводства.* Рѣчь, произнесенная въ собраніи Общества Сельскаго Хозяйства, въ Минхенѣ, 10 Февраля 1824 года, Спашскимъ Сов. Ф. Гацци. По **ВЫСОЧАЙШЕМУ** повелѣнію, переведено съ Нѣм., и напечатано съспараніемъ **ИМПЕРАТОРСКАГО** Вольнаго Экономическаго Общества. Переводилъ К. Зейдель. Спб. 1830 г. въ ш. Академіи Наукъ, in 8, 152 стр.

Полшорасша сшраницъ, съ одной сшоронѣ прочишашъ, а съ другой прослушашъ за одинъ разъ, въ засѣданіи Минхенскаго Общества — надобно было имѣть *Нѣмецкое* шергание, или весьма сильную сшрасшь къ Сельской Промышленности! Но, переведенную Г-мъ Зейделемъ, рѣчь Гацци можно посовѣшовашъ каждому Сельскому хозяину и помѣщику прочишашъ у себя дома, на досугъ, и съ замѣчаніями.

Опышный и ученый Гацци разсмашривашъ подробно, чшдъ сшарались дѣлать донынѣ, вообще въ Германіи, и въ Баваріи особенно, для усовершенсшвованія сущесшлующихъ, и разведенія вновь лучшихъ породъ рогатаго скоша, лошадей, овецъ, козь, свиней. Показывая пришомъ ошибки людей, занимавшихся сими предметами Сельской Промышленности, онъ говоритъ о сисшематическомъ, полномъ усовершенсшвованіи сшкотоводсшва вообще. Историческія и пракшическія сшвѣдѣнія, кошорыя можно получить изъ сочиненія Г-на Гацци, весьма замѣчашельны, особливо касашельно исторіи коневодсшва и понкшперсшныхъ овецъ въ Германіи. Любопышно шакже, чшдъ Г-нъ Гацци предполашашъ еще возмож-

нымъ прибавишь къ предметамъ сельской производности (срр. 133). Пожелаемъ, чтобы Русскіе хозяева, читая сочиненіе Гацци, думали о приложеніи выводовъ его къ Россіи, во всемъ томъ, что позволяетъ мѣстность и особенный характеръ нашей Сельской экономіи.

— *Краткая Физическая Географія*. Сочиненіе Г-на Макларена. Переводъ съ Англійскаго. Для воспитывающихся въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Спб. 1830 г., въ ш. Морск. Кад. Корпуса, in 8, 224 стр.

— *Теорія и практика Морской Артиллеріи*. Великобританской службы Генераль-Майора Сиръ Говарда Дугласа. *Предложена* съ Англійскаго языка на Французскій, съ примѣчаніями, А. Ф. В. Шарпаншье капитаномъ Артиллеріи, и проч. Съ Французскаго на Россійскій языкъ *предложена* въ 1829 году. Спб. 1830 г., въ ш. Морской, in 8, 178, 68, 94 и 36 стр., съ табл. и рисунками.

Изданіемъ сихъ книгъ, Русская Литтература обязана попечительности начальства надъ Русскимъ флотомъ, и зависящими отъ Морской части заведеніями. Первая напечатана для преподаванія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ; другая для употребленія нашихъ флотскихъ артиллеристовъ.

Мы говорили уже нашимъ читателямъ объ учрежденномъ въ Англій, подъ предсѣдательствомъ Брума, *Обществе для распространенія полезныхъ знаній* (S. for the diffusion of useful-knowledge). Между прочимъ, издаешь оно для про-

ешонароднаго чшенія небольшія руководства, по разнымъ наукамъ и зананіямъ. Сія руководства продаются и порознь; но вмѣстѣ съ ручными книжечками по разнымъ ремесламъ и художествамъ, составляютъ они такъ называемую, *Библиотекъ полезныхъ знаній* (Libr. of useful knowledge). Каждая книжечка пишется по данному отъ Общества плану, и представляетъ свой предметъ, сообразно современному состоянию онаго. Макларенова *Физическая Географія* принадлежитъ къ сей *Библиотекѣ*.

Разсматривая оную, видимъ вообще Англійскій, новый способъ ученія (*), и методу, принятую Бруновымъ Обществомъ: практика, ясность, всевозможное удаленіе отъ ученой *техники* и *теорій*, всевозможное приложеніе къ опытамъ. Для народнаго чшенія въ Россіи, Маклареново сочиненіе не годится. Во-первыхъ, составлена звѣно, въ ряду другихъ, подобныхъ ей книжекъ, отъ Брунова Общества издаваемыхъ, она составляетъ, взявъ сама по себѣ, отдѣльно, многое неполнымъ, дополняется другими книжками; во вторыхъ, чувствительна разница въ потребностяхъ и въ степени образованія народа Англійскаго и Русскаго. О чемъ Макларенъ не хочетъ и упомянуть, то у насъ необходимо сказать надобно; многое-же, о чемъ онъ распространяется, у насъ вовсе излишне. Желательно, чтобы наши Гео-

(*) *Новый*, а не *казенный*, существующій въ казенныхъ школахъ и даже Университетахъ Англійскихъ: они погружены еще въ истеричный схоластикъ!

графы обратили особенное вниманіе на Макларенову книгу, и, сообразивъ его систему, сдѣлали *приложеніе* оной для Русскихъ, просыхъ чинашелей, и для обученія дѣшей. Книга Макларена будещъ еще имъ полезна и пошому, что въ ней собрано многое, опкрышое въ послѣднее время, о чемъ въ нашихъ учебныхъ Географіяхъ еще и помина нѣтъ. Тушъ найдущся опкрышія Парри, Скорезби, Гумбольдша, Броуна, Причарда и другихъ. Такъ, напримѣръ, изъяснены въ ней, просио и крашко, *изотермическія протлженія климатовъ* — превосходная идея Гумбольдша, о которой наши географы не разсуждали заблаго домытъ говоримъ въ своихъ книгахъ, слѣдуя прежней системоу наши круглыхъ климатовъ, шакъ-же какъ слѣдуемъ мы шарому Юліанскому лѣвочисленію. Оно, конечно, легче, и менѣе пребуещъ шруда при сосшавленіи учебной Географіи; но въ Англии шакъ не думаютъ, и по сему-шо, мы полагаемъ, что за переводъ Маклареновой книжки, во многихъ опношеніяхъ, намъ должно бытъ благодарными.

О книгѣ Сира Дугласа, Рецензентъ судимъ не можентъ, не будучи аршиллерисшомъ; но за достоиншва сей книги ешъ добрые поруки. Она быда написана Авшоромъ послѣ войны Англичанъ съ Американцами, въ 1815 году. Англичане увидѣли шогда превосходшво Американской морской аршиллеріи, и Дугласъ, первый предложилъ Англишскому морскому начальшвиу усовершеншвованія, необходимыа для уравненія съ Америкою. Книга его сосшопитъ изъ чешырехъ ошдѣлшій: 1) теорія и пракшика Аршиллеріи вообща,

и приложение оныхъ къ морской артиллеріи ; 2) о морскихъ артиллерійскихъ орудіяхъ; 3) о снабженіи, выспрѣлахъ и употребленіи сихъ орудій. *Четвертое* отдѣленіе содержишь въ себѣ практическія замѣчанія Дугласа о нѣкошорыхъ морскихъ битвахъ Американскихъ и Англійскихъ кораблей, въ послѣднюю Американскую войну. Англійское Адмиралшество изъявило Дугласу совершенную признательность за его трудъ, и по его совѣту многое измѣнено въ Англійской морской артиллеріи. Дюпенъ говоришь о книгѣ Дугласа, въ своемъ: *Voyage en Angleterre*, какъ о сочиненіи превосходномъ. Это побудило Французскаго артиллериста Шарпантье перевести книгу Дугласа на Французскій языкъ. Русскій переводъ одѣланъ съ перевода Шарпантье, при чемъ соблюдены его и Дюпеновы замѣчанія. Все это доказываетъ пользу и важность появленія Дугласовой книги на Русскомъ языкѣ. Переводъ оной ясенъ и хорошъ.

П И С Ъ М А

изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829 году.

III.

Всѣ поминанъ, въ какомъ опчальномъ положеніи находилась Греція въ это время, когда Графъ Капо д'Испрія опсправился принявъ управленіе надъ нею. Половина Мореи во власни Ибрагима; оспальныя крѣпости въ повелѣніяхъ вождей, конхъ себллюбивое и непокорное поведеніе причинило гораздо болѣе вреда Греціи, чѣмъ воусплія Турковъ; Аенины, головныя насилья; Миссолонги уже взяшая; вездѣ голодъ, упадокъ духа, безначаліе и совершенный недоспашокъ во всѣхъ денежныхъ пособіяхъ: шаковы были обспояшешства, когда Графъ Капо д'Испрія выпшелъ на берегъ оспровка Этинны, и выбралъ первыми своими придворными нѣсколько рыбаковъ, набѣгнущихъ Илсарскаго испребленія. Между шѣмъ какъ Колокошпрони закапывалъ свое золото въ Каршенъ, Грива укрѣплялся на скалахъ Паламиди, а Гура, съ вышины Акрополиса Аенинскаго, вызывалъ шакой-же жребій, какой испышалъ чрезъ него Одиссей, новое Правительство пыншалось водворить миръ, раздавалъ оптъ Европейской благошворительности, хлѣбъ шарикамъ, вдовамъ и сиротамъ, голоднымъ.

Таково было происхожденіе этой важной роли, какую начала играть на Восшокъ Этинна;

шакъ , голое прибрежіе , неочищенная гавань и беззащитная деревушка сдѣлались шеапромя важныхъ событій , въ коихъ заключается будущая судьба Греціи. За чепыре года не лзя было соснавившь себѣ полной идеи о Грекахъ , не шолько поболшавшихъ въ грязи Смиривской , или Константинупольской , но даже и наблюдавшихъ какой нибудь одинъ , ошдѣльный пунктъ , морской , или горный , гдѣ вопросъ о независимости занималъ умы дѣлшельно. Теперь , когда всѣ выгоды соединены вокругъ одной , непрерывно усиливающейся власти , Эгина , по моему мнѣнію , замѣняешь объездъ по всѣмъ частямъ Греціи.

Такимъ образомъ , я могъ ушѣшиться въ шомъ , что мало проникъ въ эту Румелию , гдѣ , по видимому , заключается главное зерно свободы ; я могъ менѣ жалѣшь о шомъ , что не посѣщилъ Самосцевъ на ихъ оспровѣ , кошораго почва не была осквернена Турками , и Сфакіошовъ , кошорымъ желаю , чтобы ихъ долѣе упрекали за шо , что они не повѣрили сладкорѣчивымъ обѣщаніямъ Сулеймана-Паши.

Всѣ сполиты , сближая въ одну шочку различные элементы , соснавляющіе каждое государство , подвержены одинакому неудобшву : шамъ шерающа цвѣта и скрывающа всѣ противоположности , въ однообразіи Дворовъ. Но въ Эгитѣ не доснаешъ , именно шого , чтобы уровень власти прошелъ по характеристическимъ физиономіямъ. Посмошрите на это песшрое народонаселеніе , на это смѣшеніе нарядовъ , наръчій , обычаевъ , на эту разнообразную шолпу , шѣсняющуюся въ гавани , въ кофейныхъ домахъ , на площа-

дахъ. Никогда Агора Аѳинская не оглашалась клеветами болѣе смущенными и прошиворѣчивыми. Новостями распространяющіяся, рѣчи обвиняющіяся, самыя непріязненные угрозы высказывающіяся съ доверчивымъ просподушіемъ: кажешся, ежеминутно можно ожидаешь общаго взрыва. Сполько говорили, что Президентъ надобѣль, шакъ-же какъ надобѣли его созданія и семейство; сполько говоримъ о революціи, о кровопролитіи, о мщеніи, и будешь еще говоришь завштра, и черезъ мѣсяць; но весь эполтъ огонь разговоровъ укрощаешся, шакъ-же какъ и у насъ во Франціи, свободнымъ распространеніемъ своимъ. Президентъ, невнимательный по наружности къ симъ пущимъ рѣчамъ, наблюдаетъ мнѣніе и властвуетъ безпокойными и опасными предводителями. Онъ связываетъ ихъ должностями, почестями, приводитъ мало помалу на лѣстницу Правительственной іерархіи, и спокойно позволяешь вырывашься частнымъ недовольствамъ, которыхъ сами дивяшся, что не хощатъ и не могутъ сдѣлать ничего болѣе.

Послѣ пашивѣковаго господства, поддерживавшагося одною силою, и послѣ неизмѣннаго примѣра Турецкихъ или Венеціанскихъ повелителей, ни на одинъ день не складывавшихъ съ себя оружія, и не опускавшихъ подъемныхъ мостовъ своихъ крѣпостей, все это происходить въ городѣ, опкрытомъ, какъ наши деревни, гдѣ нѣтъ ни одного солдата въ гарнизонѣ, и гдѣ домъ Президента едва опличаешся опъ окружающихъ его хижинъ нѣкошорою правильностью постройки. Видно однакожь, что Европейскія идеи коснулись всего этого: на нѣсколькихъ улицахъ шоссе, и

нѣсколько выровненныхъ площадей придаютъ городу видъ новый, радующій душу послѣ грязныхъ берлогъ воспочныхъ. Но, кажется, что благонамѣренное Правительство не простирало своихъ видовъ далѣе сего, и все, что встрѣчается еще угнѣшительнаго при изученіи сего народа, и сирены, все это относится единственно къ самому народу: шаковы — гавань, гдѣ никогда не бываетъ ссоры между мажросами, хижины, гдѣ каждый спитъ безопасно подъ стѣною общей довѣренности, и люди, копорымъ не нужны судилища, потому что между ими нѣтъ пресупленій. Не лзя сказать и того, чтобы Президентъ выбиралъ себѣ народонаселеніе, и что брашство, порожденное несчастіемъ, соединило на нѣкоторое время нѣсколько семействъ беззащитныхъ: въ городѣ обитаютъ всѣ, самыя страшныя вожди, копорыхъ неисповства были всего болѣе вредны дѣлу Грековъ. Они и здѣсь возмутили-бы массы народа, если-бы народъ поддавался возмущенію. Такимъ образомъ можно изучаться въ этомъ сближеніи людей, и видѣть народонаселеніе, по природѣ своей столь мирное, тихое, но имѣющее наружность буйную. Если, вступая въ среду семействъ, вы находите религіозныя чувства безъ хвасливости, особенное уваженіе къ дѣвцамъ и сшарцамъ, согласіе между брашьями, взаимную довѣренность, тихость въ жизни, и весьма немного домашнихъ сплешней; если, продолжая такое изученіе во всѣхъ классахъ людей, вы увидите характерныя черты сихъ частныхъ добродѣтелей тѣмъ разительнѣе, чѣмъ болѣе опуститесь по лѣствицѣ об-

щественной, но не почтете-ли вы себя переменнымъ въ одну изъ ихъ странъ, гдѣ хладъ прищупляешь весь пылъ спрashes и скрѣпляешь узы, связывающіе людей чувствомъ взаимной необходимости? Но, между тѣмъ, никогда столь ясная лазурь не блистала надъ вашею головою, никогда столь шихая и чистая атмосфера не ласкала вашихъ органовъ: это широта Сибариса и Іонія, это климатъ, гдѣ отражаются своимъ вѣчнымъ празднествомъ Кадикъ и Неаполь, гдѣ Турокъ, не внимательный ко всему, сохраняетъ пылкость для однихъ своихъ вѣчныхъ и ненасытныхъ наслажденій, гдѣ, наконецъ, природа какъ-бы успала производить сильныя температуры, и, кажущаяся, закоснѣла въ ушомленномъ развращеніи, вѣчномъ препляшущемъ для успѣховъ добродѣтели и для успій патриотизма и свободы. Спало бышь, что на этой землѣ происходило много страннаго; спало бышь, что и человекъ, обитающій на ней, еще очень нова, когда онъ избѣжалъ онъ всѣхъ опасныхъ наважденій? Человекъ сей — Грекъ; онъ обитаетъ здѣсь; онъ говоритъ языкомъ Эллиновъ, поколѣніа самаго древняго изъ просвѣщенныхъ народовъ Запада; онъ сохранилъ много изъ ихъ обычаевъ, онъ разсѣянъ по всѣмъ городамъ Левантца; онъ сославляетъ шамъ самымъ ничтожнымъ классамъ, занимаемымъ самыми подлыми рабочими, и едва краснѣетъ онъ того, что его спавишь образцомъ извощи и вѣроломства.

Такимъ образомъ, вопросъ о дѣлѣ Грековъ объемлетъ все: въ немъ есть противоположность правовъ и климата, древности воспоминаній и юности народа; самаго дѣла и мнѣнія о немъ:

онъ какъ - бы оправдываетъ , одно за другимъ , общія сужденія о немъ , для того чтобы опровергнуть ихъ всё вмѣстѣ. Будутъ ли и я счастливы въ своихъ быстрыхъ разсужденіяхъ , тѣмъ многіе другіе въ длинныхъ сочиненіяхъ ? Во всякомъ случаѣ , поспѣваемъ налагать какъ возможно ясное наши мнѣнія , каковы-бы ни были они , для того чтобы не приняли за аксіомы нѣтъ событий , которыхъ для многихъ чужакамъ надлежало бы подкрѣпить цѣлою свисою доказательствъ и подтвержденій.

Родъ Эллиновъ почти вездѣ испребился. Черты лица ихъ встрѣчаются только на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага. Если-бы въ другихъ мѣстахъ встрѣтились также образцы сіи , то ихъ можно отнести къ вліяніямъ , всегда постояннымъ , природы и климата.

Съ давняго времени могущественно сближались съ Греческимъ народомъ жители всѣхъ земель , занимаемыхъ нынѣ Турками. Победы Александра приготовили сіе распространеніе ; уславленіе и продолжительное бытіе Восточной Имперіи утвердили его. Сто различныхъ народовъ вступило широкое и составило массу , безъ всякихъ отличительныхъ примѣтъ , кромѣ общей испорченности. Греки находясь въ городахъ Сирійскихъ , Египетскихъ , въ Константинополѣ и въ большей части Малой Азіи ; слѣдственно большая часть ихъ , съ кони спалкивающія путешественники , суть живое слѣдствіе сего смѣшенія.

Древняя земля Эллинская мало участвовала въ этомъ великомъ развитіи. Только одно поколѣніе шамъ увеличивалось значительно , въ по-

время, когда другія упали подъ бременемъ всякаго рода бѣдсвѣй. Многочисленными роями вышедши изъ своего опечесшва, Эпира, оно поспешенно захватило всѣ обломки прежнихъ поколѣній, и придало имъ свою физическую организацію, черпы своей физиономіи и свою нравственную силу.

Албанцы давно обитающъ въ лѣсахъ Эпира; однакожь они оспались народомъ сѣвернымъ. И сила ихъ характера и наружности ихъ — сѣверныя. Я не знаю, до какой степени можно сравнивать сіи шихія переселенія, возобновившія Грецію въ близкое къ намъ время, съ шѣми Ахейскими и Дорійскими вторженіями, которыя древле внесли сѣверный элементъ въ Эллинскую образованность. Не смѣю сказать, шакъ-ли ясно были запечатлѣны своимъ происхожденіемъ всѣ отрасли, поспешенно опрыгавшіяся отъ великаго Фрако-Иллирійскаго древа; но вѣрно ни одинъ человекъ, дѣйствительно знакомый съ древними памятниками, не можетъ не изумляться прѣхавши въ Грецію, когда, спараясь открышь въ чершахъ лица жителей слѣдъ ихъ сродства съ Эллинами, онъ не находитъ почти ничего, кромѣ опроверженія утвердившагося мнѣнія. Боже меня сохрани, чтобы я хотѣлъ сколько нибудь уменьшить участие, какое споль законно возбуждающъ обитатели нынѣшней Греціи! Я думаю, напрѣшивъ, что ясная оцѣнка прѣбуемыхъ ими наименованій, вызывающихъ невыгодное для нихъ сравненіе, я думаю, что эта оцѣнка возвратила-бы къ нимъ многіе умы, положительныя, и упомянушіяся отъ неумѣстнаго призыва къ школьнымъ воспоминаніямъ. Прежде все-

го, слѣдствіемъ этого была-бы та истина, что если нынѣшніе Греки не Элліны временъThemistocles, то они шакже и не Визанціицы эпохи Копронима и Дуки. Легче объяснилось-бы и то, почему въ новыхъ произведеніяхъ, въ одахъ искусства и украшеніяхъ, нѣтъ никакого слѣда прежней, дивной организаціи, сославлявшей величайшую славу древней Греціи? Поняли-бы и то, какъ среди спраны, гдѣ, не смѣля на бѣдствіе народа и ошибки Правительства, все еще живешь вдохновеніе, прелесть и гений, гдѣ въ постройкѣ каждой хижины виденъ вкусъ, простоты и чистоты, какъ среди этой спраны Румелиецъ и Мореецъ продолжаютъ строить свои церкви и хижины съ варварскимъ однообразіемъ и съ холодною безыскусственностью, какъ-бы еще сожалѣя о пѣни своихъ лѣсовъ и защитѣ своихъ скалъ. Меньше дивились-бы шакже, видя множество людей, говорящихъ нарѣчіемъ Фидіаса, и въ поже время чуждыхъ языку нашихъ Искусствъ, кошорыя суть отблескъ Искусствъ ихъ мнимыхъ предковъ. Тогда утѣшились-бы и послѣ вѣчной досады, какую чувствуютъ видя голубые глаза, орлиные носы, бѣлокурые, густые волосы; какъ у Брепоновъ или Германцевъ, и природу сжабую и грубую; переспали-бы искашь воспоминаній объ Аспазіи, глядя на эти головы Θεодолинды, съ ихъ Нѣмецкимъ профилемъ, и нарядомъ, заимствованнымъ у спатуи принадлежатаго сподѣшя. Почему народъ сей, какой-бы онъ ни былъ, говоритъ *Греческимъ* языкомъ, это объясняютъ его мѣспребываніе и вѣроисповѣданіе; шакже, общее происхожденіе и

самое обладаніе землею доспапочно показывающъ, что въ немъ должно бытъ въкошорое сходство съ Эллинами; но понятно и то, почему онъ еще болѣе похожъ на Славянскія племена, обитающія на всѣхъ горахъ Турецкой Имперіи, до Гемуса. Отъ чего народныя ихъ пѣсни, принесшія, во Франціи, болѣе пользы дѣлу Грековъ нежели бы принесли оной сто помовъ похвалъ, отъ чего, не говоря о нарѣчій, напоминающъ онъ споль сильно спихошворенія Сербовъ и Булгаровъ? Понятно, какимъ образомъ знамя Греческое служило пунктомъ соединенія для всѣхъ Христіанъ Греческой Церкви, принимавшихъ равное учасіе въ Греческой революціи. Съ такою-же ясностью можно наблюдать двойшвенный ходъ противоположныхъ преданій: съ одной споронны обломки Греческихъ нравовъ и языка, возышающіеся изъ оспашковъ испорченной образованности и уравнивающіе съ неизмѣнною силою двадцать новыхъ народовъ, въ формахъ и правилахъ общеспва упонченного; съ другой самый духъ сихъ народовъ, еще дикихъ, но чиспыхъ, въ несчастіяхъ и общихъ усиліяхъ полагающихъ основаніе Государспва юнаго, сильного, предназначенаго еще разъ послужить преградой для выпорженій съ Воспока.

Воптъ почему было предназначено Албанцамъ Христіанамъ играшь споль великую роль въ Греческой революціи. Это могущеспвенное поколѣніе, во время оной находилось на краю гибели. Во время господспва Турковъ надобно было выспирашь, или роль преспѣдуемаго, оспаваясь Христіаниномъ, или роль преспѣдовашела, принимая

Исламизмъ. Вся часть Албанскаго племени, рѣшившаяся бытъ ренегатами, опрекалась ошъ своего исповѣданія, не принимая вѣры своихъ власпишелей. Въ рядахъ опспушниковъ она сохраняла свою врожденную силу характера, и упошребляла ее шолько по рещечамъ своихъ выгодъ. Узнашъ приходи своего господина, когда онъ силенъ, низвергнушъ его и раздѣлишъ послѣ него наслѣдство, когда онъ едѣлаешся слабъ, вошъ вся нравственностъ Албанца - Мусульманина, едва умѣряемая душевными и шѣлесными свойшвами, спаринною привязанностью къ нѣкошорымъ республиканскимъ формамъ внушрняго управленія, и неизмѣннымъ спараніемъ опдѣляшъ, сколько возможно, свои дѣла опъ дѣлъ Турковъ. Чшо касаетшя до ихъ опношеній къ Хриштіанскимъ сошешественникамъ, шо эшо были опношенія братьевъ во время междуусобныхъ войнъ, эшо были, и ошакуются донынъ, сострашсія и ненависти, равно чрезмѣрные, происходящіа изъ одного испочника спрашпей и понашій.

Почши и сплючительно занимаа Румелию, Албанское поколѣніе, въ разныа времена населило и Морею; однакожъ шамъ его первоначальная сила уменьшилась. Народонаселеніе опшрововъ, гдѣ общее дѣло было поддерживаемо съ упорспвомъ и преданностью, все Албанскіе. Жипели Ипсары, Идры, Спецдіа, говорятъ еще языкомъ горныхъ Эпирошовъ. Майна присоединилась къ сему средопочію независимости единшвенно по общности выгодъ и обычаевъ; но, соображая себялюбивые пошупки начальниковъ Майны, кажешся, чшо они одни не рѣшились-бы произвеспи революціа.

Острова, дѣйствишельно Эллинскіе, исключая Самось, ошались равнодушны къ послѣдствіямъ, или безсильны пріобрѣсти оныя. Кандія, довольно похожая на Майну, не можешь бышь увѣрена въ независимости. Не говорю о Малой Азіи, гдѣ народъ, и оспавшись Греческимъ, пѣмъ не менѣе народъ Іонійскій.

Оппечатокъ первобытнаго Христіанства, цѣломудренныя семейственныя добродѣтели, о коихъ я говорилъ прежде, и эша неустрашимая сила, опражающаяся въ народныхъ пѣсняхъ, принадлежатъ исключительно Албанцамъ. Они блистають и въ подвигахъ Караисаки, и въ скромномъ убѣжищѣ Канари. Греческая революція ештъ дѣло Албанцевъ. Совершилась-ли бы она безъ богашствъ, безъ коммерческаго ума, безъ образованности шой огромной массы людей, просвѣщенныхъ и испорченныхъ, копорыхъ опбросилъ я на задній планъ? Надобно-ли почтпашъ за ничшо усилія Фанариотовъ распросстранять просвѣщеніе, и эшу идею о сопротивленіи и о единствѣ Греческой Имперіи, щщательно пишасему въ Констанпинополѣ? Другимъ путемъ досшигнувъ тѣхъ-же надеждъ, неужели Ипсилантинъ не заслужили, чшобы ихъ имя было пріобщено къ именамъ Боццарисовъ? Всякой легко поймешъ, чшо эшо уже соспавляетъ разрядъ соображеній, совершенно различныхъ, но болѣе всѣмъ знакомыхъ. Единственна, оспававшаяся для рѣшенія задача была — соединеніе столь разнородныхъ элеменовъ, и мнѣ кажется, чшо эша задача была ясно видна въ Эгинѣ. Какъ ни запруднипельны казались такія сдѣлки, но единство и сила Правительсства способство-

вали ихъ свершенію. Преспуныя надежды нѣкопорыхъ начальниковъ были уничтожены; можно было вѣрить, что ненависть; вообще не столь глубокая, какъ о томъ думаютъ, спавушь ослабѣвашь. Довольно было, если власть болѣе старалась утишашь ихъ, нежели поджигашь, какъ то дѣлали прежде. Нравственнаѧ сила съ одной стороны, богатство и просвѣщеніе съ другой; участіе каждаго, цѣнимое высоко, и чувство взаимной потребности заставляли молчаливаго предубѣжденій. Какъ имъ гордились одни своими пріобрѣтенными средствами, они ощущали внутреннее движеніе, при видѣ этой нравственной силы, кошорой имъ недоставало, и кошорая сдѣлалась ихъ защитою. Касательно другихъ, имъ было достаточно обыкновенной надѣ всѣми властью пшудовъ и золота: тогда Фанарионы участвовали въ дѣлѣ независимости.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ КРЕСТЬЯНЪ

въ Саратовской Губерніи.

Въ испоріи домашней жизни Русскаго крестьянина, равно какъ и всякаго чловѣка другихъ сословій, свадьба соспавляетъ эпоху. Сіе происшествіе часто имѣетъ большое вліяніе на судьбу цѣлаго семейства. Ежели новопріемлемый въ соспавъ его членъ съ хорошими правилами, склонностями и привычками, то сумма благополучія семейства, сверхъ данной, еще на единицу помножается; ежели запрошивъ, то сумма неприятностей, сверхъ данной, также на единицу увеличивается. Въ другихъ сословіяхъ богатство принимается въ расчетъ, и часпо случается, что приданое новаго семейственнаго члена даетъ совершенно другой оборотъ шеченію дѣлъ домашнихъ. Но этого не бываетъ въ крестьянскомъ быту. Свадьба крестьянская заслуживаетъ особенное вниманіе наблюдашеля обычаевъ своими обрядами. Бросимъ взглядъ на нихъ.

Въ крестьянскомъ обществѣ выборъ невѣсты основывается чаще на хорошемъ поведеніи, нежели на наружной красотѣ. При всей своей грубости, крестьяне не пренебрегаютъ и наружною красотой: это у нихъ не послѣднее достоинство. Но качества нравственныя: шихость, трудолюбіе, умъ, добрая

порода — вопъ на чѣо они обращающъ особенное вниманіе. У нихъ не принято, чѣобы женихъ ловиль взоры дѣвушки, увивался вокругъ нея и заранѣ дружился съ своею невѣспою. Опець, машь и родные, озабоченные судьбою холоспяка, если видятъ въ дѣвушкѣ одну приманчивую наружность и больше ничего, шо говорятъ: чѣо намъ изъ ней? Взятъ и смощрѣнь шолько на нее? — Нравственныя доскоинспва дѣвушки берутъ надъ всѣмъ перевѣсъ; шогда говорятъ: она не повѣса, будешь почипашь родныхъ, любилъ мужа, мужъ не будешь безъ рубахъ; она хорошаго рода, а вѣдь хорошая яблонь даешь хорошія яблоки. Опець, машь и родные рѣшающъ выборъ, и женихъ не прекословилъ. Иногда же выборъ невѣспы зависилъ безусловно опъ воли и власни владѣльца.

Какъ-бы шо ни было, но сваповспво начинаелся своимъ порядкомъ. Опець жениха засылаелъ ко-го нибудъ изъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ сватать невѣспу, къ ошцу ея. Дѣлающъ предложене. Когда родилелли невѣспы изъяснятъ на шо свое согласіе, шо, чрезъ нѣкоторое время, приходилъ къ нимъ опець жениха съ нѣкоторыми своими родными, приносилъ съ собою вина и говорилъ имъ: примиле насъ къ себѣ въ родспво. Мы рады, опвѣчаелъ опець невѣспы, коль вы не гребуелте нами. Тушь происходилъ приличное или посильное угощеніе. Нарѣченныя ошашы даютъ другъ другу вѣрное слово. Жениха адѣсь не бываелъ. Не смощра на сіе, нарѣченная невѣспа заочно дарилъ жениха, и даръ вручаелъ будущему своему свекру.

Наканунъ свадьбы опець невѣспы дѣлаелъ вечерній пиръ, или шакъ называемую вечеринку.

На сей пиръ онъ предварительно съзываетъ свою родню, и, не начиная пира, ожидаетъ прихода нарѣченного сваша съ его роднею. Сей послѣдній приходитъ уже съ женихомъ, принося съ собою вина, пива, пшеникъ, курникъ, и хозяинъ встрѣчаетъ его, ласково привѣщивая: Милостивъ прошу! Госпи садятся; пьютъ вино, закусываютъ; чѣмъ Богъ послалъ, какъ говорятъ; но разъ или два чаша зеленого вина обойдетъ гостей, родня невесты осматриваетъ бесѣду; пиръ же продолжается. Доселѣ угощеніе гостей было шѣмъ, что принесено опцемъ жениха; теперь же отецъ невесты начинаетъ угощать своимъ виномъ и хлѣбомъ - солью. Въ шопъ-же вечеръ также бываетъ вечеринка и у отца женихова. Бесѣды расплывающіяся веселыми разговорами; старые вспоминаютъ бывшее, разговариваютъ о судьбѣ помолвленныхъ, словомъ, что придетъ на умъ, и все съ родственною откровенностію. Молодые поютъ пѣсни; и бесѣда длится иногда за полночь.

На вечеринкѣ у отца женихова составляетъ поѣздъ. Лица, въ составъ поѣзда входящія, суть: дружка, поддружье, отецъ и мать крестные, какъ со стороны жениха, такъ и невесты, шьслцкій, и такъ называемые дворане; дружка, который обыкновенно бываетъ парень распорочный, веселый, говорунъ и балясникъ, какъ просолодины выражающіяся, долженъ руководствовать жениха во всемъ, и знать всѣ тайны брака; поддружье помогаетъ ему; отецъ и мать крестные должны благословлять жениха и невесту, и во время вѣнчанія сплывать подлѣ нихъ; шьслцкій — беречь имущество невесты; дворане

злужавъ для пышности свадебной свиты. Въ лѣ повѣздъ; кромѣ женщинъ, черезъ плечо перекрещиваются цвѣтными платками, а женихъ покрываетъ платкомъ, на манеръ женскій.

По утру собирается повѣздъ въ домъ отца жениха. Сборъ повѣзжанъ лежитъ на опшѣшественности дружки. Кони для сего набираются лучшіе. Дѣло начинается уборомъ жениха; на него надѣваютъ красную рубаху, пестрыя порты, сапоги, лучшій кафианъ, шапку также хорошую.

Одѣвши, ведутъ жениха изъ клѣтви въ избу — принявъ благословеніе отъ родныхъ и крестныхъ опцовъ и маперей. Сперва родной опецъ беретъ образъ, спавовится впередъ; сынъ-женихъ дѣлаетъ предъ образомъ при земныхъ поклонахъ, и, перекрестясь, прикладываетъ къ образу. Тоже и тѣмъ-же порядкомъ дѣлають родная мать, и крестные опецъ и мать.

По окончаніи священнаго обряда, на жениха надѣваютъ шапку, и надвинувъ ее на глаза ему, сажаютъ за споль. За симъ, сядяся всѣ повѣзжане, пьютъ вино и — закусываютъ. Вскорѣ, вспавши, помоляся Богу, и опять присядутъ; полкомъ опять вспають и уже идутъ изъ избы вонъ. Выходъ ознаменованъ особенною церемоніею: каждому изъ повѣзжанъ должно спупасть черезъ порогъ дома напередъ правою ногою и — креститься на самомъ порогѣ. Вышедши во дворъ, дружка указываетъ каждому его мѣсто. Сядяся. Тутъ дружка громко кричитъ повѣзжанамъ: слушай весь чесной повѣздъ! скидайте шапки! По гласу его всѣ скидаютъ шапки, и, сядя, крестятся и пворають молитвы; между тѣмъ друж-

ко, съ образомъ въ рукахъ, обходишь съ молитвою три раза вокругъ поѣзда; попомъ оспанавливаешься и говоришь: „Міръ крещёный! Народъ свящёный! благословише нашего Князя къ кресту и къ вѣнцу.“ Всѣ ошвѣчають: „Богъ васъ благословишь, и мы благословляемъ.“ Послѣ сего дружко обращается къ народу, вокругъ сплящему, говоря: „И вы, пѣшки — лебедки, молодыя молодки — кувы шубки, собольи опушки, золошья серѣжки, са „фьянны сапожки — и вы благословише нашего „Князя, какъ опцы съ малперями благословили его.“ Всѣ шакже кричалъ: „Богъ васъ благословишь и мы благословляемъ.“ Дружко, отдавъ образъ крестному опцу жениха, ѣдетъ со всемъ поѣздомъ къ невѣспѣ.

Теперь посмотришь, что дѣлается у невѣспы. Наканунѣ свадебнаго дня, она, предъ вечеромъ, ходишь въ баню, изъ коей возвратившись, начинаешь вопишь, обращаясь къ брашу и невѣшкѣ:

Спасибо тебѣ, родной брашець,
 На дровцахъ сухихъ, передѣшовыхъ;
 А тебѣ родная невѣшущка
 На пару, на банкѣ,
 На мягкомъ, на вѣничкѣ.

Во время вечеринки собираются дѣвушки, подруги невѣспы, и поють пѣсню:

Безъ вѣшра, безъ вихора
 Вѣрешка пошашудася,
 Воромушки ошворилася,
 И боаре во дворъ вѣхали,
 Молодые на крыльцо вошли;

Женихъ Богу молился ;
 Всѣмъ онъ низко клонился.
 Закндался , забросался
 Дѣвицы-красавицы ;
 Свѣшь невѣсшушка
 За дѣвушку скоронилася.
 Скороните меня , дѣвушки ,
 Скороните вы , подруженьки.
 Прибыль погубишель мой ,
 Разлучишь мою головушку
 Съ ошцомъ , съ матерью ,
 Съ родомъ , съ племенемъ. —

Въ вечеръ запой, какъ скоро госпня выйдутъ изъ
 дома ошца ея, невѣсна жалобнымъ воплемъ при-
 чишаешъ :

Кормилецъ мой , башюшка ,
 Книулся имъ , мой башюшка ,
 На злато на серебро.
 Кормилица моя машушка —
 На цѣшно плашье.
 Запоручила вы меня горькую
 За поруки крѣпкія ,
 Молодехоньку ,
 Зеленехоньку.
 Ахъ , кормилецъ мой башюшка ,
 Ахъ , кормилица моя машушка ,
 Не прймайте вы виной чарочки ;
 Не посоль вамъ вина чарочка ,
 Не посоль , не перемѣнушка ;
 Своего посла вы кабываете ,
 Посла вольнаго ,
 Слугу вѣрнаго ,
 Безошвѣшнаго. —

Въ предсвадебную ночь , подружки оставяють невѣсшу до ушра. Поушру онъ опять собирающ-

ся къ невѣстѣ. Тутъ она вопишь и причинаешь,
воплями, опца, родныхъ, подругъ и пр.

1. Опца:

Любезный ты, мой башюшка!
Спалось-ли тебѣ, родной мой?
Не спалось мнѣ во всю шемну ночь;
Во всю ноченьку я думу думала.
Не шемно спало на дворѣ уже,
Заря занимается, —
Мои пѣдруги-разлучники собираются;
Разлучающъ меня съ опцомъ, съ матерью,
Съ моимъ родомъ-племенемъ.

2. Браша:

Родимой ты, брашець мой,
Ты поди-ка въ шемный дѣсъ,
Ты сруби, сруби березонку,
Загради ты нушь - дороженьку,
Чтобы мои пѣдругамъ
Не дѣла было ни пройши, ни профкаши.

3. Подругъ:

Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогнѣвайся моя любезная,
Что тебѣ я не вспрѣшала
Посреди пуши-дороженьки,
Посреди двора широкаго,
Супрошивъ крыльца високаго —
Не по силѣи, не по гордостии,
За своимъ горемъ великимъ.
Вы не будете ко мнѣ ходишь,
Знашь на улицу широкою;
Зарастеешь ваша дороженька
Травой муравою,

Западушь ваши сѣднички
 Бѣлымъ и пушилымъ сѣвкомъ.

Къ жепцинѣ, участвующей въ свипѣ невѣсны,
 она вопишь шакъ :

Ты поди-ка, моя милая!
 (Имя и ошчесиво) !
 Я спрошу тебѣ, надѣючи,
 Ты скажи, меня жалѣючи,
 Каково жишь во чужихъ людяхъ ?

Ошвѣшь жепцину, тоже воплемъ :

Надо жишь во чужихъ людяхъ
 Умѣючи,
 Разумѣючи.
 Чужи люди, словно жемный дѣсь,
 Слово пуча грозная,
 Безъ мороза сердце вызябнешь,
 Безъ бѣды глаза выколошь.
 Въ чужихъ людяхъ будь
 И покорна,
 И пословна.

Послѣ сего невѣсна, не обращаясь ни къ кому,
 изливаешь свои горестныя чувствованія въ слѣду-
 ющемъ воплѣ :

Свѣшь ты, моя волюшка,
 Свѣшь ты, моя нѣгушка,
 У родимой машушки !
 Куда-шо мою волюшку
 Миѣ пустишь будешь ?
 Пуцу я мою волюшку
 Во чистое поле ;
 Пуцу я мою волюшку
 Во шемный дѣсь.
 Въ шемномъ дѣсь она заплашася.

Нѣтъ — нуцу я мою волошку
 По милымъ подруженькамъ.
 Покрасуйшеса, подруженьки,
 Покрасуйшеса, любезныя;
 Поколь вы у башюшки,
 Поколь вы у машушки;
 А я горькая, горемычная,
 Я уже ошрасовалася;
 Ошшунила съ вами я
 Всѣ шушки шушлявыя.

Теперь обратимся къ поѣзду. Онъ изъ дома женихова опца подѣзжаетъ къ дому опца невѣсны и находить вороша запершыми. Дружка слѣзаетъ съ лошади, спучишся въ вороша, крича: „Ошопри!“ Ему ошвѣчаетъ поставленный за ворошами: „Не ошопру; купи мѣсло, тогда ошопру.“ Дружко спрашиваетъ: „Чло тебѣ надо?“ Заворонный ошвѣчаетъ: „Спкляницу вина, и волошую гривну, (другіе-же: спопу денегъ, рѣшено вина,“ — кресьянская оспроша). Дружко наливаетъ ему спаканъ вина и даетъ денегъ; пошпъ выпиваетъ вино, беретъ деньги и ошпираетъ вороша. Поѣздъ вѣзжаетъ во дворъ, повернивается кругомъ на дворъ, я — идець въ избу. Тушъ невѣсна, при вѣздѣ поѣзда во дворъ опашъ начинается вопишь:

Не полѣ вода на широкій дворъ
 Къ моему башюшкѣ вадельяла;
 Вадельяли мои недруги.
 Хошашъ они разлучишь меня
 Съ опцомъ, съ машерью,
 Съ родомъ, съ племенемъ.
 Встрѣчай ны, мой башюшка,

Вспрѣчай, моя машушка,
 Своихъ друзей, моихъ недруговъ,
 Недруговъ разлучниковъ;
 Разлучашь они меня
 Съ ошцемъ, съ матерью,
 Съ родомъ, съ племенемъ.

Попомъ начинаютъ наряжать невѣсту къ вѣнцу;
 невѣстка начинаетъ расчесывать косу ей и сно-
 ва заплешать, а она вопишь :

Свѣшь ты, моя коса русая!
 Свѣшь ты, мой шелковый косычекъ;
 Плечи ты, моя невѣстущка,
 Плечи косу мѣлко на мѣлко,
 Важи узлы крѣпко на крѣпко! —

Заплешши косу, невѣсту обуваютъ въ конпы, на-
 дѣваютъ кипайчашый сарафанъ или кумачникъ съ
 золотыми или мишурными кружевами, голову по-
 крываютъ фашою, и введши въ избу, сажаютъ
 за сполъ. Подлѣ нея садится мальчикъ, братъ или
 выбранный для сего изъ родныхъ, или и чужой. Же-
 нихъ и повѣзжане споятъ. Тушь дружокъ выходитъ
 изъ шолпы, бьетъ плешью по сполу, крича на
 мальчика: „Зачѣмъ сълъ не въ свое мѣсто? выдь
 изъ-за спола!“ „Не выду, ошвѣчаешъ мальчикъ; я
 продаю сеспру; купи ее, тогда выду!“ — Чшо те-
 бѣ надо за нее? — Сшаканъ вина и золошою гривну.
 Дружокъ подноситъ ему вина, даетъ денегъ, и
 мальчикъ выпивъ вино, взявъ деньги, прощается
 съ сеспрюю родною или мнимою — выходитъ изъ-
 за спола. — Опцы и машери начинаютъ благослов-
 лять невѣсту, такъ же какъ и жениха. Попомъ,
 опецъ велишь жениху взявъ невѣсту за лѣвую

руку, и сажаетъ ихъ за столъ. Всѣ садятся. Тушъ начинаютъ пить, закусывать всѣ, кромѣ жениха и невѣсты; имъ до вѣнца не даюшъ ни пить, ни ѣсть, ибо они гостуются къ шампанскому. Предъ ними на столъ лежатъ скаперши, свернутыя, и ложки черенками опъ нихъ прочь.

Во время пированія поѣзда у опца невѣсты, подруги ея, дѣвушки и молодыя женщины, играютъ пѣсни про жениха, обыгрываютъ поѣзжанъ, и наконецъ жениха съ невѣстою вмѣстѣ. Вотъ нѣкоторыя пѣсни :

1-я.

Прилетѣли вольны пшашечки
 Изъ-за моря, моря синяго;
 Переаркиваютъ пшашечки
 По чисту полю, по кустикамъ,
 Всѣ любятся по парочкѣ.
 Только добрый молодець . . . N
 Въ свѣтѣ бѣломъ сиротинушка;
 Опъ тоскуешъ, какъ горька кокушечка;
 Горючими слезами залвается
 Безпріютная головушка;
 Никто къ дѣвинушкѣ бѣдному,
 Никто въ свѣтѣ не приглашается,
 Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ
 Сиротинушки не радуешъ.
 Опъ пойдешъ-ли въ поле чистое,
 Чтوبъ размыкашъ шамъ кручинушку,
 Свое горе и тоску - печаль;
 Тоска, горе безотвязныя.
 Опъ пойдешъ ли во шемны лѣса, —
 Не скрываетъ шамъ кручинушки.
 Изываетъ все сердечушко
 Опъ печали въ доброшъ молодцѣ.

Видеть, сохнеть въ одиночествѣ,
 Будшо правка среди поля дикаго.
 Не мнѣ молодцу и Вомиѣ свѣтъ.
 Одна N. смалнлась
 Надъ бѣднѣшкой, сиротиноушкой,
 Приласкала, приголубила
 Безпрѣшную головушку;
 Полюбила красна дѣвушка
 N. дѣшнѣшку;
 Приодѣла фашой шелковою,
 Назвала его дружкой мленькимъ —
 И прошла его печаль - кручиннушка!

2-я.

Не было вѣшуру, да повануло;
 Не было гостей, да наѣхало —
 Положь дворъ золошыхъ карешъ,
 И Воаръ, и Князей;
 Вышухали, выпугали
 Соловья изъ саду зелѣнаго.
 Расплакалась дѣвцица,
 Расшумилась красница,
 О своемъ соловушкѣ,
 О красѣ дѣвичьей.
 Не плачь, не шуми;
 Солью шебѣ золошу чару,
 И койнаю соловья въ саду. —

3 я.

Черна лгода смородина
 Прилежала къ крушу березку;
 Прилежали кудри русма
 Къ лицу бѣлому, румяному;
 Русм кудри по плечамъ лежатъ
 На N. (има и омчешно жениха);

Декабрь 1830.

Брови черны, что у соболя,
 Очи ясны, что у сокола,
 Слышишь-ли (опиши имя и общество его)?
 Мы тебѣ пѣсню поемъ,
 По имени называемъ,
 По обществу величаемъ;
 Сшанешь даришь,
 Сшанемъ хвалишь;
 Не сшанешь даришь,
 Сшанемъ коришь.

Тутъ женихъ даришь дѣвушекъ деньгами. Пошомъ обыгрываютъ сваху:

Ты, хорошая боярыня,
 Хорошо наряженная,
 Въ большое мѣсто посаженная,
 (Имя и общество ея),
 Слышишь-ли, мы тебѣ пѣсню поемъ, и проч.

Далѣ обыгрываютъ каждого поѣзжаннаго поименно:

Ахъ, ты умная головушка,
 Ты окладиста бородушка!
 Ты охошникъ по прагъ ходишь,
 Пѣсни слушаши;
 Ты охочь пѣвицъ даришь,
 Не рублемъ даришь, не полщиною;
 Не полщиной, золотою гривною.
 Слышишь ли? и пр. и пр.

Веселіе пира оканчивается слѣдующею пѣснью:

Ты камка, камочка моя,
 Ты камка мѣлкошравчатая,
 Мѣлкошравчатая, узорчатая!
 Не давайся никому развѣртиматься,

Ни князю, ни барину,
 Ни емилю госпшному.
 Онъ волю надъ шобомъ взялъ —
 Шелковую фану приподнялъ;
 Онъ свою невѣсшу выгладѣлъ,
 Выгладѣлъ, новикомъ шрѣлъ: —

Наконецъ наснааетъ минуша, съ кошорой невѣсша уже не будешъ болѣе принадлежать родишельскому дому, оплешинишь опъ своего роднаго гнѣзда, гнѣзда шеплаго, и оплешинишь навсегда, съ кошорой кончишя сирое одиночество молодаго парня; онъ будешъ имѣниъ слушницу жизни и дѣлишиъ съ нею горе и радость. Дружко произносишь слово: пора! и весь поѣздъ шумно вспааетъ изъ за шпола; всѣ выходяшь, шакже спупая чрезъ поѣрогъ избы правою ногою и кресплясь. Невѣсшу и жениха ведущъ ошець и машь креспные. Подопедани мѣ шгѣлегѣ или саямѣ; женихъ сажаешъ невѣсшу; самъ-же садиниъ рядомъ съ креспнымъ опцемъ и шысацкимъ въ шгѣлегу или сани, а иногда и верхомъ. Ѣдушь со двора къ вѣнцу. Но, опъѣхавъ немного опъ дома, весь поѣздъ ошпанавливаешся; дружко и поддружье ворочаюшя въ домъ опца невѣсшы, выкупаиъ ея посшель. Тушь дружко даришь подругъ невѣспинныхъ деньгами и поишь виномъ. Ему опцаюиъ невѣспину посшель. Пошомъ поѣздъ уже безоспановочно ѣдешъ до церкви.

На пути къ церкви шри встрѣчи должно поишь виномъ — изъ опасенія, чшобы злой человекъ, какъ прешслюдины вѣршиъ, не сглазилъ

новобрачныхъ, или не перешелъ дороги, ибо, по ихъ суевѣрному понятію, это полагаетъ основаніе нелюбви между мужемъ и женою. По прѣздѣ къ церкви, женихъ высаживаетъ невѣсту; крестные отецъ и мать ведутъ новобрачныхъ, а дружка и подружье идутъ къ Священнику звать его совершить надъ ними цѣлинство.

Обрядъ Церкви всѣмъ извѣстенъ и для всѣхъ одинъ. У простолудиновъ, по окончаніи онаго, Священникъ заставляетъ новобрачныхъ также просекрально ѣловаться. Въ пранезѣ церкви, головной уборъ новобрачной изъ дѣвичьяго перемѣняютъ въ женскій, т. е. вмѣсто плашка, надеваютъ на голову ея повойникъ, на него кокошникъ или волосникъ, и обвязываютъ шапою.

По совершеніи цѣлинства выходятъ — мужъ опять сажаетъ жену, и весь поѣздъ ѣдетъ въ домъ отца его. — На возвратномъ пути дружка и подружье всякому встрѣчному кланяются, привѣщивая: „Милости просимъ къ нашему новобрачному князю на сыръ каравай!“ Встрѣчающіеся отвѣщиваютъ на поклонъ и зовъ только поклономъ.

Прѣздъ поѣзда въ домъ спорожатъ. Въ ворошках кто-нибудь изъ родственныхъ мужчинъ спонитъ, и какъ скоро поѣздъ спанетъ въѣзжатъ въ ворота, по его осыпаютъ хмѣлемъ. Далѣе — у крыльца избы, отецъ и мать ожидаютъ молодыхъ съ образомъ и хлѣбомъ - солью. Молодые подходятъ, молясь образу; потомъ отецъ и мать вводятъ ихъ въ избу и сажаютъ за столъ вмѣстѣ со всеми поѣзжанами. — Черезъ нѣсколько минутъ дружка и сваха ведутъ ихъ въ другую избу, или въ клѣткъ.

Подходятъ — двери заперты изнутри. Тамъ из-готовлена для молодыхъ постель, на которую предварительно кладутъ мужа съ женою, согласно живущихъ, для, какъ говорятъ, обогрѣнія оной. Сія послѣднiе на спукъ дружки опираютъ двери и молодые входятъ. Здѣсь уже подносятъ имъ вина, сажаютъ за накрытый столъ, кормятъ, какъ слѣдуетъ, поятъ пивомъ; наконецъ, раздѣвъ и уложивъ, запираютъ.

Между пѣть въ избѣ идетъ, такъ называемый, горячій столъ для поѣзжанъ и госпей. Здѣсь многокрасно чапа зеленого вина и спаканъ пива обходятъ шумную бесѣду пирующихъ. Пиръ идетъ, но дружка помнитъ свое дѣло, часто прислушивается у двери, не проснулись-ли молодые: на немъ лежитъ обязанность важная. Но молодые проснулись, дружка слышитъ, опроремьью бѣжитъ въ избу, беретъ сваху и идетъ съ нею поднимать съ постели молодыхъ. Они развѣдываютъ завѣтную шайну брака, и — введши молодыхъ въ избу, не скрываютъ оной отъ отца и матери, и родныхъ. Тайна дѣлается гласною; шумъ внезапно подымается крикъ, спукъ, громъ, пьютъ вино и пиво, бьютъ рюмки, спаканы, посуду — все, что попадется, и поютъ пѣсни. Молодые здороваются съ отцемъ и матерью, и всѣмъ почтительно кланяются. Дружка, отецъ и мать крестные, опираются звать отца и мать невобрачной въ гости, съ ихъ роднею; сія гости называются *гарными*.

Прежде гарнаго стола молодые начинаютъ дарить, кого и чѣмъ могутъ; всего чаще на сія дары употребляются плашки. Сія церемонія про-

исходящъ слѣдующимъ порядкомъ: дружко на блѣдѣ подноситъ свернутый даръ къ шому, кого хощашъ даришь; поддружье — сыръ каравай, ш. с. изрѣзанный въ куски курникъ; креспный ошецъ новобрачнаго — спаканъ вина. Дружко вызываешъ шого, кого слѣдуетъ даришь, симъ забавнымъ привѣщивіемъ:

Во горницѣ во свѣшлой,
 Во бесѣдѣ во ческиной,
 Кто ешь *такой-жа* (кня и ошчесиво)?
 Изволь повмещунить,
 Клямова челобитья повмслушать;
 Въешь веломъ князь съ княгиней
 Сырмиъ караваемъ;
 Сыръ каравай приише,
 А волошю гривну положише.
 Наше дѣло на новѣ;
 Много надобно:
 На шидьца,
 На кмальца,
 На кривыя верешенцы;
 На шокія полошенцы.
 Надо намъ коня купишь —
 Воду возишь;
 Вода-шо хощь и блеко,
 Да ходишь-шо слезко. —

Съ симъ словомъ молодые падаютъ въ ноги и лежатъ на полу. Вызванный къ дару беретъ спаканъ съ виномъ или пивомъ, пьещъ, и, если захочешъ, съ оспановкою; пріоспановясь-же говоришь: *горько!* Молодые должны понимать, что значить слово: *горько!* Они должны вспасть, поцѣловашься и — опять упасъ въ ноги. Это иногда продолжается до нѣсколько разъ, и значить

ломаться надъ молодыми. Когда-же кончили съѣзжати, что беретъ съ блюда даръ, упираешься имъ, и, закусивъ курникомъ, кладешь сколько нибудь денегъ. Молодые вспаютъ и оба цѣлуютъ его. Такъ дарятъ всѣхъ почешныхъ госпей!

Передъ вечеромъ отецъ новобрачной, или свахъ, приходитъ съ многолюдною шолою родни и бываетъ угощаемъ со всѣмъ радушіемъ, ласкою и привѣтливостію. Въ шопъ-же день или на другой, свахъ съ молодыми, и нѣкоторыми родными, пируетъ у сваха. И симъ оканчивается все шоржество свадьбы.

Андрей Леопольдовъ.

1831 года.

Саратовъ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ВСѢХЪ ЯЗЫКОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

(Продолженіе).

Е В Р О П А.

ЯЗЫКИ ИБЕРІЙСКО-ЦЕЛТИЧЕСКІЕ.

I. БАСКСКОЕ, ИЛИ ИБЕРІЙСКОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Турдетанъ*, *Лузитанъ*, *Кантабровъ*, *Карпетанъ*, *Цельтиберіанъ*, *Васконовъ*, *Астуровъ*, *Турдуловъ*, *Флерестовъ*, *Аквитанъ*, *Осковъ*. Немногія надписи сушь единственныя памятники языковъ, которыми говорили вышеозначенныя народы, жившіе въ Испаніи, и ошчаспи въ Галліи (Франціи) и Италіи.

— 154. *Эскуарасскій*; или *Баскскій*, языкъ обипашелей Бискаіи и Наварры, есь единственный живой оспашокъ языка древнихъ Иберійцевъ.

II. ЦЕЛТИЧЕСКОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Битуриговъ*, *Эдовъ*, *Сеноновъ*, *Паризовъ*, *Венетовъ*, *Аллобровговъ*, *Секвановъ*, и другихъ обипашелей древней Галліи; *Бельговъ*, *Трезеровъ*, *Нервовъ*, *Мелановъ*, и другихъ обипашелей древней Бельгіи; *Силуровъ*, *Иберновъ*, *Скотовъ*, *Кантовъ*, и

другихъ обитателей древней Британіи; *Гельветовъ*, *Боіовъ*, обитателей на югѣ древней Германіи, *Ликуровъ*, *Инсубровъ*, *Ценомановъ*, обитателей древней Италіи, *Цельтовъ* древней Іберіи (Испаніи) и проч.

— 155. *Галлическій*, или *Эрскій*, въ Ирландіи, верхней Шотландіи, и на оспровахъ. Это языкъ *Оссіана*.

— 156. *Кумбрскій*, въ нѣкошорыхъ областяхъ Франціи (*Бретонскій*), и въ Англіи (*Вельшскій*, *Валлонскій*, или *Валлійскій*).

ЯЗЫКИ ЭРАКО - ПЕЛАЗГІЙСКІЕ, ИЛИ ГРЕКО-ЛАТИНСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ЭРАКО-ИЛЛИРІЙСКОЕ.

— Языки умершіе, народовъ: *Фригіянъ*, *Троянъ*, *Вивонійцевъ*, *Лидіянъ*, *Каріянъ*, *Киммеріянъ*, *Мизіянъ*, *Даковъ*, *Гетовъ*, *Македонянъ*, *Иллиріянъ*, *Панноновъ*, *Венетовъ*, *Сиколовъ*, и др.

— 157. *Албанскій*, или *Арнаутскій* (Скиптарскій), языкъ нынѣшнихъ Албанцевъ, или Арнаушовъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ ЭТРУССКОЕ.

+ 158. Языкъ *Этрусковъ* или *Тирреновъ*. Имъ еще говорили при Императорѣ Клавдіи. Нѣсколько письменныхъ памятниковъ сего языка дошло до насъ.

III. ПОКОЛѢНІЕ ПЕЛАЗГО-ЭЛЛИНСКОЕ.

— Сюда причислишь должно древнихъ *Пелазговъ*, *Лелеговъ*, *Перреговъ*, *Феспротовъ*,

Молоссовъ, Критянъ, Эотровъ, Аркадлянъ, Тирреновъ, Эллиновъ, или Грековъ.

+ 159. *Эллинскій, или древній Грегескій* — языкъ Омира и Пандара, Иродота и Фукидида, Эсхида и Аристофана, съ его разными нарѣчіями, какъ-шо: *Іонійскимъ, Дорійскимъ, и проч.*

— 160. *Ромейскій, Агла-Эллинскій, или Новоэрегескій*, съ нѣсколькими нарѣчіями.

IV. ПОКОЛѢНІЕ ИТАЛИЧЕСКОЕ.

— Языкъ древнихъ *Опиковъ, или Аборигеновъ Италіи*: *Эвгановъ, Авзонювъ, Лукановъ и Брушіянъ, Пиценовъ, Лапиновъ, Сабинянъ и Самниповъ.*

+ 161. *Латинскій*, образовавшійся въ Римѣ, коего древнѣйшій памятникъ имѣемъ мы въ пѣсняхъ Арвалійскихъ брагій. Богатыя, древняя и схоластическая, лингвистическая Лапинскія слѣдствія извѣстны.

— 162. *Романскій*, древній Римскій, прощонародный языкъ, изъ коего образовался потомъ языкъ Трубадуровъ. Остатки его и нынѣ живы въ обласныхъ нарѣчіяхъ Испаніи (*Каталанское, Валенцкое, Маіоркское*), Франціи (*Дамедокское, Провансальское, Дофинейское, Ліонское, Оверньское, Лимузинское, Гасконское*), Швейцаріи, по берегамъ Средиземнаго моря (*lingua-Franca*).

— 163. *Итальянскій* языкъ, съ его нарѣчіями: *Піэмонтскимъ, Ломбардскимъ, Тирольскимъ, Сардинскимъ, Калабрійскимъ, и другими.*

— 164. *Французскій*, съ нарѣчіями: *Пикардійскимъ, Фламандскимъ, Валлонскимъ, Бретонскимъ, и другими.*

— 165. *Испанскій*, или собственно Каспильскій, съ нарѣчiami: Асшурійскимъ, Галлицкимъ, и другими.

166. *Португальскій*, съ нарѣчiami: Альгабрскимъ, Бразильскимъ, Геральскимъ, и другими.

167. *Волошскій*, или Дако-Лашинскій, языкъ Руминовъ, общапелей Молдавіи, Валахіи и опшасши Булгаріи и Россіи.

ЯЗЫКИ ГЕРМАНСКІЕ.

— Языки древнихъ *Кимеровъ*, *Херусковъ*, *Готтовъ*, *Скандинавовъ*, *Нордманновъ*, *Франковъ*, *Пиктовъ*, и другихъ многочисленныхъ народовъ. Изъ нихъ нынѣ извѣстны —

I. ПОКОЛѢНІЕ ТЕВТОНСКОЕ.

Народы: *Басторны*, *Войовары*, *Маркоманны*, *Аллеманны* и проч.

+ 168. *Старый Верхне-Нѣмецкій* — языкъ Кяра Великаго, Миннезингеровъ и Нибелунгъ.

— 169. *Нѣмецкій* (Deutsch), съ разными его нарѣчiami, какъ-шо: Швейцарскимъ, Франконскимъ, и другими.

II. ПОКОЛѢНІЕ САКСОНСКОЕ.

Народы: *Кимеры*, *Саксоны*, *Англы*, *Херуски* и проч.

+ 170. *Старый Нижне-Нѣмецкій* — языкъ въ Гельденбухъ.

— 171. *Новый Нижне-Нѣмецкій* (Neue-Plattdeutsch), въ Саксоніи, Голштиніи, и другихъ мѣстнахъ.

— 172. *Фризонскій* — переходъ къ языку Вапавскому, по Эльбѣ и Рейну.

— 173. *Голландскій* (Neerlandais), съ Фламандскимъ нарѣчіемъ.

III. ПОКОЛѢНІЕ СКАНДИНАВСКОЕ.

+ 174. *Мезо-Готскій*, сохранившійся въ переводѣ Библии, Улфилы (IV вѣка).

+ 175. *Нордманнскій* — языкъ Эдды.

176. *Норвежскій* (Norgoena tunga), языкъ Скальдовъ и Исландцевъ (нынѣшній языкъ Норвегіи есть отрасль новѣйшаго Датскаго).

— 177, 178. *Шведскій* и *Датскій*. Отъ каждаго изъ нихъ есть особыя нарѣчія; какъ-шо: Далекарлійское, Юшландское, и проч.

IV. ПОКОЛѢНІЕ АНГЛО - БРИТАНСКОЕ.

+ 179. *Англо-Саксонскій* — древній языкъ Англійскій;

— 180. *Анелійскій*, нынѣшній, съ нарѣчіями его: *Шотландскимъ*, и другими.

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ИЛЛИРІЙСКОЕ.

— 181. *Славянскій*, Сербскій, или Иллирійскій, языкъ Адриатическихъ, или южныхъ Славянъ.

— 182. *Русскій*, съ разными его нарѣчіями.

— 183. *Хорватскій*, языкъ Кроатскихъ Славянъ.

— 184. *Виндскій*, языкъ Славянъ въ Карніоліи, Каринціи, и др. мѣстахъ.

II. ПОКОЛѢНІЕ БОГЕМО-ПОЛЬСКОЕ.

— 185. *Боемскій*, или Чешскій, языкъ Богемцевъ, Словаковъ, Моравовъ, и другихъ.

— 186. *Польскій*, языкъ Ляховъ, или Поляковъ.

— 187. *Сорабскій*, или Вендскій, въ Луваціи.

III. ПОКОЛѢНІЕ ВЕНДО-ЛИТОВСКОЕ ИЛИ ГЕРМАНО-СЛАВЯНСКОЕ.

+ 188. *Вендское* собственно, коего остатковъ находимъ у Люнебургскимъ Полабовъ.

+ 189. *Древній Порусскій*, или *Прусскій*, сохранившійся въ нѣкоторыхъ письменныхъ памятникахъ.

— 190 и 191. *Литовскій* и *Леттскій*, древній Кривичскій языкъ, и его нарѣчія.

ЯЗЫКИ УРАЛЬСКІЕ ИЛИ ЧУДСКІЕ.

I. ПОКОЛѢНІЕ ФИНСКОЕ.

192—195. Языки: *Финновъ* (Суомовъ); *Эстонъ*, *Лапландцевъ* (Самовъ), *Ливовъ*, живущихъ въ Сѣверъ Россіи, въ Швеціи, Финляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи.

II. ПОКОЛѢНІЕ ВОЛЖСКОЕ.

196—197. Языки: *Черемисовъ* (Мари) и *Мордвы* (Ерсановъ и Мокшанъ). Къ первымъ принадлежатъ *Тепляри*.

III. ПОКОЛѢНІЕ ПЕРМСКОЕ.

198—199. Языки: *Пермяковъ* (Коми, или Зырянъ), и *Вотляковъ* (Уди, или Удмурдовъ).

IV. ПОКОЛѢНІЕ УГРОВЪ.

200. *Венеерскій* (Маджарскій), языкъ Венгровъ.

201. *Вогульскій* (языкъ Манзи, или Вогуличей), и

202. *Остякскій* (языкъ Ассяковъ, Вауслягановъ, и другихъ Оссяковъ).

ЯЗЫКИ НЕИЗВѢСТНЫЕ.

+ 203—266. *Гунжскій, Аварскій, древній Булгарскій, Хазарскій.* Никакого памятника сихъ языковъ не оспалось, кромѣ именъ собственныхъ и названій географическихъ. Но они были различны между собою, и оспались отъ другихъ.

И шого въ Европѣ:

Пясть главныхъ отдѣленій: *Иберійско-Цельтическое, Фрако-Италийское* (Греко-Латинское), *Германское, Славянское, Чудское* (Финнское, или Уральское). *Четыре* языка находимъ совершенно неизвѣстныхъ, погибшихъ. Нѣкоторые сохранились только въ памятникахъ, другіе въ бѣдныхъ оспашкахъ. Всѣхъ-же вообще *языковъ* - *собственно*, живыхъ и мертвыхъ, полагающъ въ Европѣ болѣе 50. Почти каждый языкъ, или языкъ особа нарѣчія:

(До слѣд. книжки).

.....

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Скипаясь бездомнымъ спранникомъ на берегахъ Чернаго моря, вдохновенный поэтъ Русский говорилъ бурному сыну Океана :

. . . Куда-бы нытъ,
 Я пушь безпечный усремлять ?
 Однѣз предметъ въ швоей пушмнѣ
 Мою-бы душу поразилъ,
 Одна скала — гробница славы . . .
 Тамъ погружались въ мрачный сонъ
 Воспоминанья величавы !
 Тамъ угасала — Наполеонъ !

Могила Наполеона! Сколько думъ шрещептъ въ
 сихъ *двухъ словахъ!*

Да будешь омраченъ позоромъ
 Тошъ малодушный, кто въ сей день
 Безумнымъ возмутишь укоромъ
 Его развѣчанную швь !

Подъ горящимъ небомъ Африки, въ волны Атлантическаго океана брошена скала. Обгорѣлые унесы возвышающя по берегамъ ея опшѣнными слѣвнами ; слѣды волканическихъ пожаровъ напечатлѣвны всюду. Но вулканъ давно погасъ ; Африканское солнце грѣптъ впу дикую скалу ; природа одѣла ее шучною зеленью ; люди поселились на ней, успавили ея дикіе камни пушками — впо приспанище кораблей, плывущихъ изъ Индіи въ Европу, или изъ Европы въ Австралію, впо — *островъ Св. Елены!*

Идите на грозныя скалы сего острова, спускайтесь въ долины его, поднимайтесь на его утесы. Видите-ли вы эту прибрежную оплосось, на 1762 фуза возвышающуюся надъ поверхностью моря? Это *Лонгвудъ*. Бошь и шо бѣдное зданіе —

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
 Изгнанникъ (*) помнилъ звукъ мечей,
 И льдистый ужасъ Полуночи,
 И небо Франціи своей!

Въ домѣ, гдѣ жилъ онъ, шеверъ псмѣспилан Англичане складочный магазинъ муки и крупы, для гарнизона. Тамъ, гдѣ спояла кровать, на которой въ послѣдній разъ вспомнилъ онъ великія бишвы свои, Францію и сына — спояшь шеверъ лошадиныя ясли: спальня его обращена въ конюшню . . . Чему вы изумляетесь? Не шакъ-ли все въ мірѣ?

„Тихо вхали мы“ — пишеть путешественникъ, недавно посѣщавшій островъ Св. Елены — „по извивислымъ, узкимъ дорожкамъ. Обгорѣлыя скалы, почернѣвшія рышвины — Даншевъ адъ, и Камонсовъ островъ веселья въ шѣхъ мѣсахъ, гдѣ шекла свѣжая вода, и зелень, яркими цвѣтами покрывая землю, лялялись намъ непрерывно, и попеременно. Наконецъ вдали показалась узкая долина; огромные, обрывислые горные утесы окружали ее. Надобно было сойдши съ лошадей, и спускашья внизъ: это *долина Синская* (Sinn). Самыя фанпаспическія формы представляеть зрѣлище этой долины. Обвалившіеся, раз-

(*) Изгнанникъ еселенной — высокая мысль пошца!

бѣлые утесы кажутся изображеніемъ хаоса; яркіе дуга, свѣшдая вода между цвѣшущихъ кустарниковъ, обольщаютъ зрѣніе. Темныя сосны занимаютъ узкую часнь Сиинской долины. За ними слѣдуютъ огромныя герани, съ огненными своими цвѣтами, возвышаются Европейскія каштановыя деревья, распухъ Нормандскія яблони, ручей бѣжитъ сквозь огромныя папоротники — все улыбается въ этомъ уголкѣ долины. — Нѣсколько шаговъ впередъ — голая, обожженная земля, черныя, красныя обломки камней, испещренные орою, преснувшіе утесы, падающіе каменья — опустошеніе и смерть, пишина и жизнь!

Англійскій инвалидъ подошелъ къ пушечносивенникамъ. На киверъ его была надпись: *Waterloo.* — „*Вашъ билетъ, джентельменъ?*“ сказалъ инвалидъ. — Взглянувъ на билетъ, данный Губернашпорожъ, онъ повелъ спутниковъ дальѣ. Нѣсколько огромныхъ, плакучихъ ивъ склонили вѣтви свои къ землѣ; подъ ними увидѣли пушечносивенники бѣлый, проспой камень, положенный почти вровень съ землею, и окруженный желѣзною рѣшеткою. Это могила. Чья это могила? На ней нѣтъ ни надписи, ни какихъ знаковъ — и на что ихъ?

*Ici git . . . point de nom! . . . demandez à la terre!
Ce nom? il est inscrit en sanglant caractère,
Des bords du Tanais au sommet du Cédar,
Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
Et jusque dans le coeur de ces troupeaux d'esclaves]
Qu'il fouloit tremblants sous son char.*

*Depuis ces deux grands noms qu'un siècle au siècle annonce,
Jamais nom qu'ici bas toute langue prononce
Sur l'aile de la foudre aussi loin ne vols.*

Декабрь 1830.

28

Jamais d'aucun mortel le pied qu'un souffle efface,
N'imprima sur la terre une plus forte trace,
Et ce pied s'est arrêté là!

Пирамиды и Саррагосса, Кремль и Маренго,
Аусперлицъ и Березина, Иена и Ватерлоо, Лейп-
цигъ и Ваграмъ . . . Нѣтъ! надъ этою могилою
все должно умолкнуть — и благословенія, и про-
клятія. Шуми, Океанъ! окрестъ его гробницы!
Дума Испорія еще не рѣшена, а голосъ сире-
нѣй — да исчезнетъ въ шумъ швоемъ!

Son cercueil est fermé! Dieu l'a jugé! silence!
Son crime et ses exploits pèsent dans la balance:
Que des foibles mortels la main n'y touche plus!
Qui peut s'ouder, Seigneur, ta clémence indigne?
Et vous, fœux de Dieu! qui sait si le génie
N'est pas une de vos vertus? . . .

Изображеніе могилы Наполеоновой, приложен-
ное при сей книжкѣ Телеграфа, взято съ ис-
шампа, гравированнаго въ Лондонѣ Мейеромъ,
по рисунку, съ натуры сляшому Рубиджемъ.
Онъ посвятилъ его Графинѣ Бершранъ, супругѣ
вѣрнаго спутника Наполеонова въ изгнаніи, Графинѣ
Бершрана.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Бѣдствіе Французскихъ мореходцевъ, спасшихся послѣ разбитія Французскаго фрегата *Медузы*, составляетъ одно изъ самыхъ ужасныхъ событій въ запискахъ мореходства.

Фрегатъ *Медуза* былъ отправленъ изъ Франціи въ Сенегальскія колоніи, Юня 17-го 1816 года. Юля 2-го, въ большомъ разстояніи отъ всѣхъ береговъ, онъ разбился о подводный камень. Съю пятьдесятъ человекъ спаслись съ фрегата на плось, сославленный наскоро изъ обломковъ корабля. Но здѣсь начались ужаснѣйшія ихъ бѣдствія. На утломъ своемъ плосу, почти безъ припасовъ, ежеминутно ожидая смерти, среди открытаго моря — *двенадцать* дней носились по волнамъ несчастные; лишенные всякой надежды! Описаніе спрдааній ихъ заставляетъ содрогаться. Съю шридцать пять человекъ погибли жертвою холода, голода и перваго всякаго рода! Наконецъ, въ шринадцатый день, оспальные спрдаальцы увидѣли корабль. Сколько доставало у нихъ силъ, спарались они дасть себя замѣнить, но — *корабль удаллся!* Они говорили въ послѣдствіи, что ужаснѣе этихъ мгновений для нихъ не было, во все время ихъ бѣдствій. . . Къ счастью, корабль, котораго видѣли они, оборотился къ нимъ снова, и на шоптъ разъ съ корабля ихъ замѣнили и спасли.

Живописецъ Герико (Géricault), поразившимъ чистотѣю описанія, какое издали пошомъ спасенію-ся спрдаждѣю, изображалъ бѣдсикіе ихъ, на огромной каршинѣ. Произведеніе его было показано публикѣ на выспавкѣ произведеній Французской живописи въ 1819 году. Нынѣ находишься сія картина во Французскомъ Музеѣ, въ Луврѣ. Рейнольдъ выгравировалъ съ нея эстампъ (en mezzotinte). Очеркъ эстампа приложенъ при сей книжкѣ Телеграфа.

Знаткии жестоко наадали на Герико. Они говорили: „Почему живописецъ сдѣлалъ картину свою столь огромною (15 футовъ вышины и 23 ширины)? Для событій часнаго не должно умиробавлять такого обширнаго размѣра; онъ годится только для событій всеобщихъ, или многосложныхъ: битвъ, коронацій, и проч. Да и кто купитъ такую громадную картину? Гдѣ прикажутъ ее помѣстить? Для чего, скажете намъ, не обдѣлаетъ предметъ?“ говорили еще — „Мы не видимъ моря: это люди, плывущіе на плосу, а не мореходцы. — Что напоминаешь здѣсь, что это разбишіе *фрегата Медузы*? — Видишь фигуры, разнообразныя, многія прекрасныя, а почему узнаете вы, что это бѣдсплывущіе мореходцы съ Медузы. Все таки этого мы не узнаемъ!“ — Охудали еще темныя краски, освѣщеніе, издающее только на средину картины Герико, и проч.

О послѣднемъ судить не можемъ, а все прочее, не во гнѣвъ *знатокамъ*, кажется тамъ очевидно неистинно.

Довольно странно указывать художнику на развѣръ картины, и, по большей или меньшей общности предмета, заказывать ему мѣрку полотна. Доказательство, что заботы о несбытѣ картины были пустыя, есть то, что Французское Правительство купило ее, и нашло мѣсто гдѣ помѣститъ. И какъ будто художникъ долженъ думать, прислушая къ работѣ: купятъ-ли у меня картину? Хорошо онъ будетъ! — Что знайоки видѣли плохъ, прекрасныя фигуры, но не видѣли моря, и признаковъ *Медузы* — это очень забавно! Что-же это за дикія волны поднимающія кругомъ? Что значить это разнообразное опечаленіе, грусть, тоска, безнадежность, это исперганіе, съ какимъ усиліемъ идетъ народъ къ какому-то вдали находящемуся предмету, это многоразличное мученіе смерти кругомъ — неужели все это *ничего* имъ не высказывало? Неужели имъ надобно было именно имя *Медузы*, чтобы возбудить чувство ужаса и состраданія? Такъ — то судятъ *знающіе люди*! И съ какимъ презрѣніемъ Герико долженъ былъ смолчать на вѣдѣхъ судей, разбиравшихъ его прекрасное созданіе, какъ будто *рапортъ о разбитіи Французскаго Королевскаго фрегата Медузы, впоследствии доказавшемъ по неосторожности вахтеннаго офицера!* Онъ могъ сказать имъ: “Мм. Гг.,

„Влаженъ, кто про себя шалъ
 „Души высокія созданья,
 „И смѣ людей, какъ смѣ мовалъ,
 „Не ждалъ за чувства созданья!“

И кто-же, испытывавшій минуты чистаго восторга, не повторилъ подобныхъ словъ, при сужденіи

людскомъ о прекрасныхъ созданіяхъ, коими ознаменовались для него сіи свящія минушы бышя!

Намъ кажется, что картина Герико есть одно изъ лучшихъ произведеній новѣйшей Французской живописи. Художникъ избралъ именно ту минушу, когда несчастнымъ мореплавателямъ видѣть вдали корабль. Разсмотрѣте съ сею мыслію картину, вникните, и въ шрещетъ ожиданія однихъ, и въ безчувствіе другихъ, и въ хладное спокойствіе смерти нѣкошорыхъ, и въ переходъ къ успокоенію несчастнаго, котораго еще хранящъ подъ головою воинскій снарядъ свой. . . Это истинная драма живописи! Герико былъ художникъ-поэтъ. Его уже нѣтъ въ мірѣ; онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому, и съ нимъ умерли большя надежды Французской живописи. —

С М Ъ С Ъ

Маркизь Ориго, начальникъ пожарной команды въ Римѣ, изобрѣлъ нарядъ, въ которомъ, безопасно опъ огня, пожарные служители могутъ дѣйствовать на пожарахъ. Платье ихъ, перчатки, обувь и шапка напишывають сперва растворомъ изъ sulfate d'alumine и sulfate de chaux, высушиваютъ, и намачивають потомъ мыльною водою; лицо закрывается маскою, съ сухоинною особенною крышкойю, напишанною солянымъ растворомъ; на глаза надѣвается металлическая крышка, а въ ухахъ и во рту должно нѣсти

мокрыя губки. Весь снарядъ спланиовишся на дорожке 50 франковъ на человѣка; но въ немъ можно выдержашь самый жестокій жаръ, и свободно пробѣгать черезъ огонь.

*

Вошъ любопытная роспись цѣнамъ произведеній двухъ великихъ художниковъ, соспавленная знапоками живописи. Картины *Альбана*: Рожденіе Богомашери цѣняшъ въ 15,000, Саваоъ 3,000, Благовѣщеніе 6,000, Св. Семейство 5,000, Видѣніе Св. Креста 3,000, ГермаФродишъ 7,000, Даръна и Аполлонъ 6,000, Акшеонъ 20,000, четьре стихіи, каждая ошъ 20-ши до 30,000, шуалешъ Венеры 30,000, Венера въ Лемноъ 40,000, обезоруженный Амуръ 10,000, Венера и Адонисъ 40,000. Картины *Корреджіо*: Христосъ въ шерновомъ вѣнцѣ 1,500 франковъ; голова Іоанна Крестипшеля 1,000 франковъ, ошдыхъ въ Египтѣ (находишся въ церкви Св. Гроба въ Пармѣ) 500,000, сняшіе со креста (въ Пармѣ) 2000,000, бракъ Св. Екашерины 350,000, испязаніе Св. Плакиды и Св. Флавіи 200,000, Юпитерь и Анціопа 500,000, Леда 120,000 (она испорчена невѣждами). Добродѣшель, побѣждающая порокъ, 80,000, чувшвенный человѣкъ 60,000. Безсмершное произведеніе Корреджіо: *Рождество Христово*, или такъ называемая, *Корреджіова нога*, была заказана ему для церкви Св. Проспера, въ Реджіо. И шеперь еще цѣла записка, данная Корреджіо, въ увѣреніе, что слѣдующую по договору сумму заплашашъ ему, когда онъ *хорошо напишетъ* заказанную картину. Эша сумма соспавляла — *около 170 франковъ!* Теперь цѣняшъ Корреджіеву ночь въ 850,000 франковъ, шо есть

въ пять тысячъ разъ болѣе. И Корредажо едва не умиралъ съ голоду, во все время жизни своей!

*

Въ засѣданіи Лондонскаго Азіатскаго общества недавно чипаны были двѣ любопытныя записки. Одна изъ нихъ содержишь въ себѣ исторію волоса изъ бороды Мутаммедовой. Лжепророкъ любилъ, разговаривая съ своими учениками, глядишь свою бороду, и если при шомъ выпадалъ изъ нея волосъ, то на колѣняхъ приближались къ нему ученики, брали эту драгоценность, хранили какъ святыню, и лопшомъ продавали дорогою цѣною. Одинъ изъ такихъ волосовъ dospался, въ началѣ XII-го вѣка, сильному Индійскому государю, власшпшелю Куддапа, и сей государь, восхищенный пріобрѣщеніемъ неоцѣненнаго сокровища, построилъ для храненія его особенное огромное зданіе (въ 1135 году). Ежегодно, въ назначенный день, показывали народу въ семь храмъ волосъ Мутаммеда, хранившійся въ богатомъ, золотомъ ковчегѣ. Храмъ освѣщался во время сего праздника 2138-ю свѣщильниками; богомольцы приходили тогда изъ самыхъ ошдалепныхъ странъ. Гидеръ-Али, побѣдивъ попомковъ Куддапаскаго владѣльца, взялъ себѣ волосъ Мутаммеда; его проводжала до Серингапашама особая, сильная армія, попому, что благочестивые люди собрались шопами, и хопгѣли ни чего не пощадишь, шолько-бы ошнать драгоценность. Войска Гидеръ-Али перебили и разогнали ихъ. Во время влпшя Серингапашама Англичанами, драгоценность была похищена, и гдѣ теперь волосъ Мутаммеда, неизвѣстно. Полагаюшь, что Хуспль его захватилъ себѣ

Пабабъ Курриульскій, и хранишь драгоценное при-
обрѣтеніе въ глубокой тайнѣ. Огромный храмъ
Кудданаскій донынѣ осмѣивши нестерпимъ, и изум-
ленъ своимъ великолѣпіемъ.

Въ другой запискѣ, одинъ миссіонеръ Порту-
гальскаго Коллегіума (de San Iose), находящагося въ
Макао, сообщаетъ неизвѣстныя донынѣ подроб-
ности о частной жизни и Дворѣ Китайскихъ Бог-
дыхановъ. Вотъ, между прочимъ, анекдотъ объ офи-
цѣ нынѣ царствующаго Богдыхана. Знаменитый
Мандаринъ Сунгъ-Каунъ (Sung-Kaun) издалъ сочи-
неніе, въ которомъ доказывалъ, что Богдыханъ
въ нѣкошорыхъ случаяхъ поступилъ несправедли-
во. Немедленно взяли его подъ стражу. На воп-
росъ: Онъ-ли сочинитель оскорбительнаго для
Богдыханской славы и чести сочиненія? Мандаринъ
смѣло отвѣчалъ: „Я. —“ На другой вопросъ, при-
знаешь-ли онъ, что изданное имъ сочиненіе, гдѣ
осмѣялся онъ говорить и судить о Богдыханѣ, есть
пресупленіе тяжкое, Мандаринъ отвѣчалъ, что
признаетъ. На третій вопросъ, знаешь-ли онъ,
что ему слѣдуетъ за вину его, Мандаринъ отвѣ-
чалъ что знаетъ, и гошовъ къ смерти. Богды-
ханъ велѣлъ послѣ сего спросить о причинѣ, по-
будившей его къ пресупленію. „Я зналъ“ — гово-
рилъ Мандаринъ — „что нашего Богдыхана окру-
жаютъ величіе, льстецы, власъ, и голосъ исти-
ны къ нему не можетъ дойти прямо; я скор-
бѣлъ, что несправедливостъ помрачила его до-
бродѣтель и славу; зналъ и то, что если я на-
пишу и издамъ свое сочиненіе, то меня пошчасъ
возьмутъ, какъ пресупника, и донесутъ объ этомъ

Богдыхану. Такимъ образомъ, онъ услышавъ истину, оспережеетъ онъ несправедливости, и увидитъ еще при жизни своей, что есть судъ и свидѣтели, отъ которыхъ не спасенъ его ни власть, ни сила, ни величье. А за то, чтобы Богдыханъ узналъ истину, и подумалъ о томъ, что я говорю теперь — тысячу жизней готовъ я отдать, ибо отдамъ ихъ для славы его, и для счастья ему подвластныхъ!“ — Пресупленіе такое велико — сказали на другой день Мандарину — что не могутъ присудить достойной казни. Богдыханъ предославляетъ себѣ самому назначить приличную казнь. — Мандаринъ сказалъ, что онъ почитаетъ себя достойнымъ четвертованія. Богдыханъ отвѣчалъ что эта казнь слишкомъ тяжела. Мандаринъ назначилъ опрубить голову. Богдыханъ и это нашелъ очень суровымъ. Мандаринъ пребывалъ наконецъ пещли. Богдыханъ согласился. Но въ то время, когда уже все было готово, и на шею пресупника надѣли пещлю — явился преславный отъ Богдыхана, сказать, что пресупленіе Мандарина очищено страхомъ смерти, и ему слѣдуетъ награда за бесстрашіе и любовь его къ Государю. Богдыханъ немедленно призвалъ Мандарина къ себѣ, осыпалъ его почестями, и назначилъ правителемъ обширной области.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 23. Декабрь 1830.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ И СОВѢТНИКИ.

(Окончаніе).

Графъ (входитъ, съ великимъ, лакейскимъ
шумомъ), Валетовъ, Холоповъ и Книжсинъ
(тѣснятъ въ дверяхъ, и кланяются въ
подъ). Позвольте, Мм. Гг., пройти.
(Дудкину, пожимая у него руку). Здоровы
вы ли вы? А, Г-нъ Думовъ! (отъ Шу-
мова онъ отворачивается). —

(Общiе поклоны. Дудкинъ и Думовъ
стараятся стать подлѣ Графа).

Графъ (на всѣ стороны) Мнѣ — очень
дешно — и прiятно — Мм. Гг. — что
я имѣю честь.

Думовъ (пробиваясь, толкнувъ Дуд-
кина). Извините. . . (Графу). Мы всѣ про-
никнушы благосклонноспью Вашего Сiя-
тельства.

Графъ. (жметъ ему руку) Этого и на-
дѣялся я отъ благороднаго сердца вашего.

Брюховъ. (*тихо*) Да что-жъ онъ за всѣхъ хочеть честь сорвать. . . Хмъ! (*почти оттолкнулъ Думова*). То есть, всѣмъ, Святѣльнѣйшій Графъ, Ваше Высочайшее Святѣльство, имѣемъ счастье. . .

Думовъ. (*ворчитъ*) Но при счастьи, можно и не толкаться другижъ. . .

Графъ. (*улыбался*) Усердно извинительно бывъ иногда неоспорожнымъ. . . (*Думову*) Такъ, и думаю?

Думовъ. (*обрадованный, тихо*) Какая тонкая вѣжливостъ! какое вниманіе: поспѣшь замѣнилъ! Божественный человекъ! (*гордо смотритъ на всѣхъ*)

Дудкинъ. Графиня, конечно, сказывала вамъ, Графъ, что я. . .

Графъ. Знаю. . . (*Хитровскому*) Какъ ваше здоровье?

Хитр. Ахъ, Боже мой! Ваше Святѣльство! Богъ. . . если вы, Графъ, Ваше Святѣльство — не могу-ли. . .

Чижицковъ. Смѣю-ли засвидѣтельствовать мое глубокое почтеніе.

Графъ. Ахъ, любезный Чижицковъ! Ну что — нѣтъ-ли новыхъ штатостей?

Чиж. Бѣдъ я еще живъ, Ваше Святѣльство. . . Скажу вамъ пресмышное дѣло. . .

Графъ. Ахъ, ради Бога!

Чиж. Именно прешьяго дня. . . .

Графъ. (*тихо Дудкину*) Вы чинали прошоколь?

Дудя. Какъ же, чиналь — (про се-
бя) И не ведалъ, морить его жобери!

Чижич. (продолжая) Викуль Гурь-
ничъ зовешъ обидань — Чшо долго ду-
мань? Идемъ. . .

Графъ (тихо Дудяку) Вы естмасна?
Дудяничъ. Совершенно!

Чижич. Вошь я, дядя Кушулей,
Графъ Пусиловичъ, да брань Сворокван-
скій. . .

Графъ. Ну, ну! Господа! это любо-
пынно!

Брюховъ. Испинно, но ешь, любо-
пытнѣйшее дѣло, Ваше Сіансельство.

(Всѣ, кромѣ Шумова, собираются
вокругъ Чижикова и Графа).

Чижич. Вошь идемъ-съ. Только у
Графа лкая пара — знаеніе — гнѣдо-ча-
лая? Чудо лошади. . .

Графъ. (Калыку, указывая на Незнае-
ва) Чшо это за фигура?

Калыкъ. Это нѣшто, называемое
Незнаемь.

Графъ. А, конно. . .

Хитр. (тихо Калыку) Чшо это Его
Сіансельство изволишъ спрашивань?

Кал. О Незнаемь.

Хитр. (тихо про себя) Да, дуракъ я!
Знаю, чшо обо мнѣ. . .

Чиж. Вошь, только лошади начина-
юшъ бишь, рвашься — кучерь держишь. . .

Кад. *(тихо Хитровскому)* Замедлили-ль вы, какъ холодно Графъ обошелся съ Шумовымъ?

Хитр. Я пренещу за него!

Дудкинъ. Чшо вы, Г-нь Чижииковъ!

Кад., Графъ давно продаль гнѣдомалыхъ?

Чиж. Помилуйте, я самъ видѣль —

Дудкинъ. Вы не могли видѣть, потому, что я видѣль ихъ вчера на гулянь у Забцова.

Брюховъ. Точно, и я видѣль!

Графъ. Ха, ха, ха! Ну, что брань Чижиикова? Попадся?

(Общій хохоть. Валетовъ, Холоповъ и Книксинъ хохотутъ такъ громко, что Графъ оглянулся. Увидѣвъ Думова подлѣ себя, онъ тихо начинаетъ говорить съ нимъ. Другіе заняты споромъ Чижиикова съ Дудкинымъ).

Шумовъ *(про себя)*. Дѣло началось весело.

Чиж. Я ссылаюсь на Князь Василья; онъ самъ былъ съ нами.

Дудк. Его и въ городъ нѣшь!

Чиж. Нѣшь? Какъ нѣшь? Я вчера видѣль его.

Графъ. *(Думову)* Мы вчера имѣли съ N. N. бодьшой разговоръ объ васъ, и согласо ошдавали вамъ преимущество...

Думовъ. Такая благосклонность,

Графъ.

Графъ. Вы ее заслужили. Вы знаете, что для меня не существуютъ отличія, какъ только достоинства. Mais, vous... Ахъ! да — вы показывали себя... вы поймете меня — вашу умъ, ваши знанія.

Думовъ. Я готовъ жизнью пожертвовать!

Чиж. Это безбожно! Если я не видалъ вчера Князь Василья — то, провались я сквозь землю.

Дудк. Валились или нѣтъ, но Князь Василья уже съ недѣлю увхалъ въ Петербургъ.

Чиж. Въ Петербургъ — вопль хороша!

Графъ. (Думову, съ видомъ величайшей тайны) И въ наспоющемъ дѣлѣ вы, я увѣренъ, будете справедливы и разсудительны: пребую только справедливости и ума — а этого не доспаесть у многихъ нашихъ поварищей.

Думовъ. Минніе ваше, Графъ, и довѣренность ваша.

Графъ. Вы ее охотите. Я буду еще опкровеннѣе, и скажу, что предопавленіе объ Васъ уже пошло въ Петербургъ...

Думовъ. (едва скрывая радость свою) Я не изъ награды жершвую маленькими моими способностями — (про себя) Что это у меня голова кружится...

Дудкинъ. Вы еще спанете спорить? Слуга моего брата бралъ ночпovýchъ...

шадей, когда брали ихъ дядя Князь Василья. . . И въ это-же время записывали подорожную шего. . . какъ били его! . . .

Врюховъ. Да ужъ же нешто-ли сынишка? Тоже въ Пинперъ покашилъ — я записалъ его въ службешку. . .

Графъ. *(тихо Думову)* Можете быть, съшлись безпокойные люди, конперые захотятъ спорить. . .

Думовъ. Можете-ли меня починать сообщникомъ ихъ, Ваше Сіишельство?

Графъ. *(пожимая ему руку)* О, помилуйте!

Хитр. *(тихо)* Но я въ опчаяніе годовъ придти оны милосердаго вниманія Графа къ этому проклятому Думову! Не что: надбно подаваться — не опсываванъ оны другихъ! *(Думову)* Почтенныйиій. . .

Думовъ. *(несклательно)* Что вамъ? Ахъ, да, Господинъ Хитровскій!

Графъ. Ну, Мм. Гг., не порамъ намъ за дѣло? Пріятная бесѣда можетъ насъ задержатъ незачинно. . . *(идетъ къ столу)* Надбно помрудищесь. . .

Врюховъ. Тотже никакъ, Високосіа-цельныйиій Графъ: трудныйиій дѣлать. . .

Графъ. *(будто желанно ухватъ Шумова)*. Ахъ! я и не замечилъ васъ, Г-нъ Шумовъ!

Шумовъ. Я всегда и: боюсь быть замеченнымъ, Ваше Сіишельство. . .

Графъ. Вы хотѣли, чтобы собственныя ваши достоинства сами себя давали замѣнить, безъ вашего старанія. Скромность есть правило мудрости, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы послѣдуете всегда этому правилу.

Шумовъ. Я не понимаю, Ваше Сивельство, что вы изволите разумѣть?

Графъ. А, кажется, очень ясно. Не правда ли, Господа?

(Все улыбаются и киваются)

Хитр. *(мало Калыку)* Это ужасно!

Думовъ. *(мало Брюхову)*. Надобно имѣть мѣдный лобъ, чтобы послѣ эпохо еще подлаживали Шумову!

Брюховъ. А что такое едва-вось?

Думовъ. *(про себя)* Этакая скопина: его надобно бить дубиною, а иначе онъ ничего не пойметъ!

Графъ. *(сидя за столъ)* Пропу, Мм. Гг., садитесь, едвайте одолженіе.

Думовъ и Брюховъ *(поспѣшно садятся по обѣ стороны Графа, Шумовъ стоитъ, другіе перекоряются жестами)*.

Кол. Пожалуйте!

Брюх. Извольте, извольте!

Кликс. Сдѣлайте милость!

Хитр. Не угодно-ли вамъ?

Шумовъ. *(съ догадою беретъ за стулъ)*
Позвольте мнѣ рѣшить дѣло.

Брюх. и Хитр. *(бросаясь вперед)* Извините!

(Садятся выше Шумова. Чижииковъ и Незнаевъ въ концѣ стола).
Незн. Я подаюте — Богъ съ ними —
нужны полкующей;

Чиж. А я поддв васъ — доскажу вамъ
испорію мою.

Графъ. Предварительно, Мм. Гг., по-
чужаю нужнымъ обратитъ вниманіе ва-
ше на благодѣтельное пощеченіе о насъ
господина Губернапора. Наспооще дѣло
если новое шаму доказательство. Мы
должны чувствовашъ это, Мм. Гг., и по-
смарашъ ошвѣчалъ его ревности на-
шимъ усердіемъ.

Думовъ. Я увѣренъ съ своей споро-
ны, Ваше Сіанельство, что все почтен-
ныя мои сочлены раздѣляютъ высокое
чувство лшой преданности:

(Все кланяются, и ворчатъ въ пол-
голоса: „Чувство, преданность,
честь, мы все роковы. . . .“).

Хитровский. (толкаетъ Незнаева) Чпо
же вы молчите?

Незнаевъ. (который разговаривалъ съ
Чижиковымъ). Да о чемъ дѣлаетъ Чпо шамъ
шакое?

Хитр. (тихо) Благодаритъ Губерна-
пора и Графа.

Незн. (приподнимаясь), Покорнѣе
благодаримъ, Ваше Сіанельство!

Врюховъ. Я осмѣливался предложить
даже: не надобно-ли изъяснить письменно;

тво есть, все это написано) — хорошенько изъяснишь. . . .

Дудкинъ. Ему будетъ приятно.

Брюховъ. Или избрать-бы изъ среды своей депутацію

Хол. Вал. и Кникс. Точно, точно.

Шумовъ. Мнѣ кажется, что Губернаторъ исполняетъ свой долгъ, следовательно, за что-же намъ шутъ благодарить его депутацію?

(Все притворяются не слыгавшими его словъ).

Графъ. Я принимаю на себя передать ему ваши чувства; Мн. Гг., и могу уверить васъ, что такое единодушное сознание будетъ ему дороже всякъ награды. — Настоящее обстоятельство, для котораго мы собрались, да будетъ началомъ. . . .

Дудкинъ. Изъявленіемъ глубочайшаго почтенія нашего, и благодарности Вашему Сіятельству.

Графъ. За что-же Господа, за что?

Брюховъ. За то, батюшка, Ваше Высочайшее . . . что вы удостоили принять председательство нашего почтеннаго къ услугамъ вашимъ собранія.

Думовъ. *(тихо)* Болванъ! не умѣешь даже скрывать учтивости порядочно!

Шумовъ. *(тихо)* Они взбѣсятъ меня своими глупостями, и я уйду!

... Графъ. (сѣдая удержавшись отъ смѣха) Благодарю васъ, Мм. Г., за искреннее изъясненіе вашихъ чувствъ, и смѣло утѣришь. . . .

Чижицковъ. (разговаривая съ Незнакомымъ, забылся, и громко вскрикиваетъ) Да, сударь, въ шезю выполкали.. ха, ха, ха!

Всѣ. (обращаясь къ нему) Тсъ, шине!

Графъ. Всегда ожидалъ я, надѣялся, что вы, Мм. Г., раздѣлите со мною усердное желаніе. И шакъ, Гнъ Кальинъ, не угодно-ли вамъ начать бумагу, по которой соснавлена наша Комиссія.

Кальинъ (скоро и бѣгло читаетъ. Въ это время многіе кашляютъ, смѣются, говорятъ между собою тихо. Графъ сидитъ съ важнымъ видомъ. Думовъ старается походить внимательнымъ, и заставляетъ нѣкоторые слова повторять, говоря послѣ того, съ значительнымъ видомъ: „Да, да, такъ — теперь понимаю!“ Нѣкоторые изъ членовъ катаютъ въ трубочки клочки бумаги. Шумовъ, задумавшись, чертитъ перомъ безцеловатую букву: А, на листокѣ бумаги, передъ нимъ лежащемъ).

Хитр. (тихо ему) Что это у васъ за замѣшка, мой почтеннѣйшій?

Шумовъ. Такъ: я вспоминаю, какъ бывало писывалъ прописи, и всегда начиналъ ихъ самыми мудренными словами.

Брюховъ. (мягко) Помяните, Господа, говорите, да толкните Книксина: онъ дремлетъ.

(Книксина, получивъ толчекъ, перестаетъ дремать, и глядитъ, вытараща глаза).

Графъ. (когда Калькъ конилъ течи) И такъ, Мм. Гг., теперь видите вы всю сущность дѣла. Оно спонитъ полного и глубокаго обсуживанія. Намъ предоснавлена совершенная свобода рѣшить его. Будучи Предсѣдателемъ почтеннаго вашего собранія, я прошу васъ не починайте меня однакожь ничѣмъ другимъ, какъ только усерднымъ вашимъ товарищемъ, желающимъ взаимной пользы.

Брюховъ. Мы, батюшка, Ваше Сіятельство, никогда, что есть, не позабудемъ однакожь, что не мѣсто человека просвѣщаетъ, а человекъ мѣсто.

Дудкинъ. Почтеніе наше не допуститъ возражать противъ васъ, Графъ.

Графъ. Нѣтъ, я прошу васъ забыть всѣ различія между нами, и говорите прямо и искренно.

Дудкинъ. Поэтому, думаю я, не можемъ мы говорить противъ васъ, что вы изволите знать дѣло лучше нашего, и что въ исполнѣ словъ вашихъ мы не сомнѣваемся.

Шумовъ. Позвольте мнѣ, къ многословію моихъ почтенныхъ сочленовъ, при-

бавить несколько словъ, Ваше Сіапсельство.

Графъ. (холодно) Вамъ не нужно испрашивать позволенія, М. Г. —

Думовъ. И можно также говорить, не обижая своихъ поваричей.

Дудкинъ. И не забывая различія въ званіяхъ.

Брюховъ. И несходства въ состояніяхъ.

Шумовъ. Если вамъ, Господа, угодно относить слова свои на счетъ мой, то я не понимаю: въ чемъ я забывая, и чѣмъ оскорбилъ другихъ? Я почти ничего и не говорилъ!

Думовъ. Вамъ угодно было называть то, что другіе говорили: многословіемъ.

Шумовъ. (Незнаеву) Позвольте мнѣ сосматрѣться на васъ, Г-нъ Незнаевъ: обидное-ли дѣло называть всякую вещь ея масшоящимъ именемъ?

Незнаевъ (тихо) Вошь дернула не легкая! (въ слухъ) Я . . . я думаю . . .

Графъ. (холодно) Долгъ мой напомнить вамъ, М. Г., что вы заводите неприличные разговоры, которые вовсе нейдутъ къ дѣду. . . .

Шумовъ. Я оправдываюсь прошивъ обвиненій, Ваше Сіапсельство, и самъ ничего не завожу.

Графъ. Я, сударь, имѣю всѣ средства дать почувствовать невыгоду всяка-

го неумѣншаго. . . *самолюбѣ*, такъ сказать, чѣлобы не сказать иначе. Въ тоже время, мнѣ даны способы отличать скромное и дѣльное усердіе.

Холоповъ. (*тихо Книксину*) Ужь не дадутъ-ли намъ чего нибудь!

Книксинъ. Дождидайся! Къ нашей-ли рождъ награды? Довольно, что мы сидимъ наряду съ Графами, Генералами, да богачами.

Графъ. Приспушимъ къ дѣлу, ММ. ГГ. — Мы видѣли, что въ предложеніи изчислено 28 пунктовъ, пребующихъ рѣшенія. Кажется, намъ должно слѣдовать порядку ихъ. И такъ — *первый* пунктъ. Что вы изволише о немъ думаете? Мнѣ кажется, что не утвердить его значить не имѣть здраваго смысла ни капли. А? — Прошу отвѣчать, и говорить смѣло и откровенно. Мы здѣсь все равно совѣщатели о дѣлѣ общемъ.

Брюховъ. (*Дудкину*) Вашему Превосходительству начинаю — вы старше всѣхъ по чину.

Дудкинъ. (*поглядывая на Думова и Шумова*) Но вѣдь надобно съ младшихъ начинать. . . (*тихо*) Если заспорятъ эти шуны, я не буду знать, что отвѣчать имъ, а вѣдь это легко опъ нихъ спанелся.

Думовъ. *(срочно)* Мнѣ кажется, что святая истина пребудетъ утвердить первый пунктъ; но дѣло рѣшанъ голоса.

Графъ. Вы совершенно справедливы. Начнемъ съ голосовъ. Г-нъ Секретаря! извольте спрашивать и записывать.

Кальбинъ. *(значительно посмотрѣвъ на Графа)* Г-нъ Незнаевъ! ваше мнѣніе?

Незнаевъ. *(тихо)* Тѣфу пропастъ! Все на меня перваго! Что за бѣда такая! *(вслухъ)* Мое мнѣніе?

Кальбинъ. Да, дѣло идетъ на голоса.

Незнаевъ. Но, въ чемъ-же мнѣніе?

Графъ. По первому пункту предложенія. Скажите просто: Да, или нѣтъ?

Незнаевъ. Да.

Графъ. Записывайте.

Чижищковъ. Кспаша и мое.

Кальбинъ. Вы согласны?

Чижищковъ. Разумѣется.

Кальбинъ. А вы Г-нъ Холоповъ.

Холоповъ. *(кланяется)* Да.

Валетовъ. *(кланяется)* Тоже.

Кальбинъ. Вы, Г-нъ Книксинъ? Да, или нѣтъ!

Книксинъ. *(дремавшій, вздрагиваетъ, и машинально поворачиваетъ послѣднее слово)* Нѣтъ.

Многіе голоса. Какъ: нѣтъ?

Книксинъ. А развѣ надобно было сказать: Да?

Холоповъ. (*тихо ему*) Какъ-же ! Охъ, братецъ , ничего не слушаешь !

Графъ. Въ первый разъ имѣя удовольствіе васъ видѣть, пѣмъ не менѣе не сомнѣваюсь , что проливорѣчіе внушено вамъ , М. Г. , опытнымъ познаніемъ дѣла, и желаніемъ добра. Знаю , что и голоса здѣсь совершенно свободные. Но должно имѣть доказательства , чтобы проливорѣчить другимъ.

Книксинъ. (*встаетъ*) Ваше Высоко-сіятельство. . . я сказалъ. . .

Графъ. Мы слышали сказанное вами, но причины , М. Г. , причины. . .

Книксинъ. (*потѣетъ крупными каплями*) Я, ей Богу, Ваше Высокографское Сіятельство, сказалъ не то, что хотѣлъ — что думалъ сказать. . .

Графъ. А ! шакъ вы берете голосъ свой назадъ ?

Книксинъ. Точно шакъ , Ваше. . .

Графъ. Вы согласны ?

Кникс. Точно шакъ , Ваше

Графъ. Мм. Гг. , это была ошибка, и ее, кажется, можно пропустить, ибо ошибка. . . .

Брюховъ. Въ фальшь не спавится.

Графъ. И шакъ , Гнъ Секретарь, запишите: *да*.

Книксинъ. Покорнѣйше благодарю !

Графъ. Благодарите своихъ Г-дъ Со-
членовъ, которые столь снисходительно
опличаютъ неумышленную погрѣшность
опъ злонамѣренной мысли.

Книксинъ. *(кланяясь на всѣ стороны)*
Покорно благодарю, покорнѣйше благода-
рю. *(Всѣ, съ важнымъ видомъ, взаимно ему
кланяются. Книксинъ садится, и утираетъ
потъ, говоря тихо)* Ну! досталось мнѣ!

Брюховъ. *(про себя)* Признаюсь: ошо-
бьешъ охоту спорить, когда этакъ попа-
дешься! Нѣтъ, что ни говори Шумовъ, а
я — слуга его покорный! Когда потре-
буюсь доказательствъ, шунъ уже не
увернешься. . .

Графъ. Чшобысократить время, Мм. Гг.,
кажется — по *первому* пункту *всѣ* согласны.

Многие голоса. Всѣ, всѣ.

Графъ. И такъ, пунктъ впорой.

Думовъ. *(нѣсколько разъ принимался за
бумагу, которая у него въ боковомъ карманѣ,
говоря тихо)* Чшо дѣлать? Какъ оскорбить
възливость, учтивость Графа, и проши-
ворѣчьемъ уподобиться Брюховымъ и
Книксинымъ — и это-же Шумовъ. . . .

Графъ. *(замѣтивъ его движеніе, гово-
рить ему ласково)* Не имѣете-ли вы чего
сказать, почтенный мой сочленъ? . . .

Думовъ. *(смѣшавшись)* Я хотѣлъ-бы. . .

Графъ. *(протягивая ему руку)* Васъ
слушать, я всегда готовъ — ваша бла-
гонамѣренность, вашъ умъ. . . *(тихо ему)*
Если у васъ есть замѣчанія, сообщите

ихъ мнѣ. — Гдѣ вы сегодня обѣдаете?
Поведете-ли ко мнѣ, и прочтемъ вмѣстѣ.

Думовъ. (*тихо*) Нѣтъ! я обезору-
женъ ласкою, привѣтливостью этого
испивно-государственнаго мужа! (*вслушь*)
Моя замѣчанія касаются нѣкоторыхъ пун-
ктовъ, и они неважны . . . Я, напри-
мѣръ, полагаю, что число чиновниковъ,
назначаемое 7-мъ пунктомъ . . .

Графъ. Недоспапочно?

Думовъ. Нѣтъ . . . нѣтъ — излишне . . .

Графъ. Представьте, какъ мы се-
пшлись въ мнѣніяхъ!

Хитр. И я также думалъ и гово-
рилъ, Ваше Сіятельство.

Брюховъ. И я.

Многіе голоса. И мы всѣ.

Графъ. Замѣтите, Мм. Гг., какъ
уничтожается наше личное самолюбіе:
всѣ согласны съ мнѣніемъ одного, когда
его мысль ведетъ къ добру. Это всѣмъ
намъ дѣлаетъ честь — скажу не обину-
ясь. Далѣе, почтеннѣйшій Гнѣ Думовъ.

Думовъ. Пунктъ 20-й . . .

Шумовъ. (*тихо*) Теряю терпѣніе: под-
лопш спорилъ съ глупостью, и пу-
стоша съ бездѣльничесствомъ! (*вслушь*)
Позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ,
Ваше Сіятельство.

Графъ. (*невнимательно*) Можете, М.
Г. — (*тихо Думову*) Если у васъ замѣ-

чанія изложены на бумагъ, по дайше, я пробѣгу покажѣсь.

Думовъ. *(отдавая ему свою записку)* Чесць, какую получаю я. . . *(Графъ раз-
вертываетъ записку)* Несвязно-ли писано?

Графъ. О нѣтъ! *(читаетъ)* Чпо-жь М. Г. угодно было вамъ сказаць: мы ждемъ, Гнъ Шумовъ!

(Всѣ обращаются къ Шумову)

Шумовъ. По долгу и совѣспи, я ду-
маю, чпо не присупая къ подробному
разсмопрвнїю, надбно войдти въ суж-
денїя предваришельныя.

Графъ. *(продолжая читать бумагу Думова)*
Кто - жь мѣшаетъ вамъ? *(Думову)* Чпо
это: я не разберу — польза, или скользя

Думовъ. Польза, Ваше Сїапшельство.

Брюховъ. *(тихо Шумову)* Полюно - ше
спорить: *(Его Сїапшельство и не слу-
шаетъ васъ. . .)*

Шумовъ. *(съ презрвнїемъ взглянувъ на
Брюхова)* Вслвдспвіе сего, я чесць имѣю
объявиць, чпо почишаю самое основанїе
дѣла совершенно ничпожнымъ. . .

*(Графъ, вспыхнувъ, кладетъ на
столь бумагу Думова, но удержи-
вается).*

Шумовъ. *(замѣтивъ дасаду Графа, съ
горячностью продолжаетъ)* Дѣло предсшав-
лено въ видѣ превращномъ; наспопцїй во-
просъ удалень, и всѣ 28 пунктовъ сущь
пусшья подробности, изъ коихъ есди не-

кдючихъ повпоренія, но не оспанется и половины. . .

Думовъ. (*Брюхову*) Ну, что ашо, скажите? Сами мы не умѣемъ поддерживать себя — глупая горячка. . .

Брюховъ. (*складывая руки на брюхо*) Что ты съ нимъ будешь дѣлать!

Дудкинъ. (*тихо Думову*) Послушайте: вѣдь это дерзко и не хорошо! (*Думова пожимаетъ плечами*).

Графъ. М. Г., мнѣ кажется, что надобно говорить о чемъ насъ спрашиваютъ, а не фаншазировать, и мы не имѣемъ времени на пустыя предположенія и мысли.

Шумовъ. Я говорю, что насъ спрашиваютъ не о томъ, о чемъ нужно спрашивать; я доказываю, что предметъ взятъ односпоренно. . .

Графъ. Вникнули-ль вы въ смыслъ вашихъ словъ?

Шумовъ. (*горячо*) Больше другаго, можешь быть — ложное, превратное понятіе —

Графъ. (*громко*) Ложное?
(*Всѣ отодвигаются отъ Шумова*)

Думовъ. Вы слишкомъ много на себя берете, Гнъ Шумовъ!

Шумовъ. Я не имѣю надобности въ вашемъ совѣтѣ, М. Г. — (*вынимая бумагу*) Вошъ мое мнѣніе, мои доказательства.

Графъ. Коммиссія не можетъ принять ихъ.

Шумовъ. Вы не имѣете права оппозалть мнѣ, Ваше Сидтельство.

Графъ. Какъ не имѣю права? Угодно вамъ на голоса?

Шумовъ. Я подаю свой голосъ, и вы обязаны выслушать его и приобщиться къ дѣлу, если и не согласишесь съ нимъ.

Графъ. Да что-жь вы изволише кричать? Вы, сударь, оскорбляете присушствие. Вы забываетесь, называя ложнымъ данное намъ предложеніе. Мы пребуемъ вашего мнѣнія, а не доноса.

Шумовъ. Развѣ я подаю доносъ?

Графъ. Какъ-же, когда бумагу, по которой должно судить намъ, вы называете ложно изображающею предметъ? И съ чего берете вы на себя, М. Г., дерзосшь: почипанъ себя умѣе другихъ, когда всѣ другіе почтенные члены согласны? Съ чего, спрашиваю васъ, оскорбляете вы людей, старе васъ лыпами, званіемъ, сослѡяніемъ?

Шумовъ. Я членъ, равный другимъ, Графъ, и потому —

Графъ. Хорошо; но какъ вы смѣете судить о высшихъ началахъ администраціи, чего ни вы, ни я не должны спрашивать, потому, что мы не знаемъ, и потому, что насъ объ этомъ не спрашиваютъ?

Калыинь. *(про себя)* *Администрація!*
Вонъ словечко жщаша! Графъ — чудо, а
не человекъ!

Шумовъ. Позвольте мнѣ прочитайте
свою бумагу, и потомъ извольте судить.

Графъ. Вы говорите о дѣлѣ посто-
роннемъ, и мы не имѣемъ надобности
слушать вашу полспую петрадь, доказы-
вающую только своевольное безпокой-
ство вашего характера.

Хитр. *(тихо Шумову)* Ради Бога. . .

Шумовъ. Ваше Сіятельство! Я ни-
кому не позволю оскорблять себя — да-
же никакому Графу!

Графъ. Вы, сударь, забылись!

Шумовъ. Почтенные сочлены! я про-
шу васъ разсудить дѣло. . . *(Думовъ хо-
четъ говорить)* Не васъ, Гнѣ Думовъ, не
васъ. . . Неужели никто не осмѣлился
сказать правды? Вы соглашались со мной,
Гнѣ Брюховъ? —

Графъ. Какъ, Гнѣ Брюховъ! Вы уча-
ствовали въ умыслѣ Гна Шумова? Вы, су-
дарь, вы. . . *(общій ропотъ)*

Брюховъ. *(оторопѣвъ, вскакиваетъ)*
Помилуйте, Ваше Высоко. . . *(кланяется
въ поясъ)* Я и не думалъ никогда.

Графъ. Мг. Гг., подавайте каждый
свой голосъ, по совѣсти и свободно —
принимать, или нѣтъ мнѣніе Гна Шумова?

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ!

Шумовъ. *(встаетъ)* И шакъ, позволѣте мнѣ удалиться. Я свидѣтельствую глубокое мое почтеніе Вашему Сіятельству, Вашему Превосходительству. . . .

(поспѣшно уходитъ, оставя тетрадь свою на столѣ)

Калыинъ. *(про себя)* Я на коленяхъ передъ Графомъ!

(Всѣ съ ужасомъ смотрятъ на мѣсто Шумова и тетрадь его)

Графъ. Какая дерзость! Я не оспариваю этого.

Думовъ. Просшите его, Ваше Сіятельство. Это излишекъ ревности — истинно, онъ хотѣлъ добра. . .

Графъ. Нѣтъ! уже давно замѣнилъ его и Г-нъ Губернаторъ, какъ чловѣка безпокойнаго, подозрительнаго. . .

Брюховъ. Я осмѣливаюсь покорнѣе просить. . .

Графъ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Г-нъ Брюховъ, нѣтъ. . .

Дудкинъ. Онъ мнѣ самому говорилъ, что мы замазываемъ только снаружи, что Коммиссія наша есть собраніе людей пустыхъ, что. . .

Графъ. Ну, этого онъ говоритъ не спанеть. . .

Дудкинъ. Право, говорилъ, Ваше Сіятельство.

Графъ. Досадно что сполько времени у насъ пропало! Когда-же мы кончимъ, а надобно-бы непременно сегодня кончить!

Хитровский. Да вѣдь я думаю споровъ не будетъ... Господа, впорой пунжтъ?

Графъ. Уже поздно! (*тихо Думову*) Поѣдемъ-ше ко мнѣ — вы сядете со мною въ карешу (*Думовъ, въ восторгѣ, кланяется*) — Тамъ побесѣдуемъ. — (*громко*). ММ. ГГ., прошу васъ взглянуть на бумагу, которую предспавили Секретарь... а мнѣ надобно послѣшить.

Чижииковъ. Да вѣдь я согласенъ, Ваше Сіятельство?

Графъ. (*встаетъ, и всѣ встаютъ*) Все однакоже взгляните —

Незнаевъ. (*тихо Кальину*) Да не велика бумага-по? Вѣдь ужъ обѣдать пора!

Графъ. Я долгомъ моимъ спспавляю за свидѣтельствоваши о томъ единодушїи и усердїи къ общей пользѣ, какїя вами были показаны, ММ. ГГ. (*всѣ кланяются*) А Г-на Шумова — я прощаю, и вы, Г-нъ Секретарь, запишете, что онъ не присуствовалъ. (*тихо Кальину*) Дайте имъ подписать пропоколь окончательный — вѣдь онъ переписанъ?

Кальицъ. (*тихо*) Совсѣмъ набѣло.

Графъ. (*тихо*) А попомъ привезите его ко мнѣ прямо. Тамъ подпишетъ его Думовъ. (*Дудкину*) Adieu, mon général! — До

свиданія, Мн. Гг., — Г-нъ Думовъ! поведемъ-ше! (*Графъ и Думовъ уходятъ*).

Брюковъ. (*съ завистью вслѣдъ*) За что же такая честь ему!

Калъинъ. За умъ, сударь, за умъ!

Дудкинъ. За умъ-нѣ быль умнымъ.

Калъинъ. Ну, Мн. Гг., теперь къ шеню.

Чижицковъ. Послушайте: когда прочитаемъ эту бумагу, надобно подписывашь?

Калъинъ. Разумѣется.

Чижицковъ. Чего-же шупъ шолковашь? (*вырываетъ у него бумагу, беретъ перо, и хочетъ подписать*)

Калъинъ. Постойте — вверхъ ногами — не шупъ, не шупъ!

Чижицковъ. (*подписавъ*) Кончено! Господа! валайте-ка! Au revoir! (*бѣжитъ вонъ*)
(*Валетовъ, Холоповъ, Книксинъ бросаются подписывать; Дудкинъ и Незнаевъ хотятъ идти*)

Калъинъ. Ваше Превосходительство! Г-нъ Незнаевъ! надобно подписашь.

Дудкинъ. Что это? Приговоръ? Давайте!

(*подписываетъ*).

Хитровскій. Позвольте-ка мнѣ!

(*подписываетъ*).

Калъинъ. Г-нъ Брюковъ! не угодно-ли вамъ?

Брюковъ. Но прочиташь-бы.

Калыинъ. Да вадь вы забыли очки дома ?

Брюховъ. Охъ, да! Но что-жь это ша- кое? Какая бумага ?

Калыинъ. Приговоръ.

Брюховъ. О, о! это надобно прочесть —

Калыинъ. Нѣкогда! (важно) Развѣ вы не согласны ?

Брюховъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! (подпи- сываетъ.)

Холоповъ. Только-съ ?

Калыинъ. Только, Господа.

Холоповъ. Наше почтеніе. (Онъ, Ва- летовъ и Книксинъ идутъ)

Валетовъ. (Книксину) Ну, попался бы- ло ты въ бѣду !

Книксинъ. (идя) И не говори! Вошь было съ дуру навязалъ себѣ хлопотъ. . .
(уходятъ).

Хитровский. (жметъ руку Калыина) До свиданія! Вы скажете Его Сіяшельству о моемъ усердіи — да, когда могу я заспанъ ихъ у себя ?

Калыинъ. Поупру всегда. Онъ вамъ будетъ радъ.

Хитр. (про себя) Кажется, все ладно —
(уходитъ)

Брюховъ. Ну, ужъ поработали мы сегодня — повхали опдохнуть. . . А гдѣ же Его Превосходительство ?

Калыинъ. Увхаль. — Ахъ! Незнаевъ не подписалъ !

Брюховъ. Пошлите къ нему на домъ, онъ не заспоритъ. . . Мое почтеніе! . .

Калвинъ. (одинъ) Вошь, что значить опытнось! Графъ совершенно правъ. Но почему и мнѣ не быть со временемъ такимъ-же масперомъ ладиль съ людьми? На то я чиновникъ, чтобы мнѣ быть умнымъ. А умъ, что такое? Умные ладить. Гдѣ ладно, тамъ все идетъ складно, сколько-бы дураки ни шумѣли!

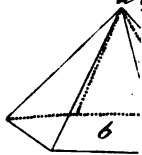

Печатать позволяется,

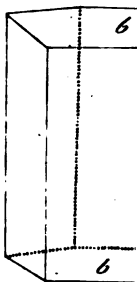
съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ при экземплярѣ.
Москва, 1831 года, Декабря 30 дня.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цытасовъ.

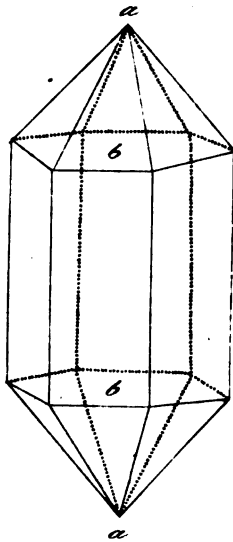
Фиг. 2. № 23) Моск. Музеев. 1830 г.

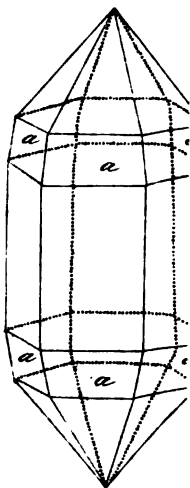
Фиг.

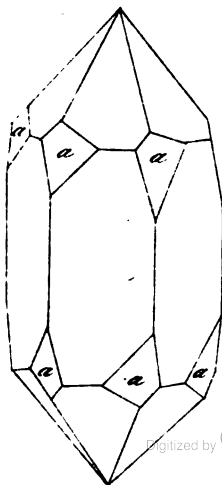
Фиг. 3.

Фиг. 4.

Фиг. 5.

МОСКОВСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

П И С Ь М О

Графа Альфреда де-Виньи, къ Лорду * * *,
Графу * * * (*).

Какъ ошибаетесь вы, любезный Милордъ, думая, что Франція занимается мною — Франція, почти забывающая о томъ *сегодня*, что *вчера* только совершалось на Воспюкѣ, или на Западѣ, и опъ чего поколебался, можетъ быть, не одинъ пронъ, или начата Исторія не одного народа! Парижане подарили мнѣ *однѣ вестеръ* — и вотъ все! Смѣю-ли преховашъ отъ нихъ болѣе? Припомъ, одинъ вечеръ рѣшаетъ

(*) Говоря въ № 23-мъ Телеграфа (1830 г.) о романѣ Графа Альфреда де-Виньи, мы назвали сего императора «одною изъ самыхъ блестящихъ надеждъ новѣйшей Французской литературы.» Крокъ необыкновеннаго дарованія, показаннаго имъ въ *Генъ-Марсѣ*, А де-Виньи издалъ еще стихотворенія, дѣ дѣшипитъ глубокое чувство Поэзіи. Принадлежа къ своей школѣ Французской, онъ перевелъ Шекспирова
Декабрь 1830.

бышіе или смерть трагедіи — да, это, могу васъ увѣрить, цѣлая жизнь ея, ибо — разсмотримъ дѣло ближе, и вы увидите, что за часъ прежде, трагедіи вовсе не было, а черезъ часъ послѣ — ея почти нѣтъ. Вошъ какимъ образомъ.

Трагедія естъ мысль, вдругъ превращенная въ *машину*, спольже сложной механики, какъ покойная, Королевской памяти, машина въ Марли, кошорой нѣскольکو обломковъ вы видѣли валяющихся въ грязи. Машину эту спавяшъ съ большими шрапами времени, идей, словъ, шѣлдвиженій, писанныхъ каршононь, холещи-

Отелло, и въ первый разъ увидѣла въ этомъ переводѣ Французская публика одно изъ Шекспировыхъ созданій вполнѣ. Успѣхъ былъ необыкновенный (см. Телеграфъ, 1830 года, томъ XXXIV стр. 340 и 472). Издавая свой переводъ, А. де-Виньи приложилъ въ началѣ его родъ предисловія: *Lettre à Lord *** Earl of *** , sur la soirée du 24 Octobre 1829 , et sur un système dramatique*. Предспавляемъ типашелямъ нашимъ переводъ сего письма. Немного найдемъ сочиненій, гдѣ-бы въ споль маломъ размѣрѣ было вмѣщено сполько свѣжихъ, яркихъ мыслей, гдѣ-бы глубина соединена была съ пакою игривоспью, умъ съ пакою веселою шупкою. Надобно-ли удивляшъся, что новыя Французскія липперапоры хорошо пишупъ, если они умѣютъ такъ мыслишъ? Совѣшупемъ нашимъ липперапорамъ внимашельнѣе прочишашъ письмо А. де-Виньи. *Изд. Тел.*

ны и вышитыхъ шканий. Толпа идетъ сморщивъ ее. Наспугавъ опредѣленный *векеръ*, прогаютъ пружины, и машина двигается сама собою, въ теченіе почти четырехъ часовъ: летятъ слова, дѣлаются вѣдодвиженія, приближаются и удаляются картоны, поднимаются и опускаются холстины, развѣваются шкани: идеъ автора дѣлаются чѣмъ могутъ, среди всего этого, и если, по счастью, ничто не испортилось прежде, то по прошествіи четырехъ часовъ масперъ прогаеъ пружину, и машина остановилась. Все сказано; всѣ расходятся. На другой день, толпы навѣрное убываетъ половина, и машина начинаеъ ржавѣть. Переменяютъ какое нибудь колесо, рычагъ; еще нѣсколько разъ она движется; потомъ шрепніе поршишь колеса, они разшриваются, начинаютъ скрипѣть. Черезъ нѣкопоре число вчеровъ, въ машинѣ уменьшаетъ *качество*, въ толпѣ убываетъ *количество*, и движеніе прекращается въ совершенной пуспнѣ.

Таковъ почти всегда бываетъ жребій всѣхъ идей, превращенныхъ въ механическія созданія на драматическихъ пружинахъ, и обыкновенно называемыхъ: *Трагедія*, *Комедія*, *Драма*, *Опера*, и проч. и проч. — И конечно нѣтъ ни одного студента въ Парижѣ, который не могъ бы вамъ сказать, съ ошибкою развѣ въ двухъ

дняхъ , сколько разъ та или другая подобная машина продвигается : одна сто разъ (и это, говоряшь , *taximitt*), вошь эта шесть разъ ; одна болѣе , другая менѣе .

И такъ , не будемъ спорить : заставивъ играшь трагедію , ешь не что другое , какъ приготовить для нея *одинъ вечеръ* , и насшющій шишулъ каждаго драматическаго произведенія долженъ бытъ день представленія онаго . Вслѣдствіе сего правила , вмѣсто : *as you like it* (*какъ вамъ угодно*), что написалъ нѣкогда Шекспиръ , я посшавилъ-бы , при зашрудненіи въ выборѣ , въ заглавіи его комедіи : *Января 6 , 1600 года . И моего Венеціанскаго Мавра называю я , для самого себя : Двадцать четвертое Октября , 1829 года .*

Теперь , шумъ кончился . Это погасшій фейерверкъ . Не скрою отъ васъ , что когда сія мысль , какъ лучъ свѣша , поразила мою голову , то приготовленія шакаго рода вечеровъ показались мнѣ *un peu bien longs* (немного слишкомъ длинны) , какъ часто говаривалъ нашъ великій Мольеръ . Напримѣръ : для устройсшва моего *Двадцать четвертаго Октября* , мнѣ надобно было оставить , къ большому моему сожалѣнію , сказку или испорію (*) — какъ вамъ угодно — въ

(*) Une histoire , ou l'histoire — неперевошимаа игра словъ . Т .

родѣ *Сень-Марса*, которую приготавливалъ я для собсвенной моей забавы, если могу, или для забавы дѣшей. Перерывъ эпошѣ мнѣ чего нибудь да спомлѣ. Но шакъ было надобно. У меня было нѣчто шакое, что слѣдовало сказашь поскорѣ публикѣ: *машина*, о которой говорилъ я вамъ, ешѣ пушъ самый скорый. Въ самомъ дѣлѣ, вошѣ прекрасный способъ говоришь съ шреша тысячами собравшагося въ кучу народа шакъ, что ни коимъ образомъ не могутъ они не выслушашь шего, что хошашь имъ сказашь! У чашателя ешѣ множештво способовъ увернущься. Напримѣръ: онъ можешѣ кинущь книгу вашу въ огонь, или выбросишь ее за окно. До сихъ поръ неизвѣшны еще средства опплатишишь за подобное дѣйствіе негодования. Но прошивъ зришеля въ шеашрѣ, вы гораздо сильнѣе дѣйствуете: однажды вошедши въ шеашрѣ, онъ попался, какъ будшо въ мышеловку, и шрудно выйдши ему, если у него брюзгливый сосѣдъ, и не шерпишь развлеченія и шума. Ешѣ даже шакія мѣспа, гдѣ онъ не можешѣ выпашцишь плашка изъ своего кармана. Въ этомъ состояніи задущенія и удущенія, остаешся ему—по неволѣ слушашь. *Вегеръ* кончился; шри шпешачи головъ наполнились вашими идеями. Не правда-ли, что шеашрѣ ешѣ чудешное изобрѣшеніе?

Вошѣ, что мнѣ надобно было сказашь шремъ шпешачамъ головъ, 24-го Окшября 1829 года:

« Мн. Гг. Вамъ предсавляется къ разрѣшенію прошой вопросъ, и именно, слѣдующій :

« *Откроется, или нѣтъ, Французская сцена для новой Трагедіи, представляющей — въ основаніи своемъ, обширную картину жизни, вмѣсто сжатой картины развязки какой нибудь интриги; въ составѣ своемъ, характеры, а не роли, тихія сцены безъ драмы, смѣшанныя съ сценами комическими и трагическими; въ исполненіи своемъ, слогъ простой, комическій, трагическій, и иногда эпическій?*

« Для разрѣшенія сего *тройнаго* вопроса, вновь сочиненная трагедія была-бы недоспашочна, ибо въ первое предсавленіе, публика, всегда спараясь обратишь свои наблюденія на дѣйствіе, слѣпа къ раскрытію его, и не зная общности созданія, не понимаетъ, что такое производишь различія въ слогѣ.

« Новое сочиненіе не было-бы доспашочнымъ авторитетомъ для рода, новаго, подобно ему, и необходимо упало-бы оно подъ двойною крышкою. Хорошіе прежніе опыты это доказали.

« Новое сочиненіе, положимъ, мое, показало-бы только, что я сочинилъ трагедію, хорошую или плохую; но возраженія поднялись-бы неоспоримо, о томъ: доспашочный-ли это примѣръ для утверженія системы? И эти возра-

женія были-бы для насъ нескончаемы , ибо одинъ посредникъ рѣшаешь ихъ : *потомство*.

« Но потомство произнесло уже на гробѣ Шекспира судъ, по которому признають людей великими. Слѣдственно : одна изъ его прагедій, составленная по системѣ, въ которую я вѣрую, будешь для насъ досматочнымъ приѣромъ.

« Занимаясь на первый разъ только *слогомъ*, я выбралъ созданіе, обожаемое нѣсколькими вѣками, и у всѣхъ народовъ.

« Представляю его, не какъ образецъ для *нашего времени*, но какъ изображеніе чужеземнаго памятника, воздвигнутаго нѣкогда могущественнѣйшею рукою, изъ всѣхъ, когда либо пворившихъ для сцены, и по системѣ, которую считаю я приличною нашей эпохѣ. Разумѣйся, Мм. Гг., надобно имѣть въ виду различія, какія успѣхами человѣческаго ума внесены въ Философію и знанія нашего вѣка, въ нѣкоторыя условія сцены, и въ благоприспособность разговоровъ.

« Прислушайтесь въ эшотъ вечеръ къ языку, которымъ, по моему мнѣнію, должна говорить *новая Трагедія*. Въ ней каждое лицо будетъ выражаться сообразно своему характеру, и въ произведеніи искуства, какъ въ жизни, переходить отъ привычной прошлости къ спраши-

ной восторженности, оуъ *регитатива* къ *лю-
кю.*» —

Таковы были основаніе и главная мысль пред-
пріяшя, совсѣмъ не своекорыснаго съ моей
стороны, не смотря на успѣхъ, ибо, можешь
быть, что пронувъ, испытавъ, хорошо раз-
смотримъ на Шекспировской прелюдіи эпохъ
стоушный органъ, называемый *театромъ*, я
никогда не рѣшусь играть на немъ собствен-
ныхъ своихъ идей. Въ сценическомъ искусствѣ пахъ
много дѣйствія, что оно разрушаетъ удивленіе
думъ поэта. Кроме того, искусство самое сжа-
пное изъ всѣхъ другихъ, уже и безъ того огра-
ниченное для философскихъ развитій нешерф-
ливостью зрителей, и временемъ, котораго не
хочетъ перейдши, оно опутано еще препят-
ствіями всякаго рода. Самое тяжелое изъ нихъ
есть театральная наша Цензура, непрерывно
мѣшающая углубляться въ два характера, на
коихъ основано образованіе общественное. Ихъ
можно только *отергивать* — дѣло, не сподящее
труда писателя, если онъ чувствуетъ пошреб-
ность видѣть до дна все то, на что онъ гля-
дишь. Не спану исчисляшь и безчисленныхъ,
скрыпныхъ сопротивленій, которыя надобно
побѣдишь для достиженія къ мимолепному слѣд-
ствію. Мой скромный *переводъ*, объявленный
пакимъ, и не нападающій ни на кого, подобно
всему, что мною писано, испытывалъ препят-

спѣвѣ , споль огромныя , споль неожиданныя , что я еще и шеперь спрашиваю самого себя : какимъ чудомъ успѣлъ я ? Но *вечеръ 24-го Октября* ушвердилъ мой успѣхъ . Пусшь еще дюжина другихъ вечеровъ послѣдуетъ за нимъ , пусшь за ними будутъ еще такіе-же вечера — дѣло не важное ! Послѣ всего мною сказаннаго , вы видите , что это будетъ уже роскошь . Трагедія своимъ успѣхомъ похожа на Сирену — *desinit in piscem mulier formosa superne* . Если ея рыбій хвостъ начинается съ пояса , или выше , или ниже — разница не велика . Дѣло , въ томъ : всегда-ли будетъ она плавать , и погрузившись , по своему обыкновенію , въ воду , часшо-ли будетъ показываться опяшь на поверхности воды ? Такъ какъ это относится къ будущему , и касается *только меня* , но не *общихъ вопросовъ* , шо мнѣ нечего и говоришь вамъ объ этомъ .

Поговоримъ о публикѣ .

Опдадимъ ей наконецъ справедливосшь : она сильно доказала , что ей надлежало шолько услышать и увидѣшь *истину* , за которую сражающся шеперь всѣ люди , сильныя во всѣхъ искусствахъ . Не знаю , что такое *публика* , если *большинство голосовъ* не составляетъ публики . Оно показало , что хочешъ шого , чего мы хотимъ . Нѣчто давно подсказывало мнѣ , что часть

рѣшенія наступаетъ (*), и я издавна ждалъ, когда наконецъ пробьешь онъ. *Навыкъ* попяшмяся на эпопѣ разъ, навыкъ, шакъ часто причиняющій намъ зло, врагъ всякому искусству, ибо искусство живетъ движеніемъ, а навыкъ неподвижношью. Нѣшь народа, у кошораго обычаи *Лашпературм* и *Искусствъ* были-бы сильнѣе окованы и прикованы, какъ у насъ, Французовъ, почитаемыхъ споль въшренними. Да, наша великая Франція бываетъ иногда небрежна, часто, во многомъ, дремлетъ, и слава Богу, что дремлетъ для спокойшвія свѣта! Ея пробужденіе зажигаетъ, или обхвашываетъ полміра. Но во время дремошы, Францію весьма часто въ полишкѣ водить умъ самый пошлый, а въ умшвенномъ образованіи самый обшквовенный. Отъ времени до времени, большинство публики, свѣжее и дѣятельное, хорошо понимаетъ, что надобно двинуться впередъ, и ищеть людей, ко-

(*) Я писалъ о системѣ Драмы въ 1824 г., когда Г-нъ Де-Сорсумъ, шакъ рано умершій, издалъ переводы Шекспировыхъ Трагедій въ спискахъ, бѣлыхъ, съ рифмами, и въ прозѣ. Эшой системѣ перевода я не слѣдую, почитая ее невозможною въ нашемъ языкѣ; но я спѣшилъ сказать мое мнѣніе о шрудѣ Г-на Де-Сорсумъ, съ шѣмъ уваженіемъ, какое пишаю къ смѣлому уму, дѣлающему шагъ впередъ, и дерзающему въ новый цушь. *Прим. Сог.*

шорме пошли-бы передъ нимъ. Но, почти всегда, толпа умовъ, *разслабленныхъ* и *лѣнливыхъ*, схватываясь за руки вокругъ него, и составляешь цѣпь, оспанавливающую, объемлющую порывъ большинства публики. Ихъ усыпительный гальванизмъ распространяется, усиливается, публика дремлетъ, и снова засыпаетъ на долгое время. Этомъ хворый народъ (впрочемъ люди очень добрые) любитъ слушать сегодня то же, что слышалъ вчера: шѣ-же идеи, шѣ-же выраженія, шѣ-же звуки. Все новое кажется ему смѣшнымъ, все неупомянутое варварскимъ, *tout leur est Aquilon* (для него все Аквилонъ). Щедушные, охающіе, привыкшіе къ шепелью, сладкимъ пищамъ, они не могутъ вынести *великодушнаго* вина. Ихъ-то хотѣлось мнѣ вылечить, попому, что мнѣ грустно спало видѣть, какъ они блѣдны, какъ они едва ходятъ, едва держатся на ногахъ. Иногда имъ было отъ меня очень больно, такъ, что они гошовы были кричать, но, давая имъ заѣдать лекарство кое-какими сладостями, я привелъ ихъ шеперь въ изрядное состояніе здоровья. Отъ времени до времени, надѣюсь сообщать вамъ объ этомъ дальнѣйшія, усѣшительныя извѣстія.

Оставимъ ребяческій вопросъ о шеперальныхъ представленіяхъ; я говорилъ вамъ шуши объ этомъ, какъ о дѣлѣ, которое въ самомъ

дѣлѣ почишаю ничтожнымъ. Но, если можемъ иногда свѣзъсь упоминашь о людяхъ, за шо никогда не будемъ свѣзъсь, говоря объ идеяхъ. Шушки въ спорону : поговоримъ сперва о *системахъ вообще*, и попомъ, особенно, о *системѣ драматической реформы*.

Почши невѣрояшно, какъ насильственно передѣлывая смыслъ нѣкоторыхъ словъ, мы беремъ иногда нинѣ слово : *система*, съ дурной спороны. *Système* (*сѣдѣнѣ*), по коренному значенію своему, если моя память не обманываетъ меня въ смыслѣ Греческихъ словъ, значить : *порядокъ*, сцѣпленіе основаній и послѣдствій, составляющихъ ученіе, догмашъ. Каждый, имѣющій какія нибудь идеи, и не связывающій ихъ въ полной системѣ, будешь чловѣкъ не полный ; онъ ничего не произведетъ, кромѣ неопредѣленного, и если онъ произведетъ сносное, это будешь случайность, въ родѣ мыльнаго, блестящаго пузыря ; онъ всегда будешь ходишь оцупью, въ шуманѣ. Посмотрише, напрошивъ, на новую мысль, въ головѣ сильно организованной : она множишся шамъ, развиваеяся удивительнымъ образомъ, въ одно мгновение : шакъ, жаръ и постоянная работа могучаго ума быстро заславляють ее зрѣшь. Смѣло ушученная, она роишь въ свою очередь безпрерывными поколѣніями мыслей, на нее

нохожихъ , и зависящихъ отъ нея единственно. Какъ ни невольно вдохновеніе поэта , но оно всегда увлекаетъ его къ своему началу , и хотя поэтъ не можетъ опцдаться себѣ опчета , но всегда есть у него послѣдованіе идей , составляющихъ полную систему , совершенный порядокъ , безъ котораго онъ ничѣмъ-бы не былъ , и не могъ бытъ. Такъ , по моему мнѣнію , человекъ , который кажется вамъ совершенно *инстинктивнымъ* ; неспособнымъ изложить теорію своихъ собствнныхъ созданій , когда упоеніе восторга для него кончилось , этотъ человекъ , хотя-бы онъ клялся даже вамъ , что у него нѣтъ ни какой системы , зависящей отъ своей системы болѣе , нежели всякій другой. Именно происходитъ это отъ того , что онъ не сознаетъ самого себя , не изслѣдуетъ системы , его увлекающей , и не свободенъ разрушить ее , для созданія другой , превосходящей первую.

Исторія міра есть исторія многихъ системъ въ дѣйствіи , и если каждую изъ сихъ системъ вознеси къ ея первоначальной мысли , то вся Исторія наша сольется въ двадцать , или немного болѣе , идей. Не было ни одного великаго человека (былъ-ли онъ человекъ мысли , или человекъ дѣянія) , который-бы не создавалъ и не приводилъ въ дѣйствіе системы. Разница та , что *мыслитель* (le penseur) выше *дѣятеля* ,

ибо онъ живешъ въ идеяхъ, царствуетъ идеями, предсавляешъ ихъ въ нагошъ, чистша отъ пашень жизни; свободна отъ ея случайныхъ приключеній, ничъмъ ей не одолженна. Но полководецъ, или законодатель, брошенный въ океанъ обстоятельствъ, возвышенный одною волною, низринутый въ бездну другою, увлеченный печеніемъ, коимъ хотѣлъ воспользо-ваться, двадцать разъ перемѣняетъ путь, проекты, планы, забывая основаніе, которое хотѣлъ проявить, и часпо уступая свое собственное убѣжденіе счастью.

Оправдавъ самое слово, перейдемъ къ приложенію его въ двухъ драматическихкихъ сисемахъ, занимающихъ многіе умы, одна своимъ смерпнымъ помленіемъ, другая своимъ смѣлымъ рожденіемъ. Буду слѣдовать съ вами пому порядку, который мы для себя предположили, и сперва обращаюсь къ составу швореній.

Слава Богу! Старый преножникъ *трезъ единствъ*, на которомъ сидѣла Мельпомена, иногда довольно неловко, шеперь держишся на одномъ швердомъ основаніи, котораго не лзя у нея опнашь — *на единствъ интереса въ дѣйствіи*. Смѣемся изъ состраданія, чиня въ одномъ изъ нашихъ великихъ писателей: «Зритель находится въ театрѣ только три часа, слѣдственно, не должно, {чтобы дѣйствіе про-

должалось болѣе трехъ часовъ.» Не все-ли будешь равно, если мы скажемъ: «Чищешель «упошребляешъ чепыре часа для чшенія романа, «или поэмы, слѣдственна, надобно, чшобы и «дѣйствіе ихъ продолжалось не болѣе чепырехъ «часовъ?» — Сія слова уничтожающъ всѣ заблужденія, родившіяся изъ правила, выше приведеннаго. Но мало того, чшо мы освободимся опшь тяжелыхъ препяшствій, надобно еще изгладить и близорукость ума, ихъ создавшую.

Venez, et qu'un sang pur par mes mains épanché
Lave jusqu' au marbre où ses pas ont touché.

Замѣьте прежде всего, чшо въ системѣ, кошорая шеперь кончается; всякая трагедія была рѣшеніемъ, развязкою дѣйствія, уже созрѣвшаго, когда подымался занавѣсъ; она держалась на нишпочкѣ, и ей надобно было только упасть. Отсюда происходилъ недосшашокъ, поражавшій васъ, такъ какъ и всякаго иностранца, въ Трагедіи Французской: эта бережливость сценъ и развишій, эши ложныя замедленія, и вдругъ поспѣшность кончить, смѣшанная съ боязнью, почти всегда ощущаемою, о шомъ, чшо маперіи не достанетъ одѣшь всѣ пяпъ дѣйствій. Такое замѣчаніе, не только не уменьшаетъ моего уваженія къ людямъ, слѣдовавшимъ прежней системѣ, но, напрошивъ, уве-

личиваетъ его. Для каждой прагматикѣ надобны имъ были особы уловки необыкновенной силы, и бездна хитростей, чтобы закрыть произвольную бѣдность, на которую они осуждали себя. Они старались растягивать вещь, дировашій лоскутъ багряницы, и закрывашъ себя эпитимъ бѣднымъ лоскушомъ.

Не такъ будетъ поступашъ опытный драматическій поэтъ. Прежде всего, онъ схватитъ широкою рукою много времени, и заставитъ въ немъ двигаться цѣлая *бытія*. Онъ создастъ въ Драмѣ человѣка, не какъ *видъ* (espèce), но какъ *самобытное существо* (individu): единое средство возбудитъ участіе къ Человѣчеству! Онъ оставитъ свои созданія жить собственной ихъ жизнью, и только броситъ въ сердца ихъ сѣмена страстей, коими приготавливаются великія событія. Потомъ, когда придетъ самъ собою часъ судьбы — и только тогда, такъ, чтобы не чувствовали руки поэта, оный ускоряющей — онъ покажетъ, какъ Судьба обвиваетъ свои жертвы узлами, столь-же широкими, столь-же многочисленными, столь-же нераспоргаемыми, какъ шнѣ, коими обвиты лочающіяся космы Лаокоона и дѣшей его! Тогда, далекій отъ жалобъ, что лица его слишкомъ малы для пространства, онъ будетъ стенать, жаловаться, что имъ мало воздуха для дыханія, и мѣсна

для дѣяствія. Искусство уподобился жизни, а въ жизни главное дѣйствіе влечетъ окрестъ себя вихрь частныхъ событій, необходимыхъ и безчисленныхъ. Тогда, шворецъ найдетъ въ своихъ созданіяхъ довольно головъ, чтобы развить въ нихъ всѣ свои идеи, довольно сердецъ, чтобы заставить ихъ биться всеми своими чувствами. Тогда зрители почувствуютъ, какъ вся душа поэта движетъ полны. *Mens agitat molem.*

Будемъ справедливы: все было весьма стройно и устроено въ нашей прагматической *эксистентѣ*. Но развѣ въ системѣ Феодализма также не все было стройно и устроено? — Чтобы выполнить длинную катастрофу трагедіи, въ которой не было сущности, ибо все было надумано, надлежало замѣнять ролями характеры, одушевленными оплеченностями страстей насмѣхающаго челоука. Нѣтъ! Природа никогда не производитъ цѣлаго семейства людей, цѣлаго дома, въ смыслѣ Древнихъ (*domus*), гдѣ-бы отецъ и дѣти, господинъ и слуги, были одинаково чувствительны, безпокоимы въ равной степени однимъ и тѣмъ-же событіемъ, бросались-бы въ него, сломя голову, принимали добродушно за дѣло всѣ нечаянности, всѣ уловки, самыя грубыя, испытывали торжественное удовольствіе, торже-

спвенную скорбь, торжественное бышенство! Можно-ли всему этому народу щашельно блуспн. единое чувство, оживляющее его съ перваго измѣненія событія до послѣдней развязки, не позволяя своему воображенію удаляться ни на одинъ шагъ, занимаясь непрерывно однимъ дѣломъ, по ешь, шѣмъ, чтобы начинаш развязку, и задерживашь ее всячески, беспре-спанно говоря объ ней!

Вопъ почему и надобны были въ эпихъ сѣних, ни къ чему не ведущихъ, лица, которыя никуда не шли, говорили пустяки, съ верѣшпелыми идеями, въ неопредѣленныхъ словахъ, были ве-множко волнуемы обрубленными спрастями, а шакимъ образомъ доспигали живописной смер-ши, или поддѣльнаго вздоха. Пустая фанша-смагорія! Призраки людей въ призракъ приро-ды, область опвлеченной пустышы — *Inania regna!*

Только силою генія, или дарованій, перво-начальные люди каждой эпохи успѣвали бросашь яркіе лучи въ сіи мраки, наводитъ прекрасны формы на эпошъ хаосъ. Ихъ шворенія были ве-ликолѣпными исключеніями — а сіи исключенія приняли за кодексы правилъ. И все попадало въ избышую колею ложной дороги!

Есть возможность и шеперь найдшсь лю-дямъ, которыя хорошо говорятъ мертвымъ

языкомъ. Въ XV-мъ вѣкѣ писали даже цѣлыя книги на Лашинскомъ языкѣ, и ихъ донинѣ довольно уважающъ.

Мнѣ кажется, не прудно доказать, что могущесиво, споль долгое время державшее насъ въ эпомъ мѣрѣ приличій, что Муза эшой искусственной Трагедіи, была *свѣтская вѣжливость*.

Да, эпо была она, безъ сомнѣнія. Только она можешъ въ одно время изгнашъ истинные характеры, какъ грубость, простой языкъ, какъ низость, идеальность Философіи и страстей, какъ сумасшествіе, Поэзію, какъ странность!

Свѣпская вѣжливость, хопя и дочь Двора, была и всегда будешъ *уравнительною*: она гладилъ и равнялелъ все. *Ni trop haut, ni trop bas* (ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко) — девизъ ея. Она не внемлетъ природѣ, отвсюду гремящей генію, какъ Макбетъ: *Come high or low* (спушай/ниже, или выше)!

Человѣкъ бываешъ, или воспорженъ, или простъ. Будущіе поэты наши убѣдяшя, что показывашъ человѣка, каковъ онъ есть, значилъ уже возбуждашъ учасшіе зршелей. Чпо за надобность, въ самомъ дѣлѣ, шрогашъ съ самага начала *нмъ*, всегда предчувствуемую, какого-либо событія, чтобы заиншеровашъ меня характеромъ, начершаннымъ вѣрно? Я

уже пронуть, если мнѣ представлень несплошнѣй образъ Божіаго созданія. Я люблю его, потому, что онъ уже *есть*, потому, что я узнаю его по походкѣ, по языку, по виду, признаю въ немъ живое существо, брошенное въ міръ, подобно мнѣ самому, въ добычу жребія; но, да *будетъ-же* это созданіе, или — я откажусь отъ него. Пусть не спарается онъ показашь мнѣ себя шѣмъ, что Муза свѣтской въжливости, на своемъ лживо-благородномъ языкѣ, называетъ: *герой*. Пусть! будь онъ не больше челоуѣка, ибо иначе онъ будетъ меньше его; дѣйствуй онъ по сердцу смершнаго, а не вымышленному воображенію лица, дурно вымышленнаго. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, поэтъ дошпойно заслужитъ имя *подражателя призракамъ*, какъ называетъ поэповъ Пашонъ, гоня ихъ изъ своей республики.

Особенно изъ подробностей слога, можете вы судить о дѣйствіяхъ выложенной свѣтской школы, которая шакъ хорошо надоѣла шеперь всѣмъ. — Не думаю, чтобы иностранецъ могъ легко достигнуть до понанія той степени ложнаго вкуса, на которой стояли Французскіе *стихослагатели для сцены* (*versificateurs pour la scène*) — совѣшно назвашь ихъ *поэтами*. Желая дань вамъ какой нибудь примѣръ изъ еша шмечъ, спрошу васъ: какъ вы думаете го-

ворили, когда надобно было сказать: *шпіоны?*
 Вошъ какъ :

Ces mortels dont l'état gage la vigilance !

Смертные, которыхъ государство обзываетъ быть бдительными! Не правда-ли, что одна только чрезвычайная свѣшская вѣжливость къ сословію шпіоновъ, могла изобрѣсти такую щегольскую перифразу, и, вѣроятно, всѣ эти смертные, случайно находившіеся въ театрѣ во время представленія пьесы, были признавательны къ Авшору. Но, естественность слога въ спорону; вы лучше поймете меня, если я, для примѣра, представлю вамъ Наполеона. Въспомоного, чтобы просто сказать: *Fouché, vous enverrez demain cent espions au Carrousel, où je passe la revue* (*Фуше! пошли завтра сто шпіоновъ на Карусельную площадь, когда я буду смотрѣть войска*), вообразишь, что Наполеонъ говоришь: *Seigneur, vous enverrez cent mortels dont l'état gage la vigilance* (*Министръ! пошли сто смертныхъ, которыхъ государство обзываетъ быть бдительными*)! — Вошъ, что у насъ называлось: *noble, poli, harmonieux!*

Писатели, по большей части люди съ дарованіями (въ чемъ не лзя отказать и шому, изъ сочиненій коппораго взялъ я примѣръ), были увлечены въ заблужденіе желаніемъ достиг-

нушь того, что называютъ *гармонією*. Они обольщены были примѣромъ великаго художника, который обрабатывалъ только древніе предметы, въ коихъ облакался онъ Греческими и Латинскими образами. Желая сохранить его формы, заѣли фальшиво; принужденные успѣхами ума человѣческаго, невольно увлеклись къ новѣйшимъ предметамъ, но употребляли языкъ подражанія Древнимъ (хотя это и не было совершенно древнее). Отсюда явился эпитетъ слогъ, въ которомъ, что слово, то анахронизмъ, гдѣ Кишайцы, Турки, Американскіе дикари, въ каждомъ стихѣ говорятъ о Гименей и его пламенникѣ!

Гармонія, которой шакъ сильно добивались, мнѣ кажется, существуетъ для Поэмы, а не для Драмы. Лирической поэзіи можешь пѣть свой стихъ — даже, можешь быть, долженъ это дѣлать, увлеченный своимъ вдохновеніемъ. Къ нему и опнесемъ извѣстное правило:

Les vers sont enfans de la lyre,
Il faut les chanter, non les lire.

Но Драма всегда представляетъ народу лица, собравшіяся говорить о своихъ дѣлахъ, и они должны *говорить*. Сдѣлайте-же для нихъ основую эпитетъ простой, свободный *регитативъ*, прекраснѣйшій примѣръ коего, въ нашемъ

языкъ , представляющъ Мольеръ . Когда спрашь и бѣдствіе одушевятъ ихъ сердца , возвысятъ ихъ мысли , пусть и стихи возвысятся съ ними на мгновение , до нѣхъ величественныхъ движеній спраши , которыя походять на *пѣніе* : шакъ сильно испоргаютъ они изъ насъ душу !

Каждый человекъ , въ обыкновенномъ разговорѣ , имѣетъ свои любимые образы выраженія , свои привычныя слова , происходящія отъ его воспитанія , занятія , вкуса , изученныя въ его семействѣ , внушенныя ему врожденными склонностями , или оповращеніями , его темпераментомъ , желчнымъ , сангвиническимъ , или нервическимъ , подсказанныя ему умомъ , спрастнымъ или холоднымъ , разстепливымъ или проснымъ . У всякаго есть свои любимыя сравненія , свой словарь , по которому знающій человека узнаетъ его , не слыша его самого , по одному обороту , по одной фразѣ , другимъ пересказанной . Должно-ли послѣ всего этого , каждому лицу употреблятъ одни и тѣ-же слова , и одинакіе образы , наравнѣ съ другими ? Нѣтъ ! все это должно бытъ сжато или распянуто , небрежно или изысканно , распочительно или скупона украшенія , смотря по характеру , по возрастамъ , по наклонностямъ . Мольеръ всегда старался придавать такіе свободные , крѣпкіе опшѣнки , коимъ научаетъ насъ внимательное

наблюденіе надъ человѣкомъ ; у Шекспира нѣтъ ни одной пословицы, ни одной брани, упошребленной не къ шашу. Ни шомъ ни другой изъ сихъ великихъ людей не могли-бы помирить истиннаго языка съ *эпическимъ стихомъ* нашей Трагедіи, и если-бы, по несчастію, они приняли сей стихъ, то имъ надлежало-бы шакже скривать *простое слово* подъ мантію перифразъ, или подъ маску Древней, ученой фразы. Это былъ-бы очарованный кругъ, изъ котораго ни какое могущество генія не вывело-бы ихъ. Можемъ указать на одинъ примѣръ, неоспоримый. Сочинитель *Эскори*, источникъ самаго чиспаго драматическо-эпическаго слога, написалъ въ 1672 году трагедію, изъ истиннаго происшествія, бывшаго въ 1638 году. Онъ чувствовалъ, что новѣйшія Восточныя имена не могутъ благозвучно войдши въ его Александрійскіе, гармонически сославленные по примѣру Древнихъ, стихи. Что-жь онъ сдѣлалъ ? Онъ рѣшилъ дѣло по чувству вѣрнаго разсудка : вида, что невозможно переименить стиха, въ шомъ, что онъ называлъ *Драматическою поэмою*, онъ переименнлъ всю номенклатуру Турковъ, и кинулся не знаю въ какую-то неопредѣленную сшарину : Багдадъ превратилъ онъ въ *Вавилонъ*, Спамбулъ не смѣлъ бышь даже Константинополемъ, и сдѣлался *Византією*, а имя Шаха Аббаса, осаждавашаго въ то время Багдадъ, исчезло въ име-

нахъ *Осмина* и *Османа*. Такъ и должно было ему пошутить.

И еще болѣе. Показавъ вамъ примѣръ забавныхъ заблужденій, въ какія увлечены были послѣдователи Расина, я хочу защитить автора, у котораго взялъ я примѣръ смѣшнаго. Я думаю, что ему не должно было говорить словъ грубыхъ и простыхъ (каковы: *spionъ*, и ш. п.), въ слогъ, имъ упошребленномъ, ибо сіи слова походили-бы тогда на бранныя рѣчи въ устахъ молодой дѣвушки, поющей унылый романсъ. Ихъ можно-бъ было говорить только тогда, когда съ перваго стиха трагедіи зритель слышалъ просьбы выраженія. Но если въ печеніе пачи дѣйствій возглашали: *reine*, вмѣсто *votre majesté*; *hymen*, вмѣсто *mariage*; *immoler*, вмѣсто *assassiner*, и тысячу подобныхъ упощенностей — какъ-же между ими помѣстить слово, подобное слову: *espion*? Нѣтъ! надобно уже было сказать: *mortel*, и что нибудь длинное и мягкое прицѣпить къ хвосту эпого слова.

Творецъ Гюголи очень хорошо понималъ все это, и въ своихъ *Челобитникахъ* переламывалъ при каждомъ случаѣ стихи, въ пользу словъ истинныхъ, новыхъ, почти всегда слишкомъ длинныхъ, не шерпящихъ сокращенія, и не могущихъ умѣститься въ стихъ вполнѣ. Древніи

имена не были предшествуемы, подобно именамъ новѣйшимъ, другими именами, или шипульнымъ словомъ, прирасшающимъ къ новѣйшимъ, какъ прирасшающъ перья къ ппичьей кожѣ. Никакой Пажъ не можешъ сказапъ однимъ Александрійскимъ стихомъ: *Madame la duchesse de Montmorency*, а если скажешъ онъ просто: *Montmorency*, то его, конечно, накажущъ за невѣжливоспъ. Въ подобномъ случаѣ, шворецъ Эсэири принуждалъ себя говоришь :

..... *Madame la comtesse*
De Pimbèche.

Такъ въ простыхъ фразахъ, кошорыхъ онъ не хотѣлъ ни разрывапъ, ни сгибапъ, что значило-бы безобразипъ ихъ, мы находимъ у него:

Puis donc qu'on nous permet de prendre
Haleine, et que l'on nous défend de nous étendre.

Не сомнѣвайпесь въ томъ, что если-бы писатель, споль совершенный, принужденъ былъ поставипъ на сцену совершенно новый предметъ, то онъ упошребилъ-бы *простыя слова*, и разрушилъ правильное, однообразное качанье стиха Александрійскаго переходами изъ одного стиха въ другой; онъ пренебрегъ-бы, повѣрьпеш мнѣ, полуспишиями, и, можешъ бышь, даже (чего мы не осмѣлимся) вспавлялъ-бы *giants*, подобные Мольеру: *Voici d'abord le cerf donné*

aux chiens, и сокращалъ-бы слоги, какъ видимъ это въ слѣдующихъ словахъ: *je me trouve en un fort à l'écart, à la queue de nos chiens, moi seul avec Drécar.*

Какъ жаль, что все это не пришло ему въ голову въ 1670 году! Онъ избавилъ-бы меня отъ множества недѣльныхъ нападеній, подписанныхъ и неподписанныхъ (анонимовъ въ обоихъ случаяхъ). Онъ какихъ шажкихъ усилій избавилъ-бы онъ также поэшовъ, своихъ послѣдователей!

Повѣрише-ли, на примѣръ, вы, Англичане, вы, знающіе, что говорится въ прагедіяхъ Шекспира, повѣрише-ли, что Муза Французской Трагедіи, или Мельпомена — *девянство восемь лѣтъ* не рѣшалась произнести слова: *платокъ* (*un mouchoir*), очень ошккровенно говоря слова: *собака, губка* (*chien, éponge*)? Вотъ какъ, постепенно, переходила она по ступенькамъ самыхъ забавныхъ затрудненій, и смѣшной чинности, при семъ случаѣ:

Въ лѣто эгирь 1147-е, соотвѣствующее 1732 году нашего счисленія, на *торжествѣ Гимена* одной добродѣтельной Турецкой дамы, не смѣвшей назваться себя *Зарою* (*Zahra*), а назвавшейся *Заирю*, и у которой было какое-то фамиліное сходство съ Дездемоною, понадобился Французской Мельпоменѣ *платокъ*. Она не смѣла выпадить его изъ своихъ огромныхъ

кармановъ, съ кошорыми ходила шогда, и, вмѣсто плашка, рѣшилась упошребить — *записку*. — Въ 1792 году, опять нашей Мельпоменѣ понадобился пошъ-же самый плашокъ, по случаю праздника *Гимену* одной гражданки, называвшей себя Венеціянкою и роднею Дедемонѣ. Впрочемъ, изъ Дедемоны она сохраняла одинъ шолько слогъ: *то*, ибо называлась: *Hedeltone* (*Эдельмона*) — имя весьма ловко рифмующее — не скажу: съ *аитоне* и *апетоне*, ибо это было-бы вѣрно и шрудно — но, съ *зоирзонне*, *донне*, *ордонне*, и проч. — На эшотъ разъ (а эшому разу прошло шеперь 37-мъ лѣшъ), Мельпомена чупъ было не взялась за *платокъ*! Но, или во время Исполнительной Дирекшоріи казалось ей слишкомъ смѣлымъ — явившись на сцену съ плашкомъ, или, напрошивъ, пребывалось болѣе роскоши, шолько опять опказалась она опъ роковаго слова, и взяла, вмѣсто плашка, брилліаншовую повязку, не снимая ее даже въ поспелѣ, чшобы не показаться *en négligé*. Въ 1820 году Французская Трагедія откровенно опрелась опъ своего шипула *Мельпомены*, и, переводя съ Нѣмецкаго — опять шполкнулась съ прокляшымъ *платкомъ*! Ей понадобился онъ при зашщаніи одной Шопландской Королевы. Повѣрите-ли? Она рѣшилась бышъ смѣлѣе — взяла плашокъ, да, *платокъ*, взяла своею собшвенною рукою, при полномъ шеапрѣ, нахмурила

брови, и — громко, отважно, назвала его — *тканью и даромъ* (*tissu et don*) — А! это былъ важный шагъ!

Наконецъ, въ 1829 году, Октября 24-го дня, благодаря мужика Шекспира, Французская Трагедія — произнесла роковое слово: *платокъ*! — Слабый народъ испугался, упалъ въ обморокъ, и спеналъ долго и печально, но большинствомъ голосовъ, которое *платокъ* издавна называешь *платкомъ*; было довольно, и проклятое слово вспушило шоржесшвенно въ рядъ *позволенныхъ* словъ... Смѣшное шоржесшво! Надобень былъ цѣлый вѣкъ, пока слово, всѣми произносимое, было допущено на нашу сцену (*).

Наконецъ — публика смѣется надъ такимъ пущымъ скромничаньемъ. Слава Богу! Поэшь можешъ свободно слѣдовать своему вдохновенію, шакъ-же свободно, какъ въ прозѣ, безпрепятшвенно можешъ пробѣгать всю лѣспвицу сво-

(*) Для поясненія шупки Автора, надобно знать, что Вольперова *Заира* была выкрадена изъ Шекспирова *Отелло*, въ 1732 году; что въ 1792 г. Дюсисъ передѣлалъ *Отелло*, назвавъ Дездемону *Эдельмоною*; что въ 1820 году Лебрёнъ опдалъ на театръ свою передѣлку Шиллеровой *Маріи Стюартъ*, и что слово: *un mouchoir*, въ первый разъ на Французской сценѣ употребилъ А. де-Виньи, въ переводѣ *Отелло* Шекспирова. *Пр. Пер.*

ихъ идей , не боясь , чшобы какая нибудь спупенька подломилась подъ нимъ. Мы не такъ еще счастливы , какъ вы , Англичане : мы не смѣемъ смѣшивашь въ одной сценѣ стихи съ рифмами , стихи бѣлые и прозу. Вы свободно пробѣгаемъ все сѣя при октавы , и у васъ находящяся они въ такомъ согласіи , какого нѣтъ еще для нихъ во Франціи. Замѣнимъ ихъ можемъ мы , распягивая только Александрійскіе стихи до самой простой небрежности (*регитатива*) , и возводи ихъ до самаго высокаго лиризма (пѣнія). Это осмѣлился я сдѣлать. Проза , когда въ нее переводятъ эпическія мѣста , предспавляетъ важный недоспашокъ , слишкомъ явный на сценѣ : она кажется надушою , высокопарною , мелодрамною , между тѣмъ какъ стихъ , болѣе эласчачный , гнется на все формы ; не удивляемся я тому , когда онъ лепитъ , ибо *когда онъ идетъ , мы чувствуемъ , что у него есть крылья.*

Вы немного помоложе , и гораздо меня боязливѣе. Не заботьшесь болѣе самого меня , о томъ , что вы называеше *моимъ именемъ*. Не смѣжусь , переведа нѣчто мимоходомъ , хоша это и стоило многихъ затрудненій. Какъ-бы то ни было , но моя работа оспалась : однимъ алмазомъ болѣе въ сокровищахъ Французской сцены ; алмазъ не ограненъ , но своей цѣны сповишь. Если-бы я передалъ только одинъ поршретъ Яго , этого

Яго, которому не давали мѣста между Отелло и Дездемоной — довольно . . . Они хошѣли изгнать изъ рая змѣя искушителя . . .

Наша эпоха есть вдругъ эпоха возрожденія и передѣлки. Никогда не скажу я, чтобы новый законъ Драмы былъ навѣки неизмѣненъ: онъ пройдетъ съ нами — можешь быть, прежде насъ, и замѣнишься лучшимъ. Для имени человека, опдѣльно взятаго, достапочно, если оно означаетъ собою ступень общаго успѣха. Чѣмъ болѣе идешь впередъ образованность, тѣмъ болѣе надобно рѣшаться смотрѣть на посѣвъ идей, какъ на посѣвъ пучныхъ сѣменъ, долженствующихъ возрасти, созрѣть, пожелтѣть, и онѣ зрѣлости вываливаться, чтобы дать мѣсто новой жатвѣ, болѣе сильной, обильнѣйшей, зрѣющей въ глазахъ перваго сѣятеля. Такое философское безкорыстіе, по несчастію, доставалось на долю немногимъ, изъ двухъ поколѣній, предшествовавшихъ нашему. Какъ будто осуществляющія ими поспыдныя слова одного изъ писателей ихъ вѣка, и они видяшь въ дѣтяхъ своихъ враговъ своихъ, и во внугатихъ враговъ дѣтей своихъ. Только на этомъ условіи, по крайней мѣрѣ, мы имѣемъ право на ихъ нѣжность. Но, и здѣсь еще не все: эпити спарыя дѣши сердяпса, видя на челахъ нынѣшнихъ юношей важность, копорую имъ самимъ надобно-бы имѣть. Они

всячески старались задавить молодые побѣги, заступающіе мѣсто старыхъ деревьевъ: одни заляпцали ихъ пластырями своихъ прежнихъ вѣковъ; другіе рубили ихъ саблями деспотической власти Наполеона. Тщепныя усилія! разсадникъ разросся: могучія, сильныя деревья проросли всюду, во всякой формѣ, и ихъ крѣпкія вѣтви, ихъ свѣжіе оппрыски, ихъ широкія листья закрыли пѣнью своею дряхлые, ушлые пни, которые могли-бы еще существовать, если-бы не удалили себя отъ дѣятельной жизни юныхъ деревьевъ.

Что-же сдѣлалось? Юноши возспали прошивъ своихъ несправедливыхъ предшественниковъ, сосчитали даже оспанки сѣдыхъ волосовъ на головахъ стариковъ, и жестоко доказали имъ, шапистическими таблицами, даже и то, сколько еще времени оспается имъ на ихъ бесполезныя жалобы. Признаю такой поступокъ жестокимъ; но, зачѣмъ было столь упорно преслѣдовать? Виновато-ли юное поколѣніе, что слѣдуя общему закону Человѣчества, оно идетъ впередъ, а не назадъ?

Далекій отъ желанія нападать на прежнія славы, я сказалъ, что намъ надобно опдавать признательность каждому, *de son oeuvre, selon son temps* (за его трудъ, по его времени). Лучшимъ доказательствомъ сего послужитъ не-

благодарный шрудъ, мною совершенный — новая дань благоговѣнія прежней славы, не Европейской, а всемирной, ибо въ поже самое время, когда Венеціанскаго Мавра давали въ Парижъ, играли его въ Лондонъ, Вѣнѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Если мы шли ложнымъ путемъ, надобно ворошиться назадъ, и перейдши на настоящую дорогу. На трагической сценѣ нашей, не было другихъ спиховъ, кромѣ вылощенныхъ, анахронизмовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Мнѣ надобно было взять въ спаромъ арсеналѣ нашемъ заржавѣлое оружіе нашихъ спарыхъ поэшовъ, и одѣшь имъ прилично спарика Шекспира. Корнель, безсмертный Корнель далъ Сиду настоящій мечъ, нынѣ переданный Ошеллу, мечъ, dont la lame Espagnole est dans l'Ebre trempée. *Ebro's temper!* Для чего шакъ худо пользовались наши трагическіе герои эшимъ мечемъ!

Въ моемъ шрудѣ я думалъ шолько о формѣ. Надобно было передѣлать инспруменшъ (слогъ), и испытать его передъ публикою, не начиная еще играть на немъ пѣсни своего изобрѣшенія. Если-бы я зналъ Испорію, болѣе Венеціанскаго Мавра рассказыванную, читанную, представленную, пѣшую, шанцованную, рѣзанную, румяненную, порченную, я непременно выбралъ-бы ее, для шого, чшобы безъ всякаго развлеченія обратишь вниманіе публики на одну изъ шочекъ трагическаго искусства — исполненіе.

Декабрь 1830.

Вамъ, любезный Милордъ, не совѣшую чинать моего перевода : вы найдете его , какъ нахожу я самъ , несовершеннымъ . Къ числу испинъ , мною сказанныхъ , прибавлю еще одну , шу , что нѣтъ въ мѣрѣ ни одного хорошаго перевода , для знающаго языкъ подлинника — если слово : *переводъ* , принимаешь , какъ означающее *коловое воспроизведеніе образца* , какъ буквальное преложеніе каждаго слова , каждаго стиха , каждой фразы , въ слова , стихи , фразы другаго языка . Всякій переводъ дѣлается для незнающихъ подлинника , и — только для нихъ . Это часто шерешъ изъ виду наша кришка . Если-бы переводчикъ не былъ полковникомъ , онъ былъ-бы бесполезенъ . Переводъ къ подлиннику можешь относиться , какъ поршрешъ къ живому человѣку . Кшо-же захочешъ глядѣшь на поршрешъ милой , когда можешъ глядѣшь на нее самое ? Но въ отсушснвѣмъ , но при вѣчной разлукѣ , поршрешъ становишся драгоцененъ . Здѣсь шоже самое . Напрасно будемъ повшорять чужую пѣсню на своемъ языкѣ : эшо другой иншруменшъ . У него особые звуки , особый приемъ (*toucher*) , особия модуляціи , особие аккорди . Все эшо надобно употребишь , чшобы передашь вполне , усвоишь себѣ чуждую гармонію , и — всегда будетъ у насъ недоставашь внутренняго союза между мыслью человѣка и роднымъ его языкомъ .

И пакъ, я старался передать духъ, не буквы. Меня не всѣ поняли: я предчувствовалъ это. Для однихъ, не знающихъ по-Англійски, я былъ слишкомъ букваленъ; для другихъ, знающихъ, этого у меня недоставало. Такимъ образомъ, бронзовый опливокъ съ исполненной сшашум Опелло, былъ колоченъ, бишь, шерзаемъ кришикою, на Англійской наковальнѣ, Французскимъ молошкомъ. Въ видѣ книги, Мавръ мой, безъ сомнѣнiя, увидишь новыя нападения. Но — *Parve sine te, liber, ibis in urbem!* Все это оспанешся мнѣ пакъ-же неизвѣстнымъ, какъ и вамъ, любезный Милордъ. Кое-когда и шеперь говоряшъ мнѣ, что какой-то памелешёръ царапалъ меня, какой-то шущъ пѣлъ обо мнѣ, а неисцѣлимый Аришархъ разглагольшвовалъ про меня. Пущъ хлопочущъ; не хочу знать: ни что это за люди, ни что такое они дѣлающъ.

До сихъ поръ, я предсавлялъ вамъ только одну спорону моего лишперашурнаго опыта. Система вполне можешъ лучше объяснишься дѣломъ, нежели теорiями. Въ Поэзіи, въ Философiи, въ жизни, что такое система, образъ дѣйствiя, родъ, шонъ, слогъ? Всѣ сіи вопросы разрѣшающъ однимъ словомъ, и это слово всегда — *кля* человѣка. Голова cadaго ешъ форма, въ кошорую опливающъ образцы идей. Если смерть разбила голову, не старайтесь

склеить новой по прежнему образцу : онъ навсегда конченъ.

Подражатель Шекспира также ошибется въ наше время, какъ ошибались подражатели шворца Гоэоли.

Повторю еще разъ : мы идемъ. И хотя Шекспиръ достигъ, едва-ли не самой высокой степени, до которой можешь достигнуть новая Трагедія, но онъ достигъ ее по своему времени. Поэзія и наблюденіе сердца такъ изящны въ немъ, какъ никогда не были до него, и не будутъ никогда, ибо вдохновеніе не дѣлаетъ новыхъ успѣховъ, и природа человѣческая не перемѣняется ; но Философія, но духъ, должны соотвѣтствовать потребностямъ общества, въ которомъ живешь поэтъ : общество идетъ безпрестанно.

Нынѣ особливо, общество движется такъ быстро, что тринадцатилѣтній челоуѣкъ могъ видѣть по десяти лѣтъ изъ двухъ различныхъ вѣковъ : одного, совершенно во внѣшнемъ дѣйствіи, воюющаго, побѣждающаго, грубаго, сильнаго, славнаго, но безъ жизни, какъ будто съ замерзшею внутренностью, почти безъ успѣховъ въ Поэзіи, Философіи, Искусствахъ, или съ однимъ только движеніемъ на переходъ. А другой вѣкъ ? Онъ неподвиженъ, слабъ извнѣ, милокъ, нерѣшишелень въ дѣйствіи, безъ воли,

безъ блеска въ дѣлахъ, но внутренно онъ безпокоился, пожираешся безмѣрною, умственнымъ работою, броженіемъ, почти безпримѣрнымъ въ Исторіи; онъ скрываетъ въ себѣ горящій горнъ, гдѣ плавався, клопочушъ, кипяшъ, образуешся всѣ виды мысли, во всѣхъ формахъ, во всѣхъ образахъ, во всѣхъ возможныхъ порядкахъ. Одинъ въкъ уподоблялся пѣлу, другой уподобляешся духу. Какъ изъ соединенія ихъ не выйдши совершенно новому поколѣнію идей? Какъ дивисься всему, что дѣлаешся теперь, если только не предположишъ, что люди, иначе поступающіе, имѣя оти не зрятъ? Обращаясь къ Драмматическому Искусству, я полагаю, что въ будущее время оно сдѣлаешся у насъ гораздо пруднѣе прежняго и вынѣшняго, именно потому, что освободился отъ тяжкихъ узъ. Прежде, успѣвшій сдѣлать *что нибудь*, сообразно нязелымъ правиламъ, могъ надѣяться честной *репутациі*. Ошнынъ, съ другой точки зрѣнія будушъ смотрѣль на созданія драмматическія: пѣмъ болѣе попребуюшъ отъ нихъ естественныхъ красотъ, чѣмъ менѣе будешъ у нихъ условеннаго щегольства. Посмотрише на слабую, бѣдную лошадь, щегольски ходящую по манежу, подъ барханнымъ сѣдломъ, съ кокардами, баншиками, позолоченными цѣпочками, завышыми косичками: она дѣлаешъ ученые *вольты* и *полу-вольты*, показываешъ силу свою въ курбенахъ, и разиѣ-

реними галопомъ обезьянишь быспрому. Но бросьше-же ее, безъ сѣдла и украшеній, въ долины Эльзаса, или лѣса Польши, поспавыше ее рядомъ съ дикими конемъ Лишвы, или Аравии, и — шогда судише о ней!

Лишперашурная свобода, все вдругъ дающая, до безконечности умножаетъ затрудненіе выбора, и опниваетъ всѣ шочки опоры. Едва-ли не опъ шого, со временъ Шекспира у Англичанъ шакъ мало трагедій, и вовсе нѣтъ *Англійскаго Театра*, досшойнаго системы сего великаго человека, между шѣмъ, какъ у насъ найдешся множество шпоросшепенныхъ писашелей, сешавляющихъ огромный *Театръ*, и, если судишь объ нихъ по системѣ Расиновской, довольно сносныхъ.

Не пошшише сего замѣчанія маловажнымъ: оно поясняетъ весьма многое. Одно, тѣмъ горжусь я при моемъ општѣ есть шо, что я *первый* провозгласилъ на Французской сценѣ имя божественнаго Шекспира, и далъ случай Французской публикѣ доказашъ шоржешшвенно, что она счишаетъ языки шолько инструментами, на которыхъ разыгрываются всемірныя идеи. Преклонившись передъ исполнскимъ образомъ Шекспира, она сознала, что безсмертный гений принадлежшъ всему Человѣчешству, и шешпроишь славы его долженъ бышь цѣлымъ мірь. Такъ публика, но

такъ-ли *страсти и критика*? Предчувствую, что когда явятся новые образцы, онѣ возстанутъ противъ нихъ, противъ ихъ правилъ и системы. Будущія творенія спанутъ судишь, не понимая новыхъ побужденныхъ ими трудностей, и обширнаго размѣра, по которому надобно оцѣнишь ихъ. Поймутъ-ли и писатели, что къ поэзіи и знанію Шекспира надобно будетъ имъ прибавить все, что человекъ приобрѣлъ въ Философіи и Знаніяхъ послѣ него? Понимки будутъ многочисленныя и смѣлыя; каждая изъ нихъ будетъ похвальна, и паденіе не постыдно, ибо въ этомъ новомъ мірѣ, авторъ и публика будутъ восприниматься вѣдѣть, и взаимно. Хорошо будущему! Но мы должны приготовлять его, и, послѣ всего, что говорилъ я, вы, конечно, не будете упрекать меня и друзей моихъ за пламенную ревность нововведеній, какъ упрекали вы меня въ послѣднемъ вашемъ письмѣ.

Помните-ли вы эти огромныя, шары часы, на которые такъ часто я вамъ указывалъ? Воспоминаніе объ нихъ послужитъ мнѣ средствомъ изъяснить вамъ мою мысль, ибо въ нихъ вижу я вѣрное изображеніе состоянія общества, во всякое время.

По огромному циферблазу этихъ часовъ, на которомъ Римскія цифры подобны величиною колоннамъ, непрерывно ходятъ при спѣлкахъ.

Одна, большая, широкая, крѣпкая, съ головою похочею на пику, и формою подобная орудію ликшора, идешь пакъ шихо, что можно-бы поспорить о ея движеніи. Самый вѣрный, внимательный, насстойчивый взоръ не показалъ-бы въ ней никакого признака подвижности. Ее почтеше прикованною, привинченною, врѣзанною въ ея мѣсто на вѣки, и — между шѣмъ, въ *одну* часъ она переходитъ 12-ю долю циферблаша. Не изображаешь-ли намъ эта спрѣлка шолпу народную, копорой подвижность впередъ совершается безъ потрясеній, непрерывнымъ влеченіемъ, но — незамѣшно?

Другая спрѣлка, болѣе развязанная, идешь довольно скоро, пакъ, что при небольшомъ вниманіи можно замѣпишь ея движеніе. Въ 5-ть минутъ совершаетъ она пушь, на копорой первой потребенъ цѣлый часъ. Эшо вѣрная пропорція хода людей просвѣщенныхъ, прошивъ шолны, за ними слѣдующей.

Но выше обѣихъ спрѣлокъ ешь шрепя, особенно бѣспрая. Взоръ съ трудомъ успѣваетъ за ея прыжками, и — 60-шъ разъ касается она всѣмъ поткамъ пространства, прежде нежели вторая пройдетъ по оному, и первая пропащися.

Никогда, нѣшъ! никогда не смотрѣлъ я на эшу секундную спрѣлку, шоль живую, шоль без-

покойную, споль смѣлую, споль движимую въ одно время, бѣгущую впередъ и впередъ, дрожащую, какъ будно опъ сознанія своей опваги, или опъ наслажденія побѣдою надъ временемъ— никогда не смопрѣлъ я на нее, безъ думы, что попшь всегда имѣлъ, и долженъ имѣть споль быспрый бѣгъ впереди своего вѣка, за гранью общаго ума своего народа, выше самой образованной его часпи!

А тяжелый маяшникъ, управляющій спрѣлками своимъ неизмѣняемымъ движеніемъ — не видимъ ли мы въ немъ, если продолжимъ нашу идею, совершеннаго символа непремѣнному закону *успѣха*? Онъ безпрерывно уноситъ въ ходъ своемъ всѣ при спенени ума человѣческаго, для него совершенно равныя, и служація полько постепеннымъ означеніемъ хода его, къ цѣли — увы! для насъ безвѣстной...

(Съ Франц. Т.)

ДОМОВОЙ - ПЕСОЧНИКЪ.

(*Окончаніе*)

5.

Каково было удивленіе Нашанаела, когда при входѣ въ домъ онъ увидѣлъ, что жилище его совершенно сгорѣло, и на мѣстѣ дома шорчали обломки, около кошорыхъ возвышались четыре голыя и черныя стѣны. По счастью загорѣлась сперва химическая лабораторія, находившаяся въ самомъ нижнемъ этажѣ: друзья Нашанаела мужественно проникли въ комнапу его и спасли его книги, манускрипты и инструменпы. Все было перенесено въ другой домъ, гдѣ они наняли горницу и куда Нашанаель переселился. Сначала онъ не замѣнилъ, что жилъ напрошивъ Профессора Спалланцани, и не занимался разсматриваніемъ Олимпіи. Ясно можно было-бы видѣть, что лице ея было омрачено печалью о долгой разлукѣ. Но наконецъ онъ изумился, замѣпивъ, что Олимпія находилась, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ увидѣлъ ее однажды сквозь спеклянную дверь:

ничѣмъ не заняла, облокотилась руками о маленькій столѣкъ, она устремила неподвижно глаза свои. Напанаель признавался, что онъ никогда не видалъ подобной шали, но образъ Клары былъ въ его сердцѣ, и онъ остался равнодушнѣе при видѣ Олимпіи; только изрѣдка взглядывалъ, украдкой, изъ за книги, на свою прелестную спашую — и только.

Въ одинъ день, когда онъ былъ занятъ письмомъ къ Клэрѣ, вдругъ тихо постучались у его дверей. На его приглашеніе, отворила и показалась ошврашипельная фигура Коппола. Напанаель ужаснулся, но вспомнилъ, что Спалланцани говорилъ ему о Копполѣ, своемъ соотечественникѣ, и что онъ обѣщалъ своей невѣстѣ касательно домового-песочника Коппелюса; онъ усмѣялся своей дѣтской слабости и принудилъ себя говорить ласково съ симъ незнакомцемъ.

— Я не покупаю барометровъ, любезный, сказалъ онъ. Спуйай и оставь меня одного.

Но Коппола вышелъ на среднюю комнату и сказалъ ему хриплымъ голосомъ, сжимая свой огромный рожъ, чтобы составить ужасную улыбку: — Вамъ не нужны барометры? . . Но я вамъ могу продать глаза, прекраснѣйшіе глаза!

— Глаза, говоришь ты? — воскликнулъ Напанаель внѣ себя; — какъ можешь ты продавать глаза?

Но Коппола выложилъ зрительныя шрубки и , роясь въ большомъ карманѣ , онъ вынималъ изъ него очки , копорыя раскладывалъ на сполѣ .

— Эпо очки , очки , копорыя надѣвають на носъ ! Глаза , прекраснѣйшіе глаза , синьоръ !

Говоря такимъ образомъ , онъ вынулъ изъ своего кармана множество очковъ , и лучи солнечныя , ударяя на сполѣ , гдѣ они лежали , отразились вдругъ различными призматическими огнями . Тысяча глазъ , казалось , сверкая взирали на Нашанаеля , но онъ не могъ опвратить ошъ спола взоровъ своихъ . Коппола не переставалъ выкладывать очки , и эши глаза , коихъ количество безпрестанно увеличивалось , сверкали болѣе и болѣе ; переломленіе какъ-бы лучей кровавыхъ ударило на грудь Нашанаеля . Пораженный неизъяснимымъ ужасомъ , онъ схватилъ Копполу за руку , въ шо время какъ онъ опустилъ опять руку въ карманъ , чшобъ достать новыя очки , хоши весь сполѣ уже былъ покрытъ ими .

— Остановись , остановись , ужасный человекъ ! закричалъ онъ .

Коппола шихо освободилъ руку свою , и , осклзивъ зубы , сказалъ : — Ну , ну , эшого вы не хошите ; синьоръ ! Но вопъ лорнешы , прекрасныя лорнешы ! — И въ одно мгновение ока онъ

убралъ всѣ очки и вынулъ изъ другаго кармана лорнешы разныхъ формъ. Едва очки исчезли, какъ Нашанаель опять успокоился и, думая о Кларѣ, онъ убѣдился, что всѣ эти явленія рождающіяся въ его воображеніи. Коппола не представлялся уже ему магомъ и существомъ ужасающимъ, но честнымъ опшикомъ, коего инструментами не имѣли ничего сверхъестественнаго. Чтобы все поправить, онъ рѣшился чтонибудь купить у него. И такъ онъ взялъ лорнешъ опличной работы и, чтобы испробовать его, подошелъ къ окну. Никогда онъ не видалъ, чтобы стекла были такъ вѣрно и искусно прибраны, чтобы такъ хорошо приближали предметы и представляли ихъ глазамъ въ такой точности. Онъ невольно обратился лорнешъ на покой Спалланцани. Олимпія сидѣла, какъ обыкновенно, сложивъ руки на маленькій сполникъ. Тушь только Нашанаель замѣтилъ чрезвычайную красоту лица Олимпіи. Одни глаза, странно усурмененные, казались ему мертвыми; но чѣмъ болѣе онъ глядѣлъ въ лорнешъ, тѣмъ болѣе, казалось ему, глаза Олимпіи оживлялись жизненными лучами: какъ будто пунктъ зрѣнія загорался внезапно и взоры ея становились ежеминутно живѣе и блистательнѣе. Нашанаель, погружаясь въ разсмащриваніе не земной Олимпіи, какъ-бы силою божества былъ прикованъ къ окну. Шумъ, послышавшійся воздѣ

него , вывелъ его изъ усыпленія. Это былъ Коппола , которій дергалъ его за плашье.

— Три цехина. . . ну при дукаша — говоритъ Коппола.

Нашанаель забылъ совершенно объ опшкѣ; онъ поспѣшно ему заплашилъ , что онъ требовалъ.

— Не правда-ли: прекрасный лорнешъ , превосходный лорнешъ ? — сказалъ Коппола съ грубымъ смѣхомъ.

— Да, да ! — отвѣчалъ Нашанаель съ сердцемъ. — Прощай , любезный. Спунай , спунай !

И Коппола оставилъ комнату, бросивъ странный взглядъ на Нашанаеля , которій слышалъ, какъ онъ при сходѣ внизъ громко захохоталъ.

— Безъ сомнѣнія онъ смѣется надо мною , что я слишкомъ дорого заплашилъ за эшонтъ лорнешъ ! — сказалъ онъ самъ себѣ.

Въ сію минушу , сзади его , послышался жалобный вздохъ. Нашанаель шоль испугался , что едва перевелъ духъ. Онъ прислушивался нѣсколько времени. — Клара справедливо называетъ меня мечшашелемъ ! сказалъ онъ наконецъ. Но не удивительно-ли ? Мысль , что я дорого заплашилъ за лорнешъ , привела меня въ ужасъ.

Онъ сѣлъ за столъ , чшобы окончить письмо къ Кларѣ , но , взглянувъ на окно , увидѣлъ , что Олимпія все еще на свѣтѣ мѣсцѣ , и въ шу же минушу , какъ-бы побуждаемый сверхъестественною силою , схватилъ лорнетъ , проданный Копполою , и не отвращалъ наблюдательныхъ взоровъ отъ своей прелестной сосѣдки до шѣхъ поръ , пока его поварищъ Сигизмундъ , позвалъ его , идти слушать лекцію Профессора Спалланцани . Занавѣсъ щцательно въ эпошъ разъ прикрывалъ стеклянную дверь , и онъ не могъ видѣть Олимпіи . Два слѣдующіе дня она скрывалась отъ взоровъ его , хошя онъ ни на минушу не отходилъ отъ окна и безпрестанно глядѣлъ въ лорнетъ . Въ шрешій даже окно задернулось занавѣсою . Воспламененный любовными мечтаніями , онъ выбѣжалъ въ опчаяніи за городъ . Повсюду образъ Олимпіи лешалъ передъ нимъ ; онъ являлся въ каждомъ густомъ деревѣ , въ каждомъ кусточкѣ , и изъ глубины свѣшлыхъ водъ каждаго источника глядѣлъ на него сверкающими глазами . Клара совершенно взглянулась изъ его сердца ; онъ ни о чемъ болѣе не думалъ , какъ объ Олимпіи , и спеная восклицалъ : Свѣшлая звѣзда любви моей ! не для шого ли ты взошла , чшобы пошчасъ-же исчезнуть и оставишь меня въ глубочайшей шмѣ ?

6.

Воропясь въ жилище свое, Напанаель замѣтилъ, что въ домѣ Профессора большое движеніе. Всѣ двери были отворены; приносили множество мебели; окна въ первомъ этажѣ были подняты; хлопошливыя служащкі бѣгали взадъ и впередъ съ длинными мешлами, и по всему дому раздавались удары молотковъ мебельщиковъ и обойщиковъ. Напанаель въ удивленіи остановился на улицѣ. Сигизмундъ подошелъ къ нему и смѣясь сказалъ: Ну, что скажешь ты объ нашемъ спаричкѣ Спалланцани?

Напанаель ему отвѣчалъ, что рѣшительно ничего сказать не можешь о Профессорѣ, и ничего не знаешь; но что не можешь надивиться шуму и тревогѣ, царствующей въ этомъ домѣ, прежде столь уединенномъ и тихомъ. Тогда Сигизмундъ разсказалъ ему, что Спалланцани даетъ завтра великолѣпный праздникъ, концертъ и балъ, и что половина Университета была приглашена. Пронесся слухъ, что дочь Спалланцани, Олимпія, которую онъ до сихъ поръ скрывалъ отъ чужихъ взоровъ въ глубокомъ уединеніи, покажется въ первый разъ.

Напанаель получилъ отъ него приглашительное письмо, и съ восхищеніемъ отправился къ Профессору въ назначенный часъ. Множество

карсепъ начинало уже съѣзжашься , и залы были великолѣпно освѣщены. Собраніе было многочисленно и блистательно. Олимпія явилась въ богатѣйшемъ плашѣ , убранномъ съ большимъ вкусомъ. Не лзя было не удивлятьса красотѣ ея лица и формъ. Плеча ея , нѣжно округленныя , и гибкость спана , подобнаго пчелиному , были ослѣпительны ; но всѣ замѣтили нѣжную и гордую поступь ея , которая возбудила всеобщія замѣчанія. Приписывали сію принужденность ея замѣшательству при видѣ свѣта , споль для нея новаго. Концерпъ начался. Олимпія играла на фортепьяно неподражаемо и пропѣла арію чистымъ и звонкимъ голосомъ , похожимъ на звукъ спекляннаго колокола. Нашанаель былъ погруженъ въ неизяснимое восхищеніе ; но онъ находился въ послѣднихъ рядахъ слушателей , и ослѣпительный блескъ восковыхъ свѣчъ не позволялъ ему различать черпъ лица Олимпіи. Не будучи никѣмъ примѣченъ , онъ вынулъ изъ своего кармана лорнетъ , проданный Копполою , и началъ разсматривать прелестную цѣвицу. Боже ! какое восхищеніе ! Онъ увидѣлъ тогда , что благосклонные взоры прекрасной Олимпіи искали его , и выраженія любви въ аріи ея , казалось , къ нему относились. Блистательныя рулады раздались въ ухахъ Нашанаела , какъ небесное шрепешаніе любви блаженной , и когда арія окончилась продолжительною прелюю , ко-

Декабрь 1830.

шорая разлещьлась по залѣ въ гармоническихъ звукахъ, онъ въ испусленіи воскликнулъ: Олимпія! Олимпія! Взоры всѣхъ обралились на Нашанаела; студенти, которые находились возлѣ него, засиьлились; соборный органистъ съ досадю далъ знакъ ему воздержаться. Концертъ кончился и балъ начался.

— Съ нею шанцовать! съ нею! — Это была цѣль всѣхъ желаній Нашанаела, всѣхъ усмій его; но какъ достигнуть до такой степени смѣлости: пригласить ее, царицу бала? Но онъ самъ не зналъ, какъ это случилось; шапецъ уже начался, какъ онъ очутился возлѣ Олимпіи, кошорая еще никѣмъ не была приглашена, и послѣ нѣсколькихъ невнятныхъ словъ, рука его схватила ее руку. Руки Олимпіи были холодны, и опъ сего прикосновенія холодный поятъ пробѣжалъ по жиламъ его. Онъ взглянулъ на Олимпію; любовь и благосклонность выражались во взорахъ ея, и онъ почувствовалъ какъ сильно бьются жилы сей холодной руки, и какъ кипящая кровь проникла по оледенѣвшимъ нервамъ. Нашанаель запрепеталъ, сердце его исполнилось любви; охвативъ рукою спянь прѣлестивой Олимпіи, онъ лепалъ съ нею мимо шолны вальсирующихъ. До сихъ поръ онъ считалъ себя фокуснымъ шанцовщикомъ, согласующимся всегда съ музыкою: но по правильности, совершенно

математической, съ какою шанцовала Олимпія , которая часпо сбивала его , онъ узналъ какъ до сихъ поръ его ухо обманывалось. — Онъ рѣшился ни съ кѣмъ другимъ не шанцовать болѣе и охотно задушилъ-бы всякаго , кто-бы подошелъ къ Олимпіи съ приглашеніемъ. Но это , къ великому удивленію Напанаеля , случилось шолько два раза , и онъ могъ шанцовать съ нею въ продолженіе всего вѣсера.

Если-бы Напанаель могъ видѣть что нибудь кромѣ Олимпіи , онъ-бы не избѣжалъ пагубныхъ ссоръ , ибо всюду раздавались шепшаніе насмѣшниковъ и непринужденный хохотъ молодыхъ людей , коихъ любопытные взоры невольно устремлены были на прекрасную Олимпію. Разгоряченный танцами и пуншемъ , Напанаель опложилъ свою природную заспѣвчивость : онъ сѣлъ подлѣ Олимпіи , взялъ ея руку и изъяснялъ ей любовь свою въ выраженіяхъ самыхъ изысканныхъ , кошорыхъ никшо понимашъ не могъ : ни Олимпія , ни онъ самъ. Однако-же она глядѣла въ глаза ему неподвижно и глубоко вздыхала ; ежеминутно раздавались ея восклицанія : Ахъ ! ахъ ! ахъ !

— О небесная дѣва ! божественное созданіе ! — говорилъ Напанаель — лучъ любви , обѣщанной намъ въ будущей жизни ! Свѣтлая и чувствительная душа , въ кошорой отражается все существо мое !

Но Олимпія ограничивалась новыми вздохами и опевѣшомъ : Ахъ ! ахъ !

Профессоръ Спалланцани проходилъ нѣсколько разъ мимо двухъ любовниковъ , и видя ихъ вѣспѣ , улыбался съ довольнымъ , но спраннымъ видомъ . Между пѣвѣ , вышедъ изъ оубѣвннн , въ какое завлекла его любовь , Натанаель увидѣлъ , что залы Профессора не такъ уже были освѣщены ; онъ посмошрѣлъ вокругъ себя и не мало былъ изумленъ , что двѣ послѣдннн свѣчи , кошорнн еще горѣли , гоповн были сей часъ погаснушь . Музыка и шанцы давно уже кончались .

— Разспахъся , разспахъся ! — воскликнулъ онъ съ горешню и ошчаяннѣмъ . Онъ вспалъ и хотѣлъ поцѣловать руку Олимпнн , но она нагнулась къ нему и уста хладннн коснулись его горячнхъ губъ ! . . Повѣспѣ о невѣспѣ-мершвецѣ шощасъ ему пришла на умъ ; хладъ пробѣжалъ по шѣлу его , такъ-же какъ и въ шо время , когда онъ дошронулся до мраморной руки Олимпнн ; но она , удержнвая его , прижнмала къ своему сердцу , и при поцѣлуяхъ , губн ея , казалось , оживлялись огнемъ жизни .

Профессоръ Спалланцани медленно проходилъ по пущой залѣ ; шагн его , раздающнся по паркешу , и онъ самъ , окруженнй колеблющнмн шапнми , напоминали какое-шо привндѣннѣ .

— Любишь-ли ты меня? — Любишь-ли меня, Олимпія? — Одно только слово! — Любишь-ли ты меня? — Такъ шепталъ Нашанаель; но Олимпія только вздыхала, и всхваяя воскликнула: Ахъ! ахъ!

— Ангелъ мой! — сказалъ Нашанаель: — видъ твой для меня есть свѣшльбникъ, вѣчно освѣщающій душу мою!

— Ахъ! ахъ! — возразила, удаляясь, Олимпія. Нашанаель слѣдовалъ за нею; она очутилась предъ Профессоромъ.

— Вы очень скоро ознакомились съ моею дочерью—сказалъ, улыбаясь, Профессоръ. — Ну, ну, дорогой мой Нашанаель, если вамъ не противны разговоры съ эшою робкою дѣвушкою, посвященія ваши будутъ для меня пріятны.

Нашанаель распрощался и удалился съ воспоргомъ въ душѣ.

7.

На другой день праздникъ Спалланцани былъ предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Хотя Профессоръ употребилъ всѣ усилія, чтобы блеснуть, но госши его крипиковали шмсачу вещей, а болѣе всего спарались унизить гордую и молчаливую Олимпію, называя ее просто глупою:

симъ-шо недоспашкомъ объясняли себѣ , ошъ чего Спалланцани скривалъ ее до сихъ поръ. Нашанаель слушалъ шакія догадки съ гнѣвомъ ; но онъ молчалъ , ибо думалъ , что сія несчастныя люди недоспойны , чтобъ имъ доказывали , какъ собственная глупость ихъ мѣшала имъ узнатьъ всю красоту души Олимпіи.

— Я не понимаю — сказалъ ему однажды Сигизмундъ — какъ человекъ съ такимъ умомъ какъ ты , могъ цѣлншсь эшимъ автомашомъ , эшомъ восковою фигурою ?

Нашанаель вспыхнулъ , но шотчасъ-же успокоился и ошвѣчалъ : « Я не понимаю , какъ земная красота Олимпіи ускользнула ошъ швоихъ дальновидныхъ взоровъ , ошъ души швоей , цѣлняющейсѣ всѣмъ изыщнымъ ? Но я благодарю судьбу , что ты не соперникъ мой , ибо шогда кто нибудь изъ насъ долженъ-бы былъ упасть въ кровь къ ногамъ другаго .

Сигизмундъ увидѣлъ , какъ далеко завлеченъ былъ другъ его ; онъ искусно ошклонилъ разговоръ и , сказавъ что въ любви ни о чемъ судишь не лзя , прибавилъ : — Однакожъ странно , что большая часть поварищей нашихъ сдѣлали одно и шо-же сужденіе на счетъ Олимпіи . Она намъ показалась . . . не сердись , братецъ . . . она намъ всѣмъ показалась безъ жизни и души . Правда , что спанъ ея и лицо прелесныи , и она

могла-бы слыть красавицею , ежели-бы ея глаза къ чему нибудь служили. Поступь ея спранны размѣрена , и , кажешся , она движется посредствомъ колесъ , кошорыя механически приводанся въ дѣйствіе. Игра ея и пѣніе шакъ ужь правильно и неприятно расчислены , что походяшь на игру машины ; точно шакъ же она и танцуетъ. Эша Олимпія пропивна намъ , и мы не хопимъ имѣть съ нею ничего общаго , ибо намъ кажешся , что она принадлежишь къ роду существъ бездушныхъ , и что она шолько показывается , что живешъ .

Нашанаель не соглашался съ чувствами омрзенія Сигизмунда. Онъ опивчалъ съ швердо-спію : « Для вашихъ холодныхъ душъ , можешъ бышь , Олимпія еспь существо спранные. Подобное усшройство шѣла можешъ нравишься шолько душъ поэта ! Ко мнѣ шолько опинослся огонь любви , блещущей во взорахъ ея ; шолько въ одной Олимпіи я снова обрѣлъ свое существованіе. Она не разговариваетъ о вещахъ просныхъ , какъ умы поверхносшныи; она произносишь мало словъ : эшо правда ; но въ эшихъ немногихъ словахъ заключаешся гіероглифъ невидимаго міра , міра исполненаго любви , духовной жизни и вѣчностіи. Все эшо вамъ непоняшно , и слова эши пошерыны ! »

— Сохрани шебя Боже , любезный повариць! —

сказалъ нѣжно и почти съ печальнымъ видомъ Сигизмундъ. — Но мнѣ кажется, что ты идешь по дурному пути. Повѣрь мнѣ, ежели все. . . . нѣтъ я не хочу продо:жать.

Нашанаель увидѣлъ, что хладнокровный и разсудительный Сигизмундъ показываешь ему непришворную дружбу: онъ съ искреннею любовью пожалъ ему руку.

Нашанаель совершенно забылъ, что Клара существовала въ семь свѣтѣ, что онъ любилъ ее нѣкогда. Онъ позабылъ все: и машь свою и Лопера; онъ жилъ только для Олимпіи, которой безпрестанно говорилъ о любви своей, о симпатіи душъ, о физическихъ свойствахъ и о всемъ, что только Олимпія, казалось, слушала съ удовольствіемъ. Нашанаель вырылъ изъ своего шкафа все, что онъ ни писалъ: стихи, фанпазіи, видѣнія, романы, повѣсти; собраніе сочиненій его умножалось всякій день сонетами и ситашьями, писанными днемъ, и ночью во время сіянія луны, и все это онъ, безъ устали, читалъ Олимпіи. Но за то онъ никогда не видалъ и слушателя, столь внимательнаго. Она не шила, не вязала, не глядѣла въ окно, не кормила пшичекъ, не играла съ маленькою собачкою или любимую кошкою, не мила въ своихъ пальцахъ лоскушка бумажки, и не зѣвала; короче: она не двигалась, не спускала съ него

глазъ въ продолженіе двухъ часовъ, и взоръ ея спановился болѣе и болѣе блисташелень; только, когда наконецъ Напанаель вставалъ и бралъ ея руку, чтобы напечатлѣть на ней поцѣлуй, она говорила: Ахъ! ахъ! а послѣ: Проси, любезный другъ.

— Чувствительная душа! ты одна въ мірѣ понимаешь меня! — Онъ шрепеталъ отъ радости, мечтая о духовныхъ отношеніяхъ между имъ и Олимпією, кошорыя спановились съ каждымъ днемъ шѣсѣе, и ему казалось, что внутренней голосъ открылъ ему чувства прелестной дочери Профессора. Иначе и бышь не могло: ибо Олимпія не произносила другихъ словъ, кромѣ вышесказанныхъ. Но когда Напанаель, въ инныя минушы (какъ напримѣръ, пробуждаясь упромъ, когда душа еще не заняша никакими впечатлѣніями), вспоминалъ о безмолвіи и бездѣйствіи Олимпіи, онъ упѣшалъ себя, говоря: Что такое слова? Ничего болѣе какъ слова. Ея небесный взоръ выражаетъ гораздо болѣе, нежели всѣ разговоры въ свѣтѣ. Неужели сердце ея должно заключаться въ шѣсный кругъ нуждъ нашихъ и подражать нашимъ жалкимъ и несчастнымъ воплямъ, для выраженія своихъ мыслей?

Профессоръ Спалланцани, казалось, былъ восхищенъ связью своей дочери съ Напанаелемъ, и давалъ эшо замѣчалъ, говоря, что онъ

предославляетъ выборъ супруга совершенно на волю дочери. Ободренный сими словами, и старая опъ нешерптнія, Напанаель рѣшился умолять Олимпію, сказавъ ему словами то, що взоры ея давно ему выражали.

Онъ искалъ перстня, подареннаго ему матерью его при разсаваніи, и кошорый онъ хотѣлъ надѣть на палець Олимпіи, въ знакъ вѣрнаго соединенія.

Въ то время какъ онъ рылся, попались ему въ руки письма Лопера и Клара: онъ съ хладнокровіемъ отбросилъ ихъ, нашелъ перстень, надѣлъ его на палець, и пошелъ къ Олимпіи. Онъ уже всходилъ по ступенямъ и уже былъ въ стѣнахъ, какъ вдругъ услышалъ необыкновенный стукъ. Шумъ сей, казалось, выходилъ изъ учебной комнашы Спалланцани; топанье, шресканье и глухіе удары за дверью смѣшивались съ ругательствами и проклятіями.

— Оспавъ! оспавъ! разбойникъ! злодѣй! Я посвятилъ всю жизнь свою и здоровье.

— Ха! ха! ха! ха! Нѣтъ! не шаковъ былъ договоръ нашъ. Я дѣлалъ лицо.

— Я колеса!

— Безумный! пошелъ съ швоими колесами!

— Песъ! чудовище!

— Презрѣнный часовщикъ!

— Удались, сашана!

— Стой , подлѣй работники!

— Прочь , адское чудовище !

— Ошановись !

Эшо были голоса Спалланцани и ужаснаго Конпелюса , которые , смѣшивалсь , гремѣли вмѣстѣ . Нашанаель , обьяшый спрахомъ , вбѣжалъ въ кабинетъ . Профессоръ держалъ женское шѣло за плеча , а Ишальянецъ Конпола за ноги : они спарались вырвать его другъ у друга , дергали его по за одну сторону , по за другую , съ звѣрствомъ спаралсь завладѣшь имъ . Нашанаель въ ужасѣ ошснулъ назадъ , узнавъ въ сей фигурѣ Олимпію ! . . Воспламененный гнѣвомъ , онъ бросился на двухъ злодѣевъ , чшобы опшиашъ у нихъ свою дребезную , но въ шу-же минушу Конпола вырвалъ изъ рукъ Профессора шѣло Олимпіи , и приподнявъ его , кинулъ съ такою силою , чшо оно упало на споль , посреди спклянокъ , шрубокъ и цилиндровъ , разбившихся въ дребезги . Тушъ Конпола , вскинуувъ шѣло на плечо , съ громкимъ хохотомъ побѣжалъ быспро съ лѣспницы . Слышно было , какъ ноги Олимпіи , лежащей у него на спинѣ , спукали по деревяннымъ ступенямъ . Нашанаель оставался неподвиженъ . Онъ ясно видѣлъ , чшо восковое лицо Олимпіи не имѣло глазъ , на мѣстѣ конхъ были двѣ черныя впадины . Эшо былъ безжизненный авшомашъ . Спалланцани валялся на полу ; дребезги опъ спеколъ ранили ему

голову, грудь и руки; кровь его текла ручьями; но онъ вскорѣ собралъ силы свои.

— Преслѣдуй его! преслѣдуй!.. что-жъ ты медлишь? Коппеліусъ, злодѣй Коппеліусъ похищилъ у меня лучшаго автомата. Я шрутился надъ нимъ 20 лѣтъ... Я посвятилъ на это здоровье свое и жизнь!.. Колеса, разговоръ, все, все было сдѣлано мною. Глаза... онъ у тебя ихъ укралъ. Разбойникъ!.. Бѣги за нимъ... принеси мнѣ назадъ мою Олимпію... вошь глаза...

Напанаель увидѣлъ на полу пару окровавленныхъ глазъ, копорые прямо смотрѣли на него. Спалланцани схватилъ ихъ и бросилъ съ такою быспротою, что они попали въ грудь Напанаеля. Разсудокъ его помѣшался.

— Ха! ха! ха! — восклицалъ онъ кружась — вершись, вершись, огненный кругъ... вершись прекрасная деревянная кукла... спанемъ веселимся... Ха! ха! вальсировашь!.. весело... ха! ха!.. прекрасная куколка!

Тутъ онъ бросился на Профессора и списнулъ ему горло. Онъ-бы совершенно задушилъ его, если-бы нѣсколько челоуѣкъ, привлеченныхъ на шумъ, не освободили Профессора изъ рукъ бѣшенаго Напанаеля: раны его были потчасъ перевязаны. Сигизмундъ едва могъ осилить своего товарища, копорый билъ вокругъ себя

мощными ударами, не переставая кричать ужаснымъ голосомъ: «Спадемъ веселишься, вальсировать! веселишься, прекрасная куколка!» Наконецъ его повалили на полъ и связали. Голосъ его ослабѣлъ и перешелъ въ дикій ревъ. Несчастный Нашанаель лишился разсудка. Его перевезли въ домъ сумасшедшихъ.

8.

Прежде нежели займемся несчастнымъ Нашанаелемъ, скажемъ пѣмъ, кои хоть немного инпересовались искуснымъ механикомъ и художникомъ автоматовъ, Спалланданн, что онъ былъ совершенно излеченъ отъ ранъ своихъ. Онъ привужденъ былъ оставишь Университетъ, ибо исторія Нашанаела произвела на всѣхъ большое впечатлѣнiе и всѣ считали за гнусный обманъ поступокъ Профессора, который вводилъ свою деревянную куклу въ городскія общества, гдѣ она была хорошо принята. Судьи находили сiю хитрость пѣмъ болѣе достойною наказанiя, что она была обращена противъ публики, и съ такою понкоснiю, что, за исключенiемъ только нѣкоторыхъ ученыхъ студентовъ, никто не могъ опгадать ея, хотя всякій хвалился пѣмъ, что онъ что нибудь замѣнилъ въ ней. Одни увѣряли, что они видѣли, какъ Олимпiя чиха-

ла, еще болѣе нежели зѣвала, что прошивно было всѣмъ правиламъ эшкеша. Эшо, говорили они, дѣйствіе внушрешнаго механизма; эшо было явно. На сей счетъ, Профессоръ Поззи и Краснорѣчія, взявъ щепоть табаку и ударивъ пальцами по табакеркѣ, съ важно-сшію сказалъ: Вы, господа, не поняли смысла эшихъ словъ. Цѣлое есть аллегорія, непрерывная метафора. Понимаете-ли вы меня? *Sapienti sat!* — Но большая часть не довольствовалась симъ изъясненіемъ. Исторія автома сдѣлала на душу ихъ глубокое впечатлѣніе, и поселила въ нихъ ужасную недоувѣрчивость къ женщинамъ. Много любовниковъ, желая убѣдиться, что они были плѣнены не автомаами, хотѣли, чтобъ повелительницы ихъ сердець шанцовали и плѣли неправильно; хотѣли, чтобъ онѣ визали въ то время, когда имъ чинающъ; но болѣе всего требовали, чтобъ онѣ иногда *дѣйствительно* говорили, то есть, чтобъ слова ихъ иногда изъясняли ихъ чувства и мысли. Эшо разстроило большую часть любовныхъ связей.

Коппола исчезъ прежде Спалланцани.

Нашанаель, въ одинъ день, пробудился какъ бы отъ шягосшнаго и глубокаго сна. Онъ открылъ глаза, и почувствовалъ, что онъ возвращается къ жизни пріямною и небесною теплошю

благошворнаго луча. Онъ лежалъ въ своей комнатѣ, въ родительскомъ домѣ; Клара наклонилась надъ его кроватью; подлѣ него спали его мать и Лошеръ.

— Наконецъ , наконецъ , любезный Нашанаель, ты возвращенъ намъ!—Такъ говорила Клара умишленнымъ голосомъ, сжимая въ своихъ объятіяхъ Нашанаела, у кошораго слезы текли ручьями.

— Клара моя! Клара! — воскликнулъ онъ съ горестію, смѣшанною съ восхищеніемъ.

Сигизмундъ , кошорый съ вѣрностію удаживалъ за своимъ другомъ , вошелъ въ комнату. Нашанаель протянулъ къ нему руку : — Товарищъ , другъ мой , сказалъ онъ ему , я ты не оставилъ меня!

Всѣ слѣды помѣшательства исчезли , и вскорѣ попеченія матери , друзей и возлюбленной возвратили ему силы. Счастіе снова водворилось въ семь домѣ. Одинъ шармъ дядя , о кошоромъ никакъ и не думалъ , кончилъ жизнь и ошказалъ , по духовной , матери Нашанаела обширное помѣстье , лежащее въ мѣстахъ самыхъ живописныхъ , въ небольшомъ разстояніи отъ города. Сюда-то хотѣли всѣ переселиться : Нашанаель , Клара , съ кошорой онъ долженъ былъ скоро вступить въ бракъ , мать и Лошеръ. Нашанаель сдѣлался гораздо успучивѣе : онъ спалъ простосердеченъ , такъ-же

какъ былъ въ молодости , и увидѣлъ во всемъ блестя небесную душу Клары.

Никто ему и не намекалъ о прошедшемъ. Когда Сигизмундъ увѣждалъ , Наманаель только сказалъ ему :— Да , брашъ , я шелъ по дурному пути , но ангель показалъ мнѣ дорогу на небо! Эшопъ ангель . . . Клара !— Сигизмундъ не далъ ему продолжатъ , боясь напомнить печальными происшествiя.

Наступило время , когда сіи чепыре счастливыя сущесва должны были опсправившя въ свов деревню. Днемъ они пошли вмѣстѣ сдѣлашь въ кошоры покупки. Высокая башня рашуши бросала на рынокъ гиганшскую тѣнь.

— Взойдемъ на верхъ , чшобъ взглянушь еще разъ на наши прекрасныя горы !— сказала Клара.

Чшо сказано , шо и сдѣлано. Наманаель и Клара взошли ; машъ съ служанкою опсправилась домой , а Лошеръ , не имѣя охошы лѣзшь по множесшву спупенекъ , оспался внизу колокольни. Вскорѣ двое любовниковъ спояли одивъ подлѣ другаго на самой высокой галлерей башни , и взоры ихъ были обращены на лѣсъ , будшо подернутый дымомъ , позади коего возвышались синеватыя горы , какъ исполинскіе города.

— Видишь-ли—сказала Клара — эши деревья , кошоры , кажешся , наклоняющя къ намъ ?

Натанаель машинально опустилъ руку въ карманъ; онъ нашелъ шамъ лорнешъ, проданный Коппеліусомъ, и, взглянувъ въ него, увидѣлъ образъ Клары. Жилы его сильно забились, молніи засверкали въ глазахъ его, и онъ началъ ревъпъ, какъ люшій звѣрь... Попомъ онъ началъ кричать, прыгая и заглушая слова свои дикимъ хохомомъ: — Прекрасная куколка! вальсируй, веселись! Ха! ха! ха! прекрасная куколка! — и схвативъ Клару мощными руками, онъ хошѣлъ сбросить ее съ галлерей; но, въ опчаяніи, Клара схватилась съ оцѣпенѣніемъ за перилы. Лошеръ услышалъ хохомъ бѣшенаго Натанаеля, услышалъ крики ужаса Клары; спрашное предчувствіе овладѣло имъ, и онъ опрометью бросился вверхъ... Дверь впорой лѣстницы была заперша. Крики Клары спановились громче и громче. Въ бѣшенствѣ и ужасѣ, онъ шакъ сильно ударилъ въ дверь, что она потчасъ успушила. Крики Клары ослабѣвали. «Помогите... спасите меня, спасите меня...» шакъ замиралъ голосъ ея въ воздухѣ.—Она мертва, убита злодѣемъ! — кричалъ Лошеръ. Дверь въ галлерею была шакже заперша. Опчаяніе придадо ему невѣрояшныя силы: онъ выбилъ ее изъ пешель. О Боже!.. Клара въ рукахъ Натанаеля висѣла за балюстрадаю въ воздухѣ; одна рука ея еще сжимала желѣзныя перилы. Быстрѣ молніи Лошеръ бросается, схватываетъ сестру свою, пришягиваетъ къ

Декабрь 1830.

33

себѣ, и , сильно ударивъ Нашанаеля , зсшавляешъ его выпустишь свою добычу.

Лоперь быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, держа на рукахъ свою сеспру , лишенную чувствъ. Она была спасена. Нашанаель, оставшись одинъ на галереѣ , бѣгалъ назадъ и впередъ , по временамъ прыгая и восклицая : «Вернись , огненный кругъ ! вернись ! » Толпа собралась на крики его, и посреди былъ видѣнъ Коппеліусъ , превышавшій всѣхъ головою и плечами. Хотѣли взойдти на колокольню, чпобъ схватишь безумнаго; но Коппеліусъ сказалъ, смѣясь : — Ха ! ха ! Подождите немного ! онъ самъ сойдесть ! — и спалъ глядѣшь на него вмѣстѣ съ другими.

Вдругъ Нашанаель остановился неподвиженъ. Онъ наклонился , увидѣвъ Коппеліуса , воскликнулъ пронзительнымъ голосомъ : — А ! прекрасные глаза ! прелестные глаза ! — и бросился внизъ по лѣстницѣ.

Въ то время какъ Нашанаель мертвый поклялся на помостѣ съ раздробленною головою , Коппеліусъ исчезъ.

Увѣряюшъ , что спуска вѣсколько лѣтъ видѣли Клару, въ одной изъ дальнихъ спранъ , сидящую предъ красивымъ лѣшнимъ домикомъ, въ

которомъ она жила. Подлѣ нея былъ счастливый супругъ и шрое прекрасныхъ дѣтей. И такъ должно думать, что Клара обрѣла наконецъ прочное супружеское счастье, которое общала ей крошкая и чувствительная душа ея, и котораго никогда не могъ доставить ей пылкій, бѣшеный Саманаель.

Уголовное уложеніе Китайцевъ. Переводъ Сира Георга Стаунтона, изданный въ Англии.

Общее Уложеніе Китайцевъ, называемое: *Ta Tchin Ieu-ly*, то есть: *Законы и Уставы, при династии Та-тинъ*, можно назвать образцомъ методы и ясности. Не только краткій, исправный, шочный шекстъ законовъ заключается въ семь Уложеніи, но и къ каждому закону прибавлено еще изъясненіе, и подробное показаніе, въ какихъ случаяхъ какой законъ прилагается къ дѣлу.

Часть сего Уложенія, относящаяся къ уголовному законодательству, съ удивительною точностью опредѣляетъ почти всѣ подробности преступленій, и ошлывается особенно постепенностью наказаній, какой не видимъ мы, къ сожалѣнію нашему, въ Уложеніяхъ самыхъ просвѣщенныхъ Европейскихъ народовъ.

Уголовное Кишайское Уложеніе раздѣлено на многія книги. Вотъ крашкая выписка изъ той, гдѣ говорится о покушеніяхъ на личность человѣка. Она была сообщена, нѣсколько лѣтъ тому, Вице-Королемъ Каншонскимъ Англійской Факторіи, съ просьбою: издать ее на Англійскомъ языкѣ, дабы предупредить ссоры, могущія бытъ между подданными двухъ Державъ.

1. «Кто убьешь кого либо, подъ предлогомъ, что онъ его обокралъ, да будешь удавленъ, въ сходность закона о человѣкоубійствѣ, учиненномъ въ ссорѣ.

2. «Кто выстрѣлишь въ другаго изъ ружья, и убьешь его, да лишится головы, по закону о произвольномъ убійствѣ. Если выстрѣломъ онъ только ранилъ, а не убилъ, да сошлешь въ ссылку.

3. «Кто лишитъ жизни преступника, котораго даешь себя ошановишь безъ спрошивленія, да будешь удавленъ.

4. «Кто ложно обвинишь другаго въ воровствѣ, въ вознагражденъ за клевету да почтешся самъ виновнымъ въ высшемъ преступленіи. Но если онъ вмѣшался только въ преслѣдованіе съ другими, или явился въ судѣ, какъ свидѣтель, да сошлешь въ ссылку.

5. «Кто ранишь другаго, съ умысломъ, да будешь сужденъ согласно закону объ ударахъ, данныхъ въ ссорѣ, и наказанъ болѣе или менѣе строгаго, смотря по вреду, имъ причиненному.

6. « Кто учинишь прошивное закону въ пьянствѣ, да будешь изгнанъ въ пущыни, и шамъ содѣлаешь рабомъ. »

Кашоржная работа и заключеніе въ шюрму неизвѣстны Кишайцамъ. Преступленія, не входящія въ разрядъ вышихъ, не имѣють почти никакихъ другихъ возмездій, кромѣ ссылки, или шѣлеснаго наказанія. Правительство опасается повредить нравамъ народа, часто представляя ему зрѣлище смершной казни. Посему, осужденныхъ на смерть собирають въ шемницы, гдѣ и осматриваются они въ заключеніи до осенняго равноденствія каждаго года. Въ сіе время шемница *пустѣетъ*: ужасное эшо слово возвѣщаетъ заключеннымъ, что часъ смерши наступилъ для нихъ всѣхъ. Другія наказанія отправляются публично, и шѣ, съ коими соединено безчестіе, производятся со всѣми пригошовленіями, могущими произвешъ страхомъ спасительное дѣйствіе примѣра.

Всѣ уголовныя преступленія, заслуживающія смершную казню, подвергаются ревизіи высшаго шрибунала, кошорый часто вовсе уничтожаетъ, или смягчаетъ приговоръ нисшихъ мѣстъ.

Всего болѣе ошличають забашливое стараніе Кишайскихъ законодательей: наказанія даже и малѣйшихъ безпорядковъ; наказанія, опредѣленные за несоблюденіе обрядовъ, касательно богослуженія и почшенія къ Богдыхану; послѣднее поставляется почти на одинаковой шепеніи съ почшеніемъ къ Богу.

Бамбуковая палка у Китайцевъ шоже, что пена и шюрма у Франгузовъ. Счетъ ударовъ не предоставляется въ Китаѣ произволу судьи, но, рѣшительно во всѣхъ случаяхъ, опредѣляется закономъ. Нѣкоторыя подробности сей части Китайскаго законодательства любопытны, и могушь дашь нашимъ чинашелямъ вѣрное понятіе о нравахъ *Небесной Имперіи*, въ коей уголовное законодательство, относительно преступленій противъ Естесивеннаго права, сходно съ законами другихъ народовъ.

Въ Уложеніи Китайцевъ опредѣляются формы и устройство священныхъ обрядовъ, съ такою точностью, что никакая ошибка прошивъ нихъ не остается безъ наказанія. Но о самомъ предметѣ обрядовъ Уложеніе говоритъ неопредѣленно. Оно предписываетъ шолько чиновникамъ, назначеннымъ для предѣдательства при жершвоприношеніяхъ и шоржественныхъ молишвахъ *небу, землѣ, духамъ высшимъ, наблюдающимъ за плодородіемъ земли, и облиемъ теловѣческаго рода*, приговоряшьясь къ ихъ обязанностямъ, воздерживаясь въ сіе время, не шолько отъ всякаго праздничества, но и отъ нѣкоторыхъ дѣлъ, общихъ и частныхъ, каковы: дѣла состраданія, посѣщеніе больныхъ, и проч. Сія чиновники ошвѣчаютъ за качество и свойства принесенныхъ на жертву жившныхъ, и всѣхъ другихъ приношеній. Ихъ обязанность шакже, вѣрно опредѣляшья дни, назначенные для священныхъ обрядовъ.

Ученый Переводчикъ Китайскаго Уложенія предлагаетъ при семъ случаѣ вопросъ: Слова: *небо, земля, высшіе духи*, шакже и другія подобныя слова, на-

ходящіяся въ Уложеніи, выражають-ли отдѣльныя, опредѣленныя божества Китайцевъ, или только принадлежность единаго Бога, понимаемаго въ символахъ, и слѣдственно, должно-ли почестъ Китайцевъ поклоняющимися единаго Бога, или многобожниками? Иезуиты упорно стояли за первое изъ сихъ мнѣній; но Г-нь Спауншонъ отвергаетъ оное, утверждая, что по всѣмъ новѣйшимъ изысканіямъ, послѣднее мнѣніе является достовернымъ.

Божества высшаго разряда, какъ-то: духи горъ, рѣкъ, вѣтровъ, облаковъ, молній, Богдыханы, причтенные къ святымъ, великіе государственные мужи, славные мудрецы, составляютъ также предметъ обожанія, чтимый жертвами и воспоминаніями. Такъ и Индійцы почитаютъ духовъ, священныхъ мужей, мудрецовъ, и домашнія божества (см. *Уставы Мену*, гл. III. ст. 117).

Строго запрещаются подобныя обожанія, если они не утверждены особымъ закономъ.

Разрушеніе, или оскорбленіе алтарей, вольное и невольное, также всякаго мѣста, назначеннаго для религіознаго поржества, или служенія, называется собою ударовъ бамбуковой палки, и вѣчнымъ изгнаніемъ; такое-же наказаніе опредѣляется тому, кто осквернитъ или испорчитъ какую-нибудь вещь, назначенную для священныхъ обрядовъ.

Надгробные памятники Богдыхановъ и Князей, а также гробницы священныхъ, мудрецовъ, знаменитыхъ мужей, вѣряются поочередно правительству

области , и сшадамъ запрещено къ онымъ приближаться .

Священникамъ вѣры *Fo-хе* и *Taoutsze* запрещено сообразоваться въ ихъ обрядахъ съ священными обрядами Кишайской вѣры . Если женщина войдетъ въ смятвище , предоставленное шолько священникамъ , или возмется рукою за кадильницу , мужъ , или отецъ ея , подвергаются 40 ударамъ бамбуковою палкой . Повельно доносить Правительству , если кшо нибудь колдуешъ , призывая злыхъ духовъ , посредствомъ книгъ , или волшебныхъ словъ , шакже доносишь о всякомъ заводчикѣ и начальникѣ неблагочешиваго и разврашнаго ученія , и объ участникѣ общешва . занимающагося какими нибудь вредными суевѣрїями . Казнь назначена шому , кшо кадишь и обожаетъ изображенія сихъ людей , собираешъ ночью свое неблагочешивое общешво , или приводишь въ заблужденіе народъ обманчивою силою колдовства , или шайнаго знанія .

Шо ударовъ повелѣвается отсчиташъ шому , кшо вздумаетъ самъ собою собрать народъ , при звукахъ барабана , или *гонга* , для совершенія обряда предъ идолами . Только дважды въ годъ позволено собираться въ храмахъ , гдѣ находятся идолы , изображающіе земныхъ духовъ : весною , для испрошенія ихъ помощи , осенью , для возданія имъ благодарности .

Частный человекъ , сохраняющій у себя вшайнѣ идола , изображающаго высшихъ боговъ , инструменшы , изъясняющіе , или представляющіе движенія небесныхъ шъль , ашрологическія книги , или

замѣшки, поршрешы Богдыханомъ, официальные знаки и бумаги, кои могутъ имѣть только известнаго достоинства люди и чиновники, подвергается телесному наказанію и пени, смотря по важности пресшупленія.

Уложеніе Китайское ничего не говоритъ о Христіанствѣ, хотя число Католиковъ въ Китаѣ весьма не мало, и часто подвергалось они безпокойному и враждебному надзору, а иногда и гоненію отъ Правительства. Переводчикъ Уложенія прибавилъ отъ себя, ошдѣльно, два любопытные указа, по сему отношенію, изданные въ 1805-мъ году. Въ одномъ изъ нихъ, ученіе Христіанскихъ миссіонеровъ подвергается сильнымъ клеветамъ и порицаніямъ. Вотъ окончаніе сего указа: «Убѣждаемъ нашихъ подданныхъ быть внимательными къ гласу ихъ опечесства и совѣтамъ ихъ Правительства, заниматься своими дѣлами, изучать писанія мудрыхъ и ученыхъ людей, и исполнять свои обязанности, не думая ни о какой чуждой вѣрѣ. Если секты *Fo-hé* и *Taou-tsze* недостойны вниманія, то чего-же заслуживаетъ ученіе Европейцевъ!»

Когда лекаръ, сошавляя лекарство для Богдыхана, општупишъ отъ правилъ, предписываемыхъ обычаемъ, и давая его, не представившъ опчета въ свойствахъ онаго и причинѣ, для которой предписалъ, также, если онъ сошавившъ его не изъ свѣжихъ и не изъ хорошихъ вещей, и худо опредѣлившъ количество оныхъ, то получаешъ отъ 60 до 100 ударовъ Сіе опдѣленіе могло-бы бышъ названо: *Законы противъ успѣховъ Медци-*

мы, и оно показываетъ, до какой степени нечестно доводящъ Кипшайцы уваженіе къ мудрости своихъ предковъ.

По части Гасшреноиіи въ Кипшай есть также свои уголовные законы. Сто ударовъ бамбуковою палкой набоминающъ повару обязанность его, если пригошоваая Богдыхану кушанье, онъ, по разсыянности, употребитъ не опредѣленныя Уставомъ снадобы. За неоправное пригошование дается ему 80 ударовъ, за несвѣжестъ припасовъ 60, и если не отдаваъ кушанья онъ подастъ его, 50. Мешръ-д'ошель, ишпендантъ и поварь, употребившіе что нибудь новое для составленія пинья, или кушанья, получаютъ сто ударовъ, и должны выпить или съѣсть свое нововведеніе.

Неизмѣнное наблюденіе прежнихъ обычаевъ проспирается на мебель и экипажи Богдыханскіе. Сорокъ ударовъ опредѣлено тому чиновнику, кошорый прошивъ уставовленнаго порядка представитъ Богдыхану изъ вещей, или мебели, что либо не нужное, или забудетъ представивъ нужное. Смопритель за экипажами и лошадьми получаешъ 80 ударовъ, если забылъ осмотрѣть и исправитъ экипажъ. Сто ударовъ опредѣлено чиновнику, кошорый представитъ неисправную жоку, яхшу, или какую нибудь лодку.

Чиновникъ, кошорому поручено отъ Богдыхана доставитъ кому либо подарокъ, не передаетъ его отъ себя шретьему лицу для ошдачи по назначенію, подь опасеніемъ бится и лишенія чина.

Если Богдыханъ вдругъ спроситъ о чемъ нибудь

нѣсколькихъ чиновниковъ, каждый долженъ оповѣ-
щать одинъ за другимъ, по чину и званію; оповѣ-
щавшій не въ очередь лишается мѣсячнаго жало-
ванья.

Помощникъ Церемоніймейстера, самовольно, или
подъ ложнымъ предлогомъ лишившій счастья явись-
ся передъ Богдыханомъ шу особу, которой Богды-
ханъ позволяетъ предстать передъ него, лишается
головы. Объявляюся сообщниками его и подвер-
гаются той-же казни всѣ чиновники, знавшіе объ
его преступленіи и не открывшіе онаго. Сей законъ
долженшвовалъ бытъ приложенъ къ оскорбленію,
сдѣланному Англіи въ лицѣ Лорда Амгерста, но
Богдыханъ на сей разъ забылъ объ этомъ законѣ.
Изъ сего можно заключить, что позволеніе явись-
ся передъ Богдыхана Англійскому Послу, дано было
притворное, и только послѣ, довольно неискусно,
свалили всю вину на чиновниковъ.

Можно сославивъ себѣ понятіе о теоріи Ки-
тайскаго Правительства, читая уголовные законы,
касающіеся опшравленія общественныхъ дѣлъ. Шестъ
верховныхъ трибуналовъ занимаюшся ревизіею всѣхъ
ошибокъ, учиненныхъ въ управленіи Государствомъ,
и всѣхъ дѣлъ полезныхъ, или вредныхъ для общаго
блага. Они доносятъ о своихъ изысканіяхъ, черезъ
особыхъ чиновниковъ, Богдыхану. Имъ досматриваюш-
ся для сужденія дѣла особыми цензорами (конхъ над-
зоръ простирается даже на особу самого Богдыха-
на), Вице-Королями, и Подъ-Вице-Королями. Каж-
дый изъ сихъ чиновниковъ обязанъ сообщать вер-
ховному трибуналу всякій замѣчательный актъ,

дошедшій до его свѣдѣнїя. Донесенїя Богдыхану должны бытъ точны , причины и дѣла изложены въ нихъ вѣрно, просто , и безъ всякаго многословія.

Особое отдѣленіе законовъ излагаесть почести , кошорыми подчиненные обязаны своимъ начальникамъ. Къ этому присовокуплено еще новое опредѣленіе , безъ означенїя времени , когда оно изда-но , и по кошорому 50 ударовъ получаешь солдашъ и простолудинъ , если встрѣшясь на дорогѣ съ военнымъ , или гражданскимъ чиновникомъ , не уступишь ему мѣста , или не сойдешь съ лошади.

Строгіе усавы опредѣляютъ , смотря по званію и сослоянїю , изъ чего дѣлать , какою формою дѣлать и какъ упошреблять экипажи , мебели , одежды ; подробно описывающа качество и сбруя лошадей , величина и принадлежности жилищъ. Нарушеніе сихъ правилъ наказываесть бамбуковою палкой. Ремесленникъ , сдѣлавшій для кого либо запрещенное по его званію , счишаесть сообщникомъ преступника. Кто имѣесть у себя , и особенно кто упошребляесть вещи и предметы , рѣшишельно запрещенные , какъ-шо : шелковыя шкани , съ изображеніемъ Богдыханскаго дракона , шошь счишаесть великимъ преступникомъ. Впрочемъ , Китайцы не лишены наслажденїя роскоши , не смотря на ихъ умѣряющіе роскошь законы , и богашые люди умѣють шолковать сіи законы въ свою пользу. Жрецамъ *Fo-hs* и Таоцїзе позволяесть , напрімѣръ , имѣть шолько одноцвѣтныя , и самаго простаго покроя плашья , но о качествѣ шкани указа нѣтъ , и жрецы щеголяютъ дороговизною оныхъ.

Если Астрономическій трибуналь, или Кишайскій *Bureau des Longitudes* забудешь опредѣлишь часъ восхожденія солнца, или луны, явленія пяти планетъ и 28-ми созвѣздій, замятніе, метеоръ, комету, то члены его получаютъ по 60 ударовъ бамбуковою палкой.

Запрещено предсказателямъ посѣщать дома военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, и предвѣщать имъ удачи или неудачи. Они могутъ, съ помощію Астрологій, предсказывать будущее только частнымъ людямъ.

Обширное отдѣленіе посвящено наказаніямъ за то, если ктонибудь въ извѣстные, опредѣленные дни забудетъ воздать установленною горестью долгъ памяти родителей, или до установленного срока оставишь шрауръ, и станешь участвовать въ увеселеніяхъ. Бамбукъ вѣшывается и во всѣ сѣи обязанности, и въ уваженіе къ роднѣ. Человѣкъ, призываемый къ общественной должности, если онъ оставишь отца, мать, дѣда, или бабу больныхъ, или старѣе 80-ти лѣтъ, не имѣющихъ, кромѣ его, ни какой другой опоры мужескаго пола, старѣе 16-ти лѣтъ, получаетъ 80 ударовъ.

Нельзя не удивиться сходству, существующему между системами законодательства Кишайскаго и Индійскаго, относительно уваженія и обязанностей семейственныхъ. Кишайцы оказываютъ предкамъ почти божескую честь, и одно изъ возраженій ихъ противъ Каполической вѣры состоятъ въ томъ, что Каполики отвергаютъ подобное суевѣріе. Индійцы также строго соблюдаютъ священ-

ные обряды, въ честь умершихъ прародителей. По словамъ Мену, почтеніе къ предкамъ выше почтенія къ самому Богу. Индійскія Веды предписываютъ чтить предковъ, какъ божество.

Такое чувство сыновняго почтенія внушило Кишайцамъ законы, коими утверждается строжайшее наблюденіе похоронныхъ обрядовъ, и запрещается всякое веселье въ шомъ семействѣ, въ коемъ отецъ, мать, мужъ, или ошцовскіе родственники, подверглись смершной казни.

Замѣтимъ мимоходомъ, что особенно запрещается у Кишайцевъ сжигать, или бросать въ воду трупъ умершаго. Дѣти и родня Китайца, скончавшагося въ далекой землѣ, гдѣ есть обычай жечь шѣла, не жалюшъ никакихъ издержекъ, чтобы достать шѣло покойника, похоронить его въ определенномъ мѣстѣ, и со всѣми положенными обрядами.

Отдѣленіе оканчивается уставами, определяющими порядокъ и ходъ сельскихъ празднествъ, и утверждающими первенство на оныхъ. Ошступленіе ошъ правилъ подвергается 50-ти ударамъ.

Все это показываетъ намъ, съ какою строгостию смотритъ Кишайское законодательство на правила, изъ вѣка въ вѣкъ продолжающія установленные единожды порядокъ, обычай, даже обряды, во всѣхъ званіяхъ общества.

Пятое отдѣленіе Кишайскаго Уголовнаго Уложенія занято наказаніями военными.

Глава первая относится къ неприкосновенности Богдыханскаго Дворца. Вошь замѣчательнѣйшія изъ установленій: сто ударовъ получаетъ, кто безъ причины и безъ позволенія переступишь за дверь храма, или за стѣну Богдыханскаго кладбища, и 80 шовъ, кто перейдетъ за порогъ мѣста, назначеннаго для Богдыханскихъ жертвоприношеній. Входъ въ крѣпости, сады и дворцы Богдыханскіе запрещенъ спрожайше, и человекъ, безъ позволенія вошедшій въ комнаты, Богдыханомъ занимаемыя, или въ столовую его, подвергается пещь. Тоже опредѣлено, если кто нибудь бросишь свой дерзкій взоръ въ комнаты жены, или машери Богдыхана. Небрежность спражи въ Богдыханской крѣпости, или дворецъ, счищается тяжкимъ преступленіемъ. Люди, сопровождающіе Богдыхана, или составляющіе его свиту, не могутъ оставить мѣстъ своихъ, подь опасеніемъ расплашы бамбукомъ. Чиновникъ, военный и гражданскій, удалившійся изъ свиты Богдыхана, когда онъ путешествуешь, или прогуливаешь по своимъ областямъ, наказываешь смерью.

Дороги, мосты, переходы, предоставленные исключительно для Богдыхана, не могутъ быть попираемы ни чьею ногою, кромъ его. Нарушеніе сего устава навлекаешь на преступника страшное наказаніе. Каждый, встрѣченный въ аллеяхъ, окружающихъ мѣстопребываніе Богдыхана, и несущій съ собою что-либо подозрительное, обязанъ проглотить то, что несъ. Человекъ, въ запрещенные часы подошедшій къ сему мѣсту, съ оружіемъ

въ рукахъ , наказывается смерщью. Сшоль жестокіе ушавы показывающъ боязнъ Кишайскаго Богдыхана: но, не смотря на это, въ 1803 году, Богдыханъ Кіа-Кингъ едва не былъ умерщвленъ во Дворецъ своемъ, среди придворныхъ и спражи. Въ одинъ изъ торжественныхъ дней, прокрался въ его Дворецъ нѣкто, по имени Чинъ-ше. Когда Богдыханъ появился въ своемъ паланкинѣ, Чинъ-ше бросился на него, и въ то самое мгновение , когда гошовъ уже онъ былъ поразилъ Богдыхана , чиновники , окружавшіе паланкинъ , успѣли схватить злодѣя. Во время суда , Чинъ-ше обвинилъ въ соучастіи съ собою многихъ Принцевъ крови и знатныхъ чиновниковъ. Въ Богдыханскомъ опредѣленіи удалено было сіе обвиненіе , но Богдыханъ далъ однакожъ замѣшить , что хотя свѣта его состояла изъ ста человекъ , но шолько шестеро остановили убійцу. « Справедливо » продолжаешь Богдыханъ « что Князя *Mie-gen* и *hawang-to-ur-chee* , а шакже чешыре другіе чиновника , остановившіе убійцу , издавна пользуются нашею благосклонностью ; но между всѣми другими , остановившимися спокойно свидѣтелями нашей опасности , неужели не было ни одного , котораго мы не оплатили-бы шакже своимъ благоволеніемъ ? Такъ-ли должны были они свидѣтельствовашъ свою признашельность , и свою преданность Государю и ошечеству ? Если уже въ слухъ обстояшельствахъ мы видимъ ошъ нихъ подобныя знаки невниманія , шо чего можемъ мы ошъ нихъ надѣяшся въ случаяхъ необыкновенныхъ , и какого вообще ожидаешъ усердія ко благу нашему ? » Винов-

наго казнили медленною, мучительною смерщю, а двухъ сыновей его удавили.

Смерщи подвергается каждый человекъ, который бывъ уже наказанъ уголовно за какое нибудь преступленіе, вступишь пошомъ въ службу при особѣ Богдыхана. Чиновникъ, знаемо или незнаемо, способствовавшій его вступленію въ сію службу, также казнится смерщю.

Слѣдующій законъ кажеться противорѣчащимъ общему характеру Кишайскаго законодательства : « Каждый, пущившій стрѣлу, или выпалившій изъ ружья, въ храмъ, или Богдыханскій дворець, или мѣстопребываніе Богдыхана, или даже въ зданіе, определенное для служенія государщву, съ видимою возможностью достать храмъ, дворець или зданіе своимъ ударомъ, подвергается давленію. Кто-же выстрѣлитъ по направленію храма Богдыханскихъ жертвоприношеній, подвергается сша ударамъ палкою, и изгнанію вѣчному, на 3,000 ли разсхояніемъ. »

Во время пушешествій и прогулокъ Богдыхана, солдашы и народъ должны оставяшь свободный проѣздъ для него и для его свиты, составленной изъ войскъ, должностныхъ людей, и знашныхъ чиновниковъ, приособъ Богдыхана находящихся. Кто, не уваживъ сего, перейдетъ запрещенную черщу, подвергается пещѣ. Если Богдыханъ, пушешествуя по ошдаленнымъ обласщямъ, прїдетъ куда либо неожиданно, шо подданные, встрѣтившіе его, должны лечь брюхомъ на землю, и лежать не поднимая головъ, пока онъ и свиты его не проѣдутъ.

Декабрь 1830.

Несоблюденіе сего обряда подвергается смерти. Въ такомъ унизительномъ положеніи, подданный можешь подавать просьбу, если хочешь воспользоваться проѣздомъ Богдыхана. За нарушеніе правила слѣдуешь двойкѣй судъ: если просьба окажется справедливою, виновнаго прощають, но за несправедливую просьбу онъ подвергается пещѣ.

Кто перелѣзетъ черезъ валъ города, получаетъ 100 ударовъ; 80 дають тому, кто запереть городскія ворота до назначеннаго часа. Въ Пекинѣ наказаніе за то и другое гораздо строже: ошворившій, или запершій до срока городскія ворота—казнится смертию.

Нарушеніе правилъ военнаго управленія составляетъ въ Уложеніи особую статью. Военачальникъ, двинувшій войско безъ указа Богдыханскаго, кромѣ того только, если онъ хотѣлъ остановить немедленно бунтъ, или возмущеніе, подвергается 100 ударамъ и изгнанію. Донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ должны бытъ немедленно и исправно отправляемы въ тройномъ числѣ: въ главную квартиру, въ верховный военный Совѣтъ, и къ Богдыхану.

Какъ ни Драконовски писано Уложеніе Китайцевъ, но во многихъ мѣстахъ видно однакожъ ошеческое покровительство, простираемое Богдыханомъ на его подданныхъ. Чиновникъ, когда взбунтовавшіеся подданные самопроизвольно покоряются, осмѣлившійся грабить ихъ, ранить и убивать, или своими жестокостями принудившій ихъ бѣжать, или спараться убѣжать, осуждается на

отсѣченіе головы. Такая-же казнь назначена тому , кто , прямо или косвенно , передастъ неуріятелю государшвенную шайну , или планъ военныхъ дѣйствій. Въ семъ послѣднемъ случаѣ , посредники передачи счисляются сообщниками. Новыя установленіемъ предписано вѣчное изгнаніе тому , кто измѣнитъ государственной шайнѣ , сносясь съ членами иноземныхъ посольствъ.

Каждый чиновникъ , имѣющій власть надъ кѣмъ либо , или назначенный для блюденія надъ народомъ , подвергается смершной казни , если вмѣсто того , чтобы пріобрѣсть себѣ любовь и уваженіе подчиненныхъ мудрою снисходительностью , ожесточаетъ ихъ излишнею строгостью въ исполненіи законовъ.

Смершію наказываются возчики провьянта и припасовъ , не повинующіеся приказу , ими полученному , и начальники войскъ , отказывающіеся исполнять повелѣніе о дѣйствіи , или замедляющіе оное. Смерши подвергается солдатъ , замедлившій болѣе трехъ дней явкою къ своему мѣсту , когда войско выступило въ походъ. Если кто нибудь другой назовется его именемъ , и явится вмѣсто его , то наказываются бамбукомъ , и пошъ , кто явится , и пошъ , кого хотѣлъ онъ замѣнить : сей послѣдній , не смощря на то , обязанъ явиться непременно. Замѣна принимается только отъ отца за сына , отъ брата за брата , отъ дяди за наемщика , отъ дѣда за внука , и обратно. Требуется при этомъ , чтобы замѣняющіе жили въ одномъ семействѣ , чтобы замѣна была по доброй волѣ , и чтобы она

оправдывалась лѣшми и сосноянїемъ замѣняемаго. Лекаръ, или хирургъ военный, если онъ замѣнишь себя другимъ, не имѣющимъ сего права, принуждается служить безъ жалованья, и сверхъ того онъ, и замѣнившій его, подвергающася бамбуговой палкѣ.

Поспавлена закономъ въ величайшее преступленіе прусосшь, оказанная военными чиновниками, особливо когда находились они въ передовыхъ и ошдѣльныхъ караулахъ, и чрезъ шо подвергли опасности войско, не предувѣдомивъ о приближеніи непріятеля правильно.

Офицеры, не умѣющіе поддержать повиновенія и усройства между подчиненными, не обучающіе ихъ военнымъ экзерциціямъ, не содержащіе въ хорошемъ состояніи крѣпостей, или укрѣплений, ии ввѣренныхъ, или упущеніемъ строгихъ предписаній, а также и произвольными наказаніями и наградами побуждающіе къ возмущенію, или побѣгу, осуждаются на исправленіе ударами бамбука.

Когда, вслѣдствіе пренебреженія усройства, безчиніе, или возмущительныя мысли проникнушь въ войско, шо вошь по какой лѣшницѣ идетъ вознагражденіе: за вину, учиненную *однимъ* солдатомъ, капраль, сержаншь, получаетъ 40 ударовъ; если окажется *платеро* виновныхъ солдатъ, бамбукъ вразумляешъ сотника, или капитана; за *десять* виновашыхъ, бамбукъ переходить на штычаника или полковника, а за *пятьдесятъ* человекъ виновашыхъ, 40 ударовъ даюшь начальнику корпуса, гдѣ они оказались. Каждый офицеръ, за

ставившій служить одного, или многихъ солдатъ, собственно себѣ, безъ увольненія ихъ въ свое время отъ военныхъ занятій, получаетъ сколько ударовъ, сколько употребилъ человѣкъ, и кромѣ того платитъ по семи монетъ за cadaго человѣка въ день, считая все время ихъ работы.

Побѣгъ, въ первый разъ наказывается бамбукомъ, во второй смершью. Бамбукъ присуждается тому, кто укрылъ бѣгльца; но кто въ теченіе сѣдней первого побѣга возвратится добровольно, отъ наказанія избавляется.

Вось главнѣйшія распоряженія, касательно нарушимости границъ: никто не долженъ переходить границы безъ паспорта, безъ допроса, и безъ освидѣтельствованія, что не имѣешь при себѣ товаровъ, къ привозу запрещенныхъ. Перешедшій за границу безъ позволенія, обвиняется въ сообщеніи съ непріятелями, и казнится смершью. Незаконно выдавшій паспортъ строго наказывается. Кто въ пограничныхъ мѣстахъ, или внутри государства, составилъ заговоръ, имѣющій цѣлю передать иностранцамъ произведенія Кишайской земли, или Кишайской промышленности, а особенно шайну искусства, казнится смершью со всеми знавшими сей умысль. По новѣйшимъ распоряженіямъ, дабы совершенно уединить Китай отъ другихъ земель, запрещено всякое строеніе на прибрежныхъ островахъ, и они превращены въ пустыню. Другое распоряженіе еще лучше показываетъ анши-коммерческую полишику, которою управляется Кишай: Кишаецъ, тайно отправляющій морскую торговлю

или прожившій нѣсколько времени на чужестранномъ остроувѣ , и снова явившійся въ *Небесной Имперіи* , лишается головы , въ силу закона , который осуждаетъ на смерть чловѣка , имѣвшаго сношенія съ непріятелями , или бунтовщиками. Вице-Короли , правители городовъ , и другіе чиновники , лично отвѣтствуютъ , если не предупредили шакого ужаснаго дѣла.

Четвертая книга Уголовнаго военнаго Уложенія заключаетъ въ себѣ уставы о лошадяхъ и животныхъ , принадлежащихъ государству , излагая , съ замѣчательною точностью , степени отвѣтственности людей , опредѣленныхъ къ сохраненію оныхъ. Если конь , рогатое животное , верблюды , мулы , оселъ , принадлежащіе государству , будутъ поранены отъ дурнаго устройства , или недоброкаго наложенія сѣдла и сбруи , бамбукъ разсчитывается съ виновникомъ , по мѣрѣ важности раны. Если одно животное погибнетъ отъ недостатка причинной пищи , смотрители , отъ десятиника до сотника , подвергаются бамбуку ; если десять чловѣкъ оказались виноваты , бамбукъ обращается на главнаго ихъ начальника. Вообще , система наказанія , распределенная по чиновачлію , есть одна изъ основныхъ чертъ Кишайскаго Уложенія.

Тѣлесное наказаніе и плача , чему подвергается убившій , или поранившій животное , принадлежащее частному чловѣку , измѣняются , смотря по роду , обстоятельству дѣла , и отношеніямъ между обидчикомъ и обидимымъ. Хозяинъ лошади , или верблюда , не можетъ убить своего животного

безъ позволенія Правительства. Замѣшимъ, что законы, относительны животноныхъ опасныхъ, или вредныхъ, одинаковы у Китайцевъ съ нашими. Хозяинъ, не взявшій предосторожностей, напримѣръ, не привязавшій животного, вредъ наносящаго, или не убившій бѣшеную свою собаку, подвергается бамбуку; если-же, вслѣдствіе сей небрежности, животное ранишь, или умерщвишь челоуѣка, хозяинъ его подвергается суду, и судится, какъ невольный убійца, или по неосторожности нанесшій рану.

Слѣдующая за тѣмъ книга Уложенія говоритъ о почтахъ и депешахъ. Хотя почта существуетъ въ Китаѣ собственно только для Правительства, тѣмъ не менѣе она весьма важна. Китайская почта доведена даже до шакого совершенства, какого невозможно-бы ожидать въ государствѣ столь обширномъ, и гдѣ неровности земли, горы, озера, болота, песчанья степи, обширные лѣса, поставляютъ столько препятствій быстротѣ внутреннихъ сообщеній. Хотя разстояніе между Пекиномъ и Кантономъ, сухимъ путемъ, составляетъ болѣе 1,200 Англійскихъ миль (400 мѣ Французскихъ), но депешы Правительства доходятъ изъ Пекина въ Кантонъ въ 12 дней. Первый артикулъ книги о почтахъ опредѣляетъ, что солдаты, исправляющіе должность курьеровъ, въ 24 часа должны проѣзжать 300 ли, или 107 миль Англійскихъ (35 мѣ Франц.), и если $1\frac{1}{2}$ часа они опаздываютъ, то должны быть наказаны.

Каждый чиновникъ, военный и гражданскій, удержавшій прошеніе, къ Правительству отпра-

ленное, наказываея смершноу казнью. Такая строгосп имѣея цѣлю ограничеи произвола начальниковъ надъ подчиненными.

Посланный, медлящій исполнеиемъ сдѣланнаго ему препоручеи, подвергается бамбуку. Если небрежносп его осшановила какія либо военныя дѣла, овъ лишаея головы. Законъ не разсматриваетъ при семъ случаѣ, чшбъ было причиноу медленія: недоразумѣие, слабосп, или умыселъ. Если въ надписи депеши сдѣлана ошибка, и депеша не попала по принадлежности, шо надписывавшій рачишываея съ закономъ, смощра по мѣрѣ вреда, имъ причиненнаго, или ударами бамбука, или головою.

Особая глава осдѣлена наказаніямъ, какія получаюя офицеры и чиновники, засшавляющіе жишедей какого либо мѣста носисп свои паланкины. Тушъ-же сказано, чшо часшнній человекъ, засшавившій носисп паланкинъ свой безъ плашы, долженъ бышъ принужденъ къ заплашъ за шрудъ, и, кромѣ щого, подвергается ударами бамбука. Эшо определеи имѣея въ виду милосердое вниманіе къ участи бѣдняковъ и простолюдиновъ: шолько страхъ шѣлеснаго наказания можея осшановишъ принуждеие, которое гордосп и предразсудки людей богашыхъ и знашныхъ могуя дѣлашъ весьма обыкновеннымъ на Востока.

Здѣсь прекрашимъ мы наши замѣчанія, ибо исчисленіе всего, чшо любопышно для Европейца въ Уложеніи Кишай, могло-бы насъ увлечь весьма далеко. Сложемъ въ заключение, чшо между прочимъ

мы нашли особый законъ, по которому запрещается подданнымъ Богдыхана продавать что либо особамъ, принадлежащимъ къ иностранному посольству, или покупать что нибудь у нихъ. Другимъ закономъ ограничивается число людей, составляющихъ иностранное посольство: Сіамцы не могутъ посылать болѣе 26-ти человекъ, Европейцы 22-хъ, всѣ другіе народы 20-ми.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Русскія книги.

Въ Библиографическомъ отдѣленіи Телеграфа не было упоминаемо о многихъ, выходявшихъ въ Россіи книгахъ. Мы сознавались и сознаемся въ этомъ, стараясь по возможности дѣлать Библиографію Телеграфа полнѣе. Посему-то рѣшились мы въ сей книжкѣ извѣстить читателей о пяти книгахъ, изданныхъ въ Россіи съ 1827-го по 1830-й годъ, и о которыхъ въ Библиографіи нашей не было ничего сказано, но которыя между тѣмъ замѣчательны по разнымъ отношеніямъ.

— *Объ устройствѣ училищъ.* Выписки и замѣчанія Петра Кеплена, Магистра Правовѣдѣнія, Доктора Философіи и Члена разныхъ ученыхъ Обществъ. СПб. 1827 г. въ ш. Н. Греча, in 8, 122 и VII стр.

Эта книга есть отдѣльно опечатанная списашья;

которую Г-нь Кеппенъ помѣстилъ въ Сынѣ Отечества, 1827 года. Мы желали-бы обратиться на нее особенное вниманіе просвѣщенныхъ нашихъ соотечественниковъ.

Авторъ излагаетъ въ ней подробно содержаніе и вѣщность книги, изданной извѣстнымъ Германскимъ ученымъ Фридрихомъ Тиршемъ, по поводу возставшихъ въ Баваріи споровъ о цѣли, системахъ и методахъ учебныхъ заведеній. Предметъ обширный, важный, и Г-нь Тиршъ обзрѣваетъ его вполне. Къ разбору книги Г-на Тирша (названіе оной: *Ueber gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern, Schwungarthъ и Тибингенъ, 1826 г. in-8, болѣе 500 стр.*), Г-нь Кеппенъ присовокупилъ извлеченія изъ двухъ книгъ Г-на Брауншвейга, Директора Училищъ Курляндской губерніи: *Ideen zur Gründung lettischer Landmannsschulen* и *Die Organisation der Gymnasien nach christlichem Princip*. Слѣдуя книгѣ Г-на Тирша, излагаетъ Авторъ, по порядку, слѣдующія 12 статей: предпазненіе училищъ; учителя; преподаваніе Закона Божія; классическое ученіе; преподаваніе отечественнаго языка; преподаваніе Математики; полныи курсъ ученія; исторія Баварскихъ училищъ; вѣроисповѣданіе учащихся; надзоръ за поведеніемъ учащихся; высшій училища и Лицеи.

Едва-ли надобно говорить, что доказываетъ Г-нь Тиршъ: онъ защитникъ, шакъ называемаго, *классическаго* ученія, и въ этомъ-то отношеніи книга его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и разборъ оной, изданный Г-мъ Кеппеномъ, очень важны. Они показываютъ основаніе и подробности мнѣній одной изъ спорящихъ о воспитаніи сторонъ.

Въ Телеграфѣ помѣстили мы сочиненіе Г-на Ястребцева *О воспитаніи*, и опчешь объ учебныхъ заведеніяхъ Франціи. Надѣемся получишь окончаніе начашой спашьи о системѣ Жакошо. Послѣ сего желашельно-бы намъ было изложишь свои мысля о воспитаніи публичномъ и частномъ, и предложишь читашельямъ нашимъ краткую исторію Педагогій въ Европѣ вообще, и въ Россіи особенно. Предполагая себѣ сей шрудъ въ 1832 году, мы просимъ читашелей обратишь вниманіе на означенную здѣсь книгу Г-на Кеппена, какъ на изложеніе классической педагогій, съ которою мы рѣшишельно не можемъ согласишься почти ни въ чемъ, отдавая полную справедливосшь уму и знаніямъ Г-на Тирша, и благодаря почшевнаго Г-на Кеппена за шрудъ его. Подробныя объясненія спора предоспашельемъ будущему времени.

— *Согиненія Николая Анненкова*, въ сшихахъ и прозѣ. Спб. 1827 г. въ ш. Воспциш. Дома, in-8, V в 205 стр.

Эшо собраніе опытовъ юноши, кажется, не пошупало въ шродажу; оно было издано родными и друзьями Автора, погибшаго при самомъ началѣ жизни, обѣщавшей въ немъ полезнаго гражданина, благороднаго человѣка, и, можешь бышь, хорошаго лившерашера. Онъ родился въ Курскѣ, въ 1805 году; переѣхавъ съ родителами въ С. Пешербургъ, кончалъ тамъ курсъ ученія, и на 16-мъ году опредѣлался въ спашельную службу; но черезъ три года оставилъ ее, вступилъ въ военную, и дѣшомъ 1826 года, ушонудъ, купаясь въ Невѣ.

Любя Лцшперашуру, онъ посвящалъ ей всѣ свои досуги, но ничего не печаталъ, и только послѣ смерти его изданы въ особой книжкѣ многіе опыты въ стихахъ и прозѣ. Сказавъ: *опыты*, мы сказали все; но прибавимъ, что въ эсихъ опытахъ видно болѣе души и поэзіи, нежели во многомъ, что напечатано по два, по три раза. Тѣмъ прогашельнѣе воспоминаніе о шаланшѣ, безвременно погибшемъ для родныхъ и ошечества.

— ΔΟΚΙΜΙΟΝ ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΠΛΗΣΙΕΣΤΑΤΗΣ ΣΥΓΓΕΝΕΙΑΣ ΤΗΣ ΣΛΑΒΟΝΟ-ΡΩΣΣΙΚΗΣ ΠΡΟΣ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΚΗΝ, и проч. —

Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Грецескимъ. Сочиненный Экономомъ Вселенскаго Патріаршескаго Прешола, и Проповѣдникомъ Констаншинопольской и всѣхъ православныхъ церквей Эллинскаго народа, Пресвитеромъ Констаншиномъ Экономидомъ, Членомъ Императорской Россійской Академіи, и Конференціи Духовной Александроневской Академіи, и проч. Томъ I, переведенный состоящимъ при Вѣнскомъ Посольствѣ священникомъ Гавріиломъ Меглинцкимъ; ш. II-й и III-й, содержатъ въ себѣ Словарь.—Печатано по опредѣленію и на иждивеніи Императорской Россійской Академіи. СПб. 1828 г. въ ш. Росс. Академіи и Депарш. Народн. Просвѣщенія, in 8, CLXXXVII, 339, 464, 528 и 9 стр.

—Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang-Sätsän, Chungtaidschi der Ordus. Aus dem Mongolischen übersetzt von I. J. Schmidt. (*Исторія Восточныхъ Монголовъ и ихъ кня-*

жескаго Дома, соч. Санангъ—Зешсена, Хувгшайши Ордусовъ. Съ Монгольскаго перев. I. I. Шмидтомъ) СПб. 1829 г. in 4, XXIV и 509 стр.

— Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: extrait de l'Alexandride ou Iskéndér-Namé de Nizâmy, etc. (*Походъ Александра Великаго противъ Рускихъ. Извлеченіе изъ Александриды, или Искендеръ—Наме, соч. Низами, переведенное, большею частію, по Калькуштскому изданію, Людовикомъ Шпицнагелемъ, бывшимъ воспитанникомъ Восточнаго Института при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ. Вполнѣ передѣлалъ и издалъ, съ прибавленіемъ жизнеописанія Низами, и одиннадцати другихъ Персидскихъ поэзовъ, по Девлешъ—Шаху, Люшфъ—Али-Бею и Собранію поэзовъ, Ф. Б. Шармуа, Сташскій Совѣтникъ, Орд. Профессоръ Персидскаго и Турецкаго языковъ въ вышеозначенномъ Институтѣ, Членъ Лондонскаго и Парижскаго Азіяскихъ Обществъ и Кавалеръ Ордена св. Анны 2-й степени, алмазами украшеннаго*). Т. I. СПб. 1829 г. въ ш. Гинце, in-8, 162, 141 стр. и Персидскій шекшъ.

Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ Греческомъ языкѣ, мы не рѣшились судить о книгѣ почтенной духовной особы, Константина Экономида, и ожидали, что скажутъ о ней иностранные ученые, ибо со стороны Русскихъ знамоковъ дѣла, книгу сію встрѣшило совершенное молчаніе. Но до сихъ поръ не видали мы никакого разбора сей книги и въ иностранныхъ повременныхъ изданіяхъ. Это заставляетъ насъ внести сочиненіе О. Экономида въ библиографиче-

скій списокъ проспо, и пожалѣвъ, что равнодушнѣе ученой публики было наградою его труда, весьма обширнаго.

Г-нъ Шмидтъ, ошачный знатокъ Калмыцкаго и Монгольскаго языковъ, особенно извѣстенъ ученымъ преніемъ своимъ съ Г-нъ Клапропомъ. Въ 1824 году издалъ онъ книгу: *Forschungen im Gebiete der ältern, religiösen, politischen und litterarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens, vorzüglich der Mongolen und Tibeter*, противъ которой сильно спорилъ Г-нъ Клапропъ. Дѣло заключалось въ предметахъ столь важныхъ для древней Исторіи Средней Азіи, что многіе ученые люди принимали участіе въ ономъ. *Исторія Восточныхъ Монголовъ*, переведенная Г-нъ Шмидтомъ на Нѣмецкій языкъ, изданная вмѣстѣ съ подлинникомъ, обогащенная примѣчаніями Переводчика и предисловіемъ, есть книга ошмѣнно любопытная. Авторъ ея, Монгольскій Князь, жившій въ XVII-мъ столѣтіи, начинается повѣствованіе съ 2133-го года до Р. Х., т. е. съ начала Буддизма, и продолжается до своего времени, по ловины XVII-го вѣка. Служа дополненіемъ къ матеріаламъ Исторіи Монголовъ, столь важной въ Исторіи цѣлой Азіи, книга Г-на Шмидта любопытна для Оріенталистовъ особенно тѣмъ, что въ первый разъ представлено въ ней обширное Монгольское сочиненіе подлинникомъ. Изданіемъ сей книги ученый свѣтъ обязанъ просвѣщенной щедрости Государя Императора, благоволившаго пожаловать на изданіе оной 10,000 рублей.

Книга, изданная Г-нъ Шармуа, есть подарокъ, не только ученому свѣту, но и вообще просвѣщен-

нымъ чашахъ. Въ началѣ X-го вѣка, Руссы, спускаясь по Волгѣ, черезъ Хазарскія области, грабили берега Ирака, Табаристана и Азербайджана. Восточные писатели говорятъ о сихъ набѣгахъ въ преувеличенномъ видѣ. Низами, великій Персидскій Поэтъ, прозванный *Шехомъ созерцающимъ*, и жившій въ XII вѣкѣ, изложилъ войну Руссовъ поэтически: онъ заставляетъ Александра Великаго сражаться съ Руссами. Это составляетъ эпизодъ поэмы Низамія: *Искендеръ-Наме* (Александрена), въ которой описаны поэмомъ Персидскимъ жизнь и дѣла Александра Македонскаго.

Эпизодъ о войнѣ Александра прошивъ Руссовъ, изданъ былъ отдѣльно Профессоромъ Эрдманомъ (*De expeditione Russorum Bergdium versus, etc.*, Казань, 1826 и 1828 гг.). Французскимъ переводомъ сего эпизода публика одолжена первоначально труду юнаго ориенталиста, нашего соотечественника. Здѣсь не лзя удержаться отъ прогашельнаго воспоминанія: это былъ Людовикъ Шпицнагель, сынъ Профессора Виенскаго Университета. Онъ родился въ 1807 г., и въ 1823 году поступилъ, послѣ окончанія Университетскаго курса, въ Восточный Институтъ, находящійся при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ въ Спбургѣ. Въ три года, Шпицнагель приобрѣлъ большія свѣдѣнія въ Арабскомъ, Турецкомъ и Персидскомъ языкахъ. Онъ былъ уже назначенъ, въ 1827 году, въ качествѣ Переводчика, къ нашему Консульству въ Египтѣ, когда несчастная смерть разрушила всѣ надежды на его многообѣщавшія дарованія, пламенную любовь къ наукамъ и страшное желаніе изучать страны Во-

спока въ пушешествіяхъ , приготоваься предвари- шельно познаніемъ языковъ Восночныхъ.

Шпицнагель предпринялъ переводъ изъ поэмъ Ни- замія , желая предшавишь дань благодарности сво- ей почтенному начальнику Восночнаго Иншишуша, Г-ну Аделунгу. По смерти Шпицнагеля, Г-нь Шар- муа , ошличный оріенталистъ и насшавникъ его , принялъ на себя , по желанію Г-на Аделунга , обя- занность пересмошрѣшь , исправишь , дополнишь и издашь сей трудъ. Обязанность свою исполнилъ Г-нь Шармуа ошличнымъ образомъ. Онъ сличилъ Персидскій шекстъ , по Калькушшскому изданію 1812 года , по книгѣ Г-на Эрмана , и по 11-ши ру- кописямъ , изъ коихъ 9 привезены были въ Пешер- бургъ въ числѣ 166 шомовъ , взяшихъ въ Арбедилъ , и сосшавляющихъ шрофемъ побѣдъ нашихъ въ Пер- сіи. Послѣ того , Г-нь Шармуа почти передѣлалъ Французскій переводъ Шпицнагеля.

Вошь въ какомъ порядкѣ издано все эшо Г-мъ Шармуа : послѣ Предисловія , гдѣ говоришь онъ о Шпицнагелѣ , трудъ своемъ , и рукописяхъ , имъ для шого употребленныхъ , слѣдуютъ жизнеописанія двухъ Низаміевъ и 11-ши другихъ Персидскихъ поэ- шовъ , родившихся , или жившихъ , подобно Назамі , въ Персидскихъ обласшяхъ , намъ принадлежащихъ нынѣ. Пошомъ предлагаешся анализъ полнаго Искен- деръ-Наме , Французскій переводъ эпизода о войнѣ Александра съ Руссами (141 страница) , и наконецъ Персидскій шекстъ (980 стиховъ , на 165 шпр.) — Во 2-й часши будущъ помѣщены варіаншы Арбе- дильскихъ списковъ , и разныя филологическія , исто- рическія и географическія замѣчанія.

О тщательности и точности Издашеля можно судить потому, что изъ 9-ти Арбедильскихъ рукописей, онъ извлекъ 5350 варианшовъ.

Послѣ сего справедливо можно сказать, что трудъ Г-на Шармуа есть трудъ истинно-ученаго ориенталиста и знашока своего дѣла.

Что сказать о самой повѣи Низамія? Это прелестъ несравненная, это Востокъ вполне, съ своими мѣрами, Исторією и Пѣззією. Въ этомъ отношеніи, мы будемъ говорить о трудѣ Г-на Шармуа отдѣльно.

— Подъ Высочайшимъ покровительствомъ состоящій Московскій Армянскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ языковъ. М. 1830 г. Въ т. Лазаревыхъ Инстит. Вост. языковъ, in-4, 60 стр. — Эта-же брошюра на Армянскомъ языкѣ; in-4, 82 стр.

Одно изъ самыхъ полезныхъ заведеній, въ нашемъ отечествѣ находящихся. Мысль: устроить особенное училище для Армянъ, была приведена въ исполненіе Иваномъ Лазаревичемъ и Акимомъ Лазаревичемъ Лазаревыми, въ 1816 году. Зданія, разныя принадлежности и капиталъ, положенный сими основателями для Армянскаго училища, составляютъ нѣмнѣ но жертвованія, цѣнныя до 900 тысячъ рублей. Съ 1828 года Высочайше утверждено сему училищу названіе: *Армянскій Лазаревыхъ Институтъ Восточныхъ языковъ*. До 1830-го года выпущено уже было изъ онаго болѣе 300 человекъ Армянъ, кончившихъ курсы ученія, и до 50 человекъ изъ нихъ получили пошомъ ошъ Московскаго Университета званія Студентовъ и Кандидатовъ; другіе поступили въ военную и гражданскую службу,

Делабрь 1830.

заняти мѣста учившей, и сдѣлались образованными гражданами новаго своего отечества, могущественной Россіи. Въ Институтѣ положено содержать всегда отъ 30 до 40 Армянскихъ воспитанниковъ (въ 1830 году было ихъ 46). Кромѣ сихъ воспитанниковъ, принимаются въ Институтъ, для ученія изъ плашы, пансіонеры, полу-пансіонеры и слушатели (годовая цѣна 750, 450 и 250 рублей). Полный курсъ составляетъ семь лѣтъ. Предметы онаго шѣже, что въ Гимназіяхъ, но къ нимъ присовокупляется ученіе Армянскаго, Арабскаго, Персидскаго и Турецкаго языковъ, чѣмъ занимается ученый Армянскій Архимандритъ Михаилъ Солашянъ, Цензоръ Армянскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Москвѣ. Онъ-же преподаетъ и Богословіе для Армянъ. Для пансіонеровъ Греческаго исповѣданія преподается Законъ Божій ошдѣльно. Главный Начальникъ Института нынѣ, по Высочайшему соизволенію, Генералъ-Адъютантъ А. Х. Бенкендорфъ; Попечителемъ Института предоставляется бывшій старшему въ родѣ основателя, А. Л. Лазарева (нынѣ И. А. Лазаревъ, и Директоръ, родной братъ его, Х. А. Лазаревъ). Инспекторъ при Институтѣ, бывшій Профессоръ Казанскаго Университета, И. Ѳ. Краузе. Ревности къ добру Попечителя и Директора, покровительству просвѣщеннаго Вельможи, Начальника Института, и трудолюбію и отличными педагогическими свѣдѣніями Инспектора, Институтъ обязанъ нынѣ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ. Смѣло можно поставишь его въ рядъ съ лучшими учебными заведениями въ Россіи. Помѣщеніе въ немъ, какъ для жишья учащихся, такъ и для

всѣхъ учебныхъ пособій , превосходно. Библіотека составляетъ болѣе 5,000 томовъ. — Имена *Лазаревыхъ* должны принадлежать къ именамъ людей , ознаменовавшихъ себя подвигами гражданскими.

Въ книгахъ , посвященныхъ въ заглавіи нашей сшашы , содержится подробное изложеніе сущности и состава Института , также курсовъ и хозяйственныхъ распоряженій по оному. Типографія Г-дъ Лазаревыхъ причисляется къ Институту.

— *Практическое руководство къ сочиненію Музыки*, въ пользу самоучащихся, и въ облегченіе учившейся , съ приложеніемъ особенныхъ правилъ для сочинившей Русскаго церковнаго пѣнія , и двухъ ношнихъ шетрадей , изъ которыхъ первая заключаешь въ себѣ примѣры и задачи , а вторая рѣшеніе задачъ , изложенное Л. Фуксомъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. СПб. 1830 г. въ ш. К. Крайя, in-4, XVIII и 130 стр. (ношъ 58 полулишмовъ).

Вошъ также книга , можешь бышь , очень извѣстная знатокамъ , но о которой , сколько намъ поминишь , публикѣ ничего не было сказано. Ошъ чего подобное молчаніе ? Ошъ того-ли , что руки , движущія смычекъ или клавиши , не всегда столь-же легко двигаются по бумагѣ , и весьма рѣдко заставляють двигаться типографскіе станки ? Или ошъ обыкновенной нашей привычки—шумѣшь о пушьякахъ лишперашурныхъ и возлагаешь першшь молчанія на уста , когда надобно бываешь говорить о дѣлѣ ? — Предоставляемъ другимъ разыгрывать вариаци на эту философическую тему.

Н А К А З Ъ ,

данной отъ имени Царя Θεодора Алексѣевича ,
Подъячѣму Алексѣеву , посланному гонцомъ , съ
грамотою къ Польскому Королю , въ 1680-мъ
году (*).

Лѣта 7188 , Генваря въ 18 день , по Государеву Цареву и Великаго Князя Θεодора Алексѣевича , всея Великія , и Малыя , и Бѣлыя Россіи Самодержца Указу , память Подъячѣму Никитѣ Алексѣеву . Ъхати ему Вел. Гос. Царя и Вел. Князя Ѳ. А. , всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи Сам. , съ грамотою къ Корол. Величеству Польскому . — А съ Москвы ѡхати ему черезъ Смоленскъ . — А объ отпускѣ его изъ Смоленска Великаго Государя грамота къ Боярину и воеводамъ ко Князю Ивану Борисовичу Троекурову , съ товарищи , послана съ нимъ же , Никитою . — Да какъ онъ , Никита , пріѣдешъ Королевскаго Величества въ порубежный городъ ,

(*) Подлинникъ писанъ приказною скорописью XVII-го вѣка , на 12½ склеенныхъ одинъ съ другимъ сполбцакъ . Сохраняя въ точности всѣ слова , мы не соблюдали правописанія подлинника . — Въ стѣхъ мѣстахъ , гдѣ мы ставили *тире* (—) , въ подлинникѣ находящіяся *абзацы* . *Изд. Тел.*

и ему того города къ Комменданту , или къ Уряднику послашь кого пригоже , и ведъшь говоришь , чюбъ его опуститъ къ Корол. Величеству безъ задержанія , на кошорые города ближе и податише. — А какъ его того города Коммендантъ , или Урядникъ отпустишь , и Пристава и провожаныхъ дастъ — и Никитъ вхашъ къ Корол. Величеству не мѣшкала нигдѣ ни часу. — Да какъ онъ прїѣдешъ въ шюшь городъ , или собо , гдѣ будешъ Корол. Величество , и ему послашь къ Канцлеру , или къ Подканцлеру , или къ кому доведешся , и ведъшь про себя скажашъ , что присланъ отъ Вел. Гос. Царя и Вел. Князя Ѡ. А. всея Вел. и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца , и многихъ государствъ и земель , Восшочныхъ и Западныхъ , и Сѣверныхъ , ошчича и дѣдича , и Наслѣдника , и Государя , и Обладателя , Его Царскаго Величества съ грамашою , къ Вел. Государю ихъ , къ его Корол. Величеству , и Корол. Величество ведъль-бы ему Царскаго Величества съ грамашою бышь у себя на прїѣздѣ не мѣшкала. — Да какъ Его Корол. Величество ведъль бышь у себя , и ему приказашъ съ приставомъ , что онъ къ Корол. Величеству вхашъ гошовъ , а у Королевскаго Величества въ шо время мныхъ Государей Пословъ , и Посланниковъ , и гонцовъ никого не было. — Да какъ ему скажущъ , что у Корол. Величества мныхъ Государей Пословъ и Посланниковъ и гонцовъ не будешъ — И Никитъ къ Корол. Величеству вхашъ. А прїѣдешъ передъ него правитъ отъ Великаго Государя поклонъ. — А мольшь : «Божіе милостію , Великій Государь , Царь и Великій Князь Ѡ. А. , всея Великія , и Малыя , и Бѣлыя Рос-

сія Самодержецъ , в многихъ государствъ и земель, Восточн. , Западн. и Сѣверныхъ опщичъ и дѣдичъ , в наслѣдникъ , и Государь , и обладашель , вамъ , брашу своему навяснѣйшему и Великому Государю Яну III-му , Божією милостию Королю Польскому , и Великому Князю Литовскому , Русскому , и пныхъ велѣлъ поклонишися . — И поклонишися рядовымъ поклономъ . — Да какъ Корол. Величество , про здоровье Великаго Государя спросишь , всшавъ , и шляпу снявъ — И Никишѣ мѡлышъ : « Какъ я побѣхалъ ошъ Вел. Государя нашего , ошъ Его Царскаго Величества , и Вел. Государь нашъ , Царь и Великій Князь Феодоръ Алексѣевичъ , всея Вел. , и Мадья и Бѣлыя Россіи Самодержецъ , и многихъ государствъ и земель , Восточныхъ , и Западныхъ , и Сѣверныхъ опщичъ и дѣдичъ , и наслѣдникъ , и Государь и обладашель , Его Царское Величество , на своихъ великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія , дадь Богъ въ добромъ здоровьѣ . » — А буде Корол. Величество про Государево здоровье самъ не вспросишь , а велѣшь спросишь Канцлеру , или и спросишь не всшавъ , и шляпы не снявъ — И Никишѣ говоришь , что окрестные всѣ Великіе Государи , Великаго Государя нашего , Его Царскаго Величества пословъ , и посланниковъ , и гонцовъ , про Великаго Государя нашего , про Его Царскаго Величества здоровье спрашиваютъ сами , всшавъ и шляпу снявъ , честно , шакже и Его Корол. Величество про Его Царскаго Величества здоровье , при Его Царскаго Величества гонцѣхъ спрашивалъ самъ , всшавъ , и шляпу снявъ , и нынѣ-бъ Его Корол. Величество учинилъ прошилъ прежняго , и шѣмъ къ брашу своему , къ Вел. Го-

сударю нашему, къ Его Царскому Величеству не-
люба не чинилъ. — Да какъ Корол. Величество Ве-
ликаго Государя про здоровье спросишь самъ,
встаеъ, и шляпу сняеъ — И Никишъ скажеъ про
Государево здоровье, какъ писано выше сего, и
поднесши Королевскому Величеству Вел. Государя
грамату, въ шафшъ, а молюшъ: « Великій Госу-
дарь, Царь и Вел. Князь *Ф. А.*, всея Вел. и Мал.
и Вѣлыя Россіи Самодержецъ, и многихъ госу-
дарствъ и земель, Восточныхъ и Западныхъ и Сѣ-
верныхъ ошчичъ и дѣдичъ, и наслѣдникъ, и Госу-
дарь, и обладатель, прислаеъ къ вамъ, брашу сво-
ему, Вел. Государю, къ Вашему Корол. Величе-
ству свою Царскаго Величества грамоту.» — И какъ
Корол. Величество грамоту приметъ, и велишь
идши ему къ рукъ, и ему къ рукъ идши. — И буде
Корол. Величество велишь его Никишу спросишь:
« Опричъ граматы, рѣчью съ нимъ о иныхъ дѣлахъ
наказано-ль, и буде наказано, а онъ-бы говоришь.»
И Никишъ говоришь: « Ошъ Вел. Государя, ошъ
Его Царск. Величества, о дѣлахъ приказу съ нимъ
никакого нѣшъ, а писано о всемъ Его Царск. Ве-
личества въ грамахъ.» — А буде у него походяшъ
Велик. Государя грамоту взять Паны Рада, или
иной кто, и ему Великаго Государя граматы,
опричь Корол. Величества никому не ошдавашъ, а
просишься къ Корол. Величеству, чшобъ у него Го-
судареву грамоту Корол. Величество приняеъ самъ.
— А бывъ у Корол. Величества, и ошдаеъ Госу-
дареву грамоту, приказывашъ съ присшавомъ къ Кан-
цлеру, и къ Подканцлеру, или къ Маршалку, чшобъ
они дѣ Корол. Величества донесли, чшобъ Корол.

Величество велѣлъ ему бытъ у себя на отпускѣ , и велѣлъ его отпустишь изъ Царскому Величеству не задержавъ , и съ нимъ о всемъ къ Царскому Величеству , прошивъ Его Царск. Величества граматы велѣлъ въ своей Королевскаго Величества грамотѣ писавъ . — А буде Приславъ , или Канцлеръ , или Подканцлеръ , или Маршалокъ , учнушь его спрашивавъ о какихъ дѣлахъ , чего въ семъ наказѣ не написано — И Никишъ о тѣхъ дѣлахъ державъ ошвѣтъ , смотря по ихъ рѣчамъ , учило и осторожливо , чшобъ Великаго Государя имени было къ чести , и къ повышенію , а лишнихъ рѣчей не говоришь , и собою ничего не всяняшь . — А кто при Королевскомъ Величествѣ , въ що время , какъ онъ Никиша будешь на прїездѣ и на отпускѣ , будешь Сенаторей , и Высокихъ Урядниковъ , и ему имена ихъ , и ныня шамошнія , въ нынѣшнія времена поведенія написавъ все именно въ Сшашейный Списокъ . А напередъ о томъ о всемъ , и о всякихъ вѣдомостяхъ , къ Великому Государю , Царю , и Великому Князю Ѡ. А. , всея Вел. и Мал. и Бѣлыя Россіи Самодержцу , писавъ чрезъ почты , а самому ѣхавъ къ Вел. Государю не мѣшая , а прїехавъ къ Москвѣ явисься , и Сшашейный Списокъ подашь въ Посольскій Приказъ Дьякамъ , Думному Ларіону Иванову , Василью Бабинину , Емельяну Украинцову , Семену Прошопцову . — А шоваровъ ему Никишъ никакихъ съ собою не возишь , и шорговыхъ Русскихъ людей и иноземцовъ съ шовары неимавъ , и никакими шовары , будучи въ той посылкѣ , не шорговать , и людямъ своимъ никакими шовары шорговать не велѣшь , и шого ему остерегаешь на-

крѣпко, чшобъ ошъ шого не учинилось какого безчестія, и Великаго Государя дѣлу порухи. — Да ему-жъ Никишѣ написаны сшашья въ запасъ. — Какъ онъ прїѣдешъ съ грамашою Вел. Государя, Его Царск. Величества, на дворъ Королевскаго Величества, и прїѣдешъ къ шой палашѣ, въ кошорой будешъ Корол. Величество, и буде учнушъ его у дверей шой палашы задерживашъ, и Никишѣ говоришъ, что напередъ сего, Вел. Государя, Его Царск. Величества гонцовъ, у дверей палашныхъ, въ кошорыхъ бывалъ Королевское Величество, не задерживали. А нынѣ шо чиняшся вновь, мимо прежняго обычая, и чшобъ уважалъ Корол. Величество съ грамашою Вел. Государя, Его Царск. Величества, видѣшъ ему Никишѣ свои Корол. Величества ошъ вскорѣ, прошивъ прежняго обычая, а у палашы, у дверей, задерживашъ его не велѣлъ. — А какъ онъ, Никиша, будешъ у Корол. Величества на прїѣздѣ и на отпускѣ, и въ шѣ дни вриелаво къ нему будешъ за столы Корол. Величества дельгами малое число, а не прошивъ прежняго, и ему Никишѣ учинишъ въ шомъ осторожность, чшобъ было Великаго Государя, Его Царскаго Величества имени къ чести и повышенію.

На оборотѣ, по склейкамъ подписано дважды: *Дѣлкъ Семень Протопоповъ*, съ переносомъ, повшоренія: *Протопоповъ*, къ концу Наказа, на другую сторону, въ концѣ шекста. На оборотѣ-же внизу: *Справилъ Ивашко Волковъ*.

С Н И М О К Ъ

НАПОЛЕОНОВА ПОЧЕРКА.

При сей книжкѣ Телеграфа приложенъ вѣрный снимокъ почерка *Наполеона*.

Если когда нибудь нѣсколько строкъ, начертанныхъ человѣкомъ, могли бытъ важны, замѣчательны для наблюдателя, могли остановить на себѣ взоръ самаго безпечнаго человѣка, то конечно—это строки, начертанныя Наполеономъ, съ коихъ снимокъ находится передъ глазами читателя. Онѣ тысячу разъ были списаны, напечатаны, повторены на всѣхъ языкахъ; въ послѣдній разъ изъясилъ имъ волю свою Наполеонъ; имъ заключилась Исторія цѣлаго періода; онѣ написаны послѣ двадцати лѣтъ борьбы, со всею Европою, и скрѣплены кровавою рѣкою, протекшею отъ Нѣмана до Оки, и отъ Оки до Сены. На нихъ еще долго будешь устремлять взоръ человѣка въ грядущихъ поколѣніяхъ! Словомъ: это *отрѣзеніе отъ престола, написанное Наполеономъ, въ Фонтенбло, 6 Апрѣля (н. с.) 1814 года*, когда Парижъ былъ уже въ рукахъ Союзныхъ Монарховъ, и только въ немногихъ ошашкахъ войнѣ заключалась вся сила исполина, нѣкогда пошрясаваго престоломъ, двигавшаго народы.

Припомнимъ событія. Января 25-го 1814 г. въ послѣдній разъ Наполеонъ оставилъ Парижъ, и,

какъ раненый левъ, ринулся на встрѣчу побѣдителей, ошвсюду вступавшимъ во Францію. Февраля 1-го закипѣлъ бой въ мѣстѣ воспишанія Наполеонова, подъ Бриенною. Наполеонъ уступилъ; но онъ ушомлень, а не побѣжденъ еще: онъ бѣгаша подъ Шамберомъ, Монмиралемъ, Вошаномъ, Нанжисомъ и Монсеро, гонимъ Австрійцевъ за Труа, бросается на Блюхера, сражаеша подъ Краономъ, возвращается на Суассонъ, ошнимаеша Реймсъ, преслѣдуеша Австрійцевъ, обратившихся уже на Парижъ, дереша подъ Арсиюръ-Объ, носимъ солдатъ своихъ какъ будшо въ рукахъ, являеша вдругъ въ десяши мѣсшахъ, ошскупаеша, увлекаеша, нападаеша, переговариваша о мирѣ, и сражаеша. Ни одна кампанія не показываша военнаго генія Наполеонова въ такой высокой степени, какъ эта роковая, послѣдняя его кампанія. Но — жребій брошенъ: Парижъ сдался. Наполеонъ въ Фоншенбло, имя Бурбоновъ передешаша уже изъ ушъ въ уста. Сподвижники Наполеона окружаюшх его, мрачные и безмолвные. Императоръ Александръ шоржештвенно говоримъ: *Je déclare que je ne traiterai plus avec l'empereur Napoléon.* Апрель 1-го сосшавилось временное Правительштво Франція: царштованіе Наполеона уже кончено. Фоншенбло приводитъ на память слова великаго Историка: «*C'est ici qu'il faut se donner le spectacle des choses humaines: qu'on voie tant de guerres entreprises, tant de sang répandu, tant de peuples détruits, tant de grandes actions, tant de triomphes, de politique, de constance, de courage;*

à quoi cela aboutit-il?» (*) — Апрель 4-го собрались на совѣщъ къ Наполеону сподвижники его. Онъ предлагалъ имъ идти на Парижъ, и умереть сражаясь. Совѣщъ кончился. Узнали, что Наполеонъ *отрекся отъ престола* въ пользу своего сына. На другой день донесли ему, что Мармонъ перешелъ къ Бурбонамъ. L'ingrat! воскричалъ Наполеонъ — il sera plus malheureux que moi! — Коленкуръ, Ней и Макдональдъ отправились къ Союзнымъ Монархамъ, и представили имъ отрѣченіе Наполеоново. Оно не было принято. Посланные возвратились, и объявили, что побѣдители требуютъ отрѣченія безусловнаго. Наполеонъ еще разъ вспомнилъ великія свои битвы, велѣлъ двинуть войска, но — остановился, внимательно сообразилъ удаленіе бывшихъ нѣкогда вокругъ него вельможъ, полководцевъ, придворныхъ, лица остававшихся при немъ, долго говорилъ съ ними, и почувствовалъ тягостную десницу Провидѣнія. Онъ успокоился, хладнокровно обратился къ своимъ собесѣдникамъ, и сказалъ имъ послѣ нѣкотораго молчанія: «Вы хотите покоя? Хорошо! Но не знаете вы, сколько печалей и опасностей будешь окружать васъ, на вашихъ пуховыхъ подушкахъ. Нѣсколько лѣтъ мира, за который плашите вы такъ дорого, погубятъ васъ болѣе, нежели погубила-бы война, война самая опчаянная!» Онъ подошелъ къ бюро, и написалъ *полное отрѣченіе*:

(*) Монпескьѣ.

« Les puissances alliées ayant proclamé que l'empereur était le seul obstacle au rétablissement de la paix en Europe, l'empereur, fidèle à son serment, déclare qu'il renonce pour lui et ses enfans aux trônes de France et d'Italie, et qu'il n'est aucun sacrifice, même celui de la vie, qu'il ne soit prêt à faire aux intérêts de la France (*). »

Сколько думъ возбуждаютъ сіи немногія строки Наполеона! Разсматривая внимательно снимокъ оныхъ, видимъ, на словъ: *l'empereur*, чернильное пятно. Неужели шайный шрепешъ потрясъ его душу, когда надобно было ему *въ послѣдній разъ* написать сіе слово? — Слова: *pour lui et ses enfans*, Наполеонъ пропустилъ, и вписалъ пошомъ между строками. Въмѣсто слова: *sacrifice*, было написано что-шо другое, но зачеркнушо. Также и вмѣсто слова: *aux intérêts*, кажешся, Наполеонъ хотѣлъ написать: *au bonheur*, но — зачеркнулъ сіе послѣднее слово.

Апрѣля 11-го подписанъ былъ въ Парижѣ трактатъ, начинавшійся громовыми словами: « Sa

(*) « Союзныя Державы объявили, что Императоръ « былъ единственное препятствіе къ возстановленію « мира въ Европѣ. Императоръ, вѣрный своей прися- « гѣ, объявляетъ, что онъ опказывается, за себя и « дѣшей своихъ, опъ проновъ Франціи и Италіи, и « что нѣтъ пожертвованія, даже самую жизнь, ко- « « порога не готовъ-бы онъ былъ сдѣлать для выгоды « Франціи. »

Majesté l'empereur Napoléon renonce... à tout droit de souveraineté et de domination, tant sur l'empire français et le royaume d'Italie que sur tout autre pays. — Наполеонъ пересталъ царствовать: онъ уже лишній въ Европѣ.

Апрѣля 19-го прибыли Коммиссары Союзныхъ Монарховъ, для сопровожденія Наполеона въ мѣсто его изгнанія. Ночью того-же дня бѣжали шихомько изъ Фоншенбло камердинеръ Наполеона, Коншанъ (клеветушій на благодѣтеля своего въ Запискахъ, имъ нынѣ изданныхъ) и вѣрный допоздъ Мамелюкъ его Рюшанъ. Повѣряешь-ли, что неблагодарность этихъ людей пронула Наполеона — почти до слезъ! — Апрѣля 20-го Наполеонъ простился съ своею гвардіею, и отправился на островъ Эльбу.

К О Р Р Е Д Ж І О.

Конецъ XV-го столѣтія былъ эпохою величайшаго шоржества Живописи. Три генія ознаменовали его своимъ появленіемъ, три живописца, которымъ не являлось уже послѣ того соперниковъ. *Микель Анджело Буонаротти* родился въ 1474 году; *Рафаэль Санкціо* въ 1483 году. Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ Рафаэля родился *Антоній Аллегри*, названный по имени своей родины, *Корреджіо*.

Микель Анджело и Рафаэль насладились славою своею при жизни; современники сохранили намъ

даже малѣйшія подробности жизни ихъ; Цари и Первосвященники чтили ихъ своимъ уваженіемъ. Не шаква была участь Корреджіо. Бѣдный, безвѣстный, обремененный нуждами, заботившійся о пропитаніи своего семейства, Корреджіо не слыхалъ привѣтливаго слова отъ современниковъ, не зналъ своей славы, за ничто продавалъ великія шворенія, которыми цѣняшъ нынѣ сотнями тысячъ, и умеръ въ забвеніи, на бѣдной своей родинѣ.

Намъ извѣстно только о жизни сего великаго живописца, что онъ родился въ 1494 году, въ Корреджіо, небольшой деревенькѣ близъ Пармы. Говорятъ, что смотря на небольшую картину Рафаэля, Корреджіо созналъ свой геній, и съ восторгомъ воскликнулъ: *Ans'io sono pittore* (и я живописецъ)! Онъ учился пошомъ у живописцовъ незначительныхъ, не былъ ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, и всѣмъ былъ одоженъ только своему безсмертному генію. На 18-мъ году написалъ онъ Св. Антонія, картину, находящуюся нынѣ въ Дрезденѣ. Пошомъ заказывали ему писать образа и картины для церквей, и даже двѣ картины купили для Маншуйскаго Герцога, вѣроятно для того, чтобы Герцогъ полюбовался, какъ хорошо пишешь мужикъ, ни у кого не учившійся. Что Корреджіо считалъ хорошимъ живописцемъ, видно изъ слѣдующаго: въ 1520 году надобно было росписать альфреско куполь въ Пармской церкви Св. Іоанна. Корреджіо предпочли при семь случаевъ Тиціану и Юлію Роману. Впрочемъ, не за шолъ всего болѣе предпочли, что онъ взялъ не очень дорого — 5,600 франковъ,

работавши около четырех лѣтъ? — Такъ и въ 1522 году заказали ему написать образъ Рождества Христова, для церкви Св. Проспера въ Реджіо. Донынѣ сохранилась записка, данная тогда Корреджіо. Вотъ слово въ слово переводъ оной :

«Сею запискою, собственноручною, я Альбертъ Прашонеро, свидѣтельницаю, что обѣщаль я заплатить мастеру Аншону Корреджіо, живописцу, двѣсти шаринныхъ ливровъ Реджійскихъ, за картину, которую обязался онъ исполнить со всевозможнымъ тщаніемъ, изобразивъ на ней Рождество Спасителя нашего, съ принадлежащими фигурами, по мѣрѣ и величинѣ, означеннымъ въ рисункѣ, который собственно самъ начертилъ и показывалъ мнѣ рѣченный Корреджіо, 22 Октября 1522 года.»

Корреджіо написалъ по сей запискѣ свое безсмертное созданіе, извѣстное подъ именемъ *Корреджіевой ноги*. — Картину: Богоматерь съ Предвѣчнымъ младенцемъ, Св. Іеронимомъ и Марією Магдалиною, писалъ Корреджіо полгода, по заказу Бризенды Косса, вдовы одного Пармскаго дворянина. Кромѣ небольшой плашмы, Г-жа Косса подарила еще ему, сверхъ договора, два воза дровъ, добраго поросенка и нѣсколько мѣрокъ пшеницы. Черезъ двѣсти лѣтъ, Герцогъ Пармскій не согласился отдать сей картины Королю Поршугальскому за 400 тысячъ франковъ, а въ 1798 году, Бонапарте предлагалъ миллионъ франковъ, если только онъ оставитъ сію картину въ Пармѣ, и Бонапарте же взялъ миллионъ, а предпочелъ произведеніе Корреджіо. Картины

ну: Венера и Саширъ, купилъ Кардиналь Барберини и подарилъ Мазарену; въ 1661 году цѣнилъ ее только въ 5000 ливровъ, (нынѣ она во Французскомъ Музеѣ, и ее цѣнятъ въ 200,000 франковъ).— Въ 1530 году, Корреджіо кончилъ огромнѣйшую работу альфреско, въ куполѣ Пармскаго Собора, шрудившись нѣсколько лѣтъ. Онъ изобразилъ Успеніе Богомашери, съ безчисленнымъ множествомъ Ангеловъ, Апостоловъ и Свяшыхъ — произведеніе неподражаемое, размѣра колоссальнаго. Ему заплашили — 4,200 франковъ!

Еще въ полной силѣ и зрѣлости генія былъ Корреджіо, но шягосшныя шруды истощили уже его физическія силы. Получивъ, въ 1534 году, плату за одну изъ каршинъ своихъ мѣдными деньгами, онъ спѣшилъ опшнести ихъ къ семьѣ своей, и въ жаркій день пошелъ изъ Пармы пѣшкомъ на свою родину, гдѣ всегда жилъ. Отъ чрезмѣрной усталости, Корреджіо сдѣлался боленъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ, на *сороковомъ* году жизни....

Такъ жилъ, такъ безвременно погибъ человекъ, котораго спавишь потомство рядомъ съ Рафаэлемъ и Микель-Анджело. Если идея высокаго и божественнаго принадлежала преимущественно генію Рафаэля, если Микель-Анджело обладалъ ужаснымъ, исполинскимъ, шо прелестъ, милое, идея земнаго, возведенная къ небесному шхимъ вдохновеніемъ души, скорбной и глубокой, были принадлежностью Корреджіо. Преображеніе Рафаэля уноситъ душу зришеля выше земнаго; Ночь Корреджіева согрѣваетъ се небеснымъ на землѣ; Мадонна Рафаэля

заспавляеть безмолвствовашъ языкъ земли: это человекъ, оставившій земную оболочку; картины Корреджіо дають небесное слово брэнному человеку: это миръ земли съ небомъ... Но кто пойметъ, кто оцѣнитъ его, когда примиришель-геній влачитъ существованіе свое въ сей бѣдной юдоли скорби...

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

На картинкѣ, приложенной къ сему № Телеграфа, находится изображеніе сшашун Вашингтона, изваянной Чаншреемъ (Chantrey).

Чаншрей считается первымъ изъ ваятелей Англійскихъ. Сынъ простаго мызника, онъ родился въ 1782 году. Англичане гордятся имъ, предпочитаютъ его Кановъ, и прилагають къ нему слова Шекспира: *rare master. . . who, had he himself eternity, and could put breath into his work, would beguile nature of her custom, so perfectly he is her ape.* Въ самомъ дѣлѣ, Чаншрей можешь бышь наименованъ Микель-Анджело нашего вѣка.

Сшашунъ Вашингтона была ему заказана Сѣверо-Американцами, и нынѣ украшаетъ одинъ изъ общественныхъ памяшниковъ въ столицѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Шшашовъ. Чаншрей глау-

боко понялъ, какъ должно было изобразить Вашингтона. Благородство, простота положенія, новѣйшее одѣяніе, и изящная драпировка плащомъ, поставляющъ сіе произведеніе Чаншрея въ число изящнѣйшихъ памятниковъ современнаго Ваянія.

С М Ъ С Ъ .

Ветерное собраніе въ Турціи.—Почитаемъ любопытнымъ описаніе *ветера* въ Турціи, извлеченное изъ письма одного путешественника. « Драгоценнѣйшія благоуханія Аравіи курились въ богатыхъ кассолешахъ, на шреножникахъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ гостиной. Въ вышинѣ, люстра отражала въ тысячѣ кристалловъ свои огни и соперничала съ дневнымъ свѣтомъ; внизу плескался фонтанъ, кошораго брызги падали въ мраморный бассейнъ. Бѣшь восемь часовъ, и со всѣхъ споронъ являющся гости: то Греки корабельщики, купцы Армянскіе и нѣсколько челоуѣкъ Франковъ съ женами. Женщины садящся на эстраду, занимающую во всѣхъ гостиныхъ Восточныхъ половину пространства. Тамъ, роскошно опершись на шелковыя подушки, сложивъ ноги, вполонину прикрышыя кожаными кошурами, онѣ отдыхающъ отъ утомительнаго покоя дня, беззабошно предаваясь веселымъ шушкамъ. Общество, разнообразіемъ націй и оригинальностію нѣкошорыхъ лицъ, даетъ разгудъ

ихъ извѣстельному, сатирическому характеру.—Мужчины помѣстившись на чешыреугольныхъ скамейкахъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ эстрады. Ни одинъ изъ нихъ не забылъ своего *тибука*, ни кашемироваго мѣшка, вышитаго золотомъ и набитаго благовоннымъ *затаке*. Между шѣмъ, мальчикъ подносишь всѣмъ гостямъ серебряную небольшую жаровню, съ пылающими угольями, раскуривашь шабакъ въ шамбудкахъ. Надобно было видѣшь, какъ всякій, лѣтними губами ласкалъ округленный яншаръ, которымъ оканчивается вишневыи чубукъ, и, вдыхая ароматическій запахъ Египетскаго шабаку, съ наслажденіемъ зашивалъ его усладительнымъ кофе, даромъ Мокки, заключеннымъ въ Персидскій фарфоръ.—Недавній пришлецъ на Востоку, еще мало знакомый съ Греческимъ языкомъ, я въ молчаніи удивлялся прелестному виду всѣхъ женщинъ, и особенно живому румянцу, который огнемъ горѣлъ на щекахъ одной молодой Армянки, свѣжей, подобно ушренной, полураспустившейся розѣ. Жадно устремивъ на нее взоры, я былъ какъ въ усладительномъ снѣ, и боялся ежеминутно, чтобы печальное пробужденіе не скрыло отъ меня эшихъ очаровательныхъ формъ, превожившихъ мою душу нездомымъ смяшеніемъ.—Вскорѣ я былъ пробужденъ отъ забвенія звуками мандолины, шо унылыми, шо рѣзкими, которые могли-бы своею печальною гармоніей устрашить слухъ, болѣе нѣжный. Женщины встали, взялись за руки и начали шанцовашь. Крайняя дѣлала па, которымъ должны были всѣ подражать. Музыка и шанцы мало занимали меня; но я внимательно разсматривалъ нарядъ женщинъ.

Спенсеръ , яркаго цвѣща , былъ надѣтъ у нихъ на тонкую рубашку изъ шелковой ткани ; длинные черные волосы , украшенные жемчугомъ , брильянтами и цвѣщами , окружали голову и были завязаны подъ Греческимъ токомъ ; сандалии кожаные , такъ-же какъ и кошурны , охватывали ихъ ножки ; юбки были у всѣхъ хорошия . — Танецъ кончился . Принесли разные прохладительныя , въ кристалльныхъ вазахъ и съ самою Восточною роскошью . Но время уже было позднее ; надлежало распашься , и каждый пошелъ , освѣщаемый фонаремъ : предосторожность необходимая въ такой странѣ , гдѣ улицы по городамъ извилисты и не освѣщены ночью .

Ночные сторожа. Во Франціи нѣтъ эшихъ ночныхъ хранищелей , заботящихся о безопасности городовъ , объявляющихъ который часъ и какова погода . Въ Германіи они извѣстны подъ именемъ *Нахтвехтеровъ* . Въ Англіи , *Уэлмены* носятъ съ собою трещотку и фонарь . Ихъ также называютъ въ просторѣчій *терлей* , ш: е: продавецъ часовъ , попому что они громко повсоряють , который часъ . Въ Испаніи это *Сереносы* , такъ называемые по ихъ обычаю громко возглашать о часѣ и погодѣ . Въ благословенномъ шамошнемъ климатѣ почти всегда погода ясная , и попому они кричатъ : « *La luna y media! Tiempo sereno!* » — Въ Константинополь , гдѣ пожары такъ часты , особенно въ ночное время , необходимы смотрители : это *Бекджи* , которые дѣлають ночные обходы , и въ разлѣренныя мгновенія опускають на мостовую свою дубинку ,

окованную желѣзомъ, давая чрезъ шо знашь о своемъ присущствіи.

Въ Минхенѣ показывающъ иностранцамъ покрывало или одѣяло съ брачною постелею Карла VII, Императора Нѣмецкаго. Оно бархатное и съ шапкою множествомъ шолстаго золотого шнурка, что чешыре сильныхъ человека съ трудомъ могутъ приподнять его.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

МОСКОВСКАГО ТЕЛЕГРАФА.

Сею книжкою, *сто сорокъ четвертою* съ начала Телеграфа въ 1825 году, заключается *тридцать шестой томъ*, и годовое изданіе за 1830-й годъ.

Издатель не будешь извиняться передъ читателями въ поздней выдачѣ книжекъ, и не спанешь извинять себя ничѣмъ. Последнее не важно для читателей; перваго не лзя даже назвать и замедленіемъ, ибо слишкомъ черезъ годъ послѣ настоящаго времени выхода являющся послѣднія книжки Телеграфа за 1830-й годъ. Но, на это-шо самое Издатель проситъ своихъ читателей обратишь нѣкоторое вниманіе.

Излишне повщорять здѣсь шуцыя шушки и му-

жизкiя насмѣшки, какими за несправность осылали Телеграфъ другiе Журналисты, изъ кошорыхъ иной сбивалъ по чепыре книжки въ одну, издавая половинное число листовъ противъ программы, другой умеръ вовсе не додавши книжекъ; шрешій самъ всегда опаздывалъ выдачею.

Издатель Телеграфа думалъ и думаешь, что непременная обязанность Журналиста: не только выдашь полное число обѣщанныхъ книжекъ и листовъ, но и наполнишь ихъ, по мѣрѣ возможности, лучшимъ образомъ.

Эшо всего болѣе задерживало и задерживаешь выдачу книжекъ Телеграфа, если еще припомъ непреддимыя, а иногда и *неотвратимыя* причины отвлекають Журналиста отъ его заняшiй. Издатель Телеграфа могъ-бы, шакъ-же какъ другiе, уменьшашъ число листовъ и каршинокъ, набить книжки коечѣмъ, и давно кончить 1830-й годъ. Онъ *не хотѣлъ*: выдаетъ книжки поздно, проситъ въ эшомъ снисхожденiя чашашелей, но за шо, готовъ выдержатъ ихъ строгiй судъ во всѣхъ другиыхъ отношенiяхъ. Книжки Телеграфа за 1830-й годъ выданы всѣ ошдѣльно; число листовъ въ нихъ даже съ излишкомъ противъ обѣщаннаго, число каршинокъ полное, и—осмѣлился сказать—содержанiе послѣднихъ книжекъ не показывается, чшобы Издатель наполнялъ ихъ кое-какъ: онъ шрудился надъ ними, какъ будшо-бы надобно было выдавать ихъ въ настоящае время, а не доплачивашъ ими старшй долгъ.

Такъ будешь конченъ и 1831-й годъ Телеграфа; шакъ выполнишь Издатель передъ публикою и дру-

тія, принятыя имъ на себя лихтературныя обязанности. Пусть кричашъ журнальщикъ и журнальные писачки. Думаемъ, что для челоука справедливаго и просвѣщеннаго, ихъ вопли не заглушашъ искреннаго и швердаго голоса Издашеля Телеграфа.

По обыкновенію, представляемъ здѣсь ошчешъ за Телеграфъ 1830 года, ибо полагаемъ, что *такой ответъ* ешть обязанность Журналиста передъ публикою.

И въ 1830 году, съ прежнимъ стараніемъ наполнился Телеграфъ спашьями, могущими доставить чшешеніе насшавительное или пріятное, знакомить чшашедей съ современною Европою, обращать вниманіе ихъ съ новыхъ почекъ зрѣнія на извѣстные предметы, или показывашъ предметы въ новомъ свѣтѣ, ведущемъ къ истинному о нихъ понятію. Таковы были особенно спашья: о Боссюэшѣ, Вико и Гердерѣ, ошрывки изъ ненапечатаннаго сочиненія о Географіи и Исторіи, и спашья о воспитаніи (двѣ послѣднія И. М. Яшребцева). Сшашья объ Отелло Шекспировомъ, спашья объ Историческихъ трагедіяхъ Шекспира и Гешевомъ Фаустѣ (И. Я. Кронеберга), письмо Альфреда де Виньи, и всѣ спашья о Парижскихъ Театрахъ, служили поясненіемъ шешоріи и Исторіи новой драматической и вообще лихтературной реформы нашего времени. Сшашья: о владычешствѣ Мавровъ въ Испаніи, о Демонологіи, объ Исторіи Іезуитовъ, объ Исторіи Англійскихъ Католиковъ; Историческо-Географическія спашья объ Испаніи, Алжирѣ, Италіи, Греціи, Египтѣ, заключали въ себѣ большія достоинства.

Осмысливаемся думать, что если-бы цѣлый годъ Телеграфа не содержалъ въ себѣ *никого болѣе*, кромѣ означенныхъ здѣсь статей, то можно-бы почти-пашь обязанность Журналиста довольно выполненною предъ читателями, ибо сіи десятокъ два статей, болѣею частію довольно обширныхъ, можно назвать истинно *Европейскими*.

Но кромѣ того, по части Отечественной Географіи, Статистики и Этнографіи, читатели видѣли статьи ГГ-дъ Слоцова, Левашева, Племянникова, Леопольдова, гдѣ изображаемы были: Сибирь, Сѣверная Россія, Бузулукъ, Крымъ, Сарашовъ, и проч. По части Отечественныхъ Древностей и Исторіи помѣщены статьи Г-на Сахарова, нѣсколько граматъ и шаринныхъ актовъ, статьи о Московскомъ Архивѣ, объ Исторіи Малороссіи; о Русскихъ Сказкахъ (М. Н. Макарова). Къ сему отдѣленію можно отнести нѣлгія статьи, подъ названіемъ: Отечественныхъ извѣстій, вѣстей и писемъ изъ Москвы.

Нѣсколько статей поясняли современную Исторію, Географію и Статистику фактами. Таковы были: Обзорніе 1829 года; Посланіе Президента Соединенныхъ Штатовъ; Рѣчь Англійскаго Канцлера Казначейства; извѣстія объ Англійскомъ Парламентѣ; статья о финансахъ Европейскихъ Государствъ; Жизнь Филиппа, Короля Французскаго, и извѣстіе объ Африканскомъ Лже-Пророкѣ; извлечение изъ Апласа Бальби.

Упомянемъ о статьяхъ *по разнымъ предметамъ*, какъ-то: отрывкахъ изъ новаго юридическаго со-

чиненія , П. И. Дегая ; статья о Бошаниктъ , Декандоля ; Ръчи , И. И. Давыдова ; Уголовномъ уложеніи Кияшайцевъ ; Японской Географіи , Клапрота ; Обзорніи современной Восточной лишперашуры , Абель Ремюза ; статья о лунномъ затмѣніи , Г-на Семенова ; о Польской Лишперашурѣ , Г-на Ушакова ; о Запискахъ Маршала Сень-Сира ; о Выставкѣ С. Петербургской , почтеннаго Московскаго фабриканта ; статья о Порто-Франко .

Полемика состояла въ показаніи несообразностей и ошибокъ , наполнившихъ два обзорнія Русской Лишперашуры ; въ уликъ хвастливаго педанша , выдавашаго мысли Шеллинга и Штуцмана за свои ; въ спорахъ о Десятинной церкви , о лекціяхъ Г-на Солодова и письмѣ Г-на Усова ; въ двухъ письмахъ Московскаго фабриканта ; въ разборѣ Физики Г-на Щеглова . Издашель поставялаеть въ достоинство Телеграфа , что все сіе было излагаемо съ гражданскою въжливостью , и что Телеграфъ не вводилъ ни въ какіе смѣшныя и безобразныя диспушы другихъ Журналовъ .

Въ Библиографіи , Издашель , сколько можно обширнѣе и вѣрнѣе , старался знакомить публику съ новыми произведеніями Русской Лишперашуры .

Ошдѣль Изыщной Словесности , по части *Стихотвореній* , былъ не богатъ : вина не Издашеля .— Но въ прозѣ , были произведенія большаго достоинства . Таковы повѣсти : Тайнственныи Жидъ , Взятіе Редута , (Мериме) , Маіоратъ и Песочникъ (Гоффмана) , Германскія преданія , Цыганка (превосходное сочиненіе Г-на Даля) , опрывки изъ *Странныка*

(А. О. Вельшмана), изъ *Семейства Холмскихъ*, изъ *Послѣднего Новика* (И. И. Лажечникова), и повѣсть П. П. Сумарокова. Принадлежащими къ сему-же отдѣленію можно почестъ три сшашьи, соединяющія въ себѣ и Историческое достоинство: отрывки изъ Записокъ Дюбуа, *d'une femme de qualité*, и Буррениа.

Издатель старался разнообразить мѣлкія сшашьи, куда причисляешъ онъ извѣстія о Московскихъ театрахъ, о Русскихъ Журналахъ и Газетахъ, изъясненія картинокъ, и проч.

Живописецъ говорилъ правду, полагая въ этомъ все свое достоинство.

Въ счешъ *шесть* отдѣльныхъ картинокъ, чшашели Телеграфа получили: *портретъ Кузена*, *портретъ Людовика Филиппа*, *снимокъ Наполеонова погертка*, *Японскую карту*, *рисунокъ къ статьѣ Г-на Ястремцева* и *рисунокъ къ статьѣ Г-на Семенова*.

Въ счешъ 24 другихъ картинокъ, были при Телеграфѣ: *рисунокъ Нордманнскаго городка*, *одиннадцатъ изображеній новомодныхъ мебелей и экипажей*, и 12 очерковъ съ картинъ: Рафаэля, Шнепца, Давида, Гро (двухъ), Жироде, Горація Вернета (шрехъ), Герена, Вилкіе, и Герико.

Поздній выходъ послѣднихъ книжекъ дѣлалъ неудобнымъ приложеніе картинокъ модъ. Посему, помѣшивъ при двадцати одной книжкѣ 31 рисунокъ модъ, Издашель рѣшился замѣнить остальные пять особенными картинками. Кажется, чшашели

не постыжусь, что сіи пять картинокъ модъ были замѣнены: портретами Аббата Сижара и Коррсджіо, изображеніемъ могилы Наполеона, и озерками картины Ришара и статуи Чантреля.

Объяснивъ все сіе, Издашель долгомъ почишаетъ въ заключеніе благодарить всѣхъ, участвовавшихъ трудами своими въ Телеграфъ, и ободравшихъ его своимъ вниманіемъ въ тяжелый для него 1830-й годъ. За штъмъ, онъ предаеть себя благосклонному суду почтенныхъ читателей.

НОВЫЙ ЖИВОПИСЕЦЪ ОБЩЕСТВА И ЛИТТЕРАТУРЫ.

№ 24. *Декабрь* 1830.

К Л А Д Б И Щ Е,

И Л И

ЧѢМЪ ВЪЛЪ , ЧѢМЪ МОГЪ ВЪТЬ.

Я человекъ совсѣмъ не *сантиментальный*; пер-
пѣть не могу слезливыхъ стиховъ , и баллады
чишаю не пошому , чтобы мершвецы и приви-
дѣнія — записные жишелы кладбищъ и гробовъ—
заспаждали меня испытывашь *презость ужаса*. Но
я люблю прогулки по кладбищу , и часпо , въ ра-
доспи и гореспи , бывши молодъ , и нынѣ , сдѣ-
лавшись старъ , любилъ и люблю бродить ме-
жду могилами почившихъ братій. Думаю , что
если-бы и другіе почаще навѣщали кладбища , сіи
безмолвные памянники счастья и бѣдспвіа чело-
вѣческаго , сіи послѣдніе пріюпы земныхъ спран-
никовъ , неизбѣжное мѣсто опдыха послѣ лихо-
радки жизни , шо многое шло-бы въ мірѣ лучше.
Къ несчастію , святое мѣсто вѣчнаго покоя,
Божья нива , какъ называютъ его Нѣмцы , клад-

бище поперяло въ глазахъ нашихъ надлежащее свое достоинство.

Восточные мудрецы говаривали, что народъ можно узнать, побывавъ на крыльцѣ судилища, поспоявъ у дверей храма, и посѣдивъ мѣсто кладбища. Если крыльцо судилища заросло правою, и его спражь придверный спить, облокошась на свое оружіе; если въ двери храма едва можно пропѣснисься, среди полны едущихъ во храмъ, и если на кладбищѣ увидише вы живыхъ, благоговѣнно размышляющихъ на гробахъ умершихъ, по можете смѣло назвашь спрану, гдѣ вы все это замѣпите, счастливою, добродѣпельною и просвѣщенною.

Не говоря ни о чемъ другомъ, обращаюсь къ *кладбищамъ*, и спрашиваю: что сказали-бы мудрецы Востока о насъ, посмошрѣвъ на наши кладбища?

Мнѣ кажется, что для насъ кладбища сдѣлались похожи на какія-то кладовыя, гдѣ складываемъ мы старыя, ненужныя вещи: ломаную мебель, изношенное бѣлье, разбишную посуду, испершья щепки. Разумѣю подъ эпимъ складку спарыхъ родственниковъ, спарыхъ друзей, конченыхъ спраспей и опношеній общеспвенныхъ. Мы почиаемъ обязанностью только донести, или довести, покойника до кладбища, свалишь его въ могилу, и — много, много, если попомъ

поспавяшъ на надгробномъ холмѣ его золоченую эпитафію, какъ на каршонѣ съ спарыми бумагами наклеиваютъ надпись: «*Здѣсь хранятся рѣшенія дѣла.*» Съ эпитимъ, мы почитаемъ всѣ отношенія наши оконченными. Въ самомъ дѣлѣ, мы оканчиваемъ ихъ начиспо. И шумъ вмѣшались извѣстными приличія, и шумъ выпѣснили они прамия, испинными чувсшва челоѡвка. «Почпшительный сынъ! Какъ благоговѣетъ онъ къ намашим опца! Какія богашы похороны онъ сдѣлалъ ему!» — «Мы не поведемъ сегодня на балъ: къ сожалѣнію, мы въ траурѣ.» — «Какъ не кспаши умерла ваша пешушка: шеперь у васъ цѣлый годъ не будетъ веселыхъ собраній!» Вотъ слова, слышимыя нами безпрестанно, и — надобно-ли пояснять сін слова, и наглуу безчувсшвенносшь ихъ?

Не шакъ бывало у насъ прежде. Смерть не разрывала связей умершаго съ живыми, и часто еще сильнѣе ушверждала ихъ. Тѣнь милаго дѣлалась какимъ-шо геніемъ хранипелемъ сердца, остававшася въ живыхъ; могила милаго была мѣспомъ отдыха для пережившихъ: пуда шли дѣлпшь радость и горе; памъ молились за себя и за него. Въ числѣ самыхъ шрогашельныхъ праздниковъ, бывшихъ въ Русской спаринѣ, полагаю я дни поминовеній, копорые праздновали предки наши съ суевѣрноу точносшью и грусш-

ною радостью. Въ день Свѣтлаго Воскресенья кладбища покрывались народомъ, пришедшимъ *христосоваться съ отцами и братьями умершими...* Нѣтъ! я вѣрю добродѣтели челоуѣка, благоговѣющаго предъ могилою предка, и сомнѣваюсь въ ней, когда онъ небрежешь о могилѣ ближняго, хопя-бы до локтей нашилъ онъ плѣрезы, а флеръ съ его шляпы волочился по землѣ!

Но я забылъ, что говорю совсѣмъ не по нынѣшнему, и съ мѣщанскими понятіями о кладбищѣ, могу не угодить однимъ, заспаваю смѣяться надъ собою другихъ! Да что-жь за бѣда? Пусть смѣются; я очень хорошо понимаю, что говорю не по *нынѣшнему*. И въ самомъ дѣлѣ, до кладбищъ-ли намъ? Мы на почтовыхъ скачемъ по дорогѣ жизни, и если-ли намъ досугъ занимаемся мерзкими, когда и съ живыми едва можемъ мы ужиться. Сколько обязанностей, хлопотъ, связей, отношеній... Посмотрите, когда шпанется по улицамъ погребальный поѣздъ: слуги хладнокровно держатъ гробъ; чучелы въ черныхъ плащахъ небрежно машутъ факелами; провожаемые сидятъ въ каретахъ и экипажахъ, и можно-ли имъ идти пѣшкомъ? Вѣдь кладбище обыкновенно бываетъ далеко — устанешь! Проезжающіе и проходящіе едва мимоходомъ поднимаютъ шляпы и шапки передъ гробомъ, и неперпѣливо ожидаютъ, когда проѣдешь покойникъ...

- Не сердись, добрые люди! Сподишь умереть: проѣхашь недолго, и проѣхашь навсегда... Широкое раздолье вамъ: кашайшесь по бѣлому свѣшу, пока и вамъ придется ѣхашь по той-же дорогѣ, по кошорой на минушу задержалъ васъ погребальный повѣздъ умершаго собрата....

Желалъ-бы я, хопъ на нѣсколько мгновеній, ошановишь васъ однакоже, не смотря на вашу неперѣлившую досаду. Желалъ-бы я, чшобы въ наше время, когда пересшали бояшсь мерпивецовъ, чшо нибудь другое, кромѣ боязни, заспавляло васъ подолѣ ошпанавливашься подлѣ блѣдныхъ лицъ жипелей гроба, вглядывашься въ ихъ неподвижныя, хладныя черпы; желалъ-бы подашь вамъ поводъ къ размышленію, задумчивосши на кладбищѣ....

Безпечность, съ какою смопримъ мы на жизнь за гробомъ, оскорбляешь меня глубоко, если она бываешь показана на кладбищѣ. Сердцу больно слышатъ смѣхъ, производимый въ носѣпидпеляхъ кладбищъ забавными эпипафіями, уродливыми изображеніями на гробницахъ, самыми гробницами, на кошорыхъ жалкое ничпюжесшво жизни сѣлишсь продлишь еще нѣсколько времени бышіе свое велхою позолошою, полинялыми красками, прозою и сшихами, вдохновенными карману какого-нибудъ горькаго писаки десятирублевою ассигнаціею!

Но почему только *смерть* должно возбуждать все это? Погребальное пѣніе, звучащее надъ гробомъ предка, слышимое нами надъ гробомъ собрата, не должно-ли шажко попрысать душу твою, безпечный слушатель? Помысли о томъ, что сіи звуки переживушь себя, что надъ твоимъ гробомъ также повесушся они привычною чередою? Такъ, и стоя близъ могилы, на которой нелѣпая надпись заславляетъ тебя смѣяться, почему не подумаешь ты: «Что-то на моемъ гробѣ напишешь попомокъ мой?» — Да, эта мысль иногда оледеняла-бы твою кровь, при соображеніи безцвѣтности прошедшей твоей жизни, и при взглядѣ на безвѣстную будущность твою! Разочшись при могилѣ собрата: по всѣмъ-ли векселямъ, выданнымъ на тебя судьбою, заплашилъ ты? Не задолжалъ-ли еще передъ самимъ собою, опцомъ, сыномъ твоимъ, другомъ, братомъ или ближнимъ?

Такая мысль пришла мнѣ въ голову, когда я уединенно бродилъ по кладбищу, въ прошедшемъ году, въ прекрасный лѣтній вечеръ. «Что» — думалъ я, приспально глядя на кости и черепы, выброшенные изъ могилы, которую оканчивалъ могильщикъ, напѣвавшій веселую пѣсню —» что, если-бы вы могли теперь рассказать мнѣ о расцѣпѣ вашемъ съ жизнью! Какой поучительный урокъ могъ-бы я передать людямъ, пересказавъ имъ просто слова ваши?»

Едва подумалъ я это, какъ замѣнилъ на другой сторонѣ могилы человѣка, шакже приспально смошрѣвшаго на выброшенные кости и черепы. Мы подошли одинъ къ другому. «Не одна-ли мысль занимаешь насъ?» спросилъ я у незнакомца.

— Не думаю — отвѣчалъ онъ. — Я пришелъ сюда не философствовать: я химикъ, и хочу испытать одно важное открытіе.

«Какое открытіе?» спросилъ я.

— Химическое — отвѣчалъ спокойно незнакомецъ.

«Вѣрно вы изобрѣли способъ умножать количество селистры, извлекаемой изъ земли кладбища?»

— О, нѣтъ! Если вамъ угодно, пойдешъ со мною, я вамъ все расскажу, и вы поможете мнѣ сдѣлать мой опытъ. Надобно вамъ знать — продолжалъ незнакомецъ, идя по кладбищу — что я имѣю у себя въ обладаніи драгоценную книгу рецептовъ мудраго Парацельса; но она писана гіероглифами, и читаешь ее весьма трудно. Къ сожалѣнію, иногда просидѣвъ годъ, разберешь какую нибудь статью, и она оказывается бесполезною. До сихъ поръ не дошелъ я еще до полезныхъ вещей, каковы, напримѣръ: химическое средство производишь золото; алхимическое средство бышь всегда веселымъ, и

проч. и проч. — Я знаю изъ книги Парацельса секретъ порошковъ, поередствомъ коихъ можно узнавать невѣрность мужчины или женщины; но скажите: куда мнѣ съ нимъ, когда мужа и жены перестали заботиться о вѣрности своихъ любезныхъ половинокъ, а любовники даже рады невѣрности любовницъ, и никто нынѣ не засмрѣлился и не засмрѣлилъ другаго за непостоянную вѣрность? Еще бесполезнѣ мой секретъ: узнавать честность людскую, ибо всѣ люди сдѣлались нынѣ такъ скромны, что никто не рѣшился на нескромную заботу испытанія своего ближняго. Таковъ и шопъ секретъ, который хочу я испытать здѣсь, и шеперь.

« Скажите, сдѣлайте милость...

— Самый пуспой секретъ: я составилъ особенную химическую клеенку. Спиошь повѣсяшь, или положишь ее на могилу, или надгробный памятникъ, и вдругъ изобразится на ней прошедшая жизнь челоука, въ могилѣ похороненнаго, и судьба его. Такимъ образомъ, эписафя скажешъ вамъ, кто и что онъ былъ, а клеенка моя, кто и что *могъ быть*...

« Эшо весьма любопытно.

— Мало-ли что любопытно, да бесполезно, оударь, бесполезно. Теряшь время по пуспому, на разсматриваніе жизни людей маленькихъ, когда и великіе уроки, Наполеоны, Кромвели,

Меншиковы, Сократы, Вашингтоны не поучаютъ насъ...

« Можешь бышь, именно потому, что они слишкомъ велики, и мы не можемъ ихъ приложить къ себѣ.

— Можешь бышь; только я увѣренъ, что за мой секретъ никто гроша мнѣ не дастъ... А вошь, кшати, какая-то гробница... — Незнакомецъ мой прочиталъ надпись :

« Подъ симъ камнемъ положено шло Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника и Кавалера, N.N., родившагося въ 1759-мъ, а умершаго въ 1802 году. Неушѣнная сунруга и дѣшми воздвигли ему сей памятникъ. »

Мы распянули химическую клеенку незнакомца на надгробномъ камнѣ Г-на Дѣйствительнаго Сташскаго Совѣтника, и вошь что изобразилось на ней чешкими буквами :

« N. N. провелъ весь свой вѣкъ въ пустомъ искашельствѣ чиновъ и опличій, распроилъ свое состояніе, хошѣлъ поправитъ его взятками, и умеръ подъ судомъ, оставивъ женѣ и дѣшмамъ разоренное имѣніе, долги, невѣжесство и погибель. Онъ могъ бышь добрымъ помѣщикомъ, хорошимъ опцомъ семейства, благодѣтелемъ овокъ сосѣдей, проживъ вѣкъ свой благополучно, и унесши въ могилу благословіе своихъ

близникъ. Для этого не надобно было опшу и машери набивашъ ему въ голову, что чины и опличія сославляющъ все счасіе человѣка: надобно было образовашъ, воспиташъ его, приучишъ къ тихой, семейной жизни, не посылашъ его, невѣжду избалованнаго, въ силолицу, гдѣ онъ вскорѣ узналъ, какъ выбивающъ чины крѣпкимъ лбомъ, для опличія женился на любовницѣ знашнаго барина, бѣгая по переднимъ забывалъ дѣтей, и не смѣлъ сказашъ слова мошовкѣ женѣ своей, пошому, что начальникъ его давалъ ему награды за ея любезносшь. Получивъ генеральство въ 40 лѣтъ, могъ онъ загладишъ старыя грѣхи своею доброю службом, но не хотѣлъ, и думалъ только о шомъ, какъ зашишъ прорѣхи своего сосполянія; будучи невѣждою, онъ не умѣлъ этого дѣлашъ, а нужда не дозволяла ему дѣлать, и съ шоски умеръ онъ, когда послали его въ Уголовную Палашу.»

— Какая новосшь! вскричалъ незнакомецъ. Я очень радъ, что узналъ досшосвѣрносшь моего секреташа, но къ чему это? А! вошь огромная, мраморная пирамида — Прочешемъ:

«Дѣвица Аглая N. N. поковшя подъ симиъ илѣннымъ памяшникомъ, въ надеждѣ грядущей жизни. Къ неушѣшной скорби родныхъ, скончалась она на 19 году жизни, родилась . . . , а день кончины ея былъ «. . . (я пропускаю чи-

сла). — На другой споронъ памяшника написанно было: *Атець Дочеръ*. — На шрешней :

Она цвѣла , какъ нѣжна роза ,
Увяла , будшо ошъ мороза ;
Несчастливъ жребій ея былъ ,
Простудный кашель погубилъ.

— Посмотримъ ! — сказалъ незнакомецъ , и на клеенкѣ его изобразились слова :

« Дѣвица Аглая была жершва слѣпой любви родительской . Она была прелестна , умна , и одна дочь у богатыхъ ошца и машери . Кружевами обшншы были ея подушки и одѣяльчы ; лежаршвами началось ея кормленье ; она не успѣвала ломашь богатыхъ игрушекъ , кошорны безпрешанно ей вновь покупали . Умъ ея сдѣлался своенравіемъ , красоша повела къ кокешству , и жизнь ея проходила наконецъ въ выѣздахъ въ гостни , и въ леченьи дома . Она умерла ошъ того , что изъ упрямства выпила спаканъ холодной воды , послѣ шести кадрилей , кошорны были ей запрещены . Она могла бышь женою одного молодого человекъ , кошорый любилъ ее искренно , не смощря на недоспашки , и умѣльбы исправиль ихъ , но онъ былъ бѣденъ , и родители Аглаи ошказали ему . Эшошъ юноша будешъ со временемъ знаменишымъ государственнымъ человекомъ , и Аглая , бывши его женою ,

сдѣлалась-бы примѣромъ знатной, добродѣтельной женщины. Она могла-бъ бытъ женою другаго челоуѣка, богатаго, съ дарованіями, и знатнаго, но онъ показался не блестящъ Аглаѣ. Третій женихъ ея онсчалъ самъ, поразглядѣвши ее вблизи. Впрочемъ, всего лучше было то, что Аглая скоро умерла: ей оспавалось жить до старости въ одиночествѣ, съ мигренемъ, спазмами, ревматизмомъ, кашлемъ, гнилыми зубами и головою болью, чему были причиною балы, пошворство, конфекшы, воспишаніе и лекарствъ.»

— Если болѣе эшого мы не узнаемъ на другихъ памятниклахъ, то не спѣишь труда чинать слова моей клеенки.

« Почему-же ?

— Потому, что кто-же не знаетъ того, что говоришь моя клеенка? Но вошь могила съ просшимъ деревяннымъ кресломъ. — « Госоди! приими духъ мой съ миромъ! Здѣсь лежишь пѣло мѣщанина N. N. » — Повѣсимъ нашу клеенку!

« Мѣщанинъ N. N. былъ сынъ пьяницы сапожника. Съ дѣтства казался онъ задумчивымъ, унылымъ, вѣчно занятымъ мыслями, выучился самоучкою чинать и писать, былъ бѣгъ оптомъ, за шо, что забывалъ за книгою шитье сапоговъ, и ненавидимъ шоварищами, за шо,

что не пилъ съ ними. Они смѣялись надъ нимъ, называли его *грамомтемъ* и *блѣоружкою*. Опець заспавилъ его жениться. Слухъ о немъ доходилъ до многихъ знатныхъ особъ и богачей. Многие призывали даже его къ себѣ, в одинъ изъ знатныхъ хопѣлъ даже на свой счетъ учить его, плаша опцу на содержаніе по 40 рублей въ мѣсяцъ, ибо безъ того, опець не соглашался оппустить своего сына въ школу, говоря, что ему надобенъ работникъ. Но въ тоиъ день привезли свѣжія усприцы, и богачъ забылъ о мѣщанинѣ-грамомтѣ. Бѣднякъ съ горя началъ пить, и вскорѣ попомъ умеръ въ совершенномъ опчаланіи, оставивъ пятерыхъ сиротъ безъ куска хлѣба. Это былъ геній, какихъ не много являеться въ мірѣ: онъ могъ бытъ впорымъ Ньюпомъ, или Аркрейпомъ, означить свое имя въ вѣкахъ, и доставить опечеству славу, или новые испочники богатствъ, смотря попому, какое направленіе взялъ-бы умъ его, погруженный въ ученіе. Геній безъ науки — лампада безъ масла. Образование сапожника спомло-бы не болѣе 4,000 рублей, ибо послѣ сей издержки онъ вполне развился-бы, былъ оцѣненъ, и никакія препяшствія не остановили-бы уже его на пути къ славі и чести. »

— Хмъ! жаль сапожника! — сказалъ незнакомецъ. Но зачѣмъ-же онъ пилъ? Я сомнѣваюсь

въ справедливости словъ моеѣ клеенки, пошому, что умъ узнается по шерпѣию, и лучше бытъ презвѣмъ савожникомъ, нежели пьянымъ гениемъ... А! вошь еще могла! чья это: «Коллежскій Совѣшникъ и Кавалеръ, Профессоръ въ, Директоръ, Совѣшникъ, Членъ»

«Онъ былъ сынъ одного дѣтца, и съ дѣтства оказывалъ удивительную способность къ повременному искусству. Но отецъ заставилъ его ходить въ школу, гдѣ розга принудила его выучиться азбукъ. Потомъ перулою вбили въ него Лапши, а черезъ десять лѣтъ непрерывнаго хожденя въ училища, сдѣлался онъ ученикъ, по есъ, зашвердилъ наизусть учебныя книжки, и потомъ сорокъ лѣтъ заставлялъ другихъ зашверживашъ сія книжки. Получая по числу лѣтъ чины, былъ онъ наконецъ Коллежскимъ Совѣшникомъ, по спаршинству годовъ избранъ былъ въ Директоры, а по очереди въ Совѣшники; чтобы не задержашъ младшихъ изъ-за него, сдѣлали его Членомъ. Онъ былъ совершенное изображение мѣльничнаго жернова: имъ верпѣли поварищи, начальники, жена; онъ мололъ все и всегда: съ кафедры науки, въ обществѣ вздоръ, что было у него одно и шже. Но онъ могъ бытъ чудомъ своего вѣка, вшорымъ Каремомъ, и каша, имъ изобрѣ-

шенная, переживешь память объ немъ, какъ настойка ерофеича пережила своего изобрѣшателя.»

— Воля ваша, а это сапира! — сказалъ незнакомецъ — моя клеенка, вѣроятно, изобрѣшена Парацельсомъ въ веселомъ духѣ. Но вопъ великолѣпный памятникъ:

«Здѣсь лежитъ шѣло Спашскаго Совѣтника и Кавалера N. N., скончавшагося,» и проч. — Говори клеенка!

— Онъ родился ошъ богатыхъ родителей, и не успѣлъ родиться, какъ былъ запеленанъ, закормленъ, залеченъ; не успѣлъ выучиться грамотѣ, какъ былъ записанъ въ военную службу; не успѣлъ узнать ея, какъ былъ направленъ за ремонтомъ; не успѣлъ получить втораго чина, какъ ошець женилъ его и умеръ, а жена записала его въ службу гражданскую, въ кошорой нѣкогда было ему собрать шрехъ идей, ибо его возили изъ клуба на балъ, съ визита на обѣдъ, ошъ виспа къ боспону, съ именинъ на похороны, изъ деревни въ городъ, изъ концерта въ театр. Онъ одурѣлъ, облѣнился; чувствуя свое невѣжество, былъ молчаливъ; зная свое богатство, былъ гордъ; желая оплечиться былъ подлъ; думая прославиться промолчался, и умеръ, обѣвшись Перигейскаго пирога. Если бы онъ родился въ бѣдности, шо былъ-бы вели-

кимъ Министромъ, ибо на 20-мъ году должно было развиться его огромнымъ способностямъ а характеръ его требовалъ всегдашнихъ препятствій, дабы душѣ его находилъ въ самомъ себѣ силы побѣждать препятствія...

— Довольно! — вскричалъ незнакомецъ — весьма давно давно извѣстно людямъ, и сказавъ вамъ подобныя исповѣданія, все равно, что *убить утенка*, по еслѣ, *портить его*, по извѣстной пословицѣ. — Онъ свернулъ свою записку, и спрячалъ въ карманъ.

«Вашъ секретъ удивительный!» — сказалъ онъ — «и думаю вы позволите мнѣ узнать составъ его для людской пользы.»

— Я открою его вамъ даромъ, потому, что мнѣ изъ него дѣлать нечего. Приходите ко мнѣ завтра по утру. Вотъ мой адресъ. — Незнакомецъ подалъ мнѣ свернутый вдвое клочекъ бумаги, и поспѣшно удалился.

Онъ правду сказалъ, что приходилъ на кладбище не философствовать. Онъ смотритъ на свое драгоценное открытіе, какъ химикъ-ремесленникъ, цѣнитъ его только по прибыли, какую можетъ оно принести его карману. Нѣтъ, надобно поскорѣе вырвать у него изъ рукъ драгоценность! Сколько нравственныхъ уроковъ, сколько мыслей можетъ явиться намъ послѣ такой прогулки по кладбищу!

Такъ думалъ я, ошавшись одинъ , и развернулъ адресъ незнакомца. Вообразите мою досаду : я увидѣлъ клочекъ бѣлой бумаги ! Вроиспно, ошибкою ошдалъ онъ его мнѣ — и я не зналъ : гдѣ найдши обладашеля Парацельсовой книги?.. Напрасно послѣ шого искалъ я его , спрашивалъ о немъ.

Впрочемъ , не правъ-ли опчаспи и химикъ мой ? Развѣ и безъ Парацельсовой клеенки не опкрыша передъ вами книга нашей и ближнихъ нашихъ жизни ? Развѣ слова клеенки не сосшавляюшъ шого , что всѣ мы знаемъ , или можемъ знать , если шолько захошимъ ?

Еще болѣе : люди нарочно не хошашъ 'знать что они суть , и чѣмъ могли-бъ быть. Имъ нравшся ихъ безошчешное жшсье въ мшрѣ. Развѣ совѣсть и опытъ не Парацельсова химическая клеенка ? Развѣ она и онъ не пишущъ для людей , что они могутъ и могли-бъ быть ? И пришомъ , клеенка говоршшь мершвымъ , для кошорыхъ все уже кончено , а совѣсь и опытъ говоршшь живымъ , у кошорыхъ во власши будущее... Люди придумали для оправданія своего оспроумную , прекрасную ошговорку : Судьба !.. Парацельсова клеенка показываешъ , какъ несправедливо , большею частшю , складываюшъ люди на Судьбу свои шалоспи и глупоспи...

Однакожь, можеть спашься, мнѣ надобно даже порадоваться, что я не узналъ секретша Парацельсовой клеенки, ибо легко сбылось-бы, что добрые люди упошребили-бы ее не, на исправленіе, но на осмѣяніе себѣ подобныхъ; по крайней мѣрѣ, шеперь мершвыи можеть лежать спокойно, по старинной Лашинской поговоркѣ: De mortuis aut bene, aut nihil (о мершвыхъ, или не говори ничего, или говори только добро)... И такъ — все къ лучшему...

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи предсталиены были
въ Цензурныи Комитетъ три экземпляра. Москва,
Марта 10 дня 1832 года.

Цензоръ и Кавалеръ Левъ Цветаевъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

XXXVI-й части:

Стр.

Объ умственномъ воспитаніи дѣтскаго возраста. Соч. И. М. Ястребцева.....	3,135,269	
Изъ Писемъ къ брату, по Вятской губерніи. Соч. П. А. Слоцова.....	26	✓
Письма изъ Греціи въ Парижъ, въ 1829-мъ го- ду.....	94,263,374	
О лунномъ затмѣніи 1831 г. въ Февраль мѣсяць. Соч. Ѳ. А. Семенова.....	114	
Догадки объ Исторіи Русскихъ Сказокъ. Соч. М. Н. Макарова.....	157	✓
Системапическое обозрѣніе всѣхъ языковъ земна- го шара. Изъ <i>Этнографическаго Атласа</i> , соч. А. Вальби.....	272,404	✓
Двѣ грамоты, отъ Папріарха Іоакима, къ Іосифу, Архіепископу Коломенскому и Каширскому, пис. въ 1657 году.....	284	✓
Свадебные обряды крестьянъ въ Саратовской гу- берніи (Статья Г-на Леопольдова).....	386	✓
Могила Наполеона.....	411	✓
Письмо Графа Альфреда де Виньи, къ Графу ***, Лорду ***.....		
Наказъ подъячому Никипѣ Алексѣеву, посланному въ Польшу, въ 1680 году.....	522	✓
Снимокъ Наполеонова почерка.....	528	
Корреджіо.....	532	
Цыганка. Повѣсть (соч. В. П. Даля).....	36,165	✓
Отрывки изъ романа: <i>Последній Новикъ</i> . Соч. И. И. Лажечникова.....	185	
Домовой-Песочникъ. Повѣсть Гофмана.....	302,464	✓

ВБОРЫ.

- Aleg-Bibliothek*, etc. (*Волшебная библиотека*, или о волшебствѣ, и проч.). Соч. Конрада Горста, Майнцъ, 1826 г. 6 ч. 58
- Histoire de la conquête de Grenade*, etc. (*Исторія завоеванія Гренады*. Соч. Вашингтона-Ирвинга; пер. съ Англ., Парижъ, 1830 г. 2 ш. in 8). 207, 338
- Уголовное Уложеніе Кипайцевъ. Переводъ Сира Г. Спаунсона Л. 489
-
- Современная Русская библиографія... 72, 238, 358, 511
- Парижскіе Театры. *Пертинаксъ*, Трагедія Арно—*Катерина Медити въ Блуа*, Драма Л. Арно (*оконтаніе*)..... 103
- Опечесивенныя извѣстія (Московскій Архивъ Коллеги Иностранныхъ дѣлъ)..... 122
- Изъясненія карпинокъ..... 131, 293, 415, 536
- Смѣсь..... 132, 295, 418, 537

Новый Живоп. Общ. и Литт. № 21, 22, 23, 24.

Сумасшедшіе и несумасшедшіе.

Предсѣдатель и Совѣшники.

Кладбище или чѣмъ былъ, чѣмъ могъ быть. —

При семь помѣ находящся : *изображеніе лунныхъ затмѣній*; *рисунокъ къ статьѣ И. М. Ястребцева о Воспитаніи*, и *скилокъ Наполеонова потерка*; *два изображенія новомодныхъ Парижскихъ мебелей и экипажей*; *два отерка съ картинъ Герико и Вернета*, и *одна картинка Парижскихъ, дамскихъ, модъ*. — *Въ замѣну остальныхъ пяти картинокъ Парижскихъ модъ*, приложены: 1, *портретъ Сикара*, 2, *отеркъ съ картины Риццара*, 3, *изображеніе могилы Наполеоновой*, 4, *портретъ Корреджіо*, 5, *отеркъ статуи Вашингтона*.

APR 30 1937

